

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

В. И. БЕЛОВ,
Ю. В. БОНДАРЕВ,
В. Г. БОНДАРЕНКО,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Г. М. ГУСЕВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Д. А. ЖУКОВ,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Г. РАСПУТИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
С. Н. СЕМАНОВ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ

Проза

Алесь САВИЦКИЙ
Лесная пристань. Роман 5

Вера ГАЛАКТИОНОВА
Спящие от печали
Повесть 53

Камиль ЗИГАНШИН
Боцман. Повесть 109

Поэзия

Владимир НЕЖДАНОВ
Весною дышащий простор 3

Валентин СОРОКИН
Скоро боль
в груди моей растает... 50

Николай АЛЕШКОВ
Такой простор,
что душу ломит... 106

Поэтическая мозаика 132

Память

Владимир СЕМЕНОВ
Пропавший герой 244

Очерк и публицистика

Николай РЫЖКОВ
"Савченко —
руководитель от Бога" 144

Михаил ДЕЛЯГИН
Что должен сказать России
её президент 148

Валерий БАДОВ
Ябеды
американскому дядюшке 161

Леонид ФУРСОВ
Церковь и государство в судьбах
обездоленных 165

Сергей ДЯТЛОВ
Православные основы
русской экономики 173

Игумен Георгий (ШЕСТУН)
Место мужчины
во вселенской иерархии 181

Редакция

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

В. Д. Попов —
зам. главного редактора —
(495) 625-02-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

С. С. Куняев —
*зав. отделом критики,
отдел поэзии* —
(495) 625-41-03

Отдел публицистики —
(495) 625-30-47

Н. С. Соколова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Наталья ПЕСТОВА
*Мать в семье создаёт мир
Беседа*
со схимонахиней Марией 187

Николай КОНЯЕВ
*Инвентарный номер
ДРЖ-2093* 191

Сергей ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ
*Грозный царь:
известный и неизвестный...* 217

Станислав КУНЯЕВ
Жрецы и жертвы Холокоста 250

Свет разума

Владимир КРУПИН
Там, где прошли стопы Его 198

Критика

Илья КИРИЛЛОВ
Кукушки и карлики 265

Книжный развал

Владимир ГУМИНСКИЙ
Диалог с ангелом 276

Наталья МАСЛЕННИКОВА
Родная речь 279

Андрей ВОРОНЦОВ
*“Лучше быть виноватым,
но честным”* 283

Письмо в номер

Накануне
“ювенальной” катастрофы 287

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов

Операторы: Ю. Г. Бобкова, Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова

Корректор: С. А. Артамонова

Зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Сдано в набор 04.03.10. Подписано в печать 30.03.10. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,2. Уч.-изд. л. 22,56. Заказ № 1088. Тираж 9000 экз.

Адрес редакции: Москва, 127051, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес журнала в интернете: www.nash-sovremennik.ru

E-mail: n-sovrem@yandex.ru

(Рукописи по e-mail не принимаются)

Отпечатано в типографии ОАО “Издательский дом “Красная звезда”,
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38. www.redstarph.ru

ВЛАДИМИР НЕЖДАНОВ

ВЕСНОЮ ДЫШАЩИЙ ПРОСТОР

ПАСХА

Пасха красная Господня!
Пасха красная! Сегодня
На всю родину гремит
Хором “Славься!” колоколя —
Там, где радуга звенит!
Просыпается природа,
Ранней птахою поёт.
Сколько ж русского народа
В Божьем празднике живёт!
Бьют колокола поклоны
На хоругви и иконы,
На пасхальный крестный ход,
И ведут свой хоровод
От зари и до зари...
В небе радугу на звоны
Разобрали звонари!
И звонят “Христос Воскресе!”
Города Руси и веси.

НЕЖДАНОВ Владимир Васильевич родился в 1950 году в подмосковной деревне Кривцово Солнечногорского района. Служил в армии. Работал редактором в издательстве “Современник”. В настоящее время служит священником в храме Рождества Пресвятой Богородицы в селе Льялове Московской области. Автор пяти стихотворных сборников. Член Союза писателей России. Живёт в подмосковном посёлке Менделеево.

* * *

Рванулись в рост деревья, травы!
Здесь безоглядную весной
собора праздничные главы
парят над тягою земной!

А с неба капает, как с крыши!
Чем больше смотришь на собор,
тем воздымается всё выше
весною дышащий простор!

И хор гремит в световороте,
парит и манит высотой,
и птица в солнечном полёте
на самой верхней, чистой ноте
обводит купол золотой!

ЗАПАХИ

Забутые запахи летнего детства —
Распаренной зноем душистой травы,
Горячей крапивы, прохладной листвы,
От них никуда мне теперь уж не деться —
И не надышаться и не наглядеться!
Они разнеслись — жизни прожитой вслед —
Смородинный, вишневый, липовый цвет...
На свете так пахнет и благоухает
На всю мою жизнь и на весь белый свет —
Душа моя, Господи, так отдыхает!

А звёзды, как ландыши, пахли тогда...
От ветра ночного — подвластны мгновенью —
Они вдруг вернуться, былые года,
Когда ещё белою пахли сиренью!..
Которой, быть может, давно уже нету,
А запахи бродят и бродят по свету
По юной, когда-то забытой весне,
По дальней и всё же родной стороне,
Тревожа и душу, и жизнь бередя,
Меж запахов прежних родных не найдя...

ОБЛАКО

Я воздух вдыхаю, в котором
Беспечная птица поёт,
И облако белым простором
Во мне начинает полёт.

Вот кружит над лесом и долом,
Такая раскинулась тишь!..
И небо становится взором,
Когда в небо долго глядишь.

Душа устремляется следом —
Твои здесь бывали мечты!..
И взор твой, наполненный небом,
На землю глядит с высоты.

И вслед — на высокую гору
Твоя поднимается плоть,
Но душу, открытую взору,
Один только видит Господь.

65 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

АЛЕСЬ САВИЦКИЙ

ЛЕСНАЯ ПРИСТАНЬ

РОМАН

Настя открыла глаза, испуганно глянула в окно.

Нет, не приснилось: снова, как вчера, когда эшелон обстреляли фашистские самолёты, хрипло и натужно кричал паровоз. Но, кажется, не слышно пронзительного рёва моторов, только глухо татакают колёса, поезд мчится бешено, словно убегает от широких и колючих лучей огромного огненного солнца, которое провалилось в чёрную нору между трубой одинокой хаты и коньком высокого сеновала, крыша какая-то чёрная, и такого же цвета крыша сеновала, а конёк на ней удивительно блестящий, с острыми, как лезвие, краями, и солнце на нём как будто плавится.

— Что, доченька? — сказала мать, её голос был похож на далёкое невыразительное эхо. — Станция горит?

— Нет никакой станции, мамочка, и пожара нет. Это солнце садится. Хутор под лесом вижу, там оно и садится.

САВИЦКИЙ Александр Онуфриевич (Алесь Савицкий) — ветеран Великой Отечественной войны, командир подрывной группы партизанского отряда “Большевик” и участник взятия Берлина. Известный белорусский писатель, в своих произведениях раскрывший героические и трагические события Великой войны. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь. Живёт в Минске. Новый роман писателя “Лесная пристань” публикуется в журнале при участии Международного общества писательских союзов (МСПС).

Перевод с белорусского Нины Чайки.

— На хуторе, может, водичка есть. Побегу, дочушка, если недалеко, ох как хочется пить.

— Остановится поезд, тогда и принесу, а сейчас никак не получится, поезд, видишь, как мчится.

— А ты Павлика попроси, он принесёт.

— Мамочка, какой тебе Павлик?

— Да вот же Павлик — стоит рядом с тобой. Павлик быстрый, мигом принесёт.

— Грач не едет с нами, мама, он только нас в вагон посадил, а сам поехал в машине.

— На какой машине, зачем ты меня обманываешь? Вот же он стоит рядом с тобой.

Настя поняла, что мать бредит...

Она слышала вагонный шум, и татаканье колёс, и сильный гудок паровоза, и голос своего отца, он что-то быстро говорил им обоим, на ходу застёгивая ремни новенькой портупеи, поправляя гимнастёрку и одновременно давая какие-то советы. Она видела мать, которая, словно раненая птица, металась по комнатам, и слышала, как с сухим шипением плавится красное огненное солнце, засевшее между трубой хуторской хаты и коньком сеновала. До неё доносился весёлый голос Павла Грача, который заговорщицки грозил ей скрученной в руке пилоткой: нельзя стоять у кабины. И снова отец искал что-то в письменном столе, повторяя одни и те же слова: это война, это война!

И вот Настя уже не в вагоне поезда, а в машине, которая катит по просёлочной дороге. Только не понимает, почему этот молодой военный по фамилии Грач недоволен ею, почему требует, чтобы она не стояла около кабины, а сидела на соломе и помогала трём раненым красноармейцам. Один из них, в комсоставовском галифе, запylённых хромовиках и в гимнастёрке с оторванным воротником, всё пытается приложить забинтованную руку к кобуре, беспомощно висящей на ремне с широкой медной пряжкой.

Он благодарно принял помощь, внимательно следя за каждым её движением, потом поблагодарил, назвав по имени-отчеству. Настя очень удивилась, откуда этот военный знает её? Но расспрашивать было как-то неудобно, потому что офицер, который только что назвал её по имени-отчеству, вдруг откинулся к борту машины, опрокинул голову и закрыл глаза, словно глубоко уснул.

Грач засунул свою пилотку за ремень, наклонился над Настей, нахмурил густые чёрные брови:

— Ты что, политрука нашего знаешь?

— А это у него надо спросить, откуда он меня знает.

Чёрные глаза Грача вспыхнули подозрительно, голос его прозвучал строго и сухо:

— Черкас его фамилия, — он замолчал, поджав губы, словно сказал лишнее, о чём не следовало говорить.

— С Клавой Черкас мы в институте учимся. У неё брат Андрей. Я это хорошо знаю.

— А документы у тебя есть? — как-то неуверенно спросил Грач.

— Документы? Они у мамы в сумочке.

Грач, пытаясь заглянуть в кабину, наклонился за борт, но в это время машину тряхнуло на выбоине, он упал на солому рядом с Настей, заглянул в её глаза и весело рассмеялся:

— У меня даже душа в пятки ушла: неужели не семью Стрижакова, военкома своего, а кого-то другого ты, товарищ Грач, в горячке прихватил. Да меня за эту ошибку...

— Нет, вы не ошиблись, вы прихватили кого надо. Как же мама обрадовалась, когда вашу машину увидела! Мы уже всякую надежду потеряли, хотели на станцию пешком идти.

— Ну что ж, раз так, значит, вы спаслись.

И Грач так легко вздохнул, что Настя впервые за это утро улыбнулась. Но тут же смутилась, встретив радостный взгляд раненого. Она узнала эти

большие синие глаза и, всё ещё не веря неожиданной встрече, вскрикнула, не скрывая своего волнения:

— Андрей! Это же чудо какое-то. А я не сразу узнала вас.

...В институте отмечали Международный женский день. Как всегда, было много молодёжи. Андрей приглашал её на все танцы, а в конце вечера попросил разрешения проводить домой.

Какая ошеломляющая тишина стояла на улицах! Весна была на диво теплой, с Двины дул ласковый ветерок, рядом с ней был красивый молодой человек, и сердце билось в предчувствии чего-то необыкновенного...

Вдруг Настя почувствовала, что Грач не слушает её, он весь напрягся, что-то отвлекло его. Неожиданно из-за берёзовой рощи вынырнул самолёт со свастикой на крыльях, казалось, он вот-вот врежется в них.

— Стой, воздух!

Грач стучал по кабине, приказывая шоферу остановиться. И, не ожидая, когда тот остановится, прыгнул вниз, буквально выхватил Настю из кузова, затем стал помогать её матери. Настя видела всё, что происходило в машине. Один из раненых беспорядочно стрелял, Грач тоже, прислонившись к кузову, старательно вёл прицельный огонь по немецкому самолёту.

Настя от испуга бросилась к матери, та инстинктивно прижала её к себе, стараясь защитить. Земля содрогнулась, где-то рядом раздался оглушительный взрыв, и одновременно с ним Настя услышала дружное “ура”.

Грач подбежал к реденькому беловатому кусту лозы, под который толкнул Настю с матерью. Размахивая руками, он возбуждённо кричал:

— Ты видела, я ссадил его, он упал, он горит!

Над берёзовой рощей, в той стороне, где ещё недавно ехала их машина, поднимался широкий крутящийся шлейф дыма. Все смотрели в ту сторону.

— Он был подбит раньше, — неожиданно прозвучал голос Андрея, — потому и не обстрелял нас. Не до того было.

— Нет, это я его ссадил, — взвился Грач. — Я целился прямо в лётчика, даже морду его видел. С такого расстояния невозможно промахнуться, — и Грач, высоко подкинув винтовку, ловко поймал её в воздухе.

Шофёр, стоя на подножке машины, нервно требовал:

— Надо ехать, надо ехать!

И снова бил в лицо ветер, развевая волосы, и Настя, стоя на коленях в кузове, всё время приглаживала их рукой.

Напротив деревянного станционного строения стоял поезд, переполненный беженцами. Нечего было даже пытаться влезть в него, но это совсем не смутило Грача. Он высадил Настю с матерью около низенькой чугунной ограды, над которой нависла серая от пыли акация, приказал сидеть и ждать его.

Вдруг шумно засопел паровоз, и почти одновременно с его гудком в конце привокзальной площади появилась знакомая полторка. Поднимая светлую пыль, она подкатила к ограде и остановилась в реденькой тени старого тополя. Из кабины выскочил Грач, схватил узлы:

— Бегом! Бегом!

Пробежав узенький перрон, он нырнул под вагон, и снова побежал, смешно подпрыгивая на шпалах. Настя с матерью едва поспевали за ним. Вот он остановился в тупике около пустого обшарпанного вагона.

— Скорее залезайте, — командовал Грач, бросая в тамбур узлы. — Сейчас этот вагон подцепят к составу.

— Ваши раненые тоже тут? — спросила Настя.

— Нет, они в госпитале, здесь неподалёку полевой госпиталь.

Грач быстро побросал вещи в вагон, подошёл к Насте, сжал её руку и, пронзительно глядя в глаза, будто вбивая в её сознание каждое слово, произнёс:

— Кончится эта круговерть, я найду тебя. Слышишь, я найду тебя в твоём институте. Ты меня поняла?

Настя кивнула головой. Вскочив в вагон, она рванулась к окну, чтобы увидеть Грача, но тот словно провалился сквозь землю, а к вагону уже рвалась шумная, обезумевшая толпа. Настя не успела опомниться, как людская

волна оторвала её от окна и поволокла вглубь вагона. Мать едва успела схватить её и втянуть в купе, которое через миг было переполнено беженцами...

На рассвете её разбудил шум колёс. За окном мелькали деревья, кусты, придорожные столбы. Мать спокойно посапывала, пристроившись на узлах. И Настя, глядя на неё, снова уснула.

Проснулась она от какого-то непонятного, страшного шума. В вагоне была жуткая паника, его сильно бросало из стороны в сторону, безумно татакали колёса, надсадно и отчаянно гудел паровоз. Матери рядом не было. Настя бросилась её искать и быстро нашла в конце вагона. Мать была бледной, растерянной. Какая-то женщина перевязывала ей ногу...

Мать снова застонала:

— Воды, воды, мне так пить хочется, доченька, дай мне бутылочку.

— Пустая бутылочка, мама, давно пустая. Я у людей просила, но воды ни у кого уже нет. — Сердце Насти переполняла жалость и невыносимая боль. — Как только остановится поезд, я найду воду, налью и бутылку, и бидончик. Потерпи ещё немного.

Поезд снова резко дернулся, затрещали рамы, пополз едкий сероватый дым, где-то недалеко послышались глухие взрывы. Началась паника, крики:

— Бомбят! Самолёты! Надо бежать из вагона!

Мать приподнялась, глаза её были широко открыты, голос звучал рассудительно, без паники, спокойно:

— Беги из вагона, доченька. Только беги в лес, чтобы не на открытом месте.

— Мама, это кому-то показалось спросонья. Вот все и бросились.

— Но ведь мы стоим? Правда ведь?

Настя поправила повязку на ноге матери, глянула в окно:

— Да, мы остановились, и почему-то в чистом поле. Хотя нет, на той стороне насыпи вижу хутор.

Настя пыталась говорить спокойно, но это ей не удавалось. Теперь, когда состав остановился, в вагоне просто нечем было дышать.

Шум усиливался. Люди рвались к окнам, дверям, пытаясь понять, что происходит на насыпи. Настя вскочила и бросилась к выходу. Но мать остановила её:

— Никуда не пуццу!

— Но ты же просила воды. Я наберу около моста.

Вот и спасительная дверь. Она глянула вниз и поняла, что придётся прыгать, а там, на насыпи, в панике навстречу друг другу рвалась людская волна. Вцепившись в холодные поручни, Настя повисла на некоторое время, затем, зажмурившись, бросилась вниз, словно в бездонную пропасть... Потом кинулась бежать, кубарем скатилась вниз, затем быстро векарабкалась по крутому откосу, на котором росли реденькие сосенки. Пробежав вдоль ровного клина жёлто-белой ржи, продралась сквозь узкий лаз молодого боярышника и увидела колодец. Но тут прямо на неё пошёл здоровенный верзила с граблями в руках, в рваной рубашке и чёрных штанах, залатанных на коленях.

— Куда? — выверился он. — Прут как ненормальные, и все к моему колодцу...

— Мне капельку, — Настя подняла бидончик и показала ему.

— Там, — мужчина показал граблями в сторону зарослей боярышника, посмотрел зло, даже с ненавистью. — На дорогу выскочишь, беги по ней, сверни влево, упрёшься в ручей, вода в нём чистая.

И Настя снова побежала, пробираясь сквозь густо растущий боярышник. Его острые как иглы колючки ранили ноги, цеплялись за подол юбки, но она не замечала этого, бежала и бежала...

Заросли кончились внезапно, и открылась просёлочная дорога. Свежий колёсный след вился между серыми камнями.

Вот и ручей: перегороденный на две части каменной плотиной, плещется под старой разлапистой вербой. Настя кинулась к нему и стала быстро набирать бидончик, другой рукой жадно черпала прозрачную воду, чтобы самой утолить невыносимую жажду. Вода была холодной и мягкой на вкус.

Напившись, она рукой долила бидончик до краёв, плотно закрыла его, затем опустила в ручей бутылку. И только тут оглянулась... Как же здесь хорошо, тихо и прохладно! Настя опустила уставшие ноги в ручей, вода ласкала и придавала им силу. Она забылась и словно оцепенела от этой прохлады и от тишины, которая стояла вокруг...

В той стороне, где был железнодорожный состав, пронзительно-длинно загудел паровоз.

Настя сразу всё поняла и не своим голосом закричала:

— Эшелон! Наш эшелон уходит!

Выскочив из воды, подхватив сандалики под мышку, Настя босиком бросилась бежать к поезду.

Паровоз снова коротко свистнул, заскрежетали вагоны, состав медленно вздрогнул и стал набирать скорость. Настя увидела движущийся состав и поняла, что поезда ей уже не догнать.

— Остановитесь! Подождите! Там моя мама!

Она так надрывно и громко кричала, что сама испугалась своего голоса. Её крик вернулся к ней незнакомым эхом, за которым слышались страшные взрывы.

Вслед за разрывами она увидела самолёты, которые пронзили жёлтое небо, чёрные кресты высветились на их крыльях, а страшный гул подтвердил, что они только что сбросили свой смертоносный груз, который у неё на глазах разворотил насыпь и, словно щепки, разбросал в разные стороны вагоны...

Земля вздрогнула и закачалась под ногами. Настя упала, потеряв сознание.

Птаха весело скакала по веткам боярышника, косо поглядывая на Настю, словно хотела понять, почему и зачем лежит здесь, в её владениях эта красивая девушка, почему не шевелится, не открывает глаза?

— Где это я? — Настя удивилась, как странно звучит её голос. Птаха быстренько юркнула под ветку и замерла, наклонив головку набок...

“Бежала, эшелон бомбили... Меня чем-то ударило, бросило на боярышник, потом на камень, кажется...”

Настя сидела на краю глинистого косогора, который был буквально усыпан чем-то белым, и с ужасом смотрела на искорёженные рельсы, сиротливо черневшие на шпалах. Смотрела, не узнавая местности, не понимая, куда она попала. Вагонов нет. Только по луговине разбросаны какие-то тряпки, кастрюли, чемоданы, одним словом, всё то, что совсем недавно было с трудом размещено в вагонах, и чем люди так дорожили. Всё вокруг тонуло в какой-то непонятной туманной мгле, в горло лез удушливый запах гари. Немного ближе, по правую сторону насыпи, громоздился железный лом, в который, словно глаза какого-то страшилища, вдавлены чёрные колеса — по парам, словно связанные или посаженные на чёрные большие штыри...

Настя бросилась вниз с косогора, вскочила на насыпь, но правая нога вдруг соскользнула со шпалы, провалилась в мелкий песок и подвернулась, словно переломилась, и Настя плашмя упала на рельс. Надо было спешить, Настя с трудом поднялась и, прихрамывая, медленно пошла по шпалам.

Она брела по насыпи, на которой лежало вместо четырёх всего лишь два рельса. Внизу чернели глубокие ямы-воронки, в которых белели какие-то тряпки, бумага, скрученные лохмотья, чернели разодранные чемоданы. Вдруг лохмотья зашевелились, или ей это показалось, из них высунулась чья-то рука, пальцы шевелились, словно кто-то там, в этой яме, звал Настю...

Она отвернулась от этой шевелящейся руки; бежала, тяжело дыша, изредка начинала считать шпалы и тут же бросала, потому что это отвлекало её, мешало следить за тем, что происходит вокруг. Вдоль насыпи стоял всё тот же сосняк, как прежде густой и чёрный, над которым завис узкой полосой светлый полог. Незаметно полог расширился, приблизился, и Насте показалось, что впереди, совсем близко, движется что-то тёмное...

“Вагоны! Я догнала поезд!”

Настя бросилась вперёд, пробежав несколько шагов, остановилась, словно наткнулась на что-то острое — перед ней стояло небольшое деревянное строение. Не поезд это вовсе, и нет здесь никаких вагонов, — будка стрелочника одиноко горбилась около насыпи. Откуда здесь переезд? Но ведь ей это не кажется, перед ней действительно железнодорожная будка.

— Есть кто-нибудь?

Дверь тихо скрипнула, и Настя, вздрогнув, прижала к груди холодную бутылку. От неожиданного прикосновения по всему телу поползли мурашки, сердце испуганно забилось:

— Есть тут кто-нибудь? — повторила Настя, теперь уже неуверенно и с тревогой.

Ветер с насыпи сюда не долетал, но дверь снова приоткрылась, на этот раз медленно и беззвучно. С правой стороны будки послышался вначале далёкий приглушённый гул моторов. И там же, за макушками деревьев, но, правда, далековато, она увидела две яркие вспышки.

“Самолёты повесили ракету. Так было и вчера... А потом бомбили...” Сердце сжигала горечь — какую-то будку за вагоны приняла! Настя следила за осветительными ракетами и чувствовала, как сгорает, исчезает в душе надежда. Что ждёт её тут, около этой будки!? А вдруг в будке сидит злодей?.. Ракеты скользнули последний раз по макушкам деревьев, и будку со всех сторон окутала темнота. Но вот огненные шары выплыли из ночной темноты снова, и оттуда, будто из-под земли, стали нарастать глубинные взрывы, земля под ногами вздрагивала, словно качалась на волнах.

Тревога скрутила больно и остро. Но теперь тревога шла не из раскрытой настежь двери, а из-за леса, из той жуткой, опалённой огнём выси. Осветительные ракеты уже не раскачивались, а быстро и ровно ползли над лесом и вдруг остановились, уселись на верхушки деревьев. “Надо в будку! Там спасение!”

Кровавый огонь угасал за окнами, но в будке становилось светлее — глаза обвыклись в темноте, и она стала оглядываться. У окна — узенький столик, справа от входа, около стены, — короткая скамейка. Настя присела на скамейку, вздохнула и вдруг почувствовала сильный запах хлеба. Только теперь поняла, что не ела с тех пор, как они с матерью отправились в эту дорогу, которая так странно окончилась для них да и окончилась ли ещё?! А вот и хлеб, на столике, под газетой, хорошая такая горбушка. Торопливо, отламывая кусок за куском, Настя жадно глотала, не разжёвывая, удивляясь тому, что впервые в жизни ест такой необыкновенно ароматный, вкусный хлеб.

“А где — знать бы! — Грач теперь?”

Настя прижалась к холодному стеклу, стала всматриваться в угасающее зарево. Рельсы блестели холодным светом, они словно приподнялись над землёй, и вдруг над ними метнулись тени.

“Волки! Это же волки!..”

Стараясь разглядеть, что происходит там, на насыпи, Настя сильно прижалась лбом к стеклу. С треском отлетела пересохшая замазка, стекло со звоном рассыпалось под окном будки. Чёрные тени метнулись, словно подскочили на тёмной полосе насыпи, и исчезли в молодом сосняке.

Осмелев, Настя высунула голову из окна. На желтеющем небе не было видно ни одной звезды, начинало светать. На лицо, словно мокрая марля, упала холодная морось. Как хорошо, что на её пути оказалась эта будка, которая, быть может, уберегла её ещё от одной страшной беды — встречи с волками.

Думая о том, что всё сделала правильно, Настя окончательно успокоилась, села на скамью, прислонилась к стене. Скамейка была жёсткой, стена холодной, но её надёжность расслабляла, страх постепенно исчезал. Она забылась смутным и тревожным сном...

И вот снится ей куст беловатой лозы, под который толкнул её Грач. Смелый, решительный этот лейтенант. Но ведёт себя как-то странно, всё словно о чём-то просит. А смотрит в сторону, на реденький забор из длинных черных штакетин. Забор весь сломан, ворота в чёрных проломах. Вишняк за

забором весь согнутый, перекрученный, листья коричневые, и позванивают, словно из жести. За вишняком пепелище, посреди которого торчит высокая, внизу и вверху чёрная, а посередине белая труба. За вишняком на пепелище ходит и ходит, словно привязанная, какая-то женщина. И одежда на ней знакомая, забинтованная нога....

— Мама! Мама! Мама!

Кажется, позвала громко, настойчиво, но та не отозвалась, даже не вернулась, а медленно пошла в конец сада, где чернели заросли боярышника. Оттуда выполз маленький, как игрушка, железнодорожный вагон, красная его крыша маслянисто блестя. Грач толкает этот вагон, он катит его прямо к пепелищу.

Мать идёт навстречу Грачу, говорит ласково:

— Спасибо тебе, Павлик! В счастливый вагон ты нас посадил: ни одна бомба его не зацепила...

Настя встрепелась, будто и не спала. Она напряжённо вслушивалась в частый стук испуганного сердца. Какой странный и удивительный сон! Сколько же она спала? Уж очень светло в будке. Значит, ночь прошла. На переезде слышатся торопливые приглушённые голоса. Там кто-то есть, и они о чём-то спорят.

Придвинувшись к окну, Настя увидела подводу, потом другую, которая медленно выползала из густого тумана, а поэтому была едва заметной. Она испуганно отпрянула от окна, но это движение было мгновенно замечено.

— Эй, там, в будке! Не прятаться, бегом ко мне!

Через разбитое ночью стекло Настя смотрит на человека, который шёл к будке.

— Кто там, Шаплько? Веди сюда, пусть дорогу покажет.

Не приказ ошеломил, а голос, долетевший с переезда. “Грач это!”

Настя бросилась к переезду, остановилась около первой подводы. Где же Грач? Или ей всё это показалось? Нет, не показалось, вон он стоит около второй подводы.

Грач оторопело смотрел на Настю. Были в его взгляде и радость, и удивление, и непонятная боль, и жалость.

— Не чудо ли это!? Как ты здесь оказалась?

Он положил каску на подводу, на которой устранив горбился пулемёт, какие-то предметы и вещи явно военного назначения, тут же в повозке лежали раненые.

Насте хотелось рассказать, о том, что приключилось с ней вчера, что пережила она ночью в этой заброшенной будке, о маме, которая едет сейчас в уцелевшем под бомбёжкой вагоне.

Но мысли путались, слова насакивали друг на друга, она чувствовала, что не может спокойно рассказать обо всём, что приключилось с ней, и оттого ощущала себя глупой и смешной.

Но Грач, кажется, ничего этого не замечал, что-то другое, более важное, занимало его внимание. Слушая сбивчивый Настин рассказ, он бросал взгляд то на блестящие в утреннем свете рельсы, то на тёмный бор, в котором выразительно высвечивались толстые стволы сосен. Туда, под спасительные лесные чащи сворачивает с просёлочной дороги узкая зелёная тропка, и Грач показывает на неё рукой:

— Двигаемся по ней! Лабук и Зуев — в голову колонны! Обо всём медленно докладывать! Шаплько — на дорогу!

— А зачем в лес сворачивать? — искренне удивилась Настя. — Почему не по этой, наезженной? Ведь она, как мне кажется, — на Полоцк?

— Разве не слышишь? — Грач глянул на Настю, как ей показалось, даже с раздражением: — Ты что, не слышишь: гудят машины. По лесу машинами они не больно-то разгонятся.

Настя только сейчас уловила едва слышный шум моторов, снова посмотрела на Грача, не скрывая удивления.

— А зачем убегать от машин? На машинах мы быстрее до станции докатим.

Рукавом гимнастёрки Грач вытер потный лоб.

— Мы со станции той еле ноги унесли — там фашистские танки хозяйничают.

— Танки? Откуда танки? Там же наш поезд ещё вчера был?

И столько удивления и недоверия было в её широко раскрытых глазах, что Грач, горько усмехнувшись, осторожно и деликатно потянул Настю за руку, чтобы конь не спихнул её с дороги, и только тогда заговорил:

— Ты будто с неба свалилась. Танки прорвали фронт и где-то уже за Двиною. Теперь наших догонять надо и догоним ли!..

Всё, о чём говорил Грач, Настя просто не могла понять. Потому что ещё жила своими заботами, своей болью, разлукой с матерью. Она не только не могла осознать смысл его слов, но ещё и, не доверяя им, пыталась отыскать разумное объяснение всему услышанному. Обманывает или преувеличивает? А может, обманывает, чтобы просто посмеяться над ней. Но если хоть толика правды есть в словах Грача, все её планы догнать эшелон, в котором была мама, завершились полной неудачей.

И, словно протест, неизвестно кому адресованный, вырвалось:

— Но я должна догнать поезд. Мне его надо найти! Надо! Там моя мама.

Грач внимательно всматривался в лесной прогал, в котором терялась просёлочная дорога.

— Ты теперь не бросайся во все стороны. Держись нашей колонны. С нами пойдёшь...

— Вы люди военные. А я что, студентка медицинского института. К тому же мне надо искать маму...

Грач снова посмотрел на неё с болью и укором:

— Идёт война. Мы теперь все военные люди. И по закону военного времени считай себя мобилизованной. Врач нам сейчас ох как нужен, разве не видишь, сколько у нас раненых.

— И что будет дальше?

— Если бы я знал, что там за поворотом, а ты спрашиваешь — дальше!

И, поправляя чёрную кобуру, Грач мягко заметил:

— Ты только не грусти: найдётся твоя мамуля. Вот прорвёмся к своим, раненых — сразу в госпиталь, там и маму свою найдёшь. Судя по тому, что ты мне сказала, эшелон успел проскочить Двину до того, как там появились фашисты.

— А если не проскочил?

— Давай надеяться, Настя. — Грач резким движением снова поправил кобуру. — Верить надо, иначе как же нам дальше быть. И знаешь, что я тебе скажу, если кого-то ищешь, обязательно встретишь, обязательно найдёшь.

В словах Грача было желание взрослого человека успокоить разволнованного ребёнка, который мешает ему принять важное решение. В глубине души она понимала, что он только напускает на себя командирскую строгость, за которой пытается скрыть всю серьёзность ситуации и собственную неуверенность, и делает всё, чтобы его товарищи не заметили этого.

Настя думала так, глядя, как Шаплько неторопливо, словно в раздумье, шагает по правую сторону лесной дороги. Он то появлялся, то исчезал за стволами сосен, и это создавало иллюзию, будто он играет с ними в прятки. Натужно скрипят колёса подвод — они тяжело нагружены. На первой едут четыре раненых бойца да пулемёт ещё. На второй — только двое раненых, но она сильно нагружена какими-то тяжёлыми ящиками. У одного раненого, который держит вожжи, перевязана шея, другой лежит на животе, уткнувшись носом в клевер, — руки и ноги целые, не забинтованные. Под клевером что-то спрятано, какой-то ящик, и тот, что держит поводья, придерживает его, словно боится, что он свалится с подводы. Оказывается, и Грач ранен. А она даже не заметила. Теперь, когда он поднял руку, поправляя волосы, Настя увидела бинты в красных пятнах засохшей крови. Наверное, ранено плечо.

— Действительно, ты свалилась с неба. — Грач вздохнул. — Неужели ты думаешь, что в их руках игрушки? Стреляет, между прочим, немец метко! Так что нам, как сказал Черкас, здорово повезло.

— Я даже не спросила, как вы тогда доехали до госпиталя?

— Можно и хуже, да некуда...

— Вы с Черкасом тогда в госпитале расстались?

— А мы с ним и не расставались, и теперь вместе. Как братья везде, всегда вместе. Вон он, справа от пулемёта лежит.

Она не бросилась к подводе, не вскрикнула от удивления, а только метнула испуганный взгляд на человека, который лежал справа от пулемёта. И не Черкас это совсем: голова его лежала на перетёртой соломе, ноги странно поджаты, в грязных, с порванными голенищами, сапогах.

Испуганно сжалось сердце, горло словно обхватило цепью. Она шла рядом с Грачом, боясь глянуть в его глаза, слушала его прерывистый рассказ о том бое на станции, куда ворвался фашистский десант, как немцы расстреливали раненых бойцов, которых грузили в санитарный вагон, как сгорела их полуторка, как удалось им вырваться живыми из-под пулемётного и миномётного огня, как посчастливилось найти эти подводы...

Снова послышался — теперь не сзади, а где-то с правой стороны, едва уловимый отрывистый гул моторов. Грач замолчал. Он оглядывался, вслушивался, время от времени прикусывая от напряжения губы, и Настя, встретившись с его напряжённым взглядом, почувствовала себя неуютно, словно только она одна виновата в том, что Грачу приходится так беспокоиться и волноваться.

— Вы простите меня, что я всё расспрашиваю и расспрашиваю.

— А ты не расспрашивай. Смотри и слушай. Теперь только это и может спасти... Так же, как они, — он кивнул в сторону подвод и добавил, понизив голос: — Они не спрашивают, потому что только на нас и надеются. Верят, что мы их в тыл доставим, не бросим...

Подводы неожиданно остановились, и Грач недовольно крикнул:

— Что случилось? Почему стоим?

— Две дороги, товарищ командир, — отозвался Лабук, — по какой ехать — будет приказ?

— Мастера приказы слушать, — буркнул Грач. — По той, что лучше, по той и поедем...

Он наклонился, вытащил тоненькую коричневую планшетку, щёлкнул медными кнопками и вытянул карту, но не всю, а только на четверть, потом сделал знак Насте, чтобы подошла ближе.

— На немецком языке умеешь читать? Смотри. Вот — Двина. Это железная дорога. Мы где-то тут... Трофейная карта — у немцев разжились...

Настя вглядывалась в точку, на которую ей показывал Грач, потом стала читать названия населённых пунктов, глаза цеплялись за какие-то черточки, линии, кружочки. Как только во всём этом разбирается Грач? И можно ли на карте найти эту извилистую, едва заметную лесную дорогу?

Она сказала об этом так искренне, что Грач не обиделся.

— Конечно, её здесь нет, но вот смотри — та гравийка, по которой мы недавно ехали, вот железная дорога, переезд. Так что можно сориентироваться.

Где-то далеко снова загудели моторы, и этот звук словно подтолкнул Грача к быстрому решению. Он торопливо сложил карту, сунул обратно планшетку под клевер и решительно показал на дорогу, которая вела к березняку.

— По этой идём. А я — туда, на дорогу. Надо предупредить Шаплыко, что мы повернули. А то ломанёт куда-нибудь в глубь.

— Он это может, — поддакнул Лабук.

— А ты за меня тут остаёшься.

Приказ командира пришелся не по душе Зуеву, он посмотрел на Лабуку с усмешкой, ехидно цокнув языком. Грач этого не заметил, быстро снял с телеги пулемёт с ребристым блестящим стволом и на его место положил карабин.

— А ты куда? — резко осадил Настю, когда она пошла за ним следом.

— С вами. На дорогу.

Грач недовольно передёрнул плечами, решил сказать что-то резкое, но передумал, заметив с лёгкой усмешкой:

— Пороху, смотрю, захотелось понюхать.

— Зачем мне ваш порох? А вдруг приказ ваш надо будет передать сюда. Вот я и буду у вас под рукой.

— Разумно. Хороший боец из тебя получится, — и, усмехнувшись, совсем по-дружески, доверчиво протянул ей карабин. — Знаешь, что к чему в этой штуковине?

— Я ещё на первом курсе сдала все нормы на “отлично”, между прочим. Лучше всех стреляла, мне даже парни завидовали.

— А чего ж ты раньше не похвасталась?

Всё та же насмешливая улыбка теплилась в его глазах, и это сильно обидело Настю, она бросила ему в ответ независимо и решительно:

— Похвастаться никогда не поздно.

— А язычок-то у тебя остренький, — Грач искоса глянул на подводы, как будто испугался того, что их разговор услышат, а ему этого очень не хотелось. — Но ты язычок-то свой, где не надо, не выставляй. Не успеешь оглянуться, как тебе его отрежут. — И, вслушиваясь в нарастающий гул, вскинул руку: — Зуев! За нами, быстро. Лабук тут сам справится!

Они выскочили с лесной дороги на гравийку и тут же увидели Шаплыко, который бежал, не замечая, что Грач подаёт ему знаки.

— Ед-дут! Мотоциклы!

— Сколько? — Грач резко перекинул правую руку со ствола пулемёта на короткий деревянный приклад, словно ребристый металл был горячим и обжигал ему ладонь.

— Три штуки, — Шаплыко для убедительности показал три пальца. — Осторожно, гады, шпарят. Проедут, становятся, внимательно по сторонам осматриваются, как будто что-то ищут.

Зуев хохотнул: — Удивляются, что Шаплыко их не встречает.

— А наших не видно? — спросил Грач.

— Нет, не видно. Они, наверное, тоже в лес крутанули, когда моторы услышали.

— Надо отходить, — сказал Шаплыко и как-то безрадостно посмотрел в глубь леса, на просёлочную дорогу, на которой не было видно ни одного следа, а только серела прошлогодняя хвоя.

— Позиция у нас уж очень выгодная, — как будто сам себе заметил Зуев. — Можно секануть. А если увидят — за пригорок скатимся. Свисти нам в хвост тогда.

— Надо отходить, — стоял на своем Шаплыко. — Мы не одни, у нас раненые. Обоз на нас лежит. В лес они не полезут, гравийкой проскочат...

Грач посмотрел на Зуева, потом на Шаплыко и бросил коротко:

— К бою!

Он продрался через засохший валежник, воткнул тонкие пулемётные сошки в молодую поросль, которая вырывалась от самого корня погибшей берёзы. Увидев, что Настя стоит на прежнем месте, приподнялся на локтях и зло крикнул:

— Ты что торчишь, как свечка! Занимай позицию справа от меня! Ты патроны в запас взяла?

— Но ведь вы мне ничего не сказали.

— По подсказке теперь не проживёшь. Собственными мозгами придётся шевелить, — Грач встал на колени, повернул голову к Зуеву. — Зуев, выдели ей одну обойму в запас.

— Хватит ей и того, что есть.

— Отставить разговоры! Выполнять, Зуев! Стрелять по моей команде. Первый мотоцикл мой. Второй — Шаплыко и Настя. Третий тебе косить, Зуев, смотри, не упusti. Если упustiшь, он повернёт на меня...

— Повернёт, конечно, но только в ад... Эй, лови!

Настя поймала на лету обойму, которую ей кинул Зуев, и это вызвало тихое, с присвистом восхищение Шаплыко:

— Вот как надо, Зуёк. С лету. Учись...

— Разговорчики, — приглушённо, с угрозой, просипел Грач. — Была команда всем молчать!

В густых зарослях папоротника всё затихло, словно там никого и не было. Настя раздвинула тонкие стебли папоротника, пристроила поудобнее карабин, прижалась щекой к прикладу.

В мокрых от росы сандаликах как-то сразу озябли пальцы — на левой ноге почему-то сильнее и всё сразу, потом от холода задубели подошвы. Настя поджала ноги, но теплее от этого не стало.

В густом папоротнике что-то трещало, гудело и неумолимо надвигалось на неё.

“Немцы! Это же немцы!”

Казалось, крик вырвался из груди, но из пересохшего рта не было слышно ни единого звука... Она только тихо ойкнула и, широко раскрыв глаза, испуганно смотрела на приближающиеся мотоциклы. Чудовища, похожие на огромных чёрных жуков, метр за метром сглатывали хорошо знакомую гравийку — совсем недавно они ещё ехали по ней, рассуждая, куда им свернуть. Из-за поворота выкатил мотоцикл, слева у него было какое-то корытце, похожее на распиленный бочонок. Следом за ним, словно приподнятые шлейфом белой пыли, пронеслись ещё два, такие же угрожающе чёрные, только тоньше, уже без корытцев с левой стороны. Движение их было стремительным, будто они мчатся не по дороге, а по воздуху, почти не касаясь земли. С каждым мгновением чёрные фигуры на мотоциклах разрастались, их цвет зловеще густел, и казалось, вот-вот они заполнят весь прицел, и ничего уже нельзя будет сделать.

Омерзительная дрожь, возникнув в затылке, медленно переползла в правое плечо, оттуда скатилась к локтю, и Настя, чтобы не впустить её к пальцу, который цепко держал калёный гладкий спуск, вжимала локоть в мокрый и скользкий, словно намыленный, мох.

— А-аго-о-о...

Оглушительный, гортанный крик Грача оборвала долгая захлебывающаяся пулемётная очередь. Настя видела, как на конце ребристого дула трясётся, вспыхивает и устремляется вперёд огонь. Она тоже нажала на спуск, нажала до острой боли в пальце.

“Карабин мой не выстрелил. Это хрустнул и сломался палец...”

Но приклад толкнул в плечо, она ужаснулась оттого, что стреляла не целясь, затем с трудом оторвала палец от спуска, когда боль немного ослабла и рука стала послушной, дернула рукоятку затвора, послала новый патрон в патронник.

“В кого и куда стрелять? Только пыль перед глазами!..”

Точно ли стреляла, об этом не думала, заботилась только о том, чтобы быстрее разрядить карабин.

— Прекратить огонь! Пре-кра-тить!

Приказ Грача донёсся словно издалека, но Настя сразу его услышала, хотя и продолжала стрелять, потому что в патроннике сидел новый патрон, который она уже вполне осознанно и спокойно пустила вперёд навстречу врагу. И там, где пуля нашла цель, раздался взрыв, и пыль на дороге вмиг осветилась оранжевым блеском, жёлтое колесо окутал гривастый чёрный дым.

— Прекратить огонь! — заревел Грач и, с пулемётом наперевес, прыгнувшись, бросился к дороге.

— За мной!

Вскакивая, Настя случайно опёрлась на карабин. Приклад скользнул по корню, который скрывался под мхом, и в этот миг из ствола хлестнул багровый язык. Оглушённая, на миг ослепшая, она упала на мох, в лицо сыпнул росный дождь, и этот дождь словно вытолкнул Настю из папоротника.

— Стрелок ворошиловский, дурная твоя голова, — выверился Грач, не сообразив вначале, что произошло. — Куда lupишь? По своим?

— Он же сам. Случайно...

Снова послышался выстрел, теперь уже на гравийке, и Грач, словно Настя и не было рядом, выругался на Шаплько:

— ...и всех богов сразу! Ты что, в мертвецов стреляешь, у тебя что, патроны лишние?

— Этот пошевелился. Теперь вот надёжно лежит.

Глаза у Насти слезились, всё вокруг расплывалось, колыхалось в дымном мареве. Но это быстро прошло, и Настя увидела, что мотоциклы были не чёрные, а зеленоватые и в жёлтых пятнах. Первый перевернулся посреди дороги, второй стоит поперёк гравийки, заднее его колесо засело глубоко в песок, и около него, на коленках, приткнулся солдат в зелёном френче, обхватив обеими руками верх коляски. Третий влетел в кювет, задрвав переднее колесо, которое всё ещё крутилось. Ноги мотоциклиста твёрдо стоят на земле, а сам он, опираясь грудью на руль, свесил голову, словно высматривает, как ловчее выбраться на дорогу. Это напугало Настю, и она вскинула карабин. Грач заметил её движение, спокойно сказал:

— Не стрелять! Конец им всем. — И вдруг напустился на Шаплыко, который старался оторвать от стояка на коляске ребристый пулемёт с толстым коротким прикладом. — На что он тебе, искорёженный? Автоматы собирай! И гранаты! Патроны, патроны, смотри. В колясках ищи.

К Насте подбежал Зуев, перевязанный широким ремнём, на котором висел длинный тесак в коричневом кожаном футляре; два чёрных короткоствольных автомата висели на шее, один он снял и протянул Насте:

— Подарок тебе, голубка. За ворошиловский прицел.

— Зачем он мне? Я из такого не умею.

— Да наука простая. Тут оттянула, а тут — нажала. Он и застрекочет. Машинка хоть куда, не пожалеешь.

— Не хочу, не умею, сказала же!

— А мне тяжело. Помочь ты человеку можешь?

— Так бы и сказал!

Зуев повесил автомат Насте на шею, поймал Настин взгляд, устремлённый на мотоциклиста, который лежал на обочине дороги, и захохотал:

— Да не укусит, не бойся. Откусались, гады!

Зуев наклонился над коляской, одну за другой вытащил гранаты с длинными деревянными ручками. Две он засунул себе за ремень, третью протянул Насте.

— Едут, словно в гости, — Зуев брезгливо усмехнулся. — Гранаты даже к бою не подготовили.

— В лес! — свистнул Грач, закидывая за плечи трофейный автомат. — От-хо-дим! За мной! Шаплыко, тряпки не трогать!

— Какие же это тряпки?! Плащ-палатки, совсем новюсенькие, — и Шаплыко, выхватив из чехла тесак, отсёк ремни, которыми были привязаны к коляске два запylённых свёртка.

— В лес! Бегом!

По лесной дороге шли быстро, не остыв ещё от неожиданного и скоротечного боя, разговаривали громко и возбуждённо. Настя старалась, но никак не могла подстроиться под общий тон разговора — неприятно чувствовать, что вела себя в бою не очень смело, и это, конечно же, было всеми замечено. Она шла вслед за Грачом и Зуевым, специально отставая, чтобы не лезть командиру на глаза. Зуев, рассматривая запасные пулемётные диски, время от времени ругался: немцы, между прочим, их везли, а ему, Зуеву, приходится тащить на собственном горбу. Правда, ругался он не зло, а так, словно форсил, — мол, вот какой он сообразительный и находчивый.

Шаплыко участия в разговоре не принимал, что-то сказал в самом начале, а потом молча тащился сзади, и Настя слышала всё время, как он тяжело и устало дышал. На повороте, где вдоль дороги густо зеленела ежевика, он догнал Настю, дотронулся до её плеча...

— Хочешь? — Шаплыко протянул ей ручные часы с блестящим металлическим браслетом. — Бери на память — трофей.

— Откуда? А-а, у этих взял?

— Ну. Едут, сволочи, пешком не прут. И все — при часах.

— Нет, нет, — и она отшатнулась от протянутой ладони. — Мне не надо.

— Пусть — не трофей. За мужество в бою — награда.

Грач приостановился, спросил въедливо:

— Какие это ты награды раздаёшь, Шаплыко? — и, успев заметить часы с блестящим браслетом, которые Шаплыко ловко зажал в кулаке, недобрительно покрутил головой: — Ну и армия у меня. Одна едва себя не застрелила. Другой — трантами обвешался. Третий — карманы мертвецов чистит, — и громко сплюнул. — Выкинь к чёртовой матери! Не погань руки. Ясно?!

— Есть, товарищ командир, будет выполнено.

Шаплыко, тем не менее, не торопился исполнять приказ, и едва Грач отвернулся, он, заговорщицки подмигнув Насте, быстро сунул часы в карман.

Постепенно все успокоились, возбуждённый разговор стих, шли молча, ожидая чего-то недоброго. Настя вздохнула облегчённо, когда увидела знакомый перекрёсток. Подвод там уже не было, они проехали в глубь березняка. Когда подошли к подводам, Грач начал устанавливать пулемёт на прежнее место. Зашевелился комиссар, спросил встревоженно:

— Прорвались, Грач?

— Так точно, товарищ комиссар. Сейчас двинемся дальше.

Он ответил бодрым голосом, немного постоял, ожидая вопросов. Но их не было: комиссар лежал молча.

Грач отступил немного в сторону, поманил пальцем Лабука. Тот сразу подбежал, козырнул, и Грач сказал тихо:

— Ты руководишь обозом. Шаплыко и Зуев — в арьергард. Мы, — он кивнул в сторону Насти, — разведка. Двигаться следом. Коней сильно не гони. — Повернувшись к Насте, посоветовал строго: — Автомат положи. Карбин ты уже освоила — не подведёт. — И, сняв с подводы ремень с чёрным подсумком, быстрым движением подвязал его Насте, застегнув пряжку. — Теперь — двинулись. Посмотрим, что там впереди...

Шум в ушах стих, слух опять стал острым, и Настя обрадовалась, что снова хорошо слышит: вот звонкое пение берестянки, шуршание папоротника под сапогами Грача... Она остановилась, но тот требовательно кинул через плечо:

— Не отставать! Дорога каждая минута. Они теперь на вес золота...

Вскоре пришлось не только быстро идти, но и бежать. Прежние мысли не оставляли, тревожили душу. Куда так бешено мчится Грач? Вот уже его фигура скрылась за поворотом в молодом осиннике, исчезла, словно провалилась под землю.

Добежав до поворота, Настя увидела, что дорога опять раздваивается: одна рыжая, усыпанная прошлогодней хвоей, прячется под развесистые словые ветки, другая расширяется, спускается вниз к маленькому ручью. В том месте, где лесная дорога пересекает ручей, горбится длинное замшелое бревно, и около него на песчаном бережку, распластавшись, лежит Грач, и жадно, как собака, пьёт воду.

Настя кинулась к ручью, упала рядом с Грачом и, словно спасаясь от смерти, припала к воде. Она пила холодную воду частыми глотками, зажмурившись от наслаждения.

Утолив жажду, огляделась: тишина, только пение птиц, журчание ручья да тяжёлое дыхание Грача... Вдруг, словно из-под зелёной дуги малинника, который связал два берега ручья, вырвался грохот разрывов и глухое стрекотание пулемёта.

Настя вскочила, испуганно глянула на Грача. А тот, словно ничего и не слышал, спокойно перешёл ручей, подошёл к кривоватой сосне, спокойно уселся на пень и молча наблюдал за подводами, которые, увязая в сыпучем песке, вплотную одна за другой катили к ручью.

Почувяв воду, кони хрюпали, рвались вперёд. Шаплыко, забежав вперёд, схватил поводья, закричал Лабуку:

— Придержи их, пусть остынут, разгорячённым пить нельзя!

— Коням нельзя. А человеку — можно, — кинул Лабук.

— Человек не лошадь. Выдержит.

Шаплыко стал на колени на утопанную дресву и полными пригоршнями хлебал воду, потом плескал её в лицо, под расстёгнутую гимнастёрку и снова пил. Наконец вскочил и, глядя поверх Настиной головы, заметил:

— Танки бухают. Поминки по своим мотоциклистам справляют.

— Разве это в той стороне стрельба? — не поверила Настя. — Совсем в другой стороне, кажется, гремит.

— В той, голубка, в той. Ну и молотят, весь лес спалят...

— Пи-ить! Пи-ить дайте... Пить людям...

Настя вздрогнула, услышав этот слабый голос. Мама зовёт! Нет, показалось! Это, кажется, тот, который спрашивал Грача, прорвались ли... Хотя нет, комиссар лежит, не двигаясь. Раненный в голову боец, пытаюсь сползти, повис на оглобле. А Зуев и Лабук, словно ничего не видят и не слышат, прилипли к воде и жадно лакают, как это только что делал Грач.

“Тебе хорошо, напислась... А о раненых забыла. Ты же будущий врач. Или зря тебя учили милосердию?”

Насте показалось, что это упрёк прозвучал со стороны, и она встрепенулась, подбежала к раненому с забинтованной головой, но он оттолкнул её и, шатаясь, двинулся в сторону ручья, но потерял равновесие, стал медленно оседать на замшелое бревно и упал на спрессованный белый песок. Настя снова бросилась к нему, помогла сесть, быстро зачерпнула пригоршней воду, поднесла к губам. И он не оттолкнул, а что-то благодарно мычал, тычась носом, как телёнок, в Настины ладони, порывисто пил, и губы его были горячими и колкими, словно из жести.

Лабук притащил две каски, одну отдал Насте, попросил деловито:

— Отнеси воду комиссару. — Зачерпнув второй каской, хохотнул: — Конопелько и тут лучшее себе отхватил — из рук красавицы воду хлещет, — и стал поить раненого. Он лил ему воду на лицо, добродушно бурчал: — Из касочки, родненький, пей, из железной. Пей и края целуй, потому что она тебя, дурная, спасает. Хватит? И я говорю, что хватит. Вода не водка. Много выпьешь — кишки полопаются. Вставай, к подводу отведу. Ровнее, ровнее топай. Комиссар на нас смотрит. Мы все уже от пуза налакались, а комиссар ещё маковой росинки во рту не держал.

Справа от зелёного замшелого бревна Настя увидела водоворот и, как в колодец, опустила туда каску, зачерпнула по самый край. Несла воду осторожно, прижимая каску, чтобы не расплескать воду, ощущая на себе внимательный взгляд комиссара. Он лежал, опираясь на правую руку, подбородком опираясь на ребристое чёрное дуло пулемёта. Толстая от бинтов шея словно втиснула крупную лобастую голову в плечи.

— Как зовут? Из какого батальона? — спросил он и припал к каске...

— Я не из батальона. Из эшелона. Мы с мамой ехали... Нас бомбили. И я отстала.

— Благодарю. Вода славная, — сказал он. Вымыл лицо, хрипло добавил, отдавая каску: — Передай Грачу: продолжать движение. Не останавливаться. И вперёд — разведку. Обязательно.

Он закрыл глаза, и Настя поняла, что комиссар потерял сознание. Волосы его были мокрые, под толстыми седыми бровями, в тёмных глазницах и в глубоких морщинах на лбу блестели капельки воды.

“Не молодой он, комиссар. А глаза детские и уж очень доверчивые”.

Настя подумала так, переходя ручей по замшелому бревну.

Грач шёл впереди быстро, не оглядываясь и не озираясь по сторонам, время от времени словно бормотал или напевал что-то себе под нос. Наконец лесная дорога расширилась и снова разделилась на две. Грач теперь не останавливался, не советовался с Настей, выбирал сразу, не колеблясь, и в её душе поселилось уважение к этому молчаливому, уверенному человеку. Если бы она не встретила Грача с этими подводами? Спаслась бы на том железнодорожном переезде? А если бы налетели немцы? Схватили бы сонную и убили... Теперь они лежат на пыльной дороге. Может, и она попала в одного из них во время того шального боя. Ведь стреляла четыре раза... Если бы не стреляла она, стреляла бы они... И не шла бы она сейчас по этой лесной дорожке с карабином через плечо. А нести его, честно говоря, тяжело. Перекинула с одного плеча на другое, и все равно жмёт, режет кожу толстый ремень. Настя в отчаянии тихо застонала. Ох уж это оружие, и кто его только выдумал на её голову... Грач, словно на ту беду, приостановился.

— И куда же теперь поворачивать? — Взяв из её рук подсумок, он ловко закинул кончик ремня в хомутик, защёлкнул пряжку и, сунув подсумок под правый бок, почти на спину, с надеждой глянул на Настю: — Может, ты подскажешь?..

Она увидела в его глазах едва скрываемую тревогу, и тогда до неё дошло: Грач не шутит. Он действительно просит совета... А что она может ему посоветовать? Ведь ей тоже незнакома эта лесная дорога, которая снова разбегается в разные стороны...

Их уже догнали подводы, и Грач подал знак Шаплыко поворачивать на узкую, почти невидимую дорогу, а сам пошёл дальше, разгонило и быстро. Настя устала, но старалась не отставать. Снова послышалась глухая канонада. Грач вслушивался в неё молча. Она беспокоила его, он всё чаще крутил головой, пытался определить, с какой стороны гремит. Заметив, что Настя тоже прислушивается, поспешил переключить её внимание:

— Не устали ножки?

— Я люблю ходить. А потом — тренировка... В нашем институте спорт был в почёте.

— В медицинском, говорят, учиться трудно? Это правда?

— Да выдумки всё это. Просто путают...

И Настя начала рассказывать, как поступала в институт, как сдавала экзамены в этом году, и почему досрочно, про апрельские соревнования, на которых их команда заняла первое место. Рассказывая, она всё время вспоминала тот вечер, когда Черкас провожал её... И ей очень хотелось поподробнее расспросить Грача обо всём, что случилось после того, как он посадил её с мамой в вагон, о том бое, в котором был ранен Черкас, и как они оказались на разъезде... Но, вспомнив, как прошлый раз Грач осек все её вопросы, не решилась задавать их снова, а потому просто замолчала. Рано или поздно они остановятся на привал, тогда она всё узнает от самого Черкаса. Хотя что она узнает, и что это изменит?! Он ранен, ему необходимо сделать перевязку, и не только ему одному. А чем она поможет им в лесу? Где взять медикаменты... Может, на подводах у них есть всё необходимое? Но расспрашивать об этом Грача пока нет никакого смысла.

Начался весёлый безразличек с редкими гривками земляники около старых низких пенёчков. Настя на ходу схватила несколько неспелых ягод, зажала их в ладошке, время от времени рассматривала их, словно пересчитывала.

— А что не ешь? — с улыбкой спросил Грач.

— Раненых угощу. Мы можем ягоду сорвать, а они лежат. Вон и вудой мы их напоили в последнюю очередь. Стыдно!

— Это ты хорошо придумала, — сказал он, но сказал, как ей показалось, хмуро. — Иди и быстро возвращайся...

Она пошла к подводам, и когда вернулась, Грач удивился:

— А что так быстро?

— Никто даже руки не протянул. Им отдых нужен, видите, как трясёт подводы. — И протянула ему ягоды: — Берите...

Он взял две спелые ягодки — только и смог выбрать из мокрого комочка, кинул в рот. — Окончится эта круговерть — мороженым угощу, обещаю. За каждую ягоду — десять порций.

— А я мороженое не люблю, — схитрила она.

— Конфетами заменим. Самыми лучшими! Самыми сладкими. Целый мешок, чтобы не подняла!

Грач шутил, а голос был невесёлым, и смотрел он вперёд с тревогой. Дорога то поворачивала влево, то забирала вправо. Солнце заволочло густой беловатой дымкой, и теперь не разберёшь, где восток. Грач вроде бы успокоился, шаг его стал уверенным, разгонистым и, когда дорога снова раздваивалась, уверенно брал направление, и Настя молча подчинялась ему, ничего не спрашивала, только старалась не отставать.

Вышли вновь к знакомому ручью.

Грач запустил руку под растёгнутую гимнастёрку, поправил бинты и, постукивая пальцем по пуговице, заметил:

— От того места, где лежит то зелёное бревно, мы километров десять напрямиком открутили. А ручей нам этот — подарок от Бога. Тут и сделаем

привал. Только сначала зашѐмся в зелёную чащобу, тогда и расслабимся... Посидим, подумаем, как жить дальше будем. Разведку поставим. Без разведки нам никак нельзя. Ну вот, снова пошла молотарня...

Конечно, решение, которое он принял самостоятельно, разумное и правильное. Посидеть, подумать — не повредит. Дальше идти, не отдохнув, Настя просто уже не может. Это он здоровый, закалённый спортом. А раненым в тех подводах... как им выдержать? Очень хочется есть, а что в этом лесу съешь? Может, ягод ещё поискать? Вкусной была земляника в том березнячке. А тут земляничника совсем не видно. И лес какой-то странный. Там, куда ведёт дорога, сумрачный, густой. А за ручьём, в стороне от дороги, светлее, может, там поле?

— Поле?.. — Грач хмыкнул. — Откуда?

— Я пойду, посмотрю.

— Вместе пойдём.

— Что, привал? — гукнул Шаплыко, останавливая коня. — Как хотите, но сил больше нет, топаем и топаем... Как будто к медведю в берлогу.

— Ручей — форсировать. И — привал. А мы тем временем глянём, что там дальше, на том берегу...

Молодой лиственный подлесок неожиданно окончился. Настя, как зачарованная, остановилась — до самого горизонта открылось болото, поросшее низким, словно обсечённым, сосняком. Слева и справа от болота — синеватый хвойный лес. На краю болота, на окаймлённом березняком и осинником песчаном бугре горбится какое-то строение, немного поодаль растёт раскидистая груша-дичок.

— Что это? — Настя перевела взгляд на Грача. — Похоже, лесной хутор. Вон сараюшка. И какой-то странный запах. Скипидарный, что ли?..

Грач прищелкнул, широко, по-звериному раздувая ноздри.

— Кажется, смолокурня. Видела, как деревья подсечены, начиная от самого ручья? Смолу собирали лет пять тому назад, а может, и больше. Надо прикинуть, что к чему, пошли.

Автомат Грач перекинул на грудь, палец держал на спусковом крючке, шаг его стал упругим, и весь он натянулся словно пружина, готовый в любую минуту пустить в ход оружие. Глядя на Грача, Настя тоже обхватила свой карабин правой рукой.

Они приблизились к строению, сколоченному на скорую руку из шишковатого горбыля. Рама единственного окна была оторвана и приставлена к стенке, на дверях висел замок, который сразу раскрылся, — никто и не думал закрывать на ключ эту ломатчину, и двери открылись, даже не скрипнув. Пахнуло густым застоявшимся скипидарным духом. Немного в отдалении, под берёзами, они увидели погреб, оказавшийся сухим и чистым. Грач, осмотрев его, радостно выдохнул:

— Ну и везёт же мне — небом ты мне послана, весь день с тобой, и на каждом шагу удача. — Грач обнял Настю и, словно шутя, прижал её к себе.

Она на мгновение притихла в его шуточных, но властных и сильных объятиях и тут же выскользнула из них. Грач нехотя раскрыл руки и с грустным сожалением промолвил, будто сказал про себя:

— Непостижима судьба человеческая... Как порой случается? Только один шаг до счастливого поворота... Ну, пройди ты ещё шагов десять... Так нет же — в хомут. Вот остановились в лесу. А надо было сразу сюда идти, ведь и дорога вела к этому месту, так нет же: кружили по лесу, спрашивается, чего искали? — Он снова обнял её за плечи: — Всё, сиди здесь. Сейчас я сюда обозы заверну.

Оставшись одна, Настя обошла дощаник со всех сторон, изучила березнячок вокруг и нашла ещё один погреб, в котором были набросаны старые заржавевшие лопаты, погнутые вёдра и ещё какие-то непонятные ей приспособления. От всего веяло забвѐм. Печально шумел березняк, задумчиво лопотал густой листвой осинник. В этом году здесь точно никого не было — ни одного следа. Хотя нет, какой-то след около груши есть, и ведёт в сторону подлеска, и след от копыт... Звери, значит, к ручью ходят. Ручей, видимо, из болота начинается, как раз где орешник за дощаником.

Первым подъехал Лабук, резко натянул вожжи:

— Ну, всё: к болоту прибились!

Он зло сплюнул, вытер рукавом потное лицо, глянул исподлобья, и Настя словно дотронулась до чего-то холодного, колкого и неприятного. Глаза у Лабука недобрые. Раньше она этого не замечала.

— Что плохого, клюкву будем собирать: она тут должна расти.

— Пока нарастёт, мы тут сами в клюкву превратимся.

Несмотря на ворчанье Лабука, настроение у Насти было хорошее. И что удивительно, вот осталась она одна, так будто что-то потеряла. А теперь увидела Грача — словно нашла то, что недавно потеряла. Идёт такой уверенный, смелый... Наверное, от него и ей передаётся уверенность и спокойствие!

— Прива-а! — скомандовал Грач. — Шаплько! Обязанности коменданта гарнизона — на тебе. Коней — распрячь. Проверь дощаник и погреб, раненых — в тень. Лабук! Что у тебя есть из провианта?

— А ничего нет, товарищ командир.

— А сухари куда дел?

— Сухари есть. И ещё мешок овса.

— Ну вот, а говоришь, ничего нет. Ты эти паникёрские песенки не затягивай. Весёлую дудку давай!

Лабук хмуро забубнил:

— Дуда найдётся. Овёс конский вначале съедим, потом коней, а затем нас черви начнут жрать...

— Курорт, командир, — словно одурелый, зашёлся Зуев. — Райский уголок. Тут мы две войны пересидим, — он весело подмигнул Насте. — И водичка, и травичка, и солнышко.

— Пересидеть войну надумал. И-ишь, гусачок, — незлобно возмутился Шаплько. — А воевать кто будет? Кто чужака погонит?

— Ты что, не слышишь, какая сила гремит?

— Отставить панические разговоры! И чтоб больше я их не слышал. — В голосе Грача Настя услышала резкие, до этого незнакомые ноты. — Лабук! В дозор! Куда выходит дорога, заметил? Там и становись. Внимательно веди наблюдение. Шаплько! Подводы сюда!

Подводы спрятали под навесом раскидистого орешника, который зелёным шатром прикрыл их, да так, что ни сверху, ни со стороны их не разглядишь.

Шаплько подошёл к подводе, взял соломенный короб, что горбился на передке. Из-под соломы показался железный ящик с толстой ручкой, Шаплько потряс его, в нём что-то гулко бомкнуло. От этого звука подхватился Конопелько:

— Не трогай! Прочь!

— Хмы-ы, — Шаплько пренебрежительно оттопырил губу. — И чего всхолмнулся, не трогаем мы твою жестянку. Переселяемся на землю.

Конопелько резким движением прикрыл соломой железный ящик, схватил автомат и резко прикрикнул:

— А ну отойди...

— Мы вас перенесём в тенёк, там будет лучше и помягче. Мне легче будет вам сделать перевязку, — вступилась за Шаплько Настя.

— Тут перевязка. Мне и так хорошо.

— Поступил приказ: снять раненых с подвод. Грач и Зуев с той подводы уже сняли всех.

Конопелько взвился, голос стал звучать на взрывной ноте:

— Отойди! Кому сказал! — и передёрнул затвор автомата...

Подошёл Грач, некоторое время молча смотрел на колёса, потом перевёл взгляд на старые ёлки за ручьём, глаза его сузились, он устало и как-то спокойно попросил:

— Отправляйся, Шаплько, лучше за лапником. — И совсем другим тоном, мягко и незлобно обратился к Насте: — И ты иди с ним. Только близко не ломайте, лучше за ручьём, чтобы с дороги не бросалось в глаза: чего, мол, ёлки ободранные стоят?

— Да кто в этот гушар полезет? Сюда сам чёрт — раз в год заглядывает.

— Исполнять приказ!

— Слушаюсь, — с готовностью отрапортовал Шаплыко и добавил от имени Насти: — Слушаемся! Будет исполнено!

Настя шла молча — думала о странном поведении Конопелько.

Интересно, что в том железном ящике, до которого даже нельзя дотрагиваться...

Шаплыко не удивил её вопрос, но ответил он не сразу:

— Стрелковый полк в том ящике, чтоб ты знала.

— Штабные документы, — догадалась Настя.

— Если бы только штабные документы. Знамя полка! А это тебе не абы что! Есть знамя — живой полк, даже если в нём не осталось ни одного бойца. Набрали солдат, и полк идёт в бой. А если знамя утеряно — полку конец. Как боевую единицу, его уже не оживить... — Он вдруг спохватился, стал озираться — не услышал ли кто... — Ты молчи о том, что узнала. Ты же присягу не принимала... Я не имел права язык распускать перед тобой.

Настя обиженно перекинула карабин на правое плечо, глянула в упор на Шаплыко:

— Не принимала, но я — комсомолка, значит, тоже солдат и знаю, что такое военная тайна и как её надо хранить...

Зверобой рос около берёзового пня, обросшего снизу и сверху грибами. Настя рвала сосредоточенно, прислушиваясь к весёлому свисту Шаплыко и хрусту веток. Вскоре он подошёл с огромной охапкой зелёного лапника в левой руке, а в правой — ярко горел оранжевый цветок.

Настя обрадовалась:

— Где ты его нашёл? Это же лекарственный цветок. Арника горная.

— За ёлками. Там их целое облачко. Цветок только один, остальные пушистые шарики...

— Показывай, где растут. Показывай!

За ёлками, среди вереска и редких пятен синюхи, Настя сразу увидела тоненькие, ворсистые головки, торчащие из густой сочной травы. Но не добежала до них — испугалась: где-то близко, почти за спиной, бухнул гулкий раскатыстый выстрел.

— Что это? Стреляют!

— Ну! — Шаплыко тоже в растерянности озирался, крутил головой, словно что-то выискивал в густом, как стена, орешнике. — Около подвод это. Перекинув со спины автомат под правую руку, повелительно приказал: — Назад! Бегом к нашим!

Около склепа лениво возился Зуев, и Настя, издали не разглядев, что там происходит, крикнула:

— Что случилось? Кто стрелял?

— Лабук косулю подстрелил. Выбежала из лесу. А он — бэ-энц. И попал, — Зуев говорил радостно, потирая живот. — С голоду теперь не умрём!

Шаплыко оживился:

— Мясе — витамин це. Имеем шашлычок!

— Разогнался больно, пока Грач из него шашлычок делает, — Зуев кивнул в сторону дички: на взгорке Грач, размахивая кулаками, что-то втолковывал Лабуку.

Отдышавшись, Настя огляделась и с удивлением отметила, как всё изменилось вокруг. Можно сказать, обжитое место! Под густым навесом орешника ровненько стоят подводы, на луговине около ручья пасутся распряжённые кони. В березнячке натянута пятнистая плащ-палатка, и под ней, рядом, лежат раненые. На склоне небольшого взгорка, между осинок, высечена узенькая пещерка, и в ней, совсем без дыма, горит костёр, и над ним на железных прутьях висят три солдатских котелка. Настя услышала за спиной тяжёлые шаги — Грач появился внезапно, только что был на том взгорке и вот уже тут... На крыльях прилетел, что ли...

— Зверобой нам пригодится. — Он потрогал жёлтый пучок, который Настя крепко держала в руке. — А это? Как ты говоришь? Арника горная... В лесу я встречал эту травку, а вот как она зовётся, не знал. Много чего есть на свете, чего мы не знаем, о чём даже не слышали... От, гремит, холера. И если б знать точно: кто это и где?

— Видимо, фронт, — осторожно заметила Настя.

— Натурально фронт. И, кажется, около Двины. Там же, за Боровухой, линия Сталина проходит — она вдоль всей бывшей границы идёт. Доты в два этажа под землёй — мощнейший узел обороны. Когда-то, до училища ещё, начинал там службу. Нам обязательно туда надо подскочить. Кони только отдохнут — и верхом...

— Верхом я умею — брат меня научил. Мы каждое лето — в деревне у бабушки отдыхаем.

Грач, усмехаясь, покачал головой:

— Ну и отчаянная твоя голова. Верховая разведка — дело мужское. У тебя же другая забота. — Он посмотрел на неё долгим внимательным взглядом, словно чего-то ждал от неё, потом медленно, чётко выговаривая каждое слово, приказал: — Очень тебя прошу, комиссара нашего на ноги поставь. Землёй он был засыпан — бомба рядом с окопом бабахнула. Крови большой не было, царапины только на руках, на шее. А вот с головой что-то случилось. Очнётся вдруг, потом снова как неживой... Очень тебя прошу: подними комиссара. Он мне жизнь спас.

— Я же не врач, четвёртый курс только окончила, вы ведь знаете. И никаких лекарств. Только вот это, — Настя в отчаянье показала на пучок зверобоя. — Какая тут надежда?

— Лекарства и бинты найдём. Это моя забота. Кони отдохнут, и мы с Лабуком погоним. Нет, лучше с Шаплько. С ним надёжнее.

— Сами поедут, а мне одной тут оставаться? — взорвалась Настя. — На меня, на мою голову — всю ответственность за людей?..

— Ну, хорошо, хорошо. На мне, на мне ответственность, — торопливо согласился Грач. — Поедут Шаплько и Лабук.

Быстрога, с которой Грач её успокоил, удивила Настю. На миг ей показалось, что он даже ждал, чтобы она возмутилась, потому с такой лёгкостью и принял её протест. Ей подумалось, что этот человек может и понять, и поддержать, в трудную минуту на него можно вполне положиться. Ей так захотелось сказать ему об этом, но в последний момент она сдержала себя, только печально вздохнула.

Солнце садилось в конце болота, перерезав его пополам. Пристроившись на берегу ручья, Настя стирала бинты. Огромное, угрожающе багровое солнце тревожило и угнетало её. Она медленно полоскала бинты в воде и краем глаза наблюдала за тем, что происходит около дощаника. Тем временем Лабук вывел из-под зелёного шатра коней, на их блестящих от бордового света боках желтели седла, сделанные из порезанной на куски плащ-палатки, которые он сшил и напихал сеном. Грач, глянув на них, не удержался от похвалы:

— А ты казак, выходит, Лабук, седла смастерил на славу. Повторяю: сломя голову не бросаться. Действовать в соответствии с обстановкой. С умом, одним словом. Ясно?

— Так точно, — сказал Шаплько. — Утром доложим о выполнении задания.

Настя слушала, как стихает далёкая канонада, смотрела на Грача и почему-то не ощущала радости, что всё получилось так, как ей и хотелось. Не поехал он на разведку с Лабуком, остался, а у неё теперь такое чувство, что лучше бы сделать всё наоборот. Тогда бы не смотрел на неё своими печальными глазами. Что-то в нём изменилось в тот момент, когда она попросила его остаться в лагере. Стоит сейчас, молчит, словно чего-то ждёт, о чём-то мучительно думает.

— Они уже уехали? — спросила Настя, нарушив тягостное молчание, которое начало угнетать

— Да, но... Утром, договорились, вернутся. По карте станция недалеко. Километров пятнадцать. Зябки.

— Странное название. Холодом от него веет. Наверное, от Полоцка далеко.

— Километров под пятьдесят. Может, и больше. — Он присел на корточки рядом с тропинкой, пробитой в вереске, проговорил тихо, как будто

про себя: — Много тут прошло лесного зверья, вон как вереск повыбивали, что и не растёт.

— А может, люди тут ходили?

— Нет, звери, — тоном знатока заметил Грач. — К воде они тут ходят. У зверей в лесу тоже свои дороги.

— И откуда вы так хорошо звериные повадки знаете?

— Сын лесника. Отец частенько меня на охоту брал. В лесу я хорошо ориентируюсь.

— А я совсем плохо. Бывало, как пойдём в лес за грибами, — чуть в сторону — и заблужусь, тогда меня кричать — не докричаться.

Она начала развешивать выполосканные бинты на ветках, что росли от самого корня старой ольхи. Но Грач подсказал:

— Ты лучше у дощаника на гвоздях повесь. Белое издали видно. В глаза сразу бросается.

— А ведь и правда. Как же мне это сразу в голову не пришло?

— Что в нашем лесном госпитале? — спросил Грач и сел на толстый берёзовый пенёк, над которым поднимались две ладные молоденькие берёзки. — Ты всех раненых осмотрела? Перспектива у нас не очень радостная?..

Ей не терпелось в первую очередь сказать о Черкасе — краснота ползёт по спине, только б не было гангрены, — но что-то подсказало ей, надо говорить вначале о приятном.

— Комиссар встанет на ноги. Когда? Я не знаю точно. Может, через день, может через два.

— Я тогда тебя расцелую!

— А если мои прогнозы не исполнятся?

— Под трибунал пойдёшь. Тут, в лесу и приговор тебе будет. И никаких адвокатов!

Ей показалось, что в его словах не только шутка, но и скрытая угроза: на душе стало беспокойно и неприятно. Она шутит, шпильки всякие пускает, а рядом люди страдают от ран, надеются, что она им поможет.

— А вот трибунала, видимо, мне не миновать. Вахтанга — так зовут раненого грузина? — на ноги не поднять, не поправится он, как мне кажется...

— Очень жаль будет Вахтанга — славный парень. Если бы ты слышала, как он поёт по-грузински “Сулико”. Конопелько ему каждый раз подтягивает.

— Конопелько может и сейчас петь. Такие раны, как у него и Буркуна, быстро заживают. И у Авдошко неплохо. А вот у Черкаса!..

Грач посмотрел на неё хмуро, даже подозрительно.

— Пуля или осколок засел около позвоночника. Без операции не обойтись. Кто её тут сделает? А что я могу? Раны промыть отваром из зверобоя, бинты поменять.

— Шаплько привезёт медикаменты. Я приказал.

— Если бы ещё и операционную сюда доставил. И хорошего хирурга в придачу. А если этого не будет...

Хмуро глядя себе под ноги, Грач сказал медленно, не повышая голоса:

— Будем искать и хирурга. А ты пока не жалея зверобоя. Его тут полно. Могу, если хочешь, помочь его насобирать.

Настя торопливо перебила:

— Справлюсь и сама.

— Только не отходи далеко от ручья, — предупредил Грач. — Смотри, не потеряйся. Без тебя нам — труба. Пропадём без тебя!

Грач не шутил, он говорил серьёзно, и услышать такие слова было приятно. Настя быстро развесила бинты на гвоздях, которых в дощанике было набито полным-полно, и побежала собирать зверобой. Силы были — густой наваристый суп получился у Лабука. И мясо косули было мягким, деликатным на вкус: никогда не ела такого вкусного супа. Правда, немного пересолил, наверное, очень обрадовался, когда нашёл трёхлитровую банку соли в погребе.

Чем дальше Настя углублялась в лес, тем реже встречала зверобой, зато всё чаще на её пути попадался большой терракотовый цветок арники, она

собирала его, радуясь, что не зря бродит по лесу. Каждый раз, слушая, как с хрустом обламываются пепельные ворсистые стебли, с грустью думала о том, что уничтожает такой прекрасный и такой редкий в этих краях цветок. Сорвёшь цветок, и сразу листья меняют цвет, будто чернеют от боли. Около молодого можжевельника увидела сразу три арники. Наклонилась, чтобы сорвать, и вдруг пожалела, залобовалась, присела на хрусткий высохший седой мох. И только сейчас почувствовала страшную усталость.

Как-то очень быстро погустели вечерние сумерки. Надо возвращаться. Сидит тут, а там, может, Шаплько и Лабук хорошие новости привезли. Хотя вряд ли, ведь они должны вернуться только утром. А что если вернуться и скажут: войне конец! Даже не верится, что катит по земле страшная беда. К тому же совсем не слышно канонады, словно её и не было вовсе. Словно где-то там, в далёком краю, а не здесь, и огонь, и взорванный мост, и раненая мама, и смолокурня, неожиданно приютившая их. Необыкновенную, удивительную власть имеет над человеком вечерний лес: словно переселился в другой мир. А может, сейчас где-нибудь и мамочке так же хорошо и славно, как ей в сонливой вечерней лесной тишине.

Сейчас бы лечь, уснуть, а завтра проснуться и увидеть совсем иную жизнь. Нет, не новую, а ту, что была до того ужасного воскресного утра... А что если сейчас её отец вот так же, как Черкас, лежит раненый около какой-нибудь смолокурни, или просто в поле, или в лесу, и никто ничем не может ему помочь?..

Что-то сухо хрустнуло за кустами можжевельника. Настя встрепенулась и вдруг увидела, что всё вокруг изменилось: не седой, а очень чёрный мох, небо фиолетовое, такого же цвета кусты можжевельника. Хруст повторился, но теперь уже рядом.

Она вскочила, торопливо схватила карабин. Испугал треск сломанных веток и какое-то глубинное, угрожающее хрюканье, оно нарастало, приближалось, словно из-под земли. Настя, ничего не видя перед собой, бросилась из этих ужасных фиолетовых зарослей. Она бежала, не чувствуя под собой земли.

Нога провалилась в какую-то нору, щиколотку пронзила боль, и Настя, заплакав, упала на землю. Что теперь будет? Она же просто погибнет в этом диком лесу. Выстрелить, чтобы услышал Грач? А если услышит не он, а кто-то другой, который выследил её и теперь только ждет, чтобы она дала о себе знать. Нет, надо вести себя осторожно, оглядеться, прислушаться... Ведь у неё есть карабин. Она сможет постоять за себя...

Тень мелькнула за кустом можжевельника. Настя загнала патрон в патронник, крикнула испуганно:

— Сто-ой! Кто там? Стрелять буду!

— На-астя-я! — в ответ раздался радостный голос Грача. — Ну, ласточка! Ну, белочка ты моя! Всех богов благодарю: нашёл!

Бешено забилося сердце. Дрожащая пелена в глазах, которые ещё слезились, погустела, и в этой пелене к ней плыл, приближался Грач. И вот он уже рядом, шумно падает на вереск.

— Грачок! Родненький, — слова слетели с губ внезапно, и так же внезапно она схватила его за плечи, на миг прижалась к пропахшей потом гимнастёрке. — Как я рада, что ты меня нашёл!

— Испугалась, белочка моя! Наплакалась. Вот и слёзки текут-вытекают...

Он увидел карабин, поставленный на боевой взвод, усмехнулся, потёр рукой шею; гимнастёрка растянулась, и она заметила, что тёмные пятна крови на бинтах стали больше.

— Ты уже и стрелять решила?

Он взял карабин, поставил на предохранитель:

— Человеку одному везде неудобно, а в лесу особенно одиноко...

— Надо идти. Мне уже лучше, — сказала Настя, но не встала, а только поджала ноги, отодвинулась от Грача, натянув на колени юбку.

— Идти, конечно, надо. Но куда?.. Хоть убей меня, не знаю, просто не могу сообразить, в какой стороне наша смолокурня. Столько гнал напрямую.

— А как же? — от растерянности она даже стала заикаться. — Мы что, теперь не найдём наших?

— Почему это не найдём? Найдём! Сейчас стемнеет, звёзды увидим. По ним и определим, в какую сторону идти.

— А если не определим?

— Дождёмся утра. Нынче самые короткие, июньские ночи.

— Где дождёмся? Тут? Да нас комары съедят до утра!

— А мы вон под ту ёлку перебазируемся — сменим место дислокации. Густые ветки нас прикроют — всё спасение от этих кровососов...

Она послушно поднялась и как только устроилась под навесом густых веток, радостно призналась: — А тут и спокойнее. Хвоя такая мягкая и тёплая. Ветки нависли до самой травы. Даже если кто рядом пройдёт, нас не увидит.

Потом с усмешкой заметила:

— А кто-то, помню, хвастался, мол, сын лесника, сын лесника. А как в лес зашёл, сразу и заблудился.

Грач сидел рядом, прислонившись спиной к стволу.

— А фуражка где ваша, дорогой товарищ? — спросила Настя — Потерял?

— Пропала моя фуражка. Потеряв голову, нечего о фуражке плакать.

— Э-эх, вот как оно всё повернулось. И головка уже потерялась, — сказала Настя, взяла хвоинку, она была с капелькой смолы и запуталась в волосах, словно приклеилась.

Грач поймал её руки, стал целовать, потом прижал к своим щекам.

День угас, небо стало тёмным, зажглись звёзды, отчего вокруг стало ещё темнее.

— Грач, как же мы найдём наших?

— Найдём. Если ты со мной — мне везёт. Я тебе говорил об этом. Скажи, ты обо мне думала, когда одна была?

— Думала. Ох, как думала...

— Настя! Настенька!

— Правильно. Это — моё имя.

— Оно самое лучшее на свете. Я люблю его.

Понимала Настя, что не надо это говорить, не следует Грача подводить к черте, за которой уже не удержаться, и радовалась, что не сдержалась, а в голове — туман, и сердце бьётся гулко, без страха и тревоги.

— Тебя люблю. Имя твоё люблю. Всю до капельки люблю. — Он привлёк её к себе, взял в ласковые, сильные объятия, и она на миг притихла, словно потеряла сознание. — Что мне сделать, чтобы ты поверила?..

Настя плыла на самом гребне горячей туманной волны, не сопротивлялась, не отталкивала его руки, только спросила шёпотом:

— Ты что делаешь? Зачем? Не надо!

— Это счастье, что я тебя нашёл. Посмотри на меня. Есть в моих глазах неправда?

Она всматривалась в его глаза, в вечерних сумерках они были глубокими, тёмными, — и, ничего в них не увидев, кроме отчаянного призыва, провела пальчиком по его густым бровям, что почти сошлись на переносице, шепнула доверчиво и успокоенно:

— Ничего не вижу...

Казалось, всё исчезло вокруг, и нет ничего на свете, кроме этого бесконечного восторга! Сейчас она была не в зелёном, высланном прошлогодней хвоей шалаше, а в каком-то прекрасном, дивном крае, к которому долго и тяжело добиралась и, наконец, пришла, а потому на душе у неё светло и радостно...

Загадочно мерцали звёзды, ставшие такими вдруг близкими, словно они запутались в рогатых стволах ели. Ошеломлённая тем, что случилось, Настя молчала. Жадная, грубоватая ласка Грача опустошила, и она, уставшая, радостная, вслушивалась в непонятную лёгкость своего тела, не стыдясь того, что не оттолкнула Грача, а порывисто ответила на его поцелуй, ничего ему

не запретила, и сейчас лежит в его объятиях, ощущая ласковое движение его рук в волосах, за ухом, на затылке.

Она поймала руку Грача, стала перебирать по одному, будто пересчитывала, его пальцы, и он делал то же самое, и руки их сплетались в ласковой, нежной игре.

На рассвете Настя открыла тяжёлые от сна веки. Сквозь лохматые ветки хвои пробивался серый промозглый туман. Услышала около своего уха хрипкое дыхание и не сразу поняла, где она и что произошло с ней. Онемели замерзшие ноги, она поджала их под себя, сон прошёл, и всё стало на свои места. Грач что-то пробормотал во сне и, не просыпаясь, сильнее прижал её к себе, и Настя, укутанная теплом, которое поплыло по ногам, мгновенно успокоилась. Как хорошо, что она не одна в этом диком и дремучем лесу, в котором пережила столько и ужаса, и радости. Снова проваливаясь в сон, она подумала, что мужчина должен быть именно таким, он не должен обращать внимание на женские капризы, не замечать её слабость, чтобы женщина могла спрятаться за его широкой спиной, довериться его мужеству, надеясь на его силу и верность.

Когда Настя снова проснулась, Грач уже не спал, смотрел на неё: показалась, что именно от его взгляда она и проснулась. В его глазах не было того тепла, которое поселилось в её сердце от добрых слов и поцелуев, и от того было неловко и стыдно.

— Светает? — спросила она и удивилась: голос звучал незнакомо, словно простуженный.

— Кажется, уже полдень, а мы с тобой спим как убитые!

Он сильно, порывисто, но торопливо поцеловал Настю и приподнял рогатые ветки. Было совсем светло — над лесом висело солнце, — на вереске блестела крупная густая роса. Кое-где в лощинах висел плотный, тягучий туман. Грач вёл себя немного странно, стал сосредоточенным, замкнутым, ласковых слов не говорил, судя по всему, больше и не собирался их произносить. Она вначале разволновалась, а потом даже сама себя заругала: слов, видишь ли, ласковых ей захотелось. А кто будет искать дорогу? Ты же идёшь за ним, не зная забот.

Через некоторое время она почти бежала, чтобы не отстать от Грача.

Такое позднее их возвращение, как показалось Насте, никого не удивило. Впрочем, некому было особенно и удивляться... Конопелько, услышав голос Грача, приподнял голов, глянул бессмысленными сонными глазами и снова упал на лапник. Черкас лежал неподвижно, скрутившись, на соседней подводе. Зуев хлопотал около котелков, что стояли рядом около того места, где вчера горел костер. Дрова упорно не хотели разгораться.

Грач вёл себя независимо: посоветовал Зуеву положить под дрова смоляную чурку, потом подошёл к погребу и стал о чём-то говорить с бойцами. В его голосе Настя услышала командирские нотки. И эта уверенность потихоньку передалась Насте, она обрадовалась, что никто даже не спросил, где это они пропадали всю ночь.

Волнение, тем не менее, подкрадывалось к сердцу, и Настя особенно чувствовала его холодную остроту каждый раз, когда в поле зрения попадало скрученное тело Черкаса. Вчера он попросил, чтобы его не заносили на нары в погреб, а оставили на подводе. Не захотел слезать с подводы и Конопелько, самый, казалось, спокойный боец среди раненых: глянул на Грача, бухнулся на лапник и снова спит.

Конопелько проснулся, когда Настя направлялась посмотреть Черкаса, проснулся неожиданно, как раз в тот момент, когда она поравнялась с передним колесом и на телегу упала тень. Он подхватился, сел и, протирая левый глаз тыльной стороной ладони, правым уставился на Настю. Потом мотнул головой, по-мальчишески подмигнул и спросил:

— Что — завтрак?

Она оторопела, потом развеселилась:

— Будет и завтрак, Зуев уже костёр соображает. Тогда и приготовим.

И он снова, закрыв лицо руками, притих, будто не просыпался. Насте даже показалось, что разговор с Конопелько ей просто померещился.

А Черкас не спал. Повернув голову, лежащую на соломенном валике, следил за Настей.

— Где была? — спросил он неожиданно и резко.

Подготовленная к этому вопросу, она всё же растерялась, потому что от Черкаса такого не ожидала.

— Где была? — переспросила она с искусственной улыбкой. — Там уж нет...

Широко открытые глаза Черкаса смотрели устало и печально.

Он медленно поднял руку, подозвал к себе — попросил наклониться. Десятым чувством Настя догадалась, что Черкас начнёт расспрашивать о своём здоровье, а ей так хотелось избежать этого разговора.

— Скажи, только честно... Что меня ждёт? Посмотри раны и скажи, есть ли у меня надежда выжить?..

Она осмотрела засохшие бинты на плече и на ноге, увидела темную, ступившуюся за ночь красноту, которая казалась теперь глубокой, словно лезла изнутри, и, сжавшись от внутренней боли, жалости и стыда, что приходится обманывать, сказала бодро:

— Не так уж и плохо. А ещё наши медикаменты привезут... Потом в госпиталь положим, и совсем будет хорошо.

Он слабо похлопал её по руке, сказал отстранённо, но без обиды, словно сам себя упрекая:

— Ты ещё не научилась обманывать. Пусть тебе повезёт. Тебе и повезёт, я сон видел. — И добавил строго: — Иди, тебя ждут. Вахтанг всю ночь стонал.

Черкас закрыл глаза, как будто сразу крепко уснул. Настя пошла от него молча, страдая от неправды, которую сказала Черкасу.

...Но разве она в чём-то виновата? Она ничего не сделала худого. Она — любит, и любят её. Вон он, Грач, её любимый, стоит около погребца, машет рукой, зовёт к себе!

Она подбежала, остановилась в радостном ожидании, смотрела на него спокойно и ласково.

— Что там? — спросил Грач.

— Конопелько спит. И Черкас, кажется, уснул.

— А тут не спят. Тебя ждут, как Бога.

Эти слова были адресованы не ей, а тем, кто лежал на нарах в погребе, и она Грача поняла: хочет, чтобы все видели в нём командира решительного, смелого, справедливого. Ей же предназначался взгляд, полный восхищения и преданности, и Настя поняла это, и оттого снова затуманилась голова, радостно забило сердце.

— Я сейчас всё сделаю, — проговорила она сдержанно. — Всё сделаю как надо...

Настя осмотрела и поправила повязку комиссару, помогла напиться молчаливому, неразговорчивому Буркуну, посидела около Авдошко, что-то ему объяснила. Время от времени она снова и снова поглядывала на комиссара. Тот лежал неподвижно, но дышал ровно, и дыхание его было глубоким, как у человека, утомлённого тяжёлой работой. Комиссару, кажется, ничто не угрожает, завтра он наверняка поднимется и будет чувствовать себя совсем неплохо. Она обещала это Грачу.

Растерялась Настя немного позже, когда взглянула на жёлтое, измученное болью лицо Вахтанга. Вахтанг лежал отдельно от всех, за погребом, под толстой, почти согнутой в дугу орешинной — сюда на лапник, реденько присыпанный соломой, которую сбросили с подводы, его перетащил утром Зуев. На груди и животе бинты засохли, а в середине промокли от крови, она даже боялась сразу до них дотрагиваться. Под бинтами пульсировали, дрожали порванные железом оголённые мышцы; в одном месте на правой груди выпирало из-под бинтов, едва не пропарывая их, сломанное ребро или острый, как заноза, осколок. Заметила, что правая штанина порвана, а на колене буквально разодрана на куски — разволновалась ещё больше. Значит, у Вахтанга и нога ранена, но не перевязана до сих пор. Вахтанг открыл тёмные, словно кофейные зёрна, глаза, застонал.

— Зу-е-ев!..

Зуев подскочил, склонился над ним.

— Что, генацвале? Болит? А ты терпи. Терпи, казак, атаманом будешь. Может зверобоя дать? Сейчас дам холоденького.

— Сдирай сапоги, генацвале. Нога — огонь. Сдирай их, прошу тебя, как брата.

Зуев немного помедлил, потом с натугой стянул с Вахтанга сапоги, поставил их ровненько, каблук к каблуку.

— Песню, — Вахтанг с трудом пошевелил пересохшими, пепельными от жара, губами. — Кульгана буули, буль-були...

П-от ламчи чамо лю-ли-ко, — подхватил Зуев и перешёл на молитвенную скороговорку. — Песня хорошая. Славная песня, генацвале ты мой. Мы её потом врежем. Шаплько как приедет — сразу и врежем. А теперь спать. Это — спасение. Ты спи. А я — буду петь.

Зуев тихо забубнил, как будто что-то говорил себе под нос. Странные и непонятные слова поразили Настю. А вот мелодия — знакомая. Это же “Су-лико”! Так, так... только слова не наши. Наверное, по-грузински Зуев пытается петь. А голос печальный, словно покойника отпевает или поминки справляет...

От горьких мыслей её освободил Грач. Хотя и на короткое время, но освободил, и она была ему за это благодарна. Он подошёл, поставил около ног ведро, в котором вчера варилось мясо.

— Иди, помой. И воды набери, — попросил он сдержанно и добавил, словно кого-то упрекая: — Надо же еду варить. Война — войной. А живот требует своего: его не упросишь, ему не прикажешь...

Настя чистила ведро вересковым жгутом и слышала всё ту же, только теперь приглушённую, мелодию, которую грустно тянул Зуев. Но вот почему-то затих, почему, интересно? А-а, с Грачом о чём-то говорят. А Грач на целую голову выше Зуева. Плотный, широкий в плечах. Даже отсюда видно.

Настя резко выпрямилась, не выпуская ведра, и перед глазами — долго стояла, низко пригнувшись к ручью, — мелькнули лохматые тёмные пятна, понеслись за ручей, к тёмно-синим кустам можжевельника, что приземистыми стожками осели на луговине около орешника. У Насти даже ведро задрожало в руке. Кто-то же стоит за этими стожками. Затаился и следит за ней. А она не взяла карабин, как будто ненужную игрушку бросила в погреб.

Только решила бежать, оглянулась и увидела Грача. Он шёл к ней и нёс карабин. Он нёс его, взяв за ствол, перекинув через плечо. Красиво, уверенно идёт. И никого нет около того можжевельника. Чертовщина какая-то в голову лезет. Это хорошо, что от страха не закричала, не побежала к подводам Зуеву на потеху!

— Бери свою пушечку, — он протянул ей карабин. — Оружие не бросай где попало. Пусть лучше на плече висит. Конечно, тяжело и неудобно, зато — под рукой. Теперь без оружия нельзя!

— Учтём, товарищ командир!

Увидела в волосах Грача хвоинку, взяла её, задержала в пальцах. Ожила в памяти дивная ночь. Трудно, как и тогда, выпутывалась из волос хвоинка с капельками живицы...

Солнце снова садилось над болотом, такое же большое и огненное, как вчера. Усевшись на вереск, около сосны, рядом с Настей, Грач долго смотрел на солнце, потом глубоко вздохнул:

— Ты когда-нибудь такое солнце видела?

Она не успела ответить, слух выхватил гулкий стук копыт:

— Слышишь? Копыта стучат, это наши едут! — и схватила Грача за руку.

— Сорока это. Где-то там, кажется, около груши. А тебе — кони...

— Почему они так долго, ты вот что мне скажи. Неужели — боюсь даже подумать — какая беда приключилась?

— Никакой беды с ними приключиться не может. Лабук — оторва. И Шаплько ему не уступит. Утром вернутся. И то, что они задерживаются, признаться, меня мало беспокоит...

Грач обманывал, и это было заметно. То, что Лабук и Шаплыко не вернулись в условленное время, Грача сильно волновало ещё утром. В полдень он вообще не находил себе места, несколько раз бегал к груше-дичке, откуда хорошо просматривалась дорога, которая шла от смолокурни по краю болота и исчезала в лесу, а вечером, когда солнце быстро покатилось на запад, тревога одолела его по-настоящему. Настя делала вид, что ничего этого не замечает. Она охотно пошла за ним к груше, потом сюда на опушку, к этой стройной сосне. Около неё, как будто около столба, дорога круто брала вправо. По этой дороге поехали в разведку Лабук и Шаплыко, по ней и должны будут вернуться. Тревога привела сюда Грача, и теперь его слова звучали невесело и неискренне.

— Мало беспокоит? — переспросила, как будто не расслышала его слов, Настя и посмотрела с укором на Грача. — А что тогда не даёт тебе расслабиться?

— Тишина. Мы последний раз канонаду слышали утром, и вот до сих пор тишина. Целый день, как в мешке: хоть бы один взрыв, выстрел, только птицы поют да ветки шумят...

Грач положил Насте на плечи руки. Но она высвободилась из его объятий, высвободилась не очень настойчиво и решительно, и тогда он грубо повалил её на вереск, упал рядом, не давая ей подняться.

— О-ой, ну зачем ты так? — прошептала она, вслушиваясь в то новое, что одуряющим огнём начало бить в виски; на миг ей показалось, что макушка сосны пошатнулась и поплыла в близком сиреневом небе.

Грач гладил её волосы, пальцы погружались в них, сжимали затылок, а губы целовали страстно и жадно, голос его звучал глухо, как будто он только что быстро поднимался в гору:

— Молчи, молчи, молчи!

— Нас же увидят!

— Кто нас увидит? Нет тут никого.

— Дорога. Мы же около самой дороги...

И снова, как той ночью, сопротивлялись только слова. А в руках уже была своя жизнь, и своя жизнь была в устах, которые так же жадно ловили губы Грача, и в закрытых глазах Насти колыхался огромный огненный вереск.

Они вернулись к смолокурне, когда солнце уже зашло, и в том месте, где оно спряталось, расплылась темная хмурая полоса.

— Завтра, наверное, нагонит дождь, — сказал Грач, стоя около натянутой конусом плащ-палатки. — Солнце в тучу зашло. Верная примета.

— Может, всех в погреб перевести? Или в дощаник.

— Никто не хочет. Я спросил. Спи.

Настя лежала на лапнике, на котором было немного соломы, и старалась от всего отключиться. Воспоминание о вереске около стройной высоченной сосны совсем расслабило уставшее тело. Настя почувствовала, что засыпает. Она поджала ноги, попыталась натянуть повыше воротник кофточки, чтобы не кусали комары, но из этого ничего не вышло, и она подумала с блаженной усмешкой: ну и ешьте, проклятые. Всё равно за ночь не успеете всю мою кровь выпить, захлебнетесь. И диво-дивное: сразу же стало тепло. И куда-то исчезло тонкое нудное гудение, она поплыла, и стук в висках совсем утих.

Через какое-то время — сколько спала, не знала, — Настя проснулась. Услышала приглушённые голоса — Грач что-то настойчиво доказывал комиссару — и подхватила, словно кто-то подбросил её на лапнике. Значит, пришёл в себя комиссар! О-о-о, радость какая. Но всё же чего добивается от него комиссар. Надо подслушать!

— Товарищ комиссар! Вам надо спать. Снова лечь и спать, — голос Грача звучал монотонно и немного раздраженно. — Тогда завтра вы будете совсем здоровым. Немного прошли, и достаточно. Нельзя же сразу — стометровку гнать!

Стало тихо. Но вот в отдалении послышался хруст папоротника, но не около орешника, а рядом с дощаником — ближе к болоту, и голос Грача...

— Зуев, ты?

— Он самый.

— Почему так рано идёшь? Я же приказал: через полчаса.

— Да часы эти подводят. Сильно уж стрелки светят — не по-нашему, одним словом, барахло это трофейное мне Шаплыко сплавил. Специально, наверное...

— Шаплыко своё ещё получит от меня за них, чтобы знал, как приказ выполнять...

Шаги, отдаляясь, заглохли совсем. Только было хорошо слышно, как где-то справа от болота трижды, с ровными интервалами, бухнул пугач. Как только затихло слабое эхо, мягко зашаркали шаги, и Настя увидела около палатки слабую тень. Она поняла, что это Грач, но всё же шёпотом спросила: — Кто?

— Да я это. А что тебе не спится?

— Немного подремала, а потом проснулась. Это голос комиссара я только что слышала?

— Ну... Очнулся, спасибо всем богам. Но ещё больше тебе спасибо — сбьлись твои слова. Считаю, с того света вернулся. А завтра у нас тяжёлый день. Вернётся разведка — сразу на марш. Приказ комиссара.

Сердце гулко билось, Настя радовалась, что Грач рядом, что с ним можно говорить, и не хотела, чтобы он уходил.

— Но всё же, куда делись наши?

— Где-то спят, устали и спят. Точно тебе говорю...

Настю разбудило конское ржание. Открыла и снова закрыла глаза — таким резким и ярким был солнечный свет тихого утра. Может, это ещё сон? Нет, не сон. Снова заржал конь, начала тонко вызванивать пила: жив-жив...

Быстро провела рукой по лицу, отгоняя сон. Разведка, значит, вернулась. Шаплыко поит коня у ручья. Лабук и Зуев что-то копают около тонких осинок, что кучкой растут между орешником и берёзами. Грач стоит около подводы — разговаривает с каким-то незнакомым человеком. Хотя нет, это же комиссар. Грач наклонил голову, внимательно слушает комиссара, лицо его — сумрачное, озабоченное.

Порывисто, с какой-то отчаянной радостью Настя выскочила из палатки:

— Доброе утро!

Комиссар глянул на неё неприветливо, как будто был недоволен её появлением, ответил издали кивком головы и направился к осиннику. Грач пошёл за ним. Но, сделав несколько шагов, подбежал к Насте. Во всём его облике чувствовались растерянность и озабоченность.

Она поняла, что Шаплыко и Лабук привезли не радость, а что-то нехорошее, и, всё ещё не веря в плохие новости, повторила:

— Доброе утро!

— Утро, как видишь, доброе, — он пожал и немного задержал её руку в своей. — А новости добрыми не назовёшь. Плохие новости!

Только теперь бросилось в глаза, что всё вокруг выглядит совсем не так, как вчера. Вымокла и почернела от росы плащ-палатка, какие-то узлы горбятся на подводе. Где лежал обычно Конопелько, желтеет песчаный бугорок под молодыми осинками. Около него хлопочет Лабук. Вчера Грач запретил обрывать листья с этих осинок, а теперь как-то равнодушно смотрит на то, что Лабук обсекает нижние ветки осин блестящим на солнце трофейным тесаком.

— Почему они плохие? — Настя всё ещё не верила. — Не нашли госпиталь?

— Какой тебе госпиталь? Фронт уже за Двиной. То, что беспокоило меня, то и случилось.

— Фронт откатился за Двину? Не может быть!

— Может, к сожалению. Наши разведчики едва оттуда ноги унесли. Поехали на двух конях, а вернулись, видишь, на одном. — И вдруг, поняв, что сказал лишнее, цокнул языком: — Все мои надежды — вон с катушек...

— А как же мы? Как же мы теперь?..

— Как? Да никак. Всех богов разом просить будем. Ну, я побежал. Комиссар зовёт!

Лабук салютовал тесаком, и в неглубокой проеме посредине лезвия, вычищенного сырым песком до блеска, как будто блеснул огонь.

Конопелько поздоровался, не поднимая головы. Шумно сопел Лабук. И Насте показалось, что они отодвигают её от своего занятия, всем видом просят отойти, не мешать.

Настя подошла к Шаплыко. Он был ей рад, приветливо посмотрел на неё. Но разговаривал не с ней, а с конём:

— Пей, голубчик, пей, родненький. Когда ещё придётся такую сладость испить. — И кивнул головой Насте: — Привет, привет... — И снова обращаясь к коню: — Чего это ты на лесную красавицу косишься? Даже мне позволено на неё только изредка глянуть.

— А где другой конь? — спросила Настя, надеясь, что услышит от него совсем не то, о чём говорил Грач.

— Что конь... Полоцк у немцев, Витебск — у немцев, Минск — ими же забран. Прут дальше, и такое чувство, что остановить их некому!

В сердце взорвалось несогласие, протест, злость на то, что приходится слышать, взорвалась обида на то, что Шаплыко так равнодушно сообщил ей горькие новости, и она выпалила в это незнакомо изменившееся, заросшее щетиной лицо:

— Врёшь! Не верю!

— А ты попроси у Грача карту и посмотри.

— Зачем мне его карта?

— Немецкая карта, не его. И около каждого нашего города стоит дата: день обозначен, когда этот город должен быть занят. До самой Москвы — каждый городок обозначен.

— И Москва, ты хочешь сказать, обозначена?

— А ты иди и посмотри. Вон, комиссар с Грачом эту карту снова изучают. Крутит, о-ой крутит головой наш комиссар Вальмус. Только и остаётся теперь, что головой крутить.

— А откуда эта карта взялась у тебя?

— Да легковушку мы кокнули. Под самым Полоцком. Когда назад уже ехали, около Экимани. Три туза в ней катили — будь здоров. Мы с Лабуком, наверное, в рубашке родились. Ему пилотку пуля снесла. А мне, видишь? — в пряжку тюкнула, даже ремень перекрутился — как будто заранее знала, что живот Шаплыкин надо спасать. Пуля срикошетила, но кожу все же зацепила. И коню досталось. А на этом Лабук ехал.

— А другого коня убили?

— На хуторе бросили. Хозяин обрадовался: хороший конь, сказал. Рана — быстро заживёт.

Настя решила подольше задержать Шаплыко, чтобы подробнее расспросить о том, что же дальше будет.

— Богатство Конопелько спрячет. Решили тот железный ящик — там же и касса полковая! — тут оставить. Они пойдут, а мы этот тайник охранять будем.

— Кто это “они”? И кто это “мы”? Я чего-то не понимаю.

— А разве Грач тебе ничего не объяснил? Раненые останутся здесь. А все здоровые — на марш. Сегодня вечером и отправятся. Комиссар Вальмус приказал: догнать и перейти линию фронта. К своим пробиться. Поправился и начал приказы клепать.

Он говорил правду, она это сразу поняла, и от этой правды у неё заныло сердце. Вот, значит, что прячется за этим “мы” и “они”! С ранеными прикажут остаться ей — ясно как день. Именно это и скрывается за неуверенными словами Грача: “Всех богов вместе просить будем”. Вот отчего легла тень растерянности и озабоченности на его лицо. Надо хотя бы ещё на минутку задержать Шаплыко, чтобы узнать более подробно обо всём. Наверняка он ещё что-то знает!

— А кто раненых будет лечить, кто будет за ними ухаживать? — спросила Настя, сдерживая дрожь, от которой у неё озябли даже пальцы на ногах.

— Ты да я, да мы с тобой!

— Долго тебя ждать, Шаплыко? — теперь уже зло окликнул Конопелько.

— Иду! Сказал же! — Шаплыко хлопнул концом поводка по ладони. — Не терпится им там, работничкам поповым, — и протянул Насте гибкий, как уж, повод. — Отведи коня на луговину — пусть пасётся.

— Он же убежит?

— Не убежит, набегался за эти дни. — И неожиданно на его лицо набежала улыбка, добродушная и доверчивая — А ты спать мастак! Вёл коня к ручью, позвал тебя, даже специально потопал. Не проснулась. Спишь, как ангел на небесах! Они уйдут, так я твой сон охранять буду: спи, сколько душе угодно.

— Я тут не останусь, тоже пойду. Я никому не подчинённая.

— Ты же комсомолка, — заметил Шаплыко. — Ну вот... По комсомольской линии Вальмус тебе и определит задание. А на стенку не прыгай. Врач? Считаю, почти дипломированный специалист. Раненых бросить не имеешь права? Вальмус говорит: наша задача — фронт догнать. Раненые выздоравливают и тоже пойдут догонять фронт. А зачем его догонять? Не исключено, пока ты будешь за ним бежать, он сам сюда прикатит. Поэтому ещё неизвестно, что ловчей: мозоли на пятках нагонять или тут, около ручья, роскошничать.

“Они, значит, пойдут. А меня бросят тут, в лесу...”

Грач приближался, он был почти рядом, и Настя с ужасом почувствовала, как разрушается, буквально разваливается цепь её логичных доказательств, и она выдохнула в отчаянии:

— Это правда, что вы решили? Решили бросить меня здесь?

Грач как знал, что именно об этом она и спросит, ответил грустно:

— Приказал Вальмус. В армии, как ты знаешь, не решают, а отдают приказы.

— Ты... Ты считаешь его приказ правильным? — Грач вздохнул и с сожалением признался:

— Другого выхода нет...

— Я всё понимаю, — медленно, с удивительным для себя спокойствием заговорила Настя. — Я всё вижу...

— О-о, если бы ты всё видела, если бы всё понимала!

— Вижу! — голос её зазвенел. — Вижу и понимаю! Каждый, каждый спасает только себя. Всех остальных — под ноги, под ноги!

Лицо Грача стало пепельно-бледным, словно помертвело, потом на щеках, над уголками губ расплылись неровные красные пятна.

— Т-ты... — наконец его губы дрогнули. — Ты считаешь, что Грач подлец. Он спасает только свою шкуру?.. Прости, я не сказал главного. Я же вернусь! Сюда вернусь! Без тебя мне не жить. Поэтому я вернусь сюда. Только ты — жди меня!

Он протянул руку, чтобы погладить её по голове. Но Настя дернула головой, как бы оттолкнула его руку, вздохнула, теперь уже с горьким сожалением:

— Что же делать? Закон войны: жди! Жди, голубка, и он — придёт!

Он помрачнел, кулаком раздражённо потёр подбородок, сказал глухо, с горестным раздражением:

— Да пойми же... Пойми! Ведь ты не ребёнок!

— А разве ты не видишь? Я пытаюсь, пытаюсь понять...

Что-то мучило Грача, но он пересилил себя, пригасил раздражение, приказал деловито и требовательно:

— Всё необходимое на первое время Шаплыко и Лабук — спасибо им — из какой-то аптеки выхватили. И мешок нагрузили, что под руки попало, — посмотришь потом, что к чему. И ещё: в дощанике лежит залатанный второй мешок — в нём продукты. Маловато, правда. Ты почему не слушаешь?..

— Я слушаю, слушаю!

— Через день-другой Шаплыко подскочит на хутор — тут каких-то километров десять. Картошки возьмёт, ещё сала, хлеба. Хозяин, Шаплыко говорит, рвач, жадный к деньгам. Но нам с ним детей не крестить. И деньги — Вальмус приказал — не жалеть.

Около болота позванивала пила, и Настя, слушая это протяжное, с надрывом — “жиу-жиу”, ужаснулась, осознав, какая бездна открылась перед ней. Вконец растерянная, она всё же была в состоянии рассуждать о том, что произошло. Грач наклонился, заглянул ей в глаза:

— Ты плачешь? Почему?

— Нет, смеюсь, — сказала Настя, пытаясь сдержать горькие слёзы обиды и отчаянья.

— Ты плачешь, — заговорил он ласково, отчего Насте стало совсем плохо. — Я понимаю, на твоём месте трудно не плакать. Зато легко выбрать другой путь. Без печали и забот.

— О каком другом пути ты говоришь? Нашёл время загадки задавать...

Грач обхватил ладонью подбородок, словно зажал его в кулак, заговорил хмуро:

— Бросить эти подводы к чёртовой матери, — вот тебе и другой путь. Кто они мне, эти люди?! У них своя дорога, у меня своя. Наши пути пересеклись случайно, и я не присягала, не клялась, что пойду с ними до конца.

— Что ты говоришь. Ведь люди в беде, они беспомощные. Это же наши люди!

— Наши! Это всё, что осталось от нашего полка. Мы были вместе в том бою. Они верят комиссару и мне верят. А я верю тебе. И знаю, что ты их не бросишь. И ты должна верить: я вернусь. Слышишь?

Она подавила горький всхлип:

— Слышу... А вдруг что-нибудь...

— Где? Здесь? Кому придёт в голову перетянуться в эту чащобу? В конце концов, сюда не так просто и пробиться, — неожиданно в его голосе зазвучали бодрые нотки. — А со мной — не волнуйся! Ничего не случится. Вернётся твой Грач.

— А вдруг...

— Ты слышала, что сказал Грач? Он — вернётся!

— Это — возмездие... Бросила раненую мать. Теперь меня бросают.

Грач недовольно прервал её:

— Суеверие какое-то: возмездие, возмездие... Никто не знает, какая судьба у вагона, в котором осталась твоя мама.

— Что ты хочешь сказать?

— А то... Думаешь, сладко тем, кому пришлось отступать в эшелонах? Шаплько и Лабук около Фаринова, под Полоцком, сплошные трупы около железной дороги видели. Километра на два, говорили, искорёженные вагоны лежат под откосами. Мост на Двине грохнули. А эшелоны шли и шли... Как только остановились, друг за другом в ряд, немцы их и накрывали с воздуха. На бреющем полёте расстреливали людей.

— Зачем, зачем ты мне это говоришь?

— А догадаться не можешь? Чтобы жить... Чтобы меньше на свою судьбу обижалась. Чтобы знала, что лёгкого пути у нас с тобой нет и не будет. Сегодня только седьмой день войны. А сколько уже пережили, сколько ещё придётся пережить, кто знает?

Неожиданно отлегло от сердца. Настя даже улыбнулась. Она понимала, что действительно другого, как говорит Грач, выхода у неё нет, и надо примириться, приспособиться к тем обстоятельствам, в которых она оказалась не по своей воле.

Грач пригладил волосы, рукав гимнастёрки натянулся, и на запястье заблестели часы.

— О! Девятый час, — он начал покручивать маленькую горошинку на блестящем ободке.

— А солнце уже так высоко.

— Как раз над нашим местом и стало солнце. Пойдём туда. Это ж близко, если напрямую. Дорогу я знаю! Пойдём!

— Скажешь тоже... Сколько глаз смотрят на нас.

— Им — своё. Нам — своё. Прошу тебя...

Сердце её забилося. Она была благодарна Грачу за то, что он звал её туда, где им было так сладостно, в том зелёном, уютном местечке под вековой

елью. А сказала то, о чём говорить вовсе не собиралась, сказала, как отсекла, беспощадно и жёстко:

— Нет!

Под вечер, устав от ожидания, растерянная оттого, что не может помочь Вахтангу, в предчувствии чего-то недоброго, Настя медленно шла тропинкой вдоль болота. Снова, как вчера, позавчера, пошла к старой, но на дивостройной и тонкой сосне, где тропинка, начинавшаяся сразу около смолокурни, круто поворачивала вправо и вела в только ей известном направлении. Села на вересковую кочку, свела в замок руки на коленях и вдруг почувствовала, что сейчас расплечется. Около смолокурни всё время ловила на себе настороженные взгляды раненых, а в глазах Конопелько так весь день была злая подозрительность, он следил за каждым её шагом. Насте приходилось делать вид, что всё идёт хорошо. И вот, едва прислонилась спиной к широкому стволу, сразу почувствовала страшное опустошение, куда-то улетучилась напуская бодрость, уверенность, показной оптимизм.

Вчера она ещё на что-то надеялась — Грач обещал, что Шаплыко — четырнадцать километров до железной дороги, столько же назад! — вернётся на рассвете. Сегодня она потеряла всякую надежду. Душа её яростно сопротивлялась дурным предчувствиям. Она выискивала какие-то оправдания и тут же перечёркивала их, издеваясь над собственной доверчивостью. Пусть, в конце концов, и двадцать пять! За это время можно было полсотни километров и пешком одолеть. А он на коне, должен бы уже вернуться. Неужели что-то случилось непредвиденное, что разрушило его планы. А может, вообще все наши планы?

Настя вглядывалась в лесную чащу, куда убежала заветная дорожка, но подняться не было сил, и она сидела уставшая, опустошённая от горестных мыслей, не чувствуя никакого желания вскакивать и бежать в эту темнеющую, пугающую даль... Куда и как ей бежать? Да и никак нельзя. Эти, что лежат в погребке, без неё просто пропадут. Кто им подаст воды, кто перевяжет раны? А может случиться и так: она решит бежать, а Грач сюда вернётся. Он же обещал! Он же любит её! Как же отчаянно и смело любил он, как потянул за собой в этот дивный, сладкий омут...

Тонкий, но резкий звук — похожий на удары железа, — возник в глубине леса. Настя схватила карабин, который лежал справа, примяв вереск. Звук повторился, но теперь к нему присоединился мягкий топот копыт, и Настя почувствовала, как мгновенно пересохло во рту. Это же Шаплыко катит по лесной дороге. А она расселась здесь, не хочет бежать навстречу. А что, если это не он?

Радость остудило обострённое чувство тревоги. Почему только топают копыта и не слышно, как лязгают по корням колёса телеги? Когда Шаплыко провожал Грача, подвода долго гремела в лесу. Кто-то едет верхом.

Она, словно уж, поползла по вереску, подальше от лесной дороги и вдруг услышала знакомую мелодию, которую тихо насвистывал Шаплыко.

“Шаплыко, роднейший мой! Вернулся!”

Вскочила на ноги, но ноги, как связанные, запутались в тёплом вереске, и она стояла на месте, а из груди вырывался радостный крик:

— Шаплыко! Где же ты был? Где ты болтался, Шаплыко?

Широко и радостно улыбаясь, он приблизился к Насте, бросил поводья на тонкий, словно веретено, можжевельниковый куст и сам как-то тихо, по-старчески кряхтя, опустился на вереск.

— Не поздороваются, о здоровье не спросят... А только, как злая жена: где был, с кем болтался, паразит ты несчастный, так долго?..

Сразу отлегло от сердца. Раз шутит, значит, там, откуда вернулся, беда не стряслась, ничего плохого не произошло.

— Ну, добрый вечер! Сто раз тебе добрый вечер, — говорила она, а сама радостно смеялась, прижимая к груди карабин. — А у нас тут всё нормально, только заждались. А у тебя? Да говори же, не молчи!

— А ты карабин положи, поставь около сосны.

— Ну, хватит тебе шутить. Хорошо ли всё прошло у вас? Почему на коне? Куда делась подвода?

Он снял с груди автомат, бросил на вереск, отстегнул и туда же бросил ремень с запасным диском и тесаком в коричневом футляре.

— Дай отдышаться... Тогда и расскажу... Почему на коне? Потому что подводы нет. А подводы нет, потому что оси сломались.

— А Грач? А Вальмус? Как они пошли?

— На своих двоих, как говорится. Хорошо пошли. Думаю, что им повезёт.

— А Грач что-нибудь сказал?

— А что он должен был сказать? Всё здесь перед походом было обговорено.

— Черкаса где оставили? В какой деревне? Кто будет за ним ухаживать?

— Сыра земля теперь будет за ним ухаживать... — Глядя не в лицо Насти, а на руку, которой она закрыла рот, из которого вырывался немой крик, объяснил жёстко, как будто злился, что у него об этом спрашивают, а он вынужден отвечать: — Нет Черкаса. Убит Черкас...

Она оторвала руку от губ, и они судорожно зашевелились, выдавив слова, которые Шаплыко тут же и повторил:

— Как случилось?... Когда перебирались через железную дорогу, у нас оси треснули. Вначале передняя, потом задняя. Чёрт их не брал, когда тряслись по лесу. А там — понимаешь, колёса увязли. Да ещё конь дрезины испугался, рванулся вперёд...

— Дрезины? — вырвалось у Насти, она ужаснулась при одной только мысли, что там, на железной дороге, случилась ещё большая беда, только Шаплыко об этом пока не хочет говорить. — Вы что, на фашистов напоролесь?

— Не мы, а они на нас налетели. Проклятая случайность. Или, точнее, ошибочка наша вышла: сунулись на железную дорогу без разведки. Если бы нас не прикрыл Черкас...

— Его, как я понимаю, вы бросили, — сказала Настя с горечью.

— Он это ещё здесь, в лесу, задумал. Потому и просил комиссара, чтобы его вывезли отсюда. То и замыслил, чтобы умереть в бою. Он ещё на насыпи потребовал, чтобы его с подводы сняли. С полчаса, наверное, там с ним Вальмус спорил. Тут, как на беду, и накатила дрезина. Он — гранату в руки — и закричал, чтобы его не трогали и чтобы мы в лес бежали. Черкас, между прочим, мне ещё дорогой говорил, что хочет погибнуть в бою. Я не поверил его словам: думал, бредит... А он осмысленно на всё пошёл... Нас Черкас спас, это как ясный день. Он там долго ещё отстреливался. Потом граната взорвалась. Мы уже были на краю леса. Вечером в том лесу и расстались. Они пошли на Витебск. А я повернул назад. Да не туда повернул. Ночь. Долго бродил...

— Все эти дни ты искал?

— И искал, и стрелял, и чуть не плакал. Потерял дорогу, хоть ложись и помирай. Меня этот Белянчик и спас. Наш, колхозный, — под расписку взял у бывшего бригадира. А какой умный конь, если бы ты знала. Когда я уже совсем был в отчаянии, остановился мой Белянчик. Стоит. Что, думаю, с ним случилось? А это он наш след нашёл, тот, что мы оставили, когда с Лабуком ехали...

— А почему ты не говоришь о главном? Почему не говоришь, где фронт?

— А потому что нечего говорить, потому что никто ничего не знает. А то, о чем мы тогда с Лабуком узнали, — так это точно. Всё подтвердилось. Сидят они в Полоцке, в Витебске, в Минске, хотя в это трудно поверить. Вся железная дорога восстановлена.

— И поезда идут?

— Идут.

— А как же Двина? Что, наши им все мосты оставили?

— Мосты взорваны. Они понтоны навели. Временные. А смотри — диво! Видишь, какое солнце? Погода как по заказу...

— А я не обратила на это внимания. Лето, оно и есть лето. Тепло и хорошо...

Она говорила машинально, чтобы только не молчать.

— Я на то, что погодка, как по заказу, тоже не очень-то обращал внимание, — подхватил разговор Шаплыко. Настя снова подумала, что он говорит о погоде только потому, что пытается спрятать от неё другие мысли, которые его угнетают, не дают покоя.

— Ты какой-то злой приехал.

— А не с чего веселиться. Если кто будет в деревню проситься — будем на историю с Черкасом напирать. — И повернул разговор в другое русло: — Может, Конопелько этого хочет? Ты только правду говори, не скрывай...

Сделалось горько и неприятно. Неужели Шаплыко ей не доверяет и осторожно подсовывает роль доносчика. Она, оскорбившись, выпалила:

— Не считай людей — и Конопелько в особенности! — глупее себя. Ты думаешь, они не понимают, что комиссар принял разумное решение? Куда им, раненым, сейчас в деревню. В лапы к фашистам? Надо подлечиться, встать на ноги, дожидаться Грача, а потом — дальше идти. Вот на это у каждого надежда...

— А что за поклажа на коне? — спросила она, меняя разговор, который был ей не по душе.

— Была поклажа, ох какая, да растерял почти всю, когда из Погоста убежал — немцев там полно. Вся улица заставлена машинами. Как-то выскользнул. А как — только Богу то и ведомо. Стреляли они по мне, пули как осы над головой... Видно, здесь сильно за меня молились, добрым словом вспоминали и частенько вспоминали, зла не желали...

Она обрадовалась, услышав в его голосе прежние шуточные нотки.

— Что было, то было: по сто раз за день, если не больше, тебя вспоминала. Куда делся, почему не возвращается — с этого день начинался, этим и заканчивался.

— Да и меня сюда тянуло, как будто домой. Верить ли, как увидел в просвете за деревьями грушу-дичок, так аж засвистел от радости. А на глаза даже слезу нагнало: словно мотался, мотался по белу свету и, наконец, к родному дому прибился.

— И голодный, наверное, всё время?

— Нет, не сказал бы — люди кормили, если просил. А сегодня утром на хуторе даже яичницу с салом поставили. Хозяйке показался похожим на сына. Наверное, потому и расщедрилась...

— Ну, что на коне, говори!

— А-а, на коне. Провиант привез: и хлебец, и сала немного, и какие-то лекарства. Но прежде, чем богатство то смотреть, давай мы с тобой планы наши обсудим. Что я предлагаю? Завтра — отдых. А утром после завтрака ставим нашего Беляка в колёса — и айда!

— Куда это "айда"? — она по-настоящему испугалась, не понимая, что Шаплыко имел в виду.

— По деревням с тобой прокатимся. Надо запастись харчем. Может, людей встретим, которые радио слушали. И вернёмся. Согласна?

Настя обрадовалась, кивнула головой, кивнула так быстро, что больно хрустнуло в шее, и эта боль мгновенно сняла всю подозрительность, недоверие к Шаплыко. Она только сейчас поняла, что одиночества больше нет, что рядом с ней снова есть человек, на которого Грач возложил основную заботу об их маленьком воинском лагере.

Проснулась Настя, когда солнце было уже высоко, и с удивлением обнаружил, что за всю ночь даже не сменила позы. Тело было тяжёлым, задеревенелым, но стоило повернуться, раскинуть в стороны руки, как одеревенелость исчезла, руки стали сильными и подвижными. Она оперлась на локти, приподнялась и сразу же увидела Шаплыко. Он сидел около костра, опустив голову, о чём-то тяжело думал... На костре, который горел почти без дыма, стояли чёрные котелки, в них что-то варилось. Успел, значит, разжечь костёр и поставить на огонь котелки. Хозяйская жилка в нём есть, это она поняла ещё вчера, когда он приводил в порядок всё, что привёз.

Шаплыко, не меняя позы, по-прежнему сидел, запустив руки в вереск, который как будто спеленал сосновый пень, брошенный вчера около костра.

Настя пододвинулась к дверям дощаника и не увидела котелков, их закрыли широкие плечи Шаплыко, на миг показалось, что лёгкий белый дымок выбивается из его чуба.

“Не гимнастёрка ли горит у него на груди? Может, задремал у костра, вот одежда и загорелась...”

Схватила брезентовые сандалики, засохшие, пропахшие дымом, — вчера вечером сушила их у огня, повесив на воткнутые в песок палочки, — и с сандаликами в руке подбежала к Шаплыко. Нет, не спит, моргнули веки, а глаза упёрлись в одну точку, смотрят куда-то перед собой...

— О-ой, и засона же я. — Она поздоровалась, бросила на землю сандалики, начала на ходу их обувать. — Как будто в пропасть провалилась вчера, — и снова зевнула, но теперь коротко, как будто выдохнула. — О-ох... Ты что кухаришь?

Шаплыко как будто не услышал её вопроса, хрипло выдохнул из себя, по-прежнему всматриваясь в неизвестную точку на болоте:

— Вахтанг умер. Наверное, ночью.

Высохшие сандалики резали кожу, как будто в них был песок, и она прижала их ступнями. Дрожь поднималась по ногам холодными кольцами.

— Может, уснул? — спросила, понимая бессмысленность своего вопроса. — Заснул и спит.

— Спит... Только — вечным сном. Я проснулся, когда светало. Авдошко позвал. Напоил его. Тогда Конопелько попросил воды. Потом я с котелком к Вахтангу сунулся. А он — неподвижный. Не поверил, было, что мёртвый, позвал, за руку взял, рука — холодная...

Холодные мурашки ползли теперь у Настя по плечам, и она проговорила сдавленным, дрожащим голосом:

— Вот и навалилась беда проклятая. Одна за другой на нас катит... Ох, как нехорошо на душе.

— У меня не лучше. Ну да ладно, живым о живом надо думать. Ты иди к ним. А я Беляка нашего приведу, в оглобли поставлю. Надо ещё подумать, чтобы сбруя подошла. — Шаплыко незлобиво хмыкнул: — Что ты на меня так смотришь? Что, не понимаешь, куда поедем?

— Почему? Всё ясно.

— Тогда закатывай рукава. Твоя сумка в погребе стоит. В уголке я вчера соорудил полку. Как войдёшь — налево... Только бутылочку тёмную не ищи. Она тут, под орешником. Чтобы не выпили...

В тёмной бутылке был спирт, и такая мысль — припрятать — вначале была и у неё. Но Настя ничего вчера не успела сделать, и то, что Шаплыко перенёс бутылочку из погреба и спрятал под орешинкой, её сильно обидело. Ей показалось, что Шаплыко контролирует не только то, что она делает, но и то, о чём думает.

— Может, Вахтанга пока в лес отвезём?

— Э-э, Вахтангу теперь всё равно, Вахтанг подождёт, пока мы бульбы горячей схватим. — Шаплыко взмахнул рукой, как будто делал кому-то знак. — Вахтанг нас простит. Пусть ещё на небо посмотрит, хотя и неживой. Оттуда, из-под земли, неба уже не видеть...

Настя смотрела вслед Шаплыко, который, ссутулившись, шагал к ручью. Уж очень жестоким он сделался. Смешно — сделался! А разве ты знаешь, каким он был раньше? В конце концов, это ничего не значит. Грач что тебе и всем сказал: “Комендантом лесного гарнизона назначается Шаплыко”. И это приказ, которому ты должна подчиниться.

На нарах в погребке с правой стороны от входа лежали Конопелько и Авдошко, дальше, в тёмном углу, сжался Буркун, укрытый плащ-палаткой, и она не сразу его разглядела.

Поздоровавшись, Настя спросила, стараясь, придать голосу бодрость и уверенный тон.

— Чем хорошим вы меня сегодня обрадуете?

— Двери новые имеем, — поспешно доложил Конопелько. — Теперь наш погреб, как крепость. Ни один комар сюда не просочится.

— Действительно, стало как в доме. Славно! — Настя смутилась, испу-

гавшись, что не спросила у Шаплыко, знают ли о смерти Вахтанга тут, в погребке. Добавила, однако, с деланной бодростью: — Но меня не двери эти волнуют. Что у нас со здоровьем?

— Мы с Авдошко скоро “Лявонику” врежем!

— А Буркун чего молчит?

— Буркун есть хочет, — прозвучало из угла с вызовом, настырно и зло. — Шаплыко, я слышал, бульбу сварил...

Злая настырность Буркуна смутила Настю, она поспешно заверила, что и сало есть, и хлеб, и бульба сварилась — стоит в котелке на огне.

— Так чего мешкаешь? Тащи еду сюда! — потребовал Буркун.

— Сейчас всё будет. Сейчас...

Настя торопливо выскочила из погреба. Под орешинной Шаплыко завел коня в оглобли и, увидев Настю, кивнул головой — сделал знак подойти к телеге — и, как только она подошла, тихо спросил:

— Снова Буркун буянит?

— Есть человек хочет, — тоже перешла почти на шёпот. — Потому, наверное, и нервничает.

— Уж если родился паникёром, паникёром и умрёт.

Она усмехнулась, а он разрезал тонкий брусочек сала пополам, так же аккуратно распилил булку хлеба и решительно протянул ей:

— Отнеси им. А я сейчас доставлю бульбу.

Почти следом за Настей в погреб зашёл и Шаплыко. Поставив на нарвы котелок с картошкой, над которой беловатым туманом поднимался пар, бодрым голосом объявил:

— Приказ по гарнизону следующий: приступить к принятию пищи.

— Наконец-то хоть один разумный приказ!

— Подкрепившись — на боковую, — добавил Шаплыко, как будто не заметив “шпильки” Буркуна. — А мы — в разведку. Продуктами расстараяемся. — Он выхватил картошку из котелка, остудил её, перекидывая, словно мячик, с руки на руку, и бросил в рот. — И попытаемся узнать, где и что происходит. Вернёмся ночью. Не раньше.

— А как же Вахтанг? Кто его похоронит? — грустно и озабоченно спросил Конопелько.

— Мы и похороним, — деловито проговорил Шаплыко и снова выхватил из котелка картошку. Потом ловко покроил на куски сало и так же ловко порезал житняк. — На опушку вывезем, как просил, там и похороним. А тогда уже — своей дорогой. Ну что насупились? Бульбочка горячая. Вкусная. Но и последняя!

Раздав всем сало, хлеб, свой кусок пристроил на колено, сверху положил ломтик сала и посёк его на ровные прямоугольнички вместе с хлебом, потом, прокалывая эти прямоугольнички острым кончиком тесака, отправлял в рот; жевал со вкусом, причмокивая от наслаждения.

Буркун сжевал сало раньше всех, начал облупливать картошку. Он дул на картошку, срывал пальцами прозрачную кожуру и вдруг заговорил зло, даже угрожающе:

— Если ты, комендант, удрать замыслил... Если ты нас надумал тут бросить... Так знай: мы тебя и под землей найдём. И, как сказал Зуев, научим свободу любить.

— Ну и чурбан же ты, — незлобиво огрызнулся Шаплыко.

— Я тебя предупредил. — Буркун мотнул головой, отбрасывая светлые волосы, которые упрямо падали на покатый лоб; щёки его даже побелели от напряжения, карие глаза, казалось, запали в глазницы, сверкая оттуда колко и непримиримо. — Предупредил! А дальше — делай вывод, как говорится.

— Пойдём, Настя, противно смотреть на этого паникёра.

— Иду, иду.

Но не шла, сидела, как будто приклеенная этими настороженными, полными напряжённого ожидания глазами.

Как пойдёшь, когда пронзают, сверлят тебя эти глаза, полные и отчаянья, и боли? Ноги словно налиты свинцом. И плохо на душе от слов Шаплыко.

Настя пододвинулась ближе к Буркуну, помогла ему очистить картошку, проследив, как он бросает её в рот, сказала как можно спокойнее:

— А вот волноваться нет никакой нужды. Вам вообще нельзя волноваться и забивать голову всякой ерундой. Надо думать о хорошем, тогда раны будут быстрее затягиваться. Не думайте о плохом, всё отбросьте и не принимайте ничего близко к сердцу.

Буркун вдруг отвёл руку Насте, начал сам чистить картошку, он медленно жевал, поглядывая на неё с недоверием.

— А вы вернётесь? — Он уставился на Настю. — Вернётесь? Сюда вернётесь с Шаплыко?

— А как же! Куда же нам возвращаться? Сюда и вернёмся. Честное комсомольское!

Почувствовала, что краснеет, — непроизвольно вспомнилось недавнее расставание с Грачом. Наверное, так же, как сейчас Буркун, смотрела на него! Наверное, так же злилась, таким же было её лицо, и Грач чувствовал то же, что она сейчас!

— Хорошо говоришь, — признался Буркун, но её слова не успокоили его...

Настя схватила котелок, выскочила из погребка. Около ручья стояла подвода, на ней лежал накрытый трофейной плащ-палаткой Вахтанг; из-под неё высывались желтые, как будто выструганные из сосновых поленьев, ступни босых ног; рядом с ним поблескивало острое лезвие лопаты.

— Ну, поехали, — Шаплыко дернул вожжи, подвода двинулась; желтоватые ступни шевельнулись, как будто Вахтанг потёр ноги. — А котелок оставь. Он нам не нужен.

— Воды в погреб занесу.

— А-а, тогда догоняй. И карабин прихвати...

Проехав по лесной дороге, Шаплыко остановился у высокой, раскидистой сосны, около которой вчера его встретила Настя. Наклонив голову, он что-то разглядывал на ладонях.

— Двенадцать, мамки-лямки! — Он не видел, что подошла Настя и наблюдает за ним. — Всего двенадцать спичек осталось — он подбросил коробок, на лету поймал и спрятал в правый карман и, взяв папиросу, со вкусом затянулся, привычно, разгоняя дым. — Надо где-то расстараться. Иначе — труба. Без огня и летом пропадёшь.

Какое-то время шли молча. Настя удивилась перемене, которая неожиданно произошла с Шаплыко. Куда делся тот жёсткий, беспощадный человек, который так строго вёл себя с Буркуном. И голос смягчился, и глаза подобрели, и губы не поджаты брезгливо.

Шаплыко докурил папиросу, бросил окурочек под ноги, носком сапога втоптал в песок. Поправив автомат, который висел за спиной, оглянулся:

— Следующий раз надо верхом гнать. Очень уж заметный след оставляем от колёс. Попадёт какому злыдню на глаза, возьмёт да к смолокурне и спикурует. Тогда пиши пропало...

...Неширокая полянка, в центре которой желтел люпин, открылась неожиданно. Люпиновый клин был огорожен с трёх сторон старыми жердями, большинство из которых перекошились и едва держались на замшелых скобоченных столбиках, почерневших, с белой, как соль, смолой на толстых сучьях.

Они остановились около молодой яблоньки-дичка, деревцо спрятало в своих ветвях столбики и словно поделило люпиновый клин пополам. Люпин начал цвести, но неровно, только посередине и на концах клина, который упирался в густой молодой сосняк, а дальше, как под шнурок, выстроились березки. За ними висело солнце, и его лучи, пробиваясь сквозь ветки широкими полосами, посекали люпиновый клин на жёлтые неровные латки, и они как будто качались, скользили по молодому сосняку. Дружно гудели пчелы, справа от яблоньки на цветке дикой вики хозяйничал толстый, лохматый шмель.

— Тут наш Вахтанг спать будет. Под яблонькой. Там, около смолокурни, груша-дичок. А тут яблонька. — Шаплыко на полный штык вогнал лопату в землю. — Песок славный... И тебе сейчас работу определю. — Он

повесил автомат на сук в жердине, отстегнул ремень с трофейным тесаком. Закатав рукава, кивнул головой на берёзы за сосняком. — Шуруй туда и нарви папоротника. На дно надо постелить. На голую землю человека нельзя класть. Закон такой!

Папоротник под берёзами рос густо. Ломая хрупкие стебли, Настя дошла до того места, где берёзы расплывались в густом сосняке, и повернула назад: руки едва держали огромную охапку папоротника.

Шаплько, стоя в неглубокой, до колена, могиле, похвалил Настю:

— Молодец, Настя, пожалуй, и хватит. Клади тут. И подскочи на угол сосняка. Понаблюдай. Там дорога, и, как я помню, насаженная. Мы тут работой заняты, а вдруг кого-нибудь принесёт. Не надо, чтобы на нас — неожиданно...

Настя пошла к густому сосняку, держа наготове карабин. Лес её уже не пугал. Деревья, посаженные человеком, были почти одной высоты и стояли ровными полосами, поделенные узкими коридорами. По одному из них, поросшему дикой викой, она прошла шагов пятьдесят.

Посадки окончились неожиданно. Открылась песчаная дорога, довольно широкая, и колёсный след на ней был совсем свежий, как будто кто-то только что проехал по ней. От порыва ветра зашумели берёзы, высоко поднявшиеся над сосенками, таинственное эхо прокатилось по зелёной гуще. Настя испуганно вематривалась в тёмные густые ветки, потом резко повернулась и бросилась бежать назад. Шаплько стоял на коленях около жёлтого холмика и стелил папоротник на дно могилки. Он сделал знак рукой, чтобы шла к подводу.

Настя приближалась медленно, как бы оттягивая тот момент, когда придётся положить мёртвого Вахтанга в могилу. Шаплько ждал её около подводы, поставив ногу на обод колеса.

— Там, на дороге, след. На колёсах ехали.

— Если один след, это наш.

— Свежий, совсем свежий!

— Наш, я тебе говорю. Той дорогой мы Черкаса везли. — Шаплько взялся за конец плащ-палатки. — Ну, бери. Понесли.

— Как же хоронить без гроба?

— А вот так, как видишь. Что, мамки-лямки, не проходила в своём институте похоронную науку? То-то же! Смелее, говорю тебе, смелее! Мне одному не поднять... Мёртвые всегда тяжелее, чем живые... Смерть, проклятая, получается, больше весит...

— Всё! Теперь подтяни, подтяни немного, — скомандовал Шаплько.

Настя медлила. Руки не слушались, они были словно ватные, и он, подскочив к ней, выхватил из рук концы плащ-палатки, да с такой силой, что едва не содрал кожу с пальца, который она не успела выдернуть из железного, запрессованного в брезент кольца. Собрав концы плащ-палатки в толстый узел, Шаплько рывком дёрнул его. Мелькнули ступни босых ног, похожие на выжженные солнцем поленья, и тело Вахтанга скользнуло в могилу и глухо легло на дно.

“Босой Вахтанг... Так хоронить нельзя”...

Настю ещё там, около ручья, потрясли его желтоватые ступни. Но теперь эти босые ноги просто ошеломили её. Может, точно так же окончится и её жизненная дорога. Кто-то выроет могилу, столкнёт туда, потом точно так же, как сейчас Шаплько, отбросит, отряхнёт плащ-палатку, и она будет лежать на люшине или траве огромной бабочкой, потихоньку покачиваясь, словно живая. Кто-то прикроет папоротником и потом засыплет песком...

Шаплько поднял с травы ремень, закинул автомат за плечи. Вытянув тесак из ножен и, подбрасывая его на руке, направился к берёзе, около которой стояла подвода.

— Не бедуй! Мы сейчас ему памятник поставим. Потом двинемся дальше. Может, за добрую нашу заботу небо нам улыбнётся.

Настя работала старательно, давая понять Шаплько, что она не такая и слабая, что сила у неё есть. Но вскоре устала, дуло карабина больно задело ухо, и тогда из глаз полились слёзы. Она не старалась их сдерживать,

а только слизывала солёную горечь с губ и с отчаянным упорством продолжала взмахивать тяжёлой лопатой.

— Пусть пока такой памятник стоит, — Шаплыко воткнул в мягкий холмик заострённый берёзовый столбик. — Надо ещё надпись сделать. Чтобы люди знали, кто здесь похоронен. После войны тем, кто погиб, я бы золотой памятник поставил. Наверняка так и будет. — Он поднял с люпина плащ-палатку, стряхнул её, какое-то время смотрел на столбик, тяжело вздохнул, опустив голову:

— Спи, дорогой Вахтанг... Больше мы с тобой не врежем: “Кульгана були, буль-були...” Пусть будет тебе пухом земля. А завет твой мы исполнили, на поле лежишь, как просил. И солнце на тебя смотрит.

Положив лопату на телегу, Шаплыко снял со столбика вожжи, выехал на лесную дорогу, приказал:

— Давай садись...

Она отказалась, и Шаплыко хмыкнул:

— Ты что, пешком собираешься идти? Ещё километров восемь пылить, может, и больше. Конь отдохнул, дотянет.

Настя обошла воз и села спиной к Шаплыко, он сразу дёрнул вожжи.

— Н-но-о! Теперь к людям, неженка, к людям. В лесу, мамки-лямки, хорошо. Но не сладко.

— Впереди, кажется, посветлело. Не иначе, лес кончается. За березняком, наверное, поле...

— Если впереди светлее, то и жить веселее. Даже Белячок наш настроился. И-ишь, как головой трясёт. Вправо берём, вправо.

Шаплыко дёрнул вожжи, направляя коня с дороги в реденький березняк. Спрыгнув на землю, схватил коня за уздечку и так шёл, держа направление к раскидистому, как шатёр, орешнику. Настя тоже спрыгнула, пошла следом за возом и вдруг вскрикнула, увидев справа от орешника в прогалине между молодыми берёзками жёлтую волнистую полосу:

— Поле вижу. Ржаное поле!

Шаплыко это открытие, как ей показалось, не удивило, будто знал давно, что сюда, к берёзовой опушке, подступает ржаное поле.

— Колхозная рожь. Слева должен быть ручей. А дальше — деревня. Называется Залесье. В ней та аптека, как шатёр, орешнику. Настя тоже спрыгнула, пошла следом за возом и вдруг вскрикнула, увидев справа от орешника в прогалине между молодыми берёзками жёлтую волнистую полосу:

— Нет у меня часов. Я их в погребе оставила.

Шаплыко скривил губы:

— Паникёр тот, знаю, выпросил, чтобы время знать. Ведь так? Только не спрашивай, откуда Шаплыко об этом узнал. Тихо-тихо... Как будто кричит кто-то. Слышишь?

— Кажется, петух кукарекнул.

— Петух потом, а перед этим? Тут, мамки-лямки, ухо трубкой надо скрутить. И в боевой стойке быть, чтобы сразу — в лес мотнуть, если что не так...

Шаплыко повернул коня головой к лесу и, замотав вожжи за ствол старой и очень неровной, с выгибом около самой земли орешины, снял с груди автомат.

— В рожь заскочу. Оттуда, с пригорка, деревня — как на ладони. Твоя задача обеспечить мне тыл. Без меня — никуда, поняла?

Оставшись одна, Настя облокотилась на тёплое сиденье и настороженно прислушивалась. Невыразительно, как будто загудел шмель, зарокотал мотор машины и тут же заглох в ленивом шуме берёзовой листвы, что таинственно лопотала над головой. Далеко бухнул одиночный выстрел из винтовки. Настя мгновенно схватила карабин, который перед этим беспечно положила на подводу рядом с плащ-палаткой, сложенной четырёхугольником.

— Отставить оружие! Свои идут, — прозвучал весёлый голос Шаплыко, вскоре он и сам, шумно раздвигая в стороны ветки орешника, выполз из зелёного укрытия.

— Кто-то стрелял. Очень далеко, правда.

— То, что далеко, нас не касается. А то, что близко, — мирно спит, как

я посмотрел: ни души не заметил в Залесье. Стоят дома, как нарисованные, а людей нигде не видно. Как будто вымерла вся деревня. И вот что я подумал. Заповедь предков исполнили — Вахтанга схоронили. Теперь направимся в это Залесье. А там, как мне думается, не очень-то нас ждут. На нашего брата военного теперь искоса смотрят. Так и справедливо: кинули людей немцам в лапы. А теперь сала и хлеба у них требуем!

Лицо Шаплыко резко изменилось: брови сдвинулись, глубокие складки прорезались от губ к носу, от этого он выглядел неприветливым и суровым.

Шаплыко вытянул из-под сена военную фуражку с зелёным околышем.

У Насти даже заняло дыхание. Это же фуражка Грача!

— Откуда у тебя эта фуражка?

— Нашёл в лесу. Грач не взял. Раз нашёл, сказал, так и носи на здоровье. Удивляешься, вижу?

— Ну, — призналась она.

— К людям же идём. Потому и надел, чтобы видели: форма! Это сейчас очень важно. Поступаем, значит, таким макаром: вначале я пойду, если всё тихо — подаю тебе знак. Руку поднял — одна идёшь. Если обе — на коне гонишь. — Он деловито смёл хлебные крошки с плащ-палатки на ладонь, сыпанул в рот. — Не перепутаешь?

— Не перепутаю.

Настя не сердилась на Шаплыко, хотя и видела, что тот ведёт себя уж больно по-командирски, подчёркивая во всём своё превосходство.

Ощущение лёгкости, уверенности не прошло и тогда, когда она осталась одна на краю ржаного поля, около узкой кучи камней, густо поросшей молодым осинником и кустами лозы. Наверное, несколько лет сюда свозили и сваливали со всего поля камни. Земля густо поросла травой, и молодая лоза тут цешко взялась, гнала вверх гибкие тонкие ветки, усыпанные сочными листьями. От ветра нежные ветки качались, закрывали дом под новой гонтовой крышей, к которой, пригибаясь, но не очень и таясь, двигался Шаплыко.

Ветер гонит по ржаному полю рыжеватые волны. Крупные, тяжёлые колосья медленно и важно склоняются, приподнимаются, и мягкий их шелест глушится в листве молодого осинника. Настя дёрнула колосок. Стебель был сильный и вырвался из земли вместе с корнем. Она вылущила на ладонь зеленоватые зёрна, бросила в рот. Они легко раздавились, превратились в сладковатую, тёплую мякоть.

Потянулась за другим колоском, и в этот момент её глаза выхватили движение около дома. Это же Шаплыко стоит на крыльце и машет обеими руками. Всё, значит, в порядке. Надо ехать на подводе!

На штабеле, свернутом торцом к улице, сидел Шаплыко. Напротив стояла пожилая женщина в длинной чёрной юбке и выцветшей, без пуговиц, старой, полинялой одежке, похожей на военный бушлат. Она держала в руках булку хлеба и пучок молодого лука. Двор густо зарос подорожником, сероватым, словно присыпанным пеплом. В неглубоком корыте клевали зелёную травяную сечку рябенькие цыплята. Немного поодаль купалась в песке чёрная курица. Рядом с ней, словно сторож, стоял длинноногий петух. Увидев Настю, входившую в ворота, он внезапно и резко заорал: “Куд-куд, куд-куда!”

Настино приветствие — она на секунду приостановилась в воротах — испугало хозяйку. Бросив настороженный взгляд на Шаплыко, словно прося прощения, женщина заговорила торопливо, и разговор этот был адресован не ему, а скорее новому человеку, так неожиданно появившемуся во дворе:

— А больше — простите... Хлебом теперь не больно разживёшься. Из продмага Галька всё вывезла, так что свеженького хлебца не из чего спечь. Мне, слава Богу, братова жена помогает. На станции живёт, так ей кое-что перепадает.

Шаплыко взял из рук женщины булку хлеба, пучок лука, положил на жёлтую, не прикрытую рубероидом шалевку и незаметно подмигнул Насте:

— Так, значит, продавица из магазина, Галька та, ночью всё из продмага и выгрэбла?

— Подчистила, детки мои, подчистила. Завтра немцам прийти, а мы ночью побежали в магазин, а там уже пусто.

— А как фамилия продавщицы? — спросила Настя первое, что пришло в голову.

— Это не горит, фамилию мы сами потом узнаем. — Шаплыко перебил Настю, хотя было видно, что вопросом Насти остался доволен, и посмотрел на хозяйку уважительно и ласково. — О чём ещё я хотел бы вас спросить, извините, что мы только и делаем, что просим помочь. Может, у вас есть бумага, и найдётся какой карандаш.

— Нам за деньги. Мы заплатим. Деньги у нас есть!

Настины слова хозяйка оставила без внимания и быстренько пошла в дом. Настя заметила, что на деревянном крыльце хозяйка бросила беспокойный, тревожный взгляд на улицу.

— Кажется, жить будем богато, — проговорил Шаплыко весело, как только фигура хозяйки исчезла в доме. — Ты обратила внимание, как она старается побыстрее выпереть нас со двора?

— Она почему-то нас боится.

— Побаивается... На станции немцев полно. Сегодня утром трёх раненых наших забрали в деревне — какой-то гад шепотнул! — в машину поскидывали, как бревна — и за колючую проволоку. А всех мужчин на станцию погнали — грузить вагоны.

— Почему же мы тогда расселись здесь и беду ждём?

Шаплыко неожиданно развеселился, даже громко расхохотался:

— То же мне и женщина говорила... Не болтайся, мол, детка, по деревне. Что им, немцам, тяжело со станции на машине сюда жигануть?

— А сколько до станции?

— Километра два... С гаком, правда.

— А что на фронте слышно? — спросила, пытаясь не выдать своего смущения.

— Глухо. Ничегошеньки женщина не знает.

— Трудно поверить, чтобы в такой большой деревне никто радио не слушал. А если один послушал — новости по всей деревне разлетятся.

— Наивный ты человек, Настенька. Во всём Залесье был один-единственный приёмник — у председателя колхоза. Приёмник под обух пошёл, а председателя немцы к стенке поставили. Они днём тут орудовали, а вечером — мы с Лабуком по деревне катили. — Шаплыко перегнулся через забор, посмотрел на улицу, где послышались и затихли голоса, словно всплеск какой-то знакомой мелодии...

— Или он, или я — в рубашке родились: какое-то мгновение нас тогда спасло — разминулись с немцами.

— Что-то хозяйка долго копается. О чём ещё интересном она рассказывала? Хотя что-нибудь она знает, ведь не в лесу же живёт.

— Может, и знает. Да говорить не хочет. О чём с удовольствием рассказывала, так это про объявление, что висит на здании бывшего правления колхоза. Порядок новой жизни там объявлен: колхозный хлеб — не трогать, скот колхозный и совхозный — не трогать, машины и собственность — не трогать... Всё это, мол, принадлежит Германии. Запрещается помогать красноармейцам. Если кто увидит — должен немедленно сообщить властям. За невыполнение — расстрел на месте.

— Плевать я хотела на их приказы!

— Плевать — легко. А вот если бы на тот приказ да нашу резолюцию нарисовать, — Шаплыко запустил руку под фуражку, поскрёб пятернёй голову. — Значит, план у меня такой созрел. Если только удастся, рискнём...

— То, что нам надо, хозяйюшка, — сказал он, беря из рук женщины синюю школьную тетрадь и жёлтый погрызенный карандаш, заточенный с обеих сторон. — Настенька, плати грошики.

— Спрячьте, детки, вы свои грошики. Сыну причиндалы эти школьные ни к чему — в этом году Владка седьмой окончил. И ведь хорошо учился, скажу я вам. — Лицо женщины подобрело, и вся она как-то засветилась изнутри. Только в серых глазах под длинными дугами бровей жила прежняя тревога. — Всё мне говорил: “Выучусь, мама, ты около коровы ходить и навоз на ферме месить не будешь — сам деньги зарабатывать пойду”. А оно

вон куда повернулось — балки немцам грузит. Некоторые удрали, когда немцы облаву тут делали. А он скромный и не очень смелый. Вот его — первого — за шкуру.

— Вы своему парню скажите, чтобы не очень усердствовал на фашистов, — посоветовал Шаплько. — В восьмой класс пойдёт, так пальцем будут в него тыкать. И в комсомол не примут. А может, он комсомолец? Тогда тем более...

— Кто же на них, поганцев, старается, деточки вы мои! Они же силой тут загон устроили. И вчера, и позавчера, и сегодня, — запричитала женщина.

— Немцы тут роскошествовать долго не будут, — уверенно сказал Шаплько, он делал вид, будто ему очень приятно, что нашёл время поговорить с хорошим человеком. — Получат хорошего пинка, и — домой. Попылят без оглядки, да ещё им подмажем пятки, как говорится. — Он сгрёб лук, положил на булку хлеба, вручил Насте. — А за хлеб и цибульку — спасибо. Имейте в виду, хорошие дела никогда не пропадали и не пропадут. Вы это сами знаете, не хуже нас. И ваша помощь на нашу победу будет работать...

Вслед за Шаплько и Настя пожала руку хозяйке. Пальцы женщины были твёрдые и коричневые от молочной и одуванчиков.

— Возьмите деньги... Нет, правда, возьмите.

Что-то или в её голосе, или во взгляде сильно растрогало хозяйку, и она задержала Настину руку, когда та потянулась в карман кофточка за деньгами.

— Не трогай ты их! Не надо... — Она прижала Настю к себе, поцеловала. — Пусть тебе повезет, дитяtko мое. Пусть мать тебя встретит живой и здоровенькой...

— Благодарю вас... От души, — голос Насти прозвучал глуховато — в горле появился и застрял, затрудняя дыхание, комок. — Благодарим вас за всё...

В шестом по счёту доме, который стоял немного на отшибе, были раскрыты и окна, и двери, покрашенные в синий цвет. В палисаднике, отгороженном от улицы плотным заборчиком из рыжих, заботливо обструганных досок, зеленели два пышных куста жасмина, и между ними высокими свечками росли мальвы с сочными листьями — по две напротив каждого окна.

Шаплько дёрнул вожжи, направляя коня к палисаднику, заметив тихо, но бодро и возвышенно:

— Сейчас будем знакомиться с Егорихой. Она же Галька по фамилии Мирончик.

— А нико и не видно: попрятались хозяева, увидев нас.

И как будто в ответ на замечание, взвился весёлый, залихватый мужской голос: “И она, закрывши очи, ни жива, а ни мертва...”

К мужскому голосу присоединился густой, сочный женский. Шаплько оживился, спрыгнул с воза:

— Ну вот, а ты говоришь, попрятались! Пируют!

Связав петлей вожжи, Шаплько зацепил их за жердину, закинул за плечи карабин, обтянул под ремнём гимнастёрку и, молча кивнув головой Насте, уверенно открыл узкую калитку, что прилепилась к столбу высоких и плотных ворот.

Настя вошла следом за Шаплько во двор и смутилась от уюта и безмятежности, которые царили в нём, всё говорило о домовитости и сытости зажиточности хозяев. Дорожка, выложенная по краям красным кирпичом, шла вокруг дома; напротив террасы, выкрашенной в тот же цвет, что и окна дома, ярко-зелёной полосой лежала недавно скошенная трава, слева от этой полосы зеленели на высоких грядках лук и фасоль. Под яблоней, за низким, длинным столом, сидели двое мужчин и женщина. Мужчины расположились на широкой деревянной лавке, которая одним концом нависала над низкорослой, лопушистой фасолью, а женщина, молодая, с сочными грудями, которым было тесно под желтоватой, с короткими рукавами, кофточкой — роскошествовала в торце стола, в старом коричневом кресле из лозы.

— Господам — наше почтение!

Басовитое приветствие Шаплыко словно скосило песню. От порыва ветра скрипнули открытые двери террасы, ручка их ударилась о деревянную стену, и стеклянная банка, что висела на зубе бороны, тоненько и жалобно звякнула.

— Добрый день, — ответила женщина. Она даже не приподнялась, вначале вопросительно глянула на мужчин, которые сидели за столом, а потом на неожиданных гостей.

— Мы к Гале Мирончик.

— Перед вами она и есть, — сказала женщина и поправила светлые подвитые волосы, а потом, опустив руку, задержала её на остром подбородке, серые глаза смотрели больше с любопытством, чем со страхом.

— Шаплыко. Выполняя приказ коменданта хозяйственного взвода шестого полка особого назначения. — Шаплыко, козырнув, сел на короткую деревянную лавку напротив мужчин и положил снятую фуражку слева от себя. Хлопнув ладонью по столу, приказал садиться и Насте. Карабин поставил на землю, зажав его коленями; дуло торчало над столом, упираясь мушкой в край эмалированной тарелки, на которой было нарезано сало.

— Пожалуйста. Чем богаты, как говорится, тем и угощаем, — женщина оживилась, и на её лице засветилась деланная вежливая улыбка. — На обед как раз собрались. Бульбочка у нас с мясом. Редисочка, салат свежий. Цибулька...

Но Шаплыко настойчиво вёл своё:

— По сведениям, которые мы имеем, вы припрятали — и, между прочим, разумно сделали! — продукты из магазина, в котором работали продавщицей. Теперь продукты будут конфискованы на нужды нашего полка. Передачу продуктов оформим документально...

— Налей нашим гостям, Яночка, — женщина повернулась на стуле, коснулась плеча мужчины в коричневой рубашке. Мужчина, крупный, с чёрным скудлачным чубом и мясистым носом, буркнул, как в бочку:

— А холеру им. О таких гостях загородка на станции плачет. И-ишь, смелый какой появился и пукалку свою наставил! Чего ты из неё на границе не пукал? Почему твой полк особого назначения землю свою не защищал? Почему немца вглубь России запустил? Хе! Ты посмотри на этот полк, Стас!

Стас был полной противоположностью Янке — мелкие черты лица, тонкий, как будто срезанный, кончик носа, редкие светлые волосы, гривка прилипла ко лбу над правой бровью куцым хвостиком.

— Галечка права, — голос его был тоже полной противоположностью голосу толстяка — сладострастный, тонкий. — Солдат устал, солдатский хлеб бурлацкий. Разве он виноват, что комиссары их обманули? “Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим...” А в чём солдатик этот виноват, когда все бегут очертя голову? А что, солдатик виноват, когда жида всё продали? Но немец порядок везде наведёт. Немец порядок любит...

— По закону военного времени за такие разговорчики — расстрел на месте, — Шаплыко дулом карабина сдвинул миски на середину стола, на освободившееся место бросил тетрадь и, переложив деньги на обложку, вырвал лист, разлинованный синими линейками, начал что-то писать карандашом.

— И откуда ты вылунился, такой расстрельщик? — Толстяк схватил нож и вонзил его в край стола; лезвие закачалось, зазвенело. — Комендант шестого полка... Ха-ха! Комендант полка свалился с потолка. Что ты трубишь? Нет никаких полков. В плен все попадались. Вместе со Сталиным.

— Молчать! — Шаплыко — лицо его налилось кровью — с такой силой ударил кулаком по столу, что подпрыгнули миски. — Чтобы больше я не слышал этого поганства! Предупреждаю последний раз. — Шаплыко перегнул вдвое страницу и протянул её продавщице. — Это вам даётся расписка. В соответствии с ней мы реквизируем часть продуктов. Берём сахар, крупу, макароны. А точнее определим, когда посмотрим, что у вас припрятано...

— Ну, смехота... Расписка... — Галечка скривила губы. Но лист взяла, посмотрела и бросила на середину стола. — А где мне эти продукты взять? Рожу я вам сейчас эту крупу и макароны?

Толстяк глянул на Стаса, нижняя губа у него отвисла, сделалась похожей на кусок оладки.

— А если бы и хотела, не родишь, — толстяк вытянул нож с края стола, бросил его на расписку. — И криком своим ты ничего не добьешься. Мы — люди. Они — тоже. И потому сделаем так: — Он пододвинулся к продавщице и, наклонившись над столом, стал складывать в миску куски хлеба, кладя на каждый ломтик сала. — Какие продукты есть — ими и поделимся. И пусть человечки шуруют дальше. А куда, с кем, с чем, к кому — нас это не касается.

— Подготовьте транспорт, — подчёркнуто официально попросил Шаплько Настю и, свернув тетрадь трубочкой, вложил в неё карандаш и положил в карман.

Настя поднялась, сразу сообразив то, о чём Шаплько вслух не произнёс. Надо бежать за автоматом, потому что, по всему виду, хорошей ссоры на этом дворе им не миновать.

Толстяк задержал её, взяв в руки миску, попросил глухо, косясь на Шаплько:

— Неси себе, дочушка. В дороге пригодится, потому что сегодня никто тебе не расщедрится на еду. Иди, иди, не стой тут. А мы тем временем с бравым командиром говорить будем о том, что в мире делается. Тут, около станции живя, то-сё мы слышали...

— Мы слышали тоже, уши имеем. И поэтому приказываю: упаковывайте продукты, которые вы взяли из государственного магазина, товарищ Мирончик. — Шаплько разговаривал с продавщицей, игнорируя замечания толстяка. — Где они? — И вдруг строго глянул на Настю. — Я же вам приказал: приготовьте транспорт.

Настя шла медленно, ноги неприятно дрожали. За спиной, парализуя её волю, звучал голос толстяка.

— Твоё право, бравый комендант, приказы отдавать — тю-тю! Галя! Садись на место. А этот приказ туда. — Толстяк смял бумагу, на которой Шаплько писал расписку, и швырнул в Настю; бумажка описала круг, упала к её ногам. — А ты пукалкой не шевели! Не шевели, говорю. Ну, выстрелишь, если заряжена. А дальше? Немцы со станции на машинах прикатят — пискнуть не успеешь. Там, на станции, таких, в гимнастёрчках, даже комсоставовских — полносенько. В загородке за проволокой. И твой полк, о котором ты тут рассказывал, — тоже там! Он ещё трибуналом угрожает. Да через неделю-другую — об этом трубят на станции с утра до вечера! — Гитлер въедет в Москву на белом коне. А Сталин твой уже за Урал драпанул. Бежит где-то, язык высунув...

Толстяк быстрым движением выбросил перед собой правую руку; блеснул нож, он как будто пробил поясицу Шаплько навывлет, и тот полетел на землю вместе с лавкой. Толстый бросился на него, но Шаплько изловчился, крутанул карабином, как будто подкинул свою фуражку, которая перед этим красным мячиком вспорхнула в воздух, и толстяк завис, распластавшись, на перевёрнутой лавке. Шаплько перевернулся, вскочил, клацнул затвором.

— К стене, сволочь! — просипел он яростно. — Ты, гнида фашистская!

Настя, спиной к улице, отступала к воротам и, широко раскрыв глаза, смотрела, как Шаплько дулом карабина подталкивает толстяка к стене террасы. Широкая доска ткнула в спину, и тогда Настя отбросила плащ-палатку, схватила автомат и метнулась назад, во двор.

Шаплько кивнул похвально:

— Правильно! Продавщицу и этого Стаса держи на прицеле. Если что, секи сразу!.. Вот же гад, — Шаплько покрутил дырку на гимнастёрке, словно удивляясь, откуда тут она: — Кажется, и кожу ножом зацепил... Ну, и я сейчас вам кровь выпущу.

Продавщица отчаянно завопила, и голос её перешёл в тоненькое повизгивание:

— Я не виновата! Я не виновата!

— Молчать! — гаркнул Шаплько, продавщица смолкла, словно подавилась.

Шаплыко шёл за толстяком, пригнувшись, зло ощерившись:

— На солдата Красной Армии с ножом? Врёшь, гнида фашистская! Москву уже похоронил! Её никогда никто не похоронит! Москва — вечная! Повтори, гад!

Толстяк остановился около терраски, как раз между банками, что висели на зубьях бороны, смотрел зверовато исподлобья.

— Я что тебе сказал? — с угрозой спросил Шаплыко и нажал на спуск. Выстрел раздался оглушительный. Блестящей пылью рассыпалась разнесённая пулей банка.

— Вечная она... Вечная она...

— Кто? — в голосе Шаплыко послышалась прежняя угроза.

— Сам же сказал: Москва.

— Вот это уже другой коленкор, мамки-лямки! Я вас научу свободу любить!

— Галечка, Яночка! Родненькие, отдайте им всё, — надрывно заголосил Стас и быстро, как по намыленной доске, съехал на конец лавки. — Отдайте им и мою долю. Всё отдайте. Наживём. Государственное пусть государство и берёт...

— Москва вечная. Вечная, вечная она, — Стас выбежал на середину двора. — Кипучая, могучая... Ты — самая любимая... Как в песне нашей...

— С этой песней и живи. А теперь подымай, — Шаплыко ткнул пальцем на скомканную бумажку, что лежала на густом, придавленном к земле подорожнике. Подождал, когда тот поднимет бумажный комочек. — Разглядь. И отдай продавщице. Отдал? Молодец. Теперь иди в сад и наскуби цибульки. И чтобы перо было и головки. Штук пять хватит. И на всю работу — тебе пять минут... Да не тут, а там в садочке. Там цибулька погуще.

— Да, да, гуще. Я сейчас — мигом.

— Крупы немного есть. И сахар. И вермишелька, — деловито, как будто совсем и не голосила перед этим, проговорила продавщица, разглаживая бумажный лист, который поднял с земли и вручил ей Стас.

— Тебе тоже — пять минут. А куда нести, тебе покажут, — сказал Шаплыко и бросил Насте: — Проследи за ней.

В банке было темно, и Настя, войдя следом за продавщицей, осмотрелась не сразу. Но когда осмотрелась, удивилась: не иначе, в продовольственный склад попала. В одном углу стояли мешки, в другом — ящики, бочки, какие-то бумажные кульки, разных размеров клунки. Из-под балки в потолке продавщица вытянула серый мешок, встряхнула — пришитые с боков бечёвки крутнулись гадукой, — молча протянула его Насте. Так же молча и злобно она бросила два белых тяжёлых мешочка, потом три более тёмных, связанных лохматыми бечёвками, кинула сверху четыре бумажных свёртка, торопливо схватилась за два нижних угла и глухо сказала:

— Понесли.

В банке немного посветлело: на боку ящика, сплетённого из широких коричневых лучин, выразительно высветилось:

— Ма-ка-ро-ны!

— Они уже в мешке! Поднимай!

Согнувшись, Настя едва не выпустила связанный бечёвками тяжёлый мешок... Даже собралась было попросить продавщицу подождать, чтобы переменить руку и передохнуть.

Но та, волковато нагнув голову, упорно тянула куль и вместе с ним Настю. Когда мешок мягко шлёпнулся на воз, продавщица силло выдохнула:

— У-у-ух — всё.

Так же волковато, опустив голову, быстренько потопала во двор.

— Всё по ведомости? — спросил Шаплыко.

— Есть макароны в ящиках, — сказала Настя, как бы метя продавщице за то, что она не остановилась, чтобы передохнуть, хотя видела, что Насте очень тяжело. — Четыре ящика, кажется.

— Один — на воз. А лучше — два, — приказал Шаплыко продавщице, пальцем подозвал Настю к себе. — Графин под столом видишь? Около яблони в траве. Тоже прихвати. — И вдруг весело подмигнул Насте: — Просле-

ди, чтобы и третью коробку поставила. В полку макароны с салом всегда в почёте. — И, махнув карабином почти у самого носа толстяка, приказал: — А ну, пошёл в огород! Поможешь Стасу. Что-то он там долго копается.

Настя вытянула из-под стола пузатый, из синеватого стекла графин с деревянной пробкой, обмотанной марлей. Знакомо ударило в нос спиртом, и почему-то именно теперь, от этого запаха, у неё бешено забилося сердце. Надо бежать! Бежать, не теряя ни минуты. Уж больно расхрабрился Шаплыко. Ну вот, наконец, возвращается. Но почему взволнованный? И снова перед собой гонит толстяка. А того, в синей рубашке, нет. Неужели убежал? Не иначе как убежал.

— К стене, гад! — Шаплыко толкнул дулом карабина толстяка на прежнее место к стене террасы. — Где Стас? Немцев побежал звать? — Шаплыко резко вскинул карабин. — Считаю до трёх. Р-аз...

— Не убивайте! Не убивайте! — продавщица, бросив ящик с макаронами на воз, вскочила во двор и бухнулась на колени! — Всё вам отдала. Даже больше, чем в расписке написано!..

— Два-а, — протянул с нажимом Шаплыко. Толстяк, глядя поверх его головы, буркнул:

— Не я его в садок послал. Я же и слова тогда не вымолвил.

— Твоя правда. Мой грех, — сразу и как-то миролюбиво согласился Шаплыко, сделал шаг в сторону, к Насте, словно отстраняясь от продавщицы, которая приближалась к нему, вытянув перед собой дрожащие руки. Затем он наклонился, поднял нож, который лежал на песке, — это холодное оружие мы не оставим! И заруби себе на носу: наши отступили временно, чтобы взять хороший разгон. А если ты ещё когда-нибудь и кому-нибудь хотя бы одно поганое словцо скажешь о нашей армии и Москве... Или немцам о нас шепотнёшь — с твоими мозгами будет вот так...

Бухнул выстрел, и сверкающей пылью рассыпалась другая банка, что висела на зубе бороны по правую сторону от дверей.

Стоя уже у ворот, Шаплыко оглянулся, погрозил толстяку и продавщице пальцем:

— Государственные продукты не разбазаривать... Никуда и никому. А то, что я тебе сказал, повторишь Стасу. Понял?

От страха у толстяка оттопырилась нижняя губа, и он поспешно, как-то даже льстиво, мотнул головой — понял, мол, всё.

Сев на воз, Шаплыко фасонисто дёрнул вожжи.

— Теперь одно: аллюр три креста, — озабоченно оглянулся на дом с раскрытыми окнами:

— Автомат держи наготове. И по сторонам смотри внимательно. Где подсумок? Там тесак, сюда его положи.

Конь шёл скорой рысью. Подводу потряхивало на выбоинах не очень ровной деревенской улицы, по-прежнему пустой и притихшей. Настя изловчившись, вытянула из-под сбитой соломы тяжёлый спаренный подсумок, потом тесак, конец которого зацепился в щели между досок.

— А мне кажется, что нам назад надо повернуть, — Настя вцепилась в автомат, который все время подбрасывало, — на старую дорогу, чтобы не через всю деревню. А там — сразу в лес около ржи.

— На винокуренный завод подскочим.

— Рискованно.

— Теперь везде — рискованно. Но, во-первых, не хочется на глазах у людей убежать. Ты не смотри, что нигде ни одного человека — десятки глаз следят за нами. И потому пусть смотрят, что едем спокойно, как хозяева. Во-вторых, винокурня — за деревней: оттуда в лес скакнуть близко.

Конь мчал галопом, воз трясло, и хаты, казалось, не отпльвывают назад, а отскакивают, словно стараются быстрее спрятаться за лоснящиеся яблони, густо усыпанные созревающей крупной антоновкой.

(Окончание следует)

ВАЛЕНТИН СОРОКИН

СКОРО БОЛЬ В ГРУДИ МОЕЙ РАСТАЕТ...

* * *

Ах, ливни детства, вы отрокотали
И отзвенели стаи лебедей, —
Угрюмей путь и необъятней дали,
И горы жизни выше и трудней.

Я их вершины одолеть пытался,
Над прошлым встал, над будущим привстал,
В грозу с орлом над бездной побратался:
Есть храбрецы?

Свободен пьедестал!..

Единственная, верная, святая, —
Ты и отвага, молодость и ты!
Опять, опять звенит лебяжья стая,
Бегут к реке глазастые цветы.

Проснулся день в обители небесной,
И свет зари над нами, свет зари,
И вновь орёл парит над гиблой бездной,
Но ни о чём ты с ним не говори!..

СОРОКИН Валентин Васильевич родился в 1936 году. Десять лет работал на мартене. Окончил Высшие литературные курсы. Автор многих поэтических сборников, в том числе “Благодарение”, “Хочу быть ветром”, “Плывущий Марс”, “Нас двое” и других. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.

Ах, годы, горы, за бессмертной синью
Я честен был, наивен и удал,
И никому страданья за Россию
И красоты твоей я не отдал,
И звездопад, и камнепад, и скалы,
И крест судьбы сквозь непогодь пронёс...
О, не вчера ль природа нас ласкала
Ладонями, горячими от слёз?
Благодарю тебя, реку и дали,
И пусть мгновенно счастье у людей,
Но ливни наши не оттрепетали,
Не отзвенели стаи лебедей!..

ТВОЁ КОЛЕЧКО

Когда опускается полночь глубоко,
Мне так неуютно и так одиноко.
Буран замечает и окна, и крышу,
А я и в бессоннице голос твой слышу.
Я слышу, я вижу, и даже при громе
Шаги твои лёгкие чуются в доме.
А выйду в просторы, там тихая речка,
Луны золотой не твоё ли колечко?
Когда опускается полночь глубоко,
Мне так неуютно и так одиноко.
Но в эти минуты из тёмной столицы
Летишь ты ко мне искромётней жар-птицы.
И поле смеётся, ромашки танцуют,
И клёны за доблесть твою голосуют.
И всех соловьёв разбудила зарница:
“Встречайте,
звените,
к вам едет царица!..”

БЕЛАЯ ЛУНА

Жизнь не вечна, и земля не вечна,
И не вечны звоны журавлей,
Потому я слушаю сердечно
Майский хор берёз и тополей.
Облака и поле — стаи, стаи,
Меж холмов широкий путь к реке.
Скоро боль в груди моей растает,
Образ счастья вспыхнет вдалеке.
Жду его, но вижу я упрямо
Над цветами, травами, водой,
Где седая воскресает мама,
Говорит: “А мы живём бедой”.
Говорит: “Страдание и горе,
Жизнь и смерть у нас переплелись,
Вот и мы от моря и до моря
Слёзною тоской переплелись!”

Сторона, родимая сторонка,
Мне к твоим окошкам не пройти,
Там уже ни старца, ни ребёнка —
Голоса живого не найти!

Растворились песни по долинам,
Нищета до пепла изожгла
Хутор мой с названьем соловьиным,
Хутор мой казачий — Ивашла.

Нас убили войны и обманы,
Мама, мама,
ты опять одна
На меня глядишь через туманы,
Как в пустыне белая луна!

БРАТЬЯМ

*В борьбе многотрудной, упорной, суровой
С Россией, Украиной мы шли заодно.*

Петрусь Бровка

Верные, святые белорусы,
Добрые, родные украинцы,
Мы ведь с вами — русские, мы русы,
А разделены, как палестинцы.
И в Крыму нас обучают янки,
Во Владивостоке учат драке,
Неужели мало после пьянки
Крови ими пролито в Ираке?..
Русы,

белорусы,
украинцы,

Встанем, непопятные, над Бездной,
Да, мы — палестинцы, палестинцы,
Русы мы, с отвагою железной!
С нами Жуков и Богдан Хмельницкий,
С нами Василевский, Рокоссовский,
Подвиг материнский и отцовский.
Минск, и Киев, и Москва за нами,
Соловей и сокол на ладони,
Сердце Ярославны — наше знамя:
Слышите, звенит оно и стонет?
На просторах нам пора подняться,
Коренных соседей обнимая,
Пусть враги России убоятся,
Слыша поступь грозowego Мая!..
Журавли кричат о чём-то Волге.
Днепр
и Неман.

Курск

и Севастополь.

Под моим окном сидит тополь.
Все цветы слезами понаволгли...

ВЕРА ГАЛАКТИОНОВА

СПЯЩИЕ ОТ ПЕЧАЛИ

ПОВЕСТЬ

* * *

Пахнет в доме древним родным деревом, печным старым кирпичом, лежалым бельём из маменькиного сундука. И снова твердит тётка, уставившись в одну точку:

— Засветло тебе уехать, Федя, надо. Засиживаться до вечера нельзя: опасно. Горцы есть горцы, понимать надо. Они тебя уже видали. А если в лицо узнали — то всё: не выедешь ты отсюда. И не выедешь — и не спрячешься.

— Да кто кого запомнил? Брось...

— Ой, приметливые они! Это мы не помним ничего, а эти — ничегошеньки не забывают, никогда. Уезжай.

— ...Капитулировать, значит, предлагаешь, — помолчав, сказал тогда Бухмин спокойно, вставая из-за стола и заправляя гимнастёрку под ремень. — Ввиду численного их превосходства. Ты кому это говоришь? Мне?! Нет. Сначала я им объясню кое-что. Одному да другому, третий уж не полезет.

— Феденька! Не надо! Ножик мой отдай! Не хватай!.. — вскочила тётка, всполошилась, кинулась к Бухмину. — Они, Федя, тоже натерпелись. Им контора мало помогает... И по дороге они гибли. И тут им взять нечего, неоткуда, а жить — надо! У них, Федя, тоже — дети. Понимать надо!

— Да у твоих же детей, у сирот...

— Пускай! Зато не обидели здесь никого. Сядь, сказала! — толкнула она Бухмина к венскому гнутому стулу. — Сядь и сиди!.. Нет, эти горцы — они не плохие у нас, Федя. Хорошие! Даже очень хорошие! Не как в соседней артели... Отдай мне ножик, сказала! Я сама с ним хожу. В кармане ношу. Без него — никуда... Кому сказала?! Да что ж за наказанье-то такое...

Бросив нож на стол, Бухмин долго ходил по дому без дела, пока не увидел на комодe старый плюшевый кисет — лиловый, затянутый шёлковой верёвкой с тускло-малиновой плоской кистью.

— Я это для тебя вытащила! — встрепенулась тётка, обрадовалась. — Из сундука. Нашла! Там самосад остался... С этим кисетом твой отец в Карпатах воевал. “Георгия” получил — и курить бросил... Мы в сундуке этот кисет держали, от моли... Вот вытащила: вдруг покурить ты захочешь, а папироски у тебя кончатся фронтовые...

Никак не отвечая тётке, Бухмин отыскал обрывок газеты и, глянув мельком на статью, — “...завершившим разгром кенигсбергской группы немецких войск и овладевшим городом и крепостью...”, стал сворачивать “козью ножку”. Табачная пыль времён первой мировой была ничем не отличима от сенной трухи. Но Бухмин курил, разглядывая синие волны дыма, под тихие тёткины причитания:

— ...Уезжай, Феденька. Сцепитесь вы. Рано или поздно. А помочь тебе будет некому. В одиночку никого ты не одолеешь... На коленки перед тобой встану: уезжай только. Неужто детей моих ты не пожалеешь? Говорю же: узнают про тебя, вырежут всех. И дом сожгут!.. Их здесь тьма-тьмущая, а наших, видишь, не осталось. Полегли наши, Федя... Понимать надо... Ох, и что это за жизнь: всё-то мы побеждаем да побеждаем! А наше, последнее, из рук всё уходит и уходит... В дым! Улетает, Федя, всё.

Бухмин вдавил сигарку в чайное блюдце.

— Думал, споёшь ты мне, — прокашлялся он. — Так спеть с тобой хотелось! “По пути села родного...” Помнишь?

Тётка покачала головой:

— Когда это было? — и махнула рукою.

Бухмин затыкнул всё же:

— По пути села родного... колокольчик прозвенел... Тут промчался вороводяга, бездомовый человек... Ты куда, куда, бродяга, — прокашлялся он снова для чистоты голоса. — Ты куда скоро спешешь? Тебя брат родной не встретит... и за ручку не возьмёт...

Пристально посмотрела на него тётка, сказала отчуждённо:

— Всей семьёй пели — хорошо! На три голоса. А сейчас — чего уж...

Вина в бутылке уже не было. Только две полные рюмки стояли на столе. И тётка, и Бухмин сидели теперь недвижно, не нарушая домашней глухой тишины.

— Другая ты стала, — проговорил он наконец. — Лицо у тебя... резкое очень. Как из скалы ты выточенная, из тёмной. Обветрило тебя... Другая, а всё равно — красивая.

Тётка Родина поправила косынку с досадой.

— Это значения не имеет, — сухо сказала она и нахмурилась. — Больше не имеет. Павел погиб.

— Заглядываются? Эти? — уводил глаза в сторону Бухмин. — Донимают?

— Я без ножа в кармане не хожу, — повторила тётка равнодушно. — Они тоже не дураки.

И снова стало тихо в доме. С увеличенной серой фотографии над комодом смело глядели на Бухмина бородатый весёлый отец и дородная матушка. А пропечатанное понизу замысловатое тиснение — “Семипалатинская губерния Российской империи” — на переснятом снимке вышло тускло.

Бухмин с полной рюмкою в руке подошёл к фотографической бумаге.

— Вернулся я, — сказал он отцу негромко.

И матери сказал:

— Вот. Приехал.

Она же — с открытым спокойным взглядом и с высокой причёской своей, чуть улыбалась ему из прошлого, словно издалёка — из серого тумана.

— Дождались они тебя, — проговорила тётка уважительно и деловито. — Свиделись все. Теперь поторопись... Фёдор, слышишь? А то стемнеет.

И добавила вдруг она голосом, дрогнувшим от укора:

— Ну, дезертиров — ладно, а беременных бабёнок зачем ты выселял? А, Федя?

Крякнув, промолчал Бухмин, вернулся за стол, потирая плечо.

— И этих, истинно православных, пригнали, — тихо, словно во сне, говорила тётка. — Одна не разродилась, другая мёртвенького скинула, он человек был... А что в дороге, тесной, голодной, с тяжёлыми бабёнками ихними творилось, которые на сносях-то были?.. Федь? Зачем?

Стукнул по столу Бухмин, побагровел до злой слезы.

— А что ещё дезертирам было делать, как не баб в войну брюхатить?! — прикрикнул он. — Что?

И осеклась тётка. А Бухмин продолжал с тою же сумрачной злостью:

— ...Наш мужик в огонь шёл и в падаль гниющую превращался. В прах! В назём... Когда эти — размноженьем своим занимались... Может, наши жизни дешевле ихних были?! А?

Теперь уже только молчала тётка, склонив голову к плечу.

— У идущего на смерть тыл должен быть надёжный, — устав, договаривал Бухмин. — Пули в спину солдату не нужны, ему других пуль хватало... А брюхатить жён этим умникам и тут хорошо, только... только чтоб от фронта они были подальше, те, кому отчизна — не мать... Неудобный здесь, конечно, для их семей инкубатор, да ведь ты-то — всю жизнь тут? В этих местах?.. Ты — с похоронкой здесь живёшь, их бабы — с мужьями. Такая вот разница получилась.

— Ладно, — кивнула тётка поспешно. — Не переживай. Твоя правда есть, Феденька! Только политическая она вся. А моя правда — жизненная. И так далеко они разошлись, правды эти, что беда. Соединил бы их кто.

— Ну! Бабьего ли ума это дело? — окоротил тётку Бухмин. — Война есть война. Там двух правд не бывает! ...Одна у войны правда: военная.

— Ты тоже другой стал, — ответила тётка.

* * *

Часы на стене бойко стучали. Рисованный медведь на расписном циферблате водил глазами влево — вправо. Бухмин же, махнув рюмку вина, соображал теперь вслух, что ему делать.

— В райцентр поеду, просить в председатели... А если Славик решит ещё поработать, в милицию устройю. Участковым пойду. И точка.

— Узнают они всё про тебя, — твердила тётка негромко. — Кровная месть у них, обычай такой... Кто им урон нанёс, они тех не прощают. Вон даже Славика сказали: "Мы — дети волчицы". Он ведь притих. Не ответил даже ничего.

— Волчицы, говоришь? — задумался Бухмин. — Те из них, которые на фронте геройски сражались, может, и дети волчицы. Хотя... они свою, живую, человеческую кровь за всех проливали, а не по чужим сараям шастали. Значит, человечьи это были дети! ...А шакалы? Они из семейства волчьих — или нет? Вот про это я их, здешних, наверно, спрошу!

Но каждой своею фразой лишь сильнее пугал он бедную тётку, пока, побледнев как полотно, не бухнулась она ему в ноги прямо со своего табурета:

— Да что же за горе нам такое? Зачем, зачем ты вернулся? Дай нам покой! Не трогают они нас — и хорошо. А ты — уезжай! Хватит мне слёз, хватит мне страха. Пожалей ты меня! Ради детишек-сирот прошу! Собирайся засветло.

— Гонишь из дома, что ли? — никак не мог взять в толк Бухмин, потирая плечо. — Тут половицу надо менять. Дверь вон рассохлась, а ты... Ты? Меня? Гонишь?!

— Гоню, Фёдор, — твёрдо прихлопнула тётка ладонью по столу, не вставая с колен. — Я за тебя перед матерью твоей, перед старшей сестрой своей, в ответе. Мне тут покойник в доме не нужен. Гоню!

И снова, подхватив вещмешок с лавки, окидывает Бухмин взглядом стены, фотографии, половики. Качаются за окошком цветущие мальвы. Висят на бельевой верёвке, вдоль печи, детские рубашонки, майки, штаны. Стоит на коленях безмолвная тётка Родина, склонив голову.

— Ладно, — топчется он у порога, не решаясь толкнуть дверь. — Раз для твоего спокойствия надо... Может, ещё чего изменится. Хибары-то у них вроде временные... Тогда приеду, когда разрешишь. Устроюсь, адрес пришлю. И если что с вами случится здесь — в тот же миг! Поняла?

— Вот и хорошо, Федя! — размашисто перекрестилась тётка, поднимаясь с колен. — Гора с плеч. Ребятки целее будут... Вот и ладно! Я ведь тоже не железная, Федя. Случись чего с тобой — не переживу! А с детишками — недавно...

* * *

И вскоре в Столбцы пришло Бухмину письмо из города Тирасполя.

“Дорогой, родной Фёдор! Ноги мы оттуда унесли всё же. К свекрови переехали. Она как отправилась до войны к старшему сыну, к Толику, офицер который, так с ним и живёт. Помнишь его? Пашиного брата старшего? Ты маленький был, а он в галстучке шёлковом приезжал, на Троицу. Со всеми, по очереди, в лесу танго танцевал, аргентинское. Губами его дудел... Ну вот, в больнице теперь лежит, с тяжёлой контузией, Толик. А всё натворила — война. И что Гитлер со Сталиным на лужайку не вышли? Подрались бы. И кто кого одолел — того бы горка была. А людей-то наших миллионами зачем увечить? Не пойму...

Как за тобой дверь захлопнулась, я со свекровью списалась уже окончательно. Не суди меня. Так лучше, как всё устроилось. Живём теперь без всякого страха. Дом брошенный жалко, спасу нет, каждую половичку вспоминаю, каждую полочку, тятенькой прибитую. Но зато все мы уцелели. А что на могилки нам теперь не попасть, когда захочется, то ничего не поделаешь: судьба наша такая. Это понимать надо... Тут — политика! Её не переплюнешь... Но всё теперь наладилось. И для нас место нашлось на земле спокойное.

Ничего, Фёдор. Не тоскуй по нашим местам. И так твоей матери, моей сестрице незабвенной, и твоему отцу лежать в нашей земле намного спокойней, они бы меня одобрили. Прости, прости!

Вот Шарик остался. Один уже, без нас дорогое, родное село охраняет, дурачок-то наш. Лает, хрипит. Может, ещё не убили его за это. Надеюсь я... Марью просила взять Шарика во двор, да она осерчала: “Я с человеческим инвалидом устала, зачем ещё мне собачий ваш?” Характер Марьян ты знаешь. Ну, хозяин увечный, да пёс ненормальный прибавится: ей совсем не село станет, Федя. Понимать надо... Пообещалась, правда: кусочек Шарик, хоть изредка, да вынесет. Такое слово, неохотное, всё же мне дала.

Ничего не поделаешь: у каждой букашки-таракашки своя судьба, у собаки — тем более. А наша тут пошла выправляться! Если денежек, Федя, будешь маленько высылать, детишкам на обувку-одевку, то и совсем будет нам тут хорошо. А то всё на них горит. За просьбу эту прости Христа ради, тысячу раз, и много присылать, в ущерб себе — не смей. Из остаточков, когда получится: не часто. А всю нашу нужду на себя не вешай. Этой просьбой, Феденька, беспокоить я тебя уже не буду больше, ладно? И так мне больно, неловко, плохо, что себя ты этим из-за нас ущемишь, да вот нужда... Но очень хочу, чтобы ты больше думал о себе, не о нас.

Лечи солодовым корнем плечо! Он всё очищает! Корни в чугулке запарь, пускай в печке постоит подольше, и пей без ограниченья, как чай! Обязательно. А если у тебя трудности будут, мы и долго потерпим, без всякой твоей помощи. Ничего. Не беспокойся. Я тут зарабатываю всё же копеечки, да!.. В уборщицы больничные пошла, Федя, туда, где Толик лежит!

Приглядываю за ним, за государственный оклад. Кормлю с ложки, руки у него — как плети, и по ночам кричит, бьётся, а так — спокойный, хоть и контуженый. Врачи говорят, организм у него слишком крепкий, сильной породы: мучиться долго будет...

Вот, в поломоиках, Феденька, я теперь, зато работа лёгкая: вечером ухожу всего на четыре часа, а возвращаюсь хоть и в полночь, леском, зато нож со мной, в пиджаке. Я без ножа в кармане не хожу. Привыкла давно, и мне с ним спокойно. Хорошо.

А так весь день я при детях, Федя. Свекрови помогаю сушить дули, сладкие очень. Ещё по мелочи: вскопать, прибить, побелить, натаскать воды, постирать, сготовить — это нам привычное всё, ты знаешь. Да и дети у меня — как муравьи: один грядку прополет, другой двор подметёт. И посуду они моют.

Митя с Гришей учатся хорошо, особенно — Митя. Они способные. Только у Фёдора плохо с устным счётом. И двойняшки трогают бабушкины вещи, такое бывает иногда...

Себя береги, Федя, ты способный у нас. Это главное. Позвала бы тебя в гости, да не знаю, как отнесётся свекровь. Она от шума-гама нашего устаёт. Не привычная. У неё нервы — изношенные, это понимать надо... На том прощаюсь. Пиши. Целую тебя в макушку тысячу раз!"

* * *

И Бухмин, действительно, что-то выслал тётке со следующей получки. Она снова прислала письмо, в котором увещевала: зачем он так много от себя оторвал, а надо было — немножко. Сообщала, что у Феди с письменным счётом стало гораздо лучше, даже отлично иногда выходит, а с устным — ещё хуже, чем было. Что двойняшки проглотили двух самых мелких бабушкиных слоников с комода, однако слоники "вышли" — потому, что были "как фасолилки". Но бабушка всё равно врезала в свою дверь замок. Теперь от детей запирается и крутит патефон в одиночку, на всю громкость, чтобы никого не слышать... И прощалась тётка Родина в конце письма точно так же: "Целую тебя тысячу раз — в маковку!"...

Потом вызвал Бухмин Лизу из Белоруссии к себе, в Столбцы, стали они обживаться, обзаводиться скарбом. До тётки ли тогда было, когда он просиживал ночами за письменным новым столом и сочинял под Лизиним приглядом первую книгу стихов? О вольных лугах прииртышских, о довоенной школе. И детская жгучая любовь его ушла в стихи вся, без остатка, будто вода в песок: Марьи с её пощёчиной в жизни Бухмина больше не существовало.

От тётки пришло ещё одно письмо, самое короткое и самое бодрое: "У нас всё хорошо! Не беспокойся только, занимайся собой! Мы голодные не сидим, всё у нас устоялось, и нуждишку перемогаем успешно. Вот Митя, правда, школу бросил, пошёл в сантехники, зато — кормилец. Очень он любил твою литературу и пятёрки получал по русскому! Теперь с дерьмом работает, жалко его очень. Но нет у моих детей отца! Пал отец за наше счастье. Это понимать надо... А у тебя теперь хозяйка. Ей — пламенный привет! И тебе, Федя, — массу наилучших пожеланий. Марья мне уже не пишет, чтоб Славик к тебе не ревновал, и новостей из родных мест никаких нету. А Толик помер в больнице, отмучился, открычался, и война его наконец кончилась..." Но отвечать Бухмину было уже совсем некогда.

* * *

Имперский диковинный гребень, который Бухмин забыл отдать когда-то своей тётке, Лиза нашла на дне старой коробки с катушками высохших лент для пишущей машинки и с кипами черновиков. Лиза пробовала носить его сама, да он тяжёл для неё оказался. Но приглянулся однажды гребень заезжей гостье — московской работнице здравоохранения, — такой нарядной,

что Бухмин, заглядевшись на её крепдешиновые высокие бока, счёл за честь порадовать кудрявую врачиху-гречанку трофейным этим подарком. С имперским гребнем на затылке та уехала из Столбцов к себе в Москву, а позже, говорил кто-то, что за рубеж, однако доподлинно это неизвестно.

Бухмин же выпустил вторую книгу стихов — про тяжкую войну, про отчуждённую землю, не доставшуюся врагу, про окончательную народную победу, — и стал наконец известным поэтом. Стихи его звонко читали лучшие пионеры на слётах. Сам он тоже много выступал; перед теми же пионерами, комсомольцами, допризывниками. Наказывая служить — верно, чуждой земли — не желать, своей — не отдавать ни пяди. Его словам хлопали сильно, всегда.

А многодетная тётка Родина писать ему из Тирасполя к тому времени уже совсем перестала. Но в праздничных шумных застольях он вспоминал иногда про Шарика, сошедшего с ума, про выкуренный напоследок табак первой мировой... И про вдовую тётку Родину со шпагатной бечёвкой в коше, которая всё-то ходит где-то — с ножом в кармане мужского просторного пиджака... А ещё упоминал непременно про тираспольскую замечательную, всегдашнюю её приписку: “Целую тебя в маковку тысячу раз!”... И все смеялись.

* * *

В барачной котельной особого света не требуется — Василий Амнистиевич прикрыл огромную чугунную заслонку не плотно. Уголь в печи ещё не прогорел. И видно истопнику с лежанки, как пляшут мелкие синие огни поверх бугров, подёрнутых сизой нежной золою.

Если всё отражается во всём, думает он, развлекая себя, то стоит сейчас встать и дёрнуть за верёвку несколько раз, то охнут, вздохнут, выдохнут морщинистые кожаные меха — и тут же взовьётся сизая пыль, пахнёт из печи угарной вонью, и взметнётся рваное, пляшущее, весёлое пламя: тогда маленькая печная вселенная оживёт, едва подбросит он, её властелин и повелитель, пару-тройку лопат уголька, покряхтывая и слезливо моргая от жаркой рези в глазах... Но топлива на эту зиму отпущено в обрез, и подбрасывать часто в самом начале холодов не следует.

Жаль, что с каждым годом всё больше тепла уносится в холодный воздух улиц, сквозь давно проржавевшие трубы, проложенные когда-то поверх советской общей земли и обмотанные стекловатой как следует. Она свисает с них теперь из-под прорванной станиоли грязными бородами, которые треплет ветер. Так что отапливает в основном эта котельная вольную степь, неоглядную и равнодушную. Много на наших просторах сгорает без толку, летит на ветер, — и труд, и судьбы, и сырьё, размышляет истопник... Но всё же слабое, малое тепло охватывает отсюда в маленькие бараки. Пока доходит...

Всё малое живёт жизнью быстрой, думает он, чтобы не уснуть надолго — навечно. Чем мельче система, тем скорее проходят в ней процессы, позёвывает истопник, почёсывает бороду и трёт веки, воспалённые от летучей едкой золы. Самая горячая точка печной его вселенной — некое местное Солнце, оно остывает не миллиардами лет, а поминутно.

А вон там, почти на краю системы, должна находиться гигантская, по всем печным меркам, планета Уран, окутанная метановой дымкой... И одиннадцать чёрных колец окружают, наверно, планету, вертящуюся странно, почти плашмя, — кольцо Альфа, кольцо Бета, кольца Гамма, Дельта... Поесть, что ли, хлеба с луком? И хочется, да лень.

И Василий Амнистиевич, подрёмывая, рассуждает дальше — о том, что люди называют преисподней. Это раньше предельная концентрация злобы, воюющей с Создателем миров, малых и великих, была загнана внутрь земного шара. Она не мешала существовать раю на земле. Потом что-то свихнулось, исказилось в людях — и они стали носить в душах своих и светлый, лёгкий рай, и грузный, злобный ад... Отяжелевшие от сообщения с преисподней, души падали вниз. Но Богочеловек, пришедший в мир изменившихся людей, показал, как следует перерабатывать своей жизнью ад в рай.

И многие затем сделали эту болезненную, сложную переработку единственным своим трудом, хотя были всего лишь людьми. От этого души их, становясь невесомыми, поднимались вверх, всё выше...

* * *

Если предположить, что уран — совокупная душа Земли, думал истопник, то, прошедшая через истребление ада в себе, она возносится, соединяясь с Небом, — соединяясь космическими умными станциями, внимательными спутниками и тружениками-кораблями. Однако опомнившееся зло, вырвавшись через вскрытую, испорченную землю, устремилось из преисподней ввысь, следом — чтобы воевать против добра уже в космосе.

Конфликт добра и зла разрешится там, вверху, не в пользу последнего, но как будет происходить меж звёзд и на Земле решающая страшная битва двух первоидей, человеческому уму ещё не открыто... И гнусную научную разработку пытается осуществить под благовидным предлогом некий фанатик, спрятавшийся в Штатах: этот учёный подлец замыслил ядерную бомбардировку Солнца.

Добыча урана идёт полным ходом, в разных уголках Земли, для таких учёных и для таких богачей — умственных циклопов, в головах у которых место рассудка занял беспощадный одноглазый доллар, взирающий на мир употребительно, алчно... А здешние урановые залежи, не добытые, не переработанные, подогревают потихоньку всю вольную планету. К центру Земли концентрация урана падает. И выходы урановых руд на поверхность довольно редки... Красит трёхвалентный уран здешние озёра в малиновый цвет. Шестивалентный — в жёлтый. И чудо как изумительно красив четырёхвалентный, в котором больше плутония — гибельные изумрудные озёрца сияют в дикой степи по весне там и сям... Но движение мирного атома ввысь пока прекращено. И урановая шахта давно заброшена, закрытый военный городок близ неё покинут военными — он разрушается потихоньку.

Местные люди никогда без принуждения, без приказа не приближались и не приближаются к месторождению. Если не считать, конечно, монаха Порфирия, садовую голову... Где-то нашёл приют этой ночью бродяга? В каком чужом углу прикорнул? Или, в самом деле, на поезд махнул? Чудное бормотал он как-то спросонья, засуетившись под утро:

— За людешек придётся хлопотать. Насчёт послабления в страданиях... Поеду, поеду... Не докричаться мне отсюда по причине ничтожества моего...

Но ведь наказано было ему: к политикам — не приближаться. К кому собирался? Про что толковал? К чьей помощи устремился, торопыга? Ох, воистину: садовая голова...

* * *

Совсем редко заглядывал монах-шатун в котельную, где ночевал обычно без всякого смущенья, растянувшись на столе, обитом листовой сталью, в своей верблюжьей валяной шапчонке, похожей на выцветший засаленный котелок: теплынь, благодать! Ряса у монаха — вся в пёстрых заплатках. Поддёвочка у него старая, но широкая, стёганая; и постелить, и укрыться есть чем. Сияет, бывало, перед бродягой малая печная вселенная — прямо перед глазами его, сузившимися, как у калмыка, от слепящего степного солнца, от колючего блеска бескрайних снегов, от резких бликов талых вод, сбегающих по весне в малиновые, изумрудные, жёлтые озёра. Но что Порфирию свет и тепло печной вселенной? Когда светит ему, и согревает его изнутри, Слово чистейшей правды.

— Воины учёные, бестрепетные! Не я, презренный Порфишка, глаголю вам, но — Писание!

Так неделю назад покрикивал он, ворочаясь на листовой стали и поджигая старые ноги в толстых шерстяных носках, подаренных заботливыми старушонками:

— ...Глаголет Писание! “Проклят нарушающий межи ближнего своего!..” Но опять пролез к нам двоедушный папёжник, лукавствующий, сребролюбивый, сквозь наши границы. Не с осьмиугольным крестом византийским истинным: римский четырёхугольный усечённый крыж в деснице его! Басурман, прельстившихся двусмысленными выгодами, притянул он в союзники и славный закрытый город Курчатов полонил. И вот она, его, папёжника, власть над нами. Над всеми... Вот она оказалась какая, разъединившая нас, разорившая, размоловшая судьбы людские в пыль...

— Всё так: миллионы судеб выброшены на ветер, — важно поглаживал бороду истопник. — Миллионы ушли в пустоту... И уходят, уходят — без края, конца: сгорают без толка, без смысла...

* * *

И со слезою глядел из угла на лежащего Порфирия молодой Кореvко, успевший быстро почистить дома картошку и пробравшийся назад окружным путём — петляя по проулкам, избегая открытых мест пустыря, пригибаясь в лощине, меж кустов бурьяна. Удачно миновав невидящее окно грозной Тарасевны, воротился он всё же, безработный инженер, к малому печному солнцу, чтобы осмысливать здесь, в котельной, законы жизни как следует, в совете и дружбе.

— Проклят! Да. Нарушающий межи, — утирал Кореvко клетчатый платком крупный нос, влажнеющий от высокого чувства. — Правое наше дело: заградить внешние межи.

— Дырявые вовсе стали они теперь, — кивал им с топчана истопник Василий Амнистиевич, иссохший, как старый карагач, потерявший давным-давно счёт годам и надеждам на разумную власть. — Видимые силы нас подвели! Но силы невидимые — с нами. Так вот, что касается невидимой охраны границ: я — о двухурановой плазме... Рассмотрим предыдущие наши вычисления, не-товарищи — не-граждане... Раньше мы были — не товарищи, так граждане — все: непременно. А стали теперь — совсем уж никто. Ни те и не другие. Да и не третьи! Мда... Мы не господа, господа не мы...

И уж сам несёт закопчённый алюминиевый чайник на уголья молодой инженер, хозяйничая привычно. А истопник со своего топчана говорит ему в спину, почёсывая, поглаживая, захватывая в кулак седую бородицу:

— Всё-то клонило вас, друг мой Кореvко, в сторону исследований продольного магнитного поля. Так вот, прежде разговора о необходимости воссоединения раздробленного советского пространства вернёмся к беседе о синтезе ядер, а именно — о ядерном клее из мюонов... У рыхлого пространства надёжных внешних границ не бывает. В нём вырастают лишь новые и новые перепонки сорных, ядовитых лжеграниц, которые множатся неостановимо и болезненно для всего живого... Что ж, братья верные, начав с клея из мюонов и сближения ядер, перейдём постепенно, через анализ ионных двигателей, к вопросам возможных установок... Установок по границам заповедной нашей державы, воскресающей из разорения, оживающей на обломках раздробленности — неостановимо...

— А там дойдём и до сбережения границ души! — уточнял с металлического стола лежащий Порфирий, воздымая руку. — Ибо глаголет Писание: “Проклят нарушающий межи ближнего своего!..”

* * *

Так неделю назад неторопливо рассуждали они в пляшущем неровном свете печной вселенной — двое изгнанных из науки учёных да монах без пристанища, оказавшиеся в своей стране как в чужой... И хоть к беспаспортному Порфирию особо ласковой родина не бывала никогда, однако запрета ношения рясы за его проступки так никто на монаха и не возложил, и очень он был этим счастлив, потому берёт её пуще всего. Носил при себе крупную

цыганскую иглу с намотанной на неё длинной суровой ниткой. И при каждом ночлеге в чужом доме первым делом искал он клочок ненужной тряпицы, чтобы залатать, чтобы стянуть на рясе малейшую дырку, пока не разрослась она в опасную сквозную дырищу.

Пёстрые эти лоскуты делали Порфирия повсюду человеком, весьма отличимым от прочих. На подоле, к примеру, алел кружок, вырезанный из детского носка, изношенного понизу, но вполне крепкого сверху. Зеленела также на правом боку особо надёжная заплата из старой солдатской гимнастёрки. И даже крепкий угол выцветшего бабьего платка весьма уместно синел на левом его локте.

Конечно, тут, в котельной Василия Амнистиевича, даже клочка материи срезать не с чего было монаху-шатуну. Только и оставалось, что полёживать в тепле, горько припахивающем гарью и тухловато — золою, да толковать, поглядывая в топку, о дырявых межах — прохудившихся, сквозных...

— Да... Правое дело — заградить межи! — повторял Порфирий басовито тихим людям кропотливого книжного знания. — Заштопать их надобно научным путём. Излучением каким-нибудь, токами невидимыми заградить, чтобы зло под притворной гримасой добра к нам не устремлялось, и не продувало бы нас оно гибельными своими сквозняками навывлет. Потому как на видимые силы надежда ныне плохая... Да ведь уж проклят он заранее — всяк, нарушивший межи ближнего-то своего!..

* * *

Про Порфирия говорили разное. Будто давным-давно принял он пострижение от кого-то из епископов, тайно рукоположенных в местных лагерях и епископство своё затем скрывающих десятилетиями — из-за недоверия к властям, заражённым нечистым зверем издавна: задолго, вроде бы ещё до всяких революций.

Было в жизни Порфирия, впрочем, и служение почти открытое, когда стараниями верующей руководительницы при швейной фабрике захолустного районного центра устроена была в степях, негласно, церковная комнатка с малым числом прихожан. Вся паства состояла тогда из семерых посторонних работниц, овдовевших в войну, из местных трёх старушенок, пятерых молоденьких швей-мотористок да одного кроткого приезжего математика, перепуганного до смерти разверзшейся пред ним в одночасье страшную бездной цифровых всеобъемлющих значений, отчего чуб его вздыбился ещё в институте и уж не повиновался больше расчёске, как его ни мочи — водою ли, пивом, яичным ли белком...

Сбежавший сначала из далёкого сибирского научного центра, а затем из психиатрической городской больницы в эту глухомань, залётный математик с головою, похожей на дикий куст, безропотно служил при фабрике в отделе технического контроля. И хотя числился он браковщиком-сертификатором, но наладкою швейных машин занимался также, не считая механику за работу. Напротив, развлечением было для него прострочить в итоге длинный победный шов, прислушиваясь к ладному шуму металлических суставов, приведённых в совершенную, жизнерадостную трудовую норму.

* * *

Лишь спустя время вдовы были сосланы на Дальний Восток, швей-мотористки изгнаны из комсомола, а математик со вздыбленными волосами уехал в город, оформлять инвалидность, да так и не вернулся. Но в те самые поры, при странном попустительстве местного руководства, любившего, впрочем, играть ночами в карточную игру — буру и потому дремавшего днём, с открытыми глазами, по всем своим кабинетам, успел Порфирий многое. Между тайными службами на фабрике, между тихими крестинами и краткими отпеваньями, соорудил он из списанного грузовика автомобильную

избу-крестильню, работающую на солярке. Не один, конечно, а с помощью того же бывшего математика, навек потрясённого неумолимою логикой числового бездонного хаоса — хаосом не являющегося.

Сильнейшая математическая травма совсем не мешала потом сертифицикатору водить машину по пыльным глухим дорогам — без водительских прав, но с огромною скоростью, пренебрегая всяким торможением: кочки и ухабы регистрировать вовремя бедный вылеченный ум его был уже не в состоянии. Во всём же прочем был он тих и неспешен, а нуждался в одном-единственном утешении: чтобы время от времени читал над ним Порфирий старенький требник, хотя бы шепотком.

И колесил тогда Порфирий по всей дикой степи, принимая в лоно матушки-церкви совхозный да колхозный пугливый люд за многие даже сотни километров от Столбцов. Торопился Порфирий очень и тем доволен бывал, что крайне редко партийные люди в посёлках изругивали его самого — мракобесом, религио — опиумом, а стремительную автомобильную избу Порфирия — “газовой камерой” и “душегубкой”. Да он ведь и останавливался-то всегда за околицей, не на виду, никого особо не беспокоя. Туда и бежали к нему украдкой целеустремлённые женщины с кричащими младенцами на руках. Степенные мужики вели под руки хворых и недужных — горбатых, трясущихся, хромых и обычных, но помирающих на медленном, спотыкающемся ходу, — и босоногая ребятя толпилась поодаль, глаза на происходящее немо и удивлённо.

Однако живейший, деятельный тот период оборвался довольно резко — когда к шахтному оцеплению вдруг подкатила на невысказанной скорости странная эта крытая машина с высокой чадающей трубою.

* * *

Кое-что вспоминал о невероятном том событии и сам Василий Анисимович, давно перешедший из физиков-теоретиков в практики: сначала — не по своей воле, а там уж и по своей. В БамЛаге, правда, он валил лес недолго, зато в “шарашке” под Магаданом оставался вольнонаёмным несколько лет кряду и после освобождения. Осторожность его состояла в том, что, вернувшись на прежнее, почти столичное, место службы, рисковал он подвергнуться новому доносу и тогда уж мог угодить в место, подобное страшному Бутугычагу, располагавшемуся от “шарашки” неподалёку. Но, даже удостоверившись окончательно, что время устоялось, возвращаться в прежнюю жизнь предательств и потерь Василий Анисимович не пожелал. Зато по ходатайству от науки отправился он без колебаний в степные незнакомые края, где не было отрезшей от него весёленькой жены и вообще — никого из прежних знакомых, кого бы хотелось ему застрелить при первой же встрече. А был лишь открывшийся недавно *спецрудник*, добывавший *спецруду*...

Уже тут прозванный Амнистиевичем, он даже выскочил будто бы из степной своей конторы — поглядеть, что за чудака в рясе треплют особысты на проходной и звонят военному, партийному, а также церковному начальству, и досматривают машину с усердием. А это рьяный Порфирий решил вдруг попытать счастья на новом направлении — в единый раз, наскоком, окрестить весь уголовный подземный люд. Поблизости проезжал, да уж попутно и тут вознамерился потрудиться, по одному лишь пылкому движению сердца, полагая, что в выходные дни обычного строгого контроля за происходящим на *спецруднике* — нет.

Но военное начальство, как видно, в буру не играло — ни ночами, ни даже по красным, выходным, праздникам. И кротко доказывал Порфирий, садовая голова, насторожённым людям в погонах, увещевал их с любовью: дескать, тем, преступившим закон, приговорённым к гибели тела, всё равно помирать, а ну как среди них есть и ложно обвинённые, ни за что в подземелье каменном пропадающие? Что же им, оклеветанным, преграждать путь в Царствие Небесное? Тогда как и разбойник уверовавший вошёл в него первым. А риска тут нет, мол, совсем ни малейшего, поскольку донести об этом

суровым властям не сможет никто: пожизненный срок такой возможности подземному нынешнему доносчику не оставляет, даже если таковой среди заключённых отыщется. И так-то складно-ладно говорил тогда Порфирий, что объяснение его лилось-катилось, будто по маслу. Однако ж...

Бо-о-ольшой, говорят, случился скандал. Выпустить-то Порфирия выпустили, да только прежде к церковному начальству повезли, далёко-далеко от Столбцов, и в сопровождении людей в штатском. Тут поперёк власти не пойдёшь, тем более что наладился Порфирий объяснять уже тогда всем и каждому:

— Братцы! Что ж мы как переводим? Точнее ведь будет: “Не власть, если не от Бога, **истинные** же власти от Бога учреждены!” Поглядите, братцы, сами — на буквы, на слова святыя! “Не власть, аще не от Бога!..”

И опять твердил, заглядывая в глаза одному да другому, подёргивая за рукав, останавливая:

— От Него — только подлинные! Не всякие власти, значит, братцы, нам указ! Не всякие!..

Прикрикнули тогда на него сановные грамотные люди в клубуках: “Нижки, стропивец! К политике с такими речами — ни ногой! Смирению сначала поучись!.. Как достигнешь смирения, как раскаяешься до конца, тогда, тогда и вернёмся к твоему делу. А пока... Ступай! Смирайся! Ступай, бусеслов...”

* * *

Избу-крестильню в райцентре сразу же после этого спешно сдали на металлолом, слив остатки солярки прямо в землю, — при озабоченной милиции, нагрянувшей из самого города, и при всём конторском руководстве, очнувшись вдруг от дневного сна и неожиданно посуровевшем. Начальницу швейной фабрики уволили и отдали под суд — за своевольное использование производственных площадей не по назначению. Куда она потом подевалась, никому не известно доселе. Но тем самым строгим сановным людям в клубуках удалось, как видно, оказать Порфирию большую, неслыханную милость, что было весьма сложным делом по тем суровым атеистическим временам. Не сослан он был и не заключён, а только изгнан для обретения смирения, на исправительные душевные работы. “Ступай!” — и только-то...

И вот уж почти полвека наработывает он смирение, всё больше ногами. Ступает, ступает, топает без усталости. Будто седой медведь-шатун, который десяток лет бредёт Порфирий от посёлка к посёлку, шагает весною мимо изумрудных, малиновых, жёлтых озёр, по розовой влажной земле — нежной, будто кожа заболевшего младенца. Месит бродяга Порфирий растоптанными, тяжёлыми башмаками сыпучие снега на тракте, уминает рыхлую горячую пыль по кривым просёлочным дорогам, а смирение всё не прибывает: нет, не власть нам та, что не от Бога!.. Которая не от Бога — никакая она не власть нам, нет...

А слух о незадачливом Порфирии всё гуляет по степи, из края в край, из года в год, будто разносимый ветрами, выюгами да тальными разноцветными водами, и достигает он самых даже благолепных храмов, омолодившихся заметно в последние годы.

* * *

Бывает, что забредёт Порфирий в один город, в другой ли. Побегит на колокольный звон, не смея шагнуть в ворота, прильнёт к церковной ограде, воздев руки. И лишь только примется Порфирий молиться открытому небу, так и выйдет к нему с церковного двора какой-нибудь служка. И, оглядев приметную рясу его в пёстрых заплатах, спросит сочувственно:

— Ну, что? Всякая власть от Бога?

Заплачет Порфирий, опустит голову, да и скажет служке, не вставая с колен:

— Нет! Не всякая. Только подлинная — от Него.

— Ну-ну, — покачает головою служитель. — Не уразумел, значит, бедолага. Что ж ты какой несподручный...

— Прости бестолкового: не получается никак. Власть злого растлителя над кротким дитятей послушным... не могу принять за подлинную, хоть убей ты меня!

— Тише, не кричи. А кто такому преступлению путь открыл, к дитяти своему? Не сам ли человек отступничеством своим?

— Власть греха — не власть Бога. Не признаю такую за подлинную!

Вздохнёт служитель, да и подосадует в сердцах, озираясь по сторонам:

— Что человеку до правильности написания, когда весь он в грехах, как овца в рёпьях? Ну, беда с тобой, упрямым. Хохол ты, что ли, братец?

— И не хохол, да вот...

— Ладно. Ступай отсюда, не смущай смиренных, — скажет, бывало, служитель, возвращаясь торопливо в церковный чистый двор и скрываясь за крепкою кирпичной оградой от слов странных, непривычных.

— Ступаю, — глядит ему влед с тоскою Порфирий. — Ступаю... Чего мне ещё остаётся, бестолковому...

А там уж и топает он по людному тротуару, понурясь. Бредёт, весь в цветных лоскутках, куда глаза глядят; лишь бы выбраться как-нибудь из душного города, густо воняющего то жжёной резиной, то душиной бабьей пудрой, то подвальной капустной гнилью да приторной фабричной карамелью.

Но утешает его пламень любви к ближнему, разгорающийся в сердце с годами всё ярче, отдренней...

* * *

Бежит Порфирий к милым, просторным степям, скрывающим в недрах своих опасное излучение пород. А человеческое-то излучение в скопище густонаселённом разве не опасней того? Несёт он страждущим привычно в убогих глинобитных своих жилищах слово утешительное, приветное:

— Господь тебя любит, матушка! Ишь, как очищает: и дёсна твои голы, как у младенца, и телес на тебе уж мало осталось. Обвисли телеса твои за долго до положенного срока, мотаются ветошью неприглядной, дряблой, но дух, высвобождённый из плоти, в очах многослёзных сияет... Радуйся, матушка, страдалница безмолвная! Труженица неуёмная, старушонка согбенная, кроткая, — радуйся, родительница многократная, и веселись! Венцы тебя ждут небесные в кринах сельных, благоуханных. Да, милая! Да!..

Глядь — с веником в руках и прослезится та, сама не понимая, отчего; то ли от радости, то ли с перепуга. Посмотрит старая влед Порфирию изпод грубой ладони, пощурится, а там уж снова сметает пыль подальше от калитки, к самой дороге, сочувственно бормоча:

— Ишь, пробрало лебедика. Сколько чудного наговорил. А спрашивал чего? Недослыхала я этим ухом... Водицы, видно, испить хотел! Убёг, не догоню...

* * *

И в самом деле: пёстрые лоскуты, нашитые на рясу в изобилии, мелькают уж в другом конце улицы. Дальше мчит Порфирий, пока не остановит его лобознательным вопросом сомневающийся в правильности своей жизни прилежный человек, готовый предложить бродяге и пищу, и кров за одно-единственное пояснение: долго ли ещё ждать людям правды? Или, чем дальше от земной жизни Христа, тем меньше и меньше будет её, пока не иссякнет правда совсем, вместе с запасами пресной воды и энергетического сырья, распродаваемого властями налево-направо, в очень спешном, паническом порядке...

— В тебе самом правда прибывает — или убывает? — спросит его Порфирий тут же, прибавляя внушительного рокота голосу своему. — В тебе придёт, и в мире придёт.

— А по мне — чем больше её в нас, тем меньше — в мире, — пожмёт плечами сомневающийся человек и на Порфирия поглядит искоса: что значит не настоящий поп.

— Да ты не слушай меня, голову садовую! — поддакнет ему Порфирий охотно. — Наговорю я тебе семь вёрст до небес. Меня ведь и кормить-то не за что. Подстилку мне в чуланчик тёмный брось, я и переночую на полу, рядом с ведром помойным. Вот и самая подходящая будет мне компания...

Только недостаток смирения в нём самом стал сказываться со временем таким мучительным образом, что людские грехи Порфирий начал ощущать всё чаще, как самые скверные запахи. Да, по запаху он различал их теперь поневоле!

* * *

Хитрость имела запах сладковатый, химический, тошнотворный необычайно, отчего начинались у Порфирия спазмы желудочные, как от обильного сахара. Похоть мужская разила душным козлом за версту. От злопамятства тянуло прокишими, заплесневелыми щами. Людская жадность — тайная, лицемерная — припахивала тухлым творожком. Высокоумие отдавало аптечной загустевшей цинковой мазью, как если бы Порфирий её не нюхал даже, а ел. Полною ложкой, принудительно, сверх всяких возможностей человеческого организма... Тех же, кто занимался мучительством своих домашних, отличал он по резкому запаху грязной овчины...

Вот подойдёт к нему, бывало, опрятная молодка спросить житейского совета. А Порфирия так и обдаст запах разлагающейся человеческой плоти — нестерпимый, трупный, сбивающий с ног. Другим это нисколько не ощути-мо, а ему дышать невмоготу. Крикнет Порфирий голосом раскатистым, прежде всякого разговора:

— Скольких русских людей убила ты, Гитлер в юбке? Отвечай! Троих ли истребила во чреве своём?

Отшатнётся молодка:

— Троих, батюшка, — и затараторит, сердечная: — Мне бы молитовку такую, чтоб я прочтала её, сколько нужно раз, а Господь бы мне всё простил. В этом нуждаюсь.

Уставит Порфирий указательный непреклонный палец бабёнке в лоб:

— Какая тебе молитовка? Троих родишь на место убиенных! Теми кровями, родовыми своими, чистыми, омоешься!

— А кормить-то их чем, ещё троих, когда у меня уже двое хоть какой-нибудь еды просят? — ахнет бабёнка, прослезится от беспомощности. — И так от нужды пропадаем...

— От неверия ты пропадаешь, чрево трупосное! Могила мертвящая — чрево твоё. Носило оно жизнь, но отказалось от природы своей исконной: смерть носить приучилось! Уйди, сказал. Совсем задушила меня “одеколони-ми” своими... погоди! Это кто? Муж твой столбом там стоит, головою при-толоку подпирает?

А около того и вовсе не продохнуть Порфирию: смрадное дыхание у мужика, никем не замечаемое.

— Да ты не первая, что ли, жена у него? — хмурится Порфирий пуще прежнего, бледнея от головокращения.

— Вторая, — пятится бабёнка.

— Знатный же он военачальник! Приказы отдавал на убийство младенцев, аки Ирод, муж твой долговязый... И той жене отдавал, и тебе... Ты вот что, баба: пятерых рожай, если сдозишь! Пускай кормит. Себя спасёшь, его очистишь. А не то... Как Ирод хворал и умирал, знаешь ли?

— Нет.

— А ты узнай. И ему скажи: тою же смертию, иродовой, он прежде срока помрёт, от гниения места детородного, детей своих палач... Да не медли, смотри, если муж тебе дорог! Делом, баба, кайся! Не поклонами... Храни вас, Господи, болезных...

* * *

Зато девы непорочные, прилежные благоухали едва ощутимо — слабенько, чисто, словно робкое полевое цветенье. Добросовестные жёны замужние приносили с собою запах трав скошенных, лежалых, солнцем припаренных и даже перепревших малость...

Около воинов жертвенных пахло чистым металлом — вроде как хорошей сталью, а то — увесистою обширной кувалдой. От двух генералов, прошагавших как-то мимо Порфирия по своим городским делам, несло, помнится, позеленевшей, рыхлой медью иль бронзой лежалой, нечищенной: купоросный, едкий то был дух... А запах деревенских душ бесхитростных, ясных, бывал иной — свежий и очень Порфирию угодный; корою веяло от них, дубовой, крепкой...

Но когда в одной избёнке, и прибранной, и чистой, находилось сразу несколько самых обычных людей, грешащих густо, мелко, часто, без всякой даже особой нужды, а так, по привычке, уснуть Порфирию никак не удавалось. Даже виски начинало разламывать от удущья. И звоном комариным, назойливым наполнялась бедная его голова — так спорили меж собою запахи невидимой душевной плесени. От иного грешка потягивало куриным сухим помётом, от другого — шерстью лежалой, грязной. Веяло от третьего засохшей одинокой забытой портянкой. И часто, часто разило от содеянных чьих-то подловатых поступков кошачьей скудной мочою, хотя никакой кошки и близко не было в дому. Вот как донимали бедного Порфирия людские застарелые прегрешения, совершаемые в избе годами — по тайной зависти, по скаредности скрытной, по злобе мелкой, по себялюбию мстительному, неумному...

Он уж и молился при таком ночлеге в чужом, вполне пристойном с виду, углу, и к терпению себя понуждал, и обнохивал тело своё с пристрастием, чтобы обнаружить у себя самый наисквернейший запах, который оказался бы омерзительней любого прочего!.. Не помогало.

* * *

И обличал самого себя бродяга Порфирий из года в год самым жесточайшим образом, изругивал шепотком последними словами то под одной чужою крышей, то под другой, а всё ж не выдерживал, как должно, по недостатку-то вожделенного смирения: срывался с места:

— Простите меня, голову садовую!

Так пробормочет, низко поклонится всем спящим, да и в путь, на волю, в пургу ли, в стужу; только тут и вздохнёт. И мир вокруг него тогда разворачивался дивный — упоительной свежести и красоты. Шагает Порфирий под луною, прикидывает: похоже, человек, подобный по составу этому природному ясному естеству, должен проходить сквозь любое вредоносное излучение пород совершенно невредимо для себя! Только — чу: не знает Порфирий, искушение ли это, такое тонкое, что и не уловить его грубым сердцем, или истина?

Бежит Порфирий по ночной степи всё быстрее, натягивает войлочную шапчонку поглубже, сильно трёт уши ладонями — отгоняет от себя умятование любое, на всякий случай:

— Прости мне, Всемогущий, непонимание мое: не разумею, как должно! Смирения не обретший, могу ли я верно рассудить?! Прости Порфишку немьтого Твоего, аки пса шелудивого, аки хоряка смердящего: раздумался что-то не по чину, своих грехов не обоняющий носом привередливым, своевольным, сопливым от широких степных сквозняков да от узкого, тесного рассудка... Аки умятвенно немощного и блудящего мыслию непрестанно, прости и помилуй мя, Всеблагий...

Ежится Порфирий на воле — под дождичком, под снегом ли. Кособоится от ветра хлёсткого, свежего, летит вприпрыжку без цели, наобум, с брезентовой торбой за плечом:

— Всемиловитый! Как хорошо!.. И сказано нам, чтобы были мы как дети... В мире, дивно Тобою сотворённом, в трепетном, в благоухающем,

наисвежайшем — как дети безхитростные чтобы мы были... Сказано нам. Хорошо!..

* * *

Парафиновая свеча где-то рядом, в верхнем ящике комода. Спички должны лежать тут же. Вот они, под Нюрочкиной рукой. В крошечной тьме маленькая вспышка кажется ослепительной. Нитка фитиля пьёт подрагивающее пламя, вбирает его в себя, и спичка, истончённая, обугленная, медленно умирает, отдавая последний истончающийся блик пространству. Зато свеча, угнездившаяся в глиняном грубом подсвечнике, рождает радостный небольшой венчик света. И Нюрочка сонно улыбается, потирая колени. Она сидит на кровати, чувствуя, как её кровь толчками отдаёт грудным железам всё самое питательное и ценное. Саню пора кормить...

Но её Саня спит, отвернувшись. Он только хмурится, когда материнская рука тихонько поправляет его пелёнку. Ей, проспавшей бурю и не слышавшей ни уличного грохота, ни страшного воя, жаль будить Саню, хотя часы уже показывают время кормления...

Занавеска окна зашторена не плотно. Заспанной Нюрочке видно со своей кровати, какой стремительный странный снег летит с небес — будто белый ливень хлещет с высоты там, за окном. Снеговое мерцанье в ночи подвижно и трепетно...

Нюрочкина кровь, истощаясь, вбрасывает, вбрасывает в молоко, уже распирающее грудь, жизненные её силы. Самой матери довольно и того, что останется, а молоко накапливается, прибывает, но крошечный Саня спит, словно вслушивается в неведомое, приоткрыв рот.

— Саня... — шепчет Нюрочка в радостном свете свечи.

Она прикасается губами ко лбу младенца с мимолётной тревогой; нет ли жара. Младенец морщит нос, слабо зевает.

— Пора, пора, маленький, — берёт его на руки Нюрочка.

И кормит сонного, тёплого, прижав к себе...

Небесное снежное молоко струится на мёрзлую землю. Оно накапливается, снежное, прибывает — и будет прибывать до самой весны. Но только под солнцем молодая земля начнёт жадно поглощать его, растаявшее млеко небес, чтобы тут же выбросить из себя к свету растущие нежные зелёные побеги мелких трав, а потом и крупных. Из соков земли, напитавшейся небесной влагой, из тёмных отсыревших недр извергнется, поднимется к белому свету сила молодых растений. Так будет не скоро — когда очнётся и засияет горячее солнце.

— Саня... — гладит Нюрочка пальцем белейший ситцевый чепчик на темени младенца.

Молоко уходит, перетекает, поглощается, соединяя мать и дитя — слово у них снова общее тело. И им снова тепло и спокойно:

— Мальчик мой...

Небесное снежное молоко струится на землю.

* * *

Прислушиваясь сквозь дрему, она успевает испугаться ещё одному внезапному пониманию, что ночь — это прошлое: тьма что смерть... День — настоящее: жизнь... Утро — предчувствие настоящего. А вечер поворачивает всё вспять. Во тьме люди не видят ничего, а думают о том, что запомнили при свете: что минуло, ушло, умерло — и что не повторится никогда.

Во тьме настоящего не видно...

Если бы так часто не отключали свет, Нюрочка с ребёнком не оказывалась бы так часто в прошлом... С электричеством ночь-смерть превращается в искусственную, но жизнь. А так... Прошлое подступает со всех сторон.

Нюрочка вздрагивает, преодолев полусонное забытьё, отирает свой рот старушечьим точным движением и укладывает сытого, потяжелевшего Саню в коляску. Надо прибрать упавшие венки, успевает подумать она, делая шаг

к своей кровати. В хозяйственном магазине давно нет длинных гвоздей, а с этих, коротких, вбитых на каждой стене комнаты и там, и сям, венки сваливаются то и дело.

Иван говорит, что надо сначала прибить широкие деревянные планки под потолком, а потом загнать в них крючья... Ожидая привоза, он заглядывает ещё на рынок, но крючьев, дешёвых и добротных, уже не будет. Появятся только очень дорогие, из-за границы. Скоро. Так сказала Ивану грудастая старуха, торгующая металлическим китайским ширпотребом, ломающимся от первого удара молотком.

Видно, Ивану придётся вытаскивать крючья где-нибудь на токарном станке, из старых железок... И Нюрочкино тело само, без её воли на то, уходит в ещё более глубокий сон, где уж совсем ничего не слышно, не видно, не понимаемо.

Тело укрывается в тупой непробудности, которая покойней и бесчувственной самой смерти. Нароботавшееся тело так устало, что прячется, уползает в беспросветное, опасное, запредельное небытие.

Пусть валяются венки... Лишь бы не двигаться. Не шевелить исколотыми пальцами. Не напрягать живот. И не кашлять, ни в коем случае не кашлять; тогда боль прошивает живот по рубцу и швам — крестом.

* * *

Иван, конечно, женился на Нюрочке по глупости, по молодости, а не по любви и даже не по выгоде. Свекровь так и сказала им:

— Это брак глухой, молодой. Ничего хорошего.

И повторяла после загса, когда шла за молодыми, в толпе гостей — поющих, пляшущих, взбивающих осеннюю пыль каблуками:

— Деревенскую нашёл, бесприданницу — голей гороха. Ни матери, ни отца... Из такой дыры её вытащил! Ох уж эти ранние браки. Ну — ему с ней жить, не нам. Пускай, как хочет. А мы и платье ей справили китайское, и туфли турецкие купили. На нас ему обижаться грех.

Только толстая немая, сидевшая под сентябрьским солнцем на скамейке, у входа в барак, залюбовалась Нюрочкой-невестой и замычала, ухватив её за руку.

Я лично, сказала ей дебелая немая, ударяя себя кулаком в грудь, за такого, показала она на Ивана и скрючила палец, никогда, никогда бы не вышла, мотала она головой. А Нюрочка — красавица! Вот!

Утверждая так, немая обводила фигуру невесты обеими руками и радовалась, охлопывая: ну, так хороша, так хороша! И ножки-то у Нюрочки маленькие, стройные, ликовала немая. И бёдрышки такие ладные. А Иван — тьфу, нет: близко Нюрочке он не пара. Она, немая, рядом с таким даже по улице рядом, под ручку, не прошлась бы. Ни за что! Женишок-то — невидный...

Если сама немая и выйдет когда-нибудь замуж, то только за генерала. Другого жениха ей не надо. Утверждая так, она хлопала по своим плечам, показывая генеральские эполеты растопыренными пальцами, лицом изображала важность, мычала со значеньем... И уедет немая из Столбцов тут же, после свадьбы! У каждого генерала машина своя. Вот так генерал будет рулить, крутить баранку. А она, немая, прижмётся к нему, уронит голову на погон. Придётся подсакивать на сиденье, дорога в Столбцах — кочка на кочке. По ухабам ехать немой предстоит, пока не выедут они на гладкий, ровный асфальт. А что делать?.. Зато потом генерал будет крутить баранку очень быстро: вот так, вот так...

Иван, в тёмном костюме и галстукe, стоял в стороне, со школьными своими друзьями. Он оглядывался на Нюрочку и робел: нарядная, она казалась ему совсем другой — пугающе чужой, недостижимой. А весёлый свёкор, выпивший как следует, плясал уже перед немой вприсядку, выбивая пыль сапогами, и орал, раздувая ноздри:

— Раки! Оп! Раки! Жареные раки! Приезжайте в гости к нам, будем жить в бараке!..

Немая же благовоспитанно отстранялась, закрывала лицо руками и мычала тревожно: пьяниц она боялась и презирала.

— Тьфу! — сильно плевала немая в пыль, сделавшись красной от волнения. — Тьфу.

А свёкор кричал ей, подраживая:

— И кто на тебе, плеваке, женится? Сидишь? Сиди, репа немая! Плевака... Раки! Раки! Оп! Оп! Раки!.. Приезжайте в гости — все! Будем жить в бараке...

* * *

Трудно сказать, что поняла немая из сказанного. Только, зарывав и вскинув руки к осеннему погожему небу, она тяжело промчалась сквозь толпу гуляющих — поющих, кричащих, танцующих — в свою комнату. Но даже из распахнутого окна всё равно гневно, трубно мычала: кто они и кто — Нюрочка? Не понимают, дураки!

..Нет отчего-то дебелой немой: комната её стоит закрытой уже полгода. И Нюрочке показалось странным, что вчера вечером, перед тем, как погас свет, из этой самой закрытой комнаты вдруг вышел младший внук старика, тощий как оглобля. А потом закрыл чужую комнату на ключ, будто свою... Нюрочка так удивилась, а затем так испугалась, что ничего и никому об этом не сказала. Только понятилась, сделав вид, что занята своими делами. А там уж и забыла про всё за круговертью забот...

Но сейчас всё это далеко от Нюрочки. И сон её глубок. В глубине сна не видно ни зги. Толстая змея с разинутым ртом, в котором держится шарик слабого синего сиянья, не светит из коридора — теперь невидимая змея держит в зубах шарик тьмы во тьме. И в углу комнаты не видна тарелка обогревателя с пылающей спиралью... А китайский фонарик на батарейках сейчас далеко, должно быть — в камере предварительного заключения; его унёс с собою вечером Иван. И если он не вернулся к ночи, значит, попался снова на пути к столовой...

И тело её уже не помнит того, что рядом с нею должен быть Иван, а его — нет. Её тело не помнит даже себя, словно не было никогда у Нюрочки никакой жизни. Её нет... Нет... Как хорошо, когда человека — нет... Есть только тот, который родился: он есть на свете. Он уже здесь...

* * *

Должно быть, оттого, что истопник далеко полночь взял да и набросал в топку такое большое количество угля, какое не положено было расходовать в начале зимы, белая бабочка замерла на самой вершине сна — и исчезла, оставив согрешшего старика Жореса в состоянии блаженного, безболезненного покоя. Она легко перепорхнула из сна стариковского — в Нюрочкин. И согрешшейся Нюрочке стал сниться тот самый летний пустырь за их домом, в совхозе “Победа коммунизма”, где никогда не играли дети, зато ей можно было там сидеть в полныи спокойно, в небольшой, пологой яме, и разглядывать босую ногой ржавую консервную банку, не видную в траве, и не наступить, поднявшись, на кусок проволоки... И теперь она, спящая, улыбалась весеннему прошлому солнцу...

Белая юная бабочка, совсем крошечная, трогала на лету сияющие цветки одуванчиков, но не садилась, а взмывала в синий воздух. Жёлтые цветы стояли на ровных розовых ногах и смотрели на бабочку радостно. Но бабочка-дитя летала над пустырём, легкомысленно кружила и не могла устроиться ни на одном из них, тянущихся к ней из своих зелёных кружевных листьев каждым тонким лепестком, словно лучом... Лишь три облетевших цветка спокойно грели свои лысые головы под солнцем и были равнодушны к её веселому воздушному нескончаемому танцу.

Но невесть откуда появился на пустыре громыхающий мотоцикл. Спиною к Нюрочке сидел на нём какой-то незнакомый парень в милицейской форме. Он погазовал немного, запрокинув голову к небу... Бабочка-дитя села на заднее сиденье и уехала на мотоцикле в неизвестность. И жёлтое сияние одуванчиков на пустыре стало скучным, и бессмысленным, и тоскливым.

Однако ничего не изменилось для трёх лысых, облетевших. Их плешивые головы грелись под тёплым солнечным светом всё так же кротко. Они блаженствовали в тепле и покое отдельно от прочих, жёлтых, — отдельно от их молодого тревожного ищущего сияния.

Старые были лысы, как младенцы, и, как младенцы, безмятежны...

* * *

На том покинутом Нюрочкой пустыре теперь уж и вовсе никто не бывает. И холодно там, и давно не помнит полагая, обжитая когда-то яма человеческого дыханья и взгляда. Так казалось Нюрочке, оцепеневшей в светлом своём сне с двойным дном: безлюдность брошенного, осиротевшего пустыря проглядывала всё же сквозь радость, будто сквозь раннюю весну проступала поздняя осень.

Но всего лишь несколько дней назад, перед самым утром, пробежал по холодному тому пустырю к тракту, напрямик, стремительный человек в чёрной длинной поддёвке, в ветхой рясе с цветными заплатами. Ключки, тряпки, лоскутки из самых разных домов хорошо напоминали ему о каждой здешней душе, за которую он должен был молиться и пожизненно, и после смерти своей. И шептал он, выбираясь из той пологой ямы, отдирая с подола цепкие сухие репы:

— Будьте как дети... Главное — что? Будьте как дети...

И озирался он тогда в сомнениях, преодолевая уходящую тьму сощуренным взором:

— Вроде вдоль Жёлтого озера должен был пройти, берегом ровным, сухим, а где оказался, непонятно... “Победа коммунизма” это, что ли? Или уже отделение “Интернациональное”?.. Куда занесло меня, голову садовую? Через такой бурьян разве к тракту продерёшься?.. Будьте как дети. Будьте как дети...

Но на проезжую часть он выскочил со своею брезентовой торбой неожиданно легко, и даже подремал потом в кабине молоковоза, выхватившего его из дорожного мрака и холода трясущимся слабым светом фар.

* * *

Вот так же, в состоянии светлом, умильном, добежал бродяга Порфирий от молкомбината, стоящего на отшибе, до самых Столбцов. И нырнул он вдруг поутру в полутьму огромного подземного цеха. И оказался у чуханов, где сидел потом на пустом перевернутом ведре, возле огромной металлической бочки с химическим раствором, перед оборванцами, ещё сонными, поднимающимися со своих картонных и тряпичных подстилок. Те глядели на него пустыми белёсыми глазами из мрака. А ничего тёмного было не различить вокруг, потому что холодному свету, падающему скудными редкими полосами с большой высоты, из тесных оконцев, удавалось коснуться не многого. Громады металлических лестниц и пустых ржавых пролётов не обретаги тут своих очертаний, если не вглядываться в них с напряжённым, особенным прищуром...

И начал Порфирий, почти сразу же, толковать молчащим детям о Том, Кто их любит, ибо лишь ощутившим такую любовь открывается свет жизни, и мрак больше не страшен им. Да, верный, прямой путь даётся тогда всякому — страждущему, погибающему, грешному...

Чуханы не мешали ему говорить, только чесались и позёвывали, сидя на своих подстилках, да какой-то подросток в старушечьей вязаной кофте гул-

ко пил воду из трёхлитровой банки. Но вслед за Порфирием вскоре спустилась в подвал, по железобетонным звучным ступеням, девочка-проститутка, которую он видел стоящей на обочине тракта уж несколько раз, и чумазные лица детей прояснились. Все повернулись к ней, оживившись на миг:

— Алина...

* * *

Она принесла им еды в двух тяжёлых полиэтиленовых пакетах. Порфирий, прервав свою речь, уступил ей ведро. Потом снял с себя толстый шарф из овечьей грубой шерсти и накинул девочке на голую шею в грязных разводах. Но Алина, пахнувшая не грехом, а только затхлой болезнью, сняла шарф и отдала его Порфирию, как помеху.

— Я к холоду привыкла, не чувствую ничего, — сказала девочка прокурренным голосом, кутаясь в длинный пыльный плащ. — Здесь брат мой. Он где?

Она вглядывалась в одинаково склонённые над едой детские лица. Чуханы не слышали её. В полумраке они ели куски слегка обжаренного хека безмолвно, движения рук их были замедленными, сонными... Тогда Алина протянула серую рыбу Порфирию и спросила его:

— Где?... Брат? Он маленький. В штанах военных. Они из отцовых перешитые... В камуфляжных штанах... Он где?

Тот взял безмолвно рыбу и принялся за еду со странным чувством: вокрут запахи стояли самые жуткие, но Порфирию только было печально от них — и всё. А пёсья вонь блуда, скользкого, липкого, и вовсе — маячила отдельно от девочки... Та вонь принадлежала не ей, а призрачным похабным теням, соединяющимся в кюветах, в кабинах грузовиков, в придорожных кустах.

Путаясь космами, тени-призраки спаривались и воняли за её спиной. Но от девочки пахло только пылью и ветром, да ещё затхлой какой-то болезнью, не встречающейся в здешних селеньях.

* * *

Вдруг девочка выругалась — хрипло, коротко.

— Где он?! — прокричала она.

И хриплое, кущее эхо, отлетев от металлических высоких пролётов, заметалось меж стенами подвала.

— Нигде! — ответил равнодушный долговязый подросток в ондатровой замызанной шапке, самый старший из детей. — ...На вокзале побирается, может.

— Видал его кто-нибудь? — спрашивала девочка, сидящая на перевернутом ведре. — Видал?

Подросток пожал плечами, облизывая пальцы.

— Подыхать зимой начнём, — сказал он голосом ломким, равнодушным. — А на этой неделе не околел никто... Побирается! Он клей не уважает, дихлофосник... У ларьков трётся брат твой! Отвечаю.

Но совсем маленький мальчик, пухлощёкий и одутловатый, возразил из темноты, помочившись в стороне, под лестничным пролётом:

— Нет его там.

— Ладно, ешьте, — сказала Алина, не расстроившись, только устав. — Увидит его кто... Я ему белую рубаху купила! Для школы.

Девочка закинула ногу на ногу, прикрыла голые колени полою плаща и закурила, щёлкнув зажигалкой, похожей на леденец.

— В военных штанах он, — повторила она. — У него шаль пуховая под курткой. Мамина.

— Знаем, — откликнулись дети вразнойбой. — Скажем, если живой... На хрена ему рубаха?... Доживём — скажем.

Подросток же достал последний кусок из пакета, разломил надвое и протянул половину маленькому. Тот, пухлощёкий, взял без охоты.

— Мать твоя на вокзале тебя искала, — сказал девочке кто-то невидимый, сидящий за бочкой, в темноте. — Спрашивала всех. Вчера.

— Есть захотела, — кивнула Алина, затягиваясь по-мужски. — Кончилось у неё всё. Я много приносила! Она, когда психует, съедает быстрее. Плакала, значит, сильно... У меня больше нет ничего сегодня.

Девочка задумалась, опустив голову в мелкие пыльные косицах, перехваченных цветными резинками. Страхнув пепел щелчком, затянулась снова.

— Нам плакать нельзя: не прокормимся. Говорю — не понимает... Завтра ей отнесу, когда заработаю, — решила Алина, выпустив дым вниз, в бетонный пол, и сплюнув. — Чебуреков куплю, она любит. Ждёт их, наверно... А если меня какой-нибудь козёл опять далеко увезёт и в степь выкинет, тогда послезавтра... Я больная стала, сырая, мать не знает... Убьют меня за это! В степи. Скоро.

* * *

Она поднялась с ведра, пахнувшая пылью, болезнью, ветром, растоптала окурки и ушла, не попрощавшись. А Порфирий, которого занесло в подвал без всякой еды, а только со Словом, не знал теперь, что говорить. Душа его здесь отупела внезапно. И разум молчал: работа в нём застыла. “Будьте как дети”, — думал Порфирий, а дальше не понимал.

Поев, чуханы осоловели и ослабли совсем. Они разбрелись по тёмным своим углам. Иные и вовсе — отползали на четвереньках, ложились на картонные подстилки, укрывались тряпьем. Лишь долговязый подросток в ондатровой шапке уже лежал на толстом одеяле, под старую шубой. Он обнимал маленького, прижимая к себе обими руками.

Порфирий шагнул к ним, потом присел.

— Идём со мной, — сказал он маленькому с печалью и потянул его за руку. — Где родители твои?

— Нигде!

Малыш выдернул руку и захныкал вдруг, прячась под шубу:

— Нигде!.. Чего надо? Пристал... Нигде!

Подросток тем временем приподнялся, он шарил рукою по бетонному полу, рядом с одеялом.

— А ну, вали отсюда! — ломко прокричал он, замахиваясь на Порфирия гвоздодёром, и крупные глаза его сделались белыми.

Из глубины огромного подземного цеха, уходящего наклонно под металлический лестничный пролёт, слабо пахнуло трупом — не погребённым, иссохшим. И круглые дежурные часы высоко над дверьми вдруг ожили под слоем пыли. Они, огромные, застучали в полумраке оглушительно.

Дети подняли головы в недоумении. Но часы смолкли.

— Во, глюк! — удивился кто-то в полутьме.

И пухлощёкий малыш высунул голову из-под шубы.

— Ты, глюк, вали! — закричал он вдруг на Порфирия, взвизгивая и капризничая. — Вали отсюда, глюк!..

Перекрестившись, Порфирий побрёл к выходу. “...Милостивый! Прости мя, яко немощен есмь, — молился он духом. — Не разумею, как должно поступать. Ничего не разумею...”

* * *

По дороге в котельную бродяга много плакал на виду у редких озабоченных прохожих. Потом останавливался пару раз, чтобы перевести дыхание, высморкаться как следует, зажимая пальцем одну ноздрю, потом другую, и утереться рукавом хорошоенько.

— Немощны, немощны стали, — сокрушался бродяга Порфирий. — Ослабли мы от прегрешений своих. И вот, стали всемоу покорные не по смирению — по неволе... Что делать нам дальше? Не разумею...

Вислощёкой старухе, выскочившей непонятно откуда, он дал увести себя в барак. И та всё спрашивала его, накрывая стол чистой белой скатертью:

— Молишься?.. Как жить нам? Скажи.

А он, не находя ответа, срезал кухонным её ножом угол чёрной рыхлой тряпицы, которым была накрыта трёхлитровая банка с осклизлым живым организмом, набухающим в коричневой воде и разрастающимся там.

Старая, суетясь, не замечала ничего. Со стуком поставила она посреди-не стола бутылку дешёвого красного вина и магазинный хлебец в глиняной низкой чашке. Порфирий же, выхватив нитку с иглой из поддёвки, уже пришивал сноровисто чёрную заплату на левую сторону ясы. Как раз на груди обнаружилась в ткани этим утром рваная дыра — изрядный клоч слов-но сгнил: выболел и отвалился.

* * *

Озадаченная своими мыслями, старуха попеняла мимоходом, звякнув двумя граёными стаканами:

— Кто на себе шьёт?! Память свою зашьёшь, до склероза.

— А разве не крепче будет она? Пришитая?..

Потом старуха ругала его за пролитое вино, а за стенкой расплакался грудной ребёнок. И Порфирий пошёл туда, вслед за недовольною старухой. Он подхватил крошечного младенца на руки, собираясь прочесть над ним срочную молитву. Но вдруг услышал от самого себя, что читает он шёпотом — кондак: "...Хотя достойно совершити подвиг, возложенный на тя..." И всё это было как во сне, без его на то воли.

Ничего из происходившего с ним в бараке тоже не понял Порфирий, а побежал своим путём, под крики возмущённой старухи, несущиеся ему вслед. Однако уже что-то изменилось в нём самом, и в сенцы котельной он шагнул уверенно — спокойный, хоть и не знающий, как всегда, что именно предпримет и когда.

Там, напившись крепкого чаю из алюминиевой кружки с обжигающими краями, он призывал безработного инженера и бородатого старца-истопника укреплять границы души! Чтобы ни одна мировая чума не проникала в неё, в страну, беспомощно развалившуюся уже на части... И предрекал Порфирий проклятие каждому, нарушающему беззащитные теперь межи, и называл своих тихих собеседников воинами учёными, бестрепетными...

Переночевав в тепле, на металлическом столе, Порфирий встревожился под утро, засуетился, отыскивая ботинки. Хорошие то были ботинки! С кожаной многослойною подошвой, какие годились на то, чтобы ходить по железным накаляющимся пролётам металлургических горячих цехов...

Да, он всё искал ботинки, около рундука, за печью, около вёдер с золою и шлаком, приговаривая:

— Вот голова садовая...

А эти ботинки когда-то сами отыскивали его.

* * *

Ещё по ранней осени бежал Порфирий мимо конторы комбината, с которой сбивали иностранные чернявые мелкие рабочие, весело стуча молотками, прежний, устаревший, жестяной лозунг: "Владыкой мира будет труд!" И услышал Порфирий:

— Эх, выкидывать жалко. Нельзя!.. А носить — никому не под силу. Свинцовая есть в них тяжесть.

Человек в спецовке улыбался зло, через силу, и глаза его были влажны и дерзки от горя. Он остановился возле Порфирия со своею мусорной тележкой, гружённой канцелярским прежними документами, пестрящими формулами, графиками, расчётами. Страницы, растрёпанные, шевелящиеся на ветру, были придавлены дыроколами, вентиляторами, касками, вениками, но

не плотно. Глядя в расстройстве на растоптанные огромные ботинки, криво стоящие на куче, поверх всего, человек помолчал перед Порфирием.

— Возьмёшь? — думал человек о своём. — Славные они, известные! А со свинцовой прослойкой, чтоб подошва не горела... Ходил в них по цехам такой начальник, такой могучий начальник! Каких земля родит раз в сто лет, ума — великого: русского... Всё тут под его руководством делалось, днями, ночами. Тридцать тысяч работников за собой хорошо вёл, к ещё лучшему и лучшему производству. Он судьбу свою вбивал в наш металл, год за годом... Вот, продали комбинат. И начальство наше прежнее мрёт до срока. Бери ты, калика переходжий, коль не боишься умереть так же — от инфаркта.

— Ничего мне не заразно, — стал мелко кланяться Порфирий. — Ничего. Потому как сам я весь из заразы состою, из неистребимой заразы, называется которая “злой навик”, да. А заключается сей неистребимый изъян мой в привычке учить других — тому, в чём сам не преуспел, никудышный, никчёмный...

— Да что мне до твоей заразы?! — раздражился человек сверх всякой меры. — Заладил... Много же ты, видно, сам для себя значишь! Если столько о себе одном твердишь... Знаю таких! Ещё прощенье начнёшь кланяться, вымогать, непонятно за что. Уйди с дороги со своим “я”! Недостоин ты ботинок этих... Заладил!..

И осёкся Порфирий.

* * *

Вовремя всё же успел он тогда остановить сердитого человека, готового катить свою тележку дальше, со всем отставным, прежним, добром:

— Отчего же переживание у вас всех такое... смертоносное происходит?

— А оттого! — прикрикнул человек на Порфирия. — Оттого, что все цеха третьего и четвёртого передела закрываем! Ликвидация у нас идёт!.. Ни легированной стали теперь высокосортной не будет, ни изделий из неё, а будут только отливаться здесь чугунные тупые шершавые болванки. Гнать за границу хотят одно полусырьё! По дешёвке... Всех лучших наших специалистов повыгоняли уже, брат-“якало”, на улицу. Куда семьям деваться, куда дети подадутся? За всё платить надо, а нечем будет... Один чёрный труд остаётся для нас! Какой для туземцев положен. Да и там уж давно рабочих мест нет. Кончились наши заработки. И сталь кончилась. Кончилось всё...

Жестяной грохот и стук молотков участился поверху. Один край лозунга, “Владыкой мира...”, со скрежетом сползал по кирпичной стене, другой — “...будет труд”, держался всё ещё и не давался весёлым иностранцам.

— А мощный был комбинат, — вздохнул человек. — Ну, берёшь ты их, нет? Смотри! Тяжеленные! По Луне в таких только ходить. Да и ношены долго.

— Беру, — потянулся Порфирий к тележке. — Сдую, сдую! У меня ноги жилистые от ходьбы непрестанной. Диким волосём они поросли на морозах и выюгах... Кто возле наших озёр ходит, у тех волосья лезут догола, а у меня — напротив, по греховности-то; шерсть на икрах густеет и в войлок — в колтун сбивается, да... Впрямь, неприподъёмные башмаки... И много годков ношены, но и мне их не истоптать. Посошок требуется к ним! Это что за черен там, в тележке твоей, торчит?

— От красного переходящего знамени черен.

— Пойдёт! — выдернул Порфирий древко из мусора. — Пойдёт — от красного, чистой кровью воинов наших освящённого. И обломан черен по росту, как раз. Вот так!.. Тот посох надёжней всего держит, которым бит ты ни за что, безвинно, до смерти даже, бывал, да... За кого молиться-то мне? Как начальника этого могучего, советского, звали?

— Владимир звали могучего, — недовольно буркнул человек. — Фамилию надо?

— Не-е-ет! Зачем она Господу?

— Затем! — горевали глаза человека сквозь слёзную злую поволоку. — Затем, что негоже фамилию такую стирать со свету! За знаменитого Мирко

молись, калика... Всё жизнью его сделано было здесь. Жизнью... А эти пришли — мелкие, прыткие. Присекали. На чужое... Уничтожают, вот...

* * *

Он, снова покотивший тележку с отжившим прежним добром к мусорной свалке, ещё отирал лицо предплечьем, вздыхал:

— Чёрненькие, прыткие все... Спасу нет никакого...

— Владимир, значит, — говорил ему вслед Порфирий. — Владевший миром труда. И не совладавший с миром торговли. Вечная ему память, трудяге...

В тот самый миг рухнул на площадь с грохотом, разваливаясь на лету, край жестяного лозунга — с огромной, преогромной даже высоты.

— Ну, вот и всё. И владыкой мира труд уже не будет, — печально смотрел на новый сор и обломки Порфирий.

И смотрел он, печалась, вверх, на пустое место, долго прикрываемое лозунгом от пыли и копоти и потому — бледное.

— ...А владыкой, значит, будет огненные торговля. Торговля тем, что уже создано было тяжким великим трудом вековым, — бормотал он со старыми ботинками в руках, прижимая локтем сломленное древко. — Эх, люди, люди! Что же наделали вы, свернувшие с пути. Свернувшие с пути своего — на чужой... Свой-то путь только и требовалось, что подровнять малость, но подчистить изрядно, к душе применительно... Не подчистили...

И вот в котельной, достав, наконец, ботинки из-под стола, решил Порфирий окончательно:

— За людишек хлопотать пора. Насчёт послабления в страданиях.

Он стал обуваться, покряхтывая в досаде на себя:

— Не докричаться мне отсюда по причине ничтожества моего. Нет!..

Сонный Амнистиевич со своей лежанки пообещал ему было чаю с сахаром. Но Порфирий, отыскав черен у кадки с водою, подпоясался верёвкой потуже и кинулся опретью на вокзал, ни свет ни заря.

* * *

Уже через час с небольшим, в утреннем полумраке, бродяга Порфирий просился на поезд безбилетно, выбирая вагоны похуже, погрязнее, и переходил с посохом-древком от проводника к проводнику, кланяясь каждому, как носящему и образ, и подобие высшее. Те связываться с ним, однако, не хотели:

— Ступай, старик. Не мешай посадке.

— Ступаю, ступаю... Который десяток лет! И башмаков я много истоптал, ступая по этой степице. И вот теперь они у меня такие, что нет им износа. А смирения всё не обрету никак. Не даётся оно, заветное, мне, заблудшему...

И бежал за ним следом, от вагона к вагону, незрелый запах яблок зелёных, крошечных, вместе со старушонкой, иссохшей, будто осенний морщинистый лист. Без вещей, в ситцевом халате и накрывной шали, завязанной узлом на спине, она говорила угасшим голосом:

— С пустыми карманами, вот!.. Возвращаться пора домой, мне бы до Калуги.

— Без билета? Отойди, мать. Не до тебя.

И старушонка с готовностью кивала, и торопилась к другому вагону, и озиралась, стыдясь летнего своего одеянья и самой себя:

— У брата, на станции Чу, на одних яблоках можно было мне лето прожить, — шелестел её голос на холоде, рядом с Порфирием. — Я туда и уезжала по весне, чтобы под Калугой пенсия моя по доверенности шесть месяцев дочери шла, для внуков, на обувку к школе, на тетрадки... Теперь назад мне от брата пора, от бесплатной жизни — домой. Холодно стало, снег скоро пойдёт... Я бы и в тамбуре посидела!..

— Да как же ты, матушка, в Столбцах-то оказалась? Это же крик! — удивился Порфирий, досадуя слегка на неё, бегущую за ним по пятам неотвязно. — Что ж без пальтишка ты всякого...

Из-под шерстяного платка кротко глянули на Порфирия глаза скорбные, васильковые, — и обдало его, бродягу, такой несказанной женской состарившейся красотой, словно посмотрели на него враз все чистые озёра поздней осени, и речки, и речушки, покорные наступившим холодам совершенно.

— На какой поезд взяли, на том и поехала, батюшка... — шелестела старуха. — Довольна теперь очень. Я — что? А они — разутые, раздетые, дети малые, глупые. Там, под Калугой, на грибах живём, на ягодах. А к школе надо было им одежду. Взять-то негде... Вот полгода им пенсия моя целиком доставалась. А меня брат яблоками кормил, бесплатно у него до осени глубокой прожила. На станции Чу... Зато в школу детки пойдут. Целый год проучатся теперь! Прошлый-то пропустили, не в чем было им. А так — большая польза получилась для них, батюшка. Очень большая...

* * *

И снова просилась старуха, заглядывая в лицо проводницы:

— ...Доченька, сойду, где скажешь. Возьми, хоть куда... Живём под Калугой, сноха второй год очереди ждёт, чтобы на свиноферме работать, а не движется очередь никак...

И оборачивалась она к Порфирию, махала рукою деловито:

— Нет, наши на поезд не возьмут, боятся всего наши, — и бежала дальше, вдоль состава, исхлёстанного холодной пылью и ветрами. — Надо вон к тем... Те старших уважают... Посади как-нибудь хоть в тамбур! Я ведь на станцию Чу без билета уехала в мае. Довезли добрые люди. А тут... Кончились у брата яблоки. Холодно стало... Домой мне пора... Муж-то у дочери в тюрьму сел за мешок картошки. С поля украл, от безработицы. А на свиноферме сокращения одни...

Но не слушал её и этот хмурый азиат-проводник — отворачивался от старухи, разглядывая пассажиров, бегущих с поклажей, разносчиц пива, конфет, сигарет, а ещё низкое морозящее небо. И равнодушным был жёсткий его прищур, и мятежно надламывал скулу проводника шрам глубокий, полукруглый. Запах давнего пороха, йода, кожаных ремней и денежных фальшивых обильных бумаг перебивал тут все прочие, съестные. Потому и опешил Порфирий, услышав:

— Заходи, мать! Смелее... Замёрзла в халате... Вагон переполненный. На третью полку влезешь? Одежду тебе найду. Заходи.

— Только ведь у меня...

— Какие с тебя копейки...

— А вот батюшку ещё с посошком, не прихватишь ли? Батюшка тут мыкается со мной, в заплатках он весь. Возьми его, сердечного.

— Ладно, — отвечал азиат недовольно. — Оба проходите... Знакомые таможенники попадутся, довезу. А незнакомые... Ничего, откупимся... Там быстрой — на верх, на багажную полку... Ну, лезь, мать! И ты, долгогривый, раз она за тебя хлопочет. Тебе-то чего на месте не сидится? Вон, её благодари... Её, сказал!!! Лезь... Доедем.

* * *

В холодном вагоне с разбитым окном, заткнутом грязной подушкой, Порфирий лежал под самым потолком, напротив всё той же старухи, которая, по невыносимой худобе своей, слилась с полкой совершенно и уж не шевелилась, словно не было там никакого человека. Поезд качнулся, дёрнулся, поплыл, набирая ход. Снизу донёсся до Порфирия синтетический запах спиртного. Там бесшабашные мужички разбойного вида глухо чокались жестяными заграничными банками, шили из них и утверждали, матерясь, что они — прорвутся...

Вскоре, после степной маленькой станции, последовала длинная скучная остановка — со сквозняками, топотом, хлопаньем вагонных дверей. Потом видел Порфирий, как внизу появились люди в казённых фуражках, простукивающие вагонный потолок металлическим предметом неведомого назначения. Из-за непорядка в документах они высадили с нижних мест ругающихся мужичков, охмелевших странно, тяжело, и поспешили покинуть грязный вагон, не осмотрев багажных полок.

К полудню, когда поезд уже мчался мимо российских разрушенных каких-то заводов, за столик сели две озябшие армянки без возраста с мальчиком лет тринадцати, хмурившимся по-взрослому и прячущим подбородок в клетчатый новый шарф. Женщины, не снимая курток, сразу заговорили по-своему — о печальном, а перед мальчиком раскрыли книгу, сказав по-русски: — Читай... Учись.

Мальчику читать не хотелось — он медлил, держа книгу на коленях, и пытался разглядеть получше сначала — заброшенное убогое село с пустыми глазницами окон, затем — долгое поле в бурьяне, бесконечные кирпичные корпуса, бегущие за окном, похожие на покинутые казармы, и снова — поле, бескрайнее, пустое. Подушка, торчащая в окне, мешала ему видеть всё кряду, закрывая часть пасмурного неба, и он вытягивал шею, щурясь от сосредоточенности.

* * *

Армянки за вагонным столом всё говорили о чём-то, непонятном для прочих, сокрушённо покачивая головами. И лишь изредка одна из них спрашивала другую по-русски, оглядываясь на мальчика:

— Разве было такое раньше в нашем народе?

— Не было никогда! — следовал удручённый ответ. — А как она могла накормить детей? Он денег не присылал три года. Разве она теперь перед ним виновата?

— Не виновата!.. Ей что — похоронить их лучше? Да?

— Похоронить — это хуже!.. Пускай думают, как хотят. Она права.

— Никогда не было такого в Спитаке...

— Не было в горах...

Притихнув, женщины достали из сумки пакеты с едой. И Порфирий отвернулся к стенке, пахнувшей гарью. Он даже задремал под перестук колёс, как вдруг услышал старухино виноватое:

— Нет, живая... Не бойтесь!.. Я живая! Извините меня.

Мальчик спросил о чём-то женщин — громко, растерянно. Те шикнули на него разом. А старуха на своей полке под вагонным потолком прошелестела оттаявшим голосом:

— Счастье какое. Спаси Христос... Теперь доеду. Сытая... Вот, не помру теперь! Хорошо доеду...

И кто-то снизу, потрогав Порфирия за плечо, положил рядом с ним кусок сыра, завернутый в лепёшку. Он повернулся на тёплый сытный запах, протирая глаза. Но обе армянки уже отчитывали мальчика — сердито, наперебой, поправляя на нём новую кепку, новый шарф, поношенный воротник старого, тесного пальтеца. И тот, насупившись, стал, наконец, читать себе под нос — с ломким акцентом и с долгими недовольными паузами:

— *Россия, нищая Россия...*

Мне избы серые твои...

Твои мне песни ветро... Ветровы... Ветровые —

Как слёзы... первые... любви...

* * *

К подоконнику Тарасевна подбегала в нерабочие дни особенно часто; наблюдала с бдительным прищуром за тем, что делается на пустыре, перед ба-

раком. Уж не бежит ли опять к Амнистиевичу Корево, вместо того чтобы искать работу чёрную, надёжную?

— Никто тебя не позовёт, патриот, сволочь! Никуда! — говорила она в пустоту. — Когда вышибет нужда все твои мозги, чтобы заткнулся ты со своим ураном? Созидатель ты хренов... Перевели таких в лакеи — значит, как лакеи теперь живите! При торгашах...

И учительский взгляд её не просверливал сквозные дыры в стекле единственно чудом. Торопливо отпивала затем Тарасевна из трёхлитровой банки кислое коричневое пойло, похожее на квас. Переводила всё своё вниманье на чайный гриб, сидящий на дне осклизлым бугром.

— Что? Не права я? — задиристо спрашивала она странный студенистый организм. — Отсечённые мы ото всего. Может, и от жизни. И осталось нам только одно — питаться! Помаленьку да кое-как... А про всё другое думать нечего: поздно — недостижимое оно теперь. Смиряться надо: никто мы... Ой, Галя бедная! Трое на её шее сидят...

Она переводила взгляд на предзимнюю понурую степь, на трубу котельной, на пустые многоэтажки, торчащие в пасмурной дали, возле горно-обогачительного мёртвого комбината: вот и разрушилось всё. И снова смотрела в банку:

— ...Значит, не будет больше справедливости на земле, так?.. Что молчишь, слизняк?

Гриб испускал слабые мельчайшие пузырьки и ждал сахара, тёплой спитой заварки и темноты.

— Вот и нам судьба теперь оставлена такая же! — накрывала она банку траурной большой тряпицей. — Сиди! Кисни! Как мы. Как и мы все...

Но будить гриб ночами Тарасевна не решалась: отдыхает пускай примитивная форма жизни; всё же наработалась она, в отличие от некоторых, высококоразвитых, и дешёвое коричневое пойло — произвела...

Правда, однажды, забыв накрыть банку тряпицей, долго, беспричинно и скучно плакала старая Тарасевна у подоконника, стоя над грибом так же, пока не спохватилась: много слёз её накапало в коричневую сладковатую муть! Только от того не стала она солёной. А гриб принялся разрастаться неудержимо, как от хорошей подкормки...

Однако в мятежную эту ночь, может, и он не спал? Поджался, перепугался, поди, спросонья, ком безглазый, когда слышался многим во тьме и стук, и грохот, и трясущийся непрерывный вой. Но сон людской был тяжёл, а там и стихло всё. Лишь злое дыханье зимы, проникая в жилища сквозь малейшие щели, уже сковало наледью стёкла по самому низу. Оно пощупывало банку исподволь и холодило.

* * *

В комнате у Тарасевны далеко за полночь стало как-то особенно знобко. Снег выпал, должно быть. Приподнявшись на локте, всматривается она в полосу окна, поверх ситцевых шторок — и не видит крыши старого ветхого сарая, что стоял напротив. С ума Тарасевна сошла — или точно: исчез сарай?

Обеспокоившись, опускает она из-под одеяла ноги в длинных шерстяных носках, отодвигает, дотянувшись, короткую занавеску. Кругом лежит, мерцает колючий снег, будто синяя тусклая соль. И чернеют вразброс — там и сям — обрывки рубероида, переломанные жерди, доски: всё, что осталось после ночной бури от ветхого строения с плоской дырявою крышей.

— Сарай снесло, гляди-ка, — дивится Тарасевна, пряча ноги под одеяло и поёживаясь. — Сколько лет стоял... То-то всё трещало от ветра и билось за окном, ровно кто скалками по бараку стучал... Как же это?..

Она вдруг зашмыгала жалобно носом и прослезилась даже в подушку — оттого, что птичьим семьям, утерявшим путь, уж больше не вывести голубят и здесь, во временном, каком-никаком, а пристанище, хоть и дырявом.

— ...Голубь, “русская птица”, хорошая птица, — толковал, помнится, новым соседям Жорес. — Только, сбившись с пути, совсем теряет она голо-

ву; расклёвывает — своих... Нигде врага не определяет. Коршуну, который его из леса выгнал, покоряется, поэтому своих потом бьёт, маленьких, да...

— Это какую же напраслину возводишь ты на нас?! — вскричала тогда разгневанная Тарасевна, ничего толком не поняв, однако спохватилась: — ...Из дальновидности — бывает, конечно, делаем так: своего, хорошего, придавим. А чужого, плохонького зато в передний угол посадим! Но вы все к нам потому и льнёте! А не мы к вам... Так стали мы великий народ, для вашего же блага! Потому что для своего блага — не жили мы никогда!..

И ещё много чего наговорила она растерявшемуся старику в запале, забирая общий, коридорный, половик на стирку. А теперь вдруг мир неожиданно потемнел, заискрил, вывернулся, словно синтетическая чёрная шуба, наизнанку, и вот Тарасевна сама заискивает, ищет милости, льнёт к тем, кто вчера ещё льнул к её народу...

Нет, не так надо было отвечать старику, всхлипывала теперь Тарасевна от беспомощности, выбросив руки поверх одеяла: та самая “русская птица” становится уродом, когда перестаёт быть русской!..

— Вот на что мы сбились: на нерусский путь... Выправились было на русский и сбились опять. В который раз...

* * *

Она ведь и у депутата, принёсшего ей пакет с передниками, выпытывала про то. Спрашивала бывшего двоечника не сразу, а с постепенным учительским вкрадчивым подходом:

— Проходи. Чем занимаешься? Рассказывай, Торгай.

— Труд пишу, работаю немножко, — скромно присел он на табурет в её комнате, поправляя дорогой галстук. — Шпенглер-менглер, Макиавелли... Английский чуть-чуть выучил, немецкий не знаю пока, итальянский — плохо идёт совсем. Так, занимаемся. Потихоньку... Мандрагора-бандрагора нам не надо. Про государство — пойдёт. Пригодится. Со временем.

Опешила Тарасевна: про что это он? И, обескураженная, сказала бодрым неуверенным голосом:

— Вот видишь? Не зря я тебя в третьем классе ругала, шпыняла, покоя тебе не дала. Послушал ты старших в конце концов — и добился успеха в жизни!

— Ваш успех тоже не плохой, — кивнул депутат, окидывая уклоняющимся взглядом бедную клеёнку на шатком столе, полку со старыми советскими учебниками и чайный гриб, разрастающийся под чёрной тряпкой на дне трёхлитровой банки. — Да, учили нас. Любить надо. Землю, свой народ... Правильно.

“Так я же весь советский народ учила вас любить! Весь!” — чуть было не разгневалась опять Тарасевна по давней учительской привычке. Однако сдвинула чепец на затылок — и спросила про другое севшим от волнения голосом:

— ...Говорят, голубь по-вашему — “русская птица” называется?

— Называется. Конечно, — смутившись, тот положил руки на кухонный стол, будто на школьную парту.

— А отчего так?

— Не знаю... Разное старики говорят, — припоминал депутат, отодвигая в сторону свой пакет, принесённый старой учительнице в подарок. — За то, что серая, наверно. “Серый цвет” мы не говорим — “русский цвет” говорим. Среди своих ваш народ ярких не терпит, умных не любит! Уничтожает потихоньку. Из ревности? Зависти? Не знаю... Чужих только хвалит сильно, на колени перед ними встаёт. Нужных-ненужных, честных-нечестных, всяких сорных — без разбора на свой верх пропускает... У нас говорят, природа ваша такая: серого неба много, природные цветы — мелкие все, зато много их. Люди у вас тоже такие должны быть. Мелкие. Тусклые... Сам я, конечно, не знаю, от стариков слышал немножко...

— Ты что городишь?! — всплеснула тогда руками Тарасевна. — А де-

ревья у нас какие? Дубы, кедры? Забыл? Могучие они. Такая наша природа! Запомни! И старикам своим скажи. Чтобы знали.

— А... Вырубают ваши кедры, Сталина Тарасовна. Свои дубы ваш народ не защищает. Не умеет. По земле только стелется. Мелко цветёт, робко цветёт народ ваш.

— Да, мелко цветёт наша трава крапива, — едва не задохнулась от обиды Тарасовна. — Робкие цветы у неё, под листья прячутся. Только гадить в крапиву нашу лучше не садиться, со спущенными-то штанами... Небось когда мы сильные были, вы таких речей не вели. Что же сейчас-то?.. Мы ведь, хоть и падаем, да всё равно встаём. Всякий раз!

— Разбиты вы сильно, Сталина Тарасовна, — вздохнул депутат. — Хозяевами себе никак не станете. Совсем разучились, давно разучились... Вместе — не соберётесь: слабые уже... Мешаете друг другу к успеху пройти, из-за этого сила — ушла. От вас ушла...

И не понимала Тарасовна, чего больше было в ускользающем взгляде его — снисходительности или презрения.

* * *

В полной растерянности стояла она тогда перед депутатом, перебирала сухими пальцами кухонное истёртое полотенце, бормотала потерянно:

— Мы для вас... Мы... И за что? За что вы нас так не любите, Торгай?

Поёжился, помнится, депутат:

— Почему? Всякий тут пускай живёт, кто раньше жил. Вот... сало принёс вам, Сталина Тарасовна. Это из нашей степи, из гиблой, где раньше скот не пасли... Лучшее сало было не здесь — у Иртыша, возле Каркаралинска, около гор, на семипалатинских лугах. Там овцы еле таскали курдюки, тяжёлые курдюки. Теперь те курдюки хуже, чем даже здешние, на гиблом месте... Нашу землю сверлить, взрывать, пахать — не надо. Народ, который строит у нас полигоны, мы не любим. Пусть наша земля цветёт без железа, падающего с неба.

— Ну и чего? Чего вы добились? — разволновалась Тарасовна до звона в ушах. — Один народ с полигона ушёл, другой народ его занял. Какая вам разница? Да и не только ваша земля это была. Наша она считалась! А вы, вы как ею распорядились?! Теперь — кто по ней ходит, какой хозяин?

— А! Янки? — усмехнулась депутат. — ...И с ними справимся. Постепенно... Сами мощь наберём, тогда без чужих обойдёмся. Скоро.

— Всё равно зависеть будете! — упрямилась Тарасовна, топя стоптаным башмаком. — Умные какие нашлись... В одной стране — брать что-то надо и отдавать, другой — что-то отдавать и брать. Весь мир так живёт. Перетекает.

— Э-э! Э-э... Наша речка Торгай из ниоткуда течёт в никуда. Выходит из степи, пропадает в степи. Из моря не вытекает, в океан не впадает... Бывает так, Сталина Тарасовна. Если в природе бывает, и в политике так бывает...

* * *

Уже не замечал, похоже, бывший ученик Тарасовну — с её комнатой, шторками, чайным грибом, а видел и слышал что-то своё.

— ...Мировой океан пусть живёт, как хочет, — смотрел депутат в прошлое, как смотрят в будущее. — Смывает пусть океан другие народы. Мы не против. А речке Торгай он не нужен. Наша природа — другая. Из ниоткуда мы идём — по земле, в никуда уходим — с земли. Нам океана мирового не надо... Кому много отовсюду надо, тот всё потеряет: себя потеряет совсем... А мы — другие: мы будем жить.

— Погоди! — остановила Тарасовна его, отвернувшегося и уже направляющегося к двери. — Ты по службе все законы читаешь! А моему зятю на-

до к своим ехать, по специальности там работать. Вот скажи, когда Россия нас вызволит, чтобы мы здесь глаза вам не мозолили? Или навсегда она в стенах нас бросила?.. Может, уже программа такая в России для нас есть, а мы тут сидим?

Потоптался депутат возле двери, стяхнул что-то с лацкана добротного пиджака, поправил значок. Совсем нехотя заговорил, скучно, устало:

— Ваши кедры на одном месте стоят. Шумят только, пока их не спилят. А сорный бурьян, политический, леса высокого боится, зато на просеках растёт хорошо, быстро, среди мёртвых пеньков. Бурьяну для своей политики большие просеки нужны... Будет программа, конечно, со временем, — увёл он взгляд в сторону. — Вот ещё ваш народ поумирает немного... Когда сил на переезд не останется совсем, тогда программа будет. Не раньше... Черту оседлости только устроят вам, наверно, приедем русским. В столицу не пустят, конечно...

Тарасевна кособочилась виновато, перетаптывалась от беспокойства, но молчала.

— В труху сначала дубы ваши перемелют, потом расти им разрешат, — говорил депутат, удерживаясь от зевоты и потирая глаза, красные от непомерного чтения. — Второй сорт вы опять. В революцию были — второй сорт, сейчас — тоже... Зачем ехать, Сталина Тарасовна? Риск там большой, обмана много, повсеместно. Верить программам разве можно?.. Там второй сорт, здесь второй сорт: какая вам разница?.. Тут я помогу когда-когда. Там никто не поможет... Ваш народ в чудо верит! Не видит совсем: деньги съели его — ваше чудо, съели давно... Не получится больше чуда, Сталина Тарасовна! Живите здесь. Спокойно. Я этим, всем, сказал. Не тронет вас никто... Наша власть будет не плохая. Со временем, конечно...

И оробела Тарасевна: вот тебе и балбес... Она его, двоечника, ругая не престанно, в четвёрочки вытянуть мечтала. Воспитывала, будто котёнка — беззащитного, безответного, — носом в миску с молоком тыкала, тыкала: учись пить знания, усваивать... И вот — вырос. И страх берёт: пришло в мир то, чего не ждали. К худу пришло? К добру?..

* * *

Проводив депутата, вернулась Тарасевна в свою комнату, попробовала успокоиться, налив из банки в стакан кислого чаю.

— Сахара ждёшь? — спросила она гриб, слабо шевельнувшийся на дне. — Бугор безмозглый. Много не получишь, вот щепотка тебе. Подсластись, кислятина... Довольный стал? Перерабатывай свою радость.

И накрыла она банку снова чёрной тряпичей. Однако чай грибной не глотался. И Тарасевна перетаптывалась в смущении.

Побежать к Нюрочке ей захотелось тогда сразу, да вот незадача: Иван был дома, а у себя не находила она места...

— Там наши тоже, небось, кислый такой чаёк пьют, — рассеянно сказала она, думая про Россию. — Из экономии... Ох-хо-хо.

И в круглое зеркало глянула на себя Тарасевна без удовольствия — была её порода худая да мосластая, веками труда иного не знавшая, как только сеять-жать, навоз по полю раскидывать, за барскими лошадьми ходить — и помалкивать: “чего изволите?” Но вот явилась в огне усадеб, во всеобщей обильной крови, воссияла та страшная власть, которая вознесла Тарасевну на немыслимую учительскую высоту. И уж Галя её росла белёхонькой, детисек своих родившая для умных трудов. Ан лопнуло всё: катись, порода, туда, откуда вылезла — ко ржаному хлебу да кислому квасу, да к поклонам низким: “чего изволите?” Только кланяться теперь придётся перед инородцами — и внукам-правнукам, и праправнукам: дожили, ножки съэкономили. А может, и до рабства им — один шагок...

Нырнуть бы сейчас Коревке в чёрный труд, как сама Тарасевна это сделала без трепета и страха, и на своих плечах поднять внучек повыше — расти, породушка, дальше, развивайся, иди на верха российские, приноси поль-

зу всеобщую, не подневольную!.. Но он, Коревко, только топырится горазд, неуправляемый, бесполезным знанием загруженный. И другой выход нужен всем, всем. А какой?!

С расстройства кинула Тарасевна зеркало на фанерную тумбочку, вниз собственным своим отраженьем, отправилась всё же к молодым соседям, только завязала тесёмки ватного шлема потуже и фартук из шкафа выхватила торопливо — новёхонький. Он оказался, по нечаянности, с восклицательным знаком — бархатным не бархатным, а на красный плюш, которым покрывали столы в сельсовете, слегка похожим. И хоть не торжественный, не праздничный то был день, да ладно: нарядилась — и двинулась, решительно погладив себя по животу.

* * *

Молодые сидели за столом, заваленным цветною бумагой, словыми лапами, металлическими веночными каркасами. Нюрочка кивнула Тарасевне, указав на свободный стул, но работы своей не прервала, кромсая портняжными ножницами край бумажной многослойной полоски. И Тарасевна, конечно, не села, а встала за её спиной, поглядывая, как из-под Нюрочкиных рук выползает на клеёнку нарядная белая бахрома. Иван же закреплял на металлическом круге тонкую длинную проволоку, пропуская её восьмёрками и прикручивая снова.

— Слыхали? Через стенку? Чего он говорил? Депутат наш? — вежливо спросила Тарасевна, отодвинув от себя большую катушку чёрных ниток подальше. — А на улице он мне что сказал? “Ваши немецкие цари большого народа боялись, новые цари тоже бояться. Морят его ваши правители, белые — красные, чтобы послушный он был — от слабости, от нужды; чтобы численностью — меньше был. Трусливые правители — кровавые, опасные. Зачем таких над собой ставите?”

— Это всем давно известно, — усмехнулся Иван, постукивая кусачками. — Наши деды знали, мы знаем... А толку что?

— Скоро всё по-другому будет, — кивнула ему Нюрочка деловито.

И он ответил ей, отвлекаясь от своего занятия:

— Ручки у ножниц надо изолентой обмотать, чтобы пальцы они не тирали.

— Мне так лучше, — покачала Нюрочка головою, принимаясь за другую полоску. — Ничего. Не сильно.

— Много слоёв не складывай, туго идёт.

— Ничего, — снова ответила она Ивану.

* * *

Бахрому, свёрнутую в неживой кудрявый цветок, Нюрочка усадила на словую лапу и отошла к детской коляске.

— А я точно знаю, из-за чего мы теперь миллионами помираем! — сообщила Тарасевна тем самым специальным голосом — для политинформаций: когда слова падают, будто блестящие аптечные гирьки на чашки весов. — Знаю! Всё — из-за таких, как я! Чужих вождей мы выучили, а своего-то вождя, заступника своего, не догадались взрастить! Народного, нашего. Настоящего... Как нам вернуть себе родину? Без вождя такого? А?.. Давайте, розу вам сделаю! Пышную. Я умею!

Иван словно не слышал и на яркий восклицательный знак передника внимания не обращал. Он разматывал старую трансформаторную катушку. Подумав, Тарасевна подхватила с клеёнки бумажную бахрому и принялась отыскивать подходящие нитки среди цветного вороха.

— Великий свой, свой вождь нужен, — упрямо повторила она. — Не подготовили! Великого. А почему?.. Мы, мы, все учителя, сами себе должны за это поставить двойки!

— Крошечный, — не слушая Тарасевну, говорила Нюрочка и улыбалась младенцу. — Маленький...

— Нюра! Слышишь, чего говорю? — не могла успокоиться Тарасевна с красным распадающимся цветком в руке. — Миллионами ведь умираем!

— Нет, — легко отмахнулась Нюрочка. — Не успеют нас доморить. Уже не успеют... Да, Саня?

— ...Кого — нас-то? — не поняла старуха. — Ты про кого?

— Нас. Недобитков, — пожав плечами, вернулась Нюрочка к столу.

Тарасевна ощупала языком уцелевший тоскующий зуб с изболевшим до бесчувствия корнем. Про что разговор? Туманный какой-то...

* * *

Сидят молодые в одинаковых чёрных суконных душегрейках. Переглядываются коротко, думают о чём-то общем, отдельно от старухи. И новый цветок у Тарасевны не свился, а рассыпался. Нет, не шла барачная политинформация! Не складывалась — и всё тут...

— Лучше давай проволоку мне! — сказала Тарасевна Ивану решительно. — Помогу... Я много лет с проволокой работала! У меня один атом на орбите никак не держался. Я привыкла — прикручивать. Он отваливается, а я его — на место! На место!

— Вы же без очков, — глянул на неё Иван искоса.

— Ох! У дочери с зятем так разругалась, что забыла там глаза свои, — огорчилась Тарасевна.

И вдруг до боли в ушах стало ей обидно, что никто толком с нею не разговаривает. Она, старуха, к молодым, ко всем — с добром, с помощью! А не встречает привета — ни у дочери, ни тут.

— ...Нет меж нами родства никакого, — заморгала Тарасевна, подёргивая тесёмки ватного своего плема-чепца. — Меж своими — нет пониманья... Значит, помирать мне пора, вот что!.. Всех людей, поровну, правильной жизни я учила. А теперь сама в отстающие попала! Пережиток прошлого я стала!.. Всё. Хватит. Нечего больше ждать мне. Помирать буду!

Нюрочка настригала новую бумажную бахрому, длинную, белую, склонив голову набок от большого усердия, а Иван пробовал металлический круг на прочность, растягивая и потряхивая его.

— ...Вон тот, рыжий, на мою могилку положишь, Нюра! — обвела Тарасевна прицельным, щупающим взглядом венки, висящие по стенам. — Хорошие, которые с лазоревыми цветками, не надо. И тот, где листья манкой присыпаны, на клею, не трогай. Их продать можно получше... А вот рыжий висит, заваливающий, косматый, как раз мне, наверно, будет. В подарок последний!

* * *

Молодые молчали за свою работу. И горка мёртвых цветов — белых и красных — росла меж ними.

— Что-то хвоя здесь цвет потеряла. Как от хлорки, — принялась тогда Тарасевна изучать выбранный веночек на стене с повышенной старательностью, потирая виски. — Или карболкой от веток тянет? Не пойму. Пенициллином... Старый веночек, выгорел, никуда не годный, по-моему... И хорошо! Его мне положишь, Нюра. Такое завещанье моё будет. Кольцо оловянное с меня не снимайте, наплевать, вросло оно... А из физического кабинета пускай Галина принесёт мою молекулу сломанную. Структурную решётку мою. Она ещё советская, старая. Всё равно никому не нужна теперь, а я с ней свыклась... И атом пусть захватит, который с орбиты слетел. Кто его будет прикручивать каждый раз проволокой, как я? Изо дня в день? Да из года в год?.. Никто! Больше таких людей не осталось на свете. Не будет больше таких дураков, как мы, советские...

Нюрочка только постукивала ножницами, словно Тарасевне, в самом деле, туда и дорога была — в могилу... Словно Тарасевны, с её добросовестным прошлым, уже не существовало!

— Напомни Галине, слышишь?! — прибавила Тарасевна настойчивой громкости учительскому голосу своему, зашняясь от переживания. — В могилу мне её пускай поставят! Молекулу сломанную! Вот и будет всё главное моё добро со мной... Какое для себя нажила... Весь мой сломанный итог!..

И никто не разубеждал Тарасевну, всхлипнувшую внятно, — никто не кинулся к ней, утешая. Только Нюрочка, отодвинув ножницы, опять пошла к ребёнку.

— Т-ш-ш... Не ложися на краю... Ладно? — полусшёпотом напевала она, склоняясь над коляской. — Когда восходит мой цветочек... А-а...

Песенка её была спокойная, терпеливая, Тарасевне не знакомая:

— Когда восходит мой цветочек... Могу смотреть подолгу я... Как пробивается росточек... Из ничего... до бытия... Тш-ш... Когда восходит мой... Да, Саня?

И вглядывалась Нюрочка в сонное лицо младенца, как в будущее:

— Тш-ш-ш... — словно важнее этого не было ничего на земле.

* * *

От всех воспоминаний обидных кажется Тарасевне эта ночь перелома — длиннее века, и печаль — печальней печали: нигде, никому она, старуха, не нужна... И о внучках её заботиться некому... Пилит зятя Коревку Тарасевна, отсылает в Россию — вдруг хорошо устроится, хоть один: бывают же на свете чудеса. А депутат говорит: нет, не бывают они — там, где силы не собраны воедино... Что, проволокой, что ли, их приматывать каждый раз, эти силы, к нужной-то орбите?

— Рассыплются, видно, народы один за другим, — ворчит она, глядя из душевной темноты в темноту барачную. — Рассыплются... Если с одним народом такое произошло, следом со всеми случится то же самое...

Зря надеется депутат: потеряют себя и остальные, разбредутся, как стадо бездомных коров, заблудившихся во тьме. Вот и будет это конец света...

А может, он уже наступил?! Душно Тарасевне, плохо, не может она больше лежать — оттого, что страшна её догадка; будто утро не настанет никогда. Тычется она без света, шарит по столу, отыскивая пузырёк корвалола: не помереть бы дома. Надо — чтоб на производстве. Утром — можно, а сейчас — нет. Но под руку Тарасевне попадает лишь надтреснутое гнёздышко валидола, из которого с большим неудовольствием вылуцивает она, словно пуговицу, мало помогающую крупную таблетку.

Что с душой её будет после смертного часа, до того ли Тарасевне? Только бы не ввести в лишние траты близких своих, а там уж — пусть... Плотное небо вынужденного греха нависло над всеми. И тьма эта — смерть душ... Да что с той души, в которой — затхлый страх, промозглая тревога, холодный ужас неизвестности, и всё!..

Не помереть бы попусту. Без материальной помощи на похороны. Не придавить бы нуждой их совсем — внучек махоньких, беззащитных... А душа эта... хлеба не попросит. Ни шапки новой стёганой, ни платья, ни сапог не требует ей, безвидной... Ни у кого потом ничего она не попросит, и то счастье... В аду ли, в раю — тратиться на себя уж не надо будет. Вот — главное. В котле со смолою иной заботы нет, как сидеть только сиднем, по горло в боли, да бездельничать век за веком, корчась, крича, страдая. Зато родным ты уже не в убыток. Только себе самой. Остальные не пострадают зато...

* * *

Жарища там, поди, посасывает Тарасевна холодную таблетку. Пекло в аду. А тут страшная наступает стужа. И темень, темень... А в крепких крас-

ных дворцах начальства, выстроенных в десяти километрах от Столбцов, при отдельной, всегда работающей электростанции, конца света не бывает. Нипочём им пронёсшийся над степью ураган, размотавший было вселенную до предела. Там стены — толсты, зимы — теплы, там голодные годы — плодородны: там — вечный свет...

Но из барачного мрака Тарасевне виден лишь слабый отблеск на самой кромке чёрной степи. Это млечное пятно подрагивает как раз над банкой с чайным грибом, накрытым траурной старой тряпкой. Щурится Тарасевна, смотрит в сторону красных дворцов.

За толщею холодной тьмы, и там, и сям, среди огромной разрухи утопают в обильном сиянии Гнёзда правителей жизни... Потом, небось, за пачку денег для церковки им вымолят любой, самый распрекрасный, рай, и прощенье всего, всего. А нет, так ещё богатые родственники добавят, накинут сверху доллары свои. Наймут столько наилучших молельщиков, сколько и во сне не приснится никому в холодных, тёмных Столбцах... Тарасевна таких денег, на вечное блаженство, совсем не заработала, ничего не скопила на помин души! Ни копейки... Чего ж ей достанется, кроме чана бесплатной смолы?

Только в окне, над трёхлитровой банкой с разросшимся скользким грибом, спящим под чёрной тряпицей, становится всё больше красного, багрового, тёмного...

* * *

Отшатывается от окна, бродит Тарасевна в исподнем по тёмной комнате и стонет, держась за щёку; темнота в Столбцах — навек! Закончилось всё: не рассветёт здесь никогда!

— Бабуля, бабулечка...

— А? Чего? — вскрикивает Тарасевна и приходит в себя.

— Астма у тебя? — спрашивает Полина с дивана.

— Астма, астма... Спи! Мне полегчало немножко. Валидол под язык кинула — хорошо.

— Правда?

— А разве учителя врут? Мы, учителя, никогда... Гляди, какой мороз ударил. Завтра мне, с бронхами, сторожить на ветрище, на стуже... Вот, встала; как бы гриб на окне не замёрз...

Но там, над грибом, всё разрастается отчего-то красное, багровое, пугающее Тарасевну — то ли это болезнь её расцветает над степью зловещим заревом, то ли страх перед смертью домашней искажает зренье сторожихи, хватающейся за сердце здесь, в бараке, не на производстве...

Но гаснет вмиг красное, багровое, пугающее. И вновь — мрак один за окном. И слышно, как всасывает мёртвая бездна времени секунды, минуты — живые секунды, минуты, судьбы. Всасывает. Мёртвая... А радости небесной — нет нигде, нет. Плотное небо вынужденного греха висит над Столбцами.

— Ты ложишься, бабуля?

— Ложусь... Пускай мёрзнет гриб, — шепчет Тарасевна, сплёвывая обсосанную таблетку в ладонь. — Не подавиться бы валидолом этим. А то начну перхать, как овца, всех будить среди ночи...

— Можно, я шапку свою на банку надену? Для тепла?

— Ещё чего! Со своей головушки светлой — да на эту слизь дикую... Не бывает у него бронхов, у гриба! — укладывается Тарасевна под одеяло. — Он, знай, пухнет... Мы терпим, а он растёт! Мы терпим, а он разбухает!.. Нет, терпи, гриб, и ты... Терпи, как мы, боль — так же, слизник... Сиди, шепоткой сахарка доволен будь, какую тебе кинут! Чайком спитым сладеньким живи... Да, не видать нам больше России, Полина! Не заработали мы на неё... Нам — и ни туда, и ни сюда, из нашей банки, из-под тряпицы этой. И ни влево, и ни вправо, без денег. Спи!

— А лекарство, от которого немножко легче становится, оно горькое?

— Сладкое!.. Не разговаривай.

Где же было ей знать, что именно сейчас посматривает на тёмные подмосковные леса с багажной полки прицепного вагона монах-штатун Порфирий, на днях ещё сидевший у Тарасевны за столом. Она его, как порядочно, с улицы зазвала, встретив у котельной. Бутылочку красную открыла и стаканы на белую скатерть выставила:

— Скажи! Голубь — святая птица или нет? По-моему, у вас — так святая она. А наш, советский, он — голубь мира был! Вон там у нас жил, в сарае. Мы его кормили, а он — кто? Ваш — или наш — с пути-то сбился? И семью свою истребил... Объясняй мне! Не понимаю я!

Мельком глянул в окошко Порфирий, без всякого любопытства, ответил рассеянно:

— То был голубь мира сего! Забудь.

— Какого мира?

— Такого... Голубь мира этого, оступившегося, во греховную тьму погружающегося стремительно.

— А жить нам как тогда в нём? По-доброму? Без вреда?.. Чтобы всем, всем уцелеть? Мне правильный рецепт нужен! Верный!

Но, потягивая носом, Порфирий какой-то чёрный клок себе на рясу нашивал, орудовал толстою иглой — и никакого ответа.

— Из тьмы в одиночку выбирают? Или бригадой? Или не выбирают совсем? — допрашивала Порфирия Тарасевна всё строже, настойчивей.

Утёр Порфирий рукавом зябкую прозрачную сопельку, понурился, да и стал наливать вино в стакан Тарасевны. И вот глядит она на тонкую алую струйку, глядит. До половины красен стакан, а там и на три четверти багров, вот уж совсем он полон и чёрен стал почти. Молчит Порфирий и своего занятия не прерывает. Молчит и Тарасевна, опешив от происходящего. Через край льётся дешёвое терпкое вино, на свежую скатёрку её, выстиранную с хозяйственным мылом и прокипячённую в старой кастрюльке до полной, ослепительной белизны, а бродяжка всё льёт!..

Вскочила наконец Тарасевна, вскричала, как ужаленная, после времени, глядя на огромное красное сырое пятнище:

— Да что ж ты всю бутылку извёл? Что ты скатерть мне испортил, изгваздал всю, негодник! Я тебя для дела звала! Для разговора важного! А ты что, дурак?! До седых волос дожил, а ума не нажил. Хулиган ты, а не поп! Хулиган какой-то...

— Прости, матушка, — поднялся и Порфирий. — Кто я есть без смирения? Истину говоришь: хулиган — голова садовая... Прости.

— Стой! Жить народу — как?! Наозоровал, а сам... Не сказал ведь ничего!

Замешкался Порфирий:

— Откуда я знаю? Меру во всём постичь сумеешь, вот сама всех и научишь, как жить. Только уразумеешь смысл слова: “хватит”, и сразу совет тебе не понадобится чужих, моих же — тем более. Зря, что ли, меня пристойные люди от себя прогоняют? Нет, не зря... Сказали: пока смирения не обрету, чтоб к умным не совался. И вот который десяток лет я его выпестовываю, а не даётся мне оно, грешному. Был хулиган — хулиган остался. Вон как скатёрку твою испачкал! Прости... Слово “хватит” запомнила, нет? Или ещё вот слово есть. Не слабей оно этого: “довольно”. Сумеешь ли распознать, когда надо его произнести? Когда пора настала? Главная то премудрость... А чей же ребёночек там захныкал? Соседский, что ли?

— Ну! За стенкой проснулся... Обещалась за ним приглядеть, пока мать в магазин сбегает, да вот с тобой, долгогривым балаболом, тут разговоры пустые веду. И зачем я тебя в окошко увидала? Нет, сколько вина зря извёл! Я его для зятя берегла, когда исправится он. При домовой тяжёлой работе была бы ему здесь утешительная рюмочка... Эх, ты! Хулиган...

Убежала Тарасевна к ребёнку, принялась качать детскую коляску. Только Саня плакал всё пуще.

— А дай-ка ты его мне на руки, воина Христова, — стоит уж рядом с Тарасевной Порфирий в пыльной своей поддёвке, холодно пахнущей ветром, волей, полынным горьким семенем... Полынным ветром, холодной волей, горьким семенем...

— Ещё чего!

И оглянуться она не успела, как подхватил бродяга дитя малое, стал покачивать, по комнате с ним расхаживать. Насторожилась Тарасевна, вслушиваясь: что это он ребёнку смолкшему бормочет? Да не поняла она толком ничего, а часть слов и вовсе не расслышала.

— ...Хотя достойно совершити подвиг, возложенный на тя... Облекая еси во вся оружия... стал на брань противу миродержателей века сего... препоясав чресла своя истиною и облекшись в броню правды...

— погоди! — забеспокоилась Тарасевна, принимая младенца от Порфирия. — Ты чем его успокоил?

— Прочитал, что на ум пришло. Он и притих. Песен-басен положенных колыбельных совсем я не знаю, не исполняю их. Горюпись, прости...

— А матери его что мне сказать?

— Скажи только: воин — здесь пребывает, а Спаситель — там, над нами. Быстрой дорогой воин к Нему идёт, суровой дорогой... Или ничего не говори. И без меня всему научены будут, в положенный-то срок. Что я? Пыль на ветру, да... Ходячий прах... Ничего не говори!

— И правильно, — укрывала Тарасевна младенца с заботою. — А то ещё ругаться она станет. Схватил чистого ребёнка чужого, бродяга ты мотуший... Тут ведь и за попа-то настоящего тебя не считают...

— Так и есть. Мних есмь, мних презренный шаталкина монастыря...

Раскачивается спящий вагон, задувает в окно тёмный ветер с мокрым запахом дубовой коры. Стучат колёса: дух, дух. Дух, дух... Волнуется Порфирий, не спит. Совсем близок он к цели, да только примет ли его, бродяжку, обитель святая?.. Его, смирения не обретшего, мудрости не набравшегося, модельщика никудышного...

Осталось через пару часов на вокзале сойти, в электричку сесть. А там и купола золотёные, древние просияют ему, неразумному шатуну из далёких Столбцов. Скоро уж. Скоро рассветёт...

Из-за резкого холода, полонившего тёмные Столбцы этой ночью, в камере предварительного заключения все топчаны были свободными — ни пьяных, ни буйных, ни порезанных, ни увечных: мирная тишина, скучная темень. Только с поста дежурных милиционеров падала полоска тусклого света от китайского керосинового фонаря, стоящего на столе, и доносилось негромкое бормотанье одного из них, разгадывающего кроссворд, да слабый храп другого. Но уставшему Ивану, укрывшемуся синтетической шубой “из чебурашки”, всё не спалось, хотя и ночь уж была на исходе. Одно и то же виденье открывалось перед ним, от которого он сразу приходил в себя. Было оно словно не из его жизни, со смыслами отвлечёнными, сокрытыми в глубине сна и не подвластными рассудку человека совершенно. От них, смыслов тревожных, путающих, начинала трещать черепная коробка — будто скорлупа ореха, в которую надлежало вместить океанические водные глубины...

Боясь одной и той же странной картины, он мотал головой, потирал лицо руками и старался сбить дрему напрочь размышлениями обыденными и простыми. Не о Нюрочке, оставшейся в ночи без его пригляда, хотелось ему думать, нет: от этого тоскливая тревога подбиралась к самому сердечному узлу и подпиливала его у основания — если не рашпилем, то надфилем как минимум. А всё, от чего недоучившийся автомеханик Иван Бирюков мог ос-

лабеть здоровьем, ему не годилось — в том не было толка ни для кого. И он лишь вздыхал и ворочался, уводя своё внимание к тому, что находилось поблизости.

Вот топчаны в камере совсем короткие. Привинченные к полу, они отстояли далеко друг от друга — так, что сдвинуть их для удобства никак бы не получилось. И ноги приходилось держать поджатыми к животу, либо свешивать их ненадолго к дощатому холодному полу...

Надо было надеть толстые вязаные носки. Но кто же знал, что эта ночь — ночь перелома на страшный мороз, и что именно теперь в Столбцах отключится и свет, и тепло.

* * *

...Самым лучшим из обыденного было то, что задержанный с водкою Иван Бирюков хорошо знал повадки здешних бандитов. Он уже дважды за позднюю осень легко обошёл их, подкарауливавших его под глиняным козырьком оврага. Некурящему и непьющему, ему просто было уловить плывущий над степью по ветру пряный запах ананси либо сигарет и загодя сделать крюк, оставаясь незамеченным на огромном пространстве пустыря. Скоро он обучит Саню ощущать любую опасность издали, с чуткостью, превышающей волчью...

И даже если, приглядевшись, прислушавшись, принюхавшись, не обнаруживал Иван Бирюков никакой опасности, то и тогда, с тяжёлыми сумками, в которых предательски позвякивали бутылки с водкой, выбирал он всякий раз путь новый, не повторяясь.

В своих походах к Панне Ионовне, забиравшей поклажу лишь в конце дня, Бирюков был осторожен особенно. Лишь от барака он шёл открыто, а дальше двигался, слегка пригибаясь, по незначительным вымоинам от пересохших весенних протоков и ручейков, пробирался неслышно за жидкой грядой кустарника, мимо троп и дорожек, следя за тем, чтобы длинная вечерняя тень его не вылезала на открытые места...

Подрастая, Саня научится так же проходить невидимым для чужих глаз там, где, казалось бы, трудно остаться незамеченным даже бурому мелкому степному лису, выскочившему из бурых спасительных зарослей, чтобы перебежать через пустырь.

* * *

По-настоящему опасны бывали только вечера. Под покровом же ночи раствориться в степном знакомом пространстве чуткому человеку проще простого. Благословенна тёмная ночь, укрывающая преследуемого заботливее любящей сестры...

Утром бандиты спят поголовно. А днём Ивана Бирюкова пока ещё никто не выслеживал, хотя скоро стоило ожидать и этого. К тому же выпавший этой ночью снег не позволит скрыть своих следов уже никому. Но свинцовый шипованный кастет, выточенный в мастерской техникума точно по руке, был у него за подкладкой верхней одежды всегда. А милиция отбирала только водку, не обыскивая его вовсе, как человека смиренного и покладистого.

...Смирным и покладистым с виду, его Саня пройдёт к своей цели без лишнего шума, не теряя драгоценного времени и сил на разные стычки, которые стопорят продвижение любого другого человека — часто, бессмысленно, надолго.

Век родившегося в Столбцах, вблизи озёр — изумрудных, жёлтых, малиновых, — короче обычного. Но... лишь глупая рыба тычется попусту в прибрежную тину, обнаруживает себя игривым всплеском воды и очаровывается сиянием блесны. Умная ускользает в глубокие воды — быстрая, неуловимая, бесшумная, как тень, мимо расставленных сетей. И только у неё бывают самые острые зубы... Он научит Саню носить за подкладкой кастет с шипами — незаметно.

Прячет теперь усмешку Иван Бирюков в чёрный воротник. Каждый прожитый день, принёсший выручку, он засчитывает себе как хорошую победу: его ребёнок, его жена, его родители получили возможность быть обеспеченными неделю, другую. И день без выручки — тоже его победа, коли удалось уцелеть. Значит, заработает что-нибудь завтра и послезавтра. А бандитская судьба — самая короткая из всех: кто кого переживёт в этом мире, большой вопрос.

Но всё же дома он положил на видное для Нюрочки место тяжёлый стальной шар, ничего особенного ей не говоря. Она носит теперь его, оттягивающий карман, в своём халате, а он делает вид, что не знает этого: пусть так. Просто говорит, словно невзначай, как о чём-то постороннем: “Если пугают, значит, не убьют. Верное дело... Когда убивают, тогда уже не пугают...”

— Эй, задержанный! “Холодное оружие” из шести букв? Не спишь? — прохаживается мимо решётки, разминается тень милиционера в служебном ватнике. — “Кинжал” не подходит. “Клинок” тоже... А первая “кэ”. Последняя... “тэ”, кажется.

— “Тэ”?.. Нет, — прикрывает ухмылку синтетическим чёрным воротником задержанный Бирюков. — Не знаю такого оружия. Не встречал.

— Вечно ты ничего не знаешь, — зевает милиционер. — Хорошее дежурство, слушай! Все по норам сидят. Забились, как сурки. Обмерли: холодрыга! Всеобщий анабиоз. Поголовный... Хочешь, объясню, что это такое?

— Не-е... Обойдусь.

— Правильно. Всё равно не поймёшь... Такой анабиоз крутом, что даже скучно!.. На улице дурдом: где земля, где небо? Неизвестно... Слушай! Может, тебе стул закинуть сюда? Под ноги? Всё равно до утра никого больше не будет.

— И так сойдёт.

— Грамм пийсят дёрнешь? Для тепла?

— Не пью.

Милиционер, сдвинув шапку на лоб, озадаченно чешет затылок:

— ...Ну, а мясо ты ещё ешь?

— Когда как.

— Ладно, спи. Трезвенник. А то выпил бы! С твоей водки у нас пока никто не отравился. Ни разу!.. Да, никогда не бывает того, что не бывает никогда!.. Спи.

— Сплю.

На посту слышно сдержанное, краткое водочное журчанье. Запах спиртного, конфискованного из его сумки, доносится до задержанного Бирюкова в тот миг. И сон тяжелит веки... Ликует весенняя утренняя степь. Сияет свет нездешний, разливается от края и до края — тёпло-розовый, ровный, радостный. И Нюрочка, сторбившись, едет на тряском осле задом наперёд — лицом к крупу... Поджавшись покорно, беспомощно, обречённо... Едет, в рваных синих резиновых сапогах, в широком платье из тусклого синего сатина, упираясь в ослиную спину ладонями...

— Чего на тебя дело-то никогда не заводят, а, Бирюков? — не спится милиционеру, и он спрашивает пустое, прохаживаясь вдоль решётки в полутьме, пахнущей керосином. — Или ты волшебное слово знаешь, или у тебя ещё что-то хорошо работает? Типа головы, а может — полушария?

— Угу.

— Тут, слушай, теплее. А у нас вьюга раму трясёт, — поёживается милиционер. — Да, ветер нравится, когда он дует в твой паруса! Но ветер летит, куда хочет!.. Хорошо тебе здесь: никаких окошек нет... На Россию копшишь, Бирюков? На переезд водярой торгуешь?

— Как получится.

— А что, греха не боишься?
— Своих сберегу — простится мне всё. Не сберегу — ничего не простится.

— Ну, ты загнул! — поразился милиционер. — Откуда знаешь?

— Так... Знаю.

— ...И что, много скопил?

— Пока ничего.

— И я — ничего. Зарплату по три месяца не выдают! А дежурства — сплошь... Тут и взятку не возьмёшь: чужбина... Вот на ширеве заработать себе России можно — легко! Быстро. Если торговать аккуратно. Но нужен фарт! А то навеешь, ёлки, человечеству сон золотой, героином или чернушкой, а сам в ящик сыграешь... В прошлом году один цыган так наваял гус-то, что рояль старинный себе купил! Понял?.. Правда, он в дверь не влез. До сих пор у него на огороде стоит, рояль. А самого цыгана уже убили. И коронки золотые плоскогубцами повыврывали. Местные... Табор там чего-то Рыжему Рубину недодал...

Но уже не слышит Иван Бирюков милиционера. Тяжелеют, сами собою смыкаются его веки. И Нюрочкино растерянное лицо снова перед ним...

Сидеть на жёстком хребте ей неловко, неудобно, шатко. Но слезы Нюрочке с осла уж нельзя — до самого последнего рокового мига, который намечен там, за весенней степью, совсем нездешней... А шерсть деловито бегущего животного так чиста, что видно в ликующем весеннем свете каждый волосок — белёсый, желтоватый, красноватый, серый... Неуклонно, неостановимо бежит осёл мелкой деловитой трусцою, неизбежным путём...

* * *

— Здоров ты дрыхнуть, задержанный! Как я погляжу...

— Не жалуюсь, — приподнимается Иван Бирюков на топчане и садится.

— Начальник спит, задержанный спит... А у меня в Германию лучший школьный друг уехал, между прочим! В качестве сына репрессированных, — громко зевает милиционер, прохаживаясь. — Он один из всего класса пламя изо рта выпускать умел. Дунет на перемене — и учителя врассыпную... Перед отъездом комбайнером в Пригородном совхозе работал. Вкалывал, как бешеный. Ручищи чёрные были до локтей, даже со стиральным порошком не отмывались. И пальцы — в трещинах, от земли. Он их солидолом залечивал. Но не помогало!.. Ну вот, а теперь звонит. Белыми руками. Кричит, бедолага, из города Нойенхагена: “Рассольцев! Я здесь — как в плену. Кругом — немцы!!!” Представляешь?

— А что? Сам не немец? — бормочет Иван спросонья.

— Немец, только русский. Рудольф, блин, а языка не знает... Дом на Западе получил — с коврами, с машиной. Но... сплошная кругом Европа! Там радости — нет: одни удовольствия... “Мальборо” курит, перед коньяком сидит, в трубку орёт: “И на хера я сюда приехал?!” ..Назад, в Пригородный, хочет: “Пуускай в нужде, но — дома!” А я говорю: “Не едь. Там тоскуй, в одиночку”. Я бы от такой тоски ни за что не отказался... Немцы, конечно, своих берегут! Обеспечивают. Не то, что мы. У них — всё пучком, у побеждённых. А нам, Бирюков, надеяться не на кого. Кто на своих понадеялся, тот уже пропал... Да! Ветер летит, куда хочет. И дует он — не в наши паруса!

— А в чьи... — уплывает сознание Ивана из яви против воли.

— Он дует в паруса международной мафии!.. Но ветер — категория не постоянная. Учтываешь, Бирюков? Тут — философия! Спи... А вот, ещё Лейла с нами училась, арфу на досуге щипала, пока с мужем не разошлась. Так эта грузинка грузин ругала. На чём свет стоит! За то, что из беды друга друга плохо выручают. Сплочённость, значит, местами у них отсутствует, Бирюков! Представляешь? Связки надёжной между людьми нет... Лейла сказала: “В посольстве навру, что я — еврейка, в Израиль лучше уеду, они своих не бросают”. У тех всё пучком. У немцев и у них... Как ты думаешь, Бирюков, евреев обмануть можно? Или нет?

— Не знаю... — засыпает сидя Иван. — Не пробовал...

— Правильно, где тут их в степи найдёшь... А вот, если я, допустим, скажу, что я не Рассольцев, а Рассель?

— ...Кто — Рассель?

— Кто-кто... Ладно, спи.

Дальше сержант рассуждает сам с собою, прохаживаясь в полумраке от стены к стене и совсем не замечая того, что пламя керосиновой китайской лампы возле спящего начальника там, на посту, давно чадит и потрескивает, отбрасывая пляшущий оранжевый отсвет в просторный дверной проём.

— ...Ну, с фамилией прокатит. Допустим, — бормочет он. — А смысл? Махнёшь по неосторожности сто грамм на берегу Мёртвого, зато тёплого, моря — и расколешься. Начнёшь доказывать, кто самый великий народ. Возможно, и с кулаками... Да, швах наше дело! Как сказал бы Рудольф.

* * *

В виденье, которое открывается этой ночью, его, Ивана, нет. Опять — оно. Льётся свет ласковый, нездешний. И Нюрочка в рваных синих сапогах, поджавшись от неудобства, едет на тряском осле, лицом к хвосту... Но глухой топоток издалёка нарастает в степи — мелкий, частый, дробный. И длинный, от горизонта до горизонта, ряд бегущих ослов появляется в весеннем утреннем свете. Они вышли без седоков. Они следуют неотвратимо — за тем ослом, который увозит испуганную Нюрочку к месту предначертанному, неведомому, страшному. И степь цветёт и благоухает...

— Говорят, Бирюков, на какой-то совхозной ты женился? На деревенской?

— Ну.

— А я, все три раза, на городских, — вздыхает, потирает руки милиционер. — По молодости нравилось начинать жизнь сначала. Набело! С чистого листа. Любил жениться!.. И каждый раз одно и то же. Каблуки, помада, улыбка — и трюндец: разговаривать не о чем... А ты? Разводиться думаешь? Или пока не созрел?

— Нет, — утыкается в воротник задержанный Бирюков.

— На городскую, значит, менять не торопишься? Эту, свою?

— У меня другой не будет.

— А у неё? — хохотнул милиционер. — Как насчёт другого?

— И у неё. Не будет.

— А если богатый позовёт? Который водяру сумкой не таскает? В кутузке не кантуется?

— Не пойдёт она, — хмурится задержанный Бирюков.

— В красивую жизнь?!

— Исключено.

Крякнув недоверчиво, милиционер делает что-то вроде зарядки — слегка приседая, притопывая, передёргивая плечами.

— Красивая хоть? — спрашивает он сквозь решётку.

— Не знаю.

— Ну, какая она из себя?

— ...Надёжная.

— Ладно, дрыхни. Капитан смену примет — отпустит... Ночь — дело временное, Бирюков. Спи... Но — помни: утро наступает всегда!

— Ага, — укладывается задержанный на короткий топчан, поджимая ноги. — Сплю...

* * *

Полным-полно ослов в степи, движущихся неуклонно, мелкой трусцой, не замедляя слаженного бега, к общему неизбежному месту — к вехолмью, которого ещё не видно никому. Их такое множество, что не окинуть всех

взглядом. Седоков ещё нет. Но уготованные им животные уже вышли в путь... И только, ссутулясь, растерянная Нюрочка едет, одна-одинёшенька, в радостном утреннем свете...

— Бирюков! Ты же, ёлки, молодой! — бродит милиционер из угла в угол неприкаянно. — Чёлка детская, а выглядишь... лет на сорок с гаком. Ты ведь не пьёшь!.. Может, у тебя жизнь трудная была? А?

— Лёгкая.

— Болезнью Боткина не болел? Бесцветный ты какой-то... И одно слово из шести букв отгадать не можешь.

— Про оружие? Холодное?.. Нет. Не могу.

— Я-то уже почти весь кроссворд разгадал: смекалка!.. А чего по-взрослому не стрижёшься? Деньги на стрижке экономишь?

— Ага.

— Мотаешься с сумками, как старый пэтэушник... Может, у тебя жена всё до копейки отбирает?

— Не-е... Она не просит ничего. Вообще. Никогда.

— Тогда не разводишься... Я тоже вот опять со своей первой расписался. Сглушил? Как ты думаешь?

— Не знаю.

— Зато я знаю. Сглушил, конечно. Надо было — со второй... А может, лучше — с дочкой старухи Собакеевой? А?

— ...Какой?

— Которая в горкоме работала.

— Дочка?

— При чём тут дочка?.. Спишь ты опять, что ли?!

— Ну.

— ...А как тебе глобализация, Бирюков?

— Никак.

— Правильно! Мир хочет стереть нашу индивидуальность! Потому он всегда учит нас не быть собой... И что за дежурство нынче выдалось? Ни разминки, ни встряски. Эх! Мороз...

* * *

Ликует весеннее утро. И уготованные для кого-то ослы уже в пути. Их великое множество... Бегут они под ясными небесами по всей степи, от небесного края — до небесного края. Но люди, которые сядут на них, ещё не знают про то...

— Да, Бирюков! Согрел ты меня чуток своей водкой... Но не развеселил!.. Спи.

— Ага.

Неудобно ехать Нюрочке тряско, неловко. И видно Ивану из камеры, сквозь чугунную решётку, как обмирает её душа и томится заранее — от неизбежности предначертанного... А следом, через большое расстояние, бегут ослы без седоков.

Скоро великое множество людей поедет так же — ещё не знающих о том, что путь их начат... И каждому будет неудобно и тряско — сидеть на хребте, лицом к хвосту, упираясь ладонями в ослиную спину... И никому не отворотить рокового мига, намеченного — там, за цветущей степью, в конце пути, заканчивающегося одним общим всхолмьем, каменистым, возвышенным... Там — последний, смертный страх, которым изнывает душа заранее и томится: там — неизбежность конца. И начала, которого не постигнуть живущим...

Но утренний путь ещё долог, и степь цветёт и благоухает, и мягкий свет согревает поджавшуюся Нюрочку бесконечной весенней любовью и лаской — необычайной, несказанной.

У Нюрочки есть ещё время тряского земного пути... На растерянном лице её — светлые слёзы, ясные слёзы обречённости.

— Опять капли, — хочет сказать Иван и стереть их ладонью, только его нет в этом сне.

— Они испаряются, — молча едет Нюрочка. — Уходят в облака... Поэтому здесь сухо. Дождик из наших слёз идёт давным-давно. Далеко, далеко...
— Где?
— На севере.
— Я никогда тебя не предаю, — пытается войти в утренний сон встревоженный Иван, раздвигая нездешний свет руками. — Знаешь?
— Знаю... Я никогда тебя не предаю...
— Знаю...
Он пытается распрямиться, встать в полный рост, не сутулясь, не причесать, и войти свободно в утренний свет, праздничный и страшный!
...Однако его нет в этом сне.

* * *

Бешеная ночь так истрепала чернильно-чёрные свои одежды, что они, полиняв, обветшали до сквозных мельчайших дыр, не дождавшись рассвета. Сквозь них стал виден с постели старому Жоресу неприбранный подоконник, заставленный немытой посудой, и злые колкие узоры наледь, синеющие на тёмном стекле. И, кажется, что-то оборвалось этой ночью там, на севере, где слонялась беда прежних хозяев барачной комнаты, потому что старик потерял вдруг всякую способность чувствовать, ощущать, переживать. Его тело, со своими ревматическими нудными недугами, притихло; оно поджалось и уже не болело, как будто его не было вовсе. И эта лёгкость существования казалась такой странной, что Жорес не знал, что и думать...

Да, обычно чужая беда, которая шлялась где-то далеко, по российским просторам, бесприютная, как ветер, отзывалась ломотой в его костях — здесь, под крышею отсутствующих хозяев... Но может быть, это стены чужого жилища выпили остатки его сил; их не осталось теперь даже на привычную печаль, в которой иставала его судьба все последние, барачные, годы... Зато разум старика был овеян теперь зимним бесстрашием. И он понимал, не страдая: пора цветения его рода осталась в минувших веках, и плодоносная пора — тоже, в котором были когда-то учёные люди, писавшие по-арабски, мудрецы, постигавшие тайны мира в путешествиях к святыням, и отважные воины — защитники бедных сородичей. А от Жореса и Марата должны были родиться дети для общества справедливости и равенства всех людей!

И вот оба его сына вступили в жизнь с именем писателя, говорившего о Буревестнике, о Соколе! Но только кровь чёрной боевой курицы, — алчной продавщицы, — беснуется в потомках Жореса, умеющих лишь хватать всё, нужное им, а приятное — брать насильно.

Что ж, эта дурная кровь, примешавшаяся к роду — и уничтожившая, истребившая род, всегда гордившийся своей устремлённостью ко всеобщему благу, уже не продлится в жизни. Только от насильника-бандита может появиться ненароком злое дитя, ненавидящее всех. Но такое дитя разрушит себя и убьёт себя прежде, чем вырастет, а тюрьма проглотит рослого бандита и того раньше, если не убит он уже нынешним утром при делёжке награбленного...

И ничего не изменить Жоресу. Ничего... Кажется, там, в коридоре, раздаётся вялый, прилипчивый голос внука-наркомана, блуждающего в мире видений. Теперь уже нет старику до него никакого дела. Род исыяк, потемнел. Род уходит в белую безжизненную зиму...

Быть, как видно, тому, думал старик с холодным сердцем. Всё чёрное накрывает белая зима, рано или поздно. Бесславные остатки испортившегося рода, уведённого в заблуждение, накроет мёртвый чистый холод, как на крыла зима в эту ночь великого перелома всю вчерашнюю неприглядность поздней осени — пустой, облезлой, бесполезной.

Его бездетные, беспутные внуки — последние внуки; их уже при жизни накрывает снег вечного небытия. И так должно быть. Потому что если бы истина последовала их желаниям, то разрушились бы небеса, земля. И разрушилось бы всё, что есть на ней...

Старому Жоресу, лежащему под одеялом, видна бесконечная тёмная степь — за стеклом уже проступила млечная линия далёкого горизонта, и небо не сливалось с землёю, как прежде. Окно сердитой учительницы, вечно перепутанной, будто выскочившей только что из горящего танка, выходит на северо-запад, а его окно — на юго-восток. Но с постели можно разглядеть пока совсем не многое: вереницу столбов, не приносящих прежнего света, и лиловую дорогу, занесённую первым ночным снегом. Она убегает в несусветную даль, за пологие холмы, к старинным землям скромных каракесеков.

Да, не из его племени придёт человек, который одолеет врагов равенства — хищных врагов народа, растерянного теперь и уставшего выбирать свой путь наспех — принимая сумерки за рассвет, рассвет за сумерки... Рождения этого человека, способного постичь, где друг, а где враг, откуда идёт свет, а откуда тьма, ждут во всех обнищавших родах. Значит, он придёт из рода, который гордился собою меньше всех других, потому что больше, больше всех других боялся наказания в великий день...

Он придёт из рода, перед которым величались все, кому не лень, и который не растратил себя на высокомерье, понимал теперь старик умом ясным, как зимний холод, и холодным, как ясная зима. Депутат, говоривший за стенкой старой учительнице кое-что умное, выучил многое, конечно. Но дорога его коротка. Длинными бывают дороги у идущих вместе, не порознь. Только нет никакой депутатской вины в том, что это время — время коротких дорог, множества коротких дорог; они сольются позже — те, что пролегают рядом, совсем близко, по соседству, дарованному свыше...

А тот, который окажется способным свести нужные дороги воедино, не уничтожив, не повредив ни одной из них, уж не в такую ли ночь — в тёмную ночь великого перелома, должен родиться на свет? В какой-нибудь саманной развалюхе чабана, пасущего убогое стадо, где всего-то — пара коров, два быка и три десятка тощих баранов? Но и тех не оградить нынче от набегов молодых бандитов-угонщиков. Они ездят по степи на рычащих мотоциклах, шалея от безнаказанности.

Эти чёрные мотоциклы похожи на злых ос, вылетевших из какого-то тайного чёрного гнезда. И главенствует над всеми ними широкая чёрная машина его старшего внука, красная внутри, чёрная снаружи, блестящая, будто новая калоша... Не из того ли бедного стада была та телячья ляжка, которую привёз Жоресу по лиловой дороге, с юго-востока, его внук-бандит, ухмыляющийся победно? То похищенное мясо пахло человеческой кровью. А ещё — сухой вольной полынью и терпким потом неведомых степных людей, привыкших выращивать и выхаживать свой скот в бесконечных трудах и заботах...

Человек, появления которого ждут все кочевники, отрекшиеся от своих кочевий — и потерявшие возможность учиться и работать, тот человек придёт оттуда, из кочевий... Он родится в самое злое время года — потому, что ему предстоит побороть слишком большое зло, накопившееся в пору всеобщей погони за богатством, а не за народным счастьем. Он родится в переломную пору, потому что ему предстоит переломить ложный путь. По этому ложному пути устремились люди степей и гор, путая запад с востоком, восток — с западом... Свергающий власть денег придёт по лиловой дороге. Должно быть — так, скорее всего — так...

Успокоенный, старик повернулся на бок, лицом к чужой стене. Однако что-то вдруг заставило его открыть глаза — в них стало так светло, словно отсвет от зеркала упал на лицо. Или это настиг его блик с водной поверхности того затопленного котлована, в котором он оставил своё здоровье?

Старик отстранился, повернувшись к сумрачному окну снова. И отсвет последовал за ним. Узким лучом над лиловой дорогой блик улетал к горизонту, — или от горизонта, над лиловой дорогой, летел к старому Жоресу...

Больше он не беспокоился ни о чём. Потому что в эту ночь, кажется, уже родился тот, которого ждут обнищавшие.

Нюрочка ходит по тёмной комнате в цигейковой душегрейке, прилежно застёгнутой на все пуговицы, до горла, чтобы не продуло грудь. Иначе простуда перехватит молочные протоки, нежные, словно кровеносные сосуды, и младенца надо будет переводить на искусственное питание. А этого допустить никак нельзя: Сане нужно вырасти крепким. Сила природного, живого молока должна перелиться в него всецело...

Она поднимает колючие шелестящие венки с бумажными помятыми цветами, вешает их над кроватью. Смотрит туда, куда ушёл вечером Иван, потом — на спящего Саню. Она кружит по комнате — от окна к детской коляске, от коляски — к венкам и снова — к окну. Нет ни души в глухом пространстве пустыря, ушедшего под снег.

После кормления ей хочется горячего сладкого чая. Но вскипятить воду невозможно. Всё же она зажигает парафиновую свечу, идёт в туалетную комнату с пустым чайником — и чуть не падает. Там, где сидел вчера на корточках под венком внук старика — бандит, сидит теперь младший брат его, тощий наркоман, и, скалясь, глядит на Нюрочку глазами узкими, мутными.

— Чего тебе? — перепугавшись, тихо кричит Нюрочка. — Откуда ты пришёл?

Парень раскачивается, бормочет невразумительное:

— Брат мой на тебе не женится, я женюсь, — он вяло плюёт на пол. — Тьфу, шутка. Никто не женится... Шлюха будешь с горя. Скоро.

Она замахивается, забыв, что в руке её — свеча. Тёмные тени мечутся от того по потолку коридора, по венкам, висящим на стене, разбегаются по углам.

— Вот тебе, идиот! — грубо кричит Нюрочка, гулко бьёт парня чайником по голове. — У меня муж есть! Он тебе ноги выдернет!

И могильный венок сам собою срывается с гвоздя.

— Был муж, — улыбается наркоман, выбираясь из-под венка. — Нет больше. Покойник. В овраге лежит... Шлюха... Скоро...

Трясущимися руками Нюрочка наливает воду, нарочно громко гремит крышкой. Она снова идёт мимо парня.

— Был муж! Нет больше! — вяло смеётся парень ей вслед, видя что-то своё, рябое. — Сын твой, чухан, как растёт? Хорошо? Пускай растёт пока... В подвал потом пойдёт... Игла, игла!.. Скоро!..

И уже проснувшаяся Тарасевна кричит на парня из своей комнаты, через стенку:

— А ты что в коридоре ошиваешься? К старику пришёл — иди к нему! Нечего здесь! Марш!

— Ну, ну, мать, завязывай... Всё путём... — щерится парень. — Жду. Братан придёт... Придти должен давно! Из оврага...

Он поднимается и, шатаясь, уходит в тёмную комнату немой.

— Вперёд ты сдохнешь, — шепчет ему вслед Нюрочка. — Все, все подонки передохнут, скоро. А с нами ничего плохого не будет. Только хорошее. Хорошее. Хорошее. Хорошее.

И снова, задув свечу, встаёт она к едва светлеющему оконному стеклу. Безлюден пустырь. Только снежный покров отчего-то колеблется, зыбко покачивается перед её глазами, дрожит. Оттого весь огромный пустырь кажется ей шевелящимся и седым, словно спина гигантского тарантула.

— Все подонки умрут раньше нас... — то ли говорит, то ли думает Нюрочка. — Ничего, Саня. Это тьма нас пугает... Зло бывает сильным, когда нет света. Или это свет пропадает от слишком большого зла? Не знаю... Но день настанет, Саня, и доброе оживёт, дурное ослабнет... Наступит скоро день. Морозный!.. Зима началась. Саня.

Высокие вьюги будут набегать одна за другою, раскачивая небесный свод, пока не опадут совсем. Рано или поздно они превратятся в талую цветную воду... И маленькому Сане исполнится полгода, подсчитывает Нюрочка, загибая пальцы. А там зазеленеет степь вокруг Столбцов. Но как безлюден сейчас холодный пустырь за окном — пуст, безлюден, безмолвен...

В июле все травы выгорят дочиства. Сквозь корявые сухие корневища проглянет обожжённая розовая земля. В такую душную пору люди будут сидеть по домам, как и в лютый мороз; без крайней надобности никто не выйдет за порог жилища. И Саня подрастёт ещё...

А потом вкрадчивая осень проберётся в Столбцы, словно рыжая бездомная кошка. От её проказ городишко станет неряшливым, неприглядным, пока волны злой зимы не примчатся с севера. Но Сане тогда уже пойдёт второй год! Он станет сильнее, крупнее и сделает к тому времени первые шаги по этим прогнившим барачным полам... Но как безлюден холодный пустырь за окном и как безмолвен. Безлюден, безмолвен...

Пусть идёт год за годом, дремлет Нюрочка стоя, опершись на холодный подоконник. Пусть тихонько подрастает Саня... А сейчас пришла зима. И Нюрочке можно поспать ещё, пока сон младенца глубок. А потом по седому огромному пустырю придёт Иван. И всё дурное ослабнет...

Её Иван умеет защитить себя, не нарываясь на рожон... Так заведено у русских степняков... Умеющий защитить себя — защитит Саню... Пусть подрастает Саня... И можно поспать ещё немного...

* * *

Нюрочка добирается до постели, утыкается в подушку, не сняв душегрейки. Но в общем коридоре хлопает входная дверь, так, что сотрясаются ветхие стены. И тут же вспыхивает за стеной, в коридоре, новая перебранка.

— Что ты притащился ни свет ни заря? Не рассвело ещё! Перепугал до смерти...

Это на кого-то гневается Тарасевна, пробирающаяся к туалету во тьме, наощупь.

— Цыц, Сталинища, школьная ведьма! — отвечает ей мужской голос, хриплый с похмелья. — Не шуми. Справляй нужду тихо! Без брызг.

— Да я... Какая я тебе ведьма? Я бы даже директором школы стала, если бы в институт усовершенствования поехала! А ты кто?

— Стала бы она! — буйствует Нюрочкин свёкор в коридоре. — Я сам быстрее тебя директором твоей школы стал бы, ещё когда в первом классе учился... Тузика нашего директором назначь — и он справится, ты — нет... А Тузик — он и в физике больше твоего понимает.

— Покоя молодым не даёшь ни днём, ни ночью, носит тебя нелёгкая, дармоеда... Хоть бы о ребёнке подумал. Ещё скандалит, когда все спят.

— Захлопнись! Не высовывайся. К своим иду, не к чужим. В кооператив “Тризна”! Додумались, устроили целый какой-то филиал на дому. Разве в такой обстановке нормальных детей растят?..

— Совсем стыд потерял... Пелёнку ружьём своим сдёрнул! А ну, подбери! Повесь на место!

— Ты уронила — ты и подберёшь! Пю-да-гог... Свисток твой где сторожевой? Вместо того, чтобы глупости изрекать, ходила бы ты и дома со свистком во рту, красота неземная... Не развернёшься в коридоре вашем. Тут пелёнки, там венки... И всё за моё ружьё цепляется, всё. Даже старухи...

— Эх! Был ты советский урядник, урядником и помрёшь.

— Да, вот! Сторожихой не стал! Как некоторые!.. Жалость какая... Захлопнись, сказал! А то двойку тебе поставлю. По дисциплине.

* * *

С кривым своим ружьём за плечом свёкор что-то говорит про похмелье, отыскивает водку на ощупь, постукивая дверцами стола.

— Голова же кругом идёт! — возмущается он во тьме. — Где ваш денатурат? Контузили меня вчера своим пойлом! Злодеи, а не дети... Вот! Ружьё вам принёс. Для самообороны! А то шляются разные тут, у вас, по коридору. Пю-да-гоги... Думал, сменяю его на ружьё Петра Савелича! У того ложе треснуло, а ствол прямой. Так ложе я бы заменил. Не соглашается. Говорит: днём приходи... Решил я вам ружьё своё отдать! Непутёвые дети — тоже дети. Берите! Не жалко.

— Зачем нам ваше кривое ружьё? — не понимает Нюрочка, поднимаясь с постели.

— Ладно. Оно мне самому — не лишнее. А ты чего встала? Спала бы! Я же никому не мешаю...

— Тш-ш-ш, — покачивает Нюрочка коляску. — Иван ещё не вернулся...

— Ну и что? Моей лахудры целый месяц не было! В прошлом году, когда к родне она ездила, в область. И ничего, я лично — спал... Так вот, — говорит свёкор, похрустывая солёным огурцом за Нюрочкиной спиной. — Проводил я её, иду. А эти — стоят там, значит. На тракте. Проститутки! Вереницей... Дармовых денег хотят!.. Плююсь мысленно, но изучаю их досконально, исчадий ада. И вдруг — одна среди них: ангел!.. Чистый ангел. Невинная... И видно сразу — первый раз вышла, веришь, нет? Кругом — халды, оторвы — ух!.. А она — грустная, небесной красоты девчужечка светленькая, школьница... “Отвечай, как зовут?.. И что же ты, Алина, творишь?!” Веду, значит, её, через овраг, мимо ГОКа... Я кому рассказываю? Слышишь? Нет? ...Ну, молодёжь.

* * *

Испив рассолу из банки и утёршись полотенцем, свекор едва не рухнул, поскользнувшись на огрызке уроненного огурца.

— Что за теснота?! Упасть негде. Повыкидывал бы я твоё приданое! Все бы коробки ликвидировал! Полкомнаты макулатура книжная занимает... Пусть Ванька всё отнесёт Амнистиевичу, на растопку! Приказываю, как родитель! Слышишь, нет?

— Тихе, — просит Нюрочка свёкра. — Пожалуйста... Ребёнок спит...

— Ничего! Наспится ещё за свою жизнь. Не велик барин!.. Ребёнка родили! Эх, барыги, барыги. Воспитатели, тоже мне... Чего путного от него ждать, от ребёнка вашего, с такими родителями?! Ну, я домой. Сто грамм ещё махну. И всё. Школу, значит, она бросила, ангельчик, — продолжает свёкор со стаканом в руке. — У неё мать-закройщица без работы осталась. “А брат, — говорит, — он тощий, но ест много. Пусть он зато выучится. Я скажу, что деньги в кустах нашла”... Пальцем её не тронул, между прочим, невинную. “Бери — всё! Деньги мои небольшие. Копейки! Но они — чес-тны-е!”...

— Ивана нет ещё, — потирает Нюрочка лицо, садясь на неприбранную кровать. — Утро скоро, а его...

— Ну, заладила. Говорю же: не пропадёт! Сухой из воды выскочит. Что я, Ваньку не знаю? У него — бабкино воспитанье! Там — всё строго было. Она, старая, Ваньку нам — не доверяла. Не религиозные мы были для неё! Но мы... Мы всегда жили че-ст-но!.. Нет, лучше двести грамм ещё выпить. Денатурат же! Берёт не сразу... О! Теперь прошибло: икота пошла... А ты бы тоже махнула! Грамм пийсят и тебе можно. Сама бы расслабилась, и ребёнок насосётся, лучше спать будет. Учишь вас, учишь, спекулянтов, а толку нет. Никакого!

Он садится к столу, не сняв ружья, допивать во тьме, и не видит, как берёт из коляски, как закутывает в одеяло Нюрочка спящего младенца.

— “Забирай всё!”. Так ей говорю, ангельчику. “Иди — и больше — не грешии!” — заглядывает свёкор в кастрюли поочерёдно. — Нюр, ты куда собралась-то? Пальто надела... Я тебе рассказываю или кому?.. Свечку бы лучше мне зажгла... Никакого гостеприимства...

Но Нюрочка спешит, спешит на волю, прижимая ребёнка к себе:

— Гулять, Саня, пойдём. Тише... Папу твоего, Саня, встретим...

— На мороз в такую рань кто прётся с дитём? Только ненормальные. Там ботинки к земле примерзают! — предостерегает свёкор, громыхая посудой и круто посыпая перцем хлеб. — Ну вот, холод по полу идёт. Эй, двое-то закрывайте, мать-перемать! Не лето...

* * *

Ещё не рассвело, а Бухмин уже проснулся окончательно в состоянии тревожном и решительном: ему надо спешить — зачем, куда? Неизвестно... Пора!

Прошлым вечером, закутанный в одеяло, он услышал по старому приёмнику — кто-то читал его стихи о девушке, стоявшей на перроне в меловом пыльном облаке. Потом голос ведущего сказал: “В те годы, когда поэт Бухмин был ещё жив...” И он, поняв, что на свете его больше нет, покивал согласно:

— Всё так... Если умирает держава, то жизнь отдельного человека уже ничего не значит. Всё так.

И свет погас... А сам Бухмин почему-то пережил эту ночь.

Сейчас он соберётся с силами и выберется из-под одеяла. Умываться во тьме старый поэт не будет, и чай пить — тоже. Электричества как не было, так и нет. Но под его окном ходит кто-то, проснувшийся до света. Поскрипывает снег под шагами, свежий снег... Опять — снег... Молодой снег, износившаяся жизнь... Но кто же там ходит в предутренней тьме?

Подглядывает обычно за Бухминым та самая старуха в тугом стёганом шлеме, скрывающая у себя под чёрною тряпкой и вращивающая в банке нечто мерзкое, осклизлое, медуобразное. Она даже пыталась однажды вернуться к Бухмину в комнату.

— Я не приглашал вас, — отгеснил он старуху с обвисшими щеками, перепугавшись отчего-то. — Нет, нет.

— А как нам жить, не знаю, с кем? — возмущалась она на ступеньках. — Вдруг у вас проводка замыкает? Мы, соседи, должны знать!

— Я никого к себе не звал, — заперся тогда Бухмин. — Не звал. Уходите...

После этого старуха, замедляя шаги, лишь бросала гневные взоры в его окно, завешенное газетой, однако в гости больше не заявлялась. И всё же как-то он долго разглядывал её, приподняв бумажный уголок.

— ...Они все что-то выращивают в стеклянных своих банках, — раздражённо забормотал Бухмин, опуская ноги в валенках на пол.

Те, которые ходят с недовольными лицами, выращивают, выращивают у себя что-то осклизлое. У всех, у всех в Столбцах на подоконниках стоят какие-то стеклянные банки под тряпками! Стоят по всему свету... Стеклянные банки... Но в разбухающей осклизлости уже зарождается некий багровый зрак — что-то живое и ещё не грозное, похожее на малый кровавый сгусток внутри куриного яйца, он видел это, видел: как в преизбыточности *терпения* зарождается кровь...

— Нет. Не надо крови, — бормочет старый поэт в тёмной каморке, приглаживая взлохмаченные волосы. — Не хочу, не вынесу... Нам хватит того, что было... Сколько можно?!

* * *

Но кровь уже зародилась в осклизлости давно перестоявшегося, закисшего, заплесневевшего всеобщего терпения — в той банке, на подоконнике старухи... И кровавый сгусток внутри слизи всё разрастается: вокруг него уже образовался свинцово-серый обод... Пока этого не увидел никто, кроме старого поэта, слишком хорошо знающего приторный, парной запах лишкой человеческой крови.

— Довольно... Я... лучше... С меня довольно... Нет. Больше не надо...

С трудом поднявшись в своих валенках и телогрейке, он двинулся было к окну. Спотыкаясь о всякий хлам, Бухмин опрокинул невзначай ковш с недоваренными картофелинами и сорвал газету, прилепленную к стеклу.

С надеждой взглядываясь он в заснеженное пространство, вдыхая ледяной воздух, струящийся из щелей... Если под окнами шляется старуха в байковом стёганом шлеме, он будет жить ей назло. А если удастся ему увидеть ещё раз, хотя бы раз, ту, с пасмурными предвоенными глазами, тогда можно будет Бухмину помереть с лёгкой душой. Ведь ходит же иногда она перед старыми его глазами и носит крохотного ребёнка в одеяле — будто того самого, которого там, в прошлых десятилетиях, должен был родиться у него и той, обманутой им в самом начале войны... Только бы успеть сказать ей напоследок: пусть этот, этот ребёнок непременно разобьёт старухину банку с медузой, как только начнёт ходить! Непременно!..

— Не надо крови, — взбирался на шаткий табурет Бухмин, покряхтивая. — Не хочу... Я устал умирать... Я больше не хочу умирать... Больше не могу умирать.

Накинув петлю на шею, он принялся ждать появления женщины. И вскоре ему было всё равно, кого увидит он там, за стеклом, кого окинет прошальным взглядом напоследок: тётку Родину с кухонным ножом в кармане просторного, вечно мужского пиджака, свою верную Лизу-снайпершу, босящуюся сырости и темноты, бледную ли соседку с крохотным ребёнком на руках... Или посмотрит ему в угасающие глаза та, единственная, которая смотрела на него, молодого, с перрона, припудренного белой пылью. Посмотрит из мелового облака — и позовёт к себе беспрекословно: “Жду!..”

Но он обязательно должен прокричать сквозь белый пыльный ветер, идущий из предвоенных меловых карьеров, что нужно сорвать чёрную тряпку! Пусть ребёнок разобьёт старухину банку. Потому что в осклизлом запредельном людском *терпении* зарождается, рано или поздно, неизбежно зарождается кровавый сгусток — багровый зрак, вокруг которого образуется свинцово-серый обод!

— Довольно умирать, — бормочет старый поэт, ощупывая петлю, продетую в кольцо. — Довольно всем умирать...

* * *

Никого там нет, на пустыре, в рдеющей тьме, лишь нахохлились в ложбине заметённые снегом кусты, едва различимые во мраке, да бугрится, темнеет вдаль огромный камень-валун, вырастающий из земли.

— Баю-бай... — горбится Нюрочка на морозе, прижимая к себе ребёнка покрепче.

Крошечное лицо спящего Сани закрыто углом стёганого одеяла, и в это одеяло шепчет Нюрочка, согревая его дыханьем:

— Баю-бай...

Мёрзлая земля укрылась первым снегом, синееющим в ожидании дня. Жёстко похрустывает он под ногами. И кругом — ни души, ни души...

— Бай-бай... — притопывает Нюрочка, сутулится, дышит теплом. — Крошечный... Тш-ш...

Свирепая ночная вьюга ничего не оставила от старого сарая, кроме четырёх пеньков, торчащих чёрными обломками. Не вьётся дымок над высокой трубой котельной; должно быть, уснул к исходу ночи старый истопник, живущий около печи уж который год. Зима охватила Столбцы.

— Тш-ш-ш...

Колочий холод забегает под Нюрочкину одежду, и надо ребёнка быстрее нести домой. Но свёкор вывалился вдруг из барака с кривым ружьём, распевая раскатисто и широко.

— Р-р-родина слышит, р-р-родина знает!.. — орёт он так, что слышат его, должно быть, все люди в Столбцах — даже крепко, крепко спящие и безнадежно глухие.

Пережидая, когда он уйдёт подальше, Нюрочка снова прохаживается вдоль барака, покачивая ребёнка:

— Тш-ш...

Как вдруг внезапный страх беды окатил её спину, будто ледяной водопад, упавший с тёмного неба, — беды неотвратимой, неизбежной. И Нюрочка замерла, не понимая происходящего.

— Р-р-родина слышит, р-р-родина знает!.. — всё вдохновенней, всё громче горланит свёкор. — Как нелегко-о-о её сын побежда-а-ает!..

Озираясь в неясной тревоге, Нюрочка обернулась на миг, ничего не увидела за собою, кроме чёрных окон барака, — и тут ей вздохнулось легко и свободно. Знакомая фигура показалась в полумраке — далеко-далеко, на самой кромке степи, из-за тёмного камня-валуна. Да, то возвращался домой её Иван.

— ...Алыми звёздами башен кремлё-овских! — заходился, захлёбывался песнею свёкор за углом. — ...Смотрит она за тобо-о-ою! Смотрит она-а! За тобо-о-ю...

Иван шёл быстро, придерживая лёгкую сумку на плече, — он спешил, уже заметив Нюрочку издалёка. А надсадная песня орущего свёкра уплывала, удалялась куда-то к разрушенным многоэтажкам, торчащим на заснеженной горе:

— ...Всею судьбой своей ты защища-а-аешь!.. Там! Таратам-та-а-а... Мира великое де-е-ело!..

Приблизившись, Иван не улыбнулся. Только глянул на жену исподлобья, взял ребёнка на руки молча. И они пошли в барак, след в след — склонив головы, как два старых человека.

* * *

Первое зимнее утро наступало медленно, неохотно. И долго стоял в Столбцах рассеянный мрак, будто были то глубокие сумерки.

Дожидаясь какого-нибудь мало-мальского света, жители не торопились нынче вылезать из подвалов, выбиратья из-под одеял, ватных матрацев, вылезать из ворохов тряпья. Одни мелкие служащие, боящиеся начальства, собирались выйти из домов спозаранку, потягиваясь и отыскивая тёплую одежду на ощупь. В иных комнатах бродил кто-то за окнами с зажжёнными парафиновыми свечами, но недолго, и таких было мало. Даже продрогшие обладатели буржук, сооружённых из железных бочек, не спешили разжечь в них горку каменного угля: из двойных форточек, затянутых жёстью и фанерой, не исходило дымка, а круглые отверстия посередке были прикрыты заглушками, похожими на консервные ржавые банки. И, скованные сильнейшим морозом, никак не оживлялись улицы от силуэтов редких прохожих, спешащих по ранним докучным делам. А выпавший снег улёгся ближе к рассвету так сухо и плотно, что следов на нём почти не было видно, и белизна его всё не проступала сквозь всеобщую затемнённость.

Свирепые ветры, бесновавшиеся, крутившиеся в ночи великого перелома и взлетавшие до самых небес, раскачивая заоблачные своды, а потом устремлявшиеся на полуразрушенный городишко, теперь улеглись на несколько дней. Только широкое ровное воздушное дыхание шло из огромной стылой степи, уже ничего не помнящей о вчерашней поздней осени, и уходило в стылую степь беспрепятственно. И это оно, леденя всё живое, не давало нахохлившимся воробьям высунуться из-под стрех, а редким прохожим — распрямиться на бегу.

Сквозной холод большого пространства сообщал крупнопанельным бездушным домам звенящую напряжённость, словно сделались они железными от стужи. В Воротах ветра размеренно дышала полновластная зима, омертвляющая живое и уже не замечающая сопротивления себе — жалкого, суетного, торопливого...

Ни учителя, ни школьники так и не появились этим утром на улицах городишка. Только в барачном тёмном коридоре стояла перед общей дверью закутанная девочка с портфелем. Тарасевна вздыхала, засовывая ей в карман печенье. Увещевала:

— Нет в школе никого!.. Зачем идти, Полина? Что, президентом ты станешь главным? В нашей Москве?

— Если надо, стану, — пообещала девочка. — Выпусти, бабуль...
— Ох, и чего же ты будешь делать тогда? — поправляла на ней тёплый шарф Тарасевна.

— Всё буду делать, чтобы все люди жили хорошо.

— Так ведь мы же... злые сделались! — не открывала ей дверь Тарасевна. — Как ты с нами, злыми, голодными, справишься? Как ты нас заставишь друг дружку жалеть и не есть поедом?

Девочка опустила голову от смущенья, но сказала довольно бойко, доставая vareжки:

— Я скажу всем, чтобы все всех уважали!

— ...Ну, ступай, — поскучнев, проговорила Тарасевна разочарованно. — Учись, учись. А то опоздаешь...

* * *

Этим же ранним утром, за тысячи вёрст от Столбцов, спешил к обители в толпе паломников и богомольцев чудной человек в долгополой одежде, напоминающей лоскутное одеяло. Идущие от вокзала вереницей не обращали на него своего внимания, пока ноябрьская холодная темень обезличивала всех равно, скрадывая и очертания тихих бревенчатых домов, и старых раскидистых деревьев, и буераков. Однако едва развиднелось, как те же люди, одетые бедно и кое-как, у самых монастырских стен принялись отыскивать что-то в своих карманах и сумках. Принимая его, должно быть, за юродивого, они совали человеку мелкие деньги, тот брал, кланяясь, засовывал их в торбу и шагал ещё торопливей в тяжёлых своих ботинках, с наклоном сильным опираясь на посох, отчего ноги его от туловища будто отставали. Тех денег сразу прибыло очень много, к неудовольствию закутанных побирающихся — вставших ни свет ни заря в холодное и тёмное это время года под белокаменные карнизы древних башен с чёрными провалами бойниц.

Под сводами Восточных ворот, однако, человек в пёстром одеянии словно оробел и двигался далее медленнее, а, вступив в обитель, тут же рухнул на колени, в великом и странном потрясении целуя мёрзлую землю, припорошенную редким снежком. И так, не вставая с колен, спрашивал взволнованно под колокольный звон, как пройти ему, смирения не обретшему, к самому Преподобному.

Потом паломники видели его в святом Храме, где человек сразу купил огромное количество свеч. Он принялся расставлять их пред старинными иконами, крестясь, бормоча что-то и кланяясь часто-часто-часто. К нему подошёл пожилой служитель с вопросом спокойным, обстоятельным:

— Для чего так много возжигаете, можно спросить?

— Ставлю за близких, — отвечал человек покорно. — Со мной они.

Оглядывая разноцветные свои заплаты, он принялся трогать и перебирать их поочерёдно, словно лестницу. Но служитель, озабоченный, всё не отходил.

— ...А те, за кого свечи вы ставите, знают об этом? — спросил он негромко.

— Нет, — с виноватым поклоном ответил ему человек. — Их двадцать миллионов. Не знают они.

Заплакав, человек стал отирать лицо рукавом.

Служитель не удивился ничему, но, помолчав, переспросил всё же:

— ...Сколько их, говорите?

— Всех-то душ — может и тридцать миллионов будет, страждущих в новых изгнаниях, — утирался человек в пёстром одеянии, кланяясь быстро, мелко. — За шеломом они, все за шеломом... Там... Там русская земля, за шеломом еси... Далеко осталась... Там они все...

— Ну-ну, — сочувственно покивал служитель и отступил, ничего более не сказав, хотя ещё поразмыслил немного, прежде чем вернуться к свечному прилавку совсем.

Тогда человек решительно двинулся к мощам Преподобного. Он прошёл напрямую, не видя людской очереди, и опустился на колени, потому что от

переживания ноги не держали его. Там упал он вниз лицом и больше не поднимался. И храм сиял, озарённый пламенем великого множества свеч...

Служба шла своим чередом. Человек не поднимал головы.

— Пропадают людишки... — плакал он в пол едва слышно. — В молдавских, в басурманских степях, в горах кавказских страждущие давно, беспросветно...

И в середине дня молился так же. И ввечеру — так...

Уже к ночи, в пустом Храме, всё тот же пожилой служитель тронул его за плечо, подавая посох, оставленный у свечного прилавка. Пёстро одетый человек встал, покачнувшись, и удалился безропотно в тяжёлых своих ботинках.

* * *

Лишь отойдя от Храма, Порфирий обнаружил, что на дворе — темень, и время, исчезнув, улетело далеко вперёд, и дня как бы не было вовсе. И всё же верилось ему в это не вполне; он перетаптывался минуту или две, поглядывая на небо вопросительно. Однако то, что надлежало Порфирию сделать, было выполнено. Молитва за оставленных людей излилась из его сердца вся, и горе его обмякло, а тело обрело ту невесомость, которая сообщается человеку в крайнем бессилии. Он побрёл к выходу из обители, проговаривая рассеянно: "...Да будут сыновья наши, как разросшиеся растения в их молодости; дочери наши — как искусно изваянные столпы в чертогах..."

"...Да будут житницы наши полны, обильны всяким хлебом; да плодятся овцы наши тысячами и тьмами на пажитях наших..." — всё бормотал он потихоньку, опираясь на палку, шаг за шагом, и дыхание было его — просторным, а воздух упоительным от свежести и чистоты.

Однако покинуть обитель Порфирию не удалось: тяжёлые ворота затворились вдруг перед самым его лицом, и он озирался в недоумении, пока сочувственный голос из темноты не подсказал ему:

— Беги, братец, вон к тем, там открыто ещё. Успеешь, быть может. А тут... опоздал. Не выйдешь ты от нас...

— Точно ли — не раннее утро теперь? — спросил Порфирий в свете ночных фонарей, перетаптываясь. — Пробыл я часа два будто. Не боле. А в остальное время был я — и не был.

— Завтра — утро настанет, — был ему ответ. — Спеши.

И он двинулся в другую сторону, покачиваясь от головокружения. И осеял он себя крестным знаменем: "...да не будет ни расхищения, ни пропажи, ни воплей на улицах наших..."

Но и эти ворота закрылись тут же, едва он приблизился к ним.

С лицом светлым и потрясённым Порфирий, не чувствуя тяжести металлургических своих башмаков, всё ходил бесцельно по монастырским дорожкам, всё крестился на древние храмы и трогал холодные древние стены, могильные плиты. Потом сел он под высокой елью, напротив колокольни, не чувствуя холода: святая обитель не выпускала его, а пребывала с ним неразлучно.

* * *

И задремал Порфирий в ночи, радуясь каждому мигу своего нахождения здесь — словно дозволялось ему было погостить в раю, хотя бы и самую малость ещё... А там и вовсе возмечтал он о благостной своей кончине — как, после всех многолетних скитаний своих по степным бесконечным дорогам, буеракам, по трактам да пустырям, помрёт он сейчас мирно на отчей землице, веками намоленной, и как поднимут его люди грамотные из-под ели этой великой, и как обмоют прилежно, отпоют по правилам древним, незыблемым, и как похоронят здесь же — где-нибудь с краешку рая...

И так-то было хорошо спящему Порфирию представлять кончину свою благообразной, что улыбка не сходила с лица его: будто и в самом деле уж не придётся теперь ему валяться, помершему, где-нибудь в диких кустах колю-

чих, и не гнить Порфирию, значит, в цветных лоскутах своих, близ цветных озёр, на холодных ветрах, неотпетым, неприбранным, среди вредоносного излучения пород, пока дикая птица не выклюет глаза его и пока пегие степные лисицы не обгложут бесславные его кости... И ель над ним шумела мерно, шептала Порфирию, словно матушка, что-то утешительное, отрадное...

В другое время и в другом месте даже и во сне грозно одёрнул бы себя Порфирий: “Вот ты какой! В рай норовишь втереться навечно, когда во грехах ты весь, шатун бездомный!” Но внутри сердца его, словно в храме, не смолкая, шла церковная служба. И губы его вторили невольно, вслед за сердечным служением: “...Блажен народ, у которого это есть...”

Понимал спящий Порфирий, что надо бы затворить сердце — по ничтожеству собственному, потому как недостойно было оно, своевольное, того ликования и того служения, которое в нём происходило. Только совсем не отыскивал он в себе таких сил, чтобы пресечь блаженное то состояние окончательно: “Тебе ли вмещать святые хоры, презренному, наглomu? Разве по достоинству тебе честь сия?”...

Медлил он во сне. Медлил... Потому что очень уж хотелось ему помереть сей миг — со звенящим от молитвы сердцем. Здесь помереть, пред колокольнею древней. При ели великой, материнской...

* * *

Очнулся он в понимании, пришедшем вдруг непонятно откуда: “Твоя кончина такая возможна уже, Порфирий. Оставайся”, — сказал ему кто-то без всякого голоса. И поднял Порфирий глаза на бессловесные эти слова. Высокий Монах стоял перед ним на ветру и ожидал будто его согласия. Тогда растерялся Порфирий от благоговения. А там и забормотал, не зная, как быть:

— А как же они?.. Как же брошу их? К ним надо мне...

Монах в поношенной лёгкой одежде, словно не было никакой зимы, всё стоял в ночном холоде и смотрел на него, не произнося ни слова. Но только тёр веки и моргал Порфирий виновато:

— Простите меня все. Пойду... На поезд. Ничего, ничего... Авось бесплатно довезёт кто-нибудь недостойного милости. Ничего...

Монах же ещё продолжал ждать.

— Что же оставленных я оставляю? Я, подлый? — вконец уж закручинился, засуетился Порфирий, поднимаясь с мёрзлой земли и подхватывая посох. — Преданных всеми как предаю? Долю свою — брошу ли?.. Уж так хорошо бы мне бросить её, постылую! Кинуть! Забыть! Право: как хорошо бы!.. Да вот, не смею... Простите меня, все святые наши...

Тогда повёл его Монах куда-то, чему противиться Порфирий никак не мог, поскольку чувствовал только благоговенье — благоговенье и трепет.

И вскоре отворилась перед Порфирием узкая дверь в каменной стене. И путь был открыт для него — в прежний мир привычных горестей и бед... Но так жалко, так трудно было ему уходить, что обернулся он к Монаху. А потом и сказал своё, обычное — лишь бы отдалить миг расставанья, потому как сердце его никак не хотело отрываться от обители и оттого болело, тоскуя смертельно:

— Что ж мы так переводим? Зачем? Для чего?.. Точный-то перевод: “Не власть, если не от Бога, подлинные же власти от Бога учинены суть”! Только подлинные... Так ведь? Или нет?.. Любой ответ приму! Но... так ведь?

Монах же смотрел на него — будто не отсюда, будто издалёка, — и ничего не отвечал; уста его были заграждены молчаньем.

* * *

...А в степных далёких Столбцах старуха Тарасевна много говорила тем вечером — Нюрочке, держащей сытого младенца на руках, Ивану, разматывающему жёсткий клок перепутанной проволоки, и внучке Полине, сходяв-

шей в школу напрасно, — про то, как во время дежурства, уже около полудня, топталась она возле стеклянной своей будки, спиной к заправке, поджимая руки для тепла в рукава тулупа...

И ничего особенного вокруг неё сначала не происходило. С осторожностью вдыхала Тарасевна морозный воздух, припахивающий бензином, и видела разве что холмы — заснеженные, безлюдные, убегающие волнисто в самую дальнюю даль. Одна бескрайняя скучная степь перед нею простиралась до самого горизонта, и только чернела автостоянка вдалеке, сваренная из чугунных прутьев, решётчатая по-тюремному, да и та опять была сдвинута кем-то и повалена набок. Тогда похлопала себя Тарасевна по полам тулупа, который расхотелся от недостатка пуговиц, и пригорюнилась: вот стоит она, хвоя старушонка в валенках, посреди такого огромного пространства, на морозе трескучем, и всё-то вокруг уже не своё — чужое, на тыщи вёрст. И на востоке — чужое, и на юге, и на западе — тоже, куда ни повернешь. И везде-то сиротствуют русские, такие же точно, как Тарасевна...

Вздохнув от безысходности, подняла она голову и засмотрелась ввысь с укоризной. Но серое небо разъялось тут над головой старой учительницы, и в самой глубокой пустой синеве обозначились три точки, которые приближались к ней довольно быстро. Вглядываясь и сильно щурясь, Тарасевна опешила.

— ...Утки, что ли? — не веря старым глазам, спросила она себя озадаченно.

— Какие утки об эту пору? — возразил ей дежурный заправщик, оказавшийся рядом.

Он тоже глядывался в глубину неба, оторопев от зрелища: шёлковое трепетанье крыльев уже обозначилось там вьязе, при солнечном сиянье.

— Гляди-ка, голуби... — произнёс неуверенно заправщик. — Три белых голубя... Как так? Откуда?..

А там и ясно стало: то, в самом деле, приближались из необозримой запредельной высоты необыкновенных, белоснежных три голубя, с крыльями, отливающими серебром. И пролетели они над старухой, стоящей в тулупе, закутанной в шаль поверх ватного шлема, и над оцепеневшим заправщиком, за рукав которого уцепилась она от чрезмерного своего переживания, чтобы не упасть... Над Столбцами пролетели, высоко, — над разрухой, над степью, над новой зимой. И линия их полёта пересекла линию человеческих взоров крестообразно... Тогда всё так сияло солнечным золотом, на все четыре стороны света, и так слепило, что Тарасевна изнемогла совсем от этого и попросила вызвать сменщика.

* * *

— Диво дивное было, — потрясённо говорила Тарасевна этим вечером соседям в бараке и своей внучке. — Так душа зашлась, что не осталась я дежурить в ночь... Вот, весть нам пришла... Такую весть передаю...

Далее она уже ничего не уточняла — задумывалась крепко, забыв своё обычное беспокойство. И непомерное стремление к работе оставило Тарасевну почему-то, и потребность ругать зятя Коревку исчезла бесследно, да и шлем её завалился за сундук. Старая учительница в мятой шалёнке либо молчала, склонив голову, — либо вновь говорила о виденном.

И на другой день она рассказывала это: и у дочери в гостях, и в больницы палате, куда увезли старого Жореса, и в милиции, где спрашивали Тарасевну совсем о другом — о погибшей немой, останки которой отыскались в овраге, под глиняным навесом. Одни только внуки старика не слышали про *весть*; они уехали спешно куда-то в степь, на чёрной своей машине, красной внутри, хотя в милицию их вызывали тоже.

За всеми этими событиями барачные не обнаружили перемен в окне поэта Бухмина. Лишь истопник Василий Амнистиевич, выносивший ведро с золою, остановился, отметив издали, что газета сорвана там и какая-то старая одежда вывешена, кажется, для просушки.

А Порфирия ждали в Столбцах долго. Он, однако, не появлялся. Домысливал народ: верно, задержала его на границе таможенная служба, которая становилась всё строже, всё бдительней с каждым днём, а поскольку был он беспаспортный шатун, то и въезда, значит, ему не полагалось ни в то государство — ни в это, и выхода другого не оставалось, как только сидеть в разноцветных своих лоскутах на пограничье новом — вечно.

Однако со временем стал Порфирий сниться самым разным людям в степях — одинаково. И говорил он всем — одно; не понятное, но такое, что запоминалось почему-то сразу. Лицо его при этом было ясным, а взгляд — ласковым. Слова же произносились такие:

*“как есть чаша падения и чаша гнева,
так есть и чаша немощи,
которую, прияв от нас, Господь
в подобающее время даёт в руки врагов наших,
чтобы прочее не мы, а бесы немоществовали и падали”.*

Так говорил будто он каждому спящему, а иным прибавлял: “Много нас, много, вытесненных отовсюду, да утешены будем на небесах самой высокою милостью, какой не найти нам на земле...”

НИКОЛАЙ АЛЕШКОВ

ТАКОЙ ПРОСТОР, ЧТО ДУШУ ЛОМИТ...

ГРАЧИ

Отгорели снега снегирями.
На поля опустились грачи.
Солнце жаркое там, за морями,
но не греют чужие лучи.

Глянцевитые, добрые птицы!
Вы и сами, как пашня, черны.
Вот и мне суждено возвратиться
в дом родимый в начале весны.

Хватит! Я намотался по свету.
Хорошо, что забыть не успел
это поле и кузницу эту.
Батьке горн раздувать я умел!

Вместе с вами, крикливые стаи,
снова чувствую — жизнь хороша!

АЛЕШКОВ Николай Петрович родился в 1945 году в селе Орловка Челнинского района ТАССР. Работал монтером связи, электриком, кровельщиком, диспетчером домостроительного колбината. Был редактором набережночелнинской городской газеты "Время". Окончил заочное отделение Литературного института имени А. М. Горького. В 1984 году принят в Союз писателей СССР. Автор восьми книг стихов, изданных в Москве, Казани и Набережных Челнах. Лауреат республиканской литературной премии имени Г. Р. Державина за 2006 год. Живёт в Набережных Челнах.

Вот земля от морозов оттает,
отогреется с нею душа.

Снова в самое лучшее верю.
Разбудите, грачи, поутру!
Отзывается сердце апрелю,
открывается сердце добру.

ДОМ

Мне отечество — не чужбина.
Дом построю и буду жить.
Мне жена подарила сына.
Есть наследник — о чём тужить?

Есть наследник — и, слава Богу,
нет прорехи в моём роду.
Я подкову прибью к порогу,
не пушу на порог беду.

А гостей приглашу я к полдню.
Будет солнцем пронизан дом.
Я бокалы им всем наполню
золотым, как сентябрь, вином.

Осень — ягоды поздней сладость.
Вон как резво бежит ко мне
сын мой — главная в жизни радость.
Тост, ребята! Цветы — жене!

Не боюсь ни грозы, ни грома,
Что б там ни было впереди.
Я на родине. Значит, дома.
Дверь не заперта. Друг, входи!

* * *

Отгорел наш прощальный костёр.
Вот и угли покрылись золою.
Но созвездья Господь распостёр
над притихшей, уставшей землёю.

Нам с тобой в эту ночь не уснуть.
Неминуема наша разлука.
Но горит в небесах Млечный Путь —
значит, мы не забудем друг друга.

Улыбнёмся давай вопреки
неминуемой нашей разлуке.
Вечен свет этой звёздной реки.
Мы не можем забыть друг о друге.

ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ

В избе родительской поминки,
а за окном цветёт сирень.
Любой нескошенной травинке
охота жить в июньский день.

А в поминальной круговерти
единства нету меж людьми.
старухи думают о смерти,
А молодые о любви.

Но всех утрата туго свяжет
одним узлом. Душа, терпи!
И понимает что-то даже
пёс, присмиривший на цепи.

* * *

Памяти Вадима Кожина

Кто нам помог во мгле непроходимой
с пути не сбиться, к бесам не свернуть?
Конечно, он, Вадим необходимый,
беспутных всех наставивший на путь.

Судьба его не гаснет перед нами,
как с двух сторон зажжённая свеча.
И на ветру трепещет наше знамя,
наш триколор на фоне кумача...

С ним Соколов, Рубцов, и Передреев,
и Кузнецов. И родина одна.
Стихами, братья, души отогреем —
да будут святы эти имена!

Вновь голоса слышны — Вадим в ударе.
И для друзей открыт их узкий круг:
“Настрой же струны на своей гитаре...
Ещё не всё потеряно, мой друг”.

Ещё чисты закаты и рассветы,
и, кроме правды, нету ничего.
Объединимся, русские поэты,
вокруг высокой памяти его!

* * *

Проснуться в поле, на соломе,
забыть про шум и шорох шин...
“Такой простор, что душу ломит”, —
сказал о родине Шукшин.

Он на Катунь глядел с Пикета,
а я на Каму посмотрю
от Тихих гор. За радость эту
я небеса благодарю.

Я растворяюсь в окоёме
и пью земную благодать.
“Такой простор, что душу ломит” —
и больше нечего сказать.

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

БОЦМАН

ПОВЕСТЬ

“Братья, образумьтесь!”

Изящные косули, спасаясь от вьедливых кровососов, лёгкими скачками взбирались по уступам на гору. Они искали продуваемую ветром площадку для отдыха. Внизу тускло серебрились в отсветах доtleвавшего заката пенные борозды речных порогов.

Одна из каменистых террас, поросшая кустиками голубики, приглянулась старой оленихе. Косули осмотрелись, процеживая трепетными ноздрями струйки воздуха. Уверившись, что опасности нет, первым улёгся беспечный молодняк. Олениха, поджав под себя ноги, легла последней.

Пережёвывая бесконечную жвачку, животные то и дело настораживали длинные уши, вслушиваясь в таинственные шорохи. Однако усталые веки всё чаще прикрывали выразительные глаза. Вскоре табунок чутко спал.

Рослый, мощного сложения самец рыси, прозванный окрестными звероловами, не раз уже безуспешно выслеживавшими зверя, за пышные бакенбарды на щеках Боцманом, давно наблюдал за оленями и теперь бесшумной тенью соскользнул по склону на террасу.

ЗИГАНШИН Камил Фарухшинович родился в 1950 году в Башкирии, в семье офицера. Работал в геологических партиях, матросом на китобойце “Вольный”, четыре сезона — штатный охотник на соболя в отрогах Сихотэ-Алиня. Окончил факультет радиоэлектроники Горьковского политехнического института. С 1991 года — учредитель, генеральный директор предприятия связи “ШОК”. Член попечительского совета Аксаковского фонда. Заслуженный работник культуры РБ. Лауреат литературных премий им. Степана Злобина и “Имперская культура” имени Э. Володина. Автор восьми книг. Член Союза писателей России. Живёт в Уфе.

Кот уже примерялся к прыжку, как вдруг лапами ощутил необычное подрагивание горы и услышал нарастающий гул. Косули вскочили, замечаясь по площадке с тревожным шиплым блеянием.

То ли порыв ветра, то ли всеокрушающее время подточили зыбкое равновесие, и чудом державшаяся на гребне отрога каменная громада качнулась и покатилась вниз, дробясь о скальные лбы, увлекая за собой всё новые глыбы вперемешку со срезанными стволами деревьев.

Боцман шарахнулся в сторону, но край лавины зацепил его и швырнул вниз, вслед окровавленной туше косули.

Камнепад, дымясь серым облаком пыли, достиг подножия горы и, свалив прибрежные вязы, затих ошестинившимся валом на середине реки. Придавленный добела ошкуреным стволом осины, оглушённый кот лежал на краю обвальной мешанины. Грудную клетку у него зажало так плотно, что он едва дышал.

Временами к израненному зверю возвращалось сознание, и тогда начинала мучить жажда. Вода многогласно шумела прямо под ним, но была недосыгаема. Вечерняя прохлада только усилила страдания — на запах крови отовсюду со звоном слетались полчища комаров и мошки. Кот оказался погребённым под этой шелестящей крылатой массой. Тысячи безжалостных хоботков протискивались сквозь шерсть и вшивались в его кожу. И без того битое камнями тело превратилось в сгусток нестерпимой боли и жгучей чесотки.

Задыхаясь от набившихся в нос и пасть насекомых, Боцман заходился в приступах раздражающего кашля. Ему ещё повезло, что язык обвала вынес его на середину реки: в сыром прибрежном лесу, где сосущей твари куда больше, он вряд ли пережил бы эту ночь.

...К исходу третьего дня долину накрыли черногрудые тучи. На ходу вызревая, они поливали kota живительной влагой. Прохладные струи уменьшили зуд, принесли некоторое облегчение. Пленник, насколько мог, повернул голову вбок, и в таком неудобном положении ловил драгоценные капли.

Дождь шёл всю ночь и всё утро. Река вздулась, забурлила, валуны, уступая её напору, со скрежетом поползли по неподатливому каменистому дну. Высокие буруны уже лизали коту задние лапы. Ужас подступавшей смерти охватил припечатанного к обломкам пленника.

Вершина ненавистной осины всплывала вместе с прибывающей водой, и ее тяжёлый комель все сильнее плющил грудную клетку. Боцман уже почти испустил дух, когда лесина вдруг всплыла целиком и, вытягиваясь по течению, свезла его с камней на быстрину. Поток подхватил полуживого зверя и понёс, то загоняя в пучину, то вышвыривая между коряг и ошкуренных стволов. Даваясь и отфыркиваясь, кот ловил редкие мгновения для вдоха.

Впереди показался скалистый прижим с черными сотами промоин. Бедолагу несло прямо на отбойное место, туда, где река бесновалась в мощных водоворотах. Один из них захватил рысь и, прокрутив с десятков раз, затынул в заполненный водой карман. Кот, теряя сознание, отчаянно заскреб острыми когтями по отполированным стенкам и, зацепившись за удачно подвернувшуюся выемку, сумел выбраться на пологий уступ внутри грота.

Долго не мог отдышаться истерзанный зверь. Через полчаса прибывающая вода вновь настигла его и заставила отползти повыше. Здесь Боцман, не торопясь, вылизал раны шершавым мускулистым языком и осмотрелся. В конце мрачного мешка угадывался манящий свет.

Рысь приподнялась и, с трудом переставляя непослушные лапы, побрела по узкому каналу. Тьма с каждым шагом становилась всё прозрачней, и вскоре Боцман оказался на дне конусообразного провала.

Над ним неумолчно шумела промытая, посвежевшая тайга. Ветер, стряхивая последние капли, уносил взлохмаченные пласты низких туч за гребень отрога. В синие разрывы хлынули веером золотистые снопы. Блаженно жмурясь, рысь долго грелась и обсыхала на солнцепёке. Затем подкрепились сновавшими в траве мышами и вновь принялась вылизывать гноящиеся, горящие пульсирующей болью раны.

Инстинкт предков поднял её и повёл к примечательному овражку. Его вытянутое изголовье покрывали роднички с вонючей водой и жирным целеб-

ным илом. Грязевые ванны не замедлили сказаться: язвы и раны быстро затягивались нежной кожей.

Добывал пропитание Боцман тут же, неподалёку от источника. Поначалу довольствовался пташками и мышами. А на третий день ему крупно повезло. Сопровождая взглядом промятый в податливом грунте свежий след, он заметил копошащуюся в кустах енотовидную собаку. Внезапно появившись перед ней, кот так напугал мохнатую толстуху, что та оцепенела. Придя в себя, попыталась бежать, но неловко оступилась на осклизлой колодине и, завалившись на бок, сжалась в пушистый ком, смиренно ожидая смерти.

Уже через неделю после первой грязевой ванны Боцман преобразился, вновь обрел присущий ему лоск. Надо сказать, что он был редким великаном среди своих сородичей и в то же время стремительным, как ветер. В его грозном облике особенно выделялась характерная голова: округлая и короткомордая, рот и глаза в кайме светлых ободков. Слегка вздёрнутая после схватки с молодым медведем верхняя губа, щетинистые усы и вертикальные тёмные полосы у переносицы придавали коту свирепое, беспощадное выражение, несколько смягчаемое кокетливыми кисточками чёрных волос на кончиках подвижных ушей. В мерцающем блеске бронзово-жёлтых глаз угадывалась дикая и независимая натура.

Мягкий, густо-палевый с серебристым отливом, мех украшал рассыпанный по всему телу бурый крап. Передвигалась рысь на длинных, сильных ногах легко и грациозно, но главное, совершенно бесшумно, что вместе с острым зрением, молниеносной реакцией и острейшими когтями обеспечивало ей неизменный успех в охоте.

Как-то на исходе зимы, когда удлиняющиеся солнечные дни вдохнули первый трепет жизни в оцепеневший в спячке лес, и южный берег реки оброс тоненькими сосульками, Боцман застал возле недоодеженного им зайца-беляка кошку с густыми длинными кисточками на ушах. Возмущённый кот резко зафыркал, что означало: “Как смеешь! Моё!”

Кисточка пригнула шею и отползла. Всем своим видом она как бы говорила: “Я, конечно, виновата. Но я так голодна!”

Боцман ещё поворчал для порядка, но гнев его, постепенно слабая, вскоре и вовсе улетучился. Не спеша отрывая куски мяса, он то и дело с интересом поглядывал на незваную гостью. Насытившись, лёг поодаль, милостиво разрешив Кисточке доесть зайца. Случай свёл их вовремя — наступала пора свадеб.

Любовные утехы настроили кота на беспечный лад, и, когда ветер донёс со дна долины чуть различимый звук, похожий на крик человека, он лишь ненадолго наострил уши. Млеющая в ожидании скорой весны тайга и безмятежный пересвист птах быстро заглушили тревогу. Однако спутница заволновалась и задвигала ушами.

Ветер дул приближающимся зверобоям в лицо, и, имея деревья густой летний наряд, они ещё долго продвигались бы незамеченными, но в зимней обнажённости Кисточка заметила какое-то движение в просветах между стволов.

Насторожился и Боцман. Приглядевшись, он увидел, как через разреженный прогал проскочили разношерстные собаки с крутыми баранками хвостов и молча, рыская в подлеске, начали подниматься в гору. Сами по себе собаки пугали не больше, чем годовалые волки, но Боцман знал, что в тайге за ними всегда следует человек с тускло блестящей палкой. Встревоженные кошки побежали вверх, держась крутых склонов.

Тем временем свора вышла на их “горячий” след и, разразившись азартным лаем, ринулась в погоню. Кошки поначалу легко отрывались от преследователей на своих мохнатых лапах-снегоступах, но, непривычные к длительному бегу, быстро утомились.

Вязкие, выносливые лайки быстро сокращали разделявшее их расстояние и гнали уже “по-зрячему”. Собаки теперь не лаяли, а распалённые видом беглецов, захлёбываясь, просто рыдали от страсти. Боцман знал, что они, так же как и волки, не умеют лазать по деревьям. Ища спасения, кот взлетел на огромную суковатую берёзу. Изрядно отставшая, задыхающаяся Кисточка, следуя его примеру, тоже взобралась на первое попавшееся дерево.

Появление запаренных хозяев собаки встретили невообразимыми прыжками и яростным клацаньем клыков на окружённую беглянку. Каждая из них стремилась убедить своего властелина в том, что именно она настигла и загнала свирепо шипящую добычу на развилку дерева и заслуживает в награду самый лучший кусок мяса.

Бежавший впереди охотник с рыжей бородой во всё лицо устремил палку на Кисточку. Полыхнул язык пламени, грянул гром. Кошка взвыла от пронзившей грудь боли, рванулась было по стволу выше, но обмякшие лапы судорожно зацарапали пустоту, и она полетела вниз.

Боцман, увидев рыжебородого зверобоя, вскинувшего воронёную палку в его сторону, громадным прыжком сиганул на белую перину и под прикрытием густого сихтача ушёл незамеченным. Иногда он оглядывался, надеясь увидеть бегущую следом Кисточку, но ему в морду неслись только удары грома. И невдомёк было ему, что это добивали его подругу...

Удалившись на безопасное расстояние, кот залёг в непролазном буреломе в ожидании спутницы, но она так и не появилась. С наступлением ночи он, покружив по лесу, вышел к тому месту, где их загнали на деревья собаки, и застыл в немом ужасе.

Лунный свет озарял неестественно вывернутое тело подруги — без головы и шкуры. Обнаженные мышцы с желтоватыми отложениями подкожного жира уже прихватило морозом. Вокруг на истоптанном снегу валялись обслонявленные бумажные трубочки с едким запахом дыма. Они походили на белых, с чёрными головками, червей.

Боцман несколько минут вглядывался в обезображенную Кисточку. Затем повернул голову в ту сторону, куда ушли люди и собаки. Кот не умел плакать, но его пылающие зелёным огнем глаза застлал влажный туман. Он смертельно возненавидел Рыжебородого, поднявшего на них громовую палку, и противную, мерзкую вонь от белых “червей” на снегу.

После гибели подруги Боцман как-то сник. Всё окружающее казалось ему теперь враждебным и неприветливым. Отрешившись от всего, кот часами урюмо лежал на снегу. Прежде он так и жил — одиноким, мрачным отшельником, а с Кисточкой успел оттаять, привязаться к нежной спутнице. Но её так быстро не стало...

...Однажды он удачно поохотился на косулю. Полакомившись сочным, парным мясом, Боцман завалился на спину и, лениво разметав на траве лапы, стал кататься с боку на бок, то выгибаясь, то надолго замирая.

После трапезы хотелось пить. Кот оттащил остатки косули под буреломный отвал, почистил о сухостоину когти, с наслаждением потёрся о бугристую кору и спустился, наконец, к горному ключу. Заходя в воду, вспугнул маленьких уток-чирков. Те улетели вниз по течению плотной, стремительной стайкой.

Утолив жажду, рысь укрылась от слепней под разлапистой елью. Нежась в прохладе, сытая и благодушная, она наблюдала, как вылетают из воды и с причмокиванием ловят насекомых шустрые хариусы, как по воронёной поверхности рассыпаются серебристыми молниями испуганные кем-то мальки. Внезапно откуда-то сверху лёгкой, прозрачной тенью неслышно соскользнула скопа. Слегка чиркнула по волнистой ряби переката, и в её крючковатых когтях забилась, сверкая перламутром, нерасторопный хариусёнок.

Но недолго Боцман пребывал в блаженном состоянии. С того места, где лежала косуля, послышался шум: кто-то явно терзал недоеденную тушу. Пришлый кот даже не соизволил поднять морды при появлении хозяина добычи, а только глянул исподлюбя. Столь дерзкого поведения Боцман не мог стерпеть и яростно зашипел на наглеца. Тот в ответ разинул пасть, обнажив черные выкрошившиеся зубы.

Внимательно разглядев облезлого, с прогнувшейся спиной незнакомца, кот сообразил, что перед ним совершенно дряхлый старик.

Боцман хорошо знал закон тайги — прав сильнейший, но не мог унижить себя дракой с беззубым зверем. Он просто подошёл к косуле с другой стороны, и коты, то и дело искоса поглядывая друг на друга, мирно потра-

пезничали. Вскоре пришелец насытился и, поблагодарив взглядом, удалился, а хозяин примостился подремать на выворотне. В это время к косуле, привлечённый запахом крови, приближался... медведь.

Услышав сквозь сон оглушительный хруст мозговых костей, Боцман сначала только облизывался, но довольное урчание косолапого обжоры, наконец, разбудило его. Во вспышке слепящего возмущения кот бесстрашно подскочил к грабителю и впился испепеляющим взглядом в крохотные медвежьи глазки. Напружинив лапы, он приготовился биться за свою добычу.

В ответ из широко разверзшейся пасти вырвались низкие громоподобные раскаты. Этот рёв и мощные клиновидные клыки остудили праведный гнев кота: здравый смысл ему не был чужд. В бессильной ярости и обиде закружил он вокруг мародёра, но, сознавая неоспоримое превосходство медведя в силе, отступил с притворным равнодушием.

Всё лето Боцман провёл в покое и достатке. Вольготная жизнь никем не нарушалась. Волки и медведи заставляли проявлять известную осторожность, но кот избегал лобовых столкновений. Впрочем, и те не искали встречи с ним. Каждый ходил своей дорогой, уважая права соседа.

В тайге лишь с людьми он никак не мог ужиться, хотя никогда не посягал на их интересы, а завидев, первым уступал дорогу. Эти существа всегда были агрессивны и при каждом удобном случае выпускали из своих железных палок разящий гром, к счастью, без ущерба для него.

Боцман мастерски ухитрялся не попадаться на глаза промысловикам, за что заслужил репутацию зверя-невидимки. В то же время, невзирая на печальный опыт, он не мог избавиться от присущего ему любопытства: люди манили его своей непостижимостью. По ночам кот спускался с гор то к одному, то к другому охотничьему логову и, выбрав место поукромней, подолгу наблюдал за загадочной жизнью двуногих.

Любил он ходить и по лыжному следу: ему было интересно знать, что делают охотники в его владениях. В один из таких обходов Боцман явственно уловил аппетитный запах. Неподалёку от лыжного следа под деревом парил в воздухе, слегка покачиваясь, здоровенный косой. Недоумению кота не было предела — чего это вдруг длинноухий кружится над снегом, словно птица? Коту не хотелось есть, но это его извечное любопытство...

Боцман прикинул — если встать на задние лапы, то до косого можно дотянуться. Мелкими семенящими шажками он приблизился к “летающему” зайцу и тут же отпрянул от внезапной боли: на левой передней лапе, повыше широкой ступни сомкнулись железные челюсти.

Человек, поставивший ловушку, был, конечно, искушённым в своем деле промысловиком, но он не учёл, что Боцман намного превосходит силой своих собратьев. Уже через час капкан был оторван от поводка, и рысь на трёх лапах бежала прочь от страшного места, в сторону безжизненного поля каменных россыпей, под высокие скалистые вершины, куда охотники и собаки никогда не заходили. Ловушка с обрывком поводка цепко сидела на ноге, и её тарелочка при каждом прыжке вызванивала о железную станину “тринь-дзинь, тринь-дзинь”.

Добравшись до хаотичных нагромождений обломков скалы, Боцман забрался в пустоту между угловатых глыб. Здесь, в относительной безопасности, потрясенная и измученная рысь забылась тяжёлым сном. К болезненной хватке железной пасти она притерпелась и спала на удивление долго. После сна происшедшее уже не казалось таким страшным, и кот вознамерился во что бы то ни стало избавиться от неудобной побрякушки — она саднила кость, а главное, мешала ходить.

Боцман попытался сесть, чтобы стянуть туго зажавшие лапу дуги, но пружина капкана застряла между камней. Превозмогая боль, кот задёргал ногой. Капкан, сдирая шкуру, медленно сползал, но, достигнув широкой ступни, застрял. Тогда сметливый зверь потянул лапу на себя без рычков. Верхняя доля пружины, получив упор о камень, стала прижиматься к нижней, и чем сильнее тянул Боцман, тем слабее становилась стальная хватка. Наконец дуги раздвинулись настолько, что лапа выскользнула из тугих тисков.

После этого происшествия рысь, чтобы не стать жертвой новых хитростей двуногих, удалилась на не посещаемый зверобоями голец, державно господствовавший над окрестными вершинами, и, промышляя там куропаток, жила безбедно, несмотря на свирепствовавшие ветра и трескучие морозы.

Ниже беловерхой вершины, в ельниках, стекавших зелёной лавой по горным ложбинам, обитали маленькие безрогие олени — кабарожки. Коту порой удавалось полакомиться их суховатым, но нежным мясом.

Привыкнув к тому, что на Лысой горе снежный покров нарушается лишь следами крохотных копытцев кабарги да набродами куропатов, он был крайне удивлён, когда увидел округлые вмятины рысьих следов. Дня два назад кошка — а это была именно кошка! — прошла по гребню кряжа в сторону холмистой долины.

Боцмана вдруг охватила неясная, сладостная истома. Покинув было след, он вернулся обратно и пошёл по нему не останавливаясь, ступая точно в отпечатки лап самки. Прерывистая стёжка привела на пологие увалы, где к ней присоединялись с разных сторон следы трёх котов. В разгар ночи, по резким и страстным воплям, далеко слышным в тишине промороженной тайги, Боцман нашёл всех четверых на лесистом скате. Завидев самку, он пришёл в ещё большее волнение.

Очаровательная кошечка в дымчато-серой шубке сразу определила в новичке надёжного покровителя и сама подошла к нему, не дожидаясь от него любезностей, сопутствующих церемониалу ухаживания. Счастливый Боцман, будучи вообще-то весьма молчаливым существом, от избытка чувств время от времени издавал низкие протяжные вопли. Подруга вторила ему тихим грудным голосом. Эти любовные арии, по всей видимости, доставляющие удовольствие исполнителям, заставляли замирать в страхе всех обитателей тайги.

Во время затяжной свадьбы к восхитительной Кисе пытались приблизиться новые ухажёры, но Боцман никого не подпускал к своей возлюбленной. Для этого ему даже не было нужды вступать в драку: громадные размеры и свирепый взгляд отрезвляли претендентов в женихи лучше любой затрещины.

Конец зимы выдался снежным, пуржистым; весна — стылой, затяжной. Киса готовилась к окоту, а в тайге повсюду ещё лежал сквасившийся, крупнозернистый снег. Ходила кошка осторожно и мало. Больше лежала у входа в низкую расселину и прислушивалась к толкотне котят, рвущихся из тесной утробы на волю. Они временами так буйствовали, что живот бугрился от ударов крохотных, но уже сильных лапок.

Боцман, не покинувший после любовных утех подругу, заботу о пропитании взял на себя. Оставив Кису в логове, он в очередной раз отправился на охоту. Дул тугой порывистый ветер. Ничто не говорило о весне. Только сугробы осели, да вокруг стволов протаяли ямистые лунки.

Идя наискосок к ветру, кот принюхивался к многослойному потоку запахов. Наконец он уловил то, что его интересовало: одна из струек принесла восхитительный аромат молодой лосихи.

Недолгие поиски привели его в непролазный ольшаник, на окраине которого виднелся снежный бугор, обрамлённый сухими листьями и обрывками травы. Ещё два шага, и из выбитого копытами углубления показалась бурая спина, кончики ушей.

Дремлет, не подозревает о смертельной опасности всегда чуткое животное: шум ветра заглушает шорох крадущихся шагов рыси. Длинный, упругий прыжок, и Боцман свалился на жертву, как снег на голову. Запустив страшные когти в спину и бока, он вонзил клыки в шею. Густая, жёсткая шерсть и толстая кожа помешали сразу добраться до становой жилы и шейных позвонков.

Лосиха выметнулась из убежища и, тараня грудью заросли тальника, выскочила на ноздреватый лёд. Мотая головой, она кинулась к спасительной проплешине переката. Сиганув в польню, опрокинулась на спину в расчёте подтопить кота. Забурлила, вспенилась студёная вода. Заскрежетала под зверями галька. Хлынувшая в пасть и нос вода заставила Боцмана разомк-

нуть клыки. Лосиха вскочила на ноги. Громыхнув копытами по валунам, выпрыгнула на лёд и помчалась вниз по руслу. Из глубоко прокушенной шеи хлестала пульсирующими струйками кровь. Достоинно защищалась она и вышла победителем, но вместе с кровью покидали молодое тело силы. Всё мельче шаг. И вот она, издав громкий, почти медвежий рёв, упала на лёд замертво.

Боцман вылизал испачканную шубу и подошёл к туше. Налакавшись дымящейся крови, он привёл к добыче и Кису. Знатная добыча надолго избавила супружескую чету от хлопот о пропитании. Тем не менее Боцман, как образцовый семьянин, к вечеру следующего дня опять отправился на охоту, с тем чтобы побаловать Кису свежениной. Подкараулив беляка, он заспешил к хозяйке.

Подходя к логову, кот услышал тонкий писк. “Это ещё что за гости?” Приглядевшись, Боцман различил копошащиеся между лап супруги крохотные мохнатые комочки. Киса осторожно освободилась от них и жадно набросилась на тёплую зайчатину. Малютки, а их было трое, без матери забеспокоились и завозились, неуклюже выпутываясь из переплетения лап, голов и коротких хвостиков.

Утолив голод, Киса подошла к Боцману и долго тёрлась лбом о заросшую бакенбардами щёку, выражая благодарность и безмерное материнское счастье, переполнявшее её.

Крохотные наследники, необыкновенная нежность Кисы побуждали Боцмана к неутомимой охоте. Как-то, принеся в зубах ещё живого беляка, он оставил его на площадке перед входом в расселину. Косой временами брыкался. Подросшие котятка, в детских почти белых шубках, разминая длинные нескладные ноги, с восторженным урчанием выбежали и закрутились вокруг уползавшей добычи. Блестящие глазёнки рысят впервые загорелись огнём настоящих хищников, но тут совсем некстати полил дождь. Холодные капли остудили воинственный пыл юных охотников, и они отступили в убежище.

Боцман накрыл продрогших детёнышей мохнатыми лапами. Котятка согрелись и задремали. Однако ненадолго. Быстро пустеющие желудки побудили перебраться под бок матери, каждый к своему любимому соску.

Сытость и тепло вновь вызвали у них желание порезвиться. Снаружи всё крапал дождь. В таких случаях котятка взбирались на отца, чьё громадное туловище являло собой великолепную игровую площадку. Они прыгали, ползали, скакали по нему, с яростью трепали, а Боцман переносил потехи шалунов с родительской снисходительностью.

...Мерзкая, хлябистая весна творила своё чёрное дело — тайга изо дня в день пустела, лишаясь своих обитателей. Наконец сплошной войлок туч истончился, разошёлся широкими голубыми разводами, открыв, впервые за весну, истомившееся в заточении тёплое и яркое солнышко.

Боцман с Кисой, задёрганные требовательными воплями ослабевших котят, не дожидаясь сумерек, вышли на охоту вдвоём. Скоро они задавили косявого беляка. Киса тут же на месте съела его почти целиком и поспешила к голодным детёнышам.

Доев остатки, кот последовал за ней. Супруга металась почему-то перед входом в расселину. С надеждой глянув на Боцмана, она исчезла в логове. Тут же выбежала обратно и опять заметалась по площадке между кустов. Встревоженный отец заполз в убежище. Котят там не было. Не веря своим глазам, он обшарил все углы, но напрасно — рысята исчезли. Бедные родители обегали все окрестности, но не обнаружили ни единого следа, хоть как-то объяснявшего пропажу.

Многоопытный Боцман знал, что в период со времени таяния старого снега до появления нового охотники исчезают из тайги. Несколько месяцев её обитатели живут спокойно. Обладатели железных палок словно дают им возможность вырастить потомство. И, тем не менее, он был склонен винить в пропаже детёнышей именно людей.

У кошек не хватило сообразительности по одинокому перу беркута на площадке и клёкоту на дальней скале догадаться об истинном виновнике ис-

чезновения котят. А дело было так: оголодавшая, так же как и кошки, за долгое ненастье чета беркутов вылетела из гнезда в поисках корма для своих прожорливых птенцов. Паря над тайгой, беркут-отец издали заметил выбравшихся на солнышко котят. Он ещё долго кружил в небе над пятачком перед логовом, пока не уверился по поведению несмышлёньшей, что они одни, без охраны родительских клыков. Беркут камнем пал на землю, поразив когтистыми лапами двух рысят и убив ударом клюва третьего.

Безрадостно протекало лето. Киса, особенно первые недели, заслышав звуки, даже отдалённо напоминающие голоса котят, очертя голову бросалась на поиски, а никого не найдя, подолгу с отсутствующим видом сидела на земле, сутуло вобрав в плечи округлую голову. Ничто не интересовало её в такие часы. Если Боцман настаивал, она послушно брела за ним, участвовала в охотах, но всё это без желания и присущего ей прежде азарта.

Когда поздней осенью свора собак обнаружила их, Киса впервые не подчинилась Боцману и не последовала за ним в крутобокие сопки. Почти сразу, как заслышала погоню, вскарабкалась на первое попавшееся дерево и равнодушно наблюдала за бесновавшимися внизу лайками. Подоспевшие охотники почему-то не стали выпускать разящий гром из палок, а подвели на длинном шесте петлю из жёсткой капроновой веревки и, уловив момент, затащили её на передней лапе кошки. Затем стащили шинящую рысь на чуть припорошенную снегом землю, накинули сверху толстое ватное одеяло и, удерживая рогулинами, туго спеленали.

Боцман ночью спустился с горных отрогов и, не найдя подруги, по следам звероловов к утру вышел на окраину леса, обрывавшегося в сотне метров от береговой линии. Дальше, за рекой, на пологом увале виднелись безликие в предрасветной мгле жилища людей.

Оставаясь под прикрытием деревьев, кот послал призывный клич и через мгновение услышал в ответ радостный горловой вопль Кисы. Он доносился из середины первого ряда домов, примыкавших огородами и банями к реке. Обмениваясь резким вяканием, кошки вконец переполошили деревенских псов, и Боцман счёл благоразумным не дразнить их больше. Тем более, что теперь он знал, где искать Кису...

Баба Галя, спускаясь к проруби за водой, подняла голову и неожиданно для себя увидела громадную рысь. Бросив ведра, она опрометью пустилась бежать к дому, всполошила соседей, и вскоре вся деревня гомонила о коварной рыси, которая напала на бабу Галю, но то ли промахнулась, то ли она успела надеть ей на голову железное ведро. Главное, баба Галя, слава Богу, жива, а рысь осталась голодной и караулит на речке новую жертву. Кто посмелее, особенно мальчишки, ходили ватагой за огороды и глазели на дерзкого разбойника, стоящего на противоположном берегу реки с высоко поднятой головой.

Охотники с лайками уже неделю как разъехались по участкам — начался промысловый сезон. Охранять деревню остались одни бестолковые дворняги. Перепутанные бабки направились к местному зверолову Ивану Михайловичу Карпенко. Но он уехал в лесничество созваниваться с областной базой “Зооцентра”, чтобы заказать машину для отправки отловленной рыси.

Когда женщины выходили из его избы, с реки донеслось громкое и резкое “Вау-у”. Киса в ответ радостно откликнулась из сарая. Заскочив обратно в сени, бабё излило свой испуг и застарелое недовольство на хозяйку дома.

— Вот ловит твой рысей, медвежат, волчат, а звери-то, вишь, какие наглые в отместку стали. Ни за водой сходить, ни детям покататься. Прошлый год медведица допекала, а ноне рысь...

— Занятие ваше нам всем на погибель, — добавила высокая старуха, — штраф на вас надо за такое.

— Оно верно, штрафом надо проучать, — охотно поддержали остальные.

— А ну вас к ляду, — отмахнулась хозяйка и ушла кормить скотину.

— Вот и толкуй с такой. Пошли, бабоньки, к Егору, он рысь стрельнет, не промахнётся...

Смертельная опасность нависла над Боцманом. Он видел, как очередная ватага направилась через огороды к реке. Но насторожило его не столько приближение людей, как то, что у каждого из них в руках была громовая палка. Старики между тем вышли на обрывистый берег и стали целиться в рысь. Встревоженный Боцман, не оглядываясь, потрусил под защиту деревьев. Вокруг коротко прогудели шмели, и ступни ощутили резкие удары по промерзшей земле. Следом докатились раскаты грома.

Кот обернулся и успел даже разглядеть людей, окутанных клубами серо-жёлтого дыма, в этот миг его насквозь прожгла боль. Превозмогая её, он огромными махами попытался достичь спасительно черневшего пихтача, но, не дотянув каких-то пять-шесть метров, рухнул в снег.

Мужики, постреляв для верности ещё, перешли речку и окружили зверя. Вытянувшийся в последнем прыжке во весь рост, он казался особенно громадным.

— Это сам Боцман и есть. Отбегал наш великан, — не то с удовлетворением, не то с сожалением произнёс дед Тимофей.

Восхищённо оглядывая богатую шубу и пробуя пальцами остроту кривых когтей, удачливые охотники задымили самокрутками. Самый старый в их компании дедушка Антон присел на корточки и, кряхтя, стал искать, куда угодила пуля.

— Навылет прошла, — заключил он и, отгибая шерсть, продемонстрировал кровоточащие с двух сторон раны.

— Ой, чё это?! Мужики, тихо! Кажись, сердце тукает. Во-во. Ещё раз. Так он живой!

Охотники вскинули ружья.

— Антон, отойди! Очухается, задерёт когтищами. Отойди, тебе говорят. Вмиг упокоим.

— Да погодите. Совестно как-то... И хорош больно! Жалко красоту такую кончать. Давайте к Карпенко свезём. Можя, выходит да сдаст на свою звериную базу. Пушай городские нашим Боцманом полбуются.

— Кончай, дед, канитель поповскую разводить. Добить и точка!

Тут донеслись звонкие голоса: “Ну что, убили?”

К охотникам подбежали запыхавшиеся пацаны.

— А кровящи-то!.. Мировой котяра!

Антон, воспользовавшись заминкой, снял ремень с ружья и туго обмотал задние лапы рыси. Мужикам ничего не оставалось, как помочь связать и передние.

— Ребята, давай быстро сани...

Лёжа в тёплом, рубленом сарае на душистом сене, Боцман ощутил лёгкое поглаживание. Вслед, по шкуре, пробежал приятный озноб. Чудилось, что рядом сидит Киса и ластится. От блаженства кот хрипло заурчал и попытался сладко потянуться, но пробитое тело откликнулось острой болью. Боцман открыл глаза. Кто-то тёмный сидел перед ним.

Человек!!!

Волна блаженства сменилась волной ледящего страха. Боцман попытался вкочить, чтобы защищаться, однако лапы были стянуты путами. Но даже не будь их, ослабленный большой потерей крови, он всё равно не смог бы встать на ноги. От ощущения полной беспомощности его обуял ужас. Оскалив зубы и глухо зарокотав, он вжал голову в сено и исподлобья следил за каждым движением человека.

— Не бойся, дурачок, — успокаивал густой басовитый голос. — На, поешь... Тебе надо есть, иначе не поправишься, — человек протянул нанизанный на пруттик кусок мяса. Чтобы не стеснять зверя, он отодвинулся, и Боцман смог разглядеть двуногого. Ничем не примечательный. Скорее даже невзрачный. Только на лице, обрамлённом мшистой рамкой седоватой бороды, выделялся длинный, причудливый, похожий на клюв хищной птицы, нос. Но это сходство не придавало его лицу выражения враждебности. Напротив — делало добродушным. Ни одним движением человек не обнаруживал намерения причинить зло или боль.

— Ешь, ешь, дружок, ешь, — с этими словами Крючконос плавно приподнялся и, мягко ступая, вышел.

Боцман внимательно огляделся. Он лежал в бревенчатом логове с крохотным окном. Терпко пахло навозом. За дощатой перегородкой протяжно и шумно вздыхали корова и тёлка. Они, уже привычные к часто меняющимся грозным соседям, не обращали на рысь внимания: то и дело шуршали сеном в кормушке, постукивали копытами.

Повернув голову, кот чуть не уткнулся мордой в куски мяса, лежащие на доске. В горле першило от сухоты. Он осторожно взял было соблазнительный шмат в зубы, но недоверие к человеку перевесило: в последний момент раскрыл пасть, и мясо упало на подстилку.

С двуногими существами Боцман связывал только боль и смерть. Поэтому был несколько обескуражен поведением Крючконоса, но не сомневался в том, что и он скоро проявит своё коварство. От томительного ожидания бесславного финала к вечеру его трясло, как в лихорадке. Нервы и мускулы вибрировали, словно туго натянутые струны. Ослабленный перенапряжением и потерей крови, кот, в конце концов, забылся в тревожной дремоте, так и не притронувшись к еде.

Переделав домашние дела, Михалыч заглянул к пленнику. Увидев, что мясо не тронуто, укоризненно покачал головой.

— Так, брат, дело не пойдёт. Так ты никогда не поднимешься. Надо, дружок, поесть, обязательно надо поесть, — и опять настойчиво протягивал мясо на кончике ветки.

Человек долго сидел с Боцманом. Говорил успокаивающим, завораживающим голосом, уверенно гладил по спине. Потом смазал раны на груди чем-то прохладным, пахнущим грязью таёжной лечебницы. И опять этот странный человек не причинил ему боли. Напротив, его прикосновения были приятны.

Ночью, когда беспрестанное хлопанье дверей и другие непонятные звуки стихли, Боцман с горечью вспоминал события последних дней. Мог ли он предположить, что жизнь столь круто переменится и он окажется во власти человека!

Внезапно совсем близко раздался призывный горловой вопль. У Боцмана даже дух занялся. Не может быть! Это же Киса! Кот откликнулся ликующим — “Вау!”.

Подруга отозвалась не менее восторженно. От их переключки во дворе поднялся злобный лай, и рыси, дабы прекратить собачью брехню, умолкли.

У Боцмана всё пело в груди: “Киса жива! Она где-то рядом”. Но он так слаб, что не может не только прийти к ней на выручку, но даже самостоятельно встать на ноги. Надо срочно набираться сил.

В один из дней хозяйские псы, воспользовавшись тем, что дверь по недосмотру осталась открытой, проникли в сарай и набросились на связанного кота. Но Крючконос сердитыми окриками выгнал их, а особенно разбушевавшегося кобеля посадил на цепь.

Боцман был поражён — человек не только не позволил собакам растерзать его, а наоборот — защитил от заклятых врагов. Тщетно пытался кот разрешить эту загадку. Она была ему не под силу. С этого момента Боцман окончательно поверил Крючконосу, и отношение к людям у него перестало быть столь однозначным, как прежде. Он даже начал на свой лад делить людей на “добрых”, вроде Крючконоса, и “злых”, вроде Рыжебородого, убившего Кисточку. Понятливые лайки после хозяйской взбучки крепко усвоили, что рыси на их подворье — особы неприкосновенные. Но тем не менее не упускали случая порычать на кошек исподтишка.

Наконец, пришло время, когда Боцман сам поднялся на ноги.

— Замечательно! Какой ты молодец! — воскликнул Крючконос, увидев рысь стоящей на лапах. Лицо зверолова светилось неподдельной радостью. — Ещё немного отъешься, и повезём тебя в город.

На дне холодных и бесстрастных для несведущего человека рысьих глаз Михалыч уловил отклик понимания.

Зверолов успел привязаться к Боцману. Много зверей прошло через его руки, но такого умницы он ещё не встречал. Постоянно и подолгу разгова-

ривая с ним, Михалыч чувствовал, как приоткрывается какая-то таинственная заслонка, и кот начинает понимать смысл его слов и жестов. А когда зверолов после трёхдневной отлучки зашёл в сарай проведать подопечного, то был удивлён тем, с какой демонстративной обидой отвернул от него голову гордый кот.

Пошёл четырнадцатый день заточения. Кот совершенно оправился от ран и вновь обрёл грозный вид. Хорошая форма подопечного вдохновляла Михалыча. Ему пора было заняться отловом соболей, но он не мог уйти в тайгу, пока не сдаст рысей. Оставлять же их под присмотром жены зверолов побаивался — всё-таки хищники, мало ли что... Да и мяса на них не напасешься.

Зообаза с вывозом что-то медлила. Зверолов нервничал. Наконец пришла радиограмма. Из её текста явствовало, что машина будет через день, но без клеток. Михалыч, поругивая далёкое начальство, не мешкая отправился на пилораму договариваться насчет досок. Он торопился ещё и потому, что надо было успеть зарезать бычка и, воспользовавшись оказией, повыгоднее сдать мясо в городскую столовую.

Вечером жена сообщила ему, что из тайги вышел Потап — его двоюродный брат. Жил он через дом, и зверолов решил сходить, чтобы узнать, не случилось ли что — вышел-то брат во внеурочное время. Обычно охотники появлялись в деревне лишь под самый Новый год, да и то дня на два — четыре.

Пока одевался, в дверь постучали, и в избу ввалился упредивший его Потап. Огненно-рыжая борода промысловика засияла при электрическом свете, словно хорошо надраенный медный котёл.

— Братан, покажь котяру. Старик говорит, самого Боцмана пригрохнули.

Вооружившись фонариками, мужики вошли в сарай. Рысь под бесцеремонным прицелом слепящих “глаз” отвернула морду и угрожающе заворчала.

— Ну, хватит, Потап.

— Сдавать будешь?

— Да, послезавтра приедут.

Не попрощавшись, Потап зашагал к калитке. Хозяин недоумённым взглядом проводил его и, спохватившись, крикнул вдогонку:

— Чего из тайги так рано? Случилось что?

— Да так, дела, — неопределённо отмахнулся тот.

На следующий день Михалыч с конюхом привезли с пилорамы на санях большой щелястый ящик, сбитый из пахнущих смолой золотистых досок. Набросали в него сена и, не закрывая дверку, подтащили вплотную к сараю, в котором томилась Киса.

— Иди, иди, — негромко скомандовал ей зверолов. Кошка послушно перешла в клетку. Удивлённый конюх не удержался:

— Эва! Убей меня деревом! Как это ты такую власть заимел?

— Через ласку. Ежели принуждать, силой гнуть своё, зверь только злобится.

Клетку закрыли, передвинули по снегу к сараю, в котором держали Боцмана, и оставили там. Зверолов, жалея любимца, не стал перегонять его в холодный, тесный ящик до прихода машины. Тем более что процедура эта не должна отнять много времени — Боцман наверняка сам забежит к подруге. Главное, не дать Кисе выскочить из клетки. Для этого Михалыч приготовил и тут же примерил, вставляя в щели между досок на разной высоте, несколько жердей.

Когда он занимался этим, хлопнула калитка, и подошли два соседских мужика. Боцман слышал, как вывели из хлева бычка, как он коротко взревел, и вскоре по двору загулял запах горячей крови, парного мяса. Крючконос на бегу заглянул к нему и бросил тёплой свеженины.

Калитка захлопала чаще. Раздавались всё новые и новые голоса, теперь большей частью женские. Кот прислушивался к оживлению с нарастающей тревогой, но как ни силился, не мог связать воедино значение происходящих событий.

Из дома, между тем, полились приятные переливчатые звуки. Это деревенский музыкант заиграл на гармошке. Рысь впервые слушала музыку. Она

ласкала слух и завораживала даже сильнее, чем говор Крючконоса. Потом в доме затопали, красиво многоголосо завывли. Кто-то вышел на улицу, остановился у клетки с Кисой.

— У, зверюга! — Человек смачно сплюнул. — Не мне ты попалась! Где тут твой недобитый кавалер?

Дверь к Боцману приоткрылась. С шипением вспыхнул огонёк, и кот увидел рыжебородое лицо убийцы Кисточки. Пахнуло едким запахом белых, с черной головкой “червей”. Этот запах-воспоминание перекошил морду Боцмана гримасой ненависти. Кот ощерился, издал громогласное “Ваа-у-уу”. Обнажившиеся клыки блеснули, словно стальные пики.

При виде разъярённого дьявола мужество мгновенно оставило пьяного Потапа, или, как его за глаза звали деревенские, Жилу. Он пулей вылетел из сарая, схватил увесистый кол, подпиравший дверь клетки с Кисточкой, и, вернувшись обратно, жестоко отходил им привязанного Боцмана.

Полный мстительного упоения Рыжебородый вышел во двор и увидел... рысь. С воплем: “Оторвалась, спасайтесь!” — он влетел в избу. Там поднялся невообразимый гвалт. Перепуганный Жила, пуча глаза, выкрикивал что-то нечленораздельное. Его переспрашивали, но в шуме ничего нельзя было разобрать.

Боцман, обзлётный унижением и чувством бессилия перед обидчиком, в ярости рвал ремень. Толстая брезентовая лента не поддавалась. Снова и снова опрокидывала она кота на спину. Ошейник врезался в горло, перехватывал дыхание. Рванувшись с разгону в очередной раз, Боцман услышал треск и с легу ударился головой в стену. В следующее мгновение кот вскочил и сиганул в распахнутую дверь. На поленице дров он увидел Кису, отбивавшуюся от наседавших собак. Осатаневший Боцман сшиб с ног ближнюю, на ходу сомкнул челюсти на загровке второй и, не обращая внимания на остальных, бросился с подрутой через задворки к vzdымавшемуся за рекой спасительному лесу. Не прошло и трёх минут, как они оказались в родной стихии.

Ни собаки, ни хмельные хозяева не решились на ночную погоню. Высыпав во двор, они с суеверным страхом, с примесью невольного восхищения, ахали и грозили кулаком в черноту ночи: “Ну погодите, бестии!”

Забравшись высоко в горы, Боцман с Кисой, наконец, прилегли на снежную перину среди высоченных кедров. Тесно прижавшись друг к другу, они тихо уркали от счастья встречи и обрётённой свободы. Им приветливо светила огромная, в тёмных вмятинах луна...

В разгар промыслового сезона бригада звероловов вновь наткнулась на следы неразлучной пары. Заслышав брехню лаек, рыси стронулись с лёжки и пошли самыми непроходимыми кручами к истоку ручья. Но Михальч, досконально изучивший рысьи повадки, всё это предвидел. Он пустил по следу лишь трёх собак и одного охотника, а сам с напарником и шестью собаками поджидал кошек на узком переходе, который им сложно было миновать.

Расчёты бригадира оправдались. Рыси вышли чуть ниже места засады. Промысловики спустили зверовых псов. Разразившись оглушительным лаем, они вмиг окружили ошеломлённых беглецов.

Здоровенный кобель бросился на Кису, целя прямо в горло. Боцман рванулся наперерез и едва успел подставить плечо. Опрокинув пса, он распорол ему когтями брюхо. Визжа от боли, собака покатила по кручи. Воспользовавшись заминкой, кот устрояюще шипящим комом пролетел сквозь свору и помчался огромными махами навстречу двуногим. Лайки кинулись за ним, а сметливая Киса припустила во весь дух в противоположную сторону.

Увидев мчащуюся прямо на них огромную рысь, звероловы оторопели. Напарник Крючконоса вскинул ружье. Боцман слышал, как Крючконос что-то крикнул ему и громовая палка опустилась. Тем временем кот пронёсся мимо побелевшего, как снег, Крючконоса и скрылся в ельнике...

Бригадир окликнул лаек, но две самые азартные и отчаянные не подчинились и продолжили погоню. Определив по лаю, что собак мало, Боцман затаился за вывороченным деревом. Вымахнув преследователям наперерез,

он оторвал ухо одной и разодрал бок у другой собаки. Поджав хвосты, посрамлённые псы пустились наутёк.

К исходу дня Боцман разыскал Кису. Они опять были вместе.

Однажды, выйдя на место пересечения своей постоянной тропы с лыжной колеёй, звери уловили соблазнительный запах рябчика, а вскоре увидели его самого, неподвижно сидящего на снегу. Боцману показалось, что от лыжни к птице ведут аккуратно присыпанные лунки. Эти намёки на след наполнили его сердце смутным предчувствием. Всё говорило о том, что рябчика лучше не трогать, обойти стороной.

Кот дал понять о своих опасениях подруге, но ей нестерпимо хотелось есть, и она не устояла перед возможностью полакомиться белым мясом лесной курочки.

Несколько минут спустя по её телу разлился и стал проникать во все органы жгучий огонь. Киса, тяжело дыша, присела. Эта перемена подтвердила предчувствия Боцмана. Он принялся нетерпеливо подталкивать подругу, побуждая её быстрее покинуть подозрительное место. Но бедняжка вдруг повалилась на снег и забилась в частых и резких судорогах. Напряжённая спина прогнулась дугой. Невидимая чудовищная сила всё загибалась и загибалась её так, что голова в конце концов коснулась хребта и затрещал позвоночник. Из пасти Кисы потянулись тягучие струйки слюны, зрачки глаз неестественно расширились, лапы мелко задрожали.

Кот с тревогой наблюдал за страданиями подруги, не представляя, чем ей помочь. В какой-то миг Боцман заметил, что её страдальческий взор, устремленный до этого на него, как бы опрокинулся и стал погружаться вглубь широко раскрытых зрачков.

...Киса давно стихла, а Боцман всё сидел рядом, всё тыкался в её плечо, тщетно пытаясь поднять и увести отлежаться в безопасном месте. Когда тело кошки стало таким же холодным, как снег, кот, наконец, понял, что его спутница никогда уже больше не встанет. И он ушёл... Один...

На снегу осталась лежать очередная жертва, принесенная “старшим братьям” только для того, чтобы со временем украсить женские плечи красивой рысей накидкой.

Потеряв Кису, Боцман впал в состояние тупого отчаяния. Он ничего не ел — тоска убила в нём голод. Через несколько дней он вернулся к Кисе, но на том месте, где оставил её, обнаружил лишь ненавистных вонючих “червей”.

* * *

Прошло четыре года. Всё это время обладатель поседевших бакенбардов жил урюмым отшельником. Впрочем, если бы он и пожелал обзавестись подругой, то не смог бы исполнить это желание по причине того, что все его соплеменницы за это время были либо отравлены, либо отловлены. Более того, Боцман остался вообще одним-единственным представителем своего вида в этом совсем недавно богатом рысями крае.

От собак и охотников ему не стало житья. Тайга, казалось, была пронизана смертью. Одиноким громадный кот сделался желанной добычей всех окрестных зверобоев.

Их профессиональное честолюбие будоражили легенды о подвигах знаменитого кота, о его дьявольской хитрости и изворотливости. Эта репутация была вполне заслуженной: частые стычки со зверобоями многому научили Боцмана.

Но более всего стремление добыть исполинского кота подогревалось тем, что рысьи шкуры в эти годы вошли в моду и цена на них невероятно подскочила. А красивый окрас и размеры шубы Боцмана в любом случае сулили немалые барыши. Тем более что вездесущие скупщики забирались в самые отдалённые деревушки и назначали баснословное вознаграждение.

К тому же любому охотнику лестно было иметь и череп Боцмана. Величина отпечатков лап кота давала уверенность в получении за такой череп

не только золотой медали на выставке охотничьих трофеев, но и побитие всех прежних рекордов.

Боцману, конечно, было невдомёк, обладателем каких опасных достоинств является он, но то, что люди настойчиво добиваются его смерти, для него было совершенно очевидно. Их жестокая воля неотступно преследовала его.

Постоянное напряжение развило его наблюдательность до совершенства, а великолепная память помогала не повторять ошибок. Благодаря этому ему удавалось оставлять с носом самых бывалых промысловиков.

Временами на Боцмана накатывала тоска по обществу себе подобных. Она нарастала, терзала сердце. И тогда кот, дабы заглушить муки одиночества, принимался вопить так, что обитатели окрестных гнёзд и нор цепене-ли от ужаса.

Очередной сезон близился к завершению, но никто из зверобоев так и не смог вынуть из котомки и развернуть перед скупщиком роскошную шубу Боцмана.

С приближением весны вместе со снегом таяли и надежды на знатную добычу. А тут ещё случилась невиданная, затяжная оттепель. Надулись нежные пуховички на прибрежных ивах. Ледяная броня на набухающей реке разошлась в трещинах и стала пористой, белой, как сахар. Похоже было, что лёд тронется намного раньше срока.

В эти дни из самого центра прибыл лихой скупщик и назначил за шкуру рыси такую цену, что все аж присвистнули. Наиболее азартные и охочие до денег и обещанной выпивки зверобои решили объединиться и провести облаву артельно. Тому, кто добудет кота, половину цены, а остальное — поровну на всех участников.

Обсудив, кто и где в последний раз видел следы рыси, определили район поисков, а в тайге по свежим отпечаткам на расквашенном снегу сузили его до одной столообразной лесистой горы. Она тянулась перпендикулярно к реке и обрывалась в неё неприступной стеной.

Разбившись на пять групп, зверобои охватили гору вытянутым полукругом и, пересидев ночь в укромных ложбинах, поутру, в назначенный час, стали подниматься по снежной хляби.

Боцман отдыхал на стволе поваленного кедра, когда дремотную тишину глухольсы нарушили сначала гортанные крики ворон, а затем внезапно возникший сплошной треск. Зародившись в глубине леса, он быстро перемещался к нему. Чуткое ухо уловило сквозь него отдалённый лай опостылевших собак. Кот встрепенулся. Вскоре мимо пронеслось, круша всё на своём пути, стадо лосей. Лай приближался. Боцман тяжело вздохнул. За долгую зиму в нём успела накопиться усталость от этих вечных бегов. Эх, быстрее бы сошёл снег! Тогда на несколько месяцев придёт долгожданный покой. Но до этих времён ещё надо дожиться... Кот без лишней суеты и паники размахист-по припустил на противоположный склон.

Уходил спокойно, так как был уверен, что узколапым псам по расквашенному снегу не настичь его. Но вскоре услышал встречный лай. Что делать?! Боцман побежал по косой, с намерением найти проход у дальней оконечности горы. Однако и там уже мельтешили в просветах леса собаки, за ними люди.

Кот в смятении остановился. Один вырвавшийся вперёд двуногий находился на расстоянии чуть более ста метров. Тренированный глаз охотника засёк притаившуюся в кустах рысь, и он вскинул громовую палку. Боцман сразу признал стрелка — это был Рыжебородый. Быстрее прочь!

К отступлению оставался единственный путь — река, но как спуститься к ней по отвесной стене? В это время вокруг прожужжал густой рой смертоносных “ос”. Две из них впились в тело, третья резанула левое ухо. Стреляя зверобой пульей — несдобровать бы нашему коту, но Жила, не отличаясь меткостью, предпочитал бить снопом картечи. Однако в этот раз расстояние оказалось слишком велико для убойного выстрела. Хотя две картечины и вошли в зад, они застряли в мякоти, не причинив большого вреда.

Боцман отпрыгнул за ствол дерева. Что делать? Набатный лай и выстрелы приближались. Сейчас кольцо сомкнётся, и тогда...

Кот рванул изо всех сил к реке — своей последней надежде.

До обрыва коту оставалось совсем немного, когда не только сзади, но и слева, и справа стали выкатываться пёстрыми комьями собаки с крутыми серпами хвостов. Увидев уходящую к реке рысь, крайние ринулись на перехват.

Боцман растерянно остановился — его лишали последнего шанса на спасение. Тайгу заливал лай сомкнувших кольцо собак. За их спинами громыхали выстрелы, и слышались радостные возгласы людей, свист пуль. Всё, не уйти! Обложили намертво. Кот увидел свою смерть так ясно, что шерсть на загривке поднялась дыбом, но сдаваться было не в его правилах.

Выбирая удобную для боя позицию, он вскочил было на макушку протявшегося из-под снега выворотня, лежащего у края глубокого провала, как вдруг, ещё не понимая смысла своего безрассудства, неожиданно скатился, обдираясь о сучья стволов, нагромождённых на крутых скатах, вниз к устью огромной воронки.

Лайки, порывисто дыша, обступили край провала и злорадно облаивали запертую в ловушке рысь.

Подбежавшие зверобой открыли стрельбу по светлым пятнам на дне провала, пока кто-то не образумил:

— Всю шкуру продырявим. Если жив ещё, и так никуда не денется.

Эти слова прозвучали сигналом. Все расслабились. Азарт спал. Охотники вдруг почувствовали, как устали и проголодались.

— Чаю бы попить — во рту пересохло, мочи нет, — предложил заросший щетиной Глеб.

— Да что чай?! Кота надо брать!

— Вот уж не скажи. Чай вещь стоящая. Чай — он живость даёт. Подойдёшь, бывало, с покляжей к горе. Посмотришь — ни в жисть не одолеть. Костерок наладишь, крепкого запашистого заваришь, выпьешь кружку и взберёшься на одном дыхании до самой верхотуры, — убедительно возразил самый пожилой из них, Тихон.

— Верно говоришь. Коту теперича некуда деться. Не грех и чайком побаловаться, со вчерашнего на сухомятке.

Промысловики сноровисто развели костерок и, подвесив котелок со снегом, обменивались, как обычно, впечатлениями. Больше всех заливался рыжий Потап:

— Видали, как удачно я зацепил. След сразу закровил. Знать, сильно — вишь, аж в яму свалился, окаянный. Сколько промышляю, а такой хитрошей твари не встречал. Ведь столько лет нас дурачил.

— Ну, ноне ему крышка!

— Всё же жалко, мужики. Как-то без рыси в тайге не того... Вроде как пресновато. Это все равно что щи без капусты или баня без пара.

— Да народятся ещё, али понавезут откуда, расселят, ежели нужный зверь...

Почаёвничав, возбуждённые предвкушением знатной добычи, охотники спустили на верёвках по более свободному от валежин склону провала Потапа и Глеба.

Достигнув dna воронки, те долго и осторожно лазили с ружьями наизготовку по шатающимся угловатым глыбам, заглядывали под них и, наконец, чертыхаясь, поднялись с помощью поджидавших товарищей наверх.

— Ушла, гадина. Под камнями лаз. Из него дует, как из трубы. Похоже, где-то выход есть, — оправдываясь, бормотал Глеб. Потап же, ни слова не говоря, направился к береговой круче.

Боцман за это время уже проник по узкому каналу в сумрачный грот и в конце горловины увидел реку, подтопленный внешней водой противоположный берег. Внизу в метре от края кармана плыли, скрежеща по изодранному прижиму, разнокалиберные льдины.

Всё правильно. Кота не обмануло смутно мелькнувшее воспоминание: это был тот самый провал, через который он спасся во время наводнения много лет назад.

Не теряя времени, рысь наметила подходящую льдину и, когда та поравнялась с чёрным зевом, прыгнула на неё. Льдина упруго качнулась и понеслась по отбойной стремнине.

Но что это за резкий, drobный стук вокруг? Острый осколок льда больно ударил по нижней губе, и тут уже сверху донёлся грохот. Оглянувшись, Боцман увидел на отвесной береговой круче человека с громовой палкой. Рыжебородый! Нигде нет от него спасения!

Не дожидаясь очередного выстрела, кот сиганул в студёный поток. Вода разошлась двумя искрящимися крыльями брызг. Боцман на пару секунд погрузился в изумрудную толщу, а вынырнув, поплыл рядом с льдиной.

Рысь ещё несколько раз слышала резкие хлопки, булькающий посев по воде, щелчки по льду, но и они вскоре прекратились. Коченея, Боцман вскарабкался обратно на лёд и обернулся. Силуэт охотника мелькнул последний раз и исчез за надвинувшимся отрогом. Река, делая крутой поворот, уже затягивала Боцмана в теснину длинного ущелья, туда, где его караулил каскад бесноватых порогов.

Долго они швыряли, вертели его под рёв будто бы тысячи медведей. Оглохший кот распластался на льдистой броне, намертво вцепившись в неё когтями-крючьями. Несколько раз льдину дыбило, окатывало мощными водяными валами. Но, видно, судьба решила и на этот раз пощадить рысь.

Наконец, ревучий поток прорезал гранитный кряж, и изрядно потрёпанная посуда успокоилась. Её то и дело пронесило вблизи берега, и Боцман не раз уже порывался покинуть хрупкое, ненадёжное пристанище, но всё недоставало смелости. Наконец, он успел запрыгнуть на угловатую, подрагивающую от бешеного напора плотину и, не задерживаясь, проскакал по напряжённо вибрирующим обломкам на берег.

На земле он зябко отряхнулся. Шатаясь от усталости, поднялся на мысок и повалился на подсохший пяточок земли. “Неужели несчастья этого сумасшедшего дня остались позади, и теперь можно спокойно полежать?!” — говорили всё ещё не верящие в спасение его глаза.

Боцману следовало, наверное, завопить что есть мочи, дабы известить тайгу о своём невероятном избавлении от гибели, но бедный кот не то что вопля, даже стона не в состоянии был издать. Ноющая боль в задней части тела напомнила о метком выстреле Рыжебородого. Вылизав зад, Боцман обнаружил две ранки. “Ничего, бегать можно, а к боли притерплюсь”, — примерно так оценил своё положение несокрушимый кот.

Опасаясь преследования, Боцман отступил в каменные дебри высоких гольцов. Здесь ещё властвовали морозы, и чахлые деревья поутру наряжались в густые шубы из искристого куржака.

Ни зайцы, ни косули не обитали в этих суровых местах. Боцману пришлось довольствоваться одними белыми куропатками. Но они, непуганые и доверчивые, с каждым днём становились всё осторожней, и кот вскоре был вынужден откочевать в средний пояс гор.

Раны не заживали, а, наоборот, воспалились до такой степени, что задние ноги отказывались служить. Боцман с каждым днём хирел. Все свои несчастья искалеченный кот связывал с человеком и его паскудными прислужниками — собаками. Когда он вспоминал о них, в нём разгоралась жажда мести. Это по их милости он лишён радости настоящей охоты и сейчас голодает, хотя повсюду бегает и летает желанная дичь. Увы, она теперь недоступна ему.

От плохой и скудной пищи Боцман стал похож на облезлую, запаршивевшую кошку. Ребра от худобы выпирали, словно согнутые весенним паводком ивовые прутья. Угловатый таз и острые лопатки горбами торчали из-под вытершейся шкуры. Молодецкие бакенбарды совсем обвисли и имели вид пожухлой травы. Пустой желудок разрывали болезненные спазмы.

Чувство голода временами было столь острым и нестерпимым, что кот принимался глотать кору и откусывать, словно заяц, верхушки веточек. Но не такая пища нужна была ему. Организм жаждал мяса.

Иссохший, похожий на мумию, Боцман тем не менее и тут приспособился. Смирив гордыню, он стал неотступно следовать на безопасном расстоянии за добычливой стаей волков и перебиваться скудными объедками от их пиршеств.

Рано начавшаяся, но затянувшаяся весна наконец-то вступила в свои права. Снег второй раз за эту весну сползал с южных склонов прямо на гла-

зах. Вновь вспенились, загремели притихшие было речки. В каждом, даже самом крохотном, распадке залопотали ручейки, проклюнулась и резко пошла в рост трава.

Большой кот безошибочно находил на склонах сопок растения, изгоняющие хворь. Поедая их, он стал поправляться и набираться сил. Зарубцевавшиеся раны, правда, ещё беспокоили, но уже не пульсирующей острой болью, а непродолжительными ноющими приступами.

Боцман опять охотился, не зная промаха. Точность прыжков и сила челюстей не оставляли намеченной жертве никаких надежд. Озлобленность угасала. Совсем недавно каждая его клетка требовала мщения за перенесённые страдания и несчастья. Теперь это чувство вытеснялось наслаждением от вернувшихся сил и сопричастности ликованием расцветавшей под лучами щедро солнца тайги. Тем более что настала та благодатная пора, когда запах двуногих надолго выветривается из неё. Кот без опаски спустился с гор и поселился в долине Главной реки, где водились косули, да и зайцев здесь было заметно больше.

Как-то, дождавшись темноты, Боцман стал подниматься в поисках пропитания по долине ключа. Пройдя от устья шагов двести, он упёрся в едва заметную даже вблизи преграду — туго натянутую капроновую сетку. Перегораживая весь распадок, она оставляла узкий проход лишь возле отвесного склона.

Учёный всякими уловками людей кот надолго замер, прислушиваясь и принохиваясь, а когда решил, что опасности нет, осторожно шмыгнул в открытый проход. Но не успел он сделать и трёх шагов, как сбоку громыхнуло, и его оглушил удар по голове. Когда Боцман пришёл в себя, то почувал в воздухе запах пороховой гари. Опять эти люди! И летом не стало спасения от них.

Его спасло то, что самострел настораживался в расчёте на часто проходивших здесь оленей. Пуля лишь скользнула по затылку, срезав полоску кожи.

Медленно накапливающаяся усталость от постоянного, назойливого преследования человеком должна была в конце концов вылиться либо в беспощадную месть, либо в поиск недоступной для людей глухомани. Покладистый, уравновешенный Боцман выбрал второй путь и двинулся на северо-восток, в лесные дебри, не тронутые опустошительными пожарами.

Пройдя морщинистое нагорье и перевалив через безжизненную громаду Главного хребта, Боцман начал спускаться по серым сланцевым уступам высокой гряды в неведомый доселе край. Кота давно мучила жажда, и, наконец, он услышал шум падающей воды.

Мощный ключ бугристым фонтаном бил прямо из щели между скальными плитами. Пробежав совсем немного, вода плавленым серебром срывалась вниз и летела в сиянии радужной пыли, медленно разделяясь в воздухе на сверкающие гроздья.

Налакавшись прозрачной, как слеза, влаги, рысь спустилась в обширную маристую равнину, обрамлённую зубцами далёких гор, и сразу попала в буйные заросли травы, такие густые и высокие, что они скрывали длинноногого кота целиком. Пройдя их, он углубился в тесную, перестойную чащу. Прощеженные густыми ветвями пучки солнечных лучей едва освещали проходы между сучкастых стволов елей и пихт, обвешанных косматыми бородами лишайника.

В этом непроницаемом, насыщенном влагой, несмотря на двухмесячную сушь, лесу царил мертвая тишина. Застоявшийся воздух был насквозь пропитан гнилостными испарениями. На земле повсюду валялись трухлявые стволы, обомшелые сучья. Между ними поблескивали чёрные оконца затхлой воды.

Расступаясь, чащоба открывала непролазные болотины с густой сетью озерков, разделённых мшистыми перемычками. По ним Боцман перебирался до очередной лесистой гривы. Здесь, на открытых пятачках, подсушенный мох хрупко проминался, и лапы утопали в нём, будто в молодом замороженном снегу.

Кот всё шёл и шёл к неведомой цели, обходя по гривкам вязкие трясины. Редкий зверь заходил сюда — каждый неверно сделанный шаг сулил стать последним: бездонная топь цепко хватала и засасывала неосторожных в свою утробу. А если кто и забредал в эти гиблые, бесприютные места, то старался как можно быстрее выбраться и уйти в горы.

Боцман, же, упорно придерживаясь выбранного курса, пересекал очередную, несчетную гриву, как вдруг деревья поредели и за широкой марью с тонкоствольным редколесьем его взору открылся массив высоких останцев чисто-белого цвета. Под их усеченными вершинами, спускаясь по террасам, контрастно зеленели вкрапления леса.

В центре торжественно возвышалась главная и когда-то, должно быть, весьма высокая гора, распавшаяся со временем на несколько близко стоящих столбов причудливой формы. Перейдя марь, Боцман решил обследовать иссечённые временем скалы.

На покато́м приступке у одной из них он обнаружил покосившееся бревенчатое логово людей, укрытое от посторонних взоров неподвижно дремавшими на солнцепёке разлапистыми кедрами. Плоская земляная крыша топорщилась опрятными ёлочками, запустившими корни в толстые, полуистлевшие плахи перекрытия. В углу над тем местом, где когда-то была печь или очаг, крыша и вовсе обвалилась. Стены обросли мшистым ковром, особенно густым понизу. Из оконного проёма настороженно выглядывала чахлая берёзка.

Между бронзовых стволов были перекинута почерневшие от времени жерди. С одной из них свисали на ржавых цепях железки. От ветра они раскачивались и тугуче позванивали. Возле покосившейся двери белели остатки скелета собаки с полусгнившим ошейником вокруг шейных позвонков.

Ветер выносил из логова странный, незнакомый запах. Он смущал, тревожил Боцмана, и хотя его разбирало любопытство, интуиция подсказала о таящейся в этом запахе угрозе. Постояв немного, кот оставил становище людей и стал подниматься по лесистому проёму между известковых столбов. Он разделял их как бы на две группы. Откуда-то сверху, прыгая по камням, званивал ручеёк. На деревьях виднелись заплывшие задиры. Кот принял их за медвежьи метки, но это были старые затесы, сделанные топором.

Изъеденные ветрами и дождями белые столбы имели многочисленные уступы, карнизы, тесные проходы, которые рыси обожают и лазают по ним с особым удовольствием. И сейчас, запрыгнув на огромный ребристый обломок, Боцман перебрался на узкий карниз, змеей опоясывающий самый внушительный столб-башню. Поднимаясь по нему, он достиг небольшой террасы, покрытой белыми валунами и скудными пучками жёсткой травы. Тут же, под скальным козырьком, похожим на загнутое крыло, чернел лаз. Войдя в него, кот оказался в сухой пещере. Её дно устлала невесть как попавшие сюда листья, мох. Справа возвышался настил из грубо обтёсанных плах с грудой шкур поверх. Слева в нише стояли чёрные доски, тускло мерцавшие в полумраке золотистыми и красными мазками. Из глубины пещеры шёл противный, всегда таящий угрозу запах железа. Чтобы не искушать судьбу, Боцман вернулся на террасу и, прыгая с уступа на уступ, взобрался на вершину горной цитадели.

Вокруг неё во все стороны простирались поля топких марей, непролазные буреломные крепи, разделённые зеркалами болотин. Всё это обрамляли цепи синих гор. За ними, где-то далеко на западе осталось поселение ненавистных ему охотников. Битый жизнью Боцман вздохнул свободно, всей грудью — необозримая глушь вселяла покой.

Новое пристанище, надёжно защищённое от людей самой природой, было тем, к чему так упорно шёл он как бы по подсказке из глубины поколений. Кот удовлетворённо почесал грудь когтистой лапой и лёг подремать. Упрямая складка на лбу расправилась, на морде заблуждало подобие улыбки.

Несколько дней ушло на обследование новых владений. Вскоре Боцман убедился, что здесь он не пропадёт — дичь была в изобилии.

Кот перестал бродяжничать и всё время держался Белых скал. Утолив за время ночной охоты голод, он забирался на неприступные столбы и часами лежал там, сладко жмурясь на припёке.

Неумолимое время неумоимо отсчитывало: день-ночь, день-ночь... Лето хирело. Деревья тронула кисть осени. Следом ударили заморозки, опять приближалась та снежная пора, когда тайга заполняется охотниками, с утра до вечера гремят выстрелы, надрываются собаки.

Кот опасался, что и бревенчатое логово под скалой недолго будет пустовать. Он не знал, да и не мог знать о том, что покой Белых скал защищают не столько топкие и непролазные дебри — они зимой не преграда, сколько дурная слава, прочно закрепившаяся за этим местом с незапамятных времён.

Людская молва гласила, что в этих скалах обитают злые духи, охраняемые кровожадной стаей волков-оборотней. В награду за верную службу духи заманивают в скалы путников и отдают их на растерзание оборотням. Поэтому даже бывалые охотники остерегались сюда забредать.

Девятнадцатая для Боцмана зима пересекла границу самой длинной ночи, и настала пора сильных морозов. За месяцы, проведённые в Белых скалах, кот стал забывать свои прежние страхи и беды и медленно выходил из постоянно напряжённого состояния. Ограниченные пределы каменного острова уже не устраивали его, и он стал спускаться на впадину, забираясь с каждой вылазкой всё дальше и дальше. Благо, топи промерзли, а буреломы занесло снегом.

Наконец настал день, когда след ночного бродяги достиг складчатых отрогов, за которыми дыбились изрезанные ущельями горы, такие громадные после Белых скал, что у Боцмана даже дух захватило. Легко поднявшись на первый предгорный увал, он остановился поражённый: перед ним тянулася бесконечная двойная колея — след зимних ног человека.

Настороженно прислушиваясь, кот окинул взглядом тайгу: спокойно кормится на берёзе стайка рябчиков; весело шныряет сойка. Ничто не говорило о близости двуногих.

Боцман помнил, как легко и приятно ходить по плотно накатанной колее: снег на ней не проминается и не рассыпается, но он не забыл, какую смертельную опасность может таить эта коварная тропа, и, несмотря на усталость, благоразумно перепрыгнул через лыжню и пошёл дальше в избранном направлении по целине.

Не обнаружив в горах ничего примечательного, он повернул обратно. Когда приблизился к парному следу уже в новом месте, то чуть не наступил на белого “червя” с вонючей чёрной головкой. Так же пахло возле ободранной охотниками Кисточки! От этого воспоминания приглушенная и, казалось, забытая ненависть к людям вновь ожила и зашевелилась в сердце Боцмана.

Он пошёл вдоль следа на достаточном расстоянии и вскоре увидел большую снежную кочку с куском мяса в углублении. Кот знал, что это привлекательное сооружение — западня, поэтому поспешил удалиться. На гребне увала его внимание привлекли резкие удары. Они неслись со стороны ключа. Подойдя поближе, кот увидел логово двуногих. Боцман затаился и стал наблюдать. Вот дверь запахнулась, и показался человек. Спускаясь к ключу, он скрылся из виду. Когда же вновь появился из-под берегового обрыва с охашкой дров, изумлению Боцмана не было предела — он узнал в охотнике своего заклятого врага — Рыжебородого. Того самого, кто убил Кисточку, жестоко истязал его самого. Волна ярости, нарастая с каждой минутой, охватила рысь.

Рыжебородый ещё несколько раз выходил и заходил обратно в логово. Потом из трубы с напором повалили клубы дыма. Боцман тем временем углядел свернувшегося под большим навесом чёрного с белыми пятнами пса и вознамерился прикончить его, но опыт подсказывал, что сейчас не лучшее время для исполнения этой затеи: меть лучше вершить в метель, скрывающую все следы.

Путано-петляющим следом он вернулся в Белые скалы и не покидал их, пока внутренний барометр не подал ему сигнал: ночью снегопад!

Когда Боцман подобрался к стану промысловика, уже стемнело, а на тайгу обрушились первые снежные заряды. Над логовом метались в дыму недолговечные “красные мухи”. Собака лежала на своём месте и, казалось, спала. Но, как только кот подкрался на расстояние прыжка, она приподня-

ла морду, и их взгляды скрестились. Пес оглушительно залаял, хлопнула дверь, гроыхнул выстрел.

Перепуганный Боцман поспешил раствориться в белой кутерьме. Прошедшее не обескуражило его, а ещё раз напомнило, что успех сопутствует терпеливым.

В следующий визит кот был осмотрительней и выжидал подходящего момента, зарывшись в снег до глубокой ночи. Неслышно ступая лапами, опущенными густой, жёсткой шерстью, он невидимой тенью приблизился к собаке вплотную. На этот раз она едва успела испустить предсмертный вопль.

Утром хозяин долго звал, искал пса, пока не обнаружил его застывшего под толщей обильно выпавшего снега. Тридцать лет охотился Жила, но вот так, прямо у зимовья, лайка погибла у него впервые.

“В тайге всякое бывает, — рассудил он. — Но почему пса-то не съели?” — шевельнулась в голове беспокойная мысль.

Прошло дней десять, и у Боцмана опять появилось желание досадить Рыжебородому. Теперь он положил глаз на строение, возвышавшееся поодаль от стоянки на четырёх гладких столбах. Оно напоминало логово охотника, только было раза в три меньше.

Кот попытался взобраться на лабаз по столбу, но безуспешно — мешала жестяная “юбка” в его верхней части. Остальные три столба тоже были опоясаны тонким металлом. Боцман не растерялся — залез на стоящее поблизости дерево, прошёл по ветке и спрыгнул прямо на крышу лабаза. Затем через прогал между крышей и стенкой протиснулся внутрь.

Всё это время его дразнил и будоражил запах, заставлявший забыть всякую осмотрительность: из лабаза пахло ненавистными лисами. Найдя их, Боцман с остервенением набросился и разодрал в клочья рыжие шубы с пышными хвостами. Затем та же участь постигла стяннутые в пачки шкурки зайцев и белок. Вонючих норок, колонков и соболей брезгливый кот не тронул. Зато распотрошил коробки с хрупкими длинными палочками и тускло поблёскивающими мелкими камушками. Разодрав куль с искристыми кристалликами, переключился на мешки с белым, похожим на пыль, марким порошком. Куски мороженой лосятины не тронул — был сыт.

Завершив погром, удовлетворённый зверь соскочил вниз и умчался в свою цитадель под прикрытием пурги, свободно разгулявшейся на открытом пространстве мари.

Жила проснулся поздно. Уже светало. Непогодь стихла, но снега успело надуть до середины окошка. Поразмыслив, промысловик решил сделать передых: прежние следы замело, а новых ещё нет — зверьки отлёживаются, ждут, пока снег осядет, уплотнится.

Растянувшись на шкурах, он укрылся ватным одеялом и, закутив махорку, стал с удовольствием прикидывать, сколько заработает в этом сезоне и как нынче распорядится вырубкой. Уже одиннадцать лет он промышляет на этом участке, и всегда с фартом: пушнина хватало и для плана, и для скушников ещё столько же, а иной сезон и поболее оставалось.

Прежде эти уголья пустовали. Все отказывались от них. Говорили, что рядом с рекой куда удобней: продукты и снаряжение до ледостава прямо на лодке можно завозить, по горам не надо таскать. На самом же деле мужики страшились близости поганого места. Как-то, ещё до войны, пытался промышлять здесь один отчаянный, да так и сгинул бесследно.

Сойдясь с пройдохой-скушником, Потап быстро сообразил, что сулит левая сверхплановая пушнина, но на прежнем участке взять её было трудно и к тому же опасно — то и дело заходят соседи, да и охотовед за сезон раза два обязательно нагрянет с проверкой. Пораскинув мозгами, он сказал сам себе: “Или пан, или пропал — рискну!” — и добавил для успокоения: “Бог не выдаст — рысь не съест”.

Новые охотничьи уголья в первый же сезон превзошли все ожидания. Через пять лет оборотистый деляга устроил ему в городе кооперативную квартиру. Правда, и ободрал он Жилу тогда до последнего хвостика, но квартира того стоила. Потом организовал самую дорогую модель “Жигулей”. А вот с подземным гаражом сперва осечка вышла, но и это дело недавно по-

правилось. И теперь Жила, вот уже второй год, собирался рассчитаться с госпромхозом и пожить, наконец, в своё удовольствие, но каждый раз надвигались всё новые и новые расходы, и приходилось опять тащиться в тайгу на промысел. Да и жалко было бросать хорошо обустроенные путики. К главной охотничьей магистрали — реке — Жила давно прорубил, расчистил тропу и по ней с осени на лошадях завозил всё необходимое для жизни и промысла.

Время близилось к обеду. Потоп, поживаясь, встал. Настраивал щепы от смоляка. Затопил печь, продавил в ведре корочку льда, налил в кастрюлю воды и поставил её на плиту рядом с чайником. Потом, расчистив площадку у двери зимовья, прокопал траншею к лабазу.

Забравшись наверх по приставной лестнице, он окаменел: пушнина — труды многих дней, была превращена в лохмотья, пересыпанные мукой, сахаром и гречкой.

“Как же так! Откуда такая напасть на мою голову?” — убито прошептал он.

Разбирая остатки пушнины, Жила немного успокоился. Самое ценное — соболь, норки, а главное, личный заказ скупщика — три выдры, были целы.

“Кто мог так напакостить? — ломал голову промысловик. — Зверю по столбам сюда не влезть. Разве что медведь, но тот спит, да и лабаз не разрушен. Неужели... волки-оборотни?” — вспотев от этой мысли, он с опаской посмотрел в сторону Белых скал.

С этого дня в Жилу вселился суеверный, почти панический страх. Из зимовья не то что на промысел, даже за дровами или водой он выходил неохотно, с трудом преодолевая гнёт кошмарных сцен, разыгрываемых воспалённым воображением. Ходил по лыжне, постоянно озираясь. Всюду: и в древесных наростах, и в причудливых изгибах стволов, и в разросшихся кустах — ему чудились затаившиеся оборотни. Он изводил заряды в любой подозрительный силуэт, на любое едва заметное движение, любой сомнительный звук. Страх всё усиливался, не отпуская ни на минуту. В конце концов доведённый до отчаяния Жила наметил завершающие обходы, чтобы снять ловушки, рассторожить пасти. Начал с нижнего путика.

Шёл тяжело, весь словно скованный ожиданием беды. Ружьё не выпускал ни на секунду. Даже добычу из ловушки ухитрялся вынимать одной рукой и, как привороженный, всё поглядывал на Белые скалы, уверенный, что беда нагрянет именно оттуда.

А когда налетел и завыл в дуплах ураганный ветер, он уже не сомневался в неотвратимости расплаты за покушение на покой этих мест. Чёрные деревья, казалось, задвигались, угрожающе скрипя, замахали ветвями-лапами. Напряжённое состояние последних дней достигло предела. Жила совершенно потерял самообладание. В этот момент одна улежавшаяся снежная глыба, сорвавшись с толстого сука, пронеслась прямо перед его носом и чуть не выбила из рук ружьё. Охотник сжался от ужаса. Попятившись, прилип спиной к стволу и, широко раскрыв глаза, оцепенело уставился на разломаченный шлейф дыма. Вид быстро несущихся со стороны ключа чёрных клубов медленно выводил Жилу из прострации. Когда до него, наконец, дошло, что может так дымить, он, позабыв обо всём, помчался к стану. На бегу пытался вспомнить, хорошо ли закрыл поддувало, убрал ли от печки смолистые щепки. Весь мокрый взлетел на гребень, откуда хорошо видно зимушку, и, о ужас, — на её месте бесновался красный венец пламени.

Жила, с разрывающим нутро воем, упал на снег и забился в истерике. Он был сражён не столько видом полыхавшей зимушки (чёрт с ней — всё равно больше не охотиться), сколько сознанием того, что вот так глупо сгорели все его труды — остерегаясь повторного налёта на лабаз, Жила перенес пухлые связки пушнины в зимовье...

Рысь, во время очередного визита к Рыжебородому, обнаружила на месте его логова чёрный круг земли с покорёженной железной печкой посередине да обледелую топанину следов. От неё уходила одинокая парная колея.

Ни весной, ни летом никто не нарушал покоя и величественности здешних мест. Боцман вольно жил в царстве Белых скал, ощущая себя самой важной

частью этого светлого, прекрасного мира. Иногда он проходил по главной тропе Рыжебородого и с удовольствием отмечал, что она потихоньку зарастает и освежается лишь оленями да медвежьими следами.

Как-то в один из душных июльских дней кот блаженно посыпывал на обдуваемой ветерком вершине останца и не видел, что разбросанные по горизонту мрачные тучи сошлись в обнимку, незаметно пожирая небесную синь. По мере приближения к Белым скалам они проседали от зреющей в них грозной силы всё ниже и ниже.

Проснувшись, кот заметил перемену в погоде и, поскольку мокнуть не хотел, припустил к сухому логову. Но налетевшая тугим шквалом гроза догнала и накрыла его водяной завесой. Спящий излом молнии с оглушительным треском вонзился в каменный шпиль совсем рядом. Перепуганный кот сиганул вниз. Прямо перед ним в угловатый валун вошёл ещё более мощный разряд. Вскоре молнии, скрещиваясь, забили со всех сторон почти беспрестанно. От их грохота, казалось, скалы заходили ходуном.

Кот, вздрагивая от каждого удара и почти оглохнув от раскатистых разрядов, судорожно заметался по залитым потоками воды глыбам. Поскользнувшись, он угодил в узкий разлом, а когда выкарабкался из него наверх, вспышка нестерпимо белого света обожгла глаза, и он провалился в черноту.

Очнувшись, Боцман открыл глаза, но непроницаемый мрак не рассеялся, хотя кот явственно ощущал на себе ласковые лучи солнца. “Как же так? Солнце светит, а вокруг такая тьма, какой и ночью не бывает?” Кот поднялся и попытался идти, но тут же ткнулся носом во что-то твёрдое. Недоумённо пошарив лапой, он обнаружил впереди себя каменную стену. Попробовал обойти её, но куда бы он ни пошёл, всюду упирался в камни. Бедняжка остановился в растерянности. Такого с ним ещё не бывало. Стало очевидным, что во время грозы с его глазами что-то произошло, и теперь ему предстоит жить во мраке вечной ночи.

Сидя на шершавой плите, он никак не мог взять в толк, в каком месте Белых скал находится. Велушиваясь в доносящиеся звуки, кот уловил внизу гул ожившего после ливня ручья, невдалеке перешёптывались густые гривы кедра. Таких ориентиров в Белых скалах хоть отбавляй. И тут до его слуха донесся металлический перезвон. Это раскачивались ветром железки у покинутого людьми логова.

Теперь Боцман сориентировался, где он, и, осторожно “осматривая” лапой путь, через проём выбрался на тропу, по которой ходил сотни раз. Здесь он помнил каждый кустик, каждый поворот, каждую валежину. Убедившись, что память не подводит и вовремя предупреждает о преградах, кот несколько прибодрился и зашагал быстрее.

Напившись из ручья, лёг в траву. Лежал долго. Отрывистые картины всплывали в памяти и мелькали перед его мысленным взором одна за другой. Безжалостная судьба не щадила его с первых дней появления на свет. Зубами и когтями выбирался он из любых переделок и наперекор всему продолжал крепко стоять на ногах. Жизнь, а точнее, люди редко давали ему передышку. Вновь и вновь они безжалостно прогоняли его сквозь череду непрерывных испытаний, но он, всё более закаляясь, неизменно выходил победителем. И вот сейчас, когда в его тяжёлой судьбе всё образовалось наилучшим образом, — такой жестокий удар! Как жить незрячему? Как охотиться? Даже мыши, и те — недоступная теперь добыча.

Рядом устроили разноголосую переключку железки: “Тринь-тринь-дзинь”. Этот мелодичный звон неожиданно породил дикую, сумасшедшую идею: Крючконос! Добрый Крючконос! Он вернул ему жизнь много лет назад. Он не поднял на него громом разящую палку в тайге! И он наверняка сумеет выручить его и сейчас.

Эта отчаянная надежда захватила кота. После непродолжительных сомнений он решительно встал и, отыскав на ощупь тропку, тянущуюся к заброшенным владениям Рыжебородого, отправился в трудный путь.

По зелёному покрову топкой мари Боцман брёл медленно, с особой предусмотрительностью — знал, что по обе стороны тропы разбросаны коварные выбуны. Несмотря на чуткий шаг, зверь часто спотыкался, поскользы-

вался, но, к счастью, все падения завершались благополучно. К вечеру кот добрался до подножья гор и перешёл на тропу промысловика.

Пасшиеся в устье первого распадка олени, увидев рысь, встрепенулись, но она, к их изумлению, почему-то прошла мимо, не задерживаясь. Недоверчивая олениха ещё долго поглядывала велед, но коту было не до них. Он был целиком подчинён стремлению добраться до Крючконоса и вернуться с его помощью из мира тьмы в мир света.

Шёл Боцман долго. Путь, который прежде преодолевал за трое суток, затянулся. Тем более что, не имея возможности подкрепляться, он быстро утомлялся и часто останавливался для отдыха.

То и дело устремляя невидящий взор в сторону селения и постоянно пригнувшись, прислушиваясь, кот наконец подошёл к месту, где тропа круто спускалась к речному перекату. Похрустывая галькой, он преодолел его и взобрался на береговой взлобок. Теперь надо пройти по выпасу с обкусанными кустами до одинокой, широко разросшейся на приволье, белоногой берёзы. Всё верно, вот и она — шелестит нежной листвой. Боцман даже вздохнул от облегчения — отсюда уже совсем близко до логова Крючконоса.

Войдя в деревню, кот слышал, как из дворов выбегают собаки, но он не устрашило продвигался вперёд, гордо вскинув голову, обрамлённую седыми бакенбардами. Громадная рысь шествовала в окружении лаек с таким видом, словно совершала рядовой обход своих владений. Справа, страшась собственной смелости, залиvisto твякая, вынеслась кривоногая дворняжка. Остальные собаки шли сзади молча, словно понимая, что тут что-то не так и не время сотрясать воздух пустой брехнёй.

Раздались изумлённые возгласы, испуганные крики. Боцман напряжённо вслушивался в них в надежде выделить голос Крючконоса. Вот и знакомый бухающий лай соседского кобеля, сидящего на цепи.

Кот не мог видеть, как распахнулось окно в доме его давнего недруга, как Рыжебородый вскинул ружьё и поймал в узкую прорезь прицела убийное место, как прокуренный палец привычно лёг на спусковой крючок...

Камиллю Зиганшину — 60!

***Сердечно поздравляем нашего автора с юбилеем!
Желаем всех земных благ и добрых светлых книг.***

Коллектив “НС”

АНДРЕЙ КАНАВЩИКОВ

К ТОПОРУ

Сорвались в чёрную дыру,
Забыли про любовь, про святцы...
Зову Россию к топору,
Зову очиститься, подняться.

Играют в лезвии лучи,
Не нужно думать о хворобах,
Топор получше наточи,
Бессильна плеть, когда есть обух!

Топор в руках и быть добру!
Есть лозунг у моей отчизны.
Зову Россию к топору —
Рубить амбары, храмы, избы.

Хоромы на различный вкус!
И с нами, словно трудоголик,
Великий плотник Иисус,
И на его плече топорик.

ЗОЯ КОСМОДЕМЬЯНСКАЯ

По морозу гоняли ночью,
Босиком по сугробам вели,
Плетью кожу ей рвали в клочья,
Подбородок окурками жгли.

А когда засунули в петлю,
Только вымолвил гордый рот:
“Вы боритесь с врагом даже смертью,
С нами Сталин! Сталин придёт!”

И с тех пор в разорённых сёлах,
В обездоленных отчих краях
На болотах, в лесах и озёрах
Светит виселицы маяк.

Укатилось за стальные крыши
Солнце, прямо в серебряный лёд.
Потерпите. Вы слышите, слышите?
“С нами Сталин! Сталин придёт!”.

* * *

Дождёмся...
Скажет нам в тоске:
“Руси нет краше в целом свете!”
На чистом русском языке
Китаец, выйдя из мечети.

г. Великие Луки

ВЛАДИМИР КОРНИЛОВ

В СТРАДУ

Вновь на селе забыли люди роздых:
С июльским зноем подошла страда.
На диких травах настоялся воздух,
И сеном пахнет в родниках вода...

И лишь в окошках свет зари забрезжит,
Шумнёт пастух — и только был таков.
А кто заспит, собаки тем набрешут,
Что мужики ушли до петухов...

А в полдень бабы, позахлопнув ставни,
Несут обед да пиво для косцов
И ловят взглядом в буйном разнотравье
С отцами увязавшихся мальцов...

А мужики поглощены работой,
Но жён своих узрев издалека,
Неторопливо, вроде с неохотой,
К ним подаются в тень березняка.

Погаснет день. Осядут в травах тени.
Дохлая прохлада сумрак от реки.
Речные ивы, замочив колени,
Уронят в воду пыльные платки.

* * *

Здравствуй, лето моё падункое! —
Смех и песни под щебет птах —
Здесь раздолье лугов июньское!
Шаг упруг и широк размах.

Косы тонко над лугом тенькают.
Дали вызвонил сенокосав.
Косари, как ватага Стенькина, —
В этом буйном разгуле трав...

Небо светится синим доньшком,
Распогодилось — знай коси!
Сверху огненной птицей солнышко
Сторожит сенокосав Руси.

г. Братск

МИХАИЛ ГУСАРОВ

* * *

Прохрюкал чёрный “членовоз”,
подальше отгоняя ближних.
И вслед ему из-под колёс
багряно вздыбился булыжник.
Зачем я мимо не прошёл?
Зачем я взял его руками?
Горяч, но влажен и тяжёл
был этот пролетарский камень.
Хотел его на место вновь
я вставить,
но из рук скользнул он..
И на руках осталась кровь,
и встrepенулась площадь гулом.
Качнуло чёрный “членовоз”,
но он успел в воротах скрыться.
А камень я с собой унёс:
наступит время — пригодится.
И, придавая вещей вес
ему — сверкнувшему багряно,
ударил голосом небес
набат Великого Ивана.

г. Москва

ВЛАДИМИР БАЛАШОВ

БОЛЕЮ, ДЕРЖАВА!

Болею, Держава, болею!
Твою нестерпимую боль
В душе я глушить не умею,
Хоть воль ты меня, хоть неволь.
Болею, Держава, болею.
И нянчаю эту беду.
Хотя умереть не сробею,
Поверь, за тебя на роду.
Болею за прошлое деда,
За братьев моих, за отца,
За пьющего вечно соседа,
За бабку с краюшкой хлеба.
...И боли не видно конца.

Болею, Держава, болею,
И будто бы с самых начал
Всю жизнь от того сатанею,
Что всё это вечно встречал:
И в старых седых ветеранах,
И в нищенках, там, где вокзал.
Скажи: “Почему в дальних странах
Такую я боль не встречал?”

Болею, Держава, болею
За всю перекатную голь.
...Прости мне, Господь, за Рассею
(О большем просить я не смею),
За эту бездонную боль!

г. Пермь

ВЛАДИМИР ДЕНИСОВ

ОБЩЕЖИТИЕ ЛИТИНСТИТУТА

Комнатушки прокуренный дых,
Крепкий градус поэм и куплетов...
Мы разлили её на троих,
Коль считать настоящих поэтов.

Был вторым в полуночье бесед,
В переливе бутылочных звонов
Чупурных — ясноглазый поэт,
Составитель стихов и вагонов.

Мудрый мальчик, иронии для
Он без толку не тряс словесами,
И соперников здесь не найдя,
Он с телёнком бодался стихами.

Ну, а первым Анищенко был,
Плыл над ним ореол выпивохи,
Он стихи проживал, как и пил,
Неприкаянный житель эпохи.

Не умеющий жить по уму,
Партбилет оставлял где попало,
А наутро писал про Муму,
Что Герасима так понимала!

Волжским братья по слову
чета,
Но с уральской простой прямою,
Там и я про икону читал,
Что написана грешной рукою.

Нынче, сотню дорог разметав,
На тропу одинокую вышел...
Вон в Самару грохочет состав —
Как живётся вам, Женя и Миша?

Отпереть бы столетья засов,
Оказаться бы в той комнатухе,
Где нам пальцем грозил Кузнецов
И лукаво подмигивал Пушкин.

Где учились мы жить на распыл
И считать человека за брата...
Но Герасим Муму утопил,
И не будет собачке возврата.

г. Уфа

ЮРИЙ КОВЯЗИН

* * *

Как будто конница Мамаю
Повытоптала всё вокруг.
Не узнаю родного края:
То ль это луг, то ли не луг!

Кузнечики здесь стрекотали,
Ромашки белые росли.
И заливались в звонкой дали
Распевистые соловьи.

А ныне — заросли бурьяна,
И лебеда, и молочай.
Нет, не узнать родного края,
А раньше славился мой край.

Когда же луг вновь станет лугом,
Где шмель мечтает мёд собрать.
Терпи, мужай, моя округа,
Хоть ты уже устала ждать.

Всё переменится незримо,
Когда опомнится народ.
Кто без земли мы? Пилигримы.
Без родины мы не народ.

г. Екатеринбург

КРИКОР МАЗЛУМЯН

* * *

Следы любимой матери моей
Повсюду, где бывал я с нею прежде,
Ищу, теряя всякую надежду,
Я много лет, и месяцев, и дней.

Следы любимой матери моей
Под травами, под белыми снегами...
Мечта моя всё горше и больней —
Коснуться вас иссохшими губами.

Следы любимой матери моей
Ищу в листве, ищу в пыли дорожной.
За далью лет, за сумраком ночей
Вас отыскать не в силах, невозможно.

Следы любимой матери моей...
У родника ищу следы родные
И в зеркале его, небес светлей,
Я вижу лик, глаза её святые.

Следы любимой матери моей,
Ищу вас у разбитого порога
Родного дома, у его дверей,
Что в памяти храню ещё немного.

Следы любимой матери моей,
Как я ищу, как долго вас ищу я,
Чтоб искупить грехи минувших дней
Сыновним запоздалым поцелуем.

Следы любимой матери моей...

*п. Лазаревское
Краснодарского края*

Поздравляем нашего автора с 70-летием!

АЛЕКСАНДР ЕГОРОВ

БУКОЛИКИ

*Многое лучше всего совершается ночью прохладной
Или когда на заре росится земля под Денницей.*

“Георгики”. Вергилий

Хозяйка опару в овчинную кутает шубу,
Высокие сосны скрипят на заснеженных кручах,
Незримый родник замирает в хрустальных чертогах,
А малые дети в домишках, подобно гороху,
На тёплых полатях витают в объятьях Морфея...

Озимые спят, повинясь законам природы,
Мышиные пары живут под стернёй, размножаясь,
В овчарне — ягнёнок пытается встать на колени,
Матёрый подсвинок — мечтает о сладкой подруге;

Голодной волчице — приснилась покорная жертва,
Медведице бурой — поляна лесной земляники,
Дородной крольчихе — кочан белоснежной капусты,
Пчеле медоносной — цветущие травы июля,

Жерёбой кобыле — весенняя встреча с красавцем,
Приятное бремя его потрясающей плоти,
Телёнку — тугое и сладкое вымя коровы,
А ей — бесконечное поле зелёной люцерны,

Которую острой косой мужики подсекают,
Поднявшись с завидной охоткой ещё до рассвета,
Успев по росе завершить основную работу,
Проделав по лугу с десяток заглавных прокосов...

Чуть солнце в зените, садятся в тени пообедать,
Достав из тряпиц и кошёлков домашнего хлеба,
С десяток куриных яиц и зелёного лука,
Смакуя всё это то квасом холодным, то солью,

А после — свистульки строгать конопатым мальчишкам,
Рубахи от пота сушить, покурив, балагурить,
Лапту вспоминая, далёкого детства качели,
Весною взлетающих к небу до самого солнца,
Цветные платки и нарядные кофты красавиц,
Сердечный озноб от внезапного прикосновенья...
На волнах незримых в приятные сны уплывая,
Оставив воронам, сорокам да юрким полёвкам
Лишь жалкие крохи от щедрого пира земного...

г. Владивосток

ОКСАНА РАХМАНОВА

СТАРЫЙ АЛЬБОМ

Мы однажды вдвоём
Наш старинный альбом отыскали.
Фотографии в нём
Пожелтели и тусклыми стали.

Но виднеется след —
Фронтовые, тяжёлые будни...
Это, братик, наш дед —
Выпал век ему страшный и трудный!

Много лет утекло,
Зарастают траншеи цветами.
Но ещё до сих пор
Вспоминаем войну со слезами.
Слава нашим бойцам,
Их пути до последнего шага!
...Улыбается нам
Кареглазый солдат у рейхстага.

г. Великие Луки

МИХАИЛ ПАЛИЕВСКИЙ

МАЙ

Памяти И. Д. Новикова

Солнцем нагретые дали,
Белой черёмухи цвет.
Май в орденах и медалях
Молча кивнул мне в ответ.

Шёл он походкой неспешной.
Спешка в годах — ни к чему.
День этот радостный, вешний
Снова напомнил ему

Бой в окруженье, в болотах
(Только б дойти до своих!),
Горстка патронов на роту,
По одному на троих.

Вспомнил берлинские плацы,
Песни, гармонь — до утра,
Крики счастливые: “Братцы!
Наша победа! Ура!!!”

Как же давно это было...
Годы летят — не вернуть.
Сердце вдруг больно заныло,
Сел на скамью отдохнуть.

Вынул кисет в незабудках —
Память тех лет не пустяк.
Долго крутил самокрутку —
Всё просыпался табак.

Запах махорки мешался
С запахом свежей листвы,
Вдруг за спиной: “Отыскался!
Дедушка, что это вы?”

Мы вас искали, искали,
К вам заходили раз пять,
Если б не ваши медали,
Издали вас не узнать!”

Флаги на солнце атели,
Пели скворцы вразнобой,
Май шёл по вешней аллее —
Стройный, седой, молодой!

г. Москва

ЛИДИЯ ПОЛЯКОВА

* * *

Берёза старая над низкою оградой.
Теплом глубинным розовела береста...
Твоей последней и единственной наградой
Была надежда православного креста.

Что стало памятью о женщине прелестной —
Давно ушедшей Марфе, бабушке моей?
Она была женой — рачительной и честной —
И матерью двух крепких сыновей.

Платочек белый из-под пёстрога покрова
И сединой ещё не тронутый висок...
Как подходила к ней нарядная обнова —
В оборках кофта и узорный поясок.

Крестьянка русская минувшего столетья:
Красавица, хозяйка, ранняя вдова...
Как быстро полыхнуло жизни многоцветье —
Ведь жили краски, мысли, чувства и слова!

Скользнул с плеча конец лавандового шарфа.
К вечерне вновь позвал нас колокол в селе.
Ах, бабушка моя, исчезнувшая Марфа!
Я проросла тобой в Просечьенской земле.

* * *

Я с зеркалом поссорилась давно —
В нём поселилась женщина чужая.
Мы с ней живём, друг другу не мешая,
Но я её не знаю всё равно.

Я на неё смотрю, едва дыша.
Я ей не нравлюсь — это очевидно.
Но быть похожей на неё обидно:
Она немолода, нехороша.

Конечно, я не очень-то юна,
Но, думаю, той женщины моложе.
И, без сомнения, свежее кожа
И вовсе незаметна седина.

* * *

Вновь созреет для птиц земляника в траве,
Одуванчик зажжёт поминальные свечи,
И зачахшая груша, подобно вдове,
Над колодцем зацветшим склонит свои плечи.

Зашуршат камыши там, где был водопой,
И рассыплется мост меж двумя берегами,
И сольётся трава над ненужной тропой,
И пустые дворы порастут сорняками.

И созреет в траве земляника для птиц,
Одуванчик зажжёт свои бледные свечи...
Как смиренны светильники ангельских лиц
И за нас перед Богом молящие речи.

СЕРГЕЙ ФИЛАТОВ

* * *

Бережёного Бог... И меня не сберёг.
Время лечит забвеньем, но память жива.
От российских дорог... до библейских дорог
у небес — синева, синева...

Здесь течёт и не знает своих берегов
“по бескрайним просторам отчизны своей”
немосковское время вселенских снегов
в вереницах полей.

Здесь тачат сапоги и пекут пироги,
и тальянка “заводит” вдали за рекой.
Всё моё здесь: и дом, и долги, и враги...
И обещанный вечный покой.

* * *

Рядов торговых линии: народу — как людей..
И лагерною лирикой пропитан летний день.

Пельменно-чебуречная теснится суета.
Продажная, сердешная Россия без креста...

Торговка пышногрудая! полей бескрайних ширь!..
Ах, безграничность русская!.. Эх, широта души!.. —

Как птенчик малый сжалась вся. Душа у ней болит.
И песней сердце жалобит нарочный инвалид:

“Уж мы в Чечне, в Афгане ли... на первой мировой...
Пять лет не мылся в бане я... слав Богу, что живой...”

На землю шапка брошена... Затёртые рубли...
Зачем ты просишь, родина, несбыточной любви?

г. Омск

ФИРSOBA КСЕНИЯ

ЦВЕТЫ НА ОБОЧИНЕ

1

Чуть слышно лиловый окликнет багряный.
Чуть громче багряный окликнет лиловый.
Подхватит сиреневый певчее слово
В созвучье оттенков, неярких и пряных.

Где красный, любя, уживается с синим.
Где белый на желтый пушинку роняет,
Со слабым невинно соседствует сильный
И всех меж собою, зеленый, равняет.

И малая птаха, на травах качаясь,
Катает в гортани жемчужные блески
Марьянника, вейника и молочая,
Вербейника, сныти, кукушкиной слезки.

Летят лепестки на асфальт закопченный...
Восходит опять из бутонов и почек
Двужильная нежность российских обочин.
Покорная стойкость любви обреченной.

2

Я вчера по пути увидела лопух у забора.
Он из глины пророс и веселого глупого сора:
Из бумажек цветных, из железок бесформенно ржавых.
Я спешила... Но что-то в его очертаньях меня задержало.
В одичалом углу одиночеством веяло мгlistым.
Но, упрямо паря над убогой тропой бытия,
Он крылато расправил овальные жесткие листья,
Он почти что взлетел! И надолго задумалась я...

г. Великий Новгород

ЮРИЙ ХРЕНОВ

СТАЛИН

Ну что тут спорить: вождь или народ
Врага низвергнул в той войне кровавой?
Без командира даже взвод не взвод.
Не Пётр ли вдохновил нас под Полтавой?
 Без Дмитрия Донского кто полки
 Привёл бы в пекло поля Куликова?
 Не выкинуть из песни ни строки,
 А из строки, бывает, даже слова.
Мы говорим “Кутузов” — и встаёт
В глазах война двенадцатого года.
Тогда ведь тоже победил народ.
Но есть лицо святое для народа.
 Народ и вождь... Ну как их разделить?
 Вожди — они в истории, как вехи.
 И если нам при нём случилось жить —
 Как позабыть об этом человеке?
В войне, конечно, победил народ.
Ему по праву быть на пьедестале.
Но никогда никто не зачеркнёт:
Народ к Победе вёл Иосиф Сталин!

* * *

Нужен народу вождь,
Как огороду дождь.
Иначе зачахнет народ,
Как без дождя огород,
И превратится в сброд.
 Чтобы жила страна,
 Цель для страны нужна:
 Без ясной цели страна
 Случаю отдана,
 Хаосу обречена.

Скажите вы мне теперь:
У нас-то какая цель?
Что сплачивает нас —
Его, и меня, и вас?
Куда мы идём сейчас?
Села страна на мель,
Когда потеряла цель,
И, как огород дождя,
Ждёт своего вождя.
Ждёт его столько лет.
Нет всё его и нет!

КУКЛОВОДАМ

С народом шутки плохи:
Однажды он взбрыкнёт,
И тот, кто шутит, ноги
Едва ли унесёт.
Законные монархи,
Всесильные вчера,
Кончали жизнь на плахе
Под взмахом топора.
С народом шутки плохи:
Он, если и молчит,
Всегда, во все эпохи
Историю творит.
Отлились год за годом
Нетленные азы:
Молчание народа —
Предвестие грозы...

*Поздравляем нашего друга, поэта
и главного редактора журнала “Российская Федерация сегодня”
Юрия Алексеевича Хренова с 70-летием!*

К 60-летию Е. С. Савченко

“САВЧЕНКО — РУКОВОДИТЕЛЬ ОТ БОГА”

Беседа Александра Казинцева с Николаем Рыжковым

Александр КАЗИНЦЕВ: Николай Иванович! В Совете Федерации Вы представляете Белгородскую область. Каково её место в хозяйственной жизни России? Чем она выделяется среди других регионов?

Николай РЫЖКОВ: Я хорошо знал Белгородскую область ещё в советские годы, когда возглавлял Совмин. А последние семнадцать лет тесно связан с ней — сначала как председатель Попечительского совета “Прохоровское поле”, затем — 8 лет как депутат Государственной Думы от Белгородчины, и последние 7 лет как член Совета Федерации, представляющий администрацию области. Слабой она никогда не была: везло с руководителями. Но до середины 90-х “ходила в середнячках”. Особо не выделялась.

За последние 10–15 лет всё изменилось. Конечно, это связано с губернатором — Евгением Степановичем Савченко. Он возглавил область в 1993 году и первые годы искал себя. Сменил руководителей, определил перспективы развития, начал работу. А потом область стала давать отдачу. И сегодня она уже не середнячок, а одна из лучших в России по технико-экономическому, да и по духовному развитию.

Как пример — были разработаны несколько программ по жилью, в том числе и на селе. Крестьянам давали кредит на строительство, а расплачивались они произведёнными продуктами. Очень удобно! Сколько раз я говорил руководителям других областей: почему бы вам не использовать эти наработки? К сожалению, начинания Евгения Степановича в других регионах, да и на федеральном уровне поддержки не получили. Я считаю это нашей общей бедой.

А. К.: Не секрет, что жители соседних областей завидуют белгородцам. Не раз сам слышал об этом от воронежцев и курян. И почти все, как едва ли не главную причину, отмечали: “Ну ведь у них Савченко”. Так видится роль руководителя снизу. А каково на самом деле значение личного фактора в экономике, в административной работе?

Н. Р.: Помните, ещё Плеханов писал о роли личности в истории. Я считаю, что от человека, который возглавляет область, страну, очень много зависит. Можно сильную область за несколько лет угробить некомпетентным руководством, а можно слабую в считанные годы поднять. Если начинания руководителя совпадают с чаяниями населения.

Савченко — руководитель от Бога! Откуда у него этот талант? Думаю, он у него в генах — рачительное отношение к земле передавалось из поколения в поколение. Многочисленному и жизни научила: она у Евгения Степановича была не лёгкой. И, конечно, талант, которым он щедро одарён.

Савченко – талантливый человек. Пускай и нет в нём показного блеска, такой трибуной речистости. В 90-е годы во власть пришло много громогласных говорунов, будораживших людей. Но народ скоро разобрался, раскусил их, и болтуны один за другим канули в Лету. Савченко не такой: выдержанный, немногословный. Но я убеждён, прежде чем выйти к людям с каким-либо предложением, он всесторонне обдумывает, обкатывает его в сознании, взвешивает все “за” и “против”. Потому он и пользуется огромным авторитетом. Все в области понимают: если Савченко сказал – надо делать!

Мы, те, кто окружает Евгения Степановича, многое повидали в жизни. Нас обмануть трудно. Но талантливого человека мы поддержим охотно.

А. К.: За годы совместной работы Вы наверняка хорошо изучили Евгения Степановича. В чём, по-вашему, “секрет Савченко”? Каким образом он заставил работать хозяйственную машину, казалось бы, безнадежно заржавевшую в годы лихолетья на рубеже 90-х? Почему при равных условиях белгородцы добиваются лучших результатов, чем соседи?

Н. Р.: Знаете, Александр Иванович, люди ценят руководителя не по словам, а по делам. Люди – очень точный барометр. Это, может быть, кому-то кажется – “серая масса”. Ерунда! Люди всё видят. И оценивают.

Я не говорю, что Савченко полюбили с первых же дней. Ему потребовалось время, чтобы стать тем Савченко, которого мы знаем сегодня. Но когда увидели: он человек дела, наметив цель, не останавливается ни перед чем, это вызвало уважение. И команду он собрал под стать себе – единомышленники! Люди это оценили. Поверили в руководителя.

А ведь непросто было! Взять ту же газификацию. Населению пришлось доплачивать за неё из своего кармана. Были недовольные, критиковали. Но и сам Савченко, и его помощники, и я встречались с людьми, разъярялись: сегодня – да, трудно, но завтра вы забудете про уголь, а ведь за него тоже надо платить, забудете про дрова. (Между прочим, в области мало леса, так что газификация помогла решить и экологическую проблему.) И, действительно, теперь 100 процентов жителей области пользуются благами газификации, тогда как соседи считают 60–70-процентную газификацию за хороший результат.

После этого у Савченко прибавилось сторонников. И он может спокойно ставить новые задачи – благоустройство посёлков, прокладка дорог, устройство тротуаров, газонов и скверов. И это в деревнях, где по сию пору – проедитесь по России – сплошь и рядом непролазная грязь! Я уж не говорю о помощи сельским учителям, о мерах по развитию культуры в целом. Доверие Савченко завоевывал постепенно, шаг за шагом. А сегодня люди идут за ним, зная – будет добро!

А. К.: Николай Иванович, Вы долго возглавляли Совмин СССР, повидали многих лидеров. К какому типу руководителей Вы бы отнесли Савченко?

Н. Р.: Я скажу так: он однолюб. Здесь родился, здесь и сгодился. Дважды Евгений Степанович получал самые лестные предложения из Москвы, но оставить область отказался категорически! Это вызывает у меня глубокое уважение. Знаете, я сам такой! Когда много лет назад меня перевели в Москву с должности генерального директора “Уралмаша” в кресло заместителя министра тяжёлой промышленности, я тоже не хотел уезжать с Урала. Но тогда была партийная дисциплина: как говорят, руки по швам, исполняйте!

А ведь сколько министров и их замов перебирались в столицу с радостью, по первому свистку. Я их иногда спрашивал – говорили по душам, что называется, вместе водку пили – “Ну, зачем, ты, Иван Иванович?” А он в ответ: “Хочу в Москву!”

От таких руководителей Савченко отличается радикально. И, разумеется, главное – его выделяют ум, аналитические способности, системность.

А. К.: Николай Иванович, Вы упомянули, что Савченко дважды отказывался занять высокий пост в правительстве. Решение, что и говорить, нетривиальное! И белгородцы, я знаю, благодарны своему руководителю за верность родной земле. Но был ли шанс поменять что-то в Москве в лихие, как сейчас говорят, девяностые?

Н. Р.: Чиновничество, особенно федеральное, это особая среда. Каста. По своему опыту знаю. В Москву я приехал с “Уралмаша” – крупнейшее предприятие, 52 тысячи сотрудников. А с семьями, с теми, кто жил в заводских домах – все 200 тысяч! Целый день вместе на предприятии, но и по выходным – пойдёшь в магазин – вокруг те же лица. Я жил в одной семье. Не толь-

ко на производстве, но и в доме, на улице, в городе. Когда я переехал в Москву, я понял, что потерял. Я потерял коллектив: в 18:00 прозвенел звонок – и людей как ветром сдуло! Абсолютно ничего не объединяет.

А. К.: Вы вспоминаете советскую эпоху – относительно благополучную, в том числе и в плане человеческих отношений...

Н. Р.: Александр Иванович, чиновники есть чиновники. Конечно, от высшего руководства многое зависит. Сотрудники видят, чего от них хотят, и стараются соответствовать. Иначе их просто уволят. Но надеяться, что Иван Иванович придёт вместо Ивана Петровича и чиновник станет другим – неразумно. Не верю я в это. Чиновничья масса при всех обстоятельствах останется такой, какой была испокон века!

А. К.: Сейчас много говорят об инновациях. Действительно, модель сырьевого развития исчерпана. Но для перехода к инновациям одних слов недостаточно. И здесь Савченко – один из немногих, кто создаёт реальную базу для экономики знаний, не жалеет средств на университеты, и на образование и науку в целом. Как Вы оцениваете эту деятельность?

Н. Р.: На прошлой неделе я вернулся из Белгорода. Выступал по местному телевидению. Один из вопросов был о модернизации. Я сказал, что, по моему мнению, модернизация – понятие всеобъемлющее. Оно касается не только экономики, но всех сторон жизни.

Мы не можем стоять на месте. Любая форма жизни предполагает развитие. Но обдуманное, ответственное развитие. Необходимо постоянно отслеживать: что делается разумно, а что – неправильно. Об этом особенно уместно вспомнить именно сегодня: ровно 25 лет назад Горбачёв был избран Генеральным секретарём КПСС. И началась перестройка. Она не с неба свалилась, была по-настоящему необходима – и поначалу получила повсеместную поддержку. Однако потом пошло по-глупому. Вначале нужно было реформировать экономику, не трогая до времени политическое устройство. Так поступили в Китае. А Горбачёв перескакивал с одного на другое: не закончив с экономикой, стал на ходу менять государственное устройство. В результате всё развалилось.

Очень бы хотел, чтобы нынешние руководители страны извлекли уроки из ошибок того периода. Им лукаво подсказывают: нужно реформировать надстройку. И впрямь – нужно. Но начинать необходимо с базиса: с экономики. И довести до конца работу в этой сфере.

Теперь все говорят о модернизации. Понятие правильное, но нужно наполнение. Чтобы не заболтать её, необходимо чётко сказать, что надо делать – в экономике, здравоохранении, образовании, культуре. Накопилось очень много проблем. Хватит ли у нас мудрости сформулировать чёткий план и приступить к его выполнению?

Мне кажется, предпосылки к такой планомерной работе сформулированы в послании Евгения Степановича, с которым он обратился к областной Думе в самом начале весны. Но не просто говорит: надо сделать то-то и то-то, он обосновывает каждое положение. Интересный, глубокий документ, советовал бы с ним ознакомиться и на федеральном уровне.

Возьмём, к примеру, проект здоровья нации. Как его обеспечить при нынешних ценах на лекарства? В советское время мы производили 70 процентов лекарств у себя в стране, ещё 20 с лишним процентов покупали в странах СЭВА и считанные проценты в странах дальнего зарубежья. Понятно, что основную массу продукции мы могли продавать по символическим ценам. Теперь 70 процентов лекарств мы покупаем за рубежом. А остальные производим из зарубежного сырья. Отсюда и цены. А между тем даже в Германии – уж на что рыночная страна – 600 наименований лекарств продаются по фиксированным ценам.

Необходима программа, которая помогла бы развернуть эту пирамиду: 70 и 30 процентов. На это потребуются годы. Но хотя бы через какое-то время мы будем иметь достаточный ассортимент отечественных лекарств и сможем устанавливать на них приемлемую цену. Эту работу надо начинать сегодня.

А. К.: Действительно, думать о будущем надо уже сейчас. Но не менее важно помнить о прошлом. Недаром говорят: без прошлого нет будущего. Это напоминание особенно уместно накануне юбилея Великой Победы. С Евгением Степановичем Вас особенно сблизил совместная работа по строительству мемориального комплекса на Прохоровском поле. На каком этапе она сегодня?

Н. Р.: Мы с Евгением Степановичем познакомились благодаря Прохоровскому полю. Осенью 1993 года собрались у Вячеслава Михайловича Клыкова и решили создать мемориал. Я согласился возглавить Попечительский совет, но сказал: “Без участия руководства области у нас ничего не получится”. Я позвонил Савченко – а его тогда только назначили главой. Представился, пригласил в Попечительский совет. Он сразу ответил: я – “за”. И все 17 лет мы совместно занимаемся этим вопросом.

Почему у нас многое получилось? Во-первых, собрались серьёзные люди, которые искренне хотели почтить память бойцов Великой Отечественной. Во-вторых, тут сказались особый характер жителей области. Исторически сложилось так, что эта земля защищала страну. Белогорье, как часовой, стоит на границе России. Издревле здесь пролегла Засечная линия, отделявшая Русь от Дикого поля. Вслушайтесь в названия сёл: Пушкарная, Стрелецкая. Сколько здесь таких поселений-крепостей! Дух патриотизма как нигде крепок. Поверьте, это не красивые слова. Это настрой людей, воплотившийся, когда мы начали строительство мемориала, в примечательные дела.

На мой взгляд, солидный получился комплекс. Но при начале строительства мы оставили место для музея. Выросла звонница, встал храм, а там росли берёзы. Два года назад я сказал Савченко: “Евгений Степанович, у нас не завершён комплекс. Музей мы откладывали на потом, вот теперь это время наступило. Либо делаем сейчас – к 65-летию Победы, либо оставляем это будущим поколениям. Но я, увы, не убеждён, что они станут заниматься этим. Поэтому, как бы тяжело ни было (а уже тогда начинался кризис), давайте строить сейчас”. Савченко ответил: “Берёмся!”

К 1 мая музей будет сдан. Строительная часть полностью сделана, начинка (экспонаты и пр.) – частично. Это будет музей, оснащённый новейшими технологиями – третий в стране подобного типа, как сказали мне сотрудники ленинградских мастерских, занимающиеся внутренними работами. Освящать музей мы пригласили Патриарха.

А. К.: А что знаменитая библиотека комплекса, укомплектованная благодаря Вашим заботам, – растёт?

Н. Р.: У нас нет проблем, что поставить на полку. В фонде 65 000 книг. И поступают новые. Буквально несколько дней назад издательство “Вече” отослало в Прохоровку около 80 книг, изданных к юбилею Победы. Дубликатами делимся с областной библиотекой. Выписываем 120 наименований газет и журналов. Конечно, среди них “Наш современник”.

Представлены не только книги. Я отправляю туда много DVD-дисков. Их у нас более одной тысячи. Думаю, это одна из лучших видеотек области. Приходят школьники целыми классами. Им показывают фильмы по биологии, географии, истории. Ветераны заказывают старые фильмы. Есть компьютерный зал: по будням там занимаются школьники, а в выходные дни много взрослых. Поработать с компьютером в других местах стоит денег, а в нашей библиотеке все услуги бесплатны. Это условие мы поставили изначально.

Но, конечно, есть задел и для будущей работы. Книгохранилище рассчитано на 100 000 экземпляров – это ещё несколько лет активной комплектации.

А. К.: Забота о развитии культуры характерна для Белогорья. Видимо, здесь сказывается интерес главы области к духовной сфере?

Н. Р.: Евгений Степанович – верующий человек. Искренне и глубоко верующий. Это определяет многое. Он – истинный патриот. Ну и, конечно, он живо интересуется культурой, это его конёк. Всё время проводит конкурсы, чтения, в том числе Прохоровские. Знает и поддерживает актёров, писателей – местных и московских. Вам, наверное, об этом не хуже меня известно.

А. К.: Что бы Вы, крупный руководитель советской эпохи, хотели пожелать юбиляру – руководителю нового времени?

Н. Р.: Я благодарен судьбе, что она свела меня с Савченко. Евгению Степановичу я хочу пожелать, чтобы он всегда оставался таким же. Я абсолютно убеждён, что возраст не скажется на нём и на его деятельности.

МИХАИЛ ДЕЛЯГИН

ЧТО ДОЛЖЕН СКАЗАТЬ РОССИИ ЕЁ ПРЕЗИДЕНТ

Граждане России!

Катастрофа на Саяно-Шушенской ГЭС, вне зависимости от её конкретных причин и виновных, знаменовала собой завершение длительного периода в истории нашей страны.

Не могу назвать этот период “развитием” – это время деградации. Устройство не только государственного аппарата, не только экономики, но, как ни печально, и всего общества жёстко ориентировано не на созидание, но на проедание, а во многом и на разрушительное разворовывание “советского наследия” – не только промышленности и инфраструктуры, но и культуры, социальной сферы и общественного здоровья, созданных советской цивилизацией.

Разговор о виновных во всём этом, о тех, кто энергично и изобретательно направлял нас именно по этому пути, – отдельный разговор, но не стоит забывать, что Россия не пошла бы по нему, если бы по нему не пошли мы, большинство российского народа, – все вместе и каждый в отдельности. Часть вины за более чем 20-летнюю деградацию, прикрытую фиговым листком разговоров о “демократии” и “рынке”, которых как не было, так и нет, лежит на каждом из нас.

На каждом, кто не сопротивлялся изо всех сил сложившемуся паразитическому устройству нашего общества и нашего государства, кто с удовольствием или нехотя соглашался с ним, принимал его и подчинялся ему.

Время существования, а точнее, разложения этого паразитического устройства заканчивается не потому, что власть одумалась, и не потому, что народ принудил её к ответственности.

Это время заканчивается по иной причине: объект нашего паразитирования, “советское наследие”, завершает технологический цикл своего существования, разрушается на глазах как в силу естественно-исторических причин, так и в силу разрушительного безудержного воровства.

Паразитировать на нём так, как было привычно ещё полтора года назад, больше нельзя.

Никому.

И сегодня мы, какие есть, обязаны решать качественно иные – не сиюминутные, а стратегические задачи. Задачи развития, модернизации и, в качестве цели нынешнего этапа модернизации, – созидания новой российской цивилизации.

ДЕЛЯГИН Михаил Геннадиевич — доктор экономических наук, руководитель Института проблем глобализации, председатель Оргкомитета партии “Родина: здравый смысл”.

Если мы не решим эти задачи, через полвека нас не будет. Российская цивилизация исчезнет с лица земли, наша территория превратится в пустынные окраины трёх соперничающих миров – Китая, Европы и исламского мира, а руины наших городов зарастут бурьяном.

Решать задачи модернизации и созидания новой, российской цивилизации будет неимоверно сложно, потому что в решении этих задач нам предстоит бороться не столько с внешними конкурентами и с внутренними преступниками разных сортов, сколько прежде всего с собственными саморазрушительными привычками, накопленными нами за последние 20 лет, включая лень, разврат, корысть, трусость и разобщённость.

Бог с ней, с “мировой закулисой”, – нашим главным врагом являются наши собственные пороки. Победа над ними, нравственное перерождение, моральная революция – условие нашего выживания как народа, условие сохранения и развития нашей цивилизации.

Эта моральная революция будет непростой, потому что граница между воскрешающей правдой и убивающей ложью проходит не по улицам и не по окопам, но по сердцам каждого из нас.

Я не обещаю лёгкой и комфортной жизни. Я обещаю тяжёлый труд ради возрождения России – для всех нас вместе и для наших детей.

Мы должны суметь объединить свои силы на благо наших семей и нашей Родины, ибо Господь творит не сам по себе, но лишь через нас.

* * *

Вокруг чего нам объединять свои силы?

Стратегические задачи России, задачи, которые нужно решить в течение активной жизни нашего поколения, в ближайшие четверть века – просты.

Первое – модернизироваться, обновить себя и страну, потому что старая модель развития исчерпана полностью.

Вторая – сохранить Сибирь, Забайкалье и Дальний Восток: 2% мирового населения сохранит за собой 20% мировых ресурсов, лишь будучи умными, умелыми и энергичными.

Третья – восстановить внутреннее единство России по региональному, национальному и социальному признакам.

Наконец, четвёртая – повысить не только уровень, но и качество жизни так, чтобы жить в самом дальнем уголке нашей страны было приятно и уютно, а россияне имели все возможности для раскрытия самых разнообразных талантов, которыми награждает нас Бог.

Для решения этих стратегических задач необходимо в качестве первого шага, в течение двух лет реализовать программу-минимум, включающую как социально-экономические, так и управленческие новации.

Первый и главный шаг – гарантирование всем гражданам России прожиточного минимума. Это не вопрос экономической или социальной политики, это вопрос о том, являемся ли мы людьми и считаем ли мы людьми друг друга.

Прожиточный минимум – экономическое выражение права на жизнь. Государство, которое считает, что его граждане имеют право на жизнь, обязано гарантировать им этот минимум. Он должен быть реальным, то есть учитывать стоимость не только еды, но и лекарств, и жилищно-коммунальных услуг, и транспорта. Он должен различаться по регионам, так как в регионах не только разные уровни цен, но и разный климат, а в более холодном климате человеку нужно больше одежды, еды и тепла. Наконец, семьям с детьми в регионах с дефицитом населения надо гарантировать не прожиточный, а социальный минимум, обеспечивающий нормальное воспитание и социализацию детей. В более отдаленной перспективе, через три года, надо прийти к ситуации, когда каждый новый ребёнок не ухудшает, как сейчас, а улучшает благосостояние семьи.

Вся межбюджетная политика, вся федеральная поддержка региональных бюджетов должна быть подчинена обеспечению прожиточного минимума. Это даст ей конкретную содержательную цель, которой нет сегодня, когда финансовая помощь регионам распределяется в соответствии с анекдотом о средней температуре по больнице.

Регионы, федеральная помощь которым превысит половину их расходов, а также регионы, в которых доля административных расходов превысила предельный уровень, будут передаваться под прямое бюджетное управление Министерства финансов России.

Цена обеспечения прожиточного минимума сравнительно невелика – около 300 млрд руб. в год. Напомню, что только неиспользуемые остатки на счетах федерального бюджета в десять раз выше этой суммы.

То есть деньги есть – не было желания. Теперь оно появится, а у тех, в госаппарате, у кого оно не появится, появится пособие по безработице.

Второй шаг программы-минимум – модернизация инфраструктуры на базе новых технологий. Инфраструктура – ключевой элемент модернизации, так как определяет деловой климат в стране. И качественное снижение издержек благодаря её развитию качественно же активизирует хозяйственную деятельность. Потенциал здесь колоссален. Например, мы теряем столько тепла, что простой ремонт наших теплоцентралей и тепловая изоляция наших жилищ и производств может остановить глобальное потепление.

Важно и то, что инфраструктура, как правило, требует больших и долгосрочных вложений, которые просто непосильны частному капиталу – что нашему, что иностранному. Значит, модернизируя инфраструктуру, государство гарантированно не ступит в недобросовестную конкуренцию с предпринимателями и сохранит их энергию для роста экономической активности.

Важным источником инвестиций в модернизацию инфраструктуры, в первую очередь коммунальной, станут пенсионные средства россиян. Сейчас они вкладываются в фондовый рынок, то есть в спекулятивные игры, обогащая его профессиональных участников, не имеющих никаких обязательств перед будущими пенсионерами и получающих своё вознаграждение даже при падении котировок и, соответственно, обесценении наших будущих пенсий. Пенсионная реформа служит спекулянтам, а моё поколение, например, оставляет практически без пенсий.

Чтобы гарантировать пенсии, надо инвестировать пенсионные взносы в долгосрочные проекты с гарантированной прибылью. Один из них – модернизация коммунального хозяйства, которую мы качественно ускорим.

Говоря о применении новых технологий, я не имею в виду фронтальные закупки технологий 70-х годов по абсурдно завышенным ценам. Конечно, на безрыбье и рак рыба, – но мы имеем целую гамму собственных разработок высокой степени готовности, которые опережают сегодняшний уровень даже наиболее развитых стран. Многие фирмы используют эти технологии втихую, чтобы ни с кем не делиться приносимой ими сверхприбылью. Многие технологии блокируются зарабатывающими на издержках, а не на доходах монополиями, – как нашими, так и иностранными. Многие изобретатели разрушили своё психическое здоровье в попытках достучаться до чугунных голов наших бюрократов.

Этот технологический потенциал нужно выявить, просеивая “пустую породу”, реализовать и коммерциализировать, обеспечив массовое применение таких технологий в нашей стране. А иностранное оборудование – лучше комплектами заводами – закупать надо там, где речь идёт о воссоздании чуть ли не заново целых отраслей, например, в производстве легковых автомобилей.

Для обеспечения технологической модернизации, помимо Совета по технологиям при президенте, создаётся Министерство технологического прогресса.

Однако при всех усилиях по модернизации мы вылетим в трубу, если будем продолжать идти на поводу монополистов и покорно принимать все абсурдно завышенные цены, навязываемые ими обществу. У нас скоро не только бензин, но и электричество будет дороже, чем в Соединённых Штатах!

Значит, нужно ограничивать произвол монополий. Механизмов много, но принцип один: обеспечение полной прозрачности структуры цен, в первую очередь, разумеется, естественных монополий и всех компаний, подозреваемых в злоупотреблении монопольным положением.

Поскольку расследование может длиться годами, за которые экономике может быть нанесён необратимый ущерб, следует заимствовать немецкий опыт и разрешить антимонопольной службе при резких колебаниях цен и тарифов сначала возвращать их на прежний уровень, а потом уже выяснять причины.

На ближайшие три года замораживаются тарифы на продукцию и услуги естественных монополий, ЖКХ, городского транспорта. В течение полугода будет проведён тщательный анализ их издержек, который за счёт сокращения воровства и повышения качества управления позволит снизить тарифы на услуги ЖКХ не менее чем на 20%, а тарифы на электроэнергию и цену газа на внутреннем рынке – не менее чем на 10%.

Преступные монополии, сложившиеся на рынках, особенно крупных городов, будут разрушены. Российским производителям будет обеспечен свободный доступ на эти рынки, при необходимости – внутренними войсками и ОМОНОм.

Особая сфера – коммунальные монополии. Практика показывает: справиться с ними не могут не только мэры, но даже губернаторы. Давно пора принять предложения общественности по субсидированию жилищно-коммунальных расходов семей, превышающих 10% их доходов. Сейчас планка установлена на 22%, что слишком тяжело для людей и слишком комфортно для бюджета.

Тут найдётся работа и для Минфина, и для Федеральной Службы антимонопольной политики и развития конкуренции. Она должна стать не менее серьёзной структурой в экономической сфере, чем ФСБ – в политической. И, смею вас заверить, мы добьёмся этого не ослаблением ФСБ.

“Священных коров” здесь не будет. Когда представители “Майкрософта” признают, что себестоимость операционной системы составляет 40 долларов, а продают они её чуть не за 15 тысяч рублей, – это аргумент как для более чёткого проведения границы между интеллектуальной собственностью и злоупотреблением монопольным положением, так и для перевода российских компьютеров на открытое программное обеспечение. Этот перевод должен осуществляться на государственном уровне, как важный элемент снижения национальных издержек.

Правда, все мы знаем, что важнейшие национальные издержки России – это не дорогие компьютерные программы. И даже не дураки и дороги.

Национальные издержки России – это прежде всего коррупция и тесно связанная с ней организованная преступность.

Разнообразный опыт – Италии, США, Китая и многих других стран, включая Грузию, Белоруссию и Молдавию, – доказывает: в обуздании коррупции и мафии нет ничего невозможного, было бы желание.

При нынешней “норме воровства” бюджетные расходы бессмысленны в принципе: они идут не туда и тратятся не на то. Похожая ситуация сложилась в большинстве крупных корпораций.

Принципы изживания коррупции просты. Первый – освобождение взяткодателя от ответственности и даже сохранение его доброго имени, если он активно и последовательно сотрудничает со следствием. Ведь это чиновник создает “правила игры”, в которых бизнесмену, да и гражданину приходится давать взятки, значит, он и виноватей, если взяткодатель не покрывает взяткополучателя, а встаёт на сторону общества, – он не сообщник, а жертва.

Второй принцип изживания не только коррупции, но и всей оргпреступности, – конфискация у не сотрудничающих со следствием всех активов, с помощью которых они могут влиять на общество. Не имущества, как в Советском Союзе, когда человек иной раз по выходе из тюрьмы сохранял только то, что на нём надето, и порой не имел средств для законной жизни, а именно активов. Не квартиры, а представительского автомобиля, не денег в кошельке, а счёта в швейцарском банке.

В борьбе с коррупцией много деликатных направлений, и оглашать принимаемые действия заранее – значит снижать их эффективность.

Ограничусь поэтому лишь двумя из многих шагов.

Прежде всего, на базе следственных органов Генпрокуратуры, ФСБ, МВД и некоторых других структур создаётся Федеральный следственный комитет, занимающийся преступлениями особой тяжести, организованной преступностью, – а это значит, и коррупцией, – и межрегиональными преступлениями.

Второй шаг – аттестация. Все госслужащие, начиная с начальника департамента федерального ведомства, должны в течение полугода обосновать источники активов, принадлежащих их семьям. Те, кто попытается обмануть государство, будут наказаны в соответствии с Уголовным кодексом. Те, кто просто не сможет этого сделать, пожизненно лишатся возможности занимать

государственные должности, руководить любыми организациями и вести любую юридическую деятельность.

Предварительное исследование показывает: таких будет относительно немного. Значительно меньше, чем кажется нашему контуженному массовым воровством обществу. Ибо воруют, на самом деле, жалкие десятки тысяч, — а порочат они всех работников.

И, наконец, последняя часть программы-минимум связана с глобальным экономическим кризисом. Почему так обострились проклятия в адрес протекционизма? — потому что его усиление является естественной реакцией экономических организмов на кризис. И наши экспортеры испытывают это на себе.

Протекционизм похож на добрачный секс: почти никто его не одобряет и почти все им занимаются.

И, по-моему, не надо его бояться.

Ханжество в этом вопросе вредит нашей экономике. Давайте признаем: всё, что мы делаем руками, Китай делает дешевле, а половину ещё и лучше. Соответственно, если мы хотим что-то производить и создавать какие-то рабочие места, мы должны усилить протекционизм хотя бы до уровня Евросоюза. Сегодня средняя реальная ставка ввозной пошлины составляет 10,6% — при том, что некоторые сегменты рынка защищены чрезмерно.

Необходимо снизить до нуля ввозную пошлину на все товары, которые мы не планируем производить в настоящей момент и которые не конкурируют с российскими аналогами; восстановить жёсткую систему контроля качества импорта, усилить таможенную защиту отечественного производителя. При этом защита должна быть дополнена принуждением к прогрессу при помощи технических стандартов, а в отдельных случаях и более прямыми мерами. Наш рынок пока высокомонополизирован, несовершенен и ещё не принуждает производителей к прогрессу в автоматическом режиме. Поэтому, если рынку не помочь, наша промышленность либо сгниёт от недостатка конкуренции, как мы видим на “АвтоВАЗе”, либо будет уничтожена чрезмерной конкуренцией, как гражданское авиастроение и производство бытовой техники. Помогать надо, повторю, временным усилением защиты, с одной стороны, и постоянным принуждением к прогрессу, с другой.

Следует полностью запретить импорт за государственные средства продукции, производимой в России.

Ну и, разумеется, контроль за движением капиталов должен быть восстановлен в масштабах, не препятствующих развитию реального сектора в России. В частности, вывод из России капиталов, работавших на нашей территории менее года, должен облагаться 10-процентным налогом.

* * *

Наше государство иногда производит впечатление несуществующего, так как оно даже не контролирует имущество, доверенное ему народом России.

Необходимо обеспечить действенный контроль государства за его собственностью (включая так называемые “государственные корпорации”), остановить её тотальное расхищение.

Все предприятия, права собственности на которые выведены в офшоры и не будут возвращены в Россию в течение полугода, будут национализированы без каких бы то ни было выплат и компенсаций.

Необходимо выделить стратегически и социально значимые предприятия: в отношении первых не допускать перехода под контроль иностранного капитала (пример — ВПК), в отношении вторых — закрытия (пример — градообразующие предприятия).

Господдержка частным предприятиям будет предоставляться исключительно под залог блокирующих пакетов их акций. В случае невозврата эти акции будут переходить в собственность государства.

Государственная помощь должна предоставляться предприятию исключительно в обмен на добровольный отказ последнего от всех операций на любых спекулятивных рынках.

Необходимо вернуть в страну активы государства, размещённые за рубежом (Резервный фонд, Фонд национального благосостояния, часть резервов Банка России), и направить их на модернизацию и социальную помощь насе-

лению. Размещение активов государства за рубежом на условиях, исключающих их быстрый возврат, должно трактоваться с точки зрения Уголовного кодекса. Хотя бы как “преступная халатность”.

Будет создано Агентство экономической реконструкции, концентрирующее в своих руках всю помощь нефинансовому сектору и управление всем госимуществом (включая госкорпорации) для реализации стратегических задач развития страны.

В течение полугода следует разработать и ввести в действие общенациональную программу энергосбережения, в разы снижающую совокупную налоговую нагрузку на предприятия, обеспечивающие рост производства при значимом сокращении его энергоёмкости.

Считаю необходимым освободить малый бизнес от чиновничьего произвола: все предприятия (кроме оптовой торговли и финансовой сферы), не занимающиеся внешнеэкономической деятельностью, с числом занятых менее 10 человек, а в сельском хозяйстве – менее 50 человек освободить от всех налогов, включая подоходный налог, на два года. Ввести уведомительную регистрацию таких предприятий в течение месяца.

Граждане России должны получить право забирать пустующие земли сельхозназначения для их возделывания (до одного гектара на человека) в уведомительном порядке. После года возделывания земли оформлять её в долгосрочную аренду, после 10 лет – передавать в собственность. Если человек не обрабатывает занятую им землю или её часть, он будет лишаться её, и местные власти будут передавать эту землю желающим.

Соответствующие законопроекты внесены в Госдуму, жду их одобрения.

Поддержка частного бизнеса в любой форме, включая протекционистские меры, должна сопровождаться его встречными обязательствами перед государством по производству определённой продукции по установленным ценам. Невыполнение этих обязательств должно вести к образованию задолженности соответствующих предприятий перед государством в размере стоимости произведённой (или произведённой, но не того качества или ценового диапазона) продукции.

* * *

Одна из главных проблем нашего общества – глубокий социальный раскол.

Отчуждение обоюдно. Небольшая часть российского народа чувствует себя ограбившими, а основная часть – ограбленными. Эту пропасть нужно засыпать, иначе мы так и останемся разделённой внутри себя и обессиленной этим внутренним разладом нацией.

Новый насильственный передел собственности – это новый хаос, новый разор, которого наша измученная страна может уже и не выдержать. Всё должно быть по правилам, по законам – по справедливости.

Выход из положения подсказывают нам англичане. После Тэтчер они ввели компенсационный налог на промышленные активы, приобретённые благодаря её политике по явно заниженной цене. Современные методы оценки бизнеса позволяют чётко выявить, какие предприятия были приватизированы по заниженной цене, и насколько эта цена была занижена. Всё, что создано трудом предпринимателя и его предпринимательской удачей, например, благодаря росту цен на экспортируемое им сырьё, должно остаться ему. Но разница между стоимостью имущества и ценой, которую он за него заплатил, должна быть возвращена обществу в лице государства с процентной ставкой в размере ставки рефинансирования Банка России. Впрочем, последнее является предметом дискуссии: может быть, если бизнес работал на внешних рынках и кредитовался там, правильнее использовать ставку LIBOR. Это вопрос для быстрого решения специалистами.

Не является предметом дискуссии иное: изъятие соответствующих денег из бизнеса может разрушить его, особенно в условиях глобального экономического кризиса. Поэтому владелец бизнеса, успешно порезвившийся во время приватизации, может по своему желанию выплатить компенсационный налог не деньгами, а пакетами акций в соответствии с их рыночной ценой. Разумеется, должны быть приняты меры, не позволяющие спекулятивно за-

вышать эти цены перед передачей акций государству; поэтому их цена может быть установлена, например, на среднем уровне за 2 года, предшествующих их передаче государству.

Если люди, воспользовавшиеся результатами приватизации, покажут, что они не являются жуликами, не хотят вести себя как жулики и не хотят выглядеть жуликами, – это не просто улучшит имидж отечественного бизнеса. Это качественно повысит солидарность, в том числе социальную солидарность нашего общества, не на словах, а на деле обеспечит единство российского народа.

Понятно, что введение компенсационного налога изменит налоговую систему. Налоговая политика должна быть сведена буквально к нескольким структурным изменениям.

Прежде всего, социальные взносы. Уж на что был плох Единый социальный налог, так создатели новой системы умудрились усугубить все его недостатки, похоронив немногие достоинства. Социальные взносы, одинаковые по своей природе, взимаются тремя разными внебюджетными фондами. Это втрое увеличивает бюрократический аппарат, который при этом ещё и не обладает необходимыми полномочиями. Ведь социальные взносы – это не налоги, а социальные фонды – не налоговая служба.

Поэтому ЕСН должен быть возвращён. Его главный порок – регрессивный характер взимания: чем человек беднее, тем больше он платит. А с учётом запретительно высокого уровня налогообложения – общая налоговая нагрузка на фонд оплаты труда превышает 35% – бедные люди и даже “средний класс” вынуждены уклоняться от этого налога, получая зарплаты “в конвертах”.

Кому, кроме самых отъявленных врагов России, нужно превращать основную массу россиян в вынужденных преступников?

Думаю, в зале таких врагов нет, – а это значит, что ничто не мешает нам ввести рациональную “плоскую” шкалу ЕСН на уровне 15%, о чём уже давно просит государство российский бизнес.

Это приведёт к снижению налоговой нагрузки на оплату труда с почти 43%, до которых предполагалось её довести с 2011 года, до 26%. Выпадающие доходы будут с лихвой компенсированы повышением собираемости ЕСН с менее чем 65 до 90%.

Теперь о том, что кое-кто называет “главным завоеванием 2000-х годов” – о плоской шкале подоходного налога, неведомой развитым странам. Эстония и Словакия, всерьёз пытавшиеся её ввести, отказались от неё. Маргинальность плоской шкалы вызвана не жадностью государств. Всё дело в том, что более обеспеченный человек способен сильнее влиять на развитие своего общества, и потому должен нести большую ответственность за его состояние. Ответственность должна проявляться в том числе и в налоговой сфере.

У нас этого пока не наблюдается. После введения плоской ставки подоходного налога, как показали исследования МВФ, налоговые платежи выросли значительно сильнее у бедной части общества (для которой налоговые ставки не снизились), чем у богатой части, испытавшей снижение налогового бремени. Это доказывает, что рост налоговых поступлений вызван не введением плоской шкалы подоходного налога, но общим ростом благосостояния россиян, в первую очередь из-за притока в страну “нефтедолларов”.

Соответственно, и прогрессивная шкала налогообложения, – если она, конечно, не выйдет за пределы здравого смысла, – не приведёт к заметному снижению собираемости налога среди богатых. Я верю в их ответственность, патриотизм и инстинкт самосохранения.

В связи с этим россияне с доходом ниже двух среднероссийских прожиточных минимумов освобождаются от уплаты подоходного налога. С дохода от 2 до 100 прожиточных минимумов они платят 13-процентный подоходный налог, а с дохода свыше 100 прожиточных минимумов уплачивают его по ставке 20%.

Люди с доходами ниже 2 прожиточных минимумов должны заранее, письмом с уведомлением о вручении, представить в налоговые органы заявление о своём положении, и тогда налог не будет с них взиматься. Если они ошиблись, ситуация будет исправлена, а недоплаченный налог им придётся заплатить одновременно, как это делается сейчас при уплате налога на имущество. Обеспеченной части общества по итогам года будет приходиться из налоговой инспекции квитанция по уплате прогрессивной части налога. Личное посещение налоговой инспекции потребуется лишь при урегулировании споров или получении налоговых вычетов.

Подходный налог должен быть прогрессивным не только для более полного выражения большей ответственности более обеспеченной части общества, но и для формирования у неё правильной, производительной мотивации. В развитых странах действует железное правило: налог на доходы и имущество богатой части общества должен быть гарантированно выше налога на прибыль принадлежащих им же предприятий.

Если он выше, богатому человеку выгоднее вкладывать деньги в завод, развивать производство, а не проедать доходы, высасывая деньги из завода. До сего дня в России работает прямо противоположная модель; прогрессивная шкала подоходного налога вкупе с плоской шкалой ЕСН устраняет этот порок.

Возможно, в перспективе следует снизить налог на прибыль и повысить налог на личное сверхдорогое имущество.

Это не социализм — это то, что работает при капитализме, и отказываться от его опыта нелепо. Если, конечно, мы хотим жить не при “военном коммунизме” или не в бандитско-олигархическом фашизме.

Многие бизнесмены негодуют по поводу НДС. Могут сказать: плох тот бизнесмен, который доволен налогами. Это выглядит противоестественно и даже вызывает подозрения.

Но проблемы НДС — не в самом налоге, а в формах его администрирования. Некоторым чиновникам проще отменить НДС и заменить его на уродующий экономику налог с продаж, введённый ещё Горбачёвым, чем подготовить нормальные толковые инструкции. Мы не пойдём на поводу у недобросовестных бюрократов и не будем отменять этот налог, — а крайнем случае отменим их самих, если они не начнут наконец исполнять свои обязанности и не подготовят инструкции по-человечески.

Вторая проблема — повсеместное распространение “фирм-однодневок”, которые создаются для получения возврата НДС по фиктивным сделкам или для его неуплаты. Но это результат не налога, а мошенничеств, в которых участвует ряд высокопоставленных чиновников. У них, как и у других коррупционеров, есть один способ избежать длительного тюремного заключения: явка с повинной.

А мы давайте не будем путать налогообложение с коррупцией: несмотря на частую схожесть, это разные явления.

Важное, хотя и малозаметное для наблюдателя изменение — отвязывание налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) от мировых цен. Экспорт обкладывается пошлинами, зависящими от мировых цен, но облагать на их основе добычу нефти в самой России — не более чем игра на руку монополистам, завышающим цены на бензин здесь при каждом удорожании нефти там. Эта корыстная ошибка будет исправлена. Кроме того, НДПИ будет распространён на добычу всех полезных ископаемых, а его ставка также будет носить реальный характер для добычи всех их видов, а не только для нефти, как сейчас.

При этом ставки НДПИ будут дифференцированы по горно-геологическим и природно-климатическим условиям, чтобы нефть было выгодно добывать даже по ведру в день, как в Канаде.

Со следующего налогового периода предприятия будут платить налоги не по месту своей регистрации, а там, где расположены их производственные мощности. Это потребует серьёзного и заблаговременного анализа межбюджетных финансовых потоков.

И последнее: расходы на технологические инновации не будут облагаться налогом на прибыль. Предприятия получают право включать их в состав себестоимости в полном объёме, что называется, “по факту”.

Вопрос аналогичного вывода из состава налогооблагаемой прибыли всех расходов предприятия, вне зависимости от их цели, подлежит обсуждению с участием профессионалов. Это снизит расходы России на бухгалтерию, но нужно понять масштабы связанного с этим сокращения налоговых поступлений.

* * *

Для социального благополучия общества недостаточно экономический политики. Необходимо возрождение социальной сферы — здравоохранения, образования, культуры, нормализация трудовых отношений.

Уничтожение системы здравоохранения, которая формировалась в России около 200 лет, не сопровождалась созданием работающей новой системы. Страховая медицина не соответствует доходам россиян и потому не смогла обеспечить сохранения здоровья нации.

Сегодня требуется в срочном порядке вернуть доступность для рядовых граждан квалифицированной медицинской помощи, восстановить систему профилактической медицины, врачебного контроля, социальной гигиены.

Постыдный эксперимент с Единым государственным экзаменом (ЕГЭ) с треском провалился, а утверждение о том, что ЕГЭ сумеет побороть коррупцию, производит впечатление наглой и сознательной лжи. С внедрением ЕГЭ коррупция возросла многократно, а во главе этой коррупционной пирамиды встали непосредственно федеральные и региональные органы управления образованием.

Система среднего образования за прошедшие годы пришла к такому состоянию, что большинству выпускников школ нельзя дать высшее образование – у них нет среднего.

Необходимо обеспечить доступность, а для бедной части россиян, – бесплатность здравоохранения и образования. Поскольку обычный потребитель не в состоянии оценить качество предоставляемых ему услуг здравоохранения и образования, контроль за их качеством должен быть государственным. Следует ввести обязательную диспансеризацию всего населения.

Работники государственных предприятий здравоохранения и образования по уровню социальной защиты будут приравнены к госслужащим.

Задачей государства является введение жёсткого контроля качества всех продаваемых в России товаров (особенно продовольствия и лекарств) и оказываемых россиянам услуг по стандартам, действующим в Белоруссии и Евросоюзе. Из двух групп стандартов мы будем применять более жёсткие.

Будет ликвидирован как категория бизнес, паразитирующий на расходах бюджета, в первую очередь социальных.

Проценты по потребительским и ипотечным кредитам (с учётом сопутствующих платежей) в ближайшее время будут снижены до уровня ставки рефинансирования Банка России. В случае потери работы заемщику будет предоставляться 6-месячная отсрочка по выплате кредита и процентов, в случае резкого снижения заработной платы (в том числе из-за вынужденной смены работы) срок выплаты кредита будет увеличиваться в два раза с соответствующим снижением выплат.

Потребительское кредитование населения – лучшая защита от паники и эффективное стимулирование спроса. Оно будет сохранено за счёт длинных и дешёвых государственных денег, предоставляемых банкам на эту цель, разумеется, со снижением стоимости кредитов для населения.

Сложившаяся в нашей стране ситуация с жильём напоминает катастрофу. Построенные в последнее время дома, принадлежащие юридическим лицам, должны быть национализированы, если они пустуют более полугода. Владельцы получают из бюджета компенсацию в виде расчётной себестоимости жилья – разумеется, без учёта взяток и монопольного завышения цен.

Будут национализированы квартиры, дома и земельные участки, по состоянию на сегодня принадлежащие физическим лицам, являющимся собственниками более пяти квартир, или домов, или более 2 гектаров земли (не используемых для сельхозпроизводства), начиная с шестой квартиры, дома и с третьего гектара земли. Владельцы получают компенсацию в размере расчётной стоимости квартиры и дома или рыночной стоимости земли.

Полученный жилой фонд, равно как и жильё, выкупленное у строительных и девелоперских компаний за долги, будет передан нуждающимся в улучшении жилищных условий семьям с детьми и молодым специалистам в качестве социального жилья.

Национализированные земли сельхозназначения будут выделяться бесплатно для развития сельского хозяйства.

Национализированная земля, предназначенная для жилищного строительства, будет выделяться нуждающимся в улучшении жилищных условий гражданам, обладающим средствами для жилищного строительства, бесплатно. Прокладка инфраструктуры будет осуществляться государством в рассрочку на 20 лет.

В ближайшее время начнется реализация программы массового строительства малоэтажного жилья по современным дешевым технологиям с техни-

ческой и социальной инфраструктурой. Оно будет предоставляться по договорам социального найма.

В области трудовых отношений ситуация чрезвычайно остра. Для пресечения обмана и грабежа работников предпринимателями трудовые коллективы наделяются правом избирать в руководящие органы предприятия и корпорации своих представителей (для акционерных обществ – независимых членов Совета директоров) с правом вето на принятие любого решения.

В ситуации банкротства среднего и малого предприятия трудовой коллектив получит право установления полного контроля над ним, в том числе в форме реорганизации его в народное предприятие.

В случае роста задолженности по зарплате она может по решению трудового коллектива погашаться передачей в собственность последнего пакета акций, долей или паев предприятия.

Все решения администрации предприятий, касающиеся уровня оплаты, условий труда и статуса предприятия, вступают в силу только после одобрения их всеми профсоюзами.

Зарплата руководителя не может превышать зарплату рабочего более, чем в 10 раз. При этом размер премиальной части оплаты труда не должен превышать 30%.

* * *

Во внешней политике наш принцип – тёплые партнёрские отношения со всеми, кто хочет сотрудничать с нами.

При этом мы не должны возвращаться в плен предрассудков и думать, что все в мире только и думают о нас. Главная проблематика современности – конкуренция, с одной стороны, глобальных корпораций с национальными властями, а с другой – США и Китая. Евросоюз, Япония и некоторые другие страны смогут сдерживать их противостояние, направляя его на пользу человечеству и купирюя его потенциально опасные обострения.

Наша главная задача – войти и надёжно закрепиться в группе этих “второстепенных” стран. Потому что все остальные страны не будут иметь никакого влияния и, соответственно, никаких выгод, связанных с этим влиянием.

Этого не удастся сделать без решения второй по значимости задачи – теснейшей хозяйственной реинтеграции основной части постсоветского пространства. Надо понимать: без Украины, Казахстана и Белоруссии Россия в экономическом плане существовать не может. Поэтому интеграция с этими странами для нас – абсолютный приоритет. Для нас свет сошёлся клином на наших четырёх странах.

Остальное постсоветское пространство важно потому, что продолжение его хаотизации ведёт к притоку беженцев в Россию. Носители иной культуры, часто жертвы социальных катастроф, они могут разрушить этнокультурный баланс России и, в конечном счёте, просто смыть российскую цивилизацию. Значит, чтобы существовала Россия, постсоветские страны должны развиваться нормально, и организовать это развитие никто, кроме нас, не только не хочет, но и не может. Разумеется, мы должны это делать на взаимовыгодной основе.

Для решения этих задач создаётся Министерство ближнего зарубежья и международных отношений. Рассматривать эти проблемы порознь – значит препятствовать интеграционным процессам не только на постсоветском пространстве, но и в самом российском обществе.

Граждане иных государств, не знающие нашего языка и законов, равно как и не имеющие законных источников существования в России, не могут находиться на нашей территории сверх разрешённого законом времени и не могут претендовать на гражданство России.

Не стоит забывать, что нелегальное нахождение на территории России есть преступление, и не только поощрять, но и оставлять его без должного наказания – нельзя. Нелепа и ситуация, когда депортирование незаконных иммигрантов осуществляется за счёт бюджета, то есть за счёт законопослушных граждан России. С какой стати они должны платить за преступников из иных государств, к которым не имеют ни малейшего отношения? Депортируемые из России должны сами оплачивать расходы на свою депортацию, а при отсутствии у них де-

нег – предварительно зарабатывать эти деньги. Государство же обеспечит депортируемых нарушителей закона всеми возможностями для этого.

Уровень дипломатических отношений со странами, руководители которых путают демократию с русофобией либо занимаются возрождением фашизма, должен быть понижен с уровня посольств до уровня консульств, а экономические отношения с ними – сведены к неизбежному минимуму. На сегодняшний день это страны Прибалтики, а также Польша. Конечно, если политика и риторика руководителей этих стран станет нормальной, мы восстановим отношения с ними в полном объёме так же быстро, как и свернули.

Что касается разговоров о предъявлении нам претензий за “оккупацию” и тому подобное, – я приветствую такие претензии при условии удовлетворения встречных исков со стороны России по поводу колоссальных инвестиций, вложенных в развитие не только экономик, но и культур соответствующих стран. Не сомневаюсь, что это будут самые выгодные в коммерческом отношении сделки за всю историю России даже без учёта компенсаций за передачу значительных территорий Польше и Литве. В случае Литвы, кстати, им была передана и их столица.

Важно понимать, что в современном хаотизирующемся мире дипломатия, не подкреплённая военной силой, значит всё меньше.

В области оборонной политики необходимо выработать внятную военную доктрину и проводить военную реформу на её основе, а не по наитию. Вооружённые силы и оборонная промышленность должны стать полигоном для всех антикоррупционных мероприятий, – это резко повысит эффективность расходов на них.

Необходимо восстановить – в том числе подготовкой квалифицированных рабочих и инженеров – нашу способность производить военные самолёты, корабли и танки и насытить войска современной техникой, а не “модернизированной” рухлядью 70-х годов.

Ситуация с беспилотниками, изобретёнными в Советском Союзе, а теперькупаемыми у Израиля, не должна повториться.

Позорно низкий уровень боеспособности российской армии, продемонстрированный, в частности, при спасении населения Южной Осетии от геноцида, требует решительных адекватных действий – и они последуют.

* * *

Уважаемые коллеги, глядя в ваши всепонимающие глаза, я вижу в них естественный вопрос: Боже, да кто ж все это будет делать?

У меня для вас плохая новость: делать это будете прежде всего вы, присутствующие в этом зале.

Аккуратно, добросовестно, в срок и не воруя.

Может быть, даже с энтузиазмом.

Потому что альтернатива для вас – не лесоповал, а исчезновение. Исчезновение нашей страны как цивилизации, причём уже при вашей жизни, – и превращение жизней ваших детей в ад, причём тоже при вашей жизни.

Невозможные, сказочные, невероятные, непредставимые вещи делают не герои, не марсиане и даже не пресловутые “эффективные менеджеры”.

Это делают обычные люди, живущие в обычных домах, ходящие по обычным улицам и говорящие обычные слова, – но проникшиеся сознанием абсолютной, категорической необходимости и объединённые им.

Мы, народ.

А в помощь нам, чтоб было меньше страхов и соблазнов, чтоб было легче переходить от паразитирующего управления к созидательному, будет применено несколько простых, но убедительных даже для скептиков технологий.

Скажу лишь о нескольких из них.

Первая – “электронное правительство”. Заимствуя что-либо у развитых стран, мы обычно очень спешим и поэтому переводим исходные документы неточно и неполно. Так и “электронное правительство” воспринимается как способ спасения граждан от унижительных и утомительных очередей в разного рода присутственных местах.

Но это не главное. Главное – перевод на электронную основу самого процесса принятия решений, что качественно ускорит этот процесс. В российских

фирмах, где работают соответствующие системы, любое стандартное решение принимается за день, в случае возникновения разногласий – за два дня, а если они настолько глубоки, что требуют вмешательства первого лица – за три дня. Сравните это с нынешним российским государством, не способным принимать важнейшие вопросы в течение месяцев, а то и лет!

Другая сторона электронной скорости – прозрачность. Поскольку контролёр может, не уведомляя контролируемых, получить доступ ко всем аргументам и обоснованиям, принимаемым ими в расчёт при принятии решений, он сможет мгновенно видеть реальный, а не нормативный спектр интересов, реализуемых каждым чиновником. Это сократит чисто технологические возможности не только коррупции, но и простого бытового идиотизма, которым славятся некоторые наши ведомства. Особенно эффективным такой “невидимый надзор”, как ожидается, будет в судебной системе. Ведь это безумие: сталинские суды выносили более 10% оправдательных приговоров, а наши – менее 1%.

Вторая важная технология – гуманизация общества.

Не путайте её с попустительством по отношению к преступникам, которая вырождается в простое поощрение преступлений.

Речь о другом: мелкие правонарушения не должны калечить жизнь граждан. Нельзя сажать на 4 года за кражу батона хлеба... да хоть бы и бутылки водки. Нельзя держать впервые осуждённых с рецидивистами.

Ещё один шаг в этом направлении касается беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до 5 лет, осуждённых за хозяйственные преступления, а также осуждённых впервые за все остальные преступления небольшой и средней тяжести (предусматривающие наказание до 5 лет лишения свободы), не связанные с торговлей наркотиками. Срок лишения свободы этим женщинам заменяется условным сроком, и они выходят на свободу немедленно.

Соответственно, женщинам, находящимся в СИЗО по подозрению в совершении аналогичных преступлений, мера пресечения заменяется на не связанное с лишением свободы.

Подчёркиваю: это разовая мера. Она не повторится никогда, потому что ребёнок не должен быть средством избежания ответственности за совершение преступления. Но я слишком хорошо знаю, что такое наши СИЗО и тюрьмы.

Их состояние будет исправлено.

Считаю необходимым изменить ситуацию, при которой родственники убитых, по сути дела, оплачивают содержание в тюрьме убийц, жертвами которых стали их близкие, а массовые убийцы, вроде майора Евсюкова, убеждены в сохранении своей жизни.

В России будет проведен референдум по смертной казни за осознанное убийство без смягчающих обстоятельств и наркоторговлю в крупных масштабах, которая, по сути, является массовым убийством. Если граждане России поддержат меня, во избежание судебной ошибки смертные приговоры будут приводиться в исполнение только через год после вынесения и только после повторного рассмотрения дела Верховным Судом. А чтобы это рассмотрение не было формальным, за ним будет надзирать комиссия, составленная из самых авторитетных правозащитников.

Третья технология – демократия.

Администрация президента, проанализировав масштабы нарушений, имевших место 11 октября 2009 года, буквально пришла в ужас от их масштаба в ряде регионов. Как президент России, как гарант Конституции я подал иски в суды соответствующих регионов о признании выборов недействительными, о наказании виновных и о назначении новых выборов. У нас, конечно, независимая судебная система, но, если суды не захотят признавать очевидные, с моей точки зрения нарушения, я найду на них управу через апелляционную инстанцию, Верховный суд, в конце концов, через Конституционный Суд.

Все чинуши, пытающиеся извратить демократию и разуверить народ в её эффективности, будут наказаны.

Губернаторы и члены Совета Федерации будут избираться жителями соответствующих регионов по истечении срока полномочий действующих губернаторов и членов Совета Федерации.

Порог прохождения партий в парламенты всех уровней снижен до 5%, при этом отказ члена партийного списка от депутатского мандата не будет означать передачу этого мандата другому члену списка. Исключённые из партийной фракции депутаты будут сохранять мандат до истечения своих полномочий, однако избиратели получают реальное право отзыва своих депутатов, причем отзыванный депутат не будет замещаться представителем соответствующей партии. Создание самих политических партий будет либерализовано.

Основа демократии – местное самоуправление – должно иметь достаточно средств, чтобы обеспечивать все повседневные, бытовые нужды человека.

* * *

Мы потеряли более 30 лет, более жизни целого поколения на словоблудие и разрушительные извращения, как либеральные, так и дирижистские.

У нас больше нет времени, чтобы его терять: мы легко можем потерять и саму Россию.

Поэтому вперёд – за работу.

Для сотрудников органов государственного управления, начиная с директоров департаментов федеральных ведомств, с сегодняшнего дня и до выполнения программы-минимум вводится 10-часовой рабочий день и 50-часовая рабочая неделя. Все недовольные этим могут повысить эффективность государственного управления, воспользовавшись сокращением штатов.

Спасибо.

ВАЛЕРИЙ БАДОВ

ЯБЕДЫ АМЕРИКАНСКОМУ ДЯДЮШКЕ

“И ты, Брут, продался ответственным работникам?”...

Нобелевский комитет впервые сподобился увенчать высшим отличием упражнения в миролюбивой риторике вместо конкретных дел. В Белом доме поначалу даже слегка опешили от присуждения премии президенту, ведущему две войны. Зато в Белокаменной известные клиенты дяди Сэма в масс-медиа бросали вверх чепчики. Они и без того долго еще не могут прийти в себя от вдохновенного спича Обамы в Высшей школе экономики. Однако в наших пенатах как-то в тени осталась одна загадочная интрига, а именно: визиту Барака Хусейна Обамы в Москву предшествовала отчаянная эскапада знаковых представителей российского либерального бомонда. Девиз её предвосхищён, ненароком, в Записных книжках Ильфа: “И ты, Брут, продался ответственным работникам?!”

Этот вопль уязвлённой либеральной души живо напомнил один нетленный артефакт диссидентского движения времён СССР. Речь о выступлении Александра Солженицына перед американскими конгрессменами в самый разгар “холодной войны”. Савонарола из Вермонта не преминул попрекнуть государственных мужей Америки в том, что они не так рьяно, как следовало бы, противоборствуют “тоталитарному” СССР. Правда, эту свою безответственную выходку пророка в чужом отечестве автор “Архипелага” впоследствии как бы запамятовал...

Итак, четвёрка рафинированных “западников” – Лев Гудков (“Левада-центр”), Григорий Клянкин (фонд “Либеральная миссия”), Георгий Сатаров (фонд “Индем”) и Лилия Шевцова (Московский центр Карнеги) опубликовали в “Вашингтон пост” статью, своего рода прокламацию. Они прямым текстом уличили так называемых “реалистов” в близком окружении президента Обамы чуть ли не в измене идеалам демократии и попустительстве “имперским” поползновениям Кремля. Мишенью неистового “разоблачительства” стал доклад неправительственной комиссии Харта–Хейгела “Правильное направление американской политики в отношении России”. К выработке его концепции приложили руку такие столпы двухпартийного американского внешнеполитического истеблишмента, как Генри Киссинджер и Джеймс Бейкер. Эти почтенные джентльмены и вовсе были изобличены четвёркой обретающихся в Белокаменной неподкупных и суровых стражей демократических ценностей, как потатчики Кремля.

Святее папы иной раз и церковный служка – дело известное. В воскрешенном заново, угадываемом самиздатовском духе Открытого письма, так сказать, на волю из темницы самовластья заподозрившие нечестие служки доносили по инстанции. Дескать, эти ваши вашингтонские прагматики-реали-

сты под сурдинку сомнительных частных “консультативных” услуг Кремлю, по сути дела, потакают официальной позиции Москвы. Эти отступники, коль в открытую советуют администрации Обамы не учить Россию демократии, предали рейгановское учение об “империи зла”. Зато уж от верных рейгановских адептов – российских западников означенным брутам досталось по первое число: “Американские реалисты, как попугаи, повторяют риторику российских националистических кругов”. Стало быть, как следует вышколенные, наши, замоскворецкие, попугаи, затвердившие назубок рейгановско-бушевские “святцы”, восстали против новейшей вашингтонской крамолы.

Кипение холодного самовара не на шутку разошедшихся россиянок западников умиляет: “...Как можно строить с Россией отношения, основанные на “общих интересах”, если её руководство рассматривает расширение НАТО как одну из угроз стране или считает, что её интересам отвечает “сдерживание” американского влияния в регионе?” Воистину, “обумеешь их слушаючи!”.

Якшание “беспринципных” реалистов с Кремлём происходит, горько сетовали подписанты, как раз тогда, когда “наши либеральные силы не справляются с задачей” отвратить неразумных россиян от “авторитаризма”. И вернуть всех нас к благим ельцинским временам, когда демократия воссияла, а скучный Струоб Тэлбот как заботливый гувернер посылал строгие вашингтонские инструкции гуттаперчевому “другу Андрюше”, когда этот выскочка восседал в кабинете Андрея Громыко в сталинской высотке на Смоленской.

Четвёрке храбрецов-правдолюбцев, предупредивших Америку о кознях и отступничестве “реалистов”, вскоре, по горячим следам, сполна воздал их бывший соотечественник Дмитрий Саймс из вашингтонского Центра Никсона. В интервью “Эксперту” он в самое их либеральное сердечко вонзил шпильку: “Подлинные либералы не должны звучать, как мелкая бесовщина из российского полуподполья”. Насчёт “полуподполья” – явный перебор, для красного словца. Подписанты не какие-нибудь маргиналы, а известные персонажи московского либерального бомонда. Можно сказать, либеральная совесть Рублевки, если таковую и впрямь вообразить. И вот эту тонкую либеральную ментальность Саймс позволил себе грубо оскорбить. То ли запамätовал там, у себя на Потомаке, культовую присказку шестидесятников – “...Были бы помыслы чисты!”? Американский ментор позволил себе вовсе вопиющую “бестактность”: “Особое возмущение вызывает факт, что авторы подобных обвинений – это часто люди, которые сами живут на американские гранты, работают в американских исследовательских центрах...” Уж кто-кто, а Саймс знает этих субъектов как облупленных.

“Слегка похожий на пасквиль...”

Саймс назвал “смехотворными” утверждения, что рука Москвы может манипулировать персонами из влиятельных непубличных структур американского политического истеблишмента. Там святая святых корпоративной Америки, где вырабатываются и корректируются политические технологии и стратегии Рах Americana. При любой смене президентских команд на Пенсильвания-авеню знаток и лояльный приверженец американской политической традиции Саймс попросту насмехается над “разоблачениями” сочинителей своего рода ябеды Американскому Дядюшке. Измышления четвёрки “правдолюбков”, будто бы внешнеполитические рекомендации “реалистов” президенту Обаме “позаимствованы” аналитиками комиссии Харта–Хейгела из официальной линии Москвы, на взгляд Саймса, – верх нелепости. И вскоре шахматные ходы американской “перезагрузки” подтвердили эту нотацию с лихвой. Первый же миротворческий “сюркуп” Белого дома – шило на мыло: торжественная замена проекта устаревшей бушевской ПРО в Чехии и Польше на более глобальную и гибкую, нацеленную уже на перехват баллистических ракет любой принадлежности.

Неужто, призадумаемся, “подписантам” и впрямь мнилось, что у себя дома в России их апелляции к “демократическому” духу 90-х годов, поправному словиками “завоеваний” гражданского общества, хоть кого-то проймают? Красная цена “преобразованиям” ельцинизма уж слишком памятна: растащивка, внешнее управление, погром культуры и науки, а под венец – банкротство страны.

Злоязычный Дмитрий Саймс высек “подписантов” с беспардонностью янки. Даром что учился на Моховой и “свояк” — из бывших диссидентов. Жаль, что Письмо Американскому Дядюшке не разошлось по Москве, чтобы люди рассудили: прав ли Дм. Саймс, в одном случае прозвал его — “инсинуацией”, а в другом — “слегка похожим на пасквиль”. Но это лишь обозначение жанра. Саймс волей-неволей оказал всем нам услугу, “засветив” подноготную, какого рожна четвёрка “западников” вклинилась в тонкую настройку новой американской повестки дня отношений с Россией. “И в той, и в другой стране есть группы, — без обиняков утверждает Саймс, — которые, по своим причинам, противодействуют даже попыткам нормализовать (американо-российские) отношения”. И “слегка похожий на пасквиль” опус четвёрки — как раз из той “оперы”. Вот и вся разгадка! Хватая за фалды “реалистов” из американского истеблишмента, эти субъекты оказывали (непрощеную?) услугу твердолобым в самом Вашингтоне. Ведь глупо и вообразить, будто инициаторы и архитекторы “перезагрузки” могли хоть на йоту поступиться американскими национальными интересами.

Уроки политграмоты и попреки американскими грантами, думаю, отскочат, как от стенки горох. Зато непредвиденный, быть может, эффект вылазки четвёрки спикеров российского западничества едва ли их порадовал. Им и в голову не могло прийти, что свой брат, бывший московский диссидент, пусть и “натурализованный” американец, перед всем честным народом устроит им показательную порку. Особо возьмем в толк: это не просто цеховая перебранка через океан экспертов праволиберального толка. Отповедь Саймса, возможно, последовала по негласному поручительству влиятельного на сегодня крыла американского истеблишмента (“реалисты”). Яйцо курицу не учит! Вот что, как явствует, и посоветовали зарубить на носу “храбрым портняжкам”, затеявшим проказу с письмецом в “Вашингтон пост”. Да, пожалуй, и всей ропщущей рублевской либеральной фронде!

...А тут сызнова приключился подписантам повод восклицать: “И ты, Брут!” На этот раз не кто-нибудь, а сам мессия наших демократов Барак Обама оскорбился в Стокгольме на вручении Нобелевской. Президент повторил идею своего послания миру на Генассамблее ООН: “Демократия не может быть привнесена в какую-либо страну извне”. Каждая страна, вы только вообразите, господа, вправе избрать “собственный путь”! Так и видишь последовавшую немую скорбную сцену. На Гудзоне и Москве-реке разом затмилось солнце “прав человека”. Мало того, что неприкосновенная пятая “хельсинкская корзина” оказалась задвинута под лавку чёртовыми янки. Наша правозащитная братия всем сердцем почувала, что её лишают ангажемента. Неспроста во время визита Обамы в Москву Майкл Макфол, помощник по российским делам, недвусмысленно заявил, что официальный Вашингтон отказывается публично критиковать “суверенную демократию” в России. Во время доверительных бесед Макфола с В. Сурковым депутации *гласных* от правозащитников места не нашлось даже в передней.

А не “сливают” ли, часом, нас американцы? — вопрошал в расстроенных чувствах в интервью на радио диссидент с почтенным дореволюционным стажем Лев Пономарёв. Человек бывалый и тёртый, он и мысли такой не допускал, но не на шутку насторожился. Осталось годить, как “барыня” рассудит. А госсекретарь Хиллари Клинтон, прибыв с важных переговоров в Кремле на приватную вечерю с известными фигурами из когорты “правозащитников”, была сердечна, переговорила с глазу на глаз со многими. Но, увы, мало чем утешила. К слову, оказались не званы в Спасо-хаус знатные оппозиционеры из демтусовки — Немцов, Касьянов и Каспаров. Словно про них нечаянно за-памятовали.

Ябеды правозащитников на притеснения со стороны власти, поправление демократии глава госдепа выслушала, свидетельствует пресса, с сочувствием и даже “с состраданием”. Однако никаких оргвыводов и жёстких, как прежде водилось, демаршей Кремлю не последовало.

...В Белом доме теперь, при демократах, тон задают реалисты, а не бушевские “миссионеры”. Мейнстрим сменился — Иран с его ядерными амбициями, ПРО, афганская трясына... “Права человека” погодят. Не иначе, что проамериканской класке в Белокаменной велено сушить вёсла.

P.S. Американская “фабрика мысли” “Стратфор”, которую считают аффилированной с ЦРУ, недавно опубликовала занятный опус своих аналитиков о

заповедных “тайнах Кремля”. Получился почти бестселлер из четырёх статей, в которых серьёзная аналитика и досужие домыслы причудливо переплелись. Как, к примеру, принять всерьёз выдумку, что система “сдержек и противовесов”, которой пробалялся Ельцин, чтобы удержаться в Кремле, впервые применил... Владимир Ленин. Вождь большевиков якобы таким макаром уравновешивал всеильные кланы... КГБ и ГРУ. Ученический вздор? Оставим, однако, этот промах в стороне. Гораздо познавательней то, как “Стратфор” мыслит противостояние в российских верхах. Куда аналитики метят, утверждая, что в дуумвирате Путин – Медведев ельцинская “матрица” соперничества и баланса властных кланов возобновилась и конфликтный потенциал нарастает? На этот раз, дескать, разгорается соперничество неких *цивилик* с силовиками. От исхода его зависит, куда пойдёт Россия. Под “цивиликами” недвусмысленно подразумевается прозападное либеральное крыло Кремля.

Достоверность стратфоровского концепта – разговор особый. Главный акцент, на мой взгляд, в том, что влиятельные “цивилики” не простые последыши либеральной клики, что стояла у власти в России в “лихие” 90-е. Это уже во многом новая ветвь, возросшая на ниве “суверенной демократии”. Ельцинизм для них – ругательное понятие. А исповедующие его западники-либералы старого закала – с их ябедами Американскому Дядюшке – чужаки. Американская “пятая колонна” образца 90-х – как есть отыгранная карта. И чудики-прагматики из “Стратфора” недвусмысленно призывают администрацию Обамы начинать игру с Москвой с чистого листа, имея дело с новыми властными кланами в Москве. Но особо положив глаз на “цивилик”...

Это и есть, возможно, умысел “перезагрузки”, при котором старые американские “активы” в Московии чубайсовско-гайдаровского толка если не списаны, то задвинуты. И впрямь, чем, как в известном анекдоте, этих чумазых цыганят отмывать, проще завести новых.

... Откликнулся еще раз и дал знать о перемене мейнстрима и Дм. Саймс в статье, напечатанной недавно в “Нейшнл интерес”. В весьма просторном обзоре состояния политической системы России он и двадцатью строками не удостоил старую либеральную тусовку. “Ничего личного”. А попросту, что на фондовой, что на политической бирже такое “добро” имеет одно прозвище – “мусорного актива”.

ЛЕОНИД ФУРСОВ

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО В СУДЬБАХ ОБЕЗДОЛЕННЫХ

Как относятся к обездоленным в сегодняшней России, мы видим. Миллионы беспризорных детей, брошенные на произвол судьбы старики. А как относились к немощным людям в историческом прошлом нашей страны? Как помогала им церковь, как обеспечивало государство? Поможет нам ответить на эти вопросы “История российских социальных служб”, эта книга вышла в издательстве “Хронограф” в 2001 году, откуда я почерпнул интересные для читателя сведения.

Так, некогда Русская Православная Церковь в своей пастырской деятельности не оставляла без заботы самых обездоленных своих прихожан. С первых лет становления церковь стала для них приютом. Одной из основных задач церкви было питание вдов и сирот, стариков, изгоев и иных немощных людей. Конечно, осуществлялось оно по остаточному принципу, то есть из “избытков чего-либо”. Однако на современном языке можно сказать, что социальная помощь, которую оказывала церковь, была адресной и конкретной. Церкви и монастыри сделали первые шаги в организации поддержки немощных и убогих, создавая богадельни и больницы. Часть урожая с монастырских земель шла на питание нищих.

Социальная помощь неимущим оказывалась и отдельными физическими лицами. Примером может служить работа о ветеранах военных сражений и походов со стороны великого сына России – генералиссимуса Александра Васильевича Суворова, организовавшего инвалидные команды и посты будочников.

Забота об обездоленных проявлялась и по отношению к заключенным под стражу, так называемым колодникам. Колодники отпускались из тюрем для приискания пропитания, и, как правило, внимание им оказывалось как со стороны простого люда, делившегося с ними пропитанием и денежкой, так и со стороны имущих православных людей, у которых было принято по воскресеньям обходить тюрьмы и раздавать милостыню* заключённым.

Государство поддерживало благотворительную деятельность церкви по оказанию социальной помощи вдовам, сиротам, детям, старикам и убогим, и эту поддержку можно проследить по имеющимся документальным данным.

* В древнеславянском языке слово “милошць” (милость) было синонимом слову “любовь”.

В правление императора Петра I были предприняты значительные попытки государственного контроля за благотворительной деятельностью церкви.

24 января 1701 года царь Пётр I восстановил Монастырский приказ как орган контроля за монастырскими доходами (любители истории знают сложные отношения между царской и духовной властью в определённые годы в Русском государстве). Монастырский приказ должен был надзирать и за богадельнями. Не случайно в архивных документах монастырей приведены данные по урожаю, скоту, землям и доходам. За один 1701 год в городе Москве при приходских церквях было организовано 60 богаделен (слово-то какое – Богом деяно!). 30 декабря того же 1701 года монахам было назначено жалование, как государственным служащим, вместо отчисления с доходов.

Монастырский приказ провёл перепись населения и имущества церковных приходов и монастырей. В результате часть монастырей была закрыта.

В 1703 году по указу Петра I в Москве был построен первый рабочий дом для нищих, чтобы они могли зарабатывать себе на пропитание “разными рукоделиями”. Для лечения больных бездомных людей в 1701 году по поручению Новгородского митрополита Иовы на средства новгородского гражданина Римского-Корсакова была построена одна из первых каменных больниц при Знаменском соборе. К 1713 году во всех богадельнях и других учреждениях общественного призрения, основанных Новгородским митрополитом, числилось 170 нищих, сирот, инвалидов и “ззорных младенцев” (отказников, подкидышей, выброшенных – Господи, какие жуткие слова).

К 1715 году в монастырях стали строить гостиницы для приходящих рабочих людей. По указу Петра I в городе Новгороде для них построили бани, поварни (кухни) и избы. 18 июня 1716 года в Москве умерла любимая сестра царя Петра I царевна Наталия Алексеевна, которая при жизни построила на свои средства богадельню для стариков. Царь Пётр I превратил эту богадельню в “дом для несчастно рождённых младенцев”. Это был один из первых социальных государственных приютов для малолетних детей. Старух, проживавших в этой богадельне, заставили принимать и ухаживать за поступившими “ззорными младенцами”. Из государственной казны поступали деньги для содержания детей и старух.

К 1717 году в Москве насчитывалось уже 90 богаделен при приходских церквях, из них 31 для мужского пола и 59 для женского. За 16 лет после 1701 года, когда в Москве насчитывалось 60 богаделен, количество их увеличилось на 30. Вот это забота о гражданах, вот это путь борьбы с нищенством.

Точных данных о числе нищих по всей Российской империи нет. Но, по мнению авторитетного исследователя И. Посошкова, их по всем городам, сёлам и деревням России XVII века наберётся едва ли 20–30 тысяч человек. Один нищий приходился на 2300–3500 обеспеченных.

К 1724 году в московских богадельнях при приходских церквях обитало 3283 нищих и убогих. В приютах для детей Москвы тогда находилось 895 детей от полугода до 8 лет.

Категорически на всей территории государства запрещалось здоровым людям собирать милостыню, а тем более организовывать сообщества нищих.

Уличённых в побирушестве здоровых людей били кнутом и отправляли в Сибирь. Нельзя было побираться здоровым взрослым с детьми-инвалидами (давить на жалость), чтобы “не изувечивали души такими попрошайками”. Было велено сыскивать таких нищих и без “всякого милосердия казнить смертью”. А сейчас сколько бродит по электричкам здоровых взрослых дядей и тётей, кланчащих “копеечку”, с целыми семействами замученных малышей...

Ещё в 1712 году 21 января царём Петром I был издан указ, по которому всех бродячих нищих приводили в Монастырский приказ и после наказания отправляли по месту проживания в богадельни или монастыри. А ещё раньше, в 1701 году вышел указ о помещении “в домовые Святейшего Патриарха богадельни” нищих, больных, престарелых, которые не могут сами ходить среди мирян для собирания милостыни. За этими людьми определялся уход со стороны здоровых людей из расчёта – один на десять нищих и убогих. Отпуск денег на содержание богаделен, покупку лекарств и кормовые лекарям был положен из патриаршей домовой казны.

21 августа 1722 года был издан указ Святейшего Синода о строительстве богаделен в “хлебных и лесных” губерниях, где цены на хлеб и лес низкие,

с последующим обязательным переселением нищих и убогих из московских богаделен.

31 января 1724 года были утверждены правила внутренней жизни монастырей, куда Святейший Синод направлял отставных солдат, которые не могли трудиться, и монахов для служения отставным военным (в будущем будут организованы инвалидные команды, будочники и другие места, куда определялись раненые и изувеченные защитники Отечества). Отдельным лишним монахам выделялись монастырские земли, на которых они работали, а иным монахам вменялось рукоделие-прядение для мануфактурных заводов. 24 мая того же года были определены финансовые средства, которые монастыри могли тратить на свои нужды и на нужды попечения.

Деньги делились на две части: первая, главная монастырская часть – “на нужды монастырей”, а вторая делилась на три части. Две доли её отводились больным, одна треть – служивым монахам. Часть средств, которая шла больным, включала приобретение постельного и личного белья и прочего “по регламенту госпиталя”.

Таким образом, уже при императоре Петре I сложилась определённая система социальных учреждений, таких как: богадельни при церквях для нищих, стариков и убогих; госпитали для “засорных младенцев”, то есть рождённых вне брака и оставленных матерью (считалось большим грехом), а также помещение в монастыри отставных немощных солдат, драгун и унтер-офицеров.

И не зря через 300 лет, в 2001 году, день в день, в России 8 июня стали считать официально Днём социального работника, от которого, увы, ни жарко, ни холодно как нищим новой России, так и самим социальным работникам.

Но самое главное и примечательное то, что не были забыты дети. Указом от 4 ноября 1715 года предусматривалась смертная казнь для тех, кто умерщвлял незаконнорожденного ребёнка, невзирая на статус или общественное положение. К примеру, выполняя этот указ о защите “засорных младенцев”, за умерщвление двоих “незаконно прижитых детей” была казнена фрейлина Гамильтон. Это произошло в 1719 году в Петербурге.

На строительство новых богаделен и госпиталей для незаконнорожденных младенцев нужны были деньги. И они были изысканы. 28 февраля 1721 года был издан указ царя, по которому восковые свечи могли продавать только церкви. На вырученные деньги от свечной продажи при церквях надлежало строить богадельни и госпитали для “засорных младенцев”. Дети в них проживали и воспитывались до определённого возраста, после которого мальчиков пристраивали в учение к мастерам, а девочек – в услужение. С 12 декабря 1721 года на эти госпитали стали взиматься деньги по одной копейке с каждого рубля у всех госслужащих, кроме солдат.

После смерти императора Петра I (умер в 1725 году) его жена Екатерина I своим указом от 21 июля 1726 года провела ревизию всех богаделен, чтобы очистить их от тунаядцев и определить их на работу, а некоторых отдать в солдаты.

Во времена Екатерины II при её непосредственном участии последовал очередной мощный этап развития социальных учреждений в Российской империи. Произошла замена устоявшейся социальной защиты неимущих на общественную, государственную и частную помощь. В период с 1776-го по 1787 годы во всех крупных городах были открыты приказы общественного призрения.

В 1777 году 21 декабря вышел указ по предотвращению гибели незаконнорожденных младенцев. В том же указе было учреждено, что лицам, взявшим на воспитание сироту в возрасте 2-х лет, выплачивалось от государства по 10 рублей, решившие взять на воспитание сироту трёхлетнего возраста получали 18 рублей, за четырёхлетнего сироту – 24 рубля, а за пятилеток уже 30 рублей. Учитывая, что в то время это были приличные деньги, суммы эти, очевидно, выплачивались за годичный срок.

Созданные приказы общественного призрения по повелению императора Александра I 4 ноября 1819 года были переведены в состав Министерства внутренних дел.

Император Александр II вновь стал привлекать церковь к заботам о детях и стариках. А 19 февраля 1861 года произошло то, что должно было произой-

ти – Александр подписал Манифест и положение об отмене крепостного права (это было не право, а крепостная зависимость), в результате которого 23 миллиона крестьян Российской империи получили личную свободу и возможность самостоятельно решать свою судьбу и судьбу своих детей, в том числе и переходить в другие сословия, а сам император получил прозвище “Освободитель”.

Это время в истории нашего Отечества можно назвать переломным, приведшим как к положительным явлениям в истории государства, общества и личностей, так и к отрицательным явлениям – войнам, катаклизмам, царевубийству и революциям. Эти явления затронули все слои и сословия русских и иноверцев, и в конечном итоге мы – потомки получили то, что и имеем в настоящее время – вновь нищету, неустроенность и неуёмность в желаниях власть имущих. Вновь появилось богатое сословие нуворишей, с неизвестно (на самом деле известно) каким способом за короткий срок нажитыми состояниями. Новоявленные радетели за народ, затевающие новые, казалось бы, нужные нововведения, оказываются лишёнными человеческого отношения к нищим и вновь появившимся убогим людям, старикам-пенсионерам и, что самое ужасное, к детям. Уже никто не думает, что дети – это будущее государства, основополагающие кирпичики в фундаменте общества.

Эти люди всё интенсивнее переходят в разряд обузы для общества, которых сравнительно легко можно устранить, как правило, бесчеловечными приёмами и способами – убийством, голодом и, конечно, тюрьмой.

Нас, воспитанных в годы Советской власти в государстве, именуемом Советским Союзом, поражает в настоящее время (сейчас XXI век) размах и разгул детской преступности. Хотите факты, пожалуйста.

По первому каналу телевидения 17 апреля 2007 года прошёл репортаж о детской преступности под названием “Детские банды”. В этой передаче были озвучены факты совершения преступных деяний детьми и подростками. Вот некоторые из них.

В городе Ульяновске действовало несколько детских банд, в составе которых состояли двенадцатилетние дети. Банды нападали как на подростков, так и на взрослых. Дошло до того, что дети-бандиты объявили в городе комендантский час. Все боялись вечером выходить из домов. В марте 2006 года произошла драка между бандами, в которой приняло участие порядка 200 подростков. Итог – 20 потерпевших. Кульминацией преступной деятельности было убийство школьника Сергея Андрюшкина у школы № 40 на глазах сверстников. А где родители? Где взрослые? В конце концов, где защитники правопорядка? И если они устранились, их место занял криминалитет, таким образом готовящий свою смену. Произошла переоценка ценностей. В самостоятельную жизнь сейчас активно входят дети, рождённые в 90-е годы прошлого столетия, когда по телевидению повсюду рекламировались воровские авторитеты: грабители, убийцы, бандиты-братаны, ставшие кумирами и идеалами для мальчиков, и проститутки (особенно валютные из кинофильма “Интердевочка”) для девочек. Прошло 10 лет, и общество стало пожирать плоды лихих 90-х. Но ведь давно известно, что порядок в доме не наводят, а поддерживают.

В городе Казани (печально известной в 90-х годах разгулом преступности) пресечена бандитская деятельность группировки “Хади Такташ”. Было арестовано 13 подростков, которых осудили общим сроком на 180 лет тюрьмы!

Члены другой группировки подростков “Кул-Гали” посчитали себя главными в сферах влияния и стали заниматься разбоем. Состоявший в банде Рамиль Мулануров зверски убил своих родственников из семьи Силюяновых (Дмитрия, Ирочку), в том числе родную тётю. В суде на лице подростка не видно было следов угрызения совести. Подросток совершенно бесстрастно и подробно в деталях говорил об этом преступлении, как будто это он видел по телевидению. На совести мальцов многие убийства, но никакого раскаяния, испуга за содеянное. Подростки осуждены на 15 лет тюремного заключения, Рамиль, как несовершеннолетний, получил 10 лет.

В городе Волгограде некий Пушник сколотил банды из подростков, проживавших в 5 районах города. Ему есть дело до подростков, а милиции, родителям, социальным службам они, очевидно, безразличны. Но ведь свято место не бывает пусто.

В городе Самаре подростки из подвала зверски убили своего товарища. Беглецы из родительских домов и детских домов организовались и жили в подвале. У одного из них, Васи, завелись вши, что естественно в такой жизни. И подростки, его соподвальники 16-ти и 13 лет забили Васю битой до смерти. Дети жили открыто в подвале у всех на виду, но никому не было до них дела.

Никита Осипов, московский подросток, открыто и откровенно в камеру ТВ говорит: “Мне надоело грабить, я лучше буду жить на вокзале”. Неоднократно убежал из дома, объясняя свои побеги тем, что “хотелось пожить на улице, типа, мол, на свободе”.

Дети есть дети, и разговоры их детские, но ведь поступки совершают по-взрослому. Значит, и отвечать за свои поступки надо по-взрослому.

Сейчас в Москве более 1000 подростков живут по детскому разумению, а поступают по-взрослому. И это происходит в столице государства, где находятся Министерство внутренних дел, Министерство здравоохранения и социального развития, десятки тысяч сотрудников правоохранительных органов и социальных работников.

Треть подростков-преступников росли в неполных или неблагополучных семьях. Дети с детства узнали и запомнили, что общество относится к ним враждебно, умножая вражду злобой и ненавистью. Ну что ж, всё верно, что посеешь, то и пожнёшь. Посеешь ветер – пожнёшь бурю, посеешь ненависть – пожнёшь злобу. Вот в настоящее время наше общество, наш мир и пожинает засеянный в детских душах и головах и в самом государстве в 90-х годах прошлого столетия ветер вседозволенности и безразличия власти.

Каждое 10-е преступление в стране совершают дети и подростки. Средний возраст преступника 13 лет, а к уголовной ответственности они могут быть привлечены только с 14 лет. Вот этими положениями, законами и цифрами оперируют и пользуются криминальные авторитеты и наставники, вдалбливая детям и подросткам в голову “понятия”, что, мол, пока в этом возрасте, преступления обойдутся без наказания. А если накажут, так в 20 лет выйдешь на волю “нашим” человеком – с тюремной и уголовной идеологией в голове и по жизни.

Вот сейчас наши депутаты-законники (о них необходимо тоже завести речь) и думают – “снижать ли возраст уголовной ответственности для детей до 12 лет” или этого нельзя делать. В мире есть примеры (это и Египет – до 7 лет, Болгария – до 12 лет), значит, и в России надо принять подобный закон. Вот и думайте, решайте и принимайте, “народные заступники” с министерскими окладами в кармане, недаром же мы вас избирали.

Пока социальные мероприятия и учреждения в государственном масштабе явно не на должной высоте в решении судебных и проблем детей и подростков, а также в решении проблем бомжей, нищих, стариков-пенсионеров, ветеранов и прочих обездоленных и неустроенных.

Но всё-таки основное внимание и забота должны быть сконцентрированы на детях и сиротах. Пока их жизненный путь – это, в основном, детские дома, приюты для беспризорников, органы опеки и попечительства, инспектор по делам несовершеннолетних, детская колония и, как венец – исправительная колония. Вот дорога социальных служб для детей и трудных подростков, по которой они вынуждены шагать, набираясь любого, в основном негативного жизненного опыта.

Кто им будет проводником, какой багаж подросток положит в рюкзак жизни? Всё это зависит в первую очередь от политики государства в этом сложном вопросе и, во-вторых, от отношения взрослых и государства к проблеме детского и подросткового воспитания. Ведь так не должно быть на свете, чтобы были потеряны дети...

Внимание к детям, к сохранности их жизни присуще любому человеческому сообществу. Ещё в первобытном обществе после удачной охоты первыми принимали еду охотники и дети, кормящие матери (молочницы) и беременные, а затем женщины и старики. Поэтому в захоронениях того времени весьма и весьма редки останки детей.

А что же в нашем “цивилизованном” обществе? Вот некоторые шокирующие сведения из материалов еженедельника “Аргументы недели” (№ 49 за 2007 г.)

По данным пресс-службы Правительства Российской Федерации, в стране 1 миллион беспризорных детей, Генеральная прокуратура называет цифру

3 миллиона. Независимые эксперты считают, что в России – около 5 миллионов беспризорников.

Ежегодно в России объявляют в розыск почти 30 тысяч детей и подростков. За семь лет число разыскиваемых детей возросло в полтора раза. Министерство внутренних дел приступило к формированию электронного банка данных. “В России насчитывается более 740 тысяч сирот. Такой высокий показатель был только после Великой Отечественной войны, тогда детей-сирот было зарегистрировано 676 тысяч”, – сказал председатель Российского детского фонда Альберт Лиханов. Если так к детям и подросткам относится государство, то каково отношение к этой проблеме рядовых граждан?

До сих пор на слуху “дело Надежды Фратти”, которая с 1993 года по 2000 год – по данным ФСБ РФ – вывезла из Волгоградской области за границу 558 детей-сирот, а из Пермской – более 300. Бывшая крановщица из города Волжского Надежда Щелгачева обвинялась в незаконном вывозе детей-сирот в Италию. После оформления брака с итальянцем Карлом Фратти она стала именоваться синьорой Фратти.

Делом Фратти занималась Волгоградская областная прокуратура. Многочисленные факты преступной деятельности Надежды Щелгачевой были доказаны. Но Волгоградский областной суд... полностью оправдал её и отпустил на свободу прямо из зала суда! У сотрудников ФСБ есть все основания полагать, что сотни детей, вывезенных в Италию, могли бесследно исчезнуть в итальянских частных клиниках по пересадке органов.

В течение нескольких лет детей отправляли “на усыновление” в Италию по подложным документам. Сегодня судьба 274 волгоградских детей остаётся неизвестной. Нет никаких данных и о судьбе 300 пермских детдомовцев. Следы детей растворились после пересечения итальянской границы.

А синьора Щелгачева-Фратти вскоре после исчезновения из России отстроила себе в Италии несколько шикарных особняков. И сегодня нос в Россию она уже не “кажет”. Похоже, наши следователи подозрительно рано закрыли папку с делом детоторговки. Интересно, сколько “зелёных” это стоило бывшей крановщице...

Недавно прокуратура города Бари (порт в Южной Италии) начала международное расследование и вступила в контакт с полицейскими структурами стран Восточной Европы. В одном из перехваченных разговоров члены международной банды говорили о доставке человеческих органов. Стало известно, что банда, лидером которой была некая Надежда Ткаченко, занималась нелегальной торговлей детьми.

В Бердске (Новосибирская область) наркоман Дмитрий Орлов осуждён на 10 лет тюрьмы за “торговлю несовершеннолетним ребёнком в целях изъятия донорских органов”. На суде он и не отрицал, что напоил свою сожительницу Оксану Мосензову и забрал у неё дочь Аню, чтобы продать “чёрным хирургам” за 3700 “зелёных”. Девочку, которой было полтора года, удалось спасти.

Подобным образом шла и продажа новорожденной Лизы Ямщиной в Новосибирске. Игорь Лесных и его гражданская жена Ольга Ямщикина начали искать покупателей ещё до рождения дочери. “Во время предварительного разговора им было сказано, что ребёнок и его органы понадобятся для трансплантации, но они дали своё согласие”, – рассказал сотрудник пресс-службы Главного управления МВД по Сибирскому федеральному округу Сергей Страдымов. Парочка получила по 10 лет тюрьмы.

А это Тульская область. Заместитель главврача Щекинской районной больницы Руслан Карагулян лично уговаривал беременных отказаться от детей в пользу иностранных усыновителей и смог пристроить 6 младенцев в заокеанские семьи. А двух крошек отправил на “запчасти”. Потом его арестовали.

Московский врач Михаил Пшевечерский придумал и отработал свою собственную схему продажи детей за кордон. Он отправлял в Батон-Руж (штат Луизиана, США) российских рожениц, находящихся на позднем сроке беременности. Находили таких матерей в глухой провинции. Они благополучно рожали. Проходимец получал по 5000 “зелёных” за каждую беременную. О “фабрике русских младенцев в Луизиане” американские журналисты сняли передачу-расследование. В США разразился жуткий скандал.

В мае 2007 года вступил в силу приговор суда против группы Яниса Полихраниди, в которую входили Михаил Васильев, Юрий Донцов, Станислав Харламов, Григорий Козлов и Светлана Александрова. Группа-банда действо-

вала на территории Москвы, Санкт-Петербурга и Архангельской области. Эти нелюди подкупали детей и снимали порно и размещали отснятое в интернете. Деньги за просмотр получал Полихраниди и распределял между соучастниками. Его посадили на 10 лет, а остальные получили от 4-х до 5 лет лишения свободы.

В октябре группу в составе сотрудника милиции Александра Старкова, адвоката Юрия Аكوпова, заместителя директора городского лицея Владимира Лобова, массажиста Сергея Маляренко и кочегара Александра Сипакова обвинили в 130 преступлениях против несовершеннолетних. Жертвами были дети из неблагополучных семей либо провинившиеся в лицее. Угрожая “двойками” в дневнике и вызовом родителей в лицей, их принуждали к извращённому сексу, сцены которого снимались на видео. Снятое продавали через интернет. Некоторых детей отправляли в Санкт-Петербург для ублажения прихотей состоятельных клиентов. После ареста милиционер Старков покончил с собой в следственном изоляторе. Остальные приговорены к 16–20 годам лишения свободы.

Почему именно российские дети пользуются такой популярностью у иностранцев? “Товар” уж очень дешёв! Усыновить ребёнка из России для американцев гораздо дешевле, чем сделать это у себя в США. Здесь бездетные семьи платят за младенца до 1 года 100 тысяч долларов, а в России это может обойтись всего за 10 тысяч.

В середине 90-х годов, в разгар “демократических” реформ, из России в год вывозили более 11000 (одиннадцать тысяч) младенцев. За пять лет страна потеряла население города районного масштаба. Да, велика Россия. Но почему следствие по этим животрепещущим делам топчется на месте? Неужели всё упирается в нехватку бюджетных денег для поисков детей? Прав был Кузьма Прутков, когда для решения любой проблемы советовал: “зри в корень”.

Кто же открыл этот “ящик Пандоры” в судьбах российских детей-сирот? Первые международные усыновления в России состоялись в 1991 году при участии Детского фонда им. Ленина при непосредственной поддержке всемогущей Раисы Горбачёвой — жены Генерального секретаря КПСС Михаила Горбачёва, “отца перестройки”.

В современной России заботу о детях и решение их жизненных проблем могла бы в значительной степени взять на себя Церковь, тем более что она имеет многовековой опыт заботы о детях-сиротах, нищих и убогих.

К детям-сиротам у церкви было особое отношение, учитывался их возраст, определялось будущее, и проявлялась поистине отеческая забота. Но пришло время атеизма, и ушли в прошлое многовековой опыт и отношений общества к Церкви.

Вместе со священниками и служителями культа из повседневной жизни и сознания гражданского общества исчезли такие ценности, как благочестие, милосердие, любовь к ближнему, сопереживание за судьбу убогих, сирот, калек и инвалидов, исчезло почитание стариков и жизненного опыта гражданского общества царской России.

Без религиозных и моральных ограничений в современном гражданском обществе активно стали культивироваться сила, алчность, обман, воровство, насилие и, как печальный результат, — рост преступлений против человека и общества. После запретов и насилия в период советской власти наступило время безграничной вседозволенности в российском обществе 90-х годов прошлого и начала нынешнего веков.

Особенно это относится к сфере женской преступности. По статистике ФСИН (Федеральная служба исправления наказаний), в исправительных учреждениях сейчас содержатся 68200 осуждённых женщин. При женских колониях имеется 12 домов ребёнка, и в них воспитывается, если можно так сказать, около 800 детей. Среди самих заключённых до 80% составляют матери. 54560 матерей-заключённых лишились физического контакта с малолетним дитятей. Но есть женщины (примерно 1%), которые попадают в тюрьму уже на каком-то месяце беременности и становятся матерями в заключении, в тюрьме или колонии. В колонии у них детей отнимают и передают в так называемый ДМР (Дом матери и ребёнка), куда мать отводят (впускают) только на 2 часа в день. Вот такое тюремное воспитание получают многие маленькие граждане новой Российской Федерации.

В России на февраль 2009 года в колониях находились в заключении 900 беременных заключённых женщин. Не проще было бы их амнистировать, окольцевав их ногу браслетом, определяющим место нахождения беременной или молодой матери, и пусть они воспитывают ребёнка в течение всех 24 часов, а не “положенных” 2 часов в день.

Но об этом должны позаботиться избранные нами депутаты.

Одной из главных составляющих должна быть профилактика беспризорности. По данным Общественной палаты, “из 28 000 000 детей, проживающих в России, более 700 000 – беспризорные (каждый 40-й ребёнок. – **Авт.**), около 2 000 000 – неграмотные (каждый 14-й ребёнок. – **Авт.**), более 6 000 000 несовершеннолетних находятся в социально неблагоприятных условиях (каждый 4–5 ребёнок. – **Авт.**)”.

Все без исключения дети хотят, мечтают и стремятся жить в семье с папой и мамой, мечтают о счастливой и радостной жизни, как в настоящем, так и в будущем. Дети и подростки должны найти своё счастье, и пусть оно будет в каком угодно облики: в приёмной семье, в патронаже, в опеке и попечительстве, в приходе при церкви или монастыре, даже в семье по субботам и воскресеньям и, конечно, в усыновлении. Но механизмы такого подхода и законные основания производства их безнадежно устарели и тяжеловесны не только у нас, но и за рубежом. Механизм международного усыновления в России так до конца и не отработан.

Вот теперь и давайте поговорим о народных избранниках – депутатах Государственной Думы, наших “неутомимых (и очень высокооплачиваемых) тружениках” на ниве законотворчества. О них нельзя не сказать, так как от них во многом зависят в России судьбы обездоленных людей, от грудничков до стариков – а их сейчас на широких просторах нашей Родины, по самым скромным подсчётам, от 15 до 40 миллионов душ.

Радеет ли кто о них, заступаются ли за них, обеспечены ли они? Пока господ депутатов больше заботит собственное благополучие. Определили “народные избранники” для себя зарплату от 150 до 170 тыс. рублей, пенсию – 76% от зарплаты (120–150 тыс. рублей) – забыв об избирателях, в том числе о пенсионерах, пославших их в Думу.

Не лопнете ли, господа радетели за народ? Кстати, не обижены и “простые” чиновники – их зарплата на 75% выше средней по стране.

А вот бы забирать из окладов депутатов, чиновников по 20–30 тысяч рублей ежемесячно, да доплачивать многодетным семьям по 5000 рублей... Один чиновник мог бы облагодетельствовать 5–6 семей, да и сам бы не обеднел. Вот вам и частичное решение демографической “проблемы”, и лежит оно на совести власть имущих. И так надо сделать по всей стране, а не дискутировать в Думе о предельной сумме на второго или третьего ребёнка в семье. Ну, а если себялюбцы не хотят этого делать – установить им фиксированную зарплату, чуть выше среднестатистической по всей стране, как живёт обычный гражданин России. Но нет, этого делать нельзя! Этак наша страна окажется вовсе без чиновников и депутатов – все они быстренько “слиняю” на Запад. Кто нами, бедными, управлять-то будет?

Как и много веков тому назад, заботу об обездоленных всё больше берёт на себя Русская Православная Церковь. Сейчас при многих приходах и монастырях организованы детские приюты, собравшие брошенных и беспризорных детей и подростков. Там они получают уют и заботу, воспитание и обучение.

Помочь несчастным и обездоленным – вот задача как для Российского государства, так и для Русской Православной Церкви. Да и для каждого гражданина России, каждого из нас.

Задача инновационного развития России, амбициозно сформулированная руководством страны, актуализирует вопрос о духовно-нравственных основах, на которых будет базироваться наше развитие. Пригодны ли для этого традиционные основы российской государственности и национальной жизни? Оригинальный вариант ответа на этот ключевой вопрос дает профессор Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов Сергей Алексеевич Дятлов. И хотя его работа, даже после частичной адаптации к стандартам популярного издания, каким является журнал “Наш современник”, сохраняет сугубо научный характер, редакция решилась познакомиться с ней читателей. Слишком ценна информация, в ней содержащаяся, слишком важна проблема, затронутая автором.

СЕРГЕЙ ДЯТЛОВ,

доктор экономических наук

ПРАВОСЛАВНЫЕ ОСНОВЫ РУССКОЙ ЭКОНОМИКИ

Проблема взаимосвязи христианской этики и предпринимательской деятельности уже давно привлекает внимание отечественных и зарубежных авторов. В западной традиции фундаментальные исследования данных вопросов осуществлял классик западной социологии Макс Вебер. Его известная работа “Протестантская этика и дух капитализма” выявила влияние религиозно-философских основ на формирование предпринимательской деятельности в таких странах с традиционно развитой протестантской культурой, как Германия, Англия, США. Главной идеей и целью работы Вебера стало определение меры влияния религиозных сил на ход экономического развития, выявление роли этических установок кальвинизма (протестантизма) в становлении и развитии капитализма и раскрытие религиозно-этических стимулов к обогащению.

Роль протестантской религии в развитии психологических установок капиталиста-предпринимателя на добродетельное накопление исследовал и виднейший представитель западной социологии Вальтер Зомбарт. Подобный круг проблем рассматривал также известный английский социолог Р. Х. Тони в работе “Религия и возникновение капитализма”.

Теперь обратимся к России. Отечественная богословская мысль XVII–XX веков уделяла значительное внимание вопросам взаимосвязи православной традиции и социальной жизни России, в том числе и экономической.

В России исторически сложилась самобытная национальная традиция отношения к труду, собственности, получению образования и накоплению богатства, основанная на органическом сочетании материальных и духовно-нравственных критериев, причем последние были преобладающими. Мировоззренческой и теоретической основой для ведения хозяйственной жизни в России традиционно являлось Священное Писание и основанное на нем “Домостроительство”,

которое трактовалось как наука честно трудиться, добросовестно вести домашнее и национальное хозяйство собственными силами для обеспечения достатка и изобилия, творить милостыню и помогать нуждающимся в соответствии с требованиями Евангельских заповедей.

Главными принципами домостроительства были духовно-нравственное отношение к труду и богатству, замкнутое самообеспечивающееся хозяйство, ориентация на достижение разумного достатка за счет собственного труда и самоограничения потребностей (экономии), отрицательное отношение к стяжанию прибыли и добыванию денег как к самодовлеющей цели, негативное отношение к лодырям, несправедливой эксплуатации, ростовщическому проценту. Основы этой науки в лаконичной форме выражены в своде правил, с духовно-нравственных христианских позиций регулирующих хозяйственную жизнь и быт русского народа того времени, который получил название “Домострой” (1).

Основные принципы ведения хозяйства, изложенные в “Домострое”, в дальнейшем развивались многими отечественными экономистами и оказали заметное влияние на эволюцию русской экономической мысли. Замечательный русский экономист XVII–XVIII веков Иван Посошков в труде “О скудости и богатстве” подчеркивал, что источником богатства, накопления и достижения достатка человеческих вещей и невещественных благ является только труд, “безотносительно к его физическим и социальным особенностям”, и что “паче вещественного богатства надлежит всем нам обще пещися о невещественном богатстве” (2).

Активные исследования взаимосвязи Православия и хозяйственной жизни стали проводиться с середины XIX века. Этому в определенной мере способствовало становление капитализма, а также возникновение и распространение идей социализма в России. Если центральной проблемой в работах русских ученых, публицистов, духовенства XVII–XVIII веков являются проблемы праведного труда, ведения монастырского хозяйства, милостыни, выполнения христианского долга перед Отечеством и ближними, то с конца XIX – начала XX века на первый план выходит анализ проблем собственности, денег, богатства и правильного отношения к ним в соответствии с Православным учением. В качестве примера можно привести следующие работы: архиепископ Амвросий. “О праве собственности по учению Христианскому”. Москва, 1893; епископ Евдоким. “Деньги”. Сергиев Посад, 1907; “Можно ли сохранить веру Христову и спастись, занимая разные общественные, гражданские и военные должности”. Киев, 1914; иеромонах Макарий. “О необходимости самоотвержения в делах торговли”. Нижний Новгород, 1849; священник Феодосий. “О собственности с христианской точки зрения”. Одесса, 1908.

Большое внимание данным проблемам в своих работах уделяли русские светские публицисты, философы, экономисты. Ряд ученых предприняли попытку осуществить комплексное исследование проблемы правильного отношения к труду, богатству, собственности, милостыне, благотворительности, ростовщичеству в свете христианского учения, начиная с Апостольских времен. В этой связи можно отметить такие работы: Экземплярский В. И. “Учение древней Церкви о собственности и милостыне”. Киев, 1910; Зарин С. “Христианин в своем отношении к собственности”. Москва, 1913; Зейпель И. “Хозяйственно-этнические взгляды отцов церкви”. Москва, 1913.

Следует также назвать труды таких исследователей, как Н. Грисюк. “Евангелие, капитал, труд”. Санкт-Петербург, 1905; “Дары Божии, потребности и труд человека”. СПб., 1870; Т. В. Петров. “Основы общественной жизни по учению Евангелия”. М., 1907; С. Троицкий. “Христианское учение о частной собственности”. Петроград, 1917; В. Ф. Эрн. “Христианское отношение к собственности”. Москва, 1906; И. И. Янжул. “Экономическое значение честности”. СПб., 1912.

Особенно заметный вклад в разработку этой проблематики внес о. Сергей Булгаков – известный русский богослов, философ, экономист. В 1906 году, будучи профессором экономики, С. Булгаков опубликовал книгу “Краткий очерк политической экономии”, где в разделе “Введение” рассмотрел задачи политической экономии в их христианском понимании. Пожалуй, впервые в отечественной научной экономической литературе он четко поставил и сформулировал вопрос о возможности существования и необходимости разработки христианской политической экономии, которая ставит и разрешает вопро-

сы экономической жизни в свете и в духе христианского учения. С. Булгаков дает определение *христианской политической экономики как науки социальной любви и прикладной этики, которая ищет осуществления Царствия Божия, свободы, правды и любви в экономической жизни, в области социальной и экономической политики* (3, с. 19).

В своей работе «Православие: очерки учения Православной церкви» Булгаков развивает положение о том, что религия, господствующее мировоззрение кладёт свою определенную печать и на хозяйственного деятеля, или экономического человека. По его мнению, наряду с другими духовными типами существует и христианский тип экономического человека – как в самом общем смысле, так и более конкретно, применительно к разным христианским вероисповеданиям: тип православный, католический, протестантский с разными его разветвлениями (4, с. 345).

Как известно, С. Булгаков впоследствии принял священнический сан (протоиерея) и стал богословом. Характеризуя христианское отношение к труду, он писал: «Остаётся неизблемым, что христианство освободило и реабилитировало всякий труд, особенно хозяйственный, и оно вложило в него новую душу. В нём родился новый хозяйственный человек, с новой мотивацией труда. Эта мотивация носит в себе черты соединения мироотречённости и мироприятия в этике хозяйственного аскетизма, причём именно это соединение противоположностей в напряжённости своей и даст наибольшую энергию аскетического, религиозного и мотивированного труда. Этот свободный аскетический труд есть та духовно-хозяйственная сила, которую утверждён фундамент всей европейской культуры».

Мы, со своей стороны, подчеркнём, что *православное христианство воистину освободило труд и вложило в него новую душу, но не всякий, а лишь тот, который посвящён Богу, который осуществляется не ради наживы, а Христа ради, который исполняется как почётная обязанность и долг перед Богом, ближним и Отечеством*. И лишь в таком смысле мы должны понимать слово о. Сергия Булгакова о том, что в христианстве родился новый хозяйственный человек, свободный аскетический труд которого является духовно-хозяйственной силой, преобразующей мир в соответствии с Евангельскими заповедями.

Правомерно привести имена многих других известных русских богословов, философов, экономистов и публицистов, занимавшихся исследованием различных аспектов рассматриваемой проблематики: Бабст И. К. «О некоторых условиях способствующих умножению народного капитала»; Бердяев Н. А. «Философия неравенства»; Ильин И. А. «О частной собственности»; Соловьев В. С. «Оправдание добра»; Сумароков А. П. «Домостроительство»; Тихомиров Л. А. «На защиту национального хозяйственного строя»; Шарпов С. Ф. «Экономика в русском самодержавном государстве»; Франк С. Л. «Собственность и социализм» и др.

Следует также отметить творческое наследие виднейшего представителя русского зарубежья архиепископа Иоанна Шаховского (Сан-Францисского). Он в процессе разработки основ христианской пастырской социологии особое внимание уделил исследованию таких проблем, как бедность и богатство и философия собственности (5).

Проблемами народного образования и анализом его влияния на социально-экономическое развитие России занимались такие русские учёные, как Д. И. Менделеев, К. П. Победоносцев, Е. Н. Трубецкой, Л. Л. Гавришев, А. В. Горбунов, Ф. А. Данилов, П. М. Шестаков, А. И. Чупров, И. И. Янжул.

Отечественный экономист И. Бабст развивал мысль о том, что в умножении богатства огромную роль играет народный капитал, важнейшим элементом которого является «нравственный капитал» (6).

Знаменитый учёный-химик Д. И. Менделеев являлся также и учёным-экономистом. Ему принадлежат труды, посвящённые исследованию различных проблем экономического развития России. Особое внимание Менделеев уделял роли просвещения и образования для экономического подъёма России.

В работе «Заветные мысли» он обосновывает мысль о том, что образование и истинно образованные люди имеют важнейшее значение не только для экономического развития России, но и для её политической и экономической независимости. Он пишет: «Образование есть *благоприобретенный капитал*, отвечающий затрате времени и труда и накоплению людской мудрости. Истинно образованный человек найдёт себе место только тогда, когда в нём с его са-

мостоятельными суждениями будут нуждаться правительство или образованное общество, иначе он лишний” (7, с. 239). “Нам особенно нужны образованные люди, близко знающие русскую природу, т. е. всю русскую действительность, чтобы мы могли сделать настоящие самостоятельные, а не подражательные шаги в деле развития страны... Чтобы предстоящий путь был по возможности прогрессивным, он не должен отрицать прошлого. Разрушить исторически сложившееся легко, но не придёт ли скоро жалеть о разрушенном?” (7, с. 183).

В России передовыми учёными и общественными деятелями неоднократно высказывалась идея о том, что народное просвещение, грамотность народа, образование населения имеют величайшую социальную и экономическую ценность, и что это кардинальнейший вопрос всей русской жизни. Эту идею очень емко, четко и лаконично сформулировал академик И. Янжул: “Будет Россия образованна, будет и богата” (8, с. 26).

Как видно из вышеприведённого обзора литературы, в дореволюционной России исследование проблематики христианских (православных) основ хозяйствования имеет свою достаточно богатую традицию.

После февральского переворота и последующего захвата власти большевиками в октябре 1917 года данная тематика была в России закрыта. В работах советского времени интересующие нас вопросы рассматривались с позиций атеизма. Однако и они представляют несомненный научный интерес. Можно отметить книги Г. Л. Андреевой “Христианство и проблема свободы”. М., 1965; Н. П. Красникова “Эволюция социально-этических воззрений русского православия”. М., 1986; “Крещение Руси в трудах русских и советских историков”. М., Мысль, 1988; Н. М. Никольского “История русской церкви”. Л., 1983; “Православие в истории России”. М., Мысль, 1988; Прошина “Чёрное воинство. Русский православный монастырь: легенда и быть”. М., 1988; И. С. Свенцицкой “Раннее христианство: страницы истории. Раздел об организации христианских еклесий”. М., 1987.

С конца 80-х годов XX века в связи с празднованием тысячелетия крещения Руси и возрождения Православия в России начали широко публиковаться работы, посвященные рассмотрению различных аспектов взаимоотношений Православия с жизнью общества, в том числе и экономических. В рамках святоотеческой традиции рассмотрению различных аспектов проблемы взаимосвязи экономики и Православия посвящены следующие работы: Писемский В., Калашников Ю., Малофеев Е., Платонов Е. “Православие и экономика” (журнал Московской патриархии, № 9, 1992); Янушевский Б. (Митрополит Николай). “Роль мирян в управлении церковным имуществом с точки зрения канонов Древней Вселенской Церкви (историко-канонический очерк)” (журнал Московской патриархии, № 11, 12, 1992).

В 1993 году в журнале “Вопросы экономики” под рубрикой “Национальные традиции и экономическая система общества” была опубликована подборка статей и выступлений, посвящённых влиянию православных принципов на формирование рыночной экономики в России: Афанасьев Э. О. “О некоторых православных принципах формирования рыночной экономики”; Глаголев А. “Христианская экономия в свете насущных задач экономической реформы России”; Симонов В. “Экономические проблемы в Новом завете”; Платонов Д. “Православие в его хозяйственных возможностях”; Соболевская А. “Духовные истоки российского предпринимательства”; Холодков В. “Православные традиции в российском землевладении”; Егоров Ю. “Возродятся ли христианские начала в экономической науке?”

Осмыслению проблематики собственности в свете этики и морали, юридической и религиозно-философской отечественной мысли посвящен сборник текстов, подготовленный Исуповым К., Савкиным И. “Русская философия собственности (XVII–XX вв.)”. СПб., 1993. Особо следует отметить фундаментальный сборник трудов русских экономистов “Экономика русской цивилизации” (М., 1995), составленный Олегом Анатольевичем Платоновым (8). В данном сборнике значительный научный интерес представляют не только труды экономистов прошлого, но и “Экономика русской цивилизации” и заключительная статья “Уроки русской экономической мысли” самого Платонова – и вступительная, в которых он систематизирует имеющийся богатый научный материал и развивает основные идеи отечественной традиции.

Сегодня официальное учение Русской Православной Церкви по данной проблематике, основанное на Апостольской и святоотеческой традиции, до-

статочно ясно и подробно изложено в “Социальной доктрине” (9). Кратко и чётко позицию по рассматриваемому вопросу изложил заместитель Председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата архимандрит Марк (Головков) в статье “Христианские принципы экономики” (10). Он отмечает, что в нынешней ситуации Русская Православная Церковь стремится к тому, чтобы под воздействием христианских ценностей в обществе утвердилась этика предпринимательства, основанная на честности и инициативности, заботе о благе своего народа, о благе ближнего.

В хозяйственной деятельности человека отражается его мировоззрение. К сожалению, на смену религиозно осмысленному соблюдению законов хозяйствования современная эпоха выдвинула следование чисто экономическим схемам и подходам. Для православного христианина неприемлемо мнение, что в экономике всё эффективное – морально, а всё неэффективное – аморально. Эта позиция ведёт к порабощению человека экономическим Молохом. А сводить экономическую жизнь к потреблению как единственной цели – значит неизмеримо обеднять эту важнейшую область человеческой деятельности, в которой чётко просматривается религиозно осмысляемая созидательная задача человечества в деле противостояния силам зла и разрушения.

В свете Евангелия человек призван к преображению мира через нравственно ориентированную хозяйственную деятельность, призван быть “господином творения”. Всякое отступление от евангельских принципов не проходит для общества бесследно и может обернуться потерями, намного превосходящими несправедную прибыль.

Сегодня мы формулируем задачу разработки *православных основ русской экономики*, с учётом всех особенностей, присущих современной информационно-сетевой эпохе. Перед отечественными учёными стоит сложная, но почётная задача – заняться осмыслением роли и места Православия в системе современного информационного общества, выявлением взаимосвязи христианских принципов ведения хозяйства и принципов деятельности в глобальной экономике.

Интеграция России в мировую экономику, обеспечение условий её перехода на траекторию устойчивого развития требуют выявления целевых стратегий, определения параметров и разработки организационного механизма, учитывающих требования по реализации конкурентных преимуществ российской экономики и обеспечения её комплексной информационной безопасности.

На основе обобщения, систематизации и анализа трудов по теории информации нами осуществлена разработка собственной оригинальной концепции. Авторская концепция, развиваемая прежде всего в рамках философского осмысления проблемы информации, может быть названа *субстанциональной теорией (концепцией) информации*, которая положена в основу разработки *информационной парадигмы социально-экономического развития* (11).

Опуская, в силу популярного характера данной статьи, научные изыскания, легшие в основные концепции, кратко сформулируем: в рамках развиваемой нами субстанционально-информационной парадигмы верно следующее фундаментальное положение: *если чётко определена общенациональная идея, главная стратегическая цель развития социума (этноса, нации, группы, индивидуума), если она ясно осознана большинством населения, то через актуализацию его сущностных творческих сил она становится реальной производительной силой, преобразующей действительность в направлении и в соответствии с выбранным стратегическим целеполаганием*. Наглядным подтверждением и убедительным доказательством этого служит вся история Российского государства, да и вся история человечества.

Одной из главных причин кризисного развития России в последние десятилетия в процессе реформирования ее организационно-управленческой, институциональной и финансово-хозяйственной структуры, на наш взгляд, является именно то, что проводимые реформы не имели чётко осознанного позитивного векторного целеполагания, позитивной стратегической цели.

В рамках развиваемой нами концепции утверждается, что без чётко сформулированной цели развития общественная система теряет свою устойчивость, в ней нарастает энтропия и постепенно разрываются ранее установленные многоуровневые информационно-энергетические связи (снижается информационная ёмкость и энергетический потенциал системы), что ведёт к хаосу и распаду.

Проводимые в последние годы в России реформы имели негативное целеполагание. Сегодняшние результаты были ранее запрограммированы соответствующими решениями главных субъектов управления. В рамках развиваемого нами методологического подхода речь идёт не просто о стихийном возникновении социального и экономического кризиса, а об управляемом (программируемом) кризисе общественного развития. И порядок, и хаос в социально-экономических системах всегда детерминированы действиями тех или иных субъектов управления, отношения между которыми могут быть описаны законами информации и закономерностями информационного обмена. Мерой организованности (упорядоченности) или хаоса (дезорганизованности) социально-экономической системы является информация в своих определённых количественных и качественных характеристиках.

Момент принятия решения, в принципе, всегда должен находиться *под сознательным контролем субъекта управления*. Под управлением должен проходить весь процесс формирования новых параметров структурно-функциональной организации экономической системы. Особенно строгий контроль должен осуществляться в период перехода системы на новый режим функционирования.

На наш взгляд, главная проблема управления информационными процессами в обществе – это, прежде всего, *проблема управления на всех уровнях информационными взаимодействиями (отношениями) между главными субъектами*, принимающими те или иные управленческие решения, которые влияют на параметры и режим функционирования и развития сложных социально-экономических систем. При этом анализ должен быть перенесён с процессов спонтанного, стихийного проявления самоорганизации системы на раскрытие механизмов целенаправленного функционального управления этими процессами путем информационного воздействия (программирования, контроля) на выбор, волевые решения, психологические установки главных субъектов управления. Особое внимание должно быть уделено исследованию причинно-следственных связей, возникающих между последовательностью и характером принимаемых соответствующими субъектами управления решений и обусловленных ими последовательностью и характером изменений состояния (информационных параметров, меры организованности, целеполагания и др.) системы.

Развитие человеческого общества и социальных явлений представляет собой не стихийный, а программируемый и управляемый процесс. Общество – это *управляемая система*, в которой всегда есть соответствующий субъект управления. В рамках информационной парадигмы социально-экономического развития общества закономерен и логичен вывод о том, что стихийно развивающегося человеческого общества и его составляющих (социальных общностей, коллективов, групп, отдельных индивидуумов) в реальной действительности нет. Любое общественное системно-сетевое явление, существующее как интегральная целостность, без соответствующего субъекта управления существовать не может. Данный вывод в корне отрицает сложившееся в западной науке представление о стихийном развитии человеческого общества, об экономике как спонтанно самоорганизующейся и развивающейся системе, развитием которой управляют некие стихийные рыночные законы.

На наш взгляд, *функция управления не может быть бесхозной*, власть не может быть ничейной, а устойчивое состояние социальной системы требует определённых целенаправленных усилий со стороны соответствующих субъектов, включая научное сообщество, государство, общественные институты, население.

В рамках информационного подхода к анализу речь идёт не просто о спонтанно возникшем и углубляющемся социально-экономическом кризисе в России, а об *управляемом (программируемом) кризисе*. Кризис невозможно преодолеть, если не выявлены глубинные причины его возникновения, если не определены конкретные субъекты управления, которые обеспечивают, исходя из своих специфических интересов и целеполагания, воспроизводство и развитие данного кризиса. Целью информационного анализа является определение технологии возникновения, воспроизводства и развития кризиса, построение алгоритма программирования (депрограммирования) и управления кризисом. В дальнейшем предметом информационной методологии являются разработка алгоритма управляемого (программируемого) экономического

роста и запуск механизма его воспроизводства (развития) с параметрами высокой стабильности и устойчивости.

Современный анализ сегодня говорит о системном кризисе генетических основ рыночной цивилизации, её закате и трансформации в новую информационную цивилизацию с присущими ей информационными законами развития и информационными технологиями управления (12, с. 270).

В XXI веке – веке информационно-квантовой революции, информационного общества, информационной экономики, информационных угроз, информационных войн, информационных методов защиты и информационных технологий обеспечения безопасности – Россия должна иметь прорывное стратегическое векторное целеполагание, запрограммированное на достижение стратегических позитивных целей целостного устойчивого развития и безопасного существования. Сегодня насущной необходимостью для российского этноса являются *волевой выбор стратегии* будущего развития, осуществление осознанного позитивного целеполагания, определение и программирование стратегических целей будущего развития, а также выработка эффективных механизмов для решения связанных с этим сложнейших взаимосвязанных задач, среди которых важнейшей является задача обеспечения комплексной информационной безопасности России.

Для достижения этих стратегических целей необходим *управляемый переход* к новой информационной стратегии (концепции) развития России, которую мы предлагаем назвать *“Стратегией информационного прорыва”* и *“Концепцией духовно-интеллектуального лидерства”*, базирующейся на субстанциональной теории информации, информационной парадигме общественного развития с присущими ей методологией и инструментарием информационно-интегрального содержательного многоуровневого анализа. Успешная реализация стратегии информационного прорыва, целостности и независимости российской государственности, безопасного развития российского этноса может быть обеспечена путём задействования новых энергетических источников – информационных источников принятия решений, экономического роста и социального прогресса (13).

По нашему глубокому убеждению, информационный прорыв России возможен только путём качественного изменения её главной идеи, выбора новых целевых стратегий, которые задают новую векторную направленность её развития, программируют новые режимы и параметры её функционирования, обеспечивающие её будущее целостное безопасное существование в качестве сильного независимого государства. Обеспечение этого возможно на основе использования православных духовных традиций, субстанциональной теории информации, методологии информационного содержательного анализа и информационных технологий волевого векторного целеполагания, представляющих собой неотъемлемые элементы *“механизма управления будущим”* (механизма стратегического целевого программирования заданных режимов и параметров будущего состояния общественной системы).

В данной работе мы попытались взглянуть с новых методологических позиций на проблему социально-экономического развития России в XXI веке. При этом нами предложены лишь самые общие подходы к системному рассмотрению данного понятия, лишь слегка приоткрыта завеса, за которой скрыты новейшие информационно-сетевые технологии управления сознанием (выбором, принятием решений и поведением) людей и общественными процессами, новейшие методы программирования будущего состояния социальных систем, отдельных этносов и всей человеческой цивилизации. В данном исследовании поднят новый пласт интересных проблем, которые заслуживают самого пристального внимания со стороны духовенства, аналитиков, политологов, социологов, психологов, экономистов, физиков, математиков, биологов, специалистов по информационной безопасности и др.

Мы считаем, что православные основы и информационные принципы развития человеческого общества и хозяйственной системы несут универсальный характер и должны быть положены в основу функционирования российской экономики и государственного управления в XXI веке.

Хочется завершить данную работу вдохновенными словами архимандрита Марка, гласящими, что, “несмотря на трудности, россияне при участии Русской Православной Церкви уже делают свой исторический мировоззрен-

ческий выбор, который должен привести наше Отечество к процветанию, а народ – к духовному и материальному благополучию” (10, с. 3).

В заключение ещё и ещё раз подчеркнём: “Без Православия у России нет будущего, да и самой России тоже нет”. Возвращение русских людей к своим генетическим православным истокам и традициям, положенным в основу современного научно-технического информационного прогресса и экономического роста, – это единственный и верный путь в будущее, в котором Россия будет единой, великой, могучей, независимой и благоденствующей Державой, духовным, нравственным, интеллектуальным и экономическим лидером, ведущим за собой все народы Земли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Домострой. Под ред. В. В. Колесова. М., 1990.
2. Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и некоторые более мелкие сочинения. М., 1911.
3. Булгаков С. Н. Краткий очерк политической экономии. М., 1906.
4. Булгаков С. Н. Православие: очерки учения Православной церкви. М., 1991.
5. Архиепископ Иоанн Шаховский. Листья древа. Нью-Йорк, 1964.
6. Бабст И. К. О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала. М., 1857.
7. Менделеев Д. И. Заветные мысли. СПб., 1903–1904.
8. Экономика русской цивилизации. Составитель О. А. Платонов. М., Родник, 1995.
9. Социальная доктрина Русской Православной Церкви. М., 2000.
10. Архимандрит Марк (Головков). Христианские принципы экономики. “Россия и рынок” – № 1, 2001. С. 2–3.
11. См.: Дятлов С. А. Информационная парадигма социально-экономического развития. “Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов”. № 3–4, 1995. С. 17–30; Информационные основы экономических отношений. “Гуманитарные науки”. № 2, 1998. С. 25–34; Информационно-интегральная доктрина безопасности России. “Информационная безопасность регионов России”. Тезисы межрегиональной конференции. Часть 1. СПб., 1999. С. 15–17; Информационный подход к анализу обеспечения информационной безопасности Союза России и Беларуси. “Управление защитой информации: научный журнал”. Том 5. № 1, 2001. С. 26–29.
12. Развитие информационной экономики и обеспечение комплексной безопасности России в XXI веке. “Национальная экономика: вопросы теории и проблемы преподавания: материалы научно-практической конференции. 16–17 окт., 2001 г.” Под ред. А. В. Сидоровича, Ю. В. Таранухи. М., 2001. С. 81–87.
13. Дятлов С. А. Принципы информационной безопасности: международные аспекты. <http://dyatlov.nw.ru>

ИГУМЕН ГЕОРГИЙ (ШЕСТУН)

МЕСТО МУЖЧИНЫ ВО ВСЕЛЕНСКОЙ ИЕРАРХИИ

Как верно заметил А. П. Чехов: “Настоящий мужчина состоит из мужа и чина”. Можно сказать, что мужчина — это мужской чин. А чин — это особое место в небесной иерархии. В ней мужчина представляет свою семью, род. Поэтому он занимает особое, первенствующее положение в иерархии семейной. В семье мужчина может быть только главой — так установил Господь.

Но если для женщины жить жизнью семьи — мужа, детей — есть призвание Божие, то для мужчины семейная жизнь не может быть делом главным. Для него самое важное в жизни — исполнение Божией воли на земле. Это значит, что у мужчины — отца семейства и предстателя за семью пред Богом — на первом месте всё же стоит не семья, а исполнение своего долга. И этот долг для каждого мужчины может быть совершенно разный, он зависит от Божественного призвания.

Главное для семьи — это непрерывная связь с Богом. Она осуществляется через главу семьи: через то дело, которое Господь поручает ему, через участие всей семьи в этом деле.

Традиционно отец православного семейства всегда исполнял в нём роль как бы священнического служения. Он общался с духовником и с ним решал духовные вопросы семьи. Нередко, когда жена приходила к священнику за советом, то слышала: “Иди, муж тебе всё объяснит”, — или: “Сделай, как муж посоветует”. И сейчас у нас та же традиция: если женщина приходит и спрашивает, как ей поступить, всегда интересуюсь, какое мнение об этом у её мужа. Обычно жена говорит: “А я и не знаю, не спросила его...”. — “Вот иди сначала спроси у мужа, а уж потом, в соответствии с его мнением, мы и будем рассуждать, решать”. Потому что вести семью по жизни Господь поручает мужу, Он его и вразумляет. Все вопросы жизни семьи может и должен решать глава. Это касается не только верующих, так как установленный Богом принцип семейной иерархии действителен для всех. Поэтому и неверующий муж способен мудро решать обычные семейные, бытовые задачи, в каких-то же глубоких духовных или других сложных вопросах жене можно советоваться с духовником. Но любить и почитать своего мужа жене необходимо независимо от его веры.

Когда в семье разрушается иерархия, то страдают все. Если муж не глава семьи, то он может начать пить, из дома убежать. Но страдает и жена, толь-

ШЕСТУН Георгий — доктор педагогических наук, профессор, академик РАЕН, заведующий межвузовской кафедрой православной педагогики и психологии Самарской Православной Духовной семинарии, наместник Заволжского монастыря в честь Честного и Животворящего Креста Господня, настоятель Троице-Сергиева храма г. Самары.

ко проявляется это по-другому, более эмоционально: она начинает плакать, раздражаться, скандалить. Часто она и не понимает, что конкретно хочет добиться. А хочет она, чтобы ею руководили, ей подсказывали, чтоб её поддерживали, сняли с неё бремя ответственности. Женщине очень трудно командовать, у неё не хватает сил, возможностей и умения. Она для этого не приспособлена и не может постоянно заниматься не своим делом. Поэтому ждёт, что мужское начало пробудится в муже. Жене необходим муж-заступник. Ей нужно, что он её приголубил, утешил, прижал к груди: “Не волнуйся, ведь я с тобой”. Женщине очень трудно без твёрдой мужской руки, крепкого плеча, без этой защиты. Эта надёжность в семье куда больше нужна, чем деньги.

Предназначение мужчины в семье – отцовство. Это отцовство распространяется у него не только на детей, но и на жену. Глава семьи в ответе за них, обязан их хранить, стараться жить так, чтоб они ни в чём не испытывали нужды. Мужская жизнь должна быть жертвенной – в трудах, в служении, в молитве. Отец должен быть во всём примером. И это не зависит от его образования, чинов и должностей. Важно само отношение мужчины к его делу: оно должно быть возвышенным. Поэтому мужчина, целиком посвятивший себя зарабатыванию денег, не станет хорошим семьянином. В семье, где много средств, может быть, и удобно жить, но примером для детей и авторитетом для жены такой мужчина в полной мере быть не может.

Семья воспитывается, дети возрастают на примере того, как отец исполняет своё служение. Не просто работает, зарабатывает деньги, а именно исполняет служение. Поэтому даже длительное отсутствие отца может играть большую воспитательную роль. Например, военнослужащие, дипломаты, моряки, полярники могут многие месяцы находиться вдали от своих близких, но их дети при этом будут знать, что у них есть отец – герой и труженик, который занят таким важным делом – служит Родине.

У русского человека есть особенность: его одушевляет высокая цель. Для него несвойственно работать просто ради денег. И если, бывает, он так делает, то почти всегда при этом ему тоскливо и скучно. Ему безразлично, оттого что он не может себя реализовать – мужчина должен не просто трудиться, а чувствовать свой вклад в некое важное дело. Вот, к примеру, развитие авиации: человек может быть главным конструктором КБ, а может обыкновенным заводским токарем – это не имеет значения. Причастность к такому великому делу будет одинаково вдохновлять этих людей. Потому-то в настоящее время, когда великие задачи почти не ставятся ни в науке, ни в культуре, ни в производстве, роль мужчины сразу оскудела. Некое уныние у мужчин наблюдается, потому что просто добывать деньги для православного человека, для русского человека – задача слишком простая и не соответствует высоким запросам души. Важна именно возвышенность служения.

Мужчины готовы отдать свой труд, своё время, силы, здоровье, а если надо, и жизнь, на служение, для исполнения долга. Так, несмотря на непатриотичные и корыстные установки нескольких последних десятилетий, наши люди по-прежнему готовы по первому призыву Родины встать на её защиту. Сейчас мы это видим, когда наши парни, офицеры и солдаты, сражаются, проливая кровь за соотечественников. Для нормального мужчины это очень естественно – быть готовым за Отечество, за свой народ, за свою семью жизнь отдать.

Многие жёны не понимают и обижаются, когда мужчины больше внимания уделяют своему делу, чем семье. Особенно ярко выражено это у людей науки и творческих профессий: учёных, писателей, художников. Или у тех, кто тесно связан с природой, например, занимающихся сельским хозяйством, кто иной раз должен буквально сутками работать на земле или ферме, чтоб не упустить подходящее время. И это правильно, если мужчина себе не принадлежит, а отдаётся весь тому делу, которым занимается. И когда он исполняет Божию волю не корысти ради, не денег ради, тогда эта жизнь его очень благодатна и увлекательна.

Отец должен, в необходимой мере, свою жизнь оставлять открытой для семьи, чтоб дети могли выникнуть в неё, почувствовать, поучаствовать. Недаром всегда были трудовые, творческие династии. Увлечённость своим делом передаётся от отца детям, которые с радостью идут потом по его стопам. Пусть иногда они это делают по инерции, но когда освоят отцову профессию,

даже если Господь потом призовет их на другое дело, всё это пойдёт им на пользу и пригодится в жизни. Поэтому отец не должен роптать и жаловаться на свою работу: вот, мол, какая она тяжёлая и скучная, иначе дети подумают: “Да зачем это нам нужно?”

Жизнь мужчины должна быть достойной – открытой, честной, целомудренной, трудовой, чтоб её не стыдно было показывать детям. Нужно, чтоб жена и дети не стеснялись его работы, его друзей, его поведения, его поступков. Удивительно, что когда теперь спрашиваешь старшеклассников, то многие из них толком не знают, кем работают их отцы и матери. Раньше дети очень хорошо знали жизнь своих родителей, их занятия, увлечения. Их нередко брали с собой на работу, и дома постоянно обсуждали дела. Теперь же дети могут ничего не знать о своих родителях и даже не интересоваться. Иной раз у этого есть и объективные причины: когда родители занимаются зарабатыванием денег, то способ не всегда благочестивы бывают. Случается также, что стесняются своей профессией, понимая, что это занятие не вполне их достойно – их способностей, образования, призвания. Бывает даже, что ради дохода жертвуют своим достоинством, личной жизнью, окружением. В таких случаях при детях ничего и не говорят, не рассказывают.

Мужчина должен понимать, что жизнь переменчива, и в трудных обстоятельствах не стоит сидеть сложа руки, страдая и стеная, а нужно браться за дело, пусть хоть маленькое. Есть много людей, которые сидят без работы, потому что хотят сразу много получать, считают недостойным для себя низкий заработок. И в итоге в семью не приносят ни копейки. Даже в тяжёлые времена “перестройки” не пропали люди, готовые что-то делать. Один полковник, попав под сокращение, остался без работы. Из Сибири, где служил, пришлось ему вернуться в родной город. Попросил знакомых помочь устроиться на любую работу, куда угодно. Удалось попасть в службу безопасности одной организации: за небольшую плату полковника поставили охранять ворота какой-то базы. И он смиренно открывал эти ворота. Но полковник есть полковник, его сразу видно – начальство быстро его заметило. Назначили на должность повыше – он и там себя очень хорошо показал. Потом ещё выше, потом ещё... И через небольшое время он получил и место отличное, и зарплату хорошую. Но это нужно быть смиренным. Надо начинать с малого, себя проявить и показать, на что способен. В тяжёлые времена нужно не гордиться, не мечтать, а думать, как прокормить семью, и всё возможное для этого делать. В любых обстоятельствах ответственность за семью, за детей у мужчины остаётся. Поэтому во времена “перестройки” многие высококлассные и уникальные специалисты соглашались ради семьи на любую работу. Но времена меняются, и те, кто сохранили своё достоинство, трудолюбие, в конечном счёте оказываются очень востребованы. Сейчас велик спрос на различных мастеров своего дела, работы для них множество. Готовы очень большие деньги платить специалистам, мастерам, умельцам, но их нет. Самый большой дефицит – в рабочих специальностях.

Одного рабочего спросили, что такое счастье. И он ответил, как древний мудрец: “Для меня счастье, когда утром мне хочется идти на работу, а вечером хочется идти с работы домой”. Это на самом деле счастье, когда человек с радостью идёт делать то, что должен делать, и с радостью потом возвращается домой, где его любят и ждут.

Жена должна, как иголочка за иголочкой, следовать за мужем. Есть многие профессии, когда человека просто в приказном порядке с одного места отправляют на другое. Например, военные. Бывает, что семья офицера живёт в городе, в квартире, и вдруг их направляют в какое-нибудь захолустье, в военный городок, где кроме общежития ничего нет. И жена должна ехать за мужем своим и не ворчать, не капризничать, мол, я не поеду в эту глухомань, а поживу у мамы. Если она не поедет, значит, мужу будет очень плохо. Он станет переживать, расстраиваться, а следовательно, и службу нести должным образом ему будет очень трудно. Над ним и коллеги могут смеяться: “Что это за жена у тебя!”

То же самое можно сказать о духовенстве. Выпускника семинарии, например, из города могут отправить в какой-нибудь дальний приход, где придётся жить в избушке и из-за бедности прихожан перебиваться “с хлеба на квас”. И молодая жена священника должна ехать с ним. Если же она отказывается, то это начало разрушения семьи. Она должна понимать: раз вышла

замуж, то теперь интересы мужа, его служение, помощь ему – для неё главное в жизни. Мужчине нужно выбрать себе невесту, которая за ним пойдёт “в огонь и в воду”. Если посмотреть на крепкие семьи, то там как раз такие жёны. Они понимают: чтоб стать генеральшей, надо сначала выйти замуж за лейтенанта и поездить с ним полжизни по всем гарнизонам. Чтоб стать женой учёного или художника, нужно выйти за бедного студента, который только спустя много лет станет известным и преуспевающим. А может, и не станет. . .

Чтобы жизнь мужчины состоялась, жена не должна мешать ему делать своё дело. Поэтому жену нужно выбирать именно как помощницу. Хорошо найти невесту домашнюю, такую, чтоб без тебя жить не могла.

Надо понимать, что то дело, к которому человек призван, вовсе не обязательно позволит ему жить богато. Молодая семья в свой начальный период должна научиться жить скромно. В тесной квартире, с мамой и папой, или в съёмной, потерпеть эту тесноту и скудость какое-то время. Надо научиться жить по средствам, ни у кого ничего не требуя и никого не упрекая. Этому всегда мешает зависть: “Другие живут вот как, а мы – вон как!” Последнее дело, когда семья начинает мужчину укорять, что он мало зарабатывает, если он старается, трудится, делает всё, что может. А если и не старается. . . Значит, он и до свадьбы был таким. Большинство женщин по каким-то непонятным соображениям выходят замуж. Вот подвернулся эдакий “орёл” – видный, шустрый. А что он умеет, чем занимается, как живёт, как к семье, к детям относится, что об этом думает, трудолюбивый ли, заботливый, не выпивает ли, – это и не интересует. Но раз вышла замуж – всё терпи и люби мужа таким, как он есть.

Важно сказать и о том, что если молодые люди, юноши и девушки, теряют целомудрие до брака и начинают вести блудную жизнь, то с этого момента прекращается духовное становление их личности, прекращается духовный рост. Сразу прерывается та линия развития, которая была дана им от рождения. И внешне это тоже сразу становится заметным. У девушек, если они до замужества блудили, характер меняется в скверную сторону: они становятся капризными, скандальными, строптивыми. Юноши же в результате нецеломудренной жизни сильно затормаживаются или даже вовсе останавливаются в своём развитии: духовном, психическом, социальном, да и умственном. Поэтому сейчас нередко можно встретить взрослых мужчин с развитием на уровне 15–18 лет – того возраста, когда было разрушено их целомудрие. Они ведут себя, как неразумные юноши: у них не развито чувство ответственности, нет воли, нет мудрости. Разрушена “целостность личности”. Это имеет необратимые последствия для всей дальнейшей жизни человека. Те способности и таланты, которые были у него от рождения, не только не получают развития, но и нередко вовсе утрачиваются. Поэтому, конечно же, целомудрие нужно хранить не только девушкам, но и юношам. Только сохранив чистоту до брака, мужчина может на самом деле достичь в жизни того, к чему призван. У него будут для этого необходимые средства. Он сохранит свою свободу – и в духовном, и в творческом, и в материальном плане. Сохранив свои природные дарования, он получает возможность развития, достижения полноты личности. Он сможет освоить любое дело, которое будет ему по душе.

Сейчас нередко не отличишь мужчину от женщины ни по поведению, ни по манерам, ни по наружности. И очень приятно, когда даже издали видно, что идёт мужчина – мужественный, крепкий, собранный. Женщины мечтают не просто о муже или друге, а о мужчине, который будет настоящим человеком. Поэтому выполнение заповедей Божиих для мужа – прямой путь сохранить в себе человеческое достоинство и остаться настоящим мужчиной. Только настоящий мужчина может отдать жизнь за семью, за Отечество. Только настоящий мужчина может благородно относиться к своей жене. Только настоящий мужчина может показывать пример достойной жизни своим детям.

Это и есть ответственность: отвечать перед своей совестью, перед Богом, перед своим народом, перед Родиной. Мы будем отвечать и за свою семью, за детей. Ведь не в материальных накоплениях заключается истинное богатство детей, а в том, что отец и мать вкладывают в их душу. Это ответственность за сохранение чистоты, целомудрия. Главное – ответственность за душу ребёнка: что Бог дал – Богу верни.

Демографическая проблема нашего времени коренится в безответственности мужчин. Их ненадёжность порождает у женщин страх перед будущим.

Из-за отсутствия мужского начала в семье у женщин возникает неуверенность в завтрашнем дне, сомнения в возможности вырастить, воспитать детей: “А вдруг он уйдёт, бросит одну с детьми. . . А вдруг он нас не прокормит?” Почему раньше в России почти все семьи были большими, многодетными? Потому что была твёрдая идея нерасторжимости брака. Потому что глава семьи был настоящий мужчина – кормилец, защитник, молитвенник. Потому что все были рады рождению детей, ведь это – Божие благословение, умножение любви, укрепление рода, продолжение жизни. Мужчине в голову не приходило бросить жену с детьми: это же постыдный грех, позор и бесчестье! А женщине в голову не приходило делать аборт. Жена была уверена, что муж до смерти не предаст, не уйдёт, не бросит, что хоть на пропитание будет зарабатывать, и она не боялась за детишек. Матери обычно более ответственны по отношению к чадам, потому-то они всего и опасаются. А страх этот оттого, что мужской дух из семьи исчез. Но как только этот мужской дух укрепляется, и женщина уверена, что муж не убежит, она с радостью готова иметь много детей. И только тогда семья становится полноценной. Мы видим это в церковных приходах, где 3–4 ребёнка в семьях уже являются нормой. Это как раз пример того, что православное понятие нерасторжимости брака и ответственности перед Богом даёт чувство надёжности, уверенности в будущем.

Обсуждая проблемы семьи, почти всегда говорят только о матерях, вроде как за семью и детей отвечает только они. И в любой спорной семейной ситуации право почти всегда на стороне женщины. Возрождение отцовства – то важное, что сегодня необходимо. Отцы должны понимать свою ответственность, тот особый дух, носителями которого они должны быть. Тогда женщина опять станет женщиной, ей не нужно уже будет полагаться только на свои силы. Не надеясь на мужа, она держится за работу, без конца занимается учёбой, чтоб не потерять квалификацию, множеством других дел, отрывающих её от семьи, от чад. Дети от этого плохо воспитаны, хуже учатся, слабее здоровьем. Вообще идея абсолютного равенства полов вызывает очень много проблем и в воспитании, и в образовании. В частности, воспитывают и обучают мальчиков так же, как девочек, а девочек – как мальчиков. Потому-то и в семьях потом не могут разобраться, кто главнее, кто сильнее, кто ответственной, да выясняют, кто кому чего должен.

Одна из главных задач сегодня – возродить мужской дух, дух отцовства. Но чтобы это произошло, важен дух всего государства. Когда оно построено на либеральных принципах диктата всевозможных меньшинств, феминизма, почти неограниченной свободы в поведении, то это проникает и в семью. Сейчас у нас даже говорят о введении ювенальной юстиции, которая полностью подрывает авторитет родителей, лишает их возможности воспитывать собственных детей на традиционных началах. Это просто разрушение всего Божественного иерархического устройства мира.

Российское государство было устроено по семейному принципу: во главе стоял “отец”. В идеале это, конечно, православный царь. Его и называли “Царь-батюшка” – так его и почитали, и слушались. Государственное устройство являлось примером устройства семьи. У царя была своя семья, свои дети, но семьёй для него был и весь народ, вся Россия, которую он хранил и за которую перед Богом отвечал. Он подавал пример служения Богу, пример семейных отношений, воспитания чад. Показывал, как надо хранить родную страну, её территорию, её духовные и материальные богатства, её святыни, веру. Теперь, когда нет царя, то хоть если есть президент сильный – и то мы радуемся, что есть человек, который думает о России, о народе, заботится о нас. Если нет сильной власти в государстве, нет во главе “отца”, то, значит, и в семьях его не будет. Семья не может быть построена на либерально-демократических принципах. Единовластие, отцовство – главный принцип построения семьи. Поэтому семью мы можем восстановить, воссоздав такой государственный строй, который будет порождать отцовство, семейственность и показывать, как нужно хранить большую семью – русский народ, Россию. Тогда мы и в своих семьях, глядя на пример государственной власти, будем стоять на защите главных ценностей. И сейчас этот процесс начинается, слава Богу.

На примере разных стран легко можно заметить, как влияет тип государственного устройства на жизнь народа. Пример мусульманских стран нам однозначно показывает: традиции отцовства у них сильны, почитание главы

семьи есть, и как следствие – крепкие семьи, высокая рождаемость, успешное экономическое развитие. Европа же – наоборот: институт семьи упраздняется, рождаемость упала, целые регионы заселяются мигрантами совсем другой культуры, веры. Чтоб сохранить институт семьи, а в конечном итоге и само государство, нужна крепкая государственная власть, лучше – единоначалие. Нужен “отец” – отец нации, отец государства. В идеале это должен быть Богом поставленный человек. Тогда и в семье отец будет восприниматься, как это и было традиционно, человеком, Богом поставленным.

Простым людям нужно, несмотря ни на что, сохранять традиционные, установленные Богом формы устройства семьи. Именно этим мы со временем восстановим и в государстве иерархический порядок. Восстановим нашу народную жизнь как общинную жизнь, как соборную жизнь, как семейную жизнь. Народ – это единая, соборная, Богом данная семья. Сохраняя Православие, духовные традиции, культуру, православную семью, воспитывая детей по-православному, строя свою жизнь по Божественным законам, мы тем самым будем возрождать и Россию.

МАТЬ В СЕМЬЕ СОЗДАЕТ МИР

*Беседа со схимонахиней Марией,
матерью митрополита Климента и архиепископа Димитрия*

– Матушка, для начала расскажите о ваших детях, кто они?

– У меня четверо сыновей. Самый старший, ему 67 лет, протоиерей Николай, настоятель Знаменского храма в Кунцеве, в Москве. Сам он отец четверых детей, имеет 11 внуков. Его единственный сын (остальные – дочери) – протоиерей Константин, благочинный Волоколамска – продолжатель рода Капалиных. Мой второй сын – архимандрит Василий – умер в 2006 году, немного не дожив до 60 лет. Долгое время он был настоятелем храма в честь Всемилоственного Спаса в Солнечногорске, потому и я здесь живу теперь, чтобы быть рядом с дорогой могилой; третий сын – Герман – ныне митрополит Калужский и Боровский Климент, вы его знаете. Самый младший – Алексей, теперь архиепископ Тобольский и Тюменский Димитрий.

– Говорят, вы ещё одного архиерея вырастили?

– Да, действительно, это епископ Дмитровский Александр (Агриков), викарий Московской епархии. Это племянник моего почившего духовного отца схиархимандрита Пантелеимона, до схимы архимандрит Тихон (Агриков). Василию, так его звали в миру, было 4 года, когда у него умерла мать. Они жили в селе на Белгородчине, и когда ему было 13 лет, батюшка благословил взять его к нам в семью. А я знаю, что такое сиротская доля, сама осталась без матери в семилетнем возрасте, сколько придинок претерпела от мачехи и её дочери: и недоедала, и в школу не пускали, чтобы дома всю работу выполняла. Молиться не давали, бывало, только украдкой перекрещусь, и жаловаться отцу не позволяли. Испытав лишения с лихвой, старалась Василию заменить мать. Он жил у нас до окончания школы, потом окончил медицинское училище, переехал в Ярославскую область, там служил его брат, принял монашество с именем Александр и там служил. Сейчас хоть редко видимся, но молимся друг за друга постоянно.

– Насколько я знаю, вы, матушка, рано овдовели. Как вы управлялись с детьми, ведь ещё работа?

– Слава Богу, работа у меня была на дому. В юности, когда в вечерней школе училась, пошла подмастерьем в ателье, быстро освоила шитьё. Мне потом это умение очень пригодилось: после войны в магазинах вообще ничего не купишь, поэтому люди много заказывали одежды: кому обновку, а кому что-то перешить из старого. Себя и детей полностью обшивала. Накуплю дорогих тканей, что из остатков по удешевлённой цене, получались красивые добротные вещи.

Родилась я на Севере. Когда приехала в Удельную, вышла замуж, скоро началась война.

В это время у нас никакого хозяйства не было, ох, и наголодались же тогда. Потом развела огород, стала держать козу, кроликов, кур на откорм покупала, следила за тем, чтобы ребята хорошо питались. Всё отдавала им. Как писал святой Иоанн Тобольский, детей надо особенно хорошо кормить до 7 лет, чтобы выросли они крепкими и здоровыми. Вот мои в основном и были крепышами – не раскормленными и не худыми.

– Матушка, я всегда поражалась трудолюбию нашего Владыки, впечатленье, будто он трудится все 24 часа в сутки. Как вам удалось привить сыну это ценное качество?

– Знаете, я всегда считала, что праздно проводить время – грех. К труду ребят приучала с раннего детства: один посуду моет, другой подметает, кто огород пропалывает, кто скотину кормит. К тому же я очень сильно болела тогда, дети меня очень жалели, не давали делать тяжёлую работу, трудиться внаклонку мне было нельзя.

– Какой уклад был в вашем доме?

– Вставали всегда рано, хотя я их не будила. Потом утренние молитвы. Если будние дни приходились на время каникул, сыновья в храм на службу спешили, боясь проспать. У нас в Удельной, где мы жили, в Никольском храме шли ежедневные службы, мои ребята в праздники старались их не пропускать, если, конечно, в школу не надо было идти. А так в течение учебного года день со школы начинался. Перед сном вечерние молитвы. Дети бегали к соседям напротив, там жили три монахини, брали у них благословение на сон грядущий. До 12 ночи мне засыпать не приходилось, обычно в это время читала молитву “Се жених грядёт в полуночи”. Они всегда сами без молитвы не ложились.

В выходные дни, как правило, ходили в наш храм, а когда маленькие подросли, то ездили в Троице-Сергиеву лавру. Монастырей и храмов тогда было мало, многие закрывались, так что путь у нас был один – в лавру. Бывало, в субботу вечером приедем, Всенощную отстоим, я потом всю ночь не сплю, молюсь, на коленях Господа прошу не оставить моих детей круглыми сиротами, а то в детдом заберут, от веры отучат. Очень за них переживала, потому что в моей семье уже было такое: когда мама умерла, братья в храм ходить перестали. Вот так проведу ночь в молитвенных прошениях, утром на раннюю Литургию идём, потом на службу в Духовную академию, затем на позднюю Литургию. Детям просфорочек надают, водички святой наберём, вот и сытые. А если будний день, то утром приедем на братский молебен, где Наместник и вся братия собираются. С ним помолимся, а затем на литургию. Великим постом в воскресенье оставались на Пассию, и после неё возвращались домой уже к полуночи. Муж был не против, но когда долго задержимся, то ворчал: “Что долго ездили, что вам – двух дней мало?” Говорила, что к его сестре заезжали и детей от телевизора не могла оттащить. Муж не запрещал детям в свой храм ходить, но возить часто в лавру считал излишним. Приходилось как-то изворачиваться, для того чтобы вера в детях глубоко укоренилась, чтобы навык к посещению святых мест остался.

– Матушка, припомните самый памятный случай, связанный с вашим третьим сыном.

– Своим детям я дала материнское благословение, чтобы к 14 годам 4 раза прочитали Евангелие с “Апостолом”. Я им всем четверым купила по миниатюрной книге Евангелия, они с собой его в школу брали. Перед сочинением украдкой главу прочитают и всегда на “пятёрку” напишут – так оно им помогало. Герман использовал любую минутку, любую возможность, чтобы моё благословение выполнить. Читал Новый завет в электричке, с уроков отпращивался, всё боялся, что к 14 годам не успеет. Даже спросил меня: “Мама, а во сколько я родился?” Чтобы, значит, к этому часу успеть прочитать.

– Многих родителей мучает вопрос: как воспитывать детей, наказывать или нет?

– Я своих ни прутиком не била, ни в угол не ставила. Чтобы не озлоблять. Если что не так, ставила на поклоны. Земные с коленопреклонением. Накажу: “Сделай столько-то поклонов”. А провинившийся как разойдётся: “Мама, я ещё прибавил”. Дети росли дружными, никогда не видела, чтобы подрались

между собой. Зорко следила за тем, чтобы они даже взглядом друг друга не обидели, чтобы один на другого не покосился. Одного чем-то угостят, тот со всеми поделится обязательно.

– В своих автобиографических заметках Владыка Климент писал, что его отчий дом всегда отличался странноприимством. . .

– Верно, у нас всегда кто-то жил. Взяла студента, которому нечем было платить за жильё, а у нас полный дом народу, так он даже на лавке за столом спал. Алтарница нашего храма в Удельной всегда направляла к нам священнослужителей, возвращающихся из лагерей и ссылок. Дети слышали их рассказы, живые свидетельства исповедников производили на них сильное духовное впечатление. И, конечно, большой радостью для нас был приезд духовника семьи, отца Тихона Агрикова. Свой летний отпуск он начинал с визита к нам. Из лавры приезжали и другие старцы, архимандрит Варнава, ныне митрополит, архимандрит Николай. Приезжали и из других мест, так, в те годы бывал у нас отец Власий, монахини из монастырей приезжали.

– А у ваших сыновей какое окружение было, много ли друзей?

– Нет, немного. К нам постоянно двое ребят приходили из тех семей, где родители желали, чтобы дети их были верующими. После войны ведь засилье хулиганства, очень много беспризорников, мелкое воровство процветало, но это ещё что. Были случаи – и надсмехались над детьми. Хорошо, что я детей из школы встречала, в школу провожала. А тех двоих ребят, друзей наших, вместе с сыновьями в лавру возила. Однажды стоим в очереди к мощам, а там милиция. Я ненадолго отлучилась – возвращаюсь, детей нет. А тут милиционер: “Гражданка, пройдите с нами”. Захожу в комнату милиции, а там все четверо моих на лавочке сидят. “Прощайся с детьми, ты только портишь их, по монастырям возишь”. – “Да мне оставить их не с кем. А на рынке вы больше испорченных поймаете”. – “Ну ладно, на сей раз парней твоих отпустим, а если ещё раз их привезёшь с собой, пеняй на себя!”. Я потом им разных телогреечек нашла, и когда в лавру ездила, к другим людям пристраивала, чтобы не подумали, что дети мои. Николай даже в другом месте в электричку садился для конспирации.

Одна проводница давно меня заприметила. Грубо бросила мне: “Опять в монастырь детей потащила!” Однажды высадил меня за 20 минут до Загорска (ныне Сергиев Посад). Мужчины, стоявшие в тамбуре, меня из жалости обратно в вагон втолкнули, спинами загородили. В лавре я уже потом детей от милиции прятала. Двоих за свечным ящиком, двоих в алтаре, в той части, где переоблачаются. Там иногда они и ночевали. Однажды с изумлением заметила, у отца Тихона мантия шевелится. Оказывается, ребята мои под мантию залезли. Прижались к батюшке, чтобы их не обнаружили.

– А ездить вам далеко приходилось?

– От Удельной до Москвы 40 минут. В Москве переход с одного вокзала на другой. А от столицы до Загорска почти 1,5 часа на электричке.

– Да, путь не близкий.

– Ничего, привыкли, лёгким казался. Я ведь ещё почти каждую пятницу в лавру на акафист ездила.

– Матушка, кроме Евангелия, какие книги любили в доме читать?

– Каждый день Церковь отмечает память какого-либо святого или нескольких святых. Значит, в этот день читаем житие угодников Божиих. Благо, в доме были книги. Матушки, жившие напротив, дали. К житию добавляем акафист святому. А если такового нет, то читаем акафист всем святым. Ещё Псалтирь каждый день по порядку.

– Как ваши сыновья отдыхали, куда на отдых выезжали?

– Чего не было, того не было. Они боялись службу пропустить. Ведь в пионерском лагере или санатории, там ведь и не перекрестись. А мои привыкли всё с молитвой. Посты не нарушали. Помню, Герман ещё в садик ходил, если постный день, всё мясо из супа выберет, кошке отдаст, потому кошка всё у его ног под столом сидела.

– Матушка, вот вам уже 93 года, а в 40-летнем возрасте вы пережили обширный инфаркт, и то, что Господь даровал после этого вам долголетие, иначе как чудом не назовёшь. Кстати, а как семья пережила то тяжёлое время вашей болезни?

– Три раза инфаркт был. Велели два месяца лежать, не шевелиться. Алексей, бывало, ночью прибежит, руку за спину заведёт, помассажирет лежонько. Дети всё бутылки с тёплой водой к ногам и рукам клали, чтоб кровь не остывала. Герману лет 7, Алексею и того меньше. В храме на коленочках у Матери Божией жизнь мне вымаливали. Ночью перед иконами земные поклоны клали. Помогала семье моя племянница Нина, она нас всех и вытянула.

Во время болезни приснился мне сон. Кто-то держит покров над моими детьми. Я ещё поразилась, как это он в воздухе висит и не упадёт. Думали, что я не жилец на белом свете, к смерти готовили – в монашество постригли. А после этого началось выздоровление, хоть и медленное. В прошлом году 25 февраля уже в схиму постригали в Малоярославецком монастыре.

– Матушка, у вас в роду были священники и монахи?

– Сестра отца была монахиней. Ещё дьякон в роду. Глубоко набожными были мои мать и свекровь. Мать мужа души во мне не чаяла. Остальная мужнина родня тоже очень хорошо относилась, поддерживала чем могла. Это помогло семье выжить в трудные годы. Сестра мужа, Татьяна, хотя и была членом партии, приедет к нам – обязательно в храм пойдёт.

– Матушка, в вашем храме я почувствовала, как чтят здесь память отца Василия, прихожане даже собирают факты его биографии.

– Отец Василий из всех детей был самым способным в учёбе. В последние годы многие замечали его прозорливость. Например, он знал, что я его переживу. Любил затворническую жизнь, хотя всегда среди людей. Некоторое время даже трудился в отделе Внешних церковных связей Московской патриархии, защитил диссертацию на степень кандидата богословских наук. Приход его жил как одна семья. Храм Всемилостивого Спаса достался ему в плачевном состоянии. И вот однажды голос ему во сне говорит: “Поднимите доску, по которой ходите на колокольню”. Вначале посмотрели, ничего не поняли. Вскоре сон повторился в точности. Тогда и обратили внимание, что одна доска шире других. Подняли её, а под ней образ Боголюбской иконы Божией Матери. С появлением иконы храм стал оживать, а образ просветляться. Сейчас это одна из главных святынь храма. А вид его весьма благолепный.

– Матушка, какое наставление вы бы дали матерям, особенно молодым, у которых всё ещё впереди?

– Я только из своего опыта могу сказать: беременной женщине очень важно пребывать в молитве, часто причащаться. Сама я, будучи в положении, постоянно читала “Богородице Дево, радуйся”. Ни в коем случае нельзя начинать детей в дни церковных постов, это неумолимо Богу, и воспитывать таких трудно, вот сейчас у нас столько рождается больных – и телесно, и душевно, потому что родители не держат постных дней. Главное в доме – мир, тишина, покой, а миротворица в семье – мать.

Беседовала Наталья ПЕСТОВА

НИКОЛАЙ КОНЯЕВ

ИНВЕНТАРНЫЙ НОМЕР ДРЖ-2093

*Эту сказку счастливую слышал
Я уже на теперешний лад,
Как Иванушка во поле вышел
И стрелу запустил наугад.*

Юрий Кузнецов

В конце прошлого года состоялось историческое событие.

В ночь со 2 на 3 декабря 2009 года в храм Александра Невского подмосковного посёлка Княжье Озеро доставили Чудотворную икону Богоматери Торопецкой.

Впервые знаменитый образ Божией Матери покинул музейные запасники и вернулся в родной дом – Русскую православную церковь.

1

По преданию, Торопецкую икону, называвшуюся тогда Корсунской или Эфесской, привезли из Византии в XII веке благодаря хлопотам святой Евфросинии Полоцкой. В Торопец икона попала, когда венчалась внучатая племянница Евфросинии – Александра. С этой иконой полоцкая княжна вышла замуж за девятнадцатилетнего князя Александра Ярославовича, которого через год назовут Невским...

Так, почти семь столетий назад, оказалась икона на развилке русской истории, как бы указывая направление её движения...

С незапамятных времён началось почитание этого образа.

– Тебе молимся и Тебе просим, милостивную Матерь Человеколюбца Владыки, помиловаться нам, смиренным и недостойным рабом Твоим: при зри милостивно на пленение наше и исцели сокрушение душ и телес наших, видимыя и невидимыя рати разори, и всяко столп крепости, оружие во бранех, воевода и поборница непобедимая буди нам недостойным от лица враг наших... – звучали перед ним слова молитвы.

И, действительно, как свидетельствуют предания, не раз Чудотворная икона спасала город Торопец от набегов неприятеля и эпидемий. В центре города специально для неё был выстроен величественный Корсунско-Богородицкий собор, где Чудотворный образ и хранился до 1921 года.

В Торопце, вблизи этой Чудотворной иконы, прошло детство и отрочество сына здешнего священника Иоанна Белавина, которому в годы гонений суждено будет возглавить Русскую православную церковь под именем патриарха Тихона и провести её по крестному пути.

Нельзя не отметить тут сходство Торопецкого образа иконы Богородицы с Казанской иконой.

В 1921 году Корсунско-Богородицкий собор был закрыт, и чудотворную икону Богородицы увезли в местный краеведческий музей, откуда её в 1936 году забрали в Государственный Русский музей, присвоив ей инвентарный № ДРЖ-2093.

В Русском музее № ДРЖ-2093 почти сразу же подвергли “реставрации”. Я беру это слово в кавычки, потому что работы, проведённые в ходе реставрации в Русском музее, были направлены не столько на защиту иконы от разрушения, сколько на раскрытие защищавших её слоёв потемневшей олифы и позднейших “подновлений”.

Как велось это вскрытие, поведала в интервью газете “Мой край” 3 декабря 2008 года заведующая отделом древнерусской живописи ГРМ Ирина Дмитриевна Соловьёва.

— Наши специалисты принялись реставрировать эту икону сразу после того, как она к нам поступила, — сообщила она. — К сожалению, художники немного “увлеклись” — счищая, как они думали, копоть с ладони Богородицы и ноги младенца, они удалили первоначальный слой краски и доскребли до первоосновы. Хорошо, вовремя остановились.

Азарт и “увлечённость” реставраторов можно понять...

“Я представляю, каково было душевное состояние человека, впервые взглянувшего туда, в наше живописное сказочное средневековье, — писал в “Письмах из Русского музея” Владимир Солоухин. — И хотя перед ним была тогда одна икона, один, так сказать, частный случай, всё же догадка как молния озарила его потрясённый ум, и предчувствие целого моря красоты захлестнуло сердце. Но и теперь, когда вы знаете, уверены, что под чернотой хранится живопись, а под верхней живописью хранится иная, древняя, всё равно первый взгляд сквозь прорезанную скальпелем брешь волнует и потрясает”...

Разумеется, получив в своё распоряжение столь древнюю икону, реставраторы вполне резонно рассчитывали открыть какой-нибудь шедевр, равный Андрею Рублёву или Феофану Греку, и потому-то так вдохновенно и рванулись в спрессованную на иконе глубину веков.

Но — увы! — хотя лежащий перед реставраторами № ДРЖ-2093 и являлся чудотворным образом, хотя несомненной была его древность, шедевром живописи № ДРЖ-2093 не являлся...

Тем не менее, произведя ряд исследовательских манипуляций, искусствоведы-реставраторы совершили-таки “открытие” и объявили, что икона “написана псковским мастером раннего XIV века”.

Наверное, переживаемое реставраторами чувство чем-то напоминало ощущения героя стихотворения Юрия Кузнецова “Атомная сказка”, когда тот, отыскав Царевну-лягушку,

*Вскрыл ей белое царское тело
И пустил электрический ток.*

*В долгих муках она умирала,
В каждой жилке стучали века.
И улыбка познания играла
На счастливом лице дурака.*

Действительно, читаешь вывод, опровергающий церковно-патриотические выдумки об исторических корнях иконы, и видишь счастливые улыбки, играющие на лицах иванушек от искусствоведения.

Ещё бы...

Оказывается, не в Византии написали икону, а на Псковщине, и написали, когда ни Евфросинии Полоцкой, ни Александра Невского уже не было в живых.

Разумеется, не все учёные согласились с этим выводом.

По мнению той же Ирины Дмитриевны Соловьёвой, заведующей отделом древнерусской живописи ГРМ, “смуглый цвет кожи изображаемых святых указывает на древность произведения: так писались первые византийские иконы”, но искусствоведы-“открыватели” остались при своём мнении. Такое

ощущение возникает, что для того, чтобы привести икону в вид, соответствующий их “открытию”, и соскабливали реставраторы ладонь Богоматери и ноги Младенца. . .

Интересно, что в письме, адресованном президенту Дмитрию Анатольевичу Медведеву, а это письмо мы и цитировали, говоря о выводах, сделанных после реставрации, искусствоведы повторили своё заключение, правда, через несколько абзацев зачем-то дезавуировали собственное “открытие”, назвав Торопецкий образ уже “уникальной древней иконой XIII–XIV веков”.

Впрочем, сейчас на эту путаницу уже не обращают внимания, а в конце тридцатых, когда, прорвав атеистические кордоны тогдашнего агитпропа, святой благоверный князь Александр Невский, в гениальном и, я бы сказал, иконописном исполнении Николая Черкасова, в грозной, боговдохновенной музыке Сергея Прокофьева, прорвался с экранов кинотеатров к своим соотечественникам, искусствоведы проявили настоящее русофобское мужество, отделив Торопецкую чудотворную икону от святого князя, который приобрёл тогда невероятную популярность среди наших сограждан. . .

После этого, объявленная произведением псковского мастера XIV века № ДРЖ-2093 была сдана в запасники и последние семьдесят лет провела в полуподвальном помещении Русского музея, как утверждают свидетели, прямо на каменной стене, у лестницы. . .

“Хранитель провела нас в фонд, – пишет корреспондентка газеты “Мой край”, – в полуподвальном помещении, прямо на стене, среди других икон, висит образ Корсунской Божией матери”.

3

Пока икона долгие столетия находилась в церкви, никаких проблем с её хранением и сохранением не возникало. Известно, что в 1812 году, уже в 700-летнем возрасте (500- и 600-летнем возрасте по оценке искусствоведов из Русского музея), Торопецкую Чудотворную икону выносили на городскую окраину, чтобы остановить наступающие французские полки.

Известно, что вплоть до закрытия Корсунско-Богородицкого храма каждый год икона участвовала в тридцати одном крестном ходе. . .

И вот за несколько десятилетий музейного заточения – ничтожный для такой древней иконы срок! – Чудотворный образ, ещё недавно способный и к ратной службе, превратился в немощную, рассыпающуюся на глазах единицу хранения. После “реставрации” 1937 года № ДРЖ-2093 пришла в столь ветхое состояние, что в 1957 году потребовалась повторная реставрация.

В описании современного состояния иконы – мы опять цитируем письмо сотрудников ГРМ президенту – отмечается, что “грунт иконы хрупкий, слабо связан с основой и подвержен хроническим вздутиям. Красочный слой и золото сильно потёрты, имеют многочисленные утраты, выбоины и очень разбитый кракелюр. Лики Христа и Богоматери при реставрации были вынуждены оставить под слоем записи и тёмной олифой ввиду отсутствия под ними первоначальных изображений. В силу ветхости и сложного состояния сохранности, деревянная основа и красочный слой иконы неоднократно укреплялись в реставрационных мастерских Русского музея” . . .

Как сообщил 27 ноября 2009 года ТВК “Пятый канал”, “в первый и в последний раз” икону доставали из запасников, когда в музее готовили выставку русских икон “специально к приезду Билла Клинтона в Петербург”.

Господин Клинтон, однако, не удостоил икону своим вниманием, ограничился осмотром картины И. Е. Репина “Торжественное заседание Государственного Совета”, и № ДРЖ-2093 пришлось вернуться назад в забытые другими единицами хранения полуподвалы Русского музея. . .

Вообще-то хранение “отреставрированной” и не включённой в экспозицию иконы весьма дорогостоящее, если соблюдать все положенные правила, занятие. . .

Поэтому, когда, откликнувшись на просьбу патриарха Московского и всея Руси Кирилла, Министерство культуры приняло решение о временной передаче Торопецкой иконы Богоматери в храм Александра Невского в подмосковном посёлке Княжье Озеро, где приготовили для иконы специальную австрийскую музейную климатическую витрину, где оборудовали даже специальные

реставрационные мастерские, порадоваться бы следовало, что вот так замечательно всё устроилось, и обременительная в хранении № ДРЖ-2093, к тому же не очень нужная для экспозиции, снова может превратиться во всенародно почитаемую святыню! Однако группа сотрудников Русского музея не только не возликовала, а, напротив, восстала против освобождения Чудотворной иконы.

Пытаясь остановить это освобождение, сотрудники направили Президенту России Д. А. Медведеву письмо, где было заявлено, что “любое нарушение существующего режима хранения (напомним, что чудотворный образ, по ряду свидетельств, хранился на каменной стене полуподвала возле лестницы! – Н. К.) может привести икону к гибели, которая станет настоящей национальной трагедией”.

Поскольку то, что происходило с иконой в Русском музее, по мнению авторов письма, национальной трагедией не являлось, то, конечно, хотелось бы всё-таки уточнить, о чьей национальной трагедии говорят сотрудники музея, апеллируя к Президенту.

Лично мне, как и миллионам других граждан России, национальной трагедией представляется положение наших национальных святынь, в котором они находятся на протяжении последнего столетия. Лично я убеждён, что многих бед, обрушивающихся на Россию, ещё можно избежать, если прекратится продолжающееся и сейчас в наших музеях надругательство над ними.

4

Поясню свою мысль...

Любая икона, длительное время находившаяся в церкви, образует триединство духовного, исторического и художественного содержания. Духовная ценность иконы состоит в намоленности, в её способности к чудотворениям.

Свойства эти открываются в иконе не сразу, и далеко не всегда удаётся обозначить момент, когда начинается почитание её как Чудотворного образа, как, впрочем, не поддаётся рациональному объяснению и то, почему одна икона становится Чудотворной, а другая нет. Тем не менее сама роль Чудотворных икон в православной жизни, необходимость их в устройении и благополучии нашего государства чрезвычайно велика.

Историческая ценность иконы, как правило, определяется её связью с историческими событиями и персонажами, её влиянием на события и судьбы людей и тоже с большим трудом поддаётся объективному анализу, а зачастую и вообще является прикровенной.

Проще, на первый взгляд, обстоит дело с художественной оценкой иконы.

Любой мало-мальски опытный искусствовед или оценщик из антикварного салона безошибочно отличит ремесленную поделку от работы иконописца XIV века, но далее мы тоже вступаем в область условного. Причём в отличие от светской живописи объективная оценка затрудняется ещё и самим предназначением иконы.

“Чаще всего мне думается, что древние мастера писали просто молитву, – писал в “Письмах из Русского музея” Владимир Солоухин. – Этого требовало время, задача живописи, её, так сказать, прикладная, утилитарная сторона. Вот именно: подходит верующий к иконе, чтобы молиться, а его молитва, оказывается, уже выражена, изображена. То, что изображено на доске, вполне соответствует настроению, душевному состоянию молящегося. Именно своё-то состояние он и узнаёт в иконе. В этом-то и заключалась вся сила воздействия древней живописи. В этом-то и состоит то её загадочное, подчас неуловимое нечто, что пытаются разгадать искусствоведы всех стран и что ускользает всякий раз при анализе только красок, только линий, только сюжетов, только композиции”.

Классический пример идеального и, я бы сказал, гармоничного соединения воедино высокого духовного, исторического и художественного содержания являет собою Чудотворный образ Владимирской Божией Матери.

Однако чаще мы сталкиваемся с другими примерами.

Далеко не всегда безукоризненная с художественной точки зрения икона, выполненная гениальным иконописцем, становится Чудотворной. И напротив, зачастую весьма средние в живописном отношении копии оказываются прославленными.

Всё это необходимо учитывать при реставрации икон.

Занимаясь восстановлением их, а тем более расчищая икону от позднейших записей, нельзя игнорировать сакраментальное значение иконы, относясь к иконе так же, как к произведению светской живописи.

В любом пособии по реставрации икон можно прочесть, что к реставрации следует прибегать лишь в крайних случаях и применять те или иные операции сообразно с необходимостью; что реставратор всегда поставлен в ситуацию выбора, помочь в котором может только нравственное чувство, основывающееся не на свободных душевных интуициях, а на соборном духовном опыте Церкви.

В давнишние времена, занимаясь поновлением обветшавшей, потемневшей иконы, мастер погружался в её духовное пространство, и даже не обладая должным мастерством, сам того не сознавая, не разрушал изначальный облик, а защищал его.

В конце XIX — начале XX века опыт такой реставрации был назван варварством и предан осмеянию. В прорубленные сквозь поздние наслоения окошечки явились нетронутые в своей первозданной чистоте живописные сокровища древнерусской иконописи, и обретение этой красоты, равной которой не было в мире, так возвышало национальную гордость, что осторожные голоса, призывающие проявить осторожность в освобождении сказочных жар-птиц, не спешить, тонули в гуле духоподъёмных восторгов.

И хотя все знали тогда, что иконы, в отличие от живописи, обладают особыми свойствами, которые называются “намоленностью” и “чудотворностью”, почему-то никто не задумывался, что происходит с этими свойствами иконы, когда с нею начинают работать пусть и технически грамотный, но духовно неопытный человек. . .

Может быть, когда-нибудь и будет составлен каталог безвозвратных потерь, сопровождавших формирование коллекций великих князей, московских предпринимателей Рябушинских, художников Ильи Семеновича Остроухова и Виктора Михайловича Васнецова, великой коллекции Лихачева, но едва ли включают в этот список Российскую империю, которую мы тоже тогда потеряли. . .

5

После революции, когда церкви были преданы уничтожению, а иконы сжигались, любое варварство реставраторов рядом с варварством комиссаров в кожаных тужурках выглядело, как забота о сохранении национального достояния, и тогда-то, на наш взгляд, и началось формирование касты, к которой могут быть отнесены многие нынешние реставраторы и искусствоведы.

Их отличие от реставраторов дореволюционной школы хорошо описал в “Письмах из Русского музея” Владимир Солоухин:

“Старый способ, как и во всём, начиная с выделки шампанского и кончая строительством домов, медленнее, но доброкачественнее. Миллиметрик за миллиметриком продвигается реставратор по доске, но зато не соскоблит лишнего, не “перемочет”, не заденет авторского слоя.

При компрессе дело подвигается куда быстрее. Сразу очищается большой квадрат. Но стоит чуть-чуть передержать компресс, и размягчённой оказывается не только олифа, но только верхняя живопись, но и самое драгоценное авторское, невосполнимое.

— Кустари! — говорят компрессники про стариков.

— Варвары! — отвечают старики компрессникам. Один мстёрский художник недавно высказал мне любопытную мысль. Он сказал, что можно любую икону “добрать” тончайшим и тщательнейшим образом. Но тщательно добирать дольше и труднее, чем потом подрисовать, если немного перемочешь”.

Разумеется, суть тут не в методе реставрации, а в самом отношении к предмету реставрации. Если икона перестаёт восприниматься как объект молитвы, положения не исправит и консервативная медлительность.

Свою антиправославную сущность жрецы новой касты, сформировавшейся в наших музеях, в отличие от комиссаров, занимавшихся уничтожением церквей, прячут не под обветшавшей идеологией строителей нового мира, а под высокомерностью служения искусству.

Удаляя все, зачастую не очень искусные дописки, бесстрашно прорубаются эти реставраторы к подлинному авторскому слою. Но, смывая века молитв православных людей, они удаляют одновременно и тот защитный слой, благодаря которому сохранялся подлинник, и порою тут же разрушают его, как это случилось с Торопецкой Богоматерью.

Подобная позиция реставраторов не только безнравственна, но и антихудожественна.

“То, что религия — невежество и мрак, нужно было внушать художникам тогда, когда они писали, или даже до того, как писали, — остроумно заметил по этому поводу Владимир Солоухин. — А теперь нам остаётся мерить их искусство единственно возможной мерой: насколько успешно они воплотили в живопись то, что задумано было воплотить”.

Помню, однажды я случайно разговорился с подвыпившим реставратором, который в ответ на мои восторги о возвращении Чудотворной Тихвинской иконы Божией Матери сказал, дескать, эка невидаль, он сам, своими руками от этой чудотворности уже несколько досок расчистил.

Признаться, тогда я не принял его слова всерьёз, но сейчас, почитав и послушав, что говорят об иконах сотрудники Русского музея, уже не могу так легко отмахнуться от них.

В самом деле, что происходит с иконами в музейных мастерских?

У меня нет оснований называть “соскребание чудотворности и намоленности” с икон сатанизмом... Но если Чудотворные иконы, которые вчера ещё выносили, чтобы утишить бушующий огонь, превращаются после реставрации в рассыпающиеся от малейшего движения воздуха экспонаты, как называть это превращение? Назвать это похвальным и нужным народу делом не поворачивается язык...

И опять-таки, **что** соскрёбывается и **что** остаётся на иконе после такой реставрации?

В 1906 году Н. К. Рерих писал: “Около стен и под куполами устрашающе стоят гильотины искусства — подмости реставраторов, закрытые со всех сторон, и за ними погибает искусство. Глубина настроения, прелесть случая, вдохновения покрывается удобопонятным шаблоном, по всем правилам восстановителей. Не изгоним их; они очень почтенны и для них есть большое дело; поддержите останки ветхой жизни, закройте от света слабое зрение, сохраните теплоту воздуха для старого тела, удалите колебания, наконец, снимите пыль и грязь, но беда коснуться духа вещи, повредить её эпидерму”.

Слова эти, сказанные, когда утверждались принципы современной реставрации, справедливы и сейчас, когда мы видим зияющие прорехи в утверждённых принципах.

6

— На реставраторов было страшно смотреть, — скорбно сказал журналистам директор Русского музея В. А. Гусев, когда принято было решение исполнить указание Министерства культуры и отправить Торопецкую икону Божией Матери в храм Александра Невского в посёлке Княжье Озеро.

— А что будет, если икону не вернут? — задала вопрос одна из журналисток. — Верующие могут лечь за неё под танки, а Вы ведь под танки не ляжете? Что тогда? Вы создали прецедент, который в споре музеев и храмов о том, кому хранить церковные ценности, будет явно не в пользу музеев...

— Мы пошли на мирный компромисс, — ответил Гусев. — Мы сделали шаг навстречу. Мы ни перед кем не “прогнулись”. Я убежден, что мы действовали верно. Если в обществе есть потребность в духовном возрождении, надо идти навстречу обществу. А риск — он есть всегда и везде: и в музее, и в храме. Но я уверен — икона вернётся.

И он пояснил, что в отношениях между музеями и церковью всегда надо искать компромиссы. Например, церковь, как и в былые времена, могла бы создавать музеи, где верующие и неверующие смогли прикасаться к её ценностям. В Петербурге, например, местом такого паломничества вполне может стать домовая церковь Михайловского замка Русского музея.

Мысль господина Гусева о том, чтобы перенести экспозицию икон из музейных залов в домовую церковь Михайловского замка, весьма плодотворна, но одним только этим компромиссом нельзя ограничиваться.

Мне бы не хотелось, чтобы моя статья воспринималась, как выпад против реставраторов.

Есть реставраторы и есть реставраторы.

Наверное, и реставрация Чудотворных икон тоже в каких-то случаях оправданна и даже необходима, но, как говорил Рерих: “беда коснуться духа вещи, повредить ее эпидерму”.

И, конечно, менее всего хотелось бы разбираться, чем – неумеренным тщеславием иванушек от искусствоведения или недостаточно высоким уровнем развития реставрационных технологий и материалов – вызвано уничтожение и порча Чудотворных образов в наших музеях.

Нет сомнения, что через несколько десятков лет появятся новые материалы и технологии, которые рано или поздно позволят обезопасить процесс спасения икон. Так, может быть, следует приостановиться, подумать, что является приоритетом: возвращение иконы к её хрупкому в хранении и зачастую малоценному с точки зрения музейной экспозиции первообразу или сохранение иконы во всей полноте духовной, исторической и художественной сущности?

Очевидно, что без участия представителей Русской православной церкви и общественности, силами одних только искусствоведов решить этот вопрос невозможно, и объединение усилий тут тоже могло бы стать компромиссом.

Ведь сейчас, когда разрушение икон превратилось в плановое, к тому же хорошо оплачиваемое государством дело, возникла реальная опасность, что в результате подобного хранения мы ничего и не сможем оставить нашим потомкам кроме копий главных русских икон да ещё монографий, написанных музейными искусствоведами.

И, конечно, уход из музея Чудотворной иконы Торопецкой Божией Матери, которая – даст Бог! – никогда больше не превратится в узницу № ДРЖ-2093, – идеальный пример компромисса, который предлагает искать В. А. Гусев.

“Всё делается для того, чтобы сотни тысяч верующих могли поклониться Святыне, – говорит председатель попечительского совета храма Святого Благоверного князя Александра Невского С. А. Шмаков. – Та степень моральной ответственности, которую мы берём на себя, принимая на экспозицию икону, несравненно выше, чем все контртребования, условия и аргументы. Мы несём ответственность не только перед государством и будущими поколениями, но и перед Богом”.

ВЛАДИМИР КРУПИН

ТАМ, ГДЕ ПРОШЛИ СТОПЫ ЕГО

Свят Божий мир, созданный Господом, сотворённый для счастья. Святы моря, горы и долины, и “всё, яже в них”. Но святее всего та Земля, которой касались пречистые стопы Господа нашего Иисуса Христа и Его пресвятой Матери, Девы Марии. И когда наш ум устремляется к Святой Земле, то трепетнее становятся мысли, очищаются чувства и возвышаются молитвы.

Святая Земля и Святая Русь – непостижимая, неразрушимая, вековечная связь у них. Россия выстояла в веках, в невероятных страданиях только от того, что более всех приняла в своё сердце Христа. В вере православной наше спасение.

Сияние Святой Земли насильственно пригашалось, общение с ней искусственно прерывалось, но любовь к ней от этого только крепла. Всё падало и рушилось: деньги, оружие, идеологии, кумиры, всё безследно расплылось в пространстве и времени, а наши бессмертные души улетали к центру спасения мира – в Иерусалим, ко Гробу Господню, туда, где живёт вечность.

В Святой Земле ощущаешь, что никаких двух тысячелетий со дня Боговоплощения не прошло. Всё было и происходит сейчас, при нас. Сегодня засияла Вифлеемская звезда, на свет которой шли простые пастухи и учёные волхвы, сегодня Симеон Богоприимец и пророчица Анна встретили Его у врат храма, сегодня Он погружался в струи иорданские и “Дух Святой в виде голубине” сходил на Него. Сегодня и всегда Он идёт по дорогам Палестины, учит, исцеляет, насыщает хлебом земным и небесным, утишает бурю, сегодня восходит из-за нас, из-за наших грехов на Крест, “спасения нашего ради”, сегодня “воскресе из мертвых и смертию смерть поправ”, сегодня, оставив упование на Своё возвращение, возносится к Отцу Небесному...

Как же нам не стремиться в Святую Землю!

ПРИКОСНОВЕНИЕ К ВЕЧНОСТИ

Слава Тебе, Господи, опять я в Святой Земле, слава Тебе! Сажу в прохладном дворике монастыря Герасима Иорданского, сажу и думаю: жил я только в детстве и старости, остальное – суета сует. Солнечное счастье открытия Божьего мира вскоре, по мере взросления, затенилось заботами дня. И вот – как и не жил, а было только детство, да этот приход на Святую Землю.

Да, так. Разве что-то значат наши дела, какие-то свершения по сравнению с безмерной величиной прихода в мир Христа? И что такое любые страдания по сравнению с Его Крестным подвигом?

Давно, в детском блокноте, записал я от деда слышанный им в его детстве духовный стих: “Наша жизнь словно вскрик, словно птицы полёт, и быстрее стрелы улетает вперёд. И не думает ни о чём человек, что он скоро умрёт и что мал его век”. Была в нём строка: “Наша жизнь словно сон, но не вечно же спать!”, тогда непонятная. А всё просто – главное: у Бога нет смерти. День кончины – это день рождения в жизнь вечную, так что смысл земной жизни – однажды проснуться в жизни вечной со спокойной душой.

И это осознание – главный подарок Святой Земли. А она – уже навсегда – основа моей жизни. Она для меня – синоним Святой Руси. И это я записываю во взрослом блокноте, во время краткого пребывания на том месте, где ночевало Святое семейство, уходящее от царя Ирода в Египет.

О, сколько же всего я перечитал о Святой Земле! Читал прежде всего как простой смертный, а иногда и как человек, который дерзает добавить что-то и своё. И в этом случае по-хорошему завидовал всем: игумену Даниилу, Трифону Коробейникову, Григоровичу-Барскому, Муравьёву, Норову, Хитрову, Смышляеву, Скалону, Лисовому, Житенёву, в общем, всем. Ибо изумлялся и их памяти, и их системному подходу. Как они привлекали в труды такое количество дат, событий, фамилий? После них я и не посмел бы писать научный труд, у меня задача скромнее – передать те ощущения, которые испытывал, пребывая в Святых местах. Если Господь и раз, и два, и три привёл тебя в Палестину, нельзя же быть скрягой, обладающим богатством и не желающим делиться им с теми, кто по бедности или по здоровью, по возрасту не смог сам посетить святыни Востока.

В НЕБЕСНЫХ СНЕГАХ

Из серой, холодной Москвы, из заснеженного белого Подмосковья! Уже не обижают процедуры раздевания, разувания, просвечивания, даже и ошупывания. “В целях вашей безопасности”. Интересно, когда улетаешь из Бен-Гуриона, то мучают обысками гораздо меньше.

Взмыли над снегами, ещё минут пятнадцать – и пошли над снегами уже облачными. Впервые, кажется, застал такой стремительный красный восход. Слева по горизонту красная граница меж облаками и небом расширялась, и накаливалась, и набухла особенно сильно в одном месте, из него вдруг, как из домны, полился раскалённый металл, будто шла плавка. Металл отвердел и вылился в форму растущего шара. На него уже через десять секунд нельзя было смотреть. Хлопают шторы затемнения. Окна замёрзли. Минус пятьдесят два.

Навалили груды разноцветных тяжёлых газет. Сплошь банковские и актёрские морды. А то уже и объединённые, актёрско-банковские. Страницы залиты разномерными шрифтами: грабежи, насилия, кино о грабежах и насилиях, умножающее грабежи и насилия, спорт, разводы, растраты, постели, пошлость, похоть. Враньё властей и политиков, дозированные вопли обездоленных. Всё это, сейчас в буквальном смысле, летит над Россией.

Стучат колёсики по проходу, везут на тележке обед. Надо же – учтено: вегетарианский, пятница. И программы раздали. Очень хорошая программа, но нет ночной службы у Гроба Господня. Но если будем жить близко к Старому городу, сбегу самостоятельно.

Чего-то никак не настроюсь.

Занялся радостным делом – долго писал записки о упокоении и здравии. По опыту знаю, что посещение храмов всегда бегом-бегом, кого-то и забудешь вписать, потом расстраиваешься. Сколько же прошло предо мною усопших, родных и близких. Число их больше, чем живых. И всё увеличивается раздел о упокоении.

Обед был зело силён, хоть и соевый. Но без питья, слава Богу. О, а как летали в навсегда прошедшие года. Умели летать, умели. Летишь это, бывало, с Солоухиным, Беловым, Распутиным, Айтматовым...

Вёз однажды делегацию писателей в Магадан. Рейс всё откладывали. Чем не повод для радости жизни? А над Таймыром “зона сложных метеороло-

гических условий”. “Ил-86” так швыряло, так валяло, так подпिनывало “сложными условиями”, что привёз делегацию в суровые места трезвёхонькой. Спустилась делегация по трапу бледная и серьёзная. Глядим друг на друга – живые. Так это же что? Так надо же выпить за спасение души, отпраздновать приземление. А как вы думаете?

Не отвлекайся! Море. Открылся берег – Святая Земля!

“ПРИСТЕГНУТЬ РЕМНИ!”

Корабль для паломничества предпочтительнее, время на нём идёт степеннее, молитвы в море серьёзные. Помню, как корабль всегда рано утром причаливал к Хайфе. Иногда не сразу принимали или медлили израильские таможенники. Корабль тихо лежал в воде, а во весь горизонт стелилась ветхозаветная гора Кармил, и я уже мысленно поднимался в гору, бежал мимо несуразного, но большого строения бахаитов, религии для всех и ни для кого, входил в пещеру Ильи-пророка.

Ощущение, что летим тихо-тихо, как на планере, зависли прямо. Берег белый и тёмно-зелёный, дальше горы, перед ними разновысокие здания. На море пусто. Слабое солнце ходит по нему светлыми пятнами. Вот усилилось. Круглые башни Тель-Авива прямо тычутся под днище. Стучат выпускаемые шасси.

Тепло. Солнце. Едем, восходя... не восходя (а ведь даже на коленях тут ползли) к Иерусалиму, восемьсот шестьдесят метров над уровнем моря. Всё такое родное: тут Иисус Навин в Аелонской (Оленьей) долине, вот она, остановил солнце, апостол Пётр исцелил праведную Тавифу. То, что солнце остановилось по молитве святого, людей веры не удивляет. Объяснение чуда наукой говорит об атеизме такой науки. Уж какой из меня молитвенник, но видел же я, грешный, в страстную субботу 1998 года при схождении Благодатного огня, как луч солнца ходил по храму Воскресения Господня. То есть или солнце ходило в небесах, или планета качалась туда-сюда.

Родина Иосифа Аримафейского и Благоразумного разбойника. Вдали гора пророка Самуила, Рамалла. Ведь я, счастливый, и там был. Монастырь молчальников. И тут был. Вино молча продают. Пылит гигантский цементный завод. Израиль постоянно и как-то лихорадочно обстраивается. Не побываешь год – ничего себе – место то же, да всё не то. То и у нас так, такая же лихорадка, особенно в сильно интернациональной Москве.

Эммаус. Лука и Клеопа, апостолы из семидесяти. Ведь они в ту же ночь, когда узнали Спасителя в преломлении хлеба и Он стал невидим, они тут же пошли обратно в Иерусалим. Шестьдесят стадий, легко ли. Это не в автобусе с кондиционером. Шестьдесят стадий. А слово какое! Это же не только мера длины, ещё и ступень и этап, и корень слова, напоминающего о малом стаде Христовом, которое в ту ночь, “страха ради иудейска”, было воистину малым.

Культурный слой повышается, это гид говорит, но не радостно от этого, это вода уходит. Вообще о проблеме воды говорят они постоянно. И кто виноват, что высасывают на поливку Тивериадское море? Овощи и фрукты на экспорт. И пруды с рыбой надо постоянно доливать.

Миндаль. Интересно, что он не как, например, вишня, вначале выкидывает листья, – вначале цветёт. Незабываемо – стрелы веток, наряженные в бело-красно-розовые цветы. Оливы темно-серебристые.

ИЕРУСАЛИМ

Молебен в миссии. Архимандрит Тихон. Рад сердечно. А я-то как рад! Вспомнили годы преподавания в Московской Духовной академии. Отец Тихон всегда читал Житие святого Зосимы в неделю Марии Египетской. Тут уже четыре года.

Старый город. Обед. Сбегу! Как утерпеть – Гроб Господень рядом. А тут как сейчас заведут общую песнь многолетий всем начальникам. Не осуждаю, упаси Бог, меня же они и привезли из милости. Многая им лета!

Сбежал, и счастлив. Всё же рядом. Нью-гейт, Яффа-гейт, то есть и Новые ворота, и Яффские. Жёлтые, гладкие плиты под ногами. Обувь сама соскакивает с ног и прячется в пакет. По улице вниз и перед узорными воротами с решёткой сверху – налево. Там тоже жёлтые плиты под ногами, но размера большего. Торговцев много, покупателей мало. Мир напуган террористами, едут сюда меньше обычного, но русских не запугать.

Торопился к Храму. Помните меня, камни? Старый уже я стал, ещё помню, как по вам, камни, цокали ослики, запряжённые в узенькие тележки, нет их. Бегом вниз, тут направо, бегом дальше, камни под ногами исполинских размеров, метров сорок, всё! Господи, я у колонны, из которой вышел Благодатный огонь для православных, я у входа в храм, у Камня помазания. И на Голгофе! И везде почти один. Не рассказать.

В сам Гроб, в Кувуклию очередь очень небольшая, и монах-грек не торопит. А то обычно они не церемонятся. Но и как сердиться? Такой бывает наплыв.

Запускают по четверо. Прошёл на коленях внутрь. Как-то глохнешь, что ли, как-то отключается способность мыслить. Только судорожно просишь у Бога всего доброго родным и близким и торопливо, будто Господь и без меня не знает, перечисляешь их имена. И о России просишь, и за неё молишься. А вскоре уже просто лежишь горячим лбом на мраморе гладкой плиты. Восковые слёзы свечей. Свечи белые.

И вышел и обошёл Кувуклию. И сейчас записываю и помню её, такую родную, потемневшую от пламени миллионов свечей, помню и всегда сидящего в часовне коптов маленького приветливого монаха. И гробницы Никодима и Аримафея. Да всё, всё! Но надо к делегации. И ещё взлетел на Голгофу, и ещё ощутил в глубине выемки, где стоял Крест, холодный камень.

Отсутствия моего никто и не заметил. Когда пришёл в храм со всеми, очередь уже стала изрядной. На Голгофе служили католики. Но они всегда дружно и недолго. Вот уже “Патер ностер”, уже “Аве, Мария”, кадят, дружно уходят. Молимся и мы, подвигаясь на коленях ко Кресту.

Гостиница та же, вроде и номер тот же, тот же вид на Елеон и Русскую свечу. Вечером не утерпел – к Старому (Олд Сити) городу. Это же рядом. Перейти только мост над геенной, над Иосафатовой долиной. Так режут стада гоночных машин, будто вот-вот все провалятся. Хотел обойти Старый город, не решился. Не успею, потом. Один раз обошёл за три часа, другой за два. Можно и за полтора, но лучше всего, когда не спешишь. Такое счастье, даже в воспоминаниях.

ВОСПОМИНАНИЕ

Утром, конечно, помчался ко Гробу. Уже и Порог Судных врат, перед которым ещё можно было заступиться за осуждённого, но никто не заступился за Христа, теперь тут Александровское подворье, оно наше, и отделяется.

В храме впервые через десять лет поднялся на место, где был в прошлом веке на схождение Благодатного огня. Как попал? Господь привёл, другим не объяснить. Толпой армян, в которую затёрло, вынесло на второй ярус. Да, тут стоял, тут, на полу, спали монашки, которых армянские стражи хотели выкинуть. И за меня схватились. Но опять же Господь. Будто ангел-хранитель за меня спросил армянку, имя узнал потом, Манану о судьбе одного писателя, который для армян, как для нас Пушкин. А я его знал. Манана меня зауважала и защитила. От выброса. И монахинь защитила по моей просьбе. Ибо они ждали огня уже сутки и заслужили милость Его получить. Да, вот тут стоял. Внизу полицейские лупили сильно напирających и арабов, и армян, и коптов, да и греков. Крики, музыка, барабаны. Давка превышала утреннюю давку в опоздавшем автобусе раз в десять. “И сюда придёт огонь?” – потрясённо ду-

мал не я один. Тогда же видел, и уже рассказывал, и повторю: видел, как по крыше Кувуклии ходил солнечный луч.

Потом ещё и ещё бывал на схождении огня и уже не удивлялся ничему. Тем более знал уже, что арабы скандируют хором то, с чем я очень согласен: “Наша вера правая, вера православная!”. И уже приветствовал их: “Аль Масих кам!”. То есть то же, что греческое “Христос Анести!” То есть то же, что наше: “Христос Воскресе!”. Воистину, воистину, воистину.

У Гроба месса католиков. Принесли стулья, скамьи. Сидят, встают, громкий орган. Побежал к пещере Обретения Креста. Но орган доставал везде. То место справа от лестницы, откуда ещё лет пятнадцать назад слышались страшные звуки (говорили: голоса грешников из ада), замуровано и облицовано белым мрамором. У Камня бичевания звуки органа стали тише и смолкли вскоре совсем. Но мне уже пора. Ещё пробежал вдоль стен Старого города, но застрял в зарослях колючего вереска и продрался к тропинке. Ягодки голубенькие, мы такие в детстве ели, борясь с постоянным голодом. Собрал и букетик размером с мизинец.

ЕДЕМ

Гид: “Сулейман Великолепный воздвиг стены вокруг Старого города, чем, собственно, и являлся Иерусалим. Под землёй, под нами прокопан ход к Иерихону”.

Вопрос к нему: “А что, всё готово для восстановления храма Соломона?”.

Гид: “Спасибо за доверие, но вопрос не ко мне. Продолжаю. Восстанут мёртвые из гробов и соберутся в Кедронскую долину, переходящую в Иосафатову и идущую к Мёртвому морю. Пророчество – лев ляжет рядом с ягнёнком. Наверное, заметили у дверей вашего отеля мраморная композиция – лев и ягнёнок, это библейский сюжет. Сюда – монастырь Патер Ностер, сюда греческий святой Пелагеи”.

Автобус опасно виляет. Гид: “Вот так. Здесь все водители арабы и всех зовут Шумахеры. У нашего Али (Али поднимает руку и нас приветствует) дед был погонщик верблюдов, а внук погоняет автобус”. Кто-то: “Автобус легче водить”.

Гид обижен на перебивания, рассказывает о Саладине, крестоносцах, храмовниках-тамплиерах. “Саладин такой был усиленно благородный, он не разрушил строения, а их перепрофилировал”.

Тяжело ездить с гидами-иудеями, всё-то они знают, всё-то они выведут в пользу израильтян. “У Аль-Аксы (мечеть в Старом городе) был рыночный храм, из него Спаситель изгнал торгующих”.

Лучше смотреть да молиться. Но иногда сам слух обостряется, когда что-то и у гида интересное. “Совет церковью рассматривал вопрос о Золотых воротах. Дебатировали – открыть их или оставить закрытыми. Ведь во Втором пришествии Спаситель войдёт именно через Золотые ворота. Мудрецы сказали: а что такое камни и кирпичи для Спасителя, он пройдёт любые стены. Так и оставили”.

Нет, кондиционер простудит любого. Свой перекроешь, продует соседским. Сосед отвернёт краник струи в сторону, продует сзади.

Гид: “Беспокоить мёртвых это не есть хорошо. Открывают каменный гроб – скелет есть, мяса, прошу прощения, нет. Саркофаг в переводе – это поедающий мясо”.

Ещё надо учесть, что много евангельских событий произошло вне стен Старого города. Резиденция Каиафы, куда из Гефсимании привели преданного Иудой Христа, была там, где церковь апостола Петра. Её легко узнать – на вершине её сидит петушок в память о тех петушиных криках, обличивших отречение ученика от Учителя. Потом ученик своей Крестной смертью в Риме искупил вину краткого отречения.

ЕЛЕОН

Монахиня Екатерина разбирает ёлку, с радостью говорит об объединении церковей. Помню, и меня весьма нелюбезно не пустили сюда. А в другой раз наоборот, даже позвали в трапезную. Всё от людей зависит. Начальники ссорятся, а нам-то что?

“Рожковое дерево. Видели? Знаете? Иоанн Креститель питался. И мы с году не пропадём”. Смеётся.

Обряд Крещения бывал и в купели, наполненной оливковым маслом. Так его было много, мы же на Масличной (Елеонской) горе. Тут были давилни, маслобойни, давилня и есть в переводе Гефсимания.

Церковь Филарета Милостивого, этого новозаветного Иова Многострадального. Хлеб белый, такой невесомый, но такой душистый и вкусный. А сами монахини рады ржаному хлебушку из России.

С годами всё иначе. Что? Пугаюсь, что воспринимаю привычно, уже знаю, что и о чём расскажет гид или сопровождающая монахиня. Но ведь почему-то же тянет и тянет сюда, такая магнитность в этих местах, такая радость бытия здесь. Сажу на тех же ступенях у гробницы Божией Матери, на которых сидел, в первый раз причастившись на ночной службе у Гроба. Та же широкая лестница, которая тогда, на Успение, была уставлена справа и слева белыми горящими свечами. Золотые, жаркие ленты сверху вниз, к гробнице. Только посередине дорога меж пылающих обочин. Деточки бегали среди огня. Монахи нещадно вырывали немного погоревшие свечи, ставили новые. Вверху, в ящики, было навалено столько свечей, что они вываливались через край. Помню, мне очень было жалко, что они послужили такой малый срок, и я набрал почти целых и увёз в Москву и потом, при молитвах, зажигал их.

Много молодых паломниц ставят свечи святому праведному Иосифу Обручнику, по поверью, он помогает в замужестве и женитьбе. Мы, люди в годах, кланяемся родителям Пресвятой Девы, вспоминая своих.

Принесли кресло для Патриарха. А в него, хоть бы что, села простоволодая, очень довольная, объёмистая гречанка. Монах сделал ей замечание, она отмахнулась в том смысле, что, мол, придёт – встану.

ВИФЛЕЕМ

Вифлеем! Первая любовь моя на Святой Земле. Жил в нём больше десяти дней в первый приезд. А привезли в него палестинцы, минуя Иерусалим, куда въезда им не было. Огибали по грунтовым дорогам, через горы. К удивлению сопровождающего переводчика, упал на колени в красную пыль грунтовой дороги. Такое чувство не испытать, видимо, более. Может быть, даст Бог бывать и бывать в Святой Земле, а однажды понять, что приехал сюда в последний раз.

Да, Вифлеем! Въехали в Вифлеем. О, магазин сувениров какой стал огромный. Тут рядышком гробница Рахили. И сейчас палестинские Рахили плачут, и сейчас избивание невинных младенцев продолжается.

Сердце радуется и печалится, не повторится то время той пасхальной весны, когда всё тут избегал босыми ногами, бежал в каждую свободную минуту в храм Рождества. Палестинцы дивились на меня, приветствовали. “Моисей, – хлопали по плечу, – Давид!”. Мальчишки забегали вперед, показывали на мои ноги, смеялись. Изображали, что разуваяются, что готовы продать свою обувь. Греки в храме встречали как родного. Что мне горевать, когда я долгими минутами был один-одинёшенек у Вифлеемской звезды, такую милость получил от Бога.

На развилке улиц усиление, против прежней, торговли. Гуси, утки, кролики. Голуби, тревожно воркуя, ходят внутри тесных клеток. Да, улицы, переулки, лестницы, лавочки, помните мои босые пятки? Людей больше, машин больше, товаров больше. А чего меньше? Меньше радости. Тогда обязательно встречные шутили, и продавцы общались без назойливого притягивания к покупке. Смех, шутки звенели на всём пути. Они и меж собой весело обща-

лись. Как норма общения. Сейчас убавилось веселья. И то сказать – было и тут недавно нашествие, и танки стояли на улицах, и храм, как осаждённая крепость. Тогда в Вифлеем не пустили, а после, помню, пришёл в храм – Боже мой – всё закопчено, разорено, зачернено даже, особенно тяжело было в самой пещере.

Но не осквернить святыню. В Самарской епархии, недалеко от Тольятти, завалили землёй (бульдозеры работали) место явления иконы Божией Матери, источник, тут появившийся. Он, что важно сказать, появился, как утешение, в год революции. Над ним свинарник построили, зловонная жижа из него стекала в низину. А источник пробивался. И одна верующая женщина набрала этой жижи в трёхлитровую банку, говоря себе, что всё-таки хоть сколько-нибудь да будет тут воды из источника. И банка у неё стояла на крыльце. Утром смотрит – вся навозная масса вышла наверх, на стекло, а внутри осталась чистейшая родниковая вода.

По грехам моим образ Спасителя на колонне перед пещерой не открыл на меня глаза. Толкотня у места Рождества и у яслей. Монах безцеремонно выталкивает, начинается служба.

Тянется обед. Неудачно сел (посадили), не сбежишь. А так ещё хотел вспоминать о Вифлееме в Вифлееме.

Да, гора Ирода давно исключена из программ посещения – нечего смотреть и зона опасная, близко сектор Газа. Смотреть нечего, кроме осознания – отсюда был отдан приказ о убиении младенцев. Ещё помню склоны горы, все поросшие терновником. Привёз его ветки, и были они у божницы, пока не сгорели в пожаре квартиры. А ведь вот тоже – Ирод. И чего-то, и много, строил. “Водовод Ирода. Построено при Ироде”. А запомнился одним – плач младенцев.

Всё-таки закрытые глаза Спасителя тяготили. Зная, как нескоро собирается народ к автобусу, как хватают паломников за руки у разных прилавков, помчался в Храм. И слава Богу! Упал на колени перед колонной, молился, а когда осмелился взглянуть на икону, Спаситель смотрел на меня. Строго, но, слава Богу, не гневно.

ДОРОГОЙ ПРИТЧИ

Дорога в Иерихон, дорога притчи о том, кто тебе близкий. Гид умудряется оправдать священника и левита. Оказывается, и тот и другой, по их убеждениям, не могли прикоснуться к раненому. Хороша религия. “Они не могли терять статус”. Справа Приют доброго самарянина, церковь святой Елены. “Самаряне – секта тогда, может быть, по тогдашним понятиям иудеев, еретическая. Во время Иисуса было сорок сект”.

Всё вниз и вниз. Четыреста тридцать метров ниже уровня Мирового океана. А как хлынет?

Утром опять бегал в храм Воскресения, как утерпеть, он рядом, встаю рано. Один-одинёшенек у Гроба и у Камня Помазания, слава Тебе, Боже! Копты, двое, тоже не спят. Одарили хлебом. На Голгофе католики. Сидят вдоль по лавкам, служит негр в белом.

“Направо могила Моисея”. Это гид говорит. Но не обще ли известно о её отсутствии? Как это вдруг, могила Моисея? “Да, мусульмане говорят, что нашли”.

Видимо, это для сборов дани с легковых. А турки как? В том же бывшем византийском Эфесе. Всерьёз говорят о могиле Божией Матери. Везут в дом Иоанна Богослова (новодел), показывают около него насыпанный холмик под цветами.

Проехали. Закладывает уши, как в поднимающемся самолёте, тут опускаемся. Но не по простому пути, по царскому, по главной тогдашней дороге из Сирии в Египет.

Справа Мёртвое море. Иисус Навин тут пришёл к Иерихону. Проклятье над Иерихоном сбылось – так восклицаю, видя высотную гостиницу при въезде и сверкание рекламы казино.

ДОРОГОЙ КРЕЩЕНИЯ

Никуда не заезжаем, торопимся, ибо боимся наплыва людей и транспорта. Новость – нынче к Иордану не пустят – железный высокий забор. Да, и Патриарха не пустят. А берег Иордании рядышком, метров двадцать. Вижу даже знакомого священника из Екатеринбурга, вместе шли Крестным ходом к Ганиной яме. Но оркестры и крики не перекричать. Он с левого берега меня благословляет, и меня, благословленного, относит толпа. Но их-то пускают к воде. Русскоговорящий, как почти все тут, полицейский, негромко сообщает, что, может быть, пустят часа через два после молебна. Но так долго разве будут ждать наши распорядители? Успокаивают – будет погружение у Кинерета.

Вернулся к стенам храма Иоанна Крестителя. Да, стены. Ибо ещё не развалины, но уже не действующий храм. Хотя крыша есть. Но, судя по промоинам в полу, течёт. Отдайте нам его, греки.

Патриарх, множество священников. Оркестры. Да такие громкие, что опять же вспоминается суббота схождения Огня, в которую гром барабанов и резкие звуки оглушительных труб уже не рушили стены иерихонские, да их и нет, но покушались на разрушение органов слуха.

Пеший проход под оркестры. Дирижер более в поле зрения, нежели патриарх и свита. Он своим жезлом выделяет несусветное. И крутит, и вертит, и в небо запускает, и вроде на него и не смотрит, но жезл возвращается к хозяину.

Служба. Водосвятие. Огромный чан. Арки из пальмовых веток. Когда Патриарх погружает крест, на его патриарший посох откуда-то прилетает и садится белый голубь. Потом улетает и носится над Иорданом – последней рекой на планете, из которой можно пить в любом месте. Да вот не везде подойдёшь. Потом следующий голубь. И третий. И вот все вместе они выделяют круги и спирали над ликующим народом, над иконами и хоругвями, над полицейскими у колючей проволоки, и вдруг решительно враз поворачивают и уносятся в Иорданское королевство, видимо, в благодарность за новопостроенный храм у места Крещения. Вон как сияют его купола, позолоченные на русские деньги. Трансляция службы усилена децибелами динамиков. Войска по краям. Ограждения. Объясняют, что там ещё находят мины иорданско-израильского конфликта. Там как раз ходила Мария Египетская. Путь к святыням через мины. Людей – море. Запах ладана из многих кадилъниц.

Пробую доискаться начальства, чтоб задержаться. Где там! Оно в таких случаях всегда за кадром. Полиция: приказа нет. Расстройство общее. Первый год, когда не пускают к воде на Крещение. Вот и случай для смирения.

Среди толп ходят великаны, это молодёжь на ходулях. Для радости своей ли, чужой ли, но отвлекают от молитвы. Оркестры тоже сами по себе. Вот ударили на прощанье и уходят под команды прыгающего над музыкантами дирижёрского жезла.

Вернулся к храму Иоанна Крестителя. Служится Акафист Божией Матери. Служит наш священник. Такого огромного роста, что кажется выше тех, кто на ходулях. С ним рядом стараются сфотографироваться иностранцы. Общая молитва “Царице моя, Преблагая”. Шум и толкотня. Возвращается от реки Патриарх. Греки теснят нас, но всё-таки стоим хотя бы в притворе. Рядом молодой мужчина с молодой русой бородкой. “О то ж патриарха побачимо, та до Иордану, та и в Иордан”.

Солнце такое тёплое. 19 января. В боковом притворе следы костров и, конечно, надписи, оповещающие мир о побывавших здесь туристах. Надписи

не по-русски. Пыль, остатки рам, железки. Идёт диакон – на цепочке, думал, кадило, нет, фотоаппарат.

С нашим великаном (отец Олег) продолжают сниматься. Он добродушно возвышается. Женщины-католички касаются рясы отца Олега и целуют свои пальцы. “Батюшка, – говорят ему, – нехай не даром дывляться, хай будем червонцы за тебе браты, та на крышу крыть. Дуже треба. А? Нам тильки кишеньку разгорнуть, а доллары тудой хлюп да хлюп”. – “Не можно долларив, – возражает великан, – червонцив та рублив дуже багато”.

Молимся. За тем же и ехали.

В ЗЕМЛЮ ОБЕТОВАННУЮ

Солнце. Путь в Тивериаду. Всегда там всё цветёт. Но ведь Иудейская пустыня тоже “текла мёдом и млеком”, но “преложил Господь землю плодородную в сланость от злобы живущих на ней”. Вот так. В пустыне этой была сотня монастырей, сейчас едва ли десять. Молоко было и коровье, и козье, и верблюжье, а мёдом называли сок фиников. Это гид. Он же (и откуда взял?): “Всемирный потоп не накрыл Землю Обетованную. Потерянный рай. Отсюда допотопная тяга сюда всех: персы, турки, арабы, монголы, сельджуки, османы”.

“Слово Иордан с иврита – спускающаяся река. Но тут и скифские корни. В верховьях минус двести метров от уровня моря, при устье минус четырёхста. Не слабо. Не вялая река”. Обращает внимание на пустынные земли: “Это не песок, лёсс. Если оросить – плодородны”. Видя, что всем интересны мелькающие за окнами поселения бедуинов – шатры, изодранное тряпье на шалашах, вагончики, фургоны, старые остовы автобусов, сообщает: “Бедуины. Есть собственно бедуины – кочевники, гордый народ, рабски не прикованы к дому. Есть феллахи, оседлые земледельцы. Бедуины их презирают. Но уже и у бедуинов сыновья – водители автобусов. Дед на верблюде, внук (показывает на водителя) на машине, оснащённой электроникой”. Тут же рассказывает уже всем известную шутку, что всех водителей на Ближнем Востоке зовут Шумахерами. Рассказывает, что уксус – это сын вина, что тут бывали битвы за торговлю благовониями, ибо сбыт ароматических вод и масел востребован был всегда. Бань нет, мыться негде, а пахнуть хочется привлекательно. Рассказывает, что тут вот памятники крито-микенской культуры, что здесь сирийско-египетский разлом, что Израиль – это “борющийся с Богом”, что Палестина означает “вторгающийся”, то есть гиды всегда всегда кольнут арабов. Лягает попутно и Ясира Арафата, но чувствует – это не проходит: для нашей Церкви от Арафата одни милости.

Гид молчать не может, сообщает, что везде, “куда дотянулась мощная волосатая рука израильянина – первопроходца, там преобразования”. Тут и спорить неохота. Наконец, и гид устаёт и просит пощады: “У меня уже заплетётся язык”.

Расквартировались. Бегал к озеру, к тому месту, где, ужасаясь его замуросенности, раздевался и заплывал. Сейчас не решился.

Ходил к греческому монастырю. Рядом уже наше владение. Старые черно-базальтовые стены. Тут будет, так и вижу вывеску: “Странноприимный дом Русской Православной церкви”. Уверен, что и берег похорошеет и очистится от продуктов цивилизации.

Но какой же шум! Улица гудит гудками и ревет моторами, в номере шумит, сказали, что не отключается, кондишен. Давит на уши, от них переходит в голову, опускается в грудь, тяжелит её.

Нет, снова к морю! Ужинать не буду, дам желудку каникулы. Сквер перед морем чистят дворники. Гигантским пылесосом вздымают старые листья и втягивают их внутрь объёмистого пузыря.

Только у моря, если сидеть совсем близко, склоняясь, слышен древний шум библейской истории. Слушал уже сегодня ласковый прибор озера у монастыря святой Марии Магдалины. Но так мало, так торопили. А ужинали часа три, желающие дольше.

Сидел до поздних сумерек. Купил в ночном магазинчике сухариков, чуть поел, опять же отважно запил водой озера.

Утро. Спасибо тебе, моя родина, моя семья, приучили вставать рано. Делегация крихтит, когда выезд всего-навсего в восемь, а я с пяти, с шести бегая по округе. Совсем не хвалюсь, а радуюсь. Как же везде и всегда хорошо ранним утром. Воздух чище, на улицах просторно, в море мало лодок. Помогите, Господи, сохранить в сердце всё, что вижу сейчас с десятого этажа.

Выехали. Гид почему-то начал о мифическом существе, которое отгоняло мух. А, оказывается, его имя Веельзевул. Синий его цвет, синего цвета боятся мухи. Сказать бы это жильцам общежитий, где синим (кубовым) цветом закрашены засиженные мухами стены. “Синий цвет у каббалистов, – говорит гид, – сейчас проезжаем их синагогу”. Вот что.

Снежная шапка на горе, две тысячи двести метров над пространством. Поля пшеницы. Место битвы крестоносцев с Саладином. Была жара. Саладин приказал отступить. Крестоносцы, блестяще вооружённые, в доспехах, на конях, которые тоже в доспехах, преследовали, радуясь победе. Но рано радовались – солдаты Саладина засыпали колодцы, поджигали сухую траву. Каково в железных доспехах. Умирало от жары – и не в переносном смысле.

Мелькнула очередная мечеть, а где мечеть, тут и православный храм. Мимо летим. А где наша матушка? Оказывается, утром сообщила женщинам, что отзывают. Думаю, просила отозвать, ибо гид в поездке первенствует. Он вроде бы даёт сумму знаний, но совершенно не настраивающих на молитвенное состояние. Ведь где мы? Это он тут живёт, а мы в Святой Земле. Вот: “Муэдзины были слепые или специально ослеплённые. Спросите, почему? (Но мы же не спрашиваем.) Место муэдзинов на минарете, выше всех. Сверху видели женщин. На плоских крышах протекала жизнь. Чтоб никому не давать видеть своих жён, моющихся, отдыхающих, муэдзина лишали зрения”. Зачем это нам?

Рассказывает о селении Афул, которое наполнено своеобразными жителями.

“Когда кого-то упрекают в отсутствии сообразительности, спрашивают: “Ты что, из Афула?” Это то же, что спросить: “Ты что, из Чухраёв?”, то есть вроде как сибирский валенок. А без этого сведения разве бы не прожили?

Но это что, вот в Турции был гид, тот точно из Афула. Говорил: “Ева – турчанка”. Ему нравилось, что слушатели смеялись. “Великую Китайскую стену воздвигли турки, чтобы не пускать китайцев к остальным”. И так далее. “В России тоже есть многожёнство. Вторую жену зовут секретарша”.

Сам, без гида, издали узнаю Назарет. Назаретянин – житель Назарета, а назореи – секта. “Инославцы, – сообщает гид, – не иноверцы. Они славят того же Бога, но по-своему”. Попутно, непонятно, по пути с чем, сообщает, что иудейский головной убор – кипа означает сферу, купол – знак власти Бога над тобой.

На остановке ограбили: картонный стакан горячей воды, в которой мокнет серый мешочек с чем-то – доллар. И пить не стал – выплеснул. Смешной протест – доллар-то отдал. А что я удивляюсь, в Домодедово стакан чая – сто рублей. Но хоть чай, а не жмых.

Вроде и хорошо – кондиционеры в автобусе. Но вот кто-то чихнул, и вентиляторы гоняют заразу по салону.

“В золоте купались, но не в вине. Не развратились. За прелюбодеяние убивали. Гомосексуалистов забивали камнями до смерти”.

Это гид о своих предках.

О фантастических урожаях в кибуцах. О героических Бен Гурионе и Голде Меир.

Ну и что записал? День ездил. Нет, надо заречься ездить с гидами-иудеями. Погребают всё ощущение святости земли под завалами начитанности. Вот тоже был один, вспоминаю, ехали от Красного моря, по пути возвраще-

ния евреев из египетского пленения. “Гора Ор, тут скончался Аарон, брат Моисея. Ор – граница меж Идумеей и Палестиной. Недалеко Кадеса, в переводе “святое место”, был стан после первого года странствия. Умерла Мариам, сестра Моисея...”. Но штука в том, что записал же! Вот что характерно. А нужно мне это было? И прочесть мог. А сейчас, а сегодня ведь было же и утро, и озеро, и Иордан. Было, и пронеслось. Вот это дай, Боже, запомнить.

И опять уносилось сердце во времена начала новой эры. Встали рыбаки совсем на заре в городе Вифезде, рядом же, пешком шли, а это был день встречи со Спасителем. Никто вначале апостолу Андрею (будущему) не поверил. “Иди и смотри”. И пошли, и увидели. Так же бы и нам приходиться и видеть.

ЕЩЁ БЛОКНОТ

(Опять же без дат, да это опять же неважно).

Пустыни, пустыни. Песчаные, глинистые (такыр), камни, песок. Всё скорбно и ждёт милости небес. Упадёт капля – через два часа травинка. Сам испытал. Возил в первые приезды с собой кипяtilьник, ибо как русскому, тем более вятскому водохлёбу, без чая? Выплеснул из чайника остатки воды и заварку под куст под окном. Вечером вернулись из поездки – около куста крохотная клумбочка травки там, куда попала влага. Двести миллиметров в год осадков. Приехал раз в апреле, не было давно дождей, сказали. В следующий раз к осени будущего года приехал, и знакомый сказал, что с тех пор опять не было дождей. Как живут? Ночные туманы, утренние росы, подземные реки, есть же они у Господа. Вспомнишь тут наши грибные дожди, тихие, ласковые.

Понял я, что можно здесь верить немногим плодам. Маслины (оливки) и финики. Почему? У них корни по несколько десятков метров. Те, чьи корни в верхних слоях, плодоносят в зависимости от полива. А он может быть и химический для взбадривания роста и досрочного созревания. То есть для продажи, дохода, а значит, тут качество продукта в расчёт не принимается.

Красные маки, так оживляющие склоны гор, обочины дорог, как капли крови Христа, цветут не каждый год, ждут условий. Значит, и год, и два сидят в каменистой, прокалённой земле, но сохраняют жизненные силы.

Мощь пустыни подвластна только Богу. Уходили отшельники, надеясь только на Его помощь. Без этого – смерть. Хочешь доказать, что выживешь сам? И не пытайся.

Даже и не мечтаю. Вспоминаю пещеры наших Лавр, похожи они очень на здешние. Не утерплю, запишу, пока вспомнил: в Египте обогнал я группу своих, когда поднимались к пещере Антония Великого, оглянулся – далеко обогнал. Поднялся, протиснулся в неё. Даже робость овладевает, это же метров восемь в расщелину входишь. Тесно, страшно, мысли о змеях. Идешь в полную темноту, сам собой заслоняешь проникающий свет. Оступился, пополз, щупая пол и стены руками. Ещё вниз, вверху ощутилось пространство. Нашупал одеяла, загремела канистра. Стоял, молился, привыкал. Чуть забрызжало. Разглядел иконы, успокоился. Решил подождать спутников. Пойдут же они в пещеру. Молился, потом решил примериться к ложу. Лёг, замер. Такой тишины мне больше никогда не слышать. Может, сжалился над моими измученными ушами Господь, сподобил ощутить состояние досотворённого космоса, в котором не было ни звуков, ни времени, ни красок. И света не было? И ни света, и ничего. Ни-че-го. Нет, не понять. Вопрос: “Что делал Господь до сотворения мира?”. Ответ: “Готовил ад для любопытных”. Есть же пределы попыткам познания. Слушайся святых отцов: “Знай себя и будет с тебя”.

Монастырь Георгия Хозевита, места пророка Илии, праведного Иоакима. Идти долго. Немного, для начала, пристают владельцы осликов. Но эти всё-таки не такие прилипчивые, не как те, с верблюдами, на Синае. Поднимаешься, не отстают и постоянно: “Кэмел, кэмел! Руськи, велбуд, велбуд”. И идут упорно, хотя твердо отказался. Думают, седой, устанет, попросится.

Внизу зелёная нитка водовода ещё со времён Ирода. Зелёная от воды, что бежит по желобу. А чуть дальше всё опять сухо и выжжено. Пещеры и пещеры по склонам. Имена же отшельников и молитвенников здешних знает только Господь. Даже и у монастыря, как напоминание, висит корзинка, в которой монаху подавали раз в неделю хлеб и воду. И однажды корзинку не утащили вверх. Значит, умер? Да. И пещерка его стала его могилкой. А в корзинке птицы каждый год выют гнездо. Пищат внутри птенчики.

Гид вещает: “Тут жили монахи. Они оставили свой бизнес, предпринимательские подряды, идеологические вопросы и ушли размышлять. Им помогают богатые вдовы, отдают деньги мужа на монастырь”.

Внутри дружно и молитвенно поют сербы. Просто одетые, радостные. И у нас удивительный молебен в пещере пророка Илии. Три девочки, и откуда они? Поют ангельски. Да все в белом. У одной куколка – малютка Христос. Баюкает.

Паломники, по себе сужу, помнят не все молебны в Святых местах, это, может, и невозможно, а какие-то, те, когда сердце было настроено к молитве. Да нет, монашки знают все.

Молимся. Тут так отраднo. Долго, трудно шли. Жарко. А здесь так благолепно, звук молитвы в пещере прямо обволакивает.

Видимо, для нашего сына мы такие старые! Говорит: “Отец, ну ты, я вижу, сам дойдёшь до автобуса, а маму надо на ослика посадить”. – “Не согласится”. Арабы идут по пятам. Нет, сын уговорил, жена моя садится на ослика и тут же начинает плакать: “Ой, ему тяжело, ой, он такой маленький, ой, дай-те, я отдам деньги, но пойду пешком”. Так и не поехала. Араб доллары взял, но честно прошёл всю дорогу с нами. Ослик цокал рядом. Надя гладила его по умной, грустной голове. Сели в автобус, поехали, помахали ему рукой.

И ещё про жену. Это во всех смыслах русская женщина. Вот доказательство. Я поднимаюсь на Синай, на гору Моисея четвёртый раз, Надя первый. Еле уговорил. Ночь. Молюсь, иду легко. Надя тоже молится, но слаба, ещё бы, после Москвы, в отпуске не бывала две пятилетки, всю семью на себе тащит. “Не могу, упаду”. – “Ну, постоим. Давай на камешке хотя бы посидим”. Упрямо идёт дальше. А впереди ещё, от того места, до которого могут доезти на верблюде, ещё восемьсот пятьдесят ступеней. Сам не считал, верю, что не меньше. Восемьсот пятьдесят. И не по двадцать сантиметров, по сорок, по пол-метра. Широкие, ещё и по ним идёшь. Ветер, тьма, нитки светлячков-фонариков внизу. Как много уже прошли. Но поднимешь голову – далеко-далеко тоже цепи фонариков. И это всё надо пройти. “Я умру, иди один. Иди, я тут сяду и подожду”. И видно – измучена вконец, лицо бледное, дышит прерывисто, лоб в испарине. “Тогда давай вернёмся оба”. – “Нет, ты дайди”. Молча стоим на ветру под редкими звёздами. Слышим вдруг хриплое дыхание, тяжёлый кашель. Ползёт по ступеням с двумя костылями старик явно старше меня. Подаю руку, он поднимает ногу, ставит её на следующую ступень и подтягивает другую ногу. “Данке”, – выдыхает он. Немец. “Хильфе?” – спрашиваю я. “Найн”. Уходит. “Что ты ему сказал?” – “Спросил, не надо ли помочь”. И жена, вот это и есть русская православная женщина, сама еле живая, торопливо говорит: “Надо, надо ему помочь, пойдём. Если и такой человек идёт, надо идти, стыдно перед ним”. Идём, и я рассказываю, как в предыдущий раз видел, как родители-старички вели на вершину слепого сына.

И дошли. И встретили ликующий рассвет, восход солнца, уход ветра, тепло и сияние наступившего на земле Божьего дня. Обратно, к монастырю святой Екатерины шли другим путём, более крутым и невозможным ночью. И жена, веселёхонькая, прыгала по ступеням как горная козочка. А я пел: “Хорошо нам с Надей тута: один час – одна минута”.

А однажды причастился на Синае. И уже, может быть, и не расскажу подробно. А надо бы. А надо ли? Многие же поднимались. Мне просто повезло, Господь сподобил, что в ту ночь в церкви служили Литургию. А обычно церковь заперта, и в щёлочки железных ржавых дверей ничего не видно. Подни-

мались, снабжённые в дорогу сухим пайком. Но силёнок не было даже на еду. Думал: дойду до вершины, там разверну этот харч-пакет. И вот — поднялись — отец Сергей, вперёд уходил, идёт радостный, говорит: “Греки служат. Кто не ел с полуночи, давай на исповедь”. А как пели греки! “Агиос, агиос, агиос, кирие Саваоф!”. И как мы “Символ веры” и “Отче наш”!

О, как спасает в тяжёлые минуты, дни и часы воспоминание о таких событиях.

ПУСТЫНЯ СЯГО САВВЫ ОСВЯЩЕННОГО

Помню неохватные взглядом свалки мусора, когда долго добирались до многострадального монастыря Саввы Освященного. Они дымились. И звали эти места геенной. Сейчас и мусора, и дыму поменьше. Тот перегорел, новый не валят.

В монастыре служба. Стоим. Тихонько отзывают, ведут вверх, к келье святого Иоанна Дамаскина. Знаменита поэма о нём Алексея Толстого. Константиновича. “Благословляю вас, леса, долины, реки, горы... И в поле каждую былинку, и в небе каждую звезду”. Неточно, может, цитирую, но видится эта молитвенная свобода человека, ушедшего от мира, от денег, от почестей. И куда? К послушанию чистить выгребные ямы в монастыре. Тут свеча горела, тут он сгибался над рукописью. Выходил на выступ над пропастью, читал звёздное небо, как мы газету. Днём видел стада коз, слышал шум потока внизу, то слабый, то тревожный. Тут и Мёртвое море рядом, и Кумранские рукописи тут обнаружены.

Там, у моря, Моссад, за морем гора Моисея, Нево, и гора Ирода, Мохерус, похожая на Иродион, который недалеко от Вифлеема. Вряд ли сопоставлял всё это преподобный Иоанн, но, думаю, отражалась же близость ветхозаветных и новозаветных мест на высочайшем уровне его творений. Вот у него-то творения, у нас записочки.

Монах. Из Сибири. Был на Афоне в монастыре Хиландар, как раз где икона святого Иоанна Дамаскина “Троеручица”. Полторы тысячи лет монастырю. Святой Савва ходил и увидел огненный столп. Божия Матерь ему: тут строй монастырь. Будет стоять до Второго пришествия. Сотни монахов были убиты в начале седьмого века. Осталось два или три. И ещё были монастыри, основанные Саввой, но остался только этот.

Служба. Только несколько свечей горит. Потолок низкий. Монахи стоят как тёмные столбики, которые его поддерживают.

Электричества нет, вода дождевая лишь. Русский старик-монах качает рукояткой водяной насос и кричит: “Дали визу на три месяца. Не продлевают. Отсижусь. Если что, спрячусь. Тут хорошо. Афонский устав. Молитва ночная. И женщинам нельзя”.

Слышно как оставленные у автобуса женщины поют молитву. Они поднялись на гору, чтоб было нам слышнее.

Может ли дьявол спастись? Может ли Господь простить его? Где и поднимать такие вопросы, как не в монастыре, обгабленном кровью мучеников за Христа, столько натерпевшихся от слуг дьявола?

“А почему нет? — отвечает монах. — Я не от себя скажу, от Антония Великого. Его сам сатана вопрошал. Более того, Господь попустил и такое, что даже Великий Антоний не понял, кто перед ним. Приходит мужчина, простой человек, просит ответить, примет ли Бог покаяние от дьявола. Антоний встал на молитву, и ему Ангел после молитвы открыл, что Господь никого не отвергает, потому даже самые отчаянные грешники не отчаивались, а приносили покаяние. А почему, думаете, так Господь решил? Потому что на Суде сатана может возопить: я хотел покаяться, а Бог не допустил. Чтобы у него такого довода не было. Так разумею. И когда снова тот человек пришёл, Антоний уже знал от ангела, кто задавал вопрос. Сказал: “Стой на одном месте, обратись к востоку, и день и ночь взывай: — “Боже, помилуй мя — злобу древнюю”. — И так сто раз. Потом говори: “Боже, помилуй мя — прелесть помраченную”. И это тоже сто раз. И ещё: “Боже, помилуй мя — мерзость запустения”. Опять

стократно. Взывай непрестанно, ибо не имеешь состава телесного и не можешь устать. И что, спросите, сказал Антонию сатана? Захотал! — “Чернец, да как же я сам себя назову злобой древней, прелестью помраченной, мерзостью запустения? Да я живу лучше всех, да у меня столько слуг, море грешников, я царствую над ними, они любят меня, живу в их сердце, ходят все они по воле моей, а ты хочешь, чтоб я стал рабом покаяния? Как променяю власть на безчестие?”. Вот такой ответ.

ИСТОЧНИКИ

Конечно, счастье, что стоит в Назарете наш православный храм и именно над источником Девы Марии. А ведь я ещё помню, когда пускали вниз, по ступеням, к самому источнику. Такого освежения, такой встряски чувства молитвы испытать ли ещё? Тогда прибежал вперёд всех, торопливо поставил свечу и, восторженно крестясь, сдерживая себя, сошёл к воде. Боже мой, тут архангел Гавриил принёс весть о рождении Спасителя Деве Марии. Кружка, помню, была металлическая, на белой цепочке. Мелькнули в голове бедные наши полустанки с баками кипячёной воды и с такими же кружками. Пил воду и обливался. Вначале голову, а потом и остальное. И весь освежённый и счастливый, и мокрый стоял сзади всех на молебне. А когда он кончился и поехали дальше, я уже весь обсох. И было ощущение чистоты одежды и лёгкости тела.

Ведь это же со мной было, Господи, слава Тебе!

А ещё тут же запишу про ещё один источник Божией Матери. Жил в Горней и бегал умываться к нему. Прямо всю голову макал, такой восторг! Но особенно помню, как ходил пешком к источнику Иоанна Крестителя, к католическому монастырю, к пещере, в которой он был младенцем. Они скрывались от воинов Ирода, уже знали, что всех младенцев убивают. Бежали ночью. Боже Ты мой! Пустыня, шакалы кричат, не просто кричат, а так воют, что содрогаетесь. Ветры, особенно хамсин — это ветер, который несёт такую пыль, что проникает сквозь любые ставни. Ночью холод, днём жарища, дышать нечем. И этот Богоносный малыш один-одинёшенек. А олениха, питающая молоком, а ангелы, обучающие Писанию? Нет, слаб я, не проникну в Божию премудрость. Просто верую и исповедую, что так и было. Отец, убитый “меж церковью и алтарём”, умершая мать, Иоанн один. С Богом.

“Победную песнь поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще”. Тут искать ответ.

Да, эти незабываемые дороги до источника. Да какие дороги — тропы и заросли. Ведь не терпел зигзагов, казалось, близко напрямую. Да и монахи-ни говорили, что иногда ходят напрямую. Торопливо шёл, как говорят на Вятке, впробегутки. Склоны, овраги, камни. Боялся, помню, змей. Слаб верой, ещё не дорос до “на аспида и василиска наступиши и попереши льва и змия”.

Прибегал, и вот — счастье — был один-одинёшенек у пещеры и источника. А один раз не успел до закрытия. И что? И, конечно, нашёл, где перелезть ограду.

А первый раз, я же не знал, принял за источник прудик у пещеры. Он очень глубокий. Декоративен, обведён мрамором, в нём цветущие водяные растения и крупные разноцветные рыбы. Это я всё потом разглядел. А тут прибежал разгорячённый, приложился к образочку в пещере, разделся и ухнул в этот красивый водоём. Дна нет. Хорошо, умею плавать. Как-то выбрался. Потом разглядел и рыб, и то, что рядом лестница к источнику. Но лето, но всё заросло, не мудрено, что не заметил. А вода в источнике показалась самой холодной изо всех источников Святой земли. Но так отраднo!

А Овчая купель? Уж выдам секрет. В ней нет погружения, да и воды никакой не видно. Но надо знать. Когда экскурсию (группу) ведут прямо и направо, надо потихоньку отстать и идти прямо и налево. Потом вниз по красным разбитым спускам. Там металлическая ограда. Может, нехорошо, но надо и её преодолеть. Но вреда ей не нанесёшь — железная. Там ступени, по ним остo-

рожно вниз, там полумрак, там – вот и она – целебная влага. Замри, и услышишь тихие звуки. То не “ангел возмущаше воду”, то музыка капели. Капли падают из разных мест, и от этого на воде узорные блики. Стоять бы тут, читать Писание, молиться. Но когда? Надо бегом-бегом раздеваться, опять же перекарабкиваться ещё через одну решётку и входить в евангельские воды. Один раз было по пояс, другой раз по щиколотку. Опускаешься на колени, пытаешься понять, где восток. Но тут везде святое счастье прозрения и исцеления.

Источник святой равноапостольной Марии Магдалины. Всегда был то ого-рожен, то безводен, а сейчас – какая благодать! Стоишь над ним, он тём-ен и зеркален внизу, и в нём идут облака. Слава Тебе, Господи!

Недалеко и радоновый горячий источник. Это уже курорт. Маленькие рыбки щиплют волоски на ногах, думают – трава.

А Елисейский поток? Спасибо матушке, подсказала, где он. Он в част-ном владении, и понятно, что не очень-то хозяев радует наплыв людей. Но они – люди добрые и матушку любят. Поток льётся в бетонном жёлобе, вода вкуснейшая. Надо раздеться и лечь в него, лечь и Бога славить за счастье та-кого омовения.

Уж доскажу и ещё про один источник, про купель Силоамскую. Около неё, сколько помню, идут раскопки града Давидова. Где-то же тут обломки столпа Силоамского, под которым были погребены восемьдесят человек. “За что? Разве они были в чём виноваты, виноватее нас?” – “Нет, но, если не покае-тесь, то же будет с вами”. Подошла еврейка. Археолог из Новосибирска. Кур-рит. Просто поговорить подошла. “Тут у меня и мама, и работа, но без рус-ского языка тоскую”.

А источник без подсказки вряд ли найдёшь. Но услышишь вдруг радост-ные детские крики, перекрывающие рёв машин, и понимаешь – тут. Это на-чальная школа, она как раз над источником. Владеть им гостеприимные ара-бы. Вниз по ступенькам, подалее в темноту расщелины, по металлическим острым решёткам, там уступ, на который складываешь одежду, и вот – ты в Силоамской, по Слову Господа исцеляющей, купели.

И ещё успеешь и к группе присоединиться, и на раскопки воззреть.

И всегда слышу совет, и уже и сам его даю: “Всегда молиться”. – “И всё?”. И всё. Да, и всё. И разогреется сердце, и услышит тебя Господь. Ведь входим в храм, как неживые, как на ходулях. Замотаны дорогой, тороп-ливостью, особенно мыслями о земном. Молиться. Только не мучить себя, не ругать себя, не ждать результата. Молиться, и всё.

И не считать, что моя молитва здесь, на Святой Земле, более доходчива, чем молитва сверстника-старика в деревенском храме. Дело в силе веры. Я и за этого старика молюсь. И за нашего батюшку и его семью, и прихожан на родине, за всех. Услыши молитвы их, Господи! Помоги им, Господи.

Особенно молюсь за одну семью. Уже и дети есть, уже и в школу стар-ший пошёл, а всё не венчаны. Ну как же не понимают, прямо беда, что ради детей надо под венец. Нельзя детям в родительском грехе расти.

Да, вспомнил читанное о преподобном Кукше. Именно в Силоамскую ку-пель он упал, теснила толпа, когда совсем молодым был в Иерусалиме. А пер-вой попасть в источник мечтала женщина, не имеющая детей. По преданию, женщиной после омовения прежде всех Господь даровал детей. И над моло-дым иноком смеялись – дети будут. А у него и было потом множество духов-ных чад. Выселенный с Афона, когда греки старались, пользуясь смутой имяславцев, побольше наших монахов убрать со Святой горы, Кукша много перестрадал. Умирал в преклонном возрасте. Он же ещё и сидел в тюрьме, был на лесоповале. Раз увидел – за колючей проволокой – повар с кухни нёс обед охранникам. Кукша сказал ворону: “Ворон носил Илие хлеб, принеси и мне хоть кусочек”. И ворон принёс страдальцу пирог, уронил его рядом на снег.

ПРИЧАСТИЕ

Утро. У Вифлеемской звезды, в пещере только мы, русские. Служат греки, помогают им арабы. И наш батюшка облачился в праздничное. Проскомидия на виду у всех. Архимандрит, быстро и ловко вертя в руках просфору, вынимает частицы, читая записки или слушая диктовку имён. Очень терпелив. Но когда женщина читает имена и минуту, и две, и три, отстраняет её и слушает следующую. Женщина, отходя, говорит мне: “У меня же ещё записки и в другом кармане были”. И все её понимают, всем хочется побольше помянуть родных и близких. Ведь это в таком месте.

Это не высказать. Идёт служба, мы стоим в пещере, откуда возшло солнце нашего спасения. Пастухи простыми сердцами умилились и пришли, куда привёл ангел. И умных волхвов привела звезда. А ведь волхвам Ирод сказал, чтобы они вернулись к нему и рассказали о царе иудейском. То есть волхвы рисковали, когда решили к нему не возвращаться. Но что бы они сказали? Родился Мессия? С царством твоим покончено, Ирод. А если бы это спасло вифлеемских младенцев? Но о казни младенцев волхвы и представить не могли. Всё было, как было.

Стоял на Литургии у яселек Богомладенца. Только и думал – продлилась бы служба. Женщина-палестинка в чёрной куртке, простоволосая, вместо хора певчих. По-арабски “Господи, помилуй” похоже на “Я-архаба”. Мальчик пробрался к звезде и сел у ног архимандрита, глядя на нас с любопытством. “Отче наш” пели на русском. Батюшка наш в богатой ризе. Пронеслась служба. Причастились. Только бы отложились и эта Литургия в сердце, вернее, на сердце, чтобы защищать его от стрел лукавого.

Много свечей на подставках для них. На круглом блюде с водой решетка, и в неё вставляют коричневые толстые свечи. Особо со свечами не церемонятся. Некуда свою поставить? Выдёргивают любую, гасят и в ящик. Хватит, погорела.

После причастия запивки нет. Заедаем кусочками Вифлеемского хлеба. Хлеб ломают над звездой и щедро раздают. Подхожу за ним дважды. Знаю, как целительно среди московской зимы начать день с крошки такого хлеба, запитого святой водой.

Из пещеры нас выгоняют армяне. Втаскивают свою икону, устанавливая над звездой.

Вернулся. Ещё время до завтрака. Вспоминаю причастия на Святой Земле, сколько их было? Десятки. Но разве важно количество. Истоиво верующий, однажды приехавший и однажды здесь причастившийся, может, более спасён, нежели аз грешный. А священники в ссылках, тюрьмах, причащавшие кусочками ржаного хлеба, делавшие епитрахили из тюремных полотенец, разве такие причащения не спасительны? Да ещё больше.

Всё в меру веры. Здесь же, лет одиннадцать назад, вернулись в пасхальное утро из собора Русской миссии, где причащались и разговлялись. Вышли из автобуса у гостиницы “Гранд-отель” и, не заходя в неё, не отдыхая, пошлагали в храм Рождества. Шли по пустым улицам и пели: “Воскресение Христова видевшие...”.

А вот когда поют “Херувимскую”, и в каком бы храме ни был в это время, представляю тут же Троицкий собор Лавры. В нём на ранних службах бывал многократно за долгие, счастливые, годы преподавания в Духовной академии. И врзалось, как однажды стоял у алтаря, и могучий хор молодых голосов, студентов Академии, начал “Херувимскую”, то я совершенно отчётливо увидел у жертвенного столика преподобного Сергия. Он! Вполоборота, в серой рясочке, склонясь над столиком, стоял молча, молился. Я боялся шелохнуться. Вышли со Святыми дарами, заслонили вход в алтарь. Когда запели “Яко да Царя всех подыдем ангельскими чинми...”, у жертвенного столика никого не было.

И на Фаворе причащался, на рассвете Преображения, и много раз в Горней, и у гробницы Божией Матери, и, конечно, в храме Воскресения, на Ночных службах, у Гроба и в самом храме причащался и, уже где-то записал, на Синае. Везде.

И всегда после причастия была спасительная мысль: вот теперь не страшно умереть.

Боль сердца – напоминание о Боге. Болит – молись, исповедуйся, причащайся, и пройдет. Сердце болит у добрых.

ЛЮДИ-ГОЛУБИ

Так я называю паломников. Цитирую по памяти из Даля: “Паломничество встарь было в повсеместном обычае”. Насильственно прерванное, оно возродилось и разрастается, как дерево из благодатной почвы. Даже и дуб в Хевроне возрождается. Нам ли унывать. Благою весть несут люди-голуби, прилетавшие в Святую Землю и разлетающиеся по всем пределам России.

Слово паломник производится от слова “пальма”, “ветвь Иерусалима”. Ветвями пальмы выстланы последний земной путь Христу поверившие в Него. Но слово “пальма” имеет и латинские корни, напоминающие голубя. Палома, палумба. Вспомним песню юности “О, голубка моя”, “Ля палома, адью!”.

Люди-голуби одушевляют и оживотворяют Святую Землю. Нет их, и Святой Земли не доищешься. Останутся одни жующие и обвешанные кино- и фотоаппаратурой туристы.

Из “Напутственного слова”: “Вспоминая Вифлеем, в котором Сын Божий, будучи Богом, родился от Святой Девы Марии человеком для нашего спасения, не забывайте, что и вы явились на свет Божий не для того только, чтобы есть, пить и веселиться, а для труда и забот о едином на потребу – служения Богу и спасения своей грешной души. С мыслью об Иордане, в котором крестился Господь наш Иисус Христос, у вас должен быть помысл и о вашем крещении, при котором вы дали обет служить Богу... Сорокадневный пост и молитва Спасителя в Иорданской пустыне да напоминают вам, что искушения и козни диавола и дикие вопли страстей человеческой природы могут быть усмирены и побеждены только молитвой и постом – этими двумя крылами, при посредстве которых и мы можем взлететь к престолу Всевышнего... Подвиги и мученическая кончина Иоанна Предтечи да послужат уроком и образцом того, что правда должна быть выше и дороже всего – всех корыстей земных, хотя бы из-за неё пришлось лишиться свободы и даже самой жизни. Назарет да напоминает вам о величайшем смирении пренепорочной Девы Марии, удостоившейся здесь неизреченного счастья – воплощения от Нея Бога Слова, и о том, что смирение есть наиудобнейшая Богу добродетель. Преображение Господне на Фаворской горе, при котором лицо Его просияло как солнце, пусть переносит вашу мысль к последнему дню мира, в который и наши тленные воскресшие тела, украшенные подвигами добродетелей, изменятся в нетленные и тоже просветятся яко солнце в царствии Отца Небесного...

Не праздное любопытство влекло вас сюда, а Святая вера, Святое желание утолить духовную алчбу и жажду души вашей, помолиться Господу на самом месте принесения Им себя в искупительную жертву, принести чистосердечное покаяние, дать Спасителю обещание прожить оставшуюся земную жизнь в добрых делах...

О вера, источник временных и вечных радостей, основание любви Божией к нам, грешным. О вера, Ангел наш хранитель, утешитель, спаситель! Божественная вера, вера Евангельская, Православная! Вера Христова, единственная, единая, не оставляй нас! При такой вере, если пойдём и долиной смерти, не убоимся. С нами Бог, а если Бог с нами, то кто против нас? Только помните всегда, что вера без доброй жизни христианской – что дерево без плодов. Вера – цветок, а жизнь по вере – вожделенный спасительный плод ея...”.

А рядом и мои выписки из “Голубиной книги”. Готовился же к поездке:

“Какой город всем городам отец? Иерусалим – всем городам отец. Почему тот город городам отец? Потому, что в том городе, посреди земли, стоит церковь, всем церквам мать. Почему она всем церквам мать? А стоит в ней престол Божественный, а на том престоле Божественном стоит гробница белокаменная. В той гробнице белокаменной почивают ризы самого Христа, Царя Небесного.

А какая же река всем рекам мать? Это Иордан, где принял от святого Иоанна Предтечи Крещение Иисус Христос.

А какая гора всем горам гора? Это Фавор, где произошло Преображение Господа нашего Иисуса”.

И – главный вопрос: “А какая же земля всем землям земля? Это Святая Русь – земля. На ней стоят церкви апостольские, люди молятся Богу распятому”.

“СВETИСЯ, СВETИСЯ, НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМЕ...”.

И есть и будет Христос посреди нас, и есть и будет у нас Новый Иерусалим. В прямом смысле. Практически рядом с Москвой. Это уже все знают, и многие в нём бывали и бывают. А я давно не ездил. Но не ругаю себя, ибо для того сильного впечатления, которое испытал от приезда туда, был даже и нужен такой долгий перерыв. Знал, что восстанавливается монастырь, но такое было безотрадное воспоминание от тех приездов в 60-е, 70-е годы, что боялся, как говорят психологи, впечатлений со знаком минус.

А ты приехал – всё получилось со сплошными плюсами. Поглядел на вознесшийся заново купол храма – ротонду, сразу сердце сказал: да! И уже понесли по ступеням на Голгофу. Крест палестинский, подлинный, Господь и добрые люди сохранили. Побыл, повспоминал Ночную службу на Голгофе, и уже показалось, что именно тут причащался. Спустился, приложился к Камню помазания, вполз на коленях по коврам в Придел ангела и в сам Гроб. Обошёл всё вокруг. Конечно, ещё делать и делать. Ещё и не вполне монастырь, ещё сильный налёт музейности. Но уже, если один экскурсовод говорит о закомарах, апсидах, о тутошнем съезде эсеров в восемнадцатом году, то другой – невысокая, зябнущая на сквозняке девушка, говорит о бичевании Господа, о распятии так, будто сама была свидетельницей страданий Господа.

Есть в Новом Иерусалиме, может быть, от изразцов, от окружающей зелени, от крепостных стен, сложенных из красных кирпичей родной глины, какая-то русскость, основательность, спокойствие. Изразцы здесь называются “павлинье око”, а павлин – птица райская. Светят павлиньи очи нам из семнадцатого века, и дай Бог им светить ещё долго-долго.

Великое счастье, что в России есть эта святыня – Новый Иерусалим. И будет там, рано или поздно, схождение на Гроб Господень Благодатного огня в Страстную субботу.

Всё тут такое подлинное. Поток Кедрона мелкий, и скоро высохнет. Как и в Иерусалиме. А река Иордан-Истра такая точная в совпадениях, только бы глаз не поднимать к зданиям и трубам. Для погружения всё оборудовано. Не так богато, как в Кинерете, зато бесплатно.

По дороге на Иордан вкрапление дикого язычества – дерево желаний, обвешанное тряпками и разорванными носовыми платками. “Везде есть такие, – защищает дерево черноволосый мужчина в широкой кепке, – и у нас в Грузии есть. Разве у вас нет желаний?” – “Нет”. – “Не может быть!”. – “Может. У нас есть уверенность, что Господь лучше нас знает, что нам нужно”.

Впервые разглядел, что то здание, которое именуется в музейном путеводителе кельей патриарха Никона, собственно кельей не назовёшь, это, скорее, дом приёмов. А сама келья – трогательно крохотный домик на крыше. Он каменный, но сделан по типу бревенчатых избушек. Метра, может быть, четыре квадратных. Вроде и большая келья, но далеко ей до загородных строений новых русских. Они вообще хамских размеров. Архитектура стиля а ля финансы.

И зачем только Никон так резко и так жёстко менял привычное богослужение? Да, надо было править книги. Да, и он был прав, и Максим Грек, но

рвать привычное так сразу, так вдруг... Объяснить бы о троеперстии, об ошибках в Богослужебных текстах, нет, не церемонясь – выполнять приказ! Но и Аввакум, нападавший на Крест, разве был прав? Это как понять: “Крест – польский крыж”? Хоть ты одним пальцем крестись (Бог един), хоть двумя (две ипостаси), хоть тремя (Троица), всё равно начертываешь на себе знак готовности следовать за Христом, умереть за Христа.

Договорю о Новом Иерусалиме. Взорвали его десятого декабря. Взрывали эсэсовцы элитной дивизии “Райх”, стоявшие там всего две недели. Тащили с собой огромное количество взрывчатки, но наше наступление под Москвой вынуждало всё бросить. Тогда всё и зарядили в основание главного храма. И должна была остаться только грудка щебня. Но – велик Господь – взрывная мощь обошла алтарь, сохранила кувуклию. Конечно, потери были огромны. И настолько было велико значение Нового Иерусалима, что обвинение в его порче стояло отдельной строкой в документах Нюрнбергского процесса, суда над фашистами. Их, немцев, приговорили к восстановлению архитектурного русского шедевра.

Не торопятся исполнять приговор. Да и некогда им, всё долги евреям платят. Но узнал я, что приезжал в монастырь старик-немец, и плакал, и калялся, что он из тех, кто взрывал, и что тот, кто командовал, умер страшной смертью. Какой? Разве важно, какой. Страшной.

“НЫНЕ ОТПУЩАЕШИ”

Это я не на чьих-то похоронах, это бабушка читает специальные молитвы прощания со Святой Землёй.

“Ныне отпускаеши раба Твоего, владыко, по глаголу Твоему с миром...”, – дальше все знают. Читает в автобусе, другого времени не будет. Начнутся в аэропорту процедуры, в самолёте не прочитаешь при всех, в Москве разбежимся: кто на электричку, кто на экспресс, за кем и машина придёт. А сейчас мы последний раз вместе, в родном пространстве, в котором проехали многие сотни километров по горам, долинам и пустыням Святой Земли, в котором бывало и жарко и холодно, в котором молились, исповедовались.

“Свете тихий святых славы безсмертного Отца небесного, святого блаженнаго, Иисусе Христе!

Пришедше на запад солнца, видевшe свет вечерний, поем Отца, Сына и Святаго Духа Бога... Господи, – бабушка возвышает голос, – к Тебе прибегах, научи мя творити волю Твою, яко Ты еси Бог мой, яко у Тебе источник живота, во свете Твоем узрим свет. Пробави милость Твою ведущим Тя”.

Неужели уже завтра утром скажем: “А вчера в это время...”?

Всё, поехали.

СЕРГЕЙ ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ

ГРОЗНЫЙ ЦАРЬ: ИЗВЕСТНЫЙ И НЕВЕДОМЫЙ...

Очерк-размышление

I

Есть в русской истории некие “вечные” темы, которые изучаются и обсуждаются – и в исторической науке, и в общественном мнении – десятилетиями, а то и столетиями, но окончательного, “точного”, всеми принимаемого ответа так и не находят. Вот уже более пятидесяти лет идёт в науке спор о начале Великой Отечественной войны – кто виноват? почему “прошляпили”? в чём причины страшных поражений 1941 года? В скором времени наступит столетний юбилей революций 1917 года – и снова вопросов больше, нежели ответов. К трёхсотлетию приближается ещё одна научная дискуссия – о происхождении руси и варягов, о начале Древнерусского государства. Постоянно продолжают волновать научное сознание такие кардинальные фигуры отечественной истории, как И. В. Сталин, В. И. Ленин, Пётр I...

Одна из таких “вечных” тем – личность, жизнь и деятельность первого русского царя Ивана IV Васильевича Грозного. Вот уже более 425 лет минуло со дня его кончины, а в научной литературе как не было, так и нет некоего единого представления о нём, нет единой оценки, единого мнения. Ещё более, иногда кардинально, оценки Ивана Грозного расходятся в современном общественном сознании: одни наши современники считают первого русского царя антихристом, другие – святым, кто-то пишет ему иконы, а кто-то – сносит памятники.

Свидетельством негативного восприятия образа царя Ивана IV Васильевича в последнее время стали два фильма. Один из них – это многосерийный телефильм, показанный по каналу “Россия”. В этом фильме молодой царь Иван – это собрание всех мыслимых пороков. Правда, и окружение его тоже не лучше. В итоге получилось на редкость “целостное” полотно: люди XVI века – сплошные монстры, да и время – исключительно монструозное. Однако название этого фильма, имена режиссёра и актёров не запомнились. Причина тому – какое-то невыносимое количество пошлости на каждый квадратный сантиметр телекадра. Смотреть это “телепроизведение” было противно и гадко,

ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ Сергей Вячеславович — российский историк, философ, писатель, доктор исторических наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова, секретарь Правления Союза писателей России. Лауреат многих литературных премий. Автор более 30 книг, в том числе “Русская религиозно-философская мысль X—XVII вв.”, “Россия. Великая судьба”, “Русский выбор: Очерки национального самосознания”, учебников по истории России для общеобразовательных школ. Живёт в Москве.

ибо казалось, что авторы решили во что бы то ни стало провести только одну “сверхидею” – в средневековой Руси детей вовсе не в капусте находили... Ну и так далее.

Второй фильм – это уже кинопродукция с лаконичным названием “Царь” режиссёра П. Лунгина. Фильм, несомненно, с гораздо более серьёзной заявкой, нежели телеподелка канала “Россия”. В самом деле, духовное противостояние царя Ивана Васильевича и святителя Филиппа, митрополита Московского и всея Руси, – это реальная проблема в русской истории. Вот только решает эту проблему фильм “Царь” слишком прямолинейно. По сути дела, в основу сценария авторы попытались положить житие святителя Филиппа и представить нам, зрителям, именно житийное прочтение действительного исторического сюжета. А всякое житие – это же словесная икона, не подразумевающая полутонов.

Создатели фильма “Царь” показали нам открытое противостояние воплощённого Добра (святителя Филиппа) и воплощённого Зла (царя Ивана). Иначе говоря, изначально предполагалось представить зрителям государя Ивана Васильевича если не как антихриста, то как его предтечу. Следовательно, решение образов главных героев заключалось в максимальном усилении положительных характеристик святителя Филиппа и, одновременно, в максимальной демонстрации отрицательных и даже самых отвратительных качеств царя Ивана. Отсюда и столь нелицеприятный и... неоднозначный (!) образ царя, созданный Петром Мамоновым, в исполнении которого царь – истинное исчадие ада. Правда, само по себе это “исчадие” получилось несколько мелковатым, таким мелким бесом. Подобную мелковатость, даже гротескную комедийность образа усиливает, к примеру, единственный зуб во рту царя, очень уж напоминающий столь же единственный клык Бабы-Яги в исполнении Г. Миллера из детских фильмов А. Роу.

И ещё одно недоумение, вызванное фильмом П. Лунгина: если в основу фильма положен житийный сюжет, то почему сам фильм называется “Царь”? Ведь главный герой фильма вовсе не царь Иван Васильевич, а святитель Филипп? Название “Царь” решительно дезориентирует и зрителя, и авторов фильма. Из этого вытекают и все слабости картины – название фильма не соотносится с содержанием. Нет, конечно, можно поумствовать и объяснить, что истинным царём (в духовном смысле) в конфликте Ивана IV и святителя Филиппа оказывается вовсе не “звероподобный” Иван. Но больно уж всё это сложно. Поэтому, думается, объяснение такой путаницы намного проще. Название фильма выбрано исключительно из коммерческих целей: видимо, его создатели решили, что кинокартина “Царь” принесёт гораздо большие сборы, нежели фильм с названием “Филипп”, или “Подвижник”. Правда, ежели в данном случае коммерческие интересы превалировали над всеми остальными, то и фильм не должен претендовать на некий нравственный урок. А ведь фильм “Царь” как раз претендует... Но при чём здесь нравственность?

Несколько странное, если не сказать больше, впечатление вызвал и поступок исполнителя роли шута Вассиана – актёра, сценариста и, одновременно, священника Ивана Охлобыстина, который был поражён крайне негативной реакцией и на его участие в фильме, и на созданный им образ со стороны “собратьев по служению и простых прихожан”. Эта критика привела его к печальному выводу: “Я действительно категорически не соответствую общепринятому нормативу внешнего образа священнослужителя”. И снова возникает вопрос: а соответствует ли фильм “Царь” той нравственной максиме, которую он якобы утверждает?

Оба фильма вызвали самые полярные оценки: кто-то их восхвалял, но многие, наоборот, открыто возмущались.

Стоит вспомнить, что полярные оценки жизни и деятельности первого русского царя возникли уже при жизни Ивана Васильевича, и его современники оставили нам не просто различные, а противоположные впечатления о государе. Так, князь Андрей Михайлович Курбский, долгое время бывший соратником царя, но бежавший в 1564 г. из России в Литву, стал первым обличителем Ивана IV. Именно Курбский оказался автором концепции “двух Иванов”: в 1550-е гг. Иван Васильевич – благочестивый православный царь, участник созидания Святорусского царства; в 1560–1570-е гг. царь Иван – предатель христианских истин, разрушитель Святорусского царства, тиран, убийца¹. А вот в официальном летописании царь, наоборот, прославлялся как

великий христианский государь. Об этом же писал и первый русский патриарх, святитель Иов, лично знавший Ивана IV, в повести, написанной между 1598 и 1605 гг. и посвящённой уже сыну Ивана Грозного, царю Фёдору Ивановичу: “Той же убо благочестивый царь и великий князь Иванъ Васильевичъ всеа Русии бе разумомъ и мудростию украшен и в храборскихъ победахъ изрядень славен, и к бранному ополчению зело искусень, и во всехъ царскихъ исправленияхъ достохвален явился, великия израдныя победы показа и многия подвиги по благочестии совершив”².

Противоречивые свидетельства современников, естественно, в значительной степени влияли и продолжают влиять на формирование научных представлений об Иване Грозном, о его эпохе, о его личности и деяниях. Конечно, за многие десятилетия и даже столетия (а российская историческая наука, напомним, возникла в XVIII веке) историки выяснили множество фактов, открыли большое число документов. Впрочем, вторая половина XVI столетия не так уж богата на исторические источники, как может показаться. Общерусское летописание в то время прекратилось, а многообразные свидетельства иностранцев, бывавших или живших в России, несомненно, интересны, информативны, однако нередко тенденциозны. Ведь, как отмечают современные историки, именно в годы правления Ивана IV, особенно во время Ливонской войны, в Западной Европе начинается формироваться пропагандистский миф о “варварской России”, являющей собой “угрозу для всего западного мира”. Тогдашние западноевропейские “политтехнологи” описывали жителей России XVI века как безбожников, людоедов, святотатцев, убийц и агрессоров от природы. Естественно, что возглавлять подобное сборище мог только “бесчеловечный тиран”, “жесточайший и свирепейший враг”, а именно – русский царь³. Поэтому, читая сообщения иностранцев о России, всегда стоит помнить, о том, что они изначально воспринимали Россию, как вражескую и “варварскую страну”, и в своих сочинениях, прежде всего, стремились подтвердить этот уже сложившийся у них стереотип. Конечно, это вовсе не значит, что иностранным источникам нельзя доверять вообще. Но это значит, что использовать информацию из иностранных источников нужно очень внимательно и осторожно.

Кстати говоря, современные историки замечают, что “отголоски этого восприятия, порождённого Ливонской войной 1558–1583 годов, слышны и сегодня в высказываниях иностранных политиков и учёных”. Иначе говоря, именно Ливонская война стала временем рождения пресловутой русофобии, когда Западная Европа, испуганная успешными наступательными действиями Российского государства, стала ещё больше пугать саму себя и весь мир рассказами о “страшном русском медведе”. А вот “изменить этот имидж, формировавшийся веками, для России необычайно трудно, прежде всего из-за нежелания европейской стороны менять свои преубеждения и стереотипы, сформировавшиеся более четырёхсот лет назад”⁴.

Так что мы ещё очень многого не знаем о той эпохе. К примеру, мы до сих пор не знаем, когда и почему возникло знаменитое прозвание первого русского царя: Иван Грозный. Кто-то из историков утверждает, что Грозным его прозвали за активную внешнюю политику и, в частности, за взятие Казани в 1552 году. Кто-то, наоборот, считает, что это прозвание он получил за свои опричные деяния. Но как было на самом деле – неизвестно. Как ни странно, но впервые над этим вопросом задумался только современный историк А. Л. Юрганов. Вот к каким результатам он пришёл в ходе своего исследования: “Как это ни покажется удивительным, но в научной литературе не обращалось внимание на то, что ни один из современников царя не называет его “Иваном Грозным”. И даже в фольклоре XVI–XVII вв., допускающем вольные переосмысления, чётко выдерживается определённое, очень продуманное отношение к этому слову. “Грозный” в фольклоре – это прилагательное, не превращённое в имя собственное. “Отвечает Кастрюк-Мастрюк: “Говорит грозный царь, Иван Васильевич”; “Во матушке было в каменной Москве, / При грозном царе Иване Васильевиче”; “Другой борец идёт, Иванушка маленький: / “Уж ты здравствуй, грозный царь Иван Васильевич!” и т. д. и т. п. И ни разу – Иван Васильевич Грозный: это значит, что современники и ближайшие

потомки твёрдо знали, что царя нельзя подобным образом именовать. Судя по всему, причина запрета заключается в том, что слово “Грозный” как предикат уже употреблялось, и достаточно широко, но применительно к небесным силам вообще и Архангелу Михаилу в частности. Как бы ни уподоблялся царь Богу, но небесная иерархия была выше любой земной. <...> По всей видимости, именно из фольклора слово это, при посредничестве В. Н. Татищева, перекочёвывает в науку, но уже с иным смыслом и как имя собственное русского царя”⁵.

Итак, недостаточность и противоречивость исторических источников во многом определили противоречивость научных гипотез и концепций. На сегодняшний день можно выделить три основных направления в оценке личности и деятельности царя Ивана IV Васильевича:

1. “Обличительное”. Своё начало это направление берёт от сочинений А. М. Курбского. Позднее достаточно жёстко об Иване Грозном писали П. И. Ковалевский, С. Б. Веселовский, А. Г. Кузьмин и др.

2. “Апологетическое”. Это направление также возникло в XVI веке, в официальном летописании. Уже в XIX в. близок к нему был известный историк и юрист К. Д. Кавелин, а в наше время – митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн, И. П. Фроянов и некоторые другие.

3. “Объективистское”. Стронники этого направления, с одной стороны, признают значительный вклад царя в созидание Российского государства, с другой стороны, обличают его деспотические наклонности (В. О. Ключевский, С. М. Соловьёв, С. Ф. Платонов, А. А. Зимин, В. Б. Кобрин, Б. Н. Флоря, А. Л. Юрганов и др.).

Нужно отметить, что большинство специалистов-историков всё же обличают царя Ивана или полностью, или же по отдельным моментам. Таким образом, позиции сторонников “обличительного” и “объективистского” направлений во многом совпадают (особенно это касается характеристики опричнины, казней, разгрома Новгорода и Пскова и др.). Поэтому можно сказать, что обличительно-критическое восприятие деятельности царя является господствующим.

Однако необходимо сказать и о том, что подавляющее большинство точек зрения историков продолжает основываться на выдвинутой ещё А. М. Курбским концепции “двух Иванов”. На это обратил внимание современный историк А. И. Филюшкин: “До сих пор история правления первого русского царя излагается по заложенной ещё Н. М. Карамзиным на основе сочинений Курбского схеме “двух Иванов”: хорошего государя в 1550–е гг., времени реформ, времени правления “Избранной рады”, и необузданного тирана после 1560 г., после смерти царицы Анастасии, разгона “Избранной рады” и “облутения” царя. Существование данной схемы – самый главный след в истории, который сумел оставить Курбский. Его глазами историки и литераторы смотрят на Россию XVI в. вот уже больше 300 лет”⁶.

Таким образом, мы и сегодня осмысливаем и личность царя Ивана Грозного, и все процессы второй половины XVI века в основном через призму восприятия опального князя А. М. Курбского. А вот взгляды самого Ивана Грозного, отражённые в его многочисленных посланиях, в летописных источниках, автоматически считаются необъективными, а то и откровенно лживыми. Насколько это правильно, насколько такое восприятие способствует верному пониманию исторической действительности – это большая проблема.

При этом в каждом из направлений есть свои ответвления, свои позиции, сторонники которых по-разному объясняют причины тех или иных поступков Ивана Грозного. Отметим отдельные, наиболее влиятельные позиции:

1. Психологические объяснения. Впервые психологические объяснения деяний Ивана Грозного можно найти у Н. М. Карамзина, считавшего, что царь Иван IV был подвержен, во-первых, значительному влиянию своего окружения (в детстве – “плохих” бояр, в 1550–е гг. – “хороших” Сильвестра и Адашева, позднее – опять “плохих развратников”), во-вторых, собственным страстям и порокам⁷. Немного позднее психиатр П. И. Ковалевский утверждал, что Иван Грозный был психически больным человеком, страдавшим паранойей⁸. С этим согласны и некоторые современные историки⁹.

2. Социологические объяснения. Первым к эпохе XVI века социологические схемы применил крупнейший русский историк XIX столетия С. М. Соловьёв, считавший, что в деятельности Ивана Грозного нашла отражение борьба нового государственного порядка со старым родовым строем¹⁰. Обь-

ективно неизбежной борьбой государства с боярством объяснял деятельность царя и В. О. Ключевский¹¹. В свою очередь, К. Д. Кавелин был уверен в положительном значении деятельности Ивана Грозного – более того, Кавелин утверждал, что Иван Грозный боролся с западным влиянием, проникавшим на Русь¹². Позднее С. Ф. Платонов утверждал, что целью всех репрессий царя были “старые княжата”¹³. Мнения этих и других историков стали очень влиятельными. К примеру, в 1930–1940-е гг. и фигура Ивана Грозного, и его репрессии воспринимались однозначно положительно.

Позднее было доказано, что в ходе опричных расправ пострадали не только бояре и старые княжата, но и многие дворяне, более того, боярское землевладение только расширилось. Академик С. Б. Веселовский был уверен, что Иван Грозный действовал исключительно в интересах укрепления собственной власти, совершенно не заботясь о каких-то других интересах¹⁴. К этой позиции был близок и В. Б. Кобрин¹⁵. Появилась точка зрения А. А. Зимины, который указывал на то, что царь боролся с Церковью¹⁶. В целом в 1950–1980-е гг. в отечественной исторической литературе утвердилось то самое “объективистское” направление: объективно царь способствовал усилению Российского государства, но субъективно был тираном и убийцей.

3. Религиозные объяснения. Осмысление деяний Ивана Васильевича Грозного с религиозной точки зрения впервые можно найти в сочинениях А. М. Курбского, который был уверен, что причины изменений, произошедших в сознании первого русского царя, лежат в области его религиозных предпочтений: царь изменил христианскому долгу, предал христианские истины, его поработил Сатана. Впрочем, Иван Грозный в том же самом – в измене христианству – обвинял Курбского. Видимо, дело заключалось в различном толковании христианских истин царём и опальным князем.

Позднее значение религиозного фактора для Ивана Грозного особо отметил В. О. Ключевский, но не сконцентрировал на этом своего внимания¹⁷. Уже в XX в. Г. П. Федотов, крупный мыслитель Русского Зарубежья, выделил религиозные идеи Ивана Грозного как одни из ведущих в его деятельности. Однако Федотов, вслед за Курбским, был уверен, что царь изменил христианству, а его деяния были скорее антихристианскими¹⁸. В советской историографии роль религиозного фактора практически отрицалась, кроме, пожалуй, некоторых рассуждений на эту тему в небольшом очерке Я. С. Лурье¹⁹.

Только в последние годы значительная часть специалистов и публицистов стали обращать внимание на роль религиозного фактора в деятельности царя Ивана Грозного (Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, А. Л. Юрганов, С. В. Перевезенцев, А. И. Филюшкин, И. Я. Фроянов и др.)²⁰. Более того, стремление объяснить деяния Ивана Грозного через призму его религиозных воззрений – это сегодня, наверное, самая популярная и самая влиятельная точка зрения.

Итак, образ царя Ивана Грозного и той исторической эпохи, в которой он жил и действовал, которую творил, созданный в научной литературе, не составляет некоего единого портрета, единого представления – историческая наука полна дискуссий и противоречий.

Поэтому более детальный разговор о личности и деяниях первого русского царя, который ждёт читателя далее, вовсе не претендует на “окончателность” и “завершённость”. Отнюдь, читатель найдёт всего лишь некую позицию, некое понимание автором этого очерка эпохи XVI века и места, которое занимал в той эпохе государь Иван IV Васильевич. А, может быть, даже не понимание, а всего лишь некий путь к пониманию, некую дорожку, которая может со временем привести к созданию более или менее полного исторического портрета Ивана Васильевича. Да и то – приведёт ли? Трудно сказать с уверенностью. Но – попытаемся...

II

Итак, научных и публицистических объяснений деяний царя Ивана Грозного немало. Но, может быть, главная проблема такой множественности объяснений состоит в том, что нам до сих пор далеко не до конца ясны мотивы поведения Ивана Васильевича – духовные и идейные мотивы. И в данном случае исследователям вопрос следует обращать не к царю, а, прежде всего,

к самим себе – насколько верно мы сегодняшние (или мы вчерашние) понимаем саму суть того времени и людей того времени? Ведь современному сознанию, в большей степени рационалистическому и даже атеистическому, совсем не просто проникнуть во внутренний мир человека, живущего по совершенно другим законам – по законам глубоко религиозным, духовным. Такое было время тогда, в XVI столетии. Такими были и люди.

А время и вправду было непростое. Дело в том, что XVI век – это столетие небывалой духовной напряжённости во всём христианском мире. И связана эта духовная напряжённость была всего лишь с одной календарной датой.

Здесь следует напомнить, что до конца XVI века весь христианский мир жил в летосчислении от Сотворения мира, и только в конце XVI столетия Западная Европа перешла на новое летосчисление – от Рождества Христова (Россия на это летосчисление перешла в 1700 году). В 1492 году (если мерить историю более привычным для нас летосчислением от Рождества Христова) закончились 7000 лет по летосчислению от Сотворения мира и началось восьмое тысячелетие. Следовательно, вся последующая история – это уже история восьмого тысячелетия от Сотворения мира, которое продолжается до сих пор.

1492 год – кардинальная дата в мистических ожиданиях христианского Средневековья. По различным пророчествам, очень популярным в христианском мире, конец седьмого тысячелетия должен был ознаменоваться пришествием в мир и воцарением антихриста. Если следовать христианскому пониманию истории, то вслед за воцарением антихриста должно состояться Второе пришествие Христа, затем – Последняя битва между воинством Христовым и силами сатаны, а далее – Страшный суд и... конец земной истории человечества, “конец миру”, как писали наши предки.

Собственно в 1492 году никаких видимых страшных событий не произошло, но в христианском мире утвердилось представление о том, что восьмая тысяча лет от Сотворения мира – это время, когда антихрист может явиться в мир в любой час и, как следствие, в любой час можно и нужно ждать “скончания миру”. Но для христиан подобное ожидание “скончания миру” во “всякий час” означало и другой важнейший духовный вывод – “всякий час” нужно быть готовым к концу истории, готовым в духовном понимании, т. е. во “всякий час” христианин должен быть готов предстать перед Страшным судом Господним.

Именно это ожидание “скончания миру” и определило высочайшую духовную напряжённость, царившую в христианском мире в XVI столетии. К примеру, именно ожидание скорого “конца мира” и Страшного суда побудило Мартина Лютера, а вслед за ним и его последователей, искать иные пути спасения, нежели те, которые предлагала римско-католическая церковь. В итоге противостояние церковных реформаторов и римского папского престола привело к расколу католической церкви и образованию разнообразных протестантских церквей.

Именно это высочайшее духовное напряжение стало главной причиной жесточайших религиозных войн во многих странах Западной Европы – Германии, Франции, Нидерландах, Англии. Эти войны длились десятилетиями, к примеру, во Франции – 32 года (1562–1594 гг.), в Нидерландах – 43 года (1566–1609 гг.), и унесли десятки, а то и сотни тысяч жизней, ибо в ходе религиозных войн и противостояний католики и протестанты без жалости уничтожали друг друга. Только в 1572 году за одну печально знаменитую Варфоломеевскую ночь во Франции убили, по разным источникам, от 5 до 30 тыс. протестантов-гугенотов, а за последующие полгода – ещё 70 тысяч. Не одну сотню протестантов-англикан сожгли на кострах в годы правления королевы Марии Кровавой в Англии в 1555–1558 гг. В свою очередь, и протестанты не останавливались перед массовым избиением католиков. Так, лишь за последние 17 лет (в 1530–1547 гг.) правления английского короля Генриха VIII, после того как он перешёл в англиканство, были сожжены, казнены и умерли в тюрьмах 70 тыс. последователей католицизма. Кроме того, Генрих VIII жесточайшим образом подавил восстание в католической Ирландии и восстание “пилигримов Божией милостью” на севере Англии.

Конечно, во всех этих массовых расправах играли роль и другие причины: борьба за власть и собственность, за национальную независимость, за удовлетворение личных амбиций и корысти. Однако жестокость и бескомпро-

миссность борьбы католиков и протестантов определялись именно духовным противостоянием: и те, и другие почитали друг друга еретиками, теми, кто уже подпал под власть врага человеческого и недостойного спасения. Следовательно, физическое уничтожение как можно большего числа еретиков — это, во-первых, потенциальное уменьшение антихристовой рати в предстоящей Последней битве и, во-вторых, возможная помощь гибнущим душам убиенных, ибо они, убиенные еретики, не успели послужить ожидаемому антихристу.

Точно такая же духовная напряжённость с конца XV века царила и в России. Ещё в 1489 году (за три года до ожидаемого “конца миру”) новгородский архиепископ Геннадий пришёл к выводу, что в Евангелии вовсе не говорится о том, когда именно случится “скончание миру”. Более того, владыка Геннадий утверждал, что чисто математическое решение этой важнейшей эсхатологической проблемы неверно в принципе. Ведь Промысел Божий неподвластен человеческому разуму, и рассчитывать с уверенностью Божией деяния никто не в силах. Поэтому несколько раз архиепископ Геннадий повторяет слова святителя Григория Богослова о том, что “конца мира” нужно ждать всякий час: “А по Богослову, и намъ на всякъ часъ ждати скончания”²¹.

Подобное духовное напряжение послужило причиной борьбы с ересью “жидовствующих”, покушавшихся, по мнению многих деятелей Русской Православной Церкви, на духовное единство русского народа. И тот же архиепископ Геннадий Новгородский, и преподобный Иосиф Волоцкий требовали примерного, вплоть до смертной казни, наказания еретиков. В спор с ними вступил другой подвижник — преподобный Нил Сорский, считавший, что наказывать еретиков надо, но не до смерти. В итоге казнь всё же состоялась: зимой 1504 года трёх обвинённых в ереси последователей “жидовствующих” сожгли на льду замёрзшей Москвы-реки, ещё одного — в Новгороде Великом.

Ожидание скорого прихода антихриста и “конца миру”, и как следствие — высочайшее духовное напряжение, сохранялось в России на протяжении всего XVI столетия, а позднее — и в XVII веке. Это напряжённое духовное состояние зафиксировал в приписке на полях одной из своих рукописей князь А. М. Курбский: “Смотри в Апокалипсисе: “Зверь... есть восьмой”. Это значит, что в восьмой тысяче лет наступает с великой злобой Антихрист, который хоть и не пришёл ещё, но всё же стоит уже на пороге широких и просторных дверей и действует вместе со своими пособниками, помогающими ему. “И из числа семи пойдёт в погибель”, и прочее смотри там и понимай духовно”²².

Через несколько десятилетий, в начале XVII века, те же апокалиптические настроения отразил известный политический деятель и мыслитель времён Смуты Иван Тимофеев, назвавший своё сочинение “Временник по седмой тысящи от Сотворения мира во осмой в первые лета”. Для Ивана Тимофеева сама Смута, перипетии которой он описывает и причины которой анализирует во “Временнике”, является доказательством истинности убеждения в том, что восьмая тысяча лет от Сотворения мира — это время воцарения антихриста. О распространённости подобных настроений свидетельствует и тот факт, что в народном мнении за Лжедмитрием I закрепилось совершенно определённое прозвание — “предтеча антихриста”. А ещё позднее именно споры об антихристе и “конце миру” послужили одной из важнейших духовных причин Раскола Русской Православной Церкви.

При этом в России апокалиптические ожидания воспринимались и глубже, и сильнее, нежели в Западной Европе. Гибель Византийской империи в 1453 году и подчинение восточно-христианского мира власти турецкого султана (под властью турок оказались все тогдашние православные патриархаты — Константинопольский, Антиохийский, Александрийский, Иерусалимский) означало, что Россия теперь осталась единственным в мире независимым православным государством, единственным государством, способным выступить защитником православия во всём мире. Особенно это стало понятным на Руси после окончательного освобождения от ордынского ига в 1480 году.

Для русского религиозного сознания той поры смысл свершившихся исторических событий виделся совершенно определённый — Сам Господь избрал Русь для осуществления на земле неких Высших, Божественных предначертаний. В этот период Москва начинает осознаваться как центр, ядро, средоточие не только России, но всего мира.

Именно поэтому с конца XV столетия в России происходит какой-то невероятный по силе и последствиям духовный и интеллектуальный взрыв —

духовные и светские мыслители начали напряжённейшую работу по поиску нового места Русского государства и русского народа в мировой истории. Они стремились найти ответ на вопрос – какой же замысел вложил Господь в независимое Русское государство накануне Второго пришествия Христова и “конца миру”?

Результатом этого поиска стало появление ряда важнейших для русской истории духовно-политических идейных комплексов и образов. Так, митрополит Зосима относил евангельское пророчество – “первые будут последними, а последние первыми” – к Византии и Руси, и обосновывал этим пророчеством идею “Москвы – нового града Константина”²³. Значение России в качестве нового центра мирового христианства стремится обосновать Русский Хронограф 1512 года – скорбно перечислив православные “благочестивые царства”, павшие под вражескими ударами, автор Хронографа заканчивает с гордостью: “Наша же Российская земля растёт и млеет и возвышается...”²⁴. Ещё одним результатом этого духовного поиска стали послания так называемого “Филофеева цикла”, автором которых называли старца Елеазаровского Псковского монастыря Филофея (ок. 1465–1542). В этих посланиях обосновывалось учение о России как “Третьем Риме”, позднее названное теорией “Москва – Третий Рим”²⁵. Именно в этих посланиях возникает знаменитая формула: “Яко вся христианская царства приидоша в конец и снидоша во едино царство нашего государя, по пророчским книгам то есть Ромейское царство. Два убо Рима падоша, а третии стоит, а четвёртому не быти”.

Причём, едва появившись, идея “Третьего Рима” сразу же стала развиваться и изменяться. В “Послании великому князю”, тоже приписываемом старцу Филофею, значительно усилены политическое звучание и авторитетность самой идеи “Третьего Рима”. В этом Послании главным носителем идеи объявляется московский государь. Более того, московскому государю, который сможет сохранить Россию как “Третий Рим”, пророчится вечное спасение – жизнь в “горнем Иерусалиме”. В этом же Послании, на основе мистического образа “Третьего Рима”, формулируются и конкретные политические задачи, стоящие перед русским государем: он обязан принять на себя обязанность всемирного православного государя. Поэтому впервые в истории Московского государства здесь используется уже почти полный формуляр титулования московского великого князя “царём” и “самодержцем”.

Впервые появляется упоминание и о генеалогической связи московского государя с византийскими императорами – одним из прадедов московского великого князя называется византийский император Константин, тесть Владимира Мономаха. Следовательно, значительно усиливается и идея “мировых монархий” – Россия объявляется наследницей первого (Древнего) Рима и второго Рима (Византии). В этом Послании также усилена идея единства Церкви и светской власти, как важнейшего условия созидания “Третьего Рима” на Руси. Светский государь – это исполнитель высшей, мистической миссии, которую возложил на Русь Сам Господь. Но эту миссию невозможно исполнить без теснейшего союза с Церковью. Более того, одна из главных задач, стоящих перед светским государем, – распространение правой веры по всей Вселенной.

Интересен ещё один факт. Не позднее 80-х гг. XVI века возникла ещё одна, так называемая Вторая редакция “Послания великому князю”. Здесь появилось определение “Святая Русь”, дополняющее и развивающее идею “Третьего Рима”, – царь и великий князь объявлялся “брододержателем Святой Руси”²⁶.

“Идеал-образ” России как “Третьего Рима” был довольно популярным в XVI–XVII столетиях, ведь он обосновывал величие России как самостоятельного и в политическом, и в религиозном отношении государства. Более того, именно эта идея в наиболее яркой форме выразила претензии Московского государства на религиозно-мистические функции единственного в мире истинного христианского царства, хранителя правой веры. Поэтому идея “Третьего Рима” нашла отражение в различных письменных памятниках, в том числе, позднее, в разнообразной старообрядческой литературе. Однако не следует думать, что эта идея пользовалась подавляющим авторитетом. Нет, при всём своеобразии и оригинальности она была одной из многих и представляла собой лишь один из “идеалов-образов”, к которому стремились люди XVI века. В первой же половине XVI столетия идея “Третьего Рима” была распространена в большей степени на Северо-Западе Руси, преимущественно

но во Пскове и Новгороде, а вот собственно в Москве эта идея стала популярной только в конце XVI – начале XVII вв.

В Москве же наибольший авторитет к середине XVI века приобретают иные “идеал-образы” – Москва, как “Новый Иерусалим”, и Россия, как “Новый Израиль”. Именно эти образы, имеющие ветхозаветное происхождение и свидетельствующие о богоизбранности России и её правящей династии, становятся ведущими в духовно-политическом сознании духовной и светской элиты Российского государства в XVI столетии. А своеобразным венцом духовного поиска русских мыслителей XVI века становится “идеал-образ” “Святой Руси” как идеала, но и реальности существования Русского государства, Русской Православной Церкви и всего русского народа.

Наверное, самыми яркими книжными образами России как “Святой Руси” стали два сочинения, созданные в правление государя Ивана IV. Инициаторами создания обоих сочинений был митрополит Московский и всея Руси Макарий (1482–1563). Первое из этих сочинений – знаменитые “Великие Минеи Четьи”, крупнейшее в средневековой Руси собрание церковно-исторической и духовно-учительной литературы, в которых повествования о жизни святых Православной Церкви излагаются по порядку месяцев и дней каждого месяца, а также помещены слова и поучения святых отцов и сочинения светского характера. За 25 лет напряжённого труда митрополит Макарий и привлечённые им русские писатели, переводчики, книжники, переписчики, известные публицисты создали три 12-томных собрания книг. Размеры каждого книжного свода “Великих Минеи Четьих” огромны и вполне соответствуют названию “Великие Минеи”, ведь каждая из двенадцати книг насчитывает от 1 500 до 2 000 листов большого формата. В итоге под руководством митрополита Макария был создан многотомный сборник “всех четьих книг, чтмых на Руси”, предназначавшихся для “душеполезного чтения” на каждый день всего года.

Второе сочинение – “Степенная книга” (“Книга Степенная царского родословия, иже в Русей земли в благочестии просиявших Богоутвержденных скипетродержателей...”). Начатый по инициативе митрополита Макария, этот памятник был закончен трудами митрополита Афанасия в 1560–1563 гг. Название “Степенная книга” объясняется тем, что изложение событий в ней расположено по родословным степеням великих князей. Все наиболее важные события русской истории разбиты на 17 степеней (граней). Таким образом, вся история страны складывается из “степеней”, которые в соответствии с церковными традициями изображаются как ступени лестницы, ведущей к Богу, по аналогии с хорошо известными в православной книжности образами “лествиц”, ведущими человека к Богу (например, “Лествица Иакова Синайского”). Но в Степенной книге действие разворачивается во времени, а ступенями лестницы являются периоды отечественной истории. Причём каждая последующая эпоха (“степень лестницы”) превосходит предыдущую тем, что к накопленному “багажу” святости прибавляет свою долю, а каждый очередной самодержец как бы концентрирует в себе святость и благочестие всех предшествующих. Благодаря этому русская история становится генеалогически единой цепью святых Московских государей и их предков. Составленная с целью “возвеличения царской власти”, Степенная книга представляет в итоге новое для того времени прочтение церковной и гражданской истории.

Одним из самых значительных иконописных образов превращения Русского государства в Святую Русь стала икона “Благословенно воинство Небесного Царя”, известная также под названием “Церковь воинствующая”. В этой иконе символически представлен весь религиозно-мистический и всемирно-исторический смысл бытия России на Земле, тот великий духовный смысл, который придавали бытию России древнерусские книжники: православное воинство во главе с православным государем и вслед Архангелу Михаилу движется от горящей крепости к Небесному Иерусалиму. А это значит, что Русь теперь окончательно осознала духовный смысл своего земного существования и цель своего исторического развития – подготовка ко Второму пришествию Христову, участие русского воинства в Последней битве под водительством Архистратига Михаила, спасение и вечная жизнь в Небесном Иерусалиме.

III

Осмысление всемирно-исторического значения России вылилось в многочисленные споры о вере. В начале XVI столетия Иосиф Волоцкий написал: “Ныне и в домех, и на путех, и на торжищех... вси сомнятся, вси о вере питают”²⁷. Споры “нестяжателей” и “иосифлян”, распространение еретических учений, расцвет публицистики – всё это свидетельство того факта, что Русь, став свободной, упорно и настойчиво искала своё место в мире, пытаясь проникнуть в Замысел Божий.

Но человек не способен полностью познать Бога – такая убежденность тем более была характерна для русского православного сознания, воспитанного в духе сочинений Дионисия Ареопагита. Поэтому каждый участник спора с ожесточением отстаивал свою правду, поэтому-то и борьба была жестокой...

В принципе, в России того времени было только две силы, способные взять на себя Божественную миссию спасения мира, – Церковь и светская власть. Вот и вылилось политическое выражение споров о вере в выяснение вопроса – кто кому должен служить? Церковь – светской власти, или наоборот, светская власть – Церкви?

Например, в новгородской “Повести о белом клобуке” утверждается, что мистический знак богоизбранности, символ “Третьего Рима” – белый монашеский клобук – достойны носить лишь высшие церковные иерархи (правда, в данном случае имелись в виду новгородские иерархи). Следовательно, и наследницей Рима “ветхого” и Рима “нового” выступает в первую очередь Церковь. Близки к этому мнению были и “нестяжатели”²⁸. Даже иосифляне поначалу признавали за Церковью главенствующее положение. Однако исторические и политические реалии России были таковы, что Церковь, будучи союзницей и духовной наставницей светской власти, тем не менее всегда оставалась в подчинённом положении. Более того, именно светская власть выступала в качестве высшего судьи, когда религиозные споры заходили в тупик. В итоге в русской религиозной мысли и в общественно-политическом мнении постепенно возобладало убеждение: именно светская власть, и именно великий князь Московский способен взять на себя исполнение божественных предначертаний.

Подобное убеждение утвердилось не в один момент – оно зрело долго, исподволь, на протяжении двух веков – ещё со времён Ивана Калиты, когда Москва и её князь стали центром нового “собирания” Руси. О том, что московский государь начинает восприниматься на Руси в качестве монарха, способного повести народ русский ко всемирному величию и тем самым спасти остальную, духовно “изрушившийся” мир, говорят многие исторические факты. К примеру, явно нарастает стремление установить в эти годы на Московской Руси царский титул. Понятно, и сами московские великие князья были не против того, чтобы стать царями.

Ещё в конце XIV века Мамай возводил на великого князя Дмитрия обвинения в том, что тот присвоил не принадлежащий ему царский титул: “Князь великий Дмитрий Иванович себе именует Руской земли царём и паче честнейше тебе славою супротивно стоит твоему царствию”. Ивана III уговаривали принять титул царя вместо титула великого князя. И с конца XV века титул “царь” начинает появляться в некоторых русских внешнеполитических документах, в частности, в делах со Швецией – с 1482 года. Поднимался вопрос о царском титуле и в княжение сына Ивана – Василия III. Так, на золотой печати, привешенной к грамоте с мирным договором с Данией (1516 г.) Василий Иванович именуется как “царь и государь”. Тот же титул можно встретить в послании Василия III римскому папе (1526 г.)²⁹. Но главное даже не в этом, а в том, что, по свидетельству С. Герберштейна, в годы правления Василия III подданные великого князя уже считали: “...Воля государя есть воля Божия и что бы ни сделал государь, он делает это по воле Божией”. А самого государя величали “ключником и постельничим Божиим” и вообще верили, что он – “свершитель Божественной воли”³⁰. Послания “Филофеева цикла” также показывают, что Василию, не обладавшему даже земным царским титулом, пророчилась роль вселенского православного царя.

Иван III и Василий III не решились официально принять царский титул. Однако это не означало смены общественных настроений. Более того, можно сказать, что в начале XVI века русское общество жило в ожидании восшествия

на московский престол государя, который наконец-то возложит на себя Высшую обязанность в полной мере и будет соответствовать Божественным предначертаниям.

В этом смысле характерно, что именно в первой четверти XVI века появляется “Сказание о князьях Владимирских”. В основе “Сказания” лежат две легенды. Первая – о происхождении Рюриковичей и, следовательно, московских великих князей от римского императора Августа. Вторая легенда доказывает, что царские регалии – царский венец, бармы, золотая цепь, крест от древа распятия и сердоликовая шкатулка, принадлежавшая Августу, – достались московским великим князьям через Владимира Мономаха от его деда византийского императора Константина.

До начала XVI века о существовании этих легенд не было ничего известно. Но уже в первые десятилетия XVI в. они были соединены в “Послание о Мономаховом венце” тверского монаха Спиридона-Саввы. Не позднее 1527 года на основании этого послания неизвестными авторами и было составлено “Сказание о князьях Владимирских”³¹. “Сказание о князьях Владимирских” не только обосновывает династические права московских великих князей на царский титул. Главное здесь в том, что московские государи объявляются наследниками мистического “Первого Рима”, ибо их родословие возводится до римского императора Августа. А право на наследие “Второго Рима” утверждается фактом передачи Владимиру Мономаху царского венца и других регалий византийским императором Константином.

Следовательно, именно московские государи получают все права на то, чтобы их государство – Московская Русь – являлась единственной хранительницей истинной веры. Тем самым перехватывалась инициатива у западноевропейских монархов и государств, тоже издавна претендующих на “римское” религиозно-мистическое наследие. Кроме того, удревление генеалогии московских государей на максимально возможный срок позволяло рассматривать историю самой России как часть общемировой истории, в которой Россия занимает самое достойное место³².

Как можно видеть, основа “Сказания о князьях Владимирских” абсолютно легендарна – это в полном смысле слова новый исторический миф, созданный древнерусскими книжниками XVI столетия. Впрочем, с другой стороны, сами книжники были уверены в обратном – в абсолютной истинности созданного ими исторического мифа. И потому с помощью мифов творили реальную историю.

“Сказание о князьях Владимирских” сразу же после его создания стало не просто фактом, а настоящим катализатором общественно-политической жизни России. Оно использовалось в дипломатических и династических спорах, служило вступительной статьёй к “Государеву родословцу” и вступительной статьёй к чину венчания Ивана IV на царство в 1547 г., когда, исполняя давнишнюю мечту своего народа, Иван Васильевич наконец-то принял царский титул.

Здесь уместно несколько отвлечься от собственно российских сюжетов и вспомнить о главном источнике всех размышлений той поры – о Священном Писании. Именно в Библии и мыслители, и правители, и простые люди черпали основные знания о мире, об истории, о человеке. Естественно, что именно в Библии искали и ответы на вопрос о личности и качествах, о правах и обязанностях царя.

Повествование о том, как появились в земной истории человечества цари, приводится в 1-й книге Царств. Библия рассказывает, что древние иудеи долгое время жили под непосредственной властью Господа – в Божественности, или теократии. По Божией воле людьми управляли судьи, которые передавали людям божественные указания. Но в какой-то момент люди оказались недовольны судьями. И тогда древние иудеи потребовали у судьи Самуила, чтобы тот испросил у Бога царя. Самуил долго молился. В ответ на молитву Господь ответил Самуилу: “Ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтоб Я не царствовал над ними; ...представь им и объяви им права царя, который будет царствовать над ними” (1 Кн. Цар. 8:7–9). Бог устанавливает и права царя: царь владеет всем в своём царстве и свободно распоряжается имуществом своих подданных; обладает полной властью; предводительствует воинству; является единст-

венным судьёй; жители царства – рабы царя (1 Кн. Цар. 8:10–17). Устанавливает Господь и царские обязанности: царь – защитник народа; ответчик за народ перед Богом; помазанник Божий (1 Кн. Цар. 9:15); хранитель истинной веры (3 Кн. Цар. 11:38). Кроме того, Господь говорит Самуилу: “И восстаете тогда от царя вашего, которого вы избрали себе; и не будет Господь отвечать вам тогда” (1 Кн. Цар. 10:18)

Таким образом, идеальным общественным устройством, по Библии, может считаться теократия. Отказ людей от Боговласти означает, что люди впали в грех и отказались от непосредственной власти Бога. Древние иудеи сами признают этот грех, говоря Самуилу: “Ибо ко всем грехам нашим мы прибавили ещё грех, когда просили себе царя” (1 Кн. Цар. 12:19). Так возникает монархия. При этом царём может быть только тот человек, на которого укажет Господь, главным источником власти царя является Божия воля, сама власть монарха должна рассматриваться подданными как богоданная, а подданные – это рабы царя.

Если сопоставить духовно-политические реалии России конца XV – первой половины XVI вв. с библейскими заветами, то окажется, что библейские правила устройства монархической власти русские жители пытались почти дословно воспроизвести в собственной политической действительности. К примеру, известно, что именно великого князя Ивана III некоторые его современники уже титуловали царём. И, как установили историки, именно в правление Ивана III его подданные начинают именовать себя “рабами” своего государя. Следовательно, библейские установления были для наших предков прямым руководством к действию.

Однако признание того, что именно русский царь должен устроить вверенное ему Господом Русское государство как “Святую Русь”, как “Новый Израиль” и в дальнейшем обеспечить движение “новоизбранного Израиля” из мира земного (“Нового Иерусалима”) в мир горний (“Небесный Иерусалим”), порождало различные суждения в общественном мнении на важнейшую тему – а каким должен быть русский православный царь?

Некоторой части современников молодого царя Ивана IV (священнику Сильвестру, игумену Троице-Сергиева монастыря Артемию, преподобному Максиму Греку, воеводе А. М. Курбскому и др.) в конце 1540 – начале 1550-х гг. были близки “нестяжательские” настроения. Последователи “нестяжателей” формулируют своеобразную концепцию “благочестивого царя”, который сможет исполнить обязанности вселенского православного государя. Среди главных качеств “благочестивого царя” назывались, во-первых, умение управлять своей страной на основе Христовой Любви, во-вторых, сознательная опора на “мудрых советников”³³.

Правда, надо сказать, что термин “благочестивый царь”, конечно же, не был прерогативой “нестяжателей”, но использование его в данном случае оправдано тем, что позднее Андрей Курбский все свои обвинения против Ивана IV сводит к одной идее: отказавшись от помощи Сильвестра и его сторонников, Иван Васильевич потерял “благочестие”, перестал быть “благочестивым царём”. Поэтому, с определённой долей условности, термин “благочестивый царь” можно принять как “нестяжательский” идеал светского правителя. И ещё один важный момент: “благочестивым царём” считается тот, кто все силы отдаёт служению России. Только обустроив собственное государство, утвердив в нём мир и благодать, “благочестивый царь” может претендовать на исполнение роли вселенского православного государя. Недаром Андрей Курбский обвинял Ивана IV в том, что, отказавшись от помощи “мудрых советников”, государь разрушил социальную гармонию и собственными руками уничтожил “Святорусское царство”, “православное истинное христианское самодержавство”, уже созданное совместными усилиями царя и его советников. Следовательно, идеал “Святорусского царства”, во главе которого стоит “благочестивый царь” со своими “мудрыми советниками”, и был идеалом кружка, принятого называть “Избранной радой”³⁴.

Интересно, что похожий идеал общественного устройства был близок не только советникам царя, но и другим мыслителям “нестяжательского” круга. Так, в анонимной “Беседе валаамских чудотворцев” (середина XVI в.), полностью проникнутой “нестяжательским” мироощущением, разрабатывается целая система организации “совета” царя с землёй, рекомендуется “благо-

нравному царю” осуществлять своё правление в полном согласии с земским советом, составленным из представителей “от всех городов и уездов градов тех, без величества и без высокоумные гордости, хриstopодобною смиренною мудростию”³⁵.

Эти идеи имели серьёзное влияние на молодого царя Ивана IV. Во всяком случае, во многих речах и делах Ивана Васильевича в первые годы царствования прослеживаются “нестяжательские” мотивы. В своих выступлениях на Церковном Соборе 1551 года, названном позднее Стоглавым, Иван Васильевич впервые публично заявил о том, что берёт на себя исполнение роли “благочестивого царя”, и обратился к участникам Собора с просьбой о помощи в деле укрепления христианской веры и “устроении всего православного хрестьянства”. На этом Соборе царь называет себя союзником Церкви и обращается к Церкви с просьбой о помощи в его делах как “благочестивого царя”: “Мене сына своего наказуйте и просвещайте на всяко благочестие, якоже лепо есть благочестивым быти во всяких царских праведных законах и во всяком благоверии и чистоте...” И явным отзвуком учения “нестяжателей” о Христовой Любви можно признать его слова, сказанные перед открытием Собора: “Молю святейшии отцы мои, аще обретох благодать пред вами, **утвердите в мя любовь...** (выделено мной. — С. П.)”³⁶.

Не случайным, наверное, было и то, что именно в эти годы — в 1548 году — Максим Грек, который был близок к “нестяжателям” и долгие годы находился в опале, пишет Ивану IV несколько посланий, в которых высказывает своё понимание роли самодержца российского. Значит, опальный Максим был уверен, что послания дойдут до царя, а их автор не будет наказан за то, что даёт советы царю. И другой лидер “нестяжателей” Артемий Троицкий, положение которого тоже было довольно шатко, в 1551 году по настоянию царя был поставлен игуменом Троице-Сергиева монастыря — главной, так сказать, монашеской обители на Руси. Благодаря заступничеству Артемия с Максима Грека снимают обвинения и в том же 1551 году с почётом переводят в Троице-Сергиев монастырь, где он доживал свои последние годы.

Своё воплощение в политической и государственной практике “нестяжательские” идеи нашли в ходе знаменитых реформ 1550-х годов. Именно тогда, с одной стороны, было значительно повышена роль дворянства в Российском государстве. Но, одновременно, была установлена тесная связь верховной власти с “землёй”, то есть с народом — стали созываться Земские соборы, была создана развитая система земского самоуправления в городах и волостях, возродившая древние вечевые традиции. В итоге “вертикаль” власти получила значительную поддержку и опору в “горизонтали” народного участия в государственном управлении. Кроме того, Судебник 1550 года законодательно ограничил самодержавную власть русского царя: все новые законы могли приниматься государем только по “приговору” всех бояр (статья 98)³⁷.

Впрочем, в российском общественном мнении присутствовало и совершенно иное представление о сущности царской власти. Его выразителем стал простой воинник Иван Семёнович Пересветов, который считал, что Господь дарует своё заступничество только тому земному царю, который сможет утвердить в своём царстве “правду”. Смысл понятия “правда” довольно-таки широк — это и справедливость, и любовь, и добро, и истина. В конечном счёте Пересветов утверждает — “Христос есть истинная правда”. В понимании Пересветова, борьба за “правду” — это не только утверждение в земной жизни Божиих заповедей, но и часть всемирной борьбы добра и зла, Бога и дьявола. Россия, по убеждению Пересветова, — это арена борьбы Бога и дьявола за “правду”. Но главная беда Московского царства заключена в том же, что и беда Византии — во всесильности “вельмож”. И Пересветов предлагает в своих посланиях царю Ивану IV целую систему мер, которые, по его мнению, могли бы установить “правду” на Русской земле: ограничение влияния “вельмож”, опора на служилое войско, введение “праведных” судов, улучшение налоговых правил, частичная отмена наместничества и рабства. Все эти меры способен осуществить только “грозный и мудрый” самодержавный царь, а сами реформы должны максимально усилить роль государя. Иначе говоря, Иван Семёнович Пересветов однозначно связывал “правду” с самодержавным царём и усилением роли служилых людей, а “правду” требовал утверждать “грозою”³⁸.

IV

Как уже говорилось, поначалу царь Иван Васильевич следовал советам своих приближённых, которые во многом ориентировались на “нестяжательские” идеалы. Однако чем больше он вырос, тем больше убеждался в том, что только он один и является исполнителем воли Божией на Земле. Здесь можно вспомнить слова историка В. О. Ключевского, вполне справедливо отметившего: “Иван IV был первый из московских государей, который узрел и живо почувствовал в себе царя в настоящем библейском смысле, Помазанника Божиего”³⁹.

Особенно ярко эти новые взгляды Ивана Васильевича выражены в его переписке с князем Андреем Михайловичем Курбским, к тому времени бежавшим из России. Именно в этих посланиях царь сформулировал собственную и уже совершенно устойчивую концепцию православного государя. Причём важно отметить, что эта концепция появилась, во-первых, ещё до введения опричнины (первое послание царя Ивана IV написано весной 1564 г., опричнина была введена зимой 1565 г.) и, во-вторых, стала духовно-политическим обоснованием её введения.

Историко-юридическим обоснованием своих прав на царское звание и самодержавное правление Иван Грозный считал версию, изложенную в “Сказании о князьях Владимирских”: династия Рюриковичей происходит от римского императора Августа, а царские регалии из Константинополя ещё в XII в. получил Владимир Мономах.

Но главный аргумент в свою пользу он нашёл всё же в другом – в прямом Божием волеизъявлении. “Сего убо православия истиннаго Росийскаго царствия самодержавство началось Божиим изволением почен от великаго князя Владимира”, – писал царь в начале Первого послания Андрею Курбскому, утверждая тем самым принцип божественного происхождения государственной власти на Руси. О себе же он говорил: “. . . Божиим изволением и прародителей своих и родителей благословением, яко же родихомся в царствии, тако и воспитаномся и возрастом и воцарихомся Божиим велением, и прародителей своих и родителей благословением свое взяхом, а чюжого не восхотехом”⁴⁰.

В дальнейшем в своих аргументах против Курбского Иван Грозный постоянно, в разных вариациях приводил одну и ту же незыблемую для него истину – только он, Иван IV, является истинным самодержцем Российским, ибо так повелел Господь. Поэтому даже не он, грешный человек, правит государством, а сам Господь через него проливает на Россию свою Благодать. Личность же Ивана Грозного в таком мироощущении становится единственным посредником между Господом и русским народом, а то и всеми земными народами. “Мы же, – писал Иван Грозный, – уповаем милостию Божиею, понеже доидохом в меру возраста исполнения Христова, и, кроме Божия милости и Пречистые Богородицы и всех святых, от человек бо учения не требуем, ниже подобно есть владети множеством народа, и разума от них требовати”⁴¹.

Иван Грозный убеждён в том, что подданные его – такие же рабы и холопы его, как он сам раб и холоп Господний. Более того, свою главную ответственность перед Господом на Страшном суде он видел в одном – Господь спросит с него за то, как он управлял своими рабами, смог ли наставить их на путь истины: “Аз же убо верую, о всех своих согрешениях вольных и невольных суд прियाи ми, яко рабу, и не токмо о своих, но и подвластных дати ми ответ, аще что моим несмотрением погрешится. . . Сице убо аз верую неумытному Спасову судищу. И от Божия всемогущия десницы живым и мертвым возможно где укрытися? Вся нага и отверста пред ним”⁴². И так же искренне верил Иван Васильевич в то, что, ревностно исполняя Господнюю обязанность, возложенную на него, он будет удостоен спасения: “И не отчаваюся Создателя милосердия, во еже спасену быти ми. . . Аще бо и паче числа песка морскаго беззакония моя, но надеюся на милость благоутробия Божия: может пучиною милости Своя потопити беззакония моя”⁴³. Таким образом, лишь Самого Господа признавал Иван Грозный над собой судьей, и более никого.

С этой же точки зрения следует оценивать позицию Ивана Грозного по отношению к любым покушениям на его “самодержавство”. В подобного рода претензиях своих приближённых он видел только одно – покушение на Самого Бога. “Тем же наипаче, противляйся власти, Богу противится!” – восклицал он. И с недоумением вопрошает: “А се ли тма, яко царю содержати царь-

ство и владети, рабом же рабская содержати повеленная? Како же и самодержец наречется, аще не сам строит?” “А Российское самодержавство изначала сами владеют своими государствы, а не бояре и вельможи!”⁴⁴ – заявлял он.

Поэтому любые попытки ограничения власти самодержца – это не просто политическое преступление, а нечто гораздо худшее – предательство веры, вероотступничество. “И вы... злобесным своим хотением, выше меры желающе славы и чести и богатства, и разорению христианскому желающе быти!” – обвинял царь Курбского и всех тех, кого опальный князь именовал “Избранной радой”. А самого себя Иван Грозный сравнивал со святыми, пострадавшими от гонителей христианства: “Бесному подобяешься, колеблетесь и Божий суд восхищающе... изложили есте, собацки осуждающе. И сего ради, Богу противни являющиеся, како и святых всех преподобных... И якова они бо от бесов пострадаша, таковая аз же от вас пострадах”⁴⁵.

Конечно же, все приведённые здесь и многие оставшиеся за рамками цитирования слова Ивана Грозного свидетельствуют о глубоко продуманном, внутренне обустроенном мирозерцании человека, который не один час и день посвятил осмыслению собственного пребывания на брэнной Земле, проникновению в смысл собственной жизни. Более того, все эти слова – вовсе не жалкая попытка оправдать жажду власти, непомерно раздутое желание повелевать людьми. В посланиях Ивана Васильевича мы находим отражение, с той или иной степенью полноты и правильности, библейской трактовки прав и обязанностей царя.

И в этом смысле послания Ивана Грозного Курбскому – уникальный духовно-политический памятник, ибо в них впервые в русской истории сам государь полностью, в законченном виде сформулировал, исторически и духовно-политически обосновал *основные принципы самодержавной власти русских монархов*.

Первый принцип – *божественное происхождение самодержавной власти*. Более того, как было показано, Иван Грозный обосновал тезис богоизбранности самого государя.

Другой важный принцип – *русский государь имеет законные династические права на владение царским титулом*. Уже говорилось, что Иван IV в своих произведениях постоянно использовал аргументы “Сказания о князьях Владимирских”, которое произвело лично на него гораздо большее впечатление, нежели учение о “Третьем Риме”, имеющее всё же преобладающее церковное значение. И потому позднее государь в различных собственных посланиях обязательно напминал своим адресатам, что своё родословие русский царь ведёт от римского императора Августа и его брата Пруса, потомок которого в четырнадцатом колене князь Рюрик “пришёл и начал царствовать” на Руси. Постоянно ссылаясь Иван IV и на тот факт, что ещё один его предок, великий князь киевский Владимир Мономах, получил “царский венец” от византийских императоров. Таким образом русский государь не только доказывал свои права на владение царским титулом, но и подчёркивал собственное превосходство над европейскими монархами. И следует признать, что усилиями Ивана IV версия “Сказания о князьях Владимирских” стала официальной генеалогией не только Рюриковичей, но и последующих царей из династии Романовых.

Третий важнейший принцип – *полнота самодержавной власти*. Не случайно в Первом послании Курбскому государь Иван Васильевич привёл немало исторических доказательств того, что полная самодержавная власть более эффективна в достижении стоящей перед Россией великой мистической цели: утверждение православной истины во всём мире. Анализируя события давнего и недавнего прошлого, государь стремился показать, что “многочашие” или же подчинённость правителя церковной власти во все времена приводили к кризису и распаду великих держав. Основываясь на этом историческом опыте, *Иван Грозный утверждал необходимость и возможность только неограниченного самодержавного, единовластного правления в России, если Российское царство хочет исполнить возложенную на него вселенскую миссию по утверждению истинного православия*. В этом заключался кардинальный духовно-политический разрыв Ивана Грозного с “нестяжательской” традицией: никаких “мудрых советников” рядом с царём быть не должно, государь всё решает самостоятельно и правит самодержавно.

И, наконец, четвёртый принцип самодержавной власти: *главный смысл власти русского самодержавного государя состоит в том, чтобы нести свет ис-*

тины по всему миру, устроить и свою страну, а то и весь мир по Божественным заповедям. Не случайно чуть позднее, в ответе протестантскому пастору Яну Роките Иван Грозный подчёркивал всемирный характер православия: “Ино как Богъ просветиль прародителя нашего благочестиваго великаго князя Владимира... от тех мест и доселе не нарицается русская вера, но християнская. Темже и повсюду вселенная, аще где християнская вера истинная, ту християне зовутся, а идеже зовутся иным именемъ, которые земли, по прозвищу имя, ту ересь и расколь, а не истинная вера”⁴⁶.

Кстати говоря, убежденность в богоизбранности православного самодержавного государя, видимо, настолько сильно исходила от Ивана Васильевича, что воспринималась и многими современниками. Когда в 1582 г. в Москве побывал папский посол, иезуит Антонио Поссевино, он увидел эту решимость и уверенность царя в богоизбранности. В данном случае Поссевино можно полностью доверять, ибо сам иезуит пребывал в столь же глубокой уверенности в богоизбранности римского папы и всего католичества, а также в великом значении собственной миссии по религиозному просвещению русских “варваров”. Следовательно, мирозозерцание Ивана Грозного ему было понятно и близко. Характеризуя Ивана Грозного, Поссевино писал: “Он считает, что нет никого более учёного и более исполненного истинной религией, чем он сам... Что касается его схизмы (так католик Поссевино называл православие. — С. П.), трудно поверить, насколько он ей предан. Он считает её приемлемой на вечные времена”. И далее Поссевино утверждал: “Он считает себя избранником Божиим, почти светочем, которому предстоит озарить весь мир”⁴⁷.

Причём интересно, что данное убеждение Поссевино навеяно было общим духом тогдашней жизни, ибо сам Иван Грозный в разговоре с папским посланником ни словом не обмолвился о своей богоизбранности. Более того, русский царь, стараясь по политическим соображениям в лице Поссевино не обидеть римского папу, вообще пытался избегать серьёзных разговоров о сущности веры. И когда в своём миссионерском рвении Поссевино попытался предложить Ивану Грозному титул восточного императора в обмен на принятие католичества, Иван IV дипломатично ответил: “Что касается власти над Востоком, то это Божия земля и её по своему соизволению Господь даст, кому захочет”⁴⁸.

Приведённые выше высказывания Поссевино недвусмысленно свидетельствуют, что, по меньшей мере, в тех кругах русского общества, в которых он вращался, уверенность в особом предназначении Православной Руси и её православного государя была неподдельно искренней. Об этом говорил и сам папский посол: “С самого нежного возраста москвиты впитывают то мнение, что они единственные истинные христиане, остальных же (даже католиков) они считают нечестивыми, еретиками или людьми, впавшими в заблуждение”⁴⁹.

В целом же, если говорить об истории духовно-политической мысли, то именно в сочинениях государя Ивана IV Васильевича Грозного впервые были полностью, в законченном виде сформулированы и теоретически обоснованы основные принципы самодержавной власти русских монархов.

V

Итак, в Первом послании Курбскому Иван Грозный впервые свёл в единую систему основные принципы самодержавной власти русских государей. Понимание методов воплощения этих принципов в реальную историческую практику связано уже исключительно с личными качествами Ивана Грозного, с его личным мировоззрением, как политическим, так и религиозно-мистическим.

Каким образом православный самодержавный государь мог исполнять свои обязанности? В Первом послании Курбскому Иван Грозный сравнивает четыре формы служения Господу: отшельничество, монашество, священническую власть и царское правление. Отшельничество, столь любезное “нестяжателям”, последователям Нила Сорского, государь уподоблял “агнцу, напротивнику кому же, или яко птице, иже ни сеявшу, ни жнущу, ни в житницу собирающу”. Монашество, или, в терминологии царя, “общее житие”, имеет свою специфику. “Во общем убо житии, — писал он, — аще и мира отрехшимся, но обаче строения и попечения имеет, тако же наказание, аще ли сего не-

внимателни будут, то общее житие разорится”. Священническая же власть “требует зельного запрещения языком, по благословней же вине, ярости, славы, и чести, и украшения, и председания, еже иноком неприлично”. И, наконец, *“царскому же правлению – страха, и запрещения, и обуздания, и конечнейшаго запрещения по безумию злейших человек лукавых”* (выделено мной. – С. П.)⁵⁰.

Итак, главным оружием правителя объявлялся “страх”. Стоит напомнить, что в православном миросозерцании “страх Божий” напрямую ассоциировался с одним из возможных путей спасения, ибо именно “страх Божий” открывает для человека путь к познанию божественной истины. И в этом случае Иван Васильевич, созвучно иосифлянам, последователям Иосифа Волоцкого, избирал этот путь как *единственно возможный*. “Нестыжательское” упование на Христову Любовь государь оставил где-то далеко в стороне или же отодвинул в далёкое будущее. Более того, русский царь превратил тезис о “страхе Божиим” в главное обоснование всех своих последующих действий. В ответ на очередное обвинение Курбского государь приводил евангельские слова из Послания апостола Иуды: “К одним будьте милостивы, отличая их, других же страхом спасайте, исторгая из огня” (1, 22–23). И комментировал приведённые апостольские слова: “Видиши ли, яко апостол страхом повелевает спасати? Тако же и во благочестивых царех и временах много обрящещи злейшее мучение”⁵¹.

Таким образом, *“страх Божий” – это главное и единственное средство спасения*. Исполнителем же воли Господа на земле может быть только он, православный государь, Иван Васильевич: “Тщужесе со усердием люди на истинну и на свет наставити, да познают единого истинного Бога, в Троице славимаго, и от Бога данного им государя”⁵². *По сути дела в этих словах выражена вся программа действий Ивана Грозного – “страхом Божиим” обратить людей к истине и свету, а значит, спасти их души*.

Русский царь считал, что он должен исполнять и мирские, и духовные обязанности, ибо царская власть объединяет их в одно целое. Но вот что интересно – Иван Грозный не претендовал на исполнение обязанностей церковного первоиерарха, в отличие, к примеру, от английского короля Генриха VIII. Русский государь понимал суть *царской власти* иначе, можно сказать, более мистически – как *разновидность монашеского подвига*.

Вообще Иван Грозный очень часто соотносил свою деятельность с монашеским служением, выражал желание принять постриг. В Послании царя в Кирилло-Белозерский монастырь встречаем такие его слова: “И мне мнится, окаянному, яко исполу есмь чернец”⁵³. Вот это мироощущение – **“исполу есмь чернец...”**, то есть **“наполовину я уже чернец”** – и определяло избранный Иваном Грозным линию поведения в мирской жизни.

Монашеский подвиг исполнять ведь можно по-разному. Нил Сорский видел его суть в “умной” молитве, Иосиф Волоцкий – в строгом соблюдении устава. А Иван Грозный пошёл иным путём, возродив на Руси идею древнего аскетизма – в виде *“истязания плоти”*.

Иван Васильевич принял для себя как руководство к действию саму суть этой идеи – *для спасения души нужно “истязать плоть”*. Более того, подобный идеал монашеской жизни он стремился распространить на жизнь мирскую, собираясь решать мирские проблемы методами монашеского подвижничества.

Создаётся впечатление, что Иван Грозный был внутренне уверен в том, что имеет полное и несомненное право относиться к собственному государству и к собственному народу, как к телу, которое необходимо истязать, подвергать всяческим мучениям, ибо только тогда откроются пути к вечному блаженству. (Насколько это своеобразное представление совпадает с учением Христа, мы до поры рассматривать не будем.) И только пройдя через “страх Божий” в его самом непосредственном, телесном выражении, Российское государство, ведомое своим государем-иноком к “истине и свету”, сможет подготовиться к ожидаемому пришествию антихриста и противостоять торжеству Мирового Зла.

В данном случае в источниках есть подтверждения тому, что идея “истязания плоти” была близка Ивану Васильевичу. Подчёркивая своё отличие от простых монахов, он писал: “Ино убо же свою душу спасти, ино же многими душами пещися”. Развивая мысль о своём царско-монашеском долге перед Господом заботиться о спасении подданных, он выводил незыблемый для се-

бя принцип: “Обрящещи же много и во отрекшихся мира наказания, аще и не смертию, но зело тяжкая наказания. Колми же паче во царствие подобает наказанию злодейственным человеком быти”⁵⁴. Следовательно, царская власть должна наказывать злодеев намного суровее, нежели монахи наказывают сами себя в борьбе искушениями.

В 1582 г. во время беседы с Иваном Грозным Поссевино, доказывая преимущества католицизма, сказал о том, что римские папы во имя христианской веры проливали кровь. Русский царь, по свидетельству Поссевино, так прокомментировал его слова: “Ты, Антоний, говоришь, что папы проливали кровь во имя Христа, это хорошо. Ведь сказал Спаситель: “Не убийте тело, душу же не могущих убить”⁵⁵.

Одно из обвинений, которое Иван Грозный предъявил Курбскому, состояло в том, что опальный воевода испугался претерпеть телесную муку от руки царя. Для царя очевидно – спасая свою жизнь, своё тело, Курбский предал дьяволу бессмертную душу: “Почто, о княже, аще мнишися благочестие имети, едиnorodную свою душу отвергл еси? Что же даси на ней измену в день Страшного суда? Аще и весь мир приобрящещи, последи смерть всяко восхитит тя: чесо ради на теле душу предал еси, аще убоялся еси смерти, по своих бесоизвыкших друзей и назирателей ложному слову?”... “Ты же, тела ради, душу погубил свою еси, и славы мимотекущая, нетленную славу презрел еси, и на человека возьярився, на Бога возстал еси”⁵⁶.

Вполне возможно, что именно в этом компоненте мировосприятия первого русского царя можно найти и одно из объяснений разделения государства на две части – земщину и опричнину. Земщина представляла собой часть “плоти” единой Русской земли, которую государь подверг жесточайшему истязанию, чтобы проучить врагов православия и поселить в их душах “страх Божий”. Поэтому и войско опричное изначально строилось по принципу военно-монашеского ордена, главой которого являлся сам царь, исполнявший обязанности игумена. А территория опричнины постоянно расширялась, ибо это были земли, уже очищенные от греховных людей и их греховных помыслов.

Многие современные историки соглашаются сегодня с тем, что жестокие казни и расправы, которые творил царь в годы опричнины, носили, в первую очередь, духовный характер – царь расправлялся с теми, кого он подозревал в вероотступничестве, в духовной измене.

Наиболее ярким примером в этом отношении может служить царский поход на Новгород Великий зимой 1569–1570 гг. Во время этого похода Иван Грозный наказывал новгородцев не столько за политическую (на Новгород Великий пало подозрение в том, что горожане хотели перейти под руку польского короля), сколько за духовную измену, ведь новгородцы могли уйти к “латинянам”. Поэтому и казни новгородцев были столь жестоки и изощренны – царь “истязал” предателей веры. Современный историк А. Л. Юрганов, проанализировав русские фольклорные тексты, отметил имеющееся в этих текстах устойчивое представление о связи ада, преисподней с пропастью, дном рек. Историк соотнёс эти представления со способом массовых казней новгородцев – опричники топили несчастных в Волхове – и сделал вывод о том, что казни жителей Новгорода носили символический характер: вероотступников посылали прямо в ад. Столь же глубокую религиозную символику имели и другие жесточайшие казни Ивана Васильевича⁵⁷. Разгром опричниками новгородских храмов тоже имел свои духовные основания. Другой современный историк Б. Н. Флоря отмечает: царь, изымая иконы и церковную утварь из новгородских храмов, тем самым изымал из рук вероотступников православные святыни и брал их под собственную защиту. Недаром позднее государь повелел “во искупление своих грехов” построить в Александровской слободе две большие каменные церкви и наполнить их знаменитыми иконами и другими церковными святынями, а обширные земли новгородской епархии на русском Севере были отписаны вологодской епархии, ведь именно Вологду царь рассматривал как один из центров опричнины⁵⁸.

Жестокая борьба со своими подданными, которую вёл Иван Грозный в годы опричнины, представлялась ему (другое дело – оправданно или нет) борьбой с изменниками Богу, с теми, кем, по убеждению государя, овладел бес, кто предал истинную веру. Иван Грозный, карая измену, последовательно и целенаправленно отсекал от “плоти” Русского государства всё греховное. Он писал: “Прогнанных же от нас несть никого же, разве сами от православия от-

торгошася. Избиенныя же и заточенныя по своим винам, яко же выше рехом, по тому тако и прияша”⁵⁹. Наказанные же за измену настолько виновны, что достойны лишь одного – отправиться в ад, ибо спасения их душ Господь не допустит: “Убиенных же по своим изменам у престола Владычня предстояти како возможно есть, паче же человеком неведомо”⁶⁰.

Можно сказать, что уже в 1564 г., в Первом послании Курбскому, то есть ещё до введения опричнины, Иван Грозный сформулировал собственную концепцию “*богоизбранного инока-самодержца*”. Уже существовавшие в России представления о роли и значении самодержавного государя он довёл до абсолюта, считая, что царь обязан сосредоточивать в своих руках не только политическую власть, но и быть религиозным и духовным лидером общества. Иначе говоря, царскую власть Иван Грозный рассматривал как форму религиозного служения. Причём он придавал своему пониманию царской власти *общегосударственного значения* – Первое послание Андрею Курбскому рассылалось по всем городам как официальный государственный документ. Следовательно, оно предназначалось не столько опальному воеводе, сколько всему русскому народу.

VI

Впрочем, не стоит забывать, что в годы опричнины Иван Грозный решал и другие, более прозаические задачи. Прежде всего, в ходе преследований и гонений Иван Грозный избавился от множества княжеских и боярских родов. Представители этих родов, по мнению царя, стремились восстановить прежние порядки боярского своеволия и тем самым угрожали единству государства. Окончательно были ликвидированы удельные княжества. Во-вторых, большое число детей боярских лишились своих вотчин, а взамен их получили поместья. Из независимых вотчинников они превратились в помещиков – владельцев земли, принадлежавшей государству. В-третьих, царь Иван Грозный значительно сократил права и независимость Церкви. Хотя свои земельные владения Церковь сохранила, но тоже оказалась подчинена жесткому контролю со стороны царя. В-четвёртых, в городах и волостях сократились права земских органов самоуправления. По распоряжению царя Ивана Грозного, в города и волости опять начали назначаться государевы представители – воеводы. Хотя нужно отметить, что сама система земского самоуправления сохранилась, продолжали собираться и Земские соборы. И, кстати говоря, именно эта земская система спасла Российское государство в Смутное время, став основой и инициатором создания земских ополчений.

Тем не менее главным политическим итогом опричнины стало резкое усиление неограниченной самодержавной власти царя. Благодаря опричнине Иван Грозный превратился в безраздельного властителя, ограниченного лишь собственной волей и собственными желаниями.

Нужно сказать, что в борьбе за усиление собственной власти царь использовал традиционные для московских правителей методы. Известно, к примеру, что по его приказу из земель, взятых в опричнину, выселялись земские бояре и дворяне, а их вотчины и поместья передавались опричникам. Однако подобный метод действия не был чем-то новым в Российской государстве, он активно использовался ещё предками Ивана IV и именовался “*перебором людишек*”. Так, дед Ивана Грозного, великий князь Московский Иван III после присоединения Новгорода к Москве выселил из новгородских земель местных бояр и дворян, а их земли и поместья отдал московским боярам и дворянам. Точно так же поступил отец Ивана Грозного, великий князь Московский Василий III, когда в 1510 году окончательно присоединил к своей державе псковские земли. Да и сам Иван IV активно использовал метод “*перебора людишек*” задолго до введения опричнины – после присоединения Казани и Астрахани эти вновь приобретённые Российским государством земли были отданы русским боярам и дворянам и заселены русскими крестьянами. Таким образом, “*перебор людишек*” был для московских правителей традиционным и своеобразным способом контроля над правящими элитами, а, кроме того, позволял контролировать и новые территории постоянно расширявшегося Российского государства. В этом смысле опричнина – это, так сказать, нетрадиционная форма традиционных методов управления Русским государст-

вом. И помимо решения духовных задач опричнина стала для Ивана Грозного способом, хотя и очень жестоким способом, контроля над правящими элитами России.

Однако одновременно опричнина нанесла стране и немалый урон — и материальный, и моральный, и политический. Подданные Ивана Грозного не раз обращались к государю с просьбами и даже требованиями прекратить болезненное разделение государства на опричнину и земщину, ибо совершенно искренне не понимали — почему государь разделил свою державу и за что же столь жестоко их наказывает, ведь они, чаще всего, не знали и не чувствовали за собой никакой вины. Наиболее весомым и значимым протестом стало слово святителя Филиппа, митрополита Московского и всея Руси, который резко осудил царя за его деяния. Но даже святителя в разгар опричнины ожидал трагический конец. . .

И всё же через некоторое время царь Иван Грозный начал понимать, что продолжение опричнины приведёт к полному разорению государства. Тем более злоупотребления опричников приобрели такой размах, что поставили под угрозу сохранение порядка в стране. Поэтому в 1570–1571 гг. последовали казни опричников, заподозренных царём в измене. Осенью 1572 года, после того, как опричное войско не смогло защитить Москву от набега крымского хана, царь Иван Грозный отменил разделение государства на опричнину и земщину. Даже слово “опричнина” было запрещено упоминать.

Однако жёсткое подавление всякого сопротивления царской воле сохранялось. В 1575 году царь вновь “отрёкся” от престола и разделил государство на две части. “Преемником” его стал татарский царевич Саин-Булат, в Крещении Симеон Бекбулатович, получивший титул “государя великого князя всея Руси”. Слово “опричнина” заменил термин “двор”. Но уже в 1576 году Иван Грозный вновь “вернулся” на царский трон. И лишь к концу 1570-х гг. прекратились казни.

VII

Перед потомками вот уже четыреста с лишком лет стоят очень серьёзные вопросы. Как нам оценивать личность и деяния первого русского царя? Сколько, если взвешивать на весах истории, он принёс пользы, а сколько вреда своей стране и своему народу? И, наверное, главное — могут ли даже самые благие, самые высокие нравственные цели достигаться далеко не благими и откровенно безнравственными методами?

Историки, обычно с сарказмом, отмечают, что царь Иван Васильевич, творя свои жестокие казни, постоянно каялся в грехах. Сарказм учёных в этом случае связан с тем, что в большинстве случаев сами историки не верят царю, не верят в искренность его раскаяния, а видят в царском покаянии некое скоромощество, некое извращённое театральное-ритуальное действие. Так ли это было на самом деле?

Думается, всё же не стоит с лёгкостью отбрасывать известные факты раскаяния Ивана Васильевича. Собственные личные качества и в самом деле вызывали у царя большие и искренние душевные мучения. Непомерная гордыня, невоздержанность, неумение обуздать свои низменные желания, постоянные нарушения церковных канонов поведения — всё это осознавалось Иваном Грозным как большой грех. Стоит вспомнить, как он каялся, сознаваясь “в пьянстве, блуде, прелюбодеянии, скверне, убийствах, грабежах, хищениях и ненависти, во всяком злодействе. . .” Такого рода покаянные признания в сочинениях, принадлежащих перу Грозного, встречаются нередко.

Однако он далеко не всегда мог справиться со своими страстями. Как, например, не смог справиться со своим женолюбием, на почве которого у него постоянно возникали конфликты с Церковью. Дело дошло до того, что после очередной, седьмой женитьбы — в 1580 году на Марии Нагой — Церковь наложила на царя епитимью и отказала ему в причастии. Для православного, искренне верующего человека — это более чем серьёзное наказание. Но царя церковный гнев не остановил — будучи женатым, он искал себе новую жену, сватая за морем племянницу английской королевы Марию Гастингс. Конечно, Иван Грозный придавал возможному браку чисто политическое значение — он надеялся с помощью Англии переломить неудачно складывающийся ход Ли-

вонской войны. Но важно другое — русский государь не обратил внимания на церковные запреты и был готов к новому конфликту.

К концу жизни различные невзгоды и поражения — смерть старшего сына Ивана, неурядицы в личных делах, сложные отношения со вторым сыном Фёдором Ивановичем (тот решительно отказался — виданное ли дело! — исполнить волю отца и развестись с бездетной Ириной Годуновой), неудачи в Ливонской войне — ещё более усугубили сумятицу, поселившуюся в душе Ивана Грозного. Естественно, он воспринимал все неудачи и невзгоды как Божию кару за какие-то собственные прегрешения.

Именно в этот момент Иван Васильевич сам признал незаконность убийств, совершённых по его приказу в годы опричнины. Свидетельством тому может служить “Синодик опальных царя Ивана Грозного”, составленный в начале 80-х годов XVI в. В него по личному распоряжению царя включили около 4 тыс. имён казнённых — для поминовения во всех монастырях. Этот факт говорит о многом, и в первую очередь о том, что к концу жизни Иван Грозный раскаялся в совершённых грехах, более того, пересмотрел своё понимание греховности им наказанных. Ведь в Первом послании Курбскому царь твёрдо заявлял: “Возможно ли, чтобы убиенные за свою измену предстали перед Господним престолом, — такое и людям неведомо”. Теперь же, составив “Синодик”, царь лично просит у Господа заступничества за убиенных и верит, что души их найдут вечное спасение. По сути дела, здесь можно увидеть не просто сомнение, а покаяние и прямое осуждение Грозным прежних собственных убеждений, осуждение той неистовости, с которой он “истязал” собственную страну. Следовательно, можно считать, что под воздействием внешних обстоятельств, под страхом новой кары Божией в последние годы царствования Иван Грозный отказался от идеи “истязания плоти” как метода решения мирских проблем. Таким образом, можно сказать, что государева концепция “богоизбранного инока-самодержца” так и не была в полной мере реализована на практике, ибо её пагубность ярко проявилась в годы опричнины. Наверное, для самого государя это стало серьёзным ударом, потрясшим всё его мировоззрение, весь его духовный и душевный мир.

Нет, он не сомневался в собственной богоизбранности — подтверждения тому можно найти в записках Антонио Поссевино, встречавшегося с Грозным в 1582 г. Но одновременно в сознании государя усиливалось стремление найти дополнительные, тайные пути познания Божией воли, которые, возможно, помогли бы ему обрести душевное равновесие. И здесь стоит со всем вниманием отнести ещё к одному общеизвестному факту — занятиям царя *астрологией, магией и гаданиями*.

Вообще, более чем мистической натуре Ивана Грозного увлечение астрологическими разысканиями было присуще давно. Ещё в годы опричнины при царе состоял английский лекарь и астролог Элизиус Бомелиус, позднее казнённый. В последние годы жизни он вообще окружил себя сонмом колдунов, волхвов и гадалей, специально привезённых из северных земель. В их обязанности входило предсказание будущего, в частности, Иван Васильевич пытался узнать день своей смерти⁶¹.

По свидетельству англичанина Джерома Горсея, Иван Грозный верил и в магию камней. Во всяком случае, когда царь привёл англичанина в свою сокровищницу, то долго ему объяснял разные магические свойства алмазов, сапфиров, изумрудов и рубинов. А затем, пытаясь увидеть своё будущее, на глазах у Горсея государь совершил некие магические действия с царским жезлом, усыпанным драгоценными камнями, и пауками. По окончании же магического обряда горестно сказал, показывая на царский жезл: “Слишком поздно, он не уберёжет теперь меня”⁶².

Известно, что Православная Церковь запрещала астрологию, колдовство и магические гадания, вполне справедливо считая их языческими суевериями. Причём эти занятия осуждались всеми православными мудрецами, которые видели в них дьявольское искушение — смертный человек как бы покушался на роль Творца, стремясь предугадать то, что может быть известно одному Богу. При этом необходимо помнить, что мистика, в её христианском варианте, была совсем не чужда русскому православию. Но её практиковали монахи, покинувшие для этого мир, полностью отдавшие внутреннему созерцанию истины. Монахи принципиально отстранялись от мирской суеты, опасаясь внести сумятицу в умы и души простых мирян, и никогда не переносили прин-

ципов монашеской жизни в жизнь светскую. Тот же Нил Сорский советы по устройству жизни давал монахам, и только монахам. Отстранённость от мирских забот и позволяла православным инокам сохранять в своей мистической практике главное – верность Господним заветам. И сама православная мистика всегда была ориентирована на познание Бога, а значит, оставалась средством постижения добра, любви, красоты, средством “внутреннего дела-ния” человека.

Иван Васильевич поступил иначе. Он, попытавшись использовать монашескую практику в мирской жизни, превратив её в орудие политического действия, сокрушил её принципы мирской же суетой. Ибо требовал и ждал сиюминутных, выгодных ему самому, реальных результатов от того, чему сиюминутность и суетность категорически противоположны – от иноческого подвига. Возможно, поэтому, не умея и не имея возможности соблюдать иноческую чистоту, царь принялся искать спасение в иных учениях – в древней магии, в языческих волхованиях. Надеялся он, даже в те годы, когда считал себя “наполовину чернецом”, на колдунов и гадателей, астрологов и волхвов.

Наверное, свою роль сыграло и то, что никакой из вариантов православного учения не мог Божиим именем оправдать многих царских беззаконий, вызванных гордыней и необузданностью. Ведь говорил Ивану Грозному митрополит Филипп: “Прекрати, благочестивый царь, столь недостойное начинание. Вспомни о царях, бывших прежде тебя, которые хорошо жизнь прожили и по заповедям Божиим творили, и после смерти – блаженны. А те, кто скверно царствами правил, – и ныне немалыми проклятиями поминаются”⁶³. И такое, гласное или негласное, осуждение тоже побуждало царя искать свет истины на колдовских дорожках.

Вот и сочетались, столь странно и причудливо, в мистическом сознании Ивана Грозного идеалы православного иноческого подвига и неодолимая тяга к языческому знанию, вера в собственную богоизбранность и сомнение в истинности избранного пути, жажда нравственной чистоты и необузданность желаний. А над всем этим сложнейшим душевным симбиозом стояла гордыня, которая безраздельно владела его сердцем. Так ведь и кажется, что с самого начала царствования и до конца дней своих испытывал царь Иван Васильевич – какую меру даровал ему Господь на земле? Где пределы царского своеволия? Что еще будет позволено совершить?

Но, объявив самого себя центром земной жизни, “богоизбранным инком-самодержцем”, он не рассчитал своих сил. Потребовал от себя соответствия образу идеального государя, он себе же предложил задачу, не решаемую в принципе. И дело было даже не в сопротивляющемся окружении. Его, Ивана Грозного, натура сопротивлялась. Его тело, его душа не могли выдержать столь грандиозных духовных, психических и физических нагрузок. И, справившись с многочисленными врагами-изменниками, он не справился сам с собой.

И всё же... А как оценивать личность и деятельность царя Ивана IV Васильевича? Если говорить о нравственной оценке опричных деяний Ивана Грозного, то её ведь уже очень давно дала Русская Православная Церковь. Ещё в 1591 году, в годы царствования Фёдора Ивановича, сына Ивана Грозного, началось церковное почитание святителя Филиппа, митрополита Московского и всея Руси, погибшего в противостоянии с царём Иваном, – святые мощи Филиппа торжественно перенесли в Соловецкий монастырь. Немного позднее, уже в годы правления новой династии Романовых, при царе Алексее Михайловиче, в 1652 году, раку с мощами святителя перенесли в Москву, установили в Успенском соборе Московского Кремля, и с тех пор совершается общецерковное почитание святого мученика. А царь Алексей Михайлович, тогда же, в 1652 году, на коленях перед мощами святого просил у него прощения за грехи своего “прадеда” – Ивана Васильевича, и даже – небывалое дело! – лично написал покаянное послание святому мученику Филиппу. Несколько позднее, сначала в Псково-Печёрском монастыре, а потом и по всей России установилось почитание преподобномученика Корнилия, игумена Псково-Печёрского монастыря, убитого, по преданию, лично Иваном Грозным. Таким образом, Русская Православная Церковь, прославив во святых убиенных от руки Ивана Грозного мучеников, показала всем – где в опричнине есть истина, а где ложь.

Но как быть с исторической оценкой? Конечно, разделить оценку нравственную от исторической непросто, а то и невозможно. И тем не менее встает очередной и естественный вопрос – что больше, бед или побед, принесло России царствование Ивана Грозного? Ответить на этот вопрос очень трудно, ибо общий подход к эпохе правления Ивана Грозного, твёрдо стоящий на концепции “двух Иванов” А. М. Курбского, зачастую не позволяет признать многие известные факты истинными, многие существующие оценки верными. Огромную тень и на самого первого русского царя, и на его деяния накладывают многочисленные, иногда жестокие до изуверства и бессмысленные, как кажется, казни тысяч людей, совершённые по его приказу. Поэтому в нашей памяти и в нашем сознании даже самые крупные, самые весомые и значимые достижения и победы Российского государства в годы царствования государя Ивана IV всегда омрачены знанием об опричных казнях. Не меньше тень на деяния царя накладывает и поражение в Ливонской войне, в результате чего Россия лишилась прибалтийских территорий. А ведь вслед за А. М. Курбским даже современные исследователи повторяют: поражение в Ливонской войне стало следствием “опричного террора”.

Можно привести только один пример вроде бы уже давно устоявшихся и даже почти что общепринятых оценок. На протяжении многих лет традиционно принято считать, что именно опричина является: 1) одной из главных причин поражения в Ливонской войне; 2) главной причиной хозяйственного разорения и обезлюдения центральных, западных и северо-западных районов России; 3) одной из главных причин введения в России крепостного права; и, по совокупности первых трёх причин, – 4) одной из главных причин наступившего вскоре Смутного времени.

В самом деле, к концу правления Ивана IV страна пребывала в очень тяжёлой экономической ситуации: только в Московском уезде к концу XVI столетия пустовало 84% обрабатываемых земель, – люди во многих землях были или уничтожены, или умерли от болезней, или бежали на вольные земли. Именно из-за обезлюдения земель в 1581 г. последовал царский указ о временном отмене Юрьева дня – крестьянам “заповедали” (запретили) уходить от своих помещиков и вотчинников. Мера эта была вынужденная, ибо российское правительство не имело иной возможности содержать дворянское поместное войско, кроме как наделять дворян землёй, а земля без крестьян никому была не нужна.

Несомненно, опричина, с её бесконечным “перебором людишек”, сопровождавшимся разгромом земских вотчин и поместий опричниками, с разгромом крупных экономических центров, какими были Тверь, Новгород и Псков на северо-западе, сыграла в разорении страны значительную роль. Но сегодня историки обращают внимание на немалую значимость и иных факторов. Так, исход населения из центральных районов России начался гораздо раньше опричины, а именно в 1550-е годы, и был связан с тем, что русских крестьян массово переселяли на вновь завоеванные земли на востоке. Это была традиционная практика, которая использовалась и до Ивана IV, и на протяжении многих веков после его правления (вспомним хотя бы освоение целины в 1950–1960-е гг., благодаря которому совершенно обезлюдело русское Нечерноземье). Да крестьяне и сами активно осваивали новые территории. Весомым фактором разорения страны стала Ливонская война, ведение которой в течение 25 лет требовало огромных материальных и людских ресурсов, а театр военных действий разворачивался как раз в северо-западных землях. Кроме того, Ливонская война сопровождалась резким ростом налогов (в 3,2 раза по сравнению с 1550-ми гг.), крестьяне же, не выдерживавшие податного бремени, бежали из своих сёл и деревень или резко сокращали размеры обрабатываемой земли (налоги взимались как раз в зависимости от величины пахотной земли). Свою лепту внесли две эпидемии чумы (в 1566–1567 гг. и в 1570–1571 гг.) и тяжелейший голод в 1569–1570 гг., охватившие многие районы России и унёсшие множество жизней.

Поэтому сегодня исследователи говорят о том, что не одна опричина, а именно **совокупность различных факторов** привели к введению “заповедных лет” и усилению крепостного права. Именно в совокупности различных факторов нужно искать причины и Смутного времени. Ну, в самом деле, пала бы Россия в Смуту, если бы не было страшного природного катаклизма, приведшего к трёхлетнему голоду в 1601–1603 гг.? Ведь именно этот природ-

ный катаклизм обострил все экономические, социальные, политические, идеологические и духовные противоречия российской жизни. Однако можно с абсолютной (!) точностью сказать – уж в природном-то катаклизме Иван Грозный не виноват. Стоит попутно ещё напомнить и то, что окончательно крепостное право было введено уже в правление Фёдора Ивановича (указы 1592-го и 1597 г.). И, кстати, тогда же, в ходе русско-шведской войны 1590–1593 гг., Россия вернула себе утраченные в годы Ливонской войны прибалтийские города Ивангород, Ям и Копорье.

Вот такая “арифметика”... А за каждым “арифметическим действием” стоит отдельная, большая и, нередко, трагическая история. Какое из “действий” всё же перевешивает – в одну или в другую сторону? Ответы ещё нужно искать.

* * *

Так кто же он такой – первый русский царь Иван IV Васильевич Грозный? Главное, думается, в поиске ответа на этот вопрос не стремиться к тому, чтобы в который уже раз осудить Ивана Васильевича, или же, наоборот, попытаться создать этакую икону из его образа. Сложнейшее время, каковым был в русской истории XVI век, и сложнейшая историческая личность, каковой был государь Иван Васильевич, не могут быть поняты в простых ответах. **Важнее другое: понять, что Иван Грозный – это великая и трагическая фигура русской истории.** И, наверное, тайна Ивана Грозного скрывается в его духовной и душевной трагедии, подлинной трагедии человека, истово стремящегося к истине и свету, но так и не обретшего их в земной жизни. Фактически сформулировав принципы российской самодержавной власти, Иван Васильевич довёл их до крайнего предела, до абсолюта, поставив лишь самого себя в центр чуть ли не всего мироздания. И в результате он начал войну с собственной страной, ибо не верил, что подданные его способны понять и исполнить его устремления. Крайности всегда опасны. Даже если они вызваны самыми высокими идеями, стремлениями и чувствами, даже если это высокое религиозное рвение, излишнее рвение, ретивое рвение...

И ещё важно понимать: Иван Васильевич Грозный – это своеобразный символ всей нашей русской, великой и трагической истории. И вглядываясь в личность и эпоху Ивана Грозного, мы, как в зеркале, видим... себя. Ведь на протяжении веков мы тоже постоянно стремились к высочайшим духовным идеалам и столь же трагично рушились оземь, когда ради исполнения собственных высоких устремлений разрушали, разметали собственный мир. Наверное, потому и трудно нам познать и понять Ивана Васильевича, ибо для этого нам нужно сначала познать и понять самих себя. Готовы ли мы к этому?

А раз так, то, значит, нужно продолжать искать, думать и... спорить! Более того, думается, что никогда мы не придём к единому знаменателю, к выработке раз и навсегда устоявшегося мнения об Иване Грозном. Хорошо ли это? Для исторической науки, конечно же, хорошо. Наука оперирует относительными истинами, которые всегда можно оспорить или развить. Собственно говоря, до тех пор, пока в основании науки лежат относительные истины, она и будет оставаться наукой, ибо абсолютные, непререкаемые истины науке противопоказаны. Наука не должна стоять на месте, наоборот, должна всё время находиться в поиске.

Но вот что интересно. В своих спорах историки далеко не всегда принимают во внимание народное мнение, народное суждение о царе Иване Грозном, возникшее в XVI–XVII вв. и сохранившееся до наших дней в исторических песнях, легендах и преданиях. А ведь ещё Н. М. Карамзин отметил, что “добрая слава Иоаннова пережила его худую славу в народной памяти”⁶⁴. Немного позднее С. М. Соловьёв верно подчёркивал: победу над Казанским ханством в той самой “народной памяти” считали величайшей заслугой Ивана IV Васильевича, за эту победу царю были готовы простить очень многое. “Надобно перенестись в XVI век, – писал С. М. Соловьёв, – чтобы понять всю силу впечатления, какое производили на современников эти слова: завоевано Татарское ханство!.. После многих веков страдания и унижения явился наконец царь на Руси, который возвратил ей счастливое время первых князей-завоевателей; понятно отсюда, почему Иоанн IV стал так высоко над своими

предшественниками, почему для русских людей XVII века это был самый величественный образ в русской истории, загораживающий собою все другие образы... Завоевание Казанского царства было подвигом необходимым и священным в глазах каждого русского человека; подвиг этот совершался для защиты христианства от бусурманства, для охранения русских областей, опустошаемых варварами, для освобождения пленников христианских⁶⁵.

В наше время фольклор об Иване Грозном, на примере исторических песен и преданий Арзамасского края, разобрал Ю. А. Курдин. Современный исследователь пришёл к выводу о том, что царь Иван Грозный “всегда помнился” в народной памяти “как царь-освободитель”, а вот “Грозного-тирана” народная память не знает. Зато знает царя, который “покорением Казани широко распахнул ворота на Восток, дав мощный импульс наступательному движению россиян до Тихого океана”⁶⁶.

Как соотносятся мнения историков и народную память? Остаётся только вспомнить слова Н. М. Карамзина, которыми он заканчивает своё повествование об Иване Грозном, сравнивая научные сочинения о царе и народную память о нём: “История злопамятнее народа!”⁶⁷ Так ли это? Видимо, так...

Примечания

- 1 Сочинения А. М. Курбского см.: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11. XVI век. СПб., 2001 (далее – БЛДР).
- 2 БЛДР. Т. 14. Конец XVI – начало XVII веков. СПб., 2006. С. 56.
- 3 См.: “Родина”, 2004, № 12. С. 50–52.
- 4 Там же. С. 50.
- 5 Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 398–399.
- 6 Филюшкин А. И. Андрей Михайлович Курбский. СПб., 2007.
- 7 Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IX. Калуга. 1993. С. 4–23.
- 8 Ковалевский П. И. Психиатрические эскизы из истории. Т. 1. СПб., 1900.
- 9 См., напр.: Кузьмин А. Г. История России с древнейших времён до 1618 года. Т. 2. М., 2004. С. 251–268.
- 10 Соловьёв С. М. История России с древнейших времён. Кн. III. М., 1989.
- 11 Ключевский В. О. Сочинения в 9-ти тт. Т. 2. М., 1988.
- 12 См. статьи К. Д. Кавелина “Взгляд на юридический быт Древней России” и “Мысли и заметки о русской истории” в кн.: Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989.
- 13 Платонов С. Ф. Иван Грозный. Пг., 1923; Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. Ростов-на-Дону, 1999. С. 113–125.
- 14 Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963.
- 15 Кобрин В. Б. Иван Грозный. М., 1989.
- 16 Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960; Его же: Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.
- 17 Ключевский В. О. Сочинения в 9-ти тт. Т. 2. М., 1988. С. 184.
- 18 Федотов Г. П. Святой Филипп, митрополит Московский. М., 1991.
- 19 Лурье Я. С. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли Древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 214–249.
- 20 См.: Иоанн, митрополит С.-Петербургский и Ладожский. Самодержавие духа. СПб., 1994; Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998; Перевезенцев С. В. Государь Иван IV Васильевич Грозный // Царь Иван IV Грозный / Изд. подг. С. В. Перевезенцев. М., 2005. С. 5–58; Филюшкин А. И. Андрей Михайлович Курбский. СПб., 2007; Фроянов И. Я. Драма русской истории. М., 2007; Его же: Грозная опричнина. М., 2009.
- 21 Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 550 (далее – ПЛДР).
- 22 БЛДР. Т. 11. XVI век. С. 554. Прим. 1. (Перевод на современный русский язык А. А. Цеханович.)

- 23 Русская историческая библиотека. Т. VI. Спб. С. 795–802.
- 24 См.: ПЛДР. Середина XVI века. М., 1985. С. 376–415; Шмидт С. О. Продолжение хронографа редакции 1512 г. // Исторический архив. Т. VII. М., 1951; Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975.
- 25 Наиболее интересный и полный анализ сочинений “Филофеева цикла” представлен в книге: Сеницына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV–XVI вв.). М., 1998.
- 26 Цит. по публикации сочинений “Филофеева цикла” в кн.: Сеницына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV–XVI вв.) М., 1998. С. 353–368.
- 27 Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. М. – Л., 1955. С. 426.
- 28 ПЛДР. Середина XVI века. С. 225.
- 29 См.: Линд Дж. Большая государственная печать Ивана IV и использованные в ней некоторые геральдические символы времён Ливонской войны // Архив русской истории. Вып. 5. 1994. С. 207–208.
- 30 Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 74.
- 31 Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских. М. – Л., 1955; Сеницына Н. В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). С. 126–132. Впрочем, иначе на время создания “Сказания” смотрят А. А. Зимин и А. Л. Гольдберг: Зимин А. А. Античные мотивы в русской публицистике конца XV в. // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 128–148; Гольдберг А. Л. К истории рассказа о потомках Августа и дарах Мономаха // ТОДРЛ. Т. XXX. Л., 1976. С. 204–216.
- 32 ПЛДР. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 225.
- 33 См. напр.: Курбский А. М. История о великом князе Московском // Московское государство. XVI в. М., 1986. С. 449–450; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 119–121, 163–164, 168–180; Громов М. Н. Максим Грек. М., 1983.
- 34 См.: Лурье Я. С. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 234–240.
- 35 Моисеева Г. Н. Валаамская беседа – памятник русской публицистики середины XVI в. М. – Л., 1958. С. 191–192.
- 36 Российское законодательство X–XX веков. В 9-ти тт. Т. 2. М., 1985. С. 260–265.
- 37 Российское законодательство X–XX веков. В 9-ти тт. Т. 2. С. 120.
- 38 См. сочинения И. С. Пересветова в кн.: БЛДР. Т. 9. Конец XV – первая половина XVI века. СПб., 2000. Нужно отметить, что в научной литературе давно замечено совпадение взглядов Пересветова с теми идеями, которые немного позднее выдвигал Иван Грозный. Возможно, пересветовская идея “грозной власти” и могла в какой-то степени повлиять на сочинения русского царя. Однако ни в сочинениях Ивана Грозного, ни в других памятниках нет ссылок на труды Ивана Пересветова.
- 39 Ключевский В. О. Сочинения: В 9-ти тт. М., 1988. Т. 2. С. 184.
- 40 Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981. С. 12–13.
- 41 Там же. С. 46.
- 42 Там же. С. 39.
- 43 Там же. С. 103.
- 44 Там же. С. 14, 21, 16.
- 45 Там же. С. 23, 16–17.
- 46 БЛДР. Т. 11. XVI век. С. 246.
- 47 Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI века. М., 1983. С. 62–63.
- 48 Там же. С. 178.
- 49 Там же.
- 50 Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 24.
- 51 Там же. С. 18.
- 52 Там же. С. 34.
- 53 БЛДР. Т. 11. XVI век. С. 138.
- 54 Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 24.

- 55 Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI века. С. 79.
- 56 Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 13–14.
- 57 См.: Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 359–367.
- 58 См.: Флоря Б. Н. Иван Грозный. М., 1999. С. 239.
- 59 Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 45.
- 60 Там же.
- 61 Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVIII в. М., 1990. С. 84–85.
- 62 Там же. С. 85–86.
- 63 БЛДР. Т. 13. XVI век. СПб., 2005. С. 735. (Перевод на современный русский язык И. А. Лобаковой.)
- 64 Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IX. Калуга. 1993. С. 190.
- 65 Соловьев С. М. История России с древнейших времён. Кн. III. М., 1989. С. 460–461.
- 66 Курдин Ю. А. Образ Ивана Грозного в народной поэзии Арзамасского края // Царь Иван IV Грозный / Изд. подг. С. В. Перевезенцев. М., 2005. С. 655–673.
- 67 Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IX. Калуга. 1993. С. 190.

***Известному историку Сергею Вячеславовичу
Перевезенцеву исполнилось 50!***

Сердечно поздравляем нашего давнего автора с юбилеем. Желаем новых творческих свершений, здравия и мирной жизни под властью правителя более милосердного, чем Грозный царь.

ПРОПАВШИЙ ГЕРОЙ

Необычайная судьба советского лётчика

На протяжении сорока с лишним лет моей дипломатической службы мне неоднократно приходилось общаться с соотечественниками, которых превратности судьбы забросили в чужие края. Поражало меня то, как тянуло их к Родине. Даже когда они не принимали советские порядки и вполне благополучно устроились в другой стране, забыть свою Отчизну они не могли. Вот и выйдя в отставку, я не перестаю интересоваться судьбами наших соотечественников, оказавшихся на чужбине.

Как-то апрельским днём 2002 года мне позвонили с телевидения “Останкино” из редакции передачи “Жди меня” с просьбой помочь, насколько я это смогу, разъяснить вопрос, касающийся необычной судьбы человека, которому были посвящены выпуски передачи в конце января и в феврале. В передачах речь шла о советском военном лётчике, Герое Советского Союза Иване Ивановиче Доценко, уроженце Полтавщины. Дело в том, что в 1944 году во время боёв с немецкими фашистами под Львовом его самолёт был сбит, и лётчик пропал без вести. Его родственники, сестра Дарья не хотели верить в то, что он погиб, тем более, что однополчане Ивана писали: возможно, он смог выпрыгнуть из горящего самолёта с парашютом, остался жив, но затем попал в плен к немцам. О его дальнейшей судьбе ничего известно не было.

Но вот в 1967 году известнейший советский артист танцор Махмуд Эсамбаев был на Всемирной выставке ЭКСПО-67 в канадском городе Монреале, где, в частности, посетил селение местных индейцев племени могавков. К своему изумлению, он обнаружил, что вождь этого племени оказался... украинцем.

Вождь заговорил с ним на чистейшей украинской мове, а затем рассказал, что его имя – Иван Доценко, что он бывший советский военный лётчик, родом из-под Полтавы. Эсамбаев долго с ним беседовал, даже сделал несколько фотографий, а по возвращении в Советский Союз рассказывал в разных аудиториях о той необычной встрече. Описывал он и яркие наряды вождя, и красоту его жены-индианки. Говорил и о том, что у вождя большая семья – несколько сыновей.

С той поры Дарья Ивановна Доценко и её дочь Ольга Васильевна разными путями пытались узнать что-либо об этом необычном вожде индейцев, по-

СЕМЁНОВ Владимир Михайлович — дипломат, Чрезвычайный и Полномочный Посол, юрист-международник. Кандидат исторических наук. Он автор ряда книг и публикаций по вопросам истории, права, общественных знаний.

верив в то, что он и есть Иван Доценко, спасшийся после боя в небе над Львовом. Они сумели встретиться и с Эсамбаевым, разговор с которым придал им веру, что вождь в действительности и есть их Иван. Были у Эсамбаева и фотографии, сделанные им у индейцев, но весь его архив, к несчастью, сгорел вместе с его домом в Грозном во время недавней чеченской войны. А в 2000 году не стало и самого народного артиста СССР, великого чеченца Махмуда Алисултановича Эсамбаева.

Воспоминания об ЭКСПО-67 перенесли меня в тот далёкий 1967 год, в Канаду, где я работал тогда советником посольства СССР, и мне было поручено, на весь период подготовки и работы Всемирной выставки в Монреале, заниматься самыми разнообразными вопросами, связанными с участием Советского Союза в этой выставке. Стоит отметить, что это участие было задумано в Москве как широкая демонстрация советских достижений в различных областях науки, техники, культуры, как крупная политическая и пропагандистская акция на Америку, на весь мир, и, следовательно, всё это должно было выглядеть масштабным и зрелищным.

Как сейчас помню громадный павильон СССР, насыщенный яркими экспонатами, огромный концертный зал. Среди выставленных экспонатов – первый советский спутник, космический скафандр Юрия Гагарина, модель первого и в то время единственного в мире советского сверхзвукового пассажирского лайнера Ту-144, бросившего вызов американским самолётостроителям. Павильон впечатлял и всегда был полон многочисленными посетителями. Наши отношения с Канадой развивались тогда очень активно. К началу работы выставки были открыты прямые воздушные рейсы “Аэрофлота” Москва – Монреаль, а также морская пассажирская линия из Ленинграда в порт Монреаля, на которой стал курсировать теплоход “Александр Пушкин”. На выставку прибыла большая советская делегация. Прямыми рейсами “Аэрофлота” из Москвы в Монреаль постоянно прибывали для выступлений лучшие советские художественные коллективы и солисты, не говоря уж о массе делегаций и туристических групп из СССР.

Встречал я на выставке и Махмуда Эсамбаева, не раз беседовал с ним. Наслышан был и об экзотической индейской деревне, находившейся недалеко от выставки, но посетить её за грудой дел не смог. Только несколько раз, проезжая мимо, наблюдал ритуальные танцы индейцев и останавливался у их сувенирного ларька, где купил нехитрые изделия из дерева и бересты. Храню их и сейчас, как память о коренных североамериканцах.

А вот наш посол в Канаде в то время, Иван Фадеевич Шпедько, который, к слову сказать, был любознательным и даже увлекающимся человеком, приезжая на Всемирную выставку из канадской столицы Оттавы, удосужился-таки посетить индейскую деревню и познакомиться с вождём индейцев. И с этой целью он, как украинец, прихватил с собой в качестве подарка бутылку великолепной украинской горилки.

– ...И представьте себе, – рассказывал мне посол, – когда я передал суровому вождю племени эту бутылку, что-то переменялось в нём, он показал мне знаком следовать в свой вигвам, а там заговорил со мной на чистой украинской мове. Я был изумлён: надо же хохлу затесаться в племя индейцев, да ещё стать вождём! Мы тогда хорошо выпили...

Не могу вспомнить какие-либо ещё подробности, рассказанные послом, но думаю, что на откровенную беседу вождь индейцев, говоривший на “ридной украинской мове”, даже за бутылкой горилки, не отважился. Ведь я хорошо помню политическую атмосферу, царившую тогда вокруг работы советского павильона на выставке. Предстояло 50-летие Советской власти, и многочисленные эмигрантские организации в Канаде, особенно выходцы с западной Украины, щедро оплачиваемые американскими спецслужбами, стали проводить шумные антисоветские демонстрации прямо у ворот посольства СССР в Оттаве, да и вокруг нашего павильона на Всемирной выставке в Монреале.

В политической атмосфере тогда была разлита напряжённость и неприязнь. Посол Шпедько несколько раз выражал канадским властям протесты против “разгула антисоветских элементов, особенно украинских националистов”. Помню накалённый разговор посла с министром иностранных дел Канады Полем Мартином, проходившим сквозь кордон таких демонстрантов на торжественный приём в посольстве 7 ноября, в котором я и сам принимал участие.

Прошло время, и, складывая вместе мои воспоминания о тех годах и всё то, что я узнал позднее, мне захотелось глубже разобраться в судьбе нашего соотечественника, украинца, с которым разговаривал тогда наш посол. У меня перед глазами картина: с советским послом, украинцем по крови, разговаривает Иван Иванович Доценко, бывший советский лётчик, фронтовик, Герой Советского Союза, бесследно пропавший в 1944 году! Как сложилась его судьба, как оказался он в племени могавков, племени, принадлежащем, кстати говоря, к знаменитому ирокезскому союзу племён, о котором писал великий американский писатель Фенимор Купер в своём романе “Последний из могикиан” и в других романах.

Надо сказать, что могавки отличались от иных индейских племён своим сравнительно оседлым образом жизни. Они жили большими племенами, строили для проживания основательные срубные дома, причём необычной длины (30–40 метров), и редко пользовались временными сооружениями типа вигвама. Их дома чем-то походили на традиционные крестьянские избы северной России и Сибири. Сейчас в Канаде могавков насчитывается не менее 10 тысяч человек. В наше время они проживают в пределах ограниченной резервации Канауэйк, располагающейся на канадской стороне реки Св. Лаврентия и частично на американской стороне. Существуют американский и канадский союзы вождей племён.

Все эти мысли подтолкнули меня активно включиться в поиск сведений о вожде индейцев Иване Доценко, его детях, о которых упоминал Эсамбаев. Этим я и занялся по мере своих возможностей.

Связался со своим канадским другом Блэром Сиборном, живущим в Оттаве, в прошлом видным канадским дипломатом, и Блэр живо откликнулся на мою просьбу найти сведения об Иване Доценко. Он обратился к бывшему члену канадского Сената – индейцу, с которым был хорошо знаком. Этот сенатор в прошлом был одним из вождей племени могавков. Индеец поговорил со своей сестрой, живущей в штате Онтарио, в резервации Канауэйк, и она вспомнила, как много лет тому назад некий человек – “неиндеец” был принят в племя. Принят как менеджер по туризму, для того чтобы организовать туристический бизнес с показом танцев индейцев. Как менеджер он получил статус вождя и ритуальное имя – Пронзающий Огонь. У него в индейском племени сложилась новая семья, родились дети, двое из которых до сих пор живут там. Однако связаться с этими детьми мне не удалось.

Тем временем родственники Ивана Доценко на Украине продолжали поиски новых сведений о своём родственнике. В поиск включились несколько добровольцев в Канаде. Ольга Васильевна Рубан, племянница Ивана Доценко, которая самостоятельно писала письма различным адресатам на Украине, в России и Канаде, вышла на некоего Владимира Раенко из города Гамильтон канадской провинции Онтарио. Пан Раенко позвонил ей и рассказал историю о том, как он в 1953 году охотился у себя в Онтарио. Однажды он заблудился в лесу и неожиданно вышел на берег реки, где встретил двоих индейских мальчишек. Эти дети болтали между собой на... украинском языке. Ребята привели его в становище индейцев, где он узнал, что их отец – украинец, родом из-под Полтавы, Иван Доценко. Раенко и Доценко выпили и долго говорили о своей родине. Иван Иванович не был тогда ещё вождём племени, но он был женат на дочери вождя. Было у них двое мальчишек и отдельный вигвам.

Летом 2002 года Ольга Васильевна вновь созвонилась с Раенко, который был жив и здоров. Он подтвердил, что в прошлом видел Доценко и что тот стал впоследствии вождём в племени индейцев, но умер несколько лет назад... Ниточка опять оборвалась.

Память о защитниках Родины в годы Великой Отечественной войны оберегают и сохраняют многие ветеранские организации России и Украины. Существует реестр Героев Советского Союза, чьи имена увековечены в памятниках, книгах, документах. Заглядывал и я в различные справочники и книги по истории Великой Отечественной войны, узнал, что существуют четыре Героя Советского Союза с фамилией Доценко, но Ивана Ивановича среди них нет... Побывал я в Зале Славы в Парке Победы на Поклонной горе в Москве. Его стены обрамляют огромные мраморные плиты, на которых золотом высечены имена всех Героев Советского Союза, там 11695 имён, но имя военного лётчика, Героя Советского Союза Ивана Ивановича Доценко мне там не попадалось.

И вот, наконец, перебирая записи и заметки, накопившиеся у меня за несколько лет поисков, обнаруживаю фразу племянницы Ивана Ивановича в одной из бесед с ней: “А когда он поступал в лётное училище, то его там записали почему-то как **Даценко...**” Слово пелена спала с моих глаз! Немедленно открываю справочники, заглядываю в интернет и нахожу там информацию о нашем герое.

Иван Иванович Даценко (под этой фамилией он фигурирует в документах) родился 29 ноября 1918 года в селе Чернечий Яр, недалеко от Полтавы в Диканьском районе. В семье также была дочь Дарья и сын Василий. Дети рано потеряли мать, да и отец часто болел. Потому ребята росли самостоятельными и трудолюбивыми, хорошо учились. В 1937 году Иван Даценко окончил Писаревщинский зооветеринарный техникум и в том же году призван в ряды Красной армии. Затем оба брата окончили знаменитое Чкаловское лётное училище в Оренбурге и с начала Великой Отечественной войны постоянно были в боевых частях. Василий, лётчик-истребитель, погиб в бою в 1943 году, а Иван продолжал воевать, осенью 43-го стал Героем Советского Союза. И было за что! Ведь с июня 1941 года он бомбил военно-промышленные объекты в глубоком тылу Германии, выполняя особые спецзадания. 22 июня 1942 года командир звена Иван Даценко получил приказ уничтожить вражеский аэродром в районе Орла. Лётчики быстро обнаружили цель и, преодолевая массированный огонь врага, сумели сбросить смертоносный груз точно в цель. Совершили несколько заходов, и после этого вражеский аэродром перестал существовать. Однако в самолёт Даценко попал снаряд, самолёт загорелся, но командир корабля не оставлял свой горящий бомбардировщик, пока не убедился, что все члены экипажа покинули самолёт с парашютами. Только после этого и он спрыгнул. “Пронзающий огонь”...

Участвовал Иван Иванович и в Сталинградской битве, а к августу 1943 года он совершил 213 боевых вылетов, за что и был Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 сентября 1943 года награждён званием Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали “Золотая Звезда” за № 1733.

И вот 19 апреля 1944 года. В тот день экипаж в составе командира звена И. И. Даценко и штурмана Г. И. Безобразова вылетел на бомбардировку железнодорожной станции Львов-2, на которой сосредоточилось много живой силы и техники противника. Это был их последний бой... Самолёт подбили зенитки врага. Штурман Безобразов погиб, а лётчик Даценко успел выпрыгнуть из объёмной пламени машины. На вражеской территории он попал в плен. Дальнейшие сведения о нём носят расплывчатый характер.

Мне встретилась версия в интернете (а в интернете чего только нет), что Иван Даценко бежал из немецкого плена, даже перешёл линию фронта и явился в свою часть, но был арестован органами “Смерш”, попал под трибунал и отправлен в Сибирь, в лагеря. По дороге якобы бежал и... пропал неизвестно куда.

Однако против этой версии есть весомые доводы. Будь это так, будь он признан военным трибуналом изменником Родины, он был бы лишён звания, воинских наград и, конечно, в первую очередь, звания Героя Советского Союза. Навсегда вычеркнут из всех книг памяти Героев Советского Союза. Ничего подобного не произошло. В передаче “Жди меня” демонстрировалась книга “Герои Советского Союза”, где фигурирует военная фотография лётчика Даценко. В политотделе Чкаловского лётного училища, в архивных документах имя Ивана Даценко числится в списках Героев Советского Союза, имя Ивана Даценко занимает почётное место среди Героев войны на его родной Полтавщине. Грамота Президиума Верховного Совета СССР о присвоении И. И. Даценко звания Героя Советского Союза хранится в Писаревщинском зооветеринарном техникуме. В его родном селе Чернечий Яр существует музей, посвящённый знаменитому земляку.

Выяснилось, что не все ветераны разделяют мнение о чудесном спасении лётчика. Вот в мемуарах Героя Советского Союза полковника А. Н. Кота (на которые ссылается генерал-полковник, Герой Советского Союза В. В. Решетников, написавший прекрасную, очень откровенную, во многом автобиографическую книгу о наших лётчиках) “На дальних маршрутах”, которые вышли в Киеве в 1983 году, автор (кстати, бывший участником того воздушного боя) пишет: “В этом налёте в числе других цель освещал экипаж Ивана Да-

ценко. Кроме штурмана Безобразова, радиста Светлова, в составе экипажа находился и заместитель начальника политотдела дивизии гвардии майор М. А. Завирихин. Когда самолёт, сбросивший САБы (осветительные бомбы), поймали несколько прожекторов, сердце у меня замерло. Вражеские зенитки словно взбесились. Трассы снарядов потянулись к освещённому бомбардировщику. Фейерверки разрывов окрасили небо в багровый цвет, но лётчик вёл самолёт по боевому курсу сквозь огненный вихрь. И вдруг раздался взрыв. Видимо, снаряд, а может, не один, попал в бензобак. Во все стороны разлетелись пылающие обломки. Многие из тех, кто был в это время в районе цели, видели эту страшную картину. Никто из членов экипажа не успел воспользоваться парашютом...

Что же могло произойти с Иваном Доценко (будем уж называть его настоящим именем)? Можно предположить, что если он и остался жив в том страшном воздушном бою над Львовом, выпрыгнул с парашютом, то, попав в тыл врага, мог выдать себя за гражданское лицо, переодевшись в цивильную одежду. Возможно, был угнан оккупантами на запад Германии, как это и случилось с десятками, если не сотнями тысяч мирных людей. Там ему несложно было затеряться в толпах западноукраинских беженцев, массы которых тогда шли по дорогам Европы, стремясь уйти от войны, уехать на иные континенты. Особенно много этих беженцев устремлялось в Канаду. Среди них, конечно, в большом количестве были бывшие бандеровцы, но с ними Ивану Доценко было не по пути. Они могли и дознаться, что он советский лётчик, тогда пощады бы ему не было. И, оказавшись в Канаде, он стремился уйти в достаточно удалённые от центров эмиграции места. Так и оказался у индейцев. А индейцы это народ, у которого не принято влезать в душу постороннего человека, они не интересуются анкетой, они оценивают человека по его конкретным качествам – уму, честности, смекалке, трудолюбию. А таким и был Иван Доценко – в то время совсем ещё молодой человек 27-ми лет от роду. Высокий, стройный, красивый. Неженатый. На Родине у него не осталось ни семьи, ни дома в родном селе, сожжённом фашистами. Отчего было не влюбиться в такого парня красавице-индианке, дочери вождя племени могавков? А дальше – родились дети, умер вождь, тесть, и стал бывший советский лётчик сам вождём.

Но тянуло его, конечно, к соотечественникам, и вот, когда в 1967 году под Монреалем разворачивается Всемирная выставка, приводит вождь-украинец своё племя под стены этого крупнейшего города Канады, ставит свои вигвамы, разворачивает фольклорную этнографическую деревню, с исполнением ритуальных индейских танцев, втайне надеясь, что соотечественники не пройдут мимо такого интересного зрелища, посетят его. И не прошли, как видим. Великий артист Махмуд Эсамбаев, знаменитейший танцовщик, всегда живо интересовавшийся и везде, где бывал, собиравший экзотические танцы народов мира, первым заметил этого странного индейца и – безусловно поверил в его историю.

“Когда я приехал в Полтаву, – вспоминал Эсамбаев, – зашёл к первому секретарю обкома КПСС и рассказал ему историю о Доценко. Он говорит, а ты расскажи всему обкому. Рассказал. Позже получил от Доценко письмо, в котором он благодарил за присланную мной фотографию его хаты и сообщал, что точно такую хату он построил и в своём селении”.

Но не только Эсамбаев заинтересовался колоритным вождём. Вот в передаче “Жди меня”, о которой я уже упоминал, выступает Нина Фёдоровна Чугунова, которая в группе работников Минздрава СССР была в сентябре 1967 года на выставке в Монреале и посещала лагерь индейцев. Она рассказала, что большое впечатление на неё произвёл вождь племени индейцев, она купила открытку с его изображением, получила на ней автограф вождя, сфотографировалась рядом с ним. Показала аудиторией открытку и фотографию статного мужчины в красочном одеянии – с перьями, бусами, блёстками и прочими украшениями.

Ещё удалось найти кадры любительской киноплёнки, на которой снят индейский вождь. Кинолюбитель Дмитрий Васильевич, побывавший в индейской резервации 4 июля 1967 года в группе специалистов КБ Ильюшина, демонстрирует на большом экране кадры, где крупно показано лицо вождя и рядом дощечка на ограде (как в зоопарке) с надписью “Chief Poking Fire. Indian Museum” (“Вождь Пронзающий Огонь. Индейский музей”). В передаче

далее идёт сюжет: беседа корреспондента программы со специалистом Института судебной медицины Сергеем Алексеевичем Никитиным. Сравнивая с помощью компьютера фотографию молодого военного лётчика Доценко (Даценко) 1943 года и кадры упоминаемого любительского фильма 1967 года в различных ракурсах, он устанавливает, с учётом разницы в возрасте, полное совпадение линий носа, рта, бровей, подбородка. Делает вывод: лицо одного и того же человека, только старше возрастом.

И всё-таки однозначно утверждать, что лётчик-герой и канадский Иван Доценко – одно лицо, невозможно. К сожалению, теперь уже не поставить точку в этой истории: индейского вождя нет в живых.

Однако же и попытки проследить фантастические повороты судьбы нашего соотечественника не бесплодны. Они помогают нам глубже понять всю трагическую сложность жизненного пути тысяч людей, пострадавших дважды: переживших военное лихолетье, а затем оторванных от Родины. Нам их нельзя забывать в особенности сейчас – в год нашей великой Победы.

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

ЖРЕЦЫ И ЖЕРТВЫ ХОЛОКОСТА

IX. Фильмы и мифы

Воздух наполнился слухами.

И. Бродский

Жрецы Холокоста, конечно же, знали девиз Владимира Ильича Ленина о том, что для масс «важнейшим искусством является кино».

Раскрутка мистерии Холокоста и началась в 60–70-е годы XX века именно в этом жанре. В талантливом фильме «Ночь и туман» Алена Ренэ, по словам Роже Гароди, «всё искажается и становится неестественным, когда в нём произвольно говорится о 8 миллионах евреев, убитых в одном Освенциме».

Гароди вспоминает и другие сериалы, заполонившие экраны Америки: «Сколько раз нам прокручивали «Исход», «Холокост», «Шоа» и прочие кинороманы. Каждую неделю слезоточивые картины навязывают наши экраны»; «Фильм «Шоа» Ланцмана на протяжении 9 часов навязывает нам через образы каменных стен и нескончаемых железнодорожных конвоев <...> свидетельства вроде рассказа парикмахера из Трешлинка, который уместил на площади 16 квадратных метров 60 женщин и 16 парикмахеров»; «Менахем Бегин выделил на фильм «Шоа» 850 000 долларов, как на «проект, имеющий национальное значение»; «Один из фильмов, внёсших наибольший вклад в манипуляцию мировым общественным мнением, телефильм «Холокост», является преступлением против исторической истины»...

... После целого половодья подобных фильмов в 90-х годах прошлого века бестселлером Холокоста стал фильм «Список Шиндлера», о котором социолог и публицист С. Кара-Мурза отозвался так: «В стремлении вбить клин между русскими и евреями пресса раздула совсем уж неприличную кампанию вокруг посредственного фильма «Список Шиндлера». Смысл был в том, чтобы заместить образом бонвивана Шиндлера в нашей исторической памяти подвиг тысяч и тысяч советских людей, которые в оккупации прятали у себя евреев и шли на виселицу <...> Всемирно-исторической фигурой сделан не белорусский колхозник, а Шиндлер, сколотивший на труде заключённых евреев крупный капитал и живший среди женского персонала, как петух в курятнике. Напор, с которым подавался этот фильм во всём мире, перешёл все границы, и в западной прессе было сделано уточнение: Шиндлер был агентом гестапо и всё делал в рамках согласованной акции. Бежать на Запад ему пришлось от советских войск, ввиду неминуемого наказания за его акции в концлагерях» («НС», № 1, 1997 г., стр. 219).

Продолжение. Начало в № 1, 2, 3 за 2010 год.

В 2008 году волна фильмов о еврейской катастрофе по-настоящему накрыла и российское телевидение.

В первую очередь надо вспомнить супермногосерийный и чрезвычайно скучный фильм “Тяжёлый песок” по роману А. Рыбакова; в Голливуде снимается, как сообщает бюллетень “Холокост” (№ 2, 2007 г.) экранизация по роману Анатолия Кузнецова “Бабий яр”; в России по ТВ показан новый фильм Эльдара Рязанова “Андерсен. Жизнь без любви”, о котором в том же номере бюллетеня сказано, что “главная идея картины – борьба с антисемитизмом; герой страстно защищает друзей-евреев, а, перенесясь в будущее, спасает датских иудеев от Холокоста”.

В начале 2008 года нам показали по ТВ многосерийный фильм о том, как молодой австриец Адольф Шикльгрубер, разыграв антисемитскую карту, становится Адольфом Гитлером. Далее следовала киноэпопея о Мюнхенском пивном путче, потом о Хрустальной ночи 1938 года. Конечно, мелькнули на экране сюжеты об Анне Франк, а однажды глубокой ночью ТВ запустило фильм о таинственной конференции в пригороде Берлина Ванзее, на которой под руководством Гейдриха был якобы разработан план по “уничтожению европейского еврейства”. О чём на самом деле шла речь в компании высших чиновников рейха в Ванзее, до сих пор неизвестно, на Нюрнбергском процессе зачитывался какой-то текст машинописной копии, выдаваемой за протокол конференции. Но об этом тексте сами еврейские историки впоследствии отзывались весьма неуважительно.

Из книги Роже Гароди “Основополагающие мифы израильской политики”: “Ванзейский протокол – это отчёт о конференции, которая состоялась 20 января 1942 года. <...> Речь идёт о тексте, в котором нет ни слова ни о газовых камерах, ни об истреблении, а только о депортации евреев на Восток Европы <...> Этот отчёт имеет, кроме того, все характерные черты апокрифа, если рассмотреть фотокопию, опубликованную в книге Роберта Кемпнера “Эйхман и сообщники”: ни печати, ни даты, ни подписи, шрифт обычной пишущей машинки для печати уменьшенного формата. В любом случае, в нём ничего нет о газовых камерах.

Во французском переводе, например, слова “вытеснение евреев из жизненного пространства немецкого народа” переведены как “устранение евреев” с комментарием, что слово “устранение” означает “уничтожение”... Тот же фокус был проделан в английском и русском переводах”...

“Ванзейская конференция 20 января 1942 года, на которой, как утверждают уже более 30 лет, якобы принято решение об “уничтожении” европейских евреев, начиная с 1984 года исчезла из писаний даже самых рьяных врагов “ревизионизма”... “В этом пункте даже им пришлось ревизовать свою историю: на конгрессе в Штутгарте в мае 1984 г. эта “интерпретация” была выведена из употребления”. (Источник: Эберхорд Яккель и Юрген Ровер. Убийство евреев во время Второй мировой войны. DVA, 1985, стр. 67.)

“20 января в Берлине состоялась Ванзейская конференция. Хотя предусматривалась акция “вытеснения” евреев на Восток с упоминанием о “естественном” отборе в процессе труда, никто не говорил о промышленной ликвидации. В последующие дни и недели не было ни звонка, ни телеграммы, ни письма в строительное управление Освенцима по поводу установок, предназначенных для этой цели”.

Даже в своей итоговой хронологии Клод Прессак пишет рядом с датой 20 января 1942 г.: “Ванзейская конференция о вытеснении евреев на Восток”, стр. 114. Таким образом вместо “уничтожения” речь идёт о “вытеснении”.

Из сохранившихся листов протокола Ванзейской конференции: **“В ходе окончательного решения евреи будут направлены на Восток для использования их труда. Женщины будут отделены от мужчин. Евреи, способные работать, будут направлены большими колониями в районы, где производятся крупномасштабные работы, на строительство дорог, и, вследствие этого, несомненно, большое число погибнет в результате естественного отбора.**

Те, что в конце концов останутся и, несомненно, будут представлять собой самый сильный элемент, заслуживают соответствующего обращения, так как они являются результатом естественного отбора, и их освобождение должно рассматриваться, как появление зародыша нового еврейского движения (как показывает исторический опыт)”. Роже Гаро-

ди в своей книге “Основополагающие мифы израильской политики” приводит множество документов, доказывающих, что под “окончательным решением еврейского вопроса” нацисты понимали изгнание, вытеснение, выселение европейских евреев из Европы.

“Поражение Франции открыло перед нацистами новые перспективы. Для окончательного решения еврейского вопроса можно было использовать французскую колониальную империю. После перемирия, заключённого в июне 1940 года, возникла идея высылки всех евреев на Мадагаскар. В мае 1940 года Гиммлер в докладной записке, озаглавленной “Несколько мыслей об обращении с враждебными лицами на Востоке”, писал: “Я надеюсь, что все упоминания о евреях будут окончательно вычеркнуты после эвакуации всех евреев в Африку или в колонии”.

Но “Мадагаскарский проект” был временно отложен, так как **“война против Советского Союза позволила нам располагать новыми территориями для окончательного решения. Вследствие этого фюрер решил изгнать евреев не на Мадагаскар, а на Восток”** (А. Гитлер. Монологи. 1941–1944. Изд. Альбрехт Краус. Гамбург 1980 г.).

Но история есть история, документ – есть документ, а фильм есть художественное произведение, опирающееся на сценарий, на сочинённые диалоги, на игру актёров, выполняющих то или иное идеологическое задание.

Актёры телефильма о Ванзейской конференции (почему-то показанного глубокой ночью), играющие Гейдриха, Эйхмана, главного прокурора гитлеровского рейха, офицеров СС, нацистских юристов – авторов нюрнбергских расовых законов, в своих диалогах убеждают друг друга в необходимости уничтожения европейского еврейства. Но нельзя при этом забывать, что такого рода разговоры Гейдриха с Эйхманом имеют историческую основу не большую, нежели разговоры Артаксеркса с Аманом или Эсфири с Мордехаем из книги “Эсфирь”.

Однако следующий, тоже якобы документальный фильм, показанный по российскому ТВ в том же 2008 году, – переплюнул по грандиозности замысла ванзейскую “художественную” стряпню и был посвящён уже абсолютно легендарному сюжету – плану сталинской депортации в 1953 году всех евреев Советского Союза в концентрационные лагеря Сибири и Дальнего Востока.

В ночь с 25 на 26 марта 2008 года по программе “Культура” был показан фильм о подготовке этого преступления. Автором и комментатором фильма был известный советский журналист, пребывающий ныне в Англии, Аркадий Ваксберг.

Сначала в фильме зашла речь о таинственном письме в “Правду”, осуждающем “врачей-отравителей”. Письмо это, по словам Ваксберга, согласно воле Сталина должны были подписать известные еврейские писатели и общественные деятели. Голос Ваксберга вещал с экрана о том, как отнеслись советские евреи к письму.

“Маргарита Алигер рассказала мне: “Было очень страшно, я безропотно подписала это письмо”.

Понятно, почему именно М. Алигер было предложено поставить свою подпись под письмом: с 1937 по 1953 годы она внесла огромный вклад в поэтическую Сталиниану. Открываешь любую её книгу тех лет и читаешь: “приезжай, товарищ Сталин, приезжай, отец родной”, “гул сталинских животворящих лет”, “зашумит словно море кремлёвский дворец – это встретит вождя Девятнадцатый съезд”, “Ленинские горы, Сталинские годы, Коммунизма ранний, ранний час” и т. д. и т. п. без конца. Конечно, тут подпишешь безропотно.

Павел Антокольский: “Подписной лист сначала подписал я, потом Гроссман, – я знаю теперь, что чувствует кролик перед удавом”. А куда было деваться Павлу Григорьевичу, лауреату Сталинской премии, если он в 1937 году сочинил от сердца стихотворную книгу “Ненависть”, воспевающую “сталинские репрессии”? Сталинские чиновники, конечно же, знали, кому предложить этот документ на подпись. И в Гроссмане, тоже официальном писателе 30-х годов, прославившем в книге “За правое дело” и Сталина, и советскую власть, и нашу победу, они, видимо, не сомневались.

А кстати, можно было и отказаться, как отказался подписать письмо Лазарь Каганович или Вениамин Каверин: “Я сообщил Хавенсону (журналист, сборщик подписей. – Ст. К.) по телефону, что письмо подписывать не буду”. Конечно, это могло вызвать недовольство у функционеров, собиравших подписи, но за это не арестовывали, не пытали и на Колыму не ссылали. Каверин, не самый знаменитый и храбрый среди писателей, почему-то не почувств-

вовал себя “кроликом перед удавом”. Кстати, и Леонид Леонов в 1934 году, когда Генрих Ягода собирал писательскую компанию для поездки на Беломорканал для создания культурной чекистской книги о строительстве, отказался от этой поездки, и ничего с ним не случилось. А почти все остальные, кто согласились, через три года в 1937-м охотно давали согласие подписать любые письма. Главное ведь в том, чтобы публично согрешить один раз, а дальше легче: “ещё раз, ещё раз, ещё много-много раз...”

Однако фильм о депортации продолжался, и А. Ваксберг продолжал вещать “закадровым голосом”:

“Евгений Долматовский рассказывал: “Мне звонил Давид Заславский, требовал подписать письмо”. И Давид Заславский знал, кому звонить, поскольку всем было известно, что в 1937 году молодой поэт Долматовский публично отказался от своего отца – “врага народа”.

“Марк Рейзен вспоминает так: “Ну было какое-то собрание. Надо исполнить свой гражданский долг”. И знаменитого певца Рейзена тоже можно было понять: в предвоенные годы он был основным исполнителем знаменитой песни “Широка страна моя родная” со словами: “золотыми буквами мы пишем всенародный сталинский закон”. А музыку к гимну “Широка страна моя родная” написал Дунаевский, естественно, он не мог не “засветиться” на подписном листке обращения в редакцию “Правды”, на котором, как пишет историк Г. В. Костырченко, “имеются оригинальные автографы С. Я. Маршака, В. С. Гроссмана, М. О. Рейзена, М. И. Ромма, Л. Д. Ландау, И. О. Дунаевского и многих других видных деятелей еврейского происхождения” (стр. 681). Одним из последних на листе расписался И. Эренбург. Впрочем, “подписантов”, если бы власти того пожелали, могло быть много больше из числа рьяно присягнувших на верность режиму в 1937 году.

Много лет назад, просмотрев подписку “ЛГ” за 1937 год, я сделал перечень известных писателей, так или иначе откликнувшихся на политические процессы эпохи.

Из “Литературной газеты” № 33, 1937: “Высшая мораль революции в том, чтобы враги народа, подло предающие его интересы, были начисто уничтожены”... “Только на днях вся страна с яростью и гневом узнала о преступлениях подлейшей банды долго маскировавшихся шпионов, фашистских наёмников – Тухачевского, Уборевича, Корка и других мерзавцев”. “Другие мерзавцы” – это высшие военные чины еврейского происхождения – Иона Якир и Фельдман. Заклеймил их в “ЛГ” известный литератор той эпохи Яков Эйдельман, отец не менее известного литературоведа горбачёвской эпохи Натана Эйдельмана.

Подшивка “Литературной газеты” за 1937 г., номера 32 и 33. Заголовки откликов: “Мы требуем расстрела шпионов”, “Не дадим житья врагам Советского Союза” и другие короткие проклятья, подписанные не от имени каких-то заводских и фабричных коллективов, и не какими-то безвестными “шариковыми”, а Пастернаком, Сельвинским, Кассилем, Габриловичем, Л. Никулиным... Среди проклинаемых имён “врагов народа” В. Киршон. Опять одни евреи топили других евреев. По приказу или по совести? Или от страха иудейска? Не знаю.

В “Литературке” от 1 февраля 1937 г. опубликован приговор по делу “Пятакова, Сокольников, Радека”, и тут же стихотворный отклик Михаила Голодного-Эпштейна: “Нет, ты его настигнешь, кара”. П. Антокольский тоже ставит свою подпись рядом с Михаилом Голодным.

В этих же уникальных январско-февральских номерах 1937 года с проклятиями и требованиями “уничтожить” “убийц, шпионов, фашистских выкормышей” выступили писатели Р. Фраерман, В. Инбер, Л. Никулин, А. Безыменский (со стихами!). Здесь же Юрий Тынянов, а рядом с ним стихи Переца Маркиша в косноязычном переводе Д. Бродского:

*Их судит трибунал с презрением во взоре,
И весь народ гремит из края в край;
Ни капли милости взбешённой волчьей своре —
Пусть сгинут! Никому пощады не давай!*

В 1952 году в числе репрессированных членов Еврейского антифашистского комитета был и Перец Маркиш. Вспомнил ли он перед тем, как “сгинуть”, свои стихи пятнадцатилетней давности? Подпись поставить от страха – дело простое. А вот стихи написать – тут нужно вдохновение.

Еврей-чекисты арестовывали евреев-политиков, еврей-поэт написал о врагах народа стихотворенье, еврей-переводчик перевёл его на русский язык, еврей – ответственный редактор (Л. Субоцкий) опубликовал их в “Литгазете”. А сейчас всё это называется иногда государственным, иногда сталинским и даже русским антисемитизмом и черносотенством.

А чьими фамилиями подписаны (“ЛГ” от 26. I. 1937) писательские отклики на процесс антисоветского троцкистского центра? Ю. Олеша – “Перед судом истории”, И. Бабель, щегольнувший знанием Достоевского, – “Ложь, предательство, смердяковщина”, М. Козаков (отец нынешнего актёра М. Козакова)¹ – “Шакалы”, два брата – М. Ильин и С. Маршак – “Путь в гестапо”, В. Шкловский – “Эпилог”, Д. Алтаузен – “Пощады нет!” и, конечно же, неутомимый Безыменский – “Наш вердикт”, стихотворенье, начинающееся словами: “стереть их всех с лица земли”. А ещё Г. Шторм, Г. Фиш, К. Финн, Л. Славин, А. Гурвич, Л. Войтинская и т. д. и т. п.

Ну как же нынешним еврейским историкам при воспоминании об этом феноменальном позоре не выходить из себя, не впадать в истерику? Как объяснить эту эпидемию коллективного помешательства “интеллектуальной элиты”? Слепой верой в Сталина? – но все подписанты, можно сказать, не дураки. После XX съезда они сразу поумнели. Животным страхом перед Гитлером, перед ужасом грядущей войны? Или просто чувством коллективного советского патриотизма, захлестнувшего всё общество в ту эпоху?

А если даже Сталин, как коварный политик, их переиграл и заставил своими руками уничтожать своих же соплеменников, то на кого спустя 70 лет писать жалобу? На антисемитов? А может быть, всё происшедшее есть свойство еврейского менталитета, о котором американский историк Норман Финкельштейн писал в книге “Индустрия Холокоста”:

“Так же, как многие евреи дистанцировались от Израиля, пока он был для них обузой, и снова стали сионистами, когда он обрёл ценность, дистанцировались они и от своей этнической принадлежности, пока она была обузой, и снова стали евреями, когда это стало выгодно” (стр. 27).

Поэтому не надо лукавить, что наши писатели той эпохи были не евреями, а просто советскими людьми или всего лишь навсего коммунистами безо всякой национальности. Конечно, в списке подписантов есть и русские фамилии, но их значительно меньше, нежели еврейских. А фамилии Симонова, Твардовского, Шолохова, Заболоцкого, В. Шишкова, Серафимовича, Гладкова не встречаются ни разу. Может быть, к ним не обращались, сомневались, что они подпишут? Или они себя “кроликами” не чувствовали?.. А может быть, демонстрируя свою лояльность, подписывали только те, кто хотел подписать?

* * *

Тем не менее февральское письмо 1953 года “о деле врачей” с подписным листом, изукрашенным автографами нашей культурной элиты, не было нигде напечатано, поскольку, как предполагает Костырченко, “Сталину не понравился <...> тон письма – чрезмерно резкий, если не сказать кондовый – ибо не способствовал достижению искомой цели: затушевать скандальную агитацию вокруг “дела врачей” в стране и в мире”. “Составление следующего варианта письма, – пишет Костырченко, – было поручено Шепилову, слывшему среди интеллигенции либералом”. Новый шепиловский вариант письма, продолжает историк, “разительно отличался от того, что было раньше. Это была уже не прежняя вульгарная агитка, а вежливое приглашение “вместе... поразмыслить над некоторыми вопросами, затрагивающими жизненные интересы евреев”; “самое главное, уже не выдвигалось никаких требований расправы с “врачами-отравителями”...”; “Можно заключить, что Сталин отказался от намерения провести публичный процесс по “делу врачей” (тем самым автоматически опровергается миф об открытом антисемитском судилище, как сигналу к началу еврейской депортации...)”; “Как известно, обращение к еврейской общественности так и не появилось в печати...”; “Думается, сам Сталин успел до приступа смертельной болезни отвергнуть эту идею, исходя из того соображения, что публикация любой, даже выдержанной в самом оп-

¹ Автор пьесы “Чекисты”, 1939 г.

тимистическом тоне коллективной петиции евреев будет свидетельствовать, что в стране продолжает существовать пресловутый “еврейский вопрос”.

... А на экране между тем мелькали кадры ваксберговского фильма о депортации. Сквозь какие-то апартаменты, похожие на кремлёвские, стремительно проходили актёры, плохо загримированные под Булганина, под Пономаренко и ещё под кого-то, и косноязычно на ходу произносили монологи, видимо, сочинённые Ваксбергом, со словами якобы из воспоминаний, принадлежащих историческим персонажам, которых они изображали. А вещий голос Ваксберга в это время давал дополнительные комментарии, что эти драгоценные воспоминания хранятся где-то в архивах Иерусалима. Все эти тексты перемежались съёмками эшелонов, рельсовых путей, изображением станций, словом, картинками, долженствующими воссоздать правдивую, документальную обстановку депортации евреев неизвестно куда, но в пространство ГУЛАГа...

То ли это Дальний Восток, то ли Северный полюс, то ли Сибирь? А может быть, и Казахстан? Голос Ваксберга возвышался до левитановского пафоса: “Тем временем в Москву по запасным путям шли вагоны, сколачивались бараки”. А дальше он с апокалиптическими интонациями зачитывает слухи, которыми его снабдил Семён Липкин:

“Когда я жил в Киргизии, там жили люди, высланные за свою национальность. Они мне говорили, что на границе с Казахстаном строились бараки для евреев. Я туда поехал и кого-то спросил, что там строят, и кто-то сказал мне: “Это для евреев”... И вот так на протяжении всего этого якобы документального фильма: “я кого-то спросил и кто-то мне ответил”.

В финале фильма шла инсценировка суда над Сталиным, и главный свидетель Булганин (естественно, скверно загримированный под Булганина актёр) говорит суду, что суд над евреями должен был состояться под открытым небом на Красной площади и что Сталин дал ему указание подготовить “800 вагонов для депортации евреев”.

Комментарий Ваксберга, стоящего в кадре на Красной площади на фоне Лобного места:

“Именно здесь вот-вот должно было начаться кровавое действо – суд над врачами-убийцами”. “Гроссман видел ад Трешлипки, и мысль о таком же новом суде убивала его”. (Может быть, поэтому он и подписал черновик письма, осуждающего врачей-евреев?) В последнем кадре Ваксберг появился на экране и скорбно произнёс, что во время этих перевозок эшелоны должны были подвергнуться крушениям, и добавил фразу, которую я успел записать буквально: *“Вот на краю какой пропасти мы когда-то стояли”*...

Миф о депортации – болезненная, но, видимо, хорошо оплачиваемая идея-фикс Ваксберга. Ещё в 1998 году в книге, посвящённой судьбе Лили Брик, он писал: *“13 января 1953 года “Правда” сообщила об аресте “врачей-убийц” и предстоящем суде над “заговорщиками в белых халатах”. Это был предпоследний акт задуманной Сталиным кошмарной мистерии. Последний должно было стать линчевание “убийц” и депортация всех евреев в Сибирь, где им предстояло “искупить свою вину перед советским народом”.*

А вот как кликушествовал в 1990 году о той же мифической депортации известный советский писатель Александр Евсеевич Рекемчук, ещё один из мелких жрецов Холокоста:

“Увы, документами, свидетельствами подтверждено (! – Ст. К.), что 8 марта 1953 года должна была состояться публичная, при стечении десятков тысяч людей, казнь так называемых “врачей-убийц”, в основном еврейской национальности. Вслед за этим планировалась высылка евреев из Москвы, Ленинграда, других центров России в концентрационные лагеря на Дальний Восток. Лагеря были подготовлены, виселицы делались, судилище в московском цирке подготовлено, роли распределены” (“Красноярский комсомолец”, 23.6.1990 г.).

Сколько людей он запугал, сколько душ заставил испытать страх погрома, сколько евреев после прочтения того бреда побежали в иностранные посольства, сколько языков пламени, названного ныне “национальной рознью”, вспыхнуло в обывательских душах! И ничего, прошли годы, старый благостный Рекемчук ходит по Москве, издаёт книги, радуется успехам демократии.

Я помню, как в конце 80-х – начале 90-х годов на одном из писательских собраний Рекемчук появился в проходе Большого зала ЦДЛ, за руку он тащил

полуслепого писателя Валентина Ерашова, только что написавшего роман о сталинской депортации евреев в Сибирь. Рекемчук буквально вытащил несчастливого слепца, ныне совершенно забытого писателя, на трибуну с криком:

— Дайте ему слово! Он сейчас нам расскажет, как готовилось это преступление!

И Валентин Ерашов с чёрной повязкой на глазах забормотал что-то несусветное, пересказывая содержание своего убогого политического детектива, который вскоре был издан в издательстве “ПИК” неслыханным тиражом в 300 тысяч экземпляров. Вот несколько отрывков из этого эпохального сочинения, которое предварено следующим авторским предисловием: “Это повествование построено и на доступных автору документах, и на опубликованных материалах, и на собственных воспоминаниях, и на рассказах очевидцев, и частично на ходивших в ту пору и впоследствии разговорах. Описанное в хронике — было или — могло быть. Домысел автора — в рамках и пределах допустимого законами литературы.

События, составляющие ядро и суть произведения, были действительно запланированы и, вероятнее всего, осуществились бы, не помешай тому кончина Вождя.

Основные исторические фигуры реальны. Те, кому предстояло быть исполнителями, — обозначены условно, по роду занятий. Фамилии жертв — из уважения к их страданиям и памяти — изменены. В хронику введена семья, имеющая реальный прототип. Некоторые статисты кровавого спектакля оставлены анонимными”.

Ну как после этого не верить автору? “Документы”, “собственные воспоминания”, “рассказы очевидцев”, “реальные прототипы”.

Книга начинается с внутреннего монолога Сталина, коварно размышляющего о том, как поставить для народа спектакль о врачах-отравителях. . .

“Право же, хорошо, трое русских, а евреев шестеро, пропорция соблюдена, всяк поймёт, что главные — они, однако никто не посмеет сказать, будто идёт антисемитская кампания, — выглядит объективно. И к месту помянуто, что указания получили от еврейского буржуазного националиста Михозэlsa. . . Может, с Михозэlсом поторопились тогда, в сорок восьмом, следовало ожидать, притянуть к делу живым? Ладно, и так сойдёт!”

Далее следует описание строительства лагерей в тайге для приёма депортированных евреев:

“Тайга подвывала, звенела, ухала, лязгала, трещала, гудела, громыхала; над нею витал дым костров, полыхало зарево, должно быть, похожее издали, по ночам, на пожар. Его, наверное, видно было бы с самолётов на многие десятки вёрст окрест, но авиация не появлялась тут никогда.

В тайге — и здесь, за двести километров к северу от Биробиджана, и на восток, по территории, равной примерно Швейцарии, — в этой нетронутой тайге круглыми сутками (ночь — под светом прожекторов и костров) визжали пилы, звенели топоры, ухали падающие деревья, трещали сучья в кострах, громыхали толовые шашки — ими выкорчёвывали пни, взрывали стылую землю под котлованы фундаментов. Тайга пахла смолой, хвоей, свежими опилками, мёрзлой почвой, трудовым потом, дымом костров, баландой, палёной шерстью застигнутого врасплох малого зверья, мясом освежеванных медведей, предназначенных на шашлыки для начальства. Тайга падала ниц безропотно, хотя и не безмолвно, и на её неохватном пространстве, буро-желтоватом (прижельт давали частые здесь лиственницы), если глянуть сверху, обнаружались бы громадные проплешины”.

Строительство целого города, замаскированное под объект БАМа, “лаг-пункт № 28/6”, десятки тысяч заключённых, работники культурно-воспитательной части, инженеры, проектировщики, техники, вольнонаёмные специалисты, администрация, снабженцы, охрана. . . Накладные, документы на стройматериалы, сметы на зарплаты, на содержание громадного строительного коллектива, приказы по ГУЛАГу. . . И куда только все участники и все бумаги этого эпохального строительства подевались после XX съезда? Почему их не нашли в начале 90-х годов, когда столько развелось охотников, ищущих следы сталинских преступлений?

. . . А в ерашовской Москве между тем к высылке всех евреев готовились серьёзно. Даже по всем вузам был разослан приказ (устный или письменный — непонятно) выдавать еврейским выпускникам свободный диплом, — чтобы по-

том после депортации их негде было искать: “На выпускном вечере Майка веселилась пуще всех — у неё тоже был свободный диплом, и никому поначалу в голову не приходило, что такие документы получили, в основном, евреи”. Гласный судебный процесс с привлечением общественности должен был — по “документам”, “доступным автору”, — происходить в московском цирке:

“Далеко за полночь он (Сталин. — **Ст. К.**) вызвал дежурного генерала и приказал тотчас узнать, сколько зрительских мест в цирке. Генерал поднял из постели директора цирка, напугал его до полусмерти, когда назвался, и еле добился ответа.

— Две тысячи сто восемь мест, товарищ Сталин, — доложил генерал.

В половине четвёртого Берию разбудил телефонный звонок. Даже спротонок Берия отличал от прочих звук этого аппарата. Торопясь, он одной рукой взял трубку, а другой одновременно включил ночник...

Итак, завтра должен был начаться процесс. Берия доложил: порядок обеспечен, два дня судовоговения, сотрясения воздушной, задавленные, сломленные пешки станут произносить всё, что им полагается; другие пешки — обвинять, защищать, задавать предусмотренные вопросы; третьи, сидя в обширном помещении цирка, выражать одобрение, даже аплодировать, хотя это и не дозволено по процессуальному кодексу. И, наконец, следующие пешки сдадут в набор заранее подготовленные отчёты, и в субботу страна заплыает гневом, запланированным, отрепетированным, будет единодушно осуждать подлых преступников и кричать евреям то, что и полагается кричать искони...

А вот образ И. Эренбурга, который дожил до глубокой старости, но не оставил об этом времени и о “деле врачей” никаких воспоминаний. Даже после смерти Сталина. За Эренбурга пробел в его жизни заполнил В. Ерашов, избрав разговор писателя с женой: “Сталин распорядился, чтобы я выступил общественным обвинителем в процессе, обвинителем, понимаешь? А эти, — он кивнул на дверь в прихожую, как бы вслед генералам, — объяснили: если откажусь, то немедленно сяду на скамью рядом с врачами, тебя же и дочку — в лагерь пожизненно... Да, да, я согласился, понимаешь, согласился... Но как после такого — жить? А — никак...”

Они приедут за мной к десяти утра, за два часа до процесса... Приедут, ну и что? Что увидят они?..

Жена сидела каменная”.

А Сталин всё никак не может успокоиться, всё думает, как организовать депортацию. В подготовку к ней уже втянуты коллективы автопарков, дворники, участковые милиционеры, железнодорожники, кагэбэшники — десятки (если не сотни!) тысяч людей, а ему всё хочется предельно ужесточить эту гигантскую акцию:

“... Не сажать, а швырять их в грузовики, затыкать оружие глотки, гнать машины по просёлкам, по ухабам, пусть летят через борта, под колёса идущих сзади, пусть корчатся в пыли, в снегу ли, пусть взывают к своему Иегове о помощи, о спасении — пусть взывают к Нему, Великому и Любимому товарищу Сталину, земному Богу, справедливому и милосердному, — ничто не поможет им, обречённым Его волей...”

Потом Сталин передумал. Осуждённых врачей-отравителей решили судить не в цирке, а в Колонном зале Дома Союзов, чтобы после приговора их было удобнее и ближе привезти к месту казни на Красную площадь, где осуждённых уже ждали виселицы:

“Их теперь — без повязок на глазах, но в наручниках — вели знакомыми светлыми коридорами, окна в сборчатых шёлковых шторах, всюду на стенах картины, вдоль стен пуфики, под ногами ковровые дорожки, они шли коридорами Дома Союзов, где были не однажды... Наверное, их решили выводить именно отсюда, чтобы народ видел: здесь их судили... Они шли, как приказано, гуськом, в чёрных балахонах, и у каждого на груди болталась табличка с аккуратными буквами...”

А в это время все русские антисемиты, живущие в коммунальных квартирах или на одних лестничных площадках с евреями, приговорёнными к депортации, потирают руки! Монолог Гали Бугорковой:

“... ну, Цилечка, достучались, пархатые? Пожили в двух комнатах, а мы в одной бедуем, ну вот, попут вас отсель, на север этот, мы уж всю квартиру займём, ишь, две комнаты у них, да ещё и компот каждый день варите, жиды богатые... Во-во, шифоньерчик переставим к правой стенке, а кровати

в той комнате, да ещё пианина ваша, не повезёте же с собой, пархатые... Отойди, жидовка, не воняй чесноком”.

Книгу эту в 90-е годы евреи передавали из рук в руки. Эмоциональные натуры вроде Нины Горлановой (книга печаталась в Перми!) и Павла Поляна, наверное, с ума сходили, читая эту “чистую правду” в роковое время, когда на улицах бесчинствовала страшная “местечковая память”. Но даже и её “деяния” казались детским лепетом по сравнению с картинами казни евреев на Красной площади.

А каков в “Коридорах смерти” документальный материал – всё подсчитано до одного человека, до одного вагона, вся Москва стояла на ушах – все неевреи готовились внести свою лепту в депортацию евреев:

“Данные, старательно уточнённые при активной помощи стукачей – они имелись в каждом подъезде, гласили: в Москве по состоянию на 24.00 10 марта проживает, включая полукровок, 211.492 еврея, что составляет 67.856 семейств. За вычетом особо тяжело больных, не подлежащих перевозке ввиду близкой смерти, а также другой естественной убыли (например, самоубийств, побегов за пределы столицы, приобретения в милиции за крупную взятку фальшивых документов) предельную цифру определили в двести тысяч (в пути также предусматривалась смертность, особенно младенцев).

Во избежание утечки с полуночи 12 марта при посадке в самолёты, поезда дальнего следования, электрички, пригородные автобусы и даже в малочисленном личном транспорте вводилась поголовная проверка паспортов, предписывалось задерживать всех евреев, а также и подозрительных.

Руководство Московской железной дороги получило распоряжение: на запасных путях, прилегающих ко всем вокзалам столицы – Казанскому, Ленинградскому, Ярославскому, Белорусскому, Киевскому, Павелецкому, Савёловскому, Рижскому, – сосредоточить подвижной состав общим числом в пять тысяч товарных вагонов, переоборудованных в теплушки армейского образца, из расчёта сорок человек на вагон. После загрузки пассажирами предписывалось вывести поезда на Окружную дорогу, откуда с интервалом в десять минут отправлять на Казань, где начальники эшелонов (из воинской охраны) должны были получить указания о дальнейших маршрутах следования”. “Сто десять тысяч – по двое на каждую еврейскую квартиру – сотрудников МГБ и наиболее проверенных кадров милиции (частично пришлось вызвать с периферии) проходили инструктаж в районных отделах госбезопасности”. Возникает вопрос: неужели из этих сотен тысяч людей никто не дождал до хрущёвской “оттепели”, чтобы засвидетельствовать об этой фантастической операции?

... И далее. “Восемь главных осуждённых погрузили на грузовики, где их ждали кагэбешные шофера, которые целых два месяца тренировались, чтобы точно подъехать куда надо, точно погрузить и выгрузить, прямо к эшафоту, ни на йоту не нарушая разработанного Сталиным ритуала казни”.

“Мрачным, молчаливым коридором, с невероятно стремительной медлительностью двигались грузовики – чёрные фигуры, белые таблички на груди каждого. И чекисты в куртках спортивного образца стояли на Лобном месте, ждали, вытянувшись по стойке “смирно”, И такие же, как они, застыли в кузовах грузовиков, рядом с одетыми в балахоны.

Грузовики развернулись, водители тренированно поставили машины – задние борта откинута – впритык к облицовке Лобного места, восьмерым приказали спуститься с подставок и протянули руки, чтобы помочь, никто из восьмёрки не коснулся этих палаческих ладоней.

Они стояли в кузовах, у задних бортов, лицом к автомобильным кабинам, к Мавзолею”.

Какой там Достоевский с “Мёртвым домом”, какой Виктор Гюго с “93-м годом”, какой Александр Дюма, какая там “Капитанская дочка” с казнью Пугачёва, какие там “Протоколы сионских мудрецов”! Вот он, эпос всех времён и народов!

“Чекисты на Лобном месте у столбов с вытянутыми по-гусиному перекладинами отработанным, одновременным движением взяли за петли, протянули таким же курткам в кузовах. И таким же отлаженным, тренированным, синхронным движением те накинули петли на шеи восьмерым.

Барабаны били. Молчала площадь. Молчало радио.

Повинуясь невидимому и неслышному знаку, машины одновременно, плавно, медленно тронулись. Колёса не сделали даже полного оборота, когда натянутые верёвки запрокинули восьмерых назад.

И, как только тела закачались, подпрыгивая ногами, грузовики рванули, сделали чёткий разворот, перестроились в колонну, помчали – мимо храма Василия Блаженного, к Большому Москворецкому мосту.

С трибуны Мавзолея крикнули: “Ура!”

Площадь молчала.

(ну это – явно плагиат: “народ безмолвствует”. – Ст. К.)

.....
Сталин поднялся, разминая затёкшие стариковские ноги, взял телефонную трубку.

– Молодец, – сказал он кратко.

– Спасибо, спасибо, Коба. А что, и в самом деле хорошо сработали!

– Не радуйся, – остудил он Берию. – Работа ещё впереди. . .”

Но тут, как на грех, Сталин помер, и в последнюю секунду его наследники срочно отменили депортацию, хотя паровозы стояли на парах, и лишь один красный экспресс с самыми главными евреями успел отправиться в путь и даже дошёл до Байкала (про него, по версии Ерашова, забыли соратники Сталина, занятые борьбой за власть после смерти вождя), где эшелону на окружной дороге было устроено крушение, подготовленное для всех других, к счастью, не отправившихся в путь, эшелонов такого же рода.

“В 2.00 по московскому времени 14 марта красный экспресс особого назначения, двигаясь строго по установленному для него графику, не сбавляя хода, проследовал через станцию Слюдянка, миновал разъезд Крутой, где машинисту посигналили, что путь свободен, и на прежней скорости промчался дальше.

В 2.02 поезд с налёту выскочил на отрезок пути, разрушенный гебистами, рухнул под откос и почти мгновенно сгорел, поскольку был для пущей надёжности начинён в багажниках под полом вагонов канистрами с бензином”.

Вот настоящий сценарий для Ваксберга, а может быть, для Голливуда или даже для Сокурова! Это вам не “Утомлённые солнцем”!

Адские картинки, неподвластные ни гению Данта, ни перу Солженицына. . . Кошмарные события, рядом с которыми все обвинения сталинских прокуроров в адрес троцкистов, бухаринцев и прочей “антисоветской сволочи”, якобы работающей на японскую, германскую и прочие разведки мира, кажутся детскими шалостями, невинным розыгрышем, забавными политическими капустниками. Я не знаю, еврей Валентин Ерашов или русский. Я не знаю, из благополучной он семьи или из репрессированных. Я точно знаю лишь одно: что он или душевнобольной, или мерзавец, сознательно сочинивший лживую книгу, от которой многие доверчивые евреи (да не только евреи) могли повредиться умом, заболеть манией преследования или более тяжёлой душевной болезнью. А особо впечатлительные натуры могли и покончить с собой.

Вот какую книгу надо было прочитать Нине Горлановой своей младшей доченьке Аглае вместо того, чтобы пугать её какой-то местечковой пермской “Памятью” и рыдать над лужей мочи, оставленной в подъезде бомжами-антисемитами. Вот какие кадры – приговорённых к повешению, бессильно идущих в чёрных одеждах с капюшонами на головах к грузовикам, которые подвезут их под виселицы и по команде, пуская клубы чёрного дыма, рванутся, оставляя бедных евреев в петлях дрыгать ножками, вот какие кадры надо было снять Ваксбергу, а не ряженого Булганина, косноязычно рассказывающего на ходу о сталинском коварном плане. Бесталанный Вы человек, товарищ Ваксберг, по сравнению с Валентином Ерашовым. . . Я думаю, что за эту книгу Ерашова (если он жив) надо было бы судить по 282-й статье за разжигание межнациональной розни. А если его нет в живых, то “Коридоры смерти” должна быть изъята из всех библиотек и сдана в макулатуру. Или сожжена ветеранами общества “Память”. От такого рода сплетен и слухов впала в неврастение даже семья будущего лауреата Нобелевской премии Иосифа Бродского. Вот как он, живя в Америке, вспоминал о зиме 1953 года:

“Воздух наполнился слухами о планируемых в Политбюро репрессиях против евреев, о переселении этих ищущих “пятого пункта” на Дальний Восток, в область, именуемую Биробиджаном <...> По рукам ходило даже письмо за подписью наиболее известных обладателей “пятого пункта” — гроссмейстеров, композиторов и писателей, содержащее просьбу к ЦК и лично к товарищу Сталину разрешить им, евреям, искупить суровым трудом в отдалённых местностях большой вред, причинённый русскому народу. Письмо должно было со дня на день появиться в “Правде” и стать предлогом для депортации <...> Мы готовились к путешествию и уже продали пианино, на котором в нашем семействе всё равно никто не играл”.

Сюжет о пианино, на которое зарятся русские антисемиты, в повести Ерашова тоже присутствует... Просто какая-то дешёвая мистика.

* * *

А тема депортации до сих пор жива. Её не сдали в архив. Восьмого июля 2009 г. о ней, как о детально подготовленной операции, докладывала некая ифлийка Лунгина, главная и единственная героиня скучнейшего и бесконечно-документального сериала “Подстрочник”. Через полгода (в январе—феврале 2010 г.) фильм был ещё раз показан по “Культуре”, а в конце 2009 г. монологи Лунгиной вышли отдельной книгой. Прошу прощения у читателей за длинную цитату из этой книги, но привести её совершенно необходимо.

“После “убийц в белых халатах” кампания против евреев приняла совсем другие масштабы. Мы не только потеряли право работать, но оказались выброшены из жизни, **которая до сих пор была нашей.** (! — выделено мной — Ст. К.)

Был такой академик Минц, придворный специалист по истории партии. От его дочери я узнала, что он пишет письмо Сталину. В этом тексте, который должны были подписать самые известные евреи, они признавали преступления, совершённые их собратьями против русского народа и социализма, и просили разрешения их искупить. С другой стороны, мне рассказывал приятель, журналист Семен Беркин: он готовил репортаж из Сталинграда — рабочие тракторного завода единогласно проголосовали за принятие резолюции о всеобщей депортации евреев (! — Ст. К.). А Леня Агранович и Сеня Листов, наши друзья-драматурги, как-то раз придя к нам на ужин, рассказали, что они написали для Театра Советской Армии пьесу, которую с энтузиазмом приняли, но когда завлит пошёл к директору театра с вопросом, какой гонорар им выплатит (обычно это было от пятнадцати до двадцати тысяч рублей “старыми”), то директор — генерал Паша его звали — ответил: “Выписывай три, им хватит”. Завлит изумился, а генерал пояснил: “По полторы тыщи на месяц вполне достаточно, а потом их посадят по вагонам и отправят в Сибирь”.

Тогда же мы получили и другое свидетельство того, что нас ждёт. Служил в Симином театре зав постановочной частью Додик Левит. Он во время войны работал в ансамбле МВД, возил его на фронт, и теперь продолжал иногда организовывать выступления актёрских бригад в армии. Он рассказал Симе, что недавно поехал на такую гастроль в Восточную Сибирь, в большую глушь, — к слову сказать, с Юрием Любимовым, который выступал в этих концертах как актёр и чтец. И в какой-то момент лётчик ему сказал: “Подойдите-ка сюда. — Тогда маленькие самолёты летали. — Посмотрите внизу, видите?” И показал такие большие, в виде букв поставленные бараки. Каждые восемь-десять метров гряда барачков, в виде буквы “Т”. Он говорит: “А это ведь для вас построено”. Додик Левит, как вы понимаете, еврей был. “Что значит “для нас”?” — “А это вас туда вывозить будут. Есть уже постановление правительства”.

Евреев выгоняли из ЦК, из Моссовета, из горкома и райкомов, из госбезопасности, министерств, из газет, научных институтов, университетов.

Как-то раз Сима пошёл в домоуправление за какой-то справкой, и сидевшая там делопроизводительница не без злорадства, но как бы по-дружески сказала: “Вот видите списки? Вот нас заставляют здесь сидеть по вечерам и их дополнять и дополнять. Это списки ваши”. Сима говорит: “В каком смысле “наши”?” — А ваши, вот вас высылать будут. Здесь написано, кому куда, на какой вокзал”.

Уже говорили о том, как именно произойдёт выселение евреев. Сталин выступит и скажет: чтобы спасти еврейский народ от справедливого гнева рус-

ских, его надо удалить из больших населённых пунктов, где он контактирует с другими евреями, поселить отдельно, изолированно, что это гуманный акт во имя спасения евреям. Говорили, что размечены вокзалы, какие подаются составы, когда, в котором часу, какие автобусы (! – Ст. К.), что можно брать (не более 15 кило), – в общем, эти разговоры всё время вертелись, вертелись, и, конечно, жить с этим было крайне трудно. В этот период, между прочим, начались первые отъезды в Израиль. Которые были сопряжены с невероятно скандальными историями, но кто-то всё-таки вырывался, и перед всеми встал вопрос: не единственный ли это путь спасения? Но вместе с тем не дадут уехать, растопчут. Это обсуждалось в каждом доме, где были евреи. Это висело, как чёрная туча над городом.

Я ни минуты не сомневаюсь – и это понимали все, кто жил в то время, – что если бы Сталин не умер, то, несомненно, евреев бы вывезли”.

И вот эту лживую ахию, рождённую слухами, сплетнями, воображением зомбированных людей (или профессиональных провокаторов), давным-давно отвергнутую и высмеянную честными историками и мемуаристами, сегодня с какой-то подлой целью воскрешают и возносят до небес многие известные деятели культуры:

“История жизни Лилианны Лунгиной, рассказанная ею самой, – это, пожалуй, самое сильное моё художественное впечатление за все последние годы”.

Борис Акунин, писатель

“Фантастическая жизнь Лунгиной и её изумительный рассказ об этой жизни сокрушительно свидетельствуют: всё, что останется от страшного русского двадцатого века, – это культура”.

Леонид Парфёнов, телеведущий

“Подстрочник” завораживает в первую очередь безмерной талантливостью и исключительной честностью своей героини <...> великолепной памятью и благородством гражданских и человеческих позиций, вызывает самое горячее чувство благодарности и преклонения”.

Эльдар Рязанов, кинорежиссёр

Миф о “депортации” оживает на глазах. Хотя, как говорится, “рукописи не горят”, но в истории есть факты тотального уничтожения всяческого рода секретных документов. Вспомним хотя бы, как в середине 50-х годов в архивах ОГПУ-НКВД были уничтожены почти все документы, подтверждавшие причастность Н. С. Хрущёва к репрессиям 30-х годов. С трудом, но можно предположить, что такая же судьба постигла громадное количество документов, касающихся сталинского плана депортации всех евреев Советского Союза (ведь глупо же было депортировать только московских евреев) в места не столь отдалённые.

Но куда делись сотни тысяч людей, готовивших эту небывалую в истории человечества по масштабам операцию: все энкавдешники, все домоуправы и дворники, готовившие списки, все железнодорожники, должные подготовить и подать составы ко всем крупнейшим вокзалам страны, все машинистки, печатавшие приказы, списки и распоряжения, все экономисты и хозяйственники, от которых зависело финансовое и продовольственное обеспечение операции, все милиционеры, обязанные поддерживать порядок в такого рода гигантском действе, все взрывники, готовившие взрывы поездов на пути следования, все пропагандисты, получившие задание обеспечить “правильное” освещение операции всемирно-исторического размаха, все гражданские и военные лётчики, летавшие над тайгой и, ничего не тая, рассказывавшие своим пассажирам, что за бараки строятся там внизу в тайге, и болтливые стюардессы, которые это всё видели... А если ещё вспомнить, что у всей этой “армии”, задействованной для депортации, были семьи, которые не могли не знать о ней? Одним словом, чтобы вывезти в места не столь отдалённые несколько миллионов евреев, нужно было привлечь к этому делу столько же или даже много больше исполнителей и собрать в одну ночь, как чеченцев, эти несколько миллионов, рассеянных по всей стране, и загнать в несколько тысяч товарных составов...

Если верить Лунгиной, Ерашову, Ваксбергу и прочим “историкам”, то к марту 1953 года всё было готово, отлажено, организовано. Оставалось только ждать команды. Но Господь дал другую команду, и Сталин умер. А через 3 го-

да состоялся знаменитый по своей авантюрной лживости доклад Хрущёва на XX съезде, где он не постеснялся заявить, что генералиссимус воевал “по глобусу”, но ума у нашего Никиты хватило не включить в список сталинских преступлений дело о депортации. Видимо, понял, что полным дураком выставить себя негоже.

Но куда за эти 3 года – с 53-го по 56-й – подевались миллионы “разработчиков” и “исполнителей” сталинского депортационного плана? Но куда делись документы, касающиеся депортации поголовно всех евреев со всех необъятных просторов советского государства? В европейской юстиции сейчас принято судить историков за “отрицание” Холокоста и даже за “умаление” его масштабов, то есть, с точки зрения жрецов Холокоста, “за отрицание исторической правды”. Но если сделать этот принцип универсальным, то надо судить и за “утверждение исторической лжи” о депортации. Но кого судить? Лунгина с Ерашовым и Булганиным уже подпали под юрисдикцию Божьего Суда. Ваксберг стар, и подобно девяностолетнему Демьянку, служившему в Освенциме, может быть оправдан по возрасту и состоянию памяти. Остаётся предъявить иск за фальсификацию истории создателям телефильмов о депортации, руководителям телеканалов, демонстрирующих эти кино- и телефальшивки, директорам издательств, издающим лживые книги... Миф о Ванзейской конференции, об “окончательном решении еврейского вопроса” оказался куда слабее нашего дожившего аж до XXI века мифа о депортации.

В 2005 г. в Центрполиграфиздате вышла книга телеведущего Леонида Млечина “КГБ”. В ней есть глава, посвящённая депортации, написанная так, как будто Млечин сначала посмотрел ваксберговский фильм, а потом пересказал его содержание. Словом, сплошной плагиат. *“После приговора планировались публичные казни. Булганин позже рассказывал сыну профессора Этингера (а сын профессора Этингера, видимо, “рассказывал” Л. Млечину. – Ст. К.), что осуждённых намеревались казнить прямо на Красной площади.*

Булганин рассказывал о том, что евреев предполагалось выслать из крупных городов, причём на эти товарные поезда планировалось нападение “негодующих толп” (стр. 354).

Дальнейшие рассуждения Млечина похожи на вымыслы о соображениях и поступках Сталина из книг Волкогонова, Ерашова, А. Рыбакова: *“Сталин избегал ставить автографы на сомнительных документах, или писал резолюцию на отдельном листке бумаги, который подкалывал к документу. Он думал (так “думает” “историк” Млечин. – Ст. К.), что листок потом выбросят, а документ будет храниться всегда. И ошибся: при всей своей опытности, знании делопроизводства, всей этой аппаратной жизни он не сообразил (а чего тут соображать? – Ст. К.), что никто, а тем более Маленков, не решится выбросить лист бумаги со словами Сталина. Вот почему некоторые его резолюции всё-таки сохранились”/ (Л. Млечин намекает о неких “резолюциях”, касающихся депортации евреев. Но где они? Почему он не цитирует их?)*

Голубая мечта жрецов Холокоста заключается в том, чтобы вмонтировать в европейскую катастрофу события из российской и советской истории и тем самым увеличить масштаб мирового “антисемитского пространства”, присокупить к нему погромы царского времени, погромы гражданской войны, при умолчании о том, что все они случались в Молдавии, в Белостоке, на Львовщине, в петлюровском Киеве. Всё равно виновата Россия как правопреемница СССР, а СССР виноват как правопреемник Романовской империи. Кульминация этого растянутого во времени плана – убедить весь мир в том, что Россия, подобно гитлеровской Германии, была готова осуществить грандиозное преступление, которое явилось бы российско-советским венцом Холокоста – депортацией всех евреев в лагеря Сибири и Дальнего Востока на верную гибель.

Два фильма – о Ванзейском заговоре и о Депортации – две части дьявольского плана. Сначала рассказ о Ванзее, где если и не принималось решение об истреблении европейского еврейства, то решение о депортации на завоёванные советско-сибирские пространства принималось уж точно. Даже “ревизионисты” с этим согласны. Но план, принятый в начале 1942 года, из-за последующих военных поражений вермахта сорвался. Гитлеровская депортация не удалась. Однако на смену гитлеровскому плану пришёл сталинский.

На смену фашистской депортации была якобы разработана советская, как её продолжение. И только смерть Сталина помешала продолжить ему политику расистского рейха, что и требовалось доказать в подлые 90-е годы. И почти доказали, если вспомнить, что Швыдкой решился сделать телепередачу под названием “Русский фашизм хуже немецкого”

Меня могут упрекнуть: Станислав Юрьевич! Вот Вы, воюя с мифом о депортации, ссылаетесь на Рекемчука, Ерашова, Ваксберга, Млечина, Швыдкого... Но ведь это всё сочинители, фантазёры, писатели, творческие натуры, люди воображения. С ними расправиться легко. А что говорят о тех же самых исторических сюжетах серьёзные исследователи, люди науки, достойные доверия?

Я сам не изучал обстоятельств этой исторической драмы и потому приведу несколько отрывков из книги “Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм” историка Р. В. Костырченко Из главы, которая называется “Миф о депортации”.

“Наряду с тем, что в последнее время в международном общественном мнении фактически произошло оправдание супругов Розенберг от инкриминированного им в своё время судьёй И. Кауфманом обвинения в участии в “дьявольском заговоре уничтожения богобоязненного народа” США, отживает свой век и другая легенда времён холодной войны: вошедшие сначала в публицистику, а потом и перекочевавшие в научные издания “неопровержимые” данные о планировавшемся якобы в СССР насильственном и повальном выселении евреев в Сибирь. Утверждается, что эта акция, уже детально подготовленная – по всей стране домоуправлениями и отделами кадров предприятий – были вроде бы составлены миллионы листов списков евреев (ни один из этих списков потом так и не был найден), намечалась Сталиным на март 1953-го, но в последний момент она сорвалась из-за смерти диктатора. Говорят также, что депортация будто бы должна была сопровождаться публичным повешением “врачей-вредителей” на Красной площади в Москве и массовыми казнями евреев в других крупных городах страны, а также специальными организованными властями крушениями составов с евреями на пути их транспортировки в концлагеря по Транссибирской магистрали, кстати, единственному и потому стратегическому железнодорожному пути, связывавшему центр с Дальним Востоком. Причём, по версии авторов этих холодающих душу сценариев, пригодных разве что для постановки триллеров, устраивать диверсии на железной дороге, а также творить самочинную расправу над депортируемыми должны были сформированные властями летучие отряды “народных мстителей”¹. Единственным “документальным” подтверждением этих фантазий служит напечатанный сначала в США (“Еврейский мир”, N. Y., 11.03.99), а потом и в России (“Известия”, 9.01.01) и отмеченный всеми признаками примитивно сработанного фальсификата фрагмент письма еврейской общественности советскому руководству с просьбой защитить евреев от вызванного “преступлениями врачей-убийц” “справедливого” гнева советского народа, направив их “на освоение... просторов Восточной Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера”. Опубликовал этот материал, снабдив его невразумительным пояснением, Я. Я. Этингер, сильно претерпевший в своё время от сталинских репрессий” (стр. 671–672).

“Нельзя не учитывать и такой достаточно весомый антидепортационный аргумент, заключающийся в том, что, несмотря на тотальное предание гласности после августа 1991 года всех самых секретных политических архивных материалов сталинского режима, не было обнаружено не только официальной директивы, санкционирующей и иницилирующей депортацию, но даже какого-либо другого документа, где бы она упоминалась или хотя бы косвенно подтверждалась её подготовка (в том числе пресловутые сотни тысяч страниц списков евреев на выселение). Если бы нечто похожее существовало в действительности, то непременно бы обнаружилось, как это произошло со многими другими утаёнными советским режимом секретами”.

¹ Не упоминает о подобных планах в своих мемуарах и такой яростный обличитель сталинских преступлений, как Н. С. Хрущёв. Из приближённых Сталина только Н. А. Булганин, выйдя на пенсию, любил после изрядного возлияния поведать своим собеседникам, разумеется, “по большому секрету”, о том, как Сталин поручал ему подготовку и осуществление депортации евреев (Г. Костырченко, стр. 680).

“Л. А. Шатуновская – непосредственная участница описываемых событий... приводит распространённые тогда слухи, что в Сибири уже строились бараки, а также готовились товарные вагоны для ссыльных”.

“Отсутствие фактов, подтверждающих эту версию, в комментарии компенсируется публицистическим пафосом, полунамёками, противоречивыми туманными рассуждениями”.

“По сведениям, сообщённым автору одним из руководителей Еврейского университета в Москве М. С. Куповецким, который специально исследовал этот вопрос по материалам архива Министерства путей сообщения СССР, документами этого архива ничего подобного не подтверждается”.

“Легендарный советский чекист П. Судоплатов комментировал в своих мемуарах эту ситуацию так: “Если подобный план действительно существовал, то ссылки на него можно было бы легко найти в архивах органов госбезопасности... Я считаю, что речь идёт только о слухе...”

Негласный информатор госбезопасности И. В. Нежный, известный театральный деятель тех лет, по словам Костырченко, “в последующие годы вплоть до своей смерти в начале 70-х годов продолжал широко делиться своей версией о планах Сталина в отношении евреев в начале 1953 года. Может быть, поэтому предположение о готовившемся Сталиным переселении евреев в Сибирь переросло со временем для многих в реальное и вполне доказанное намерение”.

“Ни одного документа, ни одного решения, ни одного доказательства о якобы готовившемся и уже подготовленном (на уровне списков, имевшихся у дворников!) переселении всего советского еврейства в сибирские лагеря не найдено ни в одном архиве”.

Даже такой защитник постулатов Холокоста, как Альфред Кох, в книге об Освенциме не хочет уподобляться Ваксбергу и выглядеть идиотом или провокатором и, подобно Костырченко, соглашается с доводами здравого смысла:

“Такую фальсификацию устроить невозможно, невозможно даже теоретически. В ней должны были участвовать сотни тысяч людей. Причём среди них априори обязательно попадутся люди (и много), которые никакой симпатии и жалости к евреям не испытывают. Так какие же должны быть аргументы, чтобы убедить их участвовать в этом вселенском обмане?” (стр. 332).

Сказано категорически и даже несколько легкомысленно, что может быть объяснено искренним признанием автора: “Я, Альфред Кох, вопреки общепринятому мнению, являюсь наполовину немцем, наполовину русским, а не евреем”. Может быть, поэтому автор позволил себе такую обидную для жрецов Холокоста прямоту и даже некоторую вспылчивость в комментариях к одному из основных мифов.

Книга Г. В. Костырченко общепризнанна как объективное исследование “еврейской темы” в сталинскую эпоху. Она была опубликована в 2001 году издательством “Международные отношения” (Москва) в рамках проекта “Библиотека Российского еврейского конгресса”. На шмуцтитуле увесистого тома выражена “признательность Еврейскому конгрессу за финансовую поддержку издания этой книги”. На это издание имеется немало ссылок в книге апологетов Холокоста А. Коха и П. Поляна. Так что прошу Ваксберга, Млечина, Рекемчука поверить книге Костырченко: ведь в неё вложены еврейские деньги. А евреи на бесполезные проекты денег не тратят...

(Продолжение следует)

ИЛЬЯ КИРИЛЛОВ

КУКУШКИ И КАРЛИКИ

Заметки о литературной премии “Большая Книга”

Премий слишком много. Зачастую с неясными критериями отбора и художественных оценок, всегда с сомнительным составом жюри, они из года в год обесценивают себя вздорными, бездарными лауреатами – вплоть до самоаннигиляции. Литература не в состоянии порождать существенные произведения ежегодно и в таком количестве. Всякий моральный и художественный авторитет премий давным-давно иссяк даже в глазах участников и ротозеев литературного базара. Значение сохраняет только материальная часть, которую сами лауреаты рассматривают как очередной заработок, дополнение к гонорарам.

Казалось бы, страсть к балагану должна быть уже удовлетворена – увы, страсть эта неутолима. Тем более неистребим инстинкт к управлению, и, может быть, в области искусства особенно. Привычное, примелькавшееся уже не имеет воздействия, поэтому несколько лет назад была учреждена Национальная литературная премия “Большая книга”, профинансированная дельцами высокого уровня (среди них Р. Абрамович, П. Авен, А. Мамут, Б. Йордан). Единственное обстоятельство, которым она могла выделиться, был размер призового фонда. Уступающий среди литературных наград только Нобелевской премии в области литературы, он действительно произвёл парализующее воздействие на бедную литературную общественность.

“Большая Книга”! Нужно потерять элементарный слух, чтобы не расслышать в названии вопиющий дурной вкус, эстетическую ущербность. Окололитературная среда, обычно замечающая всякое неудачное выражение, едко высмеивающая каждую словесную нелепицу, не осмелилась спорить о случае, когда в игру вступили обладатели баснословных средств.

Мне встретилось лестное мнение Эдварда Радзинского об этой премии – якобы столь щедрая в денежном отношении премия способствует вниманию общества к литературе... Это крайне сомнительное утверждение известного драматурга и автора исторических опусов. Не знаю, как влияет масштаб денег на степень художественного совершенства, не уверен, что какое попало внимание общества идёт искусству во благо. Во всяком случае, произведения, избираемые “Большой Книгой”, скорее должны внушить читателю недоверие к современной литературе. Если читатель окажется взыскательным, то подобные творения вызовут у него лишь отвращение.

Несомненно, самой порочной составляющей новейших литературных премий является так называемый “шорт-лист”. “Шорт-лист” – это и есть зрелище, интрига, балаган, рынок. Способен посеять только обиды, раздор, тяжбы. Но это и скрытое управление творчеством, ведь лауреат, выбранный из шести-восьми, казалось бы, одинаково достойных, оказывается “достоинее”

прочих, при этом поощряется жанровая, стилистическая, идеологическая направленность.

Читать восемь книг кряду, составивших по итогам 2009 года шорт-лист “Большой книги”, — занятие, без преувеличения, и мучительное по своей бесплодности, и небезопасное. Круг чтения в значительной мере определяет сознание, внутренний мир человека. Критику требуются немалые меры предосторожности, как врачу, имеющему дело с заразой, — особая гигиена, чтобы защитить организм.

Но прежде чем мы выскажем впечатления о книгах, участвовавших в названном конкурсе, необходимо отметить ещё одно немаловажное обстоятельство.

Несколько лет назад, будучи на просмотре какой-то “кассовой” российской кинокартины, чрезвычайно провинциальной по духу и исполнению, я отметил про себя: как легко большую страну, получив в ней доступ к финансовым потокам, оперируя категориями наподобие “лидер продаж” или “самый кассовый отечественный фильм года” — как легко увлечь её в духовное захолустье! Здесь любой “проект”, представленный в соответствии с продуманными PR-технологиями, может приносить прибыль, способную вскружить голову, создать ложное впечатление исключительности. Когда устроители “Большой Книги” бахвалятся, что материальная часть премии самая крупная в мире после Нобелевской, я различаю, помимо бахвальства, именно эту опасность — превратность ценностей, сужение художественных и нравственных критериев до местечковых рамок.

Едва ли не главным событием минувшего литературного года стал роман Александра Терехова “Каменный мост”, ставший обладателем *второй премии “Большая книга”*.

Вниманию послужили несколько внешних обстоятельств, с художественным уровнем произведения, к сожалению, не связанных. До появления “Каменного моста” автор долгое время не выступал как прозаик; на последней странице книги отмечены годы её создания: 1997–2008; книга насчитывает около восьмисот страниц.

Такая длительная работа или, по крайней мере, её видимость, такой внушительный объём легко могут смутить зыбкое сознание литературной общественности, а “плоды труда” в таком случае автоматически приобретают вес и значение. Но главное — роман посвящён сталинской эпохе, величие и жестокость которой и многие десятилетия спустя *неодолимо* завораживают российскую интеллигенцию. Сквозь каждое произведение на эту тему, будь оно литературное или кинематографическое, она тщится разгадать сущность непостижимого исторического и духовного явления.

Не раз уже предпринимались попытки описать эту эпоху и эту среду — А. Солженицыным в романе “В круге первом”, А. Рыбаковым в “Детях Арбата” и последующих романах, Ю. Трифоным в “Исчезновении”, В. Аксёновым в “Московской саге”... Оттого ли, что брались за это весьма средние художники, или самая эпоха имела сложнейший социальный и духовный состав — никому не удалось ни изобразить, ни даже намёком уловить нечто важнейшее, единственно касающееся сути.

Книга Александра Терехова (род. 1966) в беспомощном ряду названных произведений не первая и, с уверенностью можно предположить, не последняя.

Прежним авторам неудача сопутствовала, прежде всего, в силу тенденциозности их подхода, хотя и при ином, психологически честном, неэкзальтированном проявлении мыслей и чувств названным авторам ни в коем случае не удалось справиться с грандиозной темой.

Терехов, писатель нового поколения, избавлен, по крайней мере, от пристрастного, разоблачительного пафоса. Более того, всюду в книге — без иронии, без издёвки — имя Сталина заменено титулом “император”, и это звучит не вычурно, а естественно.

Среди необозримой панорамы событий тех лет автор выбрал одно из самых трогательных и пикантных — загадочное убийство шестнадцатилетней Нины Уманской, дочери известного советского дипломата Константина Уманского. По официальной версии, её застрелил на Большом Каменном мосту неподалёку от ул. Серафимовича влюблённый в неё подросток, сын наркома авиастроения Володя Шахурин.

Терехов, служивший долгие годы в газете “Совершенно секретно”, отважился на собственное расследование, и в романе он представляет и пытается обосновать свою версию происшедшего. Таким образом, книга наделяется чертами детективными, что не в последнюю очередь также подогревало внимание к ней.

“Каменный мост” похож на огромное собрание документов следственного дела, с нагромождением бесчисленных подробностей, догадок, предположений, важных и бесполезных, доказательных и надуманных, с привлечением великого множества лиц для “дачи показаний”. В деле расследования так, вероятно, и происходит, сквозь непролазные тернии пробиваются к свету истины.

Но невозможно в самом деле уравнивать художественный роман и следственное дело, и если это всё-таки роман, то роман дурной, подложный, где, прикрываясь искусством, решаются задачи, от искусства бесконечно далёкие. Среди бесчисленных персонажей книги нет ни одного одушевлённого героя, вырвавшегося из-под пыльных громад бездушного досье, который, обретя плоть, кровь и душу, мог бы прожить самостоятельную художественную жизнь.

Терехов, кажется, сделал всё, чтобы задавить в себе художника. Ко всему прочему, в рассматриваемом романе, движимый жаждой выделиться, он жёсткий стиль, резкость изложения перепутал с грубостью, притом не только внешней, но и внутренней, пронизывающей духовную сущность книги.

Вот одна из самых безобидных цитат:

“Секретарь Литвинова вернулась 16 апреля, у них оставалось сорок девять дней на объяснения, случки, отсасывания и слёзы”.

Подобных пассажей в романе бессчётное множество.

Как профессионал, Терехов должен был бы заметить, что литературное произведение – это ведь своего рода “договор” с читателем, когда учитываются интересы не только авторской, но и “другой” стороны. И как журналист, следует думать, А. Терехов прекрасно осведомлён о законах очеркового или репортажного жанра – и вряд ли от них отступает. Почему же он думает, что можно насиловать, отвергать, исказить законы художественные или элементарные этические нормы? Почему допускает, что так произвольно, так нахально можно метать в лицо читателю свою назойливейшую рефлексию, свои избыточные комплексы?

С другой стороны, раздумывая над книгами других полулауреатов, в частности, над “Скверным глобусом” Леонида Зорина (“Большая книга” *третьей степени*), я не могу не отдать должное Терехову за его варварскую прямолинейность.

Книгу Л. Зорина предваряет подзаголовок “маленькие романы”, заключают её (на последней странице обложки) чрезвычайно лестные отзывы двух известных критиков – А. Немзера и А. Агеева.

К преувеличенным похвалам следует относиться осторожно. Критиками мог двигать какой-либо околотитературный расчёт или же преклонение перед возрастом автора (род. 1924). Но, возможно, они вполне искренни в своих оценках, и афектированное восхищение следует отнести на счёт вкуса – отнюдь не совести.

В прозе Зорина царит интеллект, достаточно острый, автор склонен к попыткам самостоятельного, независимого анализа. Иногда под его пером открывается то, что с большой натяжкой можно назвать философской прозой. Качество изложения заставляет задуматься над давней, так никем и не решённой проблемой: мышление и речь. Видимо, всё-таки одно не зависит от другого, во всяком случае, их сближение, их соответствие требуют строгой школы, длительной выучки. Нельзя не досадовать на унылый, невыразительный зоринский слог, который более или менее справляется с описаниями житейских ситуаций, но когда дело касается выражения абстрактных понятий, фраза теряет выразительность, словесно и ритмически оскудевает.

Зоринские “маленькие романы” написаны от первого лица, часто в форме вымышленной автобиографии. Лучшим повествованием в книге является роман “Выкрест”, своего рода предсмертные записки Зиновия Пешкова.

Судьба героя головокружительна. Он родился в семье нижегородского лавочника, при “низких” потолках, как неоднократно подчёркивает автор, был замечен и обласкан Максимом Горьким, завершил жизнь национальным героем Франции, приняв живое участие в Сопrotивлении, будучи сподвижником де Голля. Но будоражат сознание не земные взлёты, не почести и падения,

на которые обрекла Зиновия судьба, будоражит воплощённый в этой судьбе космополитизм.

Конструируя сознание героя, Зорин старается внушить читателю чувство максимальной достоверности. И порой кажется, что предлагаемые размышления и впрямь принадлежат Зиновию Пешкову. Запоминаются страницы, посвящённые устроенному Горьким свиданию двух братьев, Зиновия и Якова Свердловых – последний к тому времени уже преуспел, став вторым человеком в новой республике Советов.

“Я с интересом и смутным волнением вглядывался в полузабытое и всё-таки родное лицо...”

Он видел перед собой ренегата. Наёмника буржуазной нечисти. Прислужника мирового зла. Врага народа. Империалиста. Он не поверил бы, если б в тот миг, когда он уже прощался с жизнью, спустя два года, ему открылось, что эту жизнь он отдал созданию безжалостной криминальной империи. Её ещё не было в час нашей встречи, но он уже был её посланцем, гостем из не-далёкого будущего...

Мы разошлись, чтобы больше не встретиться...”

Не менее запоминаемы строки, рассказывающие о встрече Зиновия Пешкова с Колчаком.

“Именно мне было поручено доставить известие Колчаку о том, что Париж его признаёт Верховным Правителем России...”

Мне было ясно с первого взгляда – при всех своих недюжинных качествах, твёрдости, смелости и уме, при всей безупречности породы, готовности стоять до конца, нести свой крест, умереть на дыбе – он исторически приговорён. Кончилось пулей в лоб на рассвете. Не зря же я изучил брата, а также других его однодумцев. У них в наличии были те свойства, которых их врагам не хватало. В непросвещённости и невежестве кроется необоримая сила”.

“Я не был обделён женской лаской, хотя решительно все обстоятельства обрекали меня на поражение. Мой малый рост, хромота, однорукость. Я облысел сравнительно рано – череп стал гладким, как моя грудь. Которая тоже меня не красила. Я ещё в отрочестве услышал, что дочери Евы предпочитают мужскую грудь, заросшую волосом – это доказывает, что перед ними истинный первобытный вепрь, только что вышедший из пещеры. Всё это оказалось вздором – требуются иные достоинства”.

Но и в конце жизни он не перестал удивляться своему влечению к наследницам титулованных фамилий. “С недоумением и досадой я словно пытал себя: неужто меня так завораживает геральдическое сияние титулов? Неужто они так властно томят зависимое разночинное сердце?”

Здесь уже не разобрать, говорит это герой романа или автор Л. Зорин. Не только в “Выкreste”, но и в прочих сочинениях “Северного глобуса” слишком настойчиво повторяются мысли о низком происхождении, особенно зримо внутренняя тяжба провинциала со столицей проявлена в “Восходителе”, вплоть до тривиальных, но искренне-злых утверждений, как сурова Москва к приезжим, как трудно и необходимо её завоевать.

Ущербность происхождения – тайный комплекс писателя и его важная внутренняя тема, которую всё-таки он нигде не решает сделать центральной – по самым разным причинам.

Рассудительность – не частое явление в жизни, и ещё более редкое в литературе. Это качество вроде бы позволяет Зорину писать, избегая очевидных технических промахов, “телячьих восторгов”, “изобретений велосипеда”. Однако на всякого мудреца довольно простоты.

В “Скверном глобусе” есть повествование о Чехове, выполненное в той же самой форме предсмертного диалога. В книге оно помещено первым – я решил прочитать его только в последнюю очередь. Увы, мои опасения напрасными не были. Появление из-под пера умудрённого опытом автора, давным-давно научившегося не выставлять себя в сомнительном свете, этого короткого “чеховского” монолога, “конструирующего” “закоулки” “чеховской” души – непостижимо, особенно – непостижимо появление его в печати.

Художественный жанр даёт, на первый взгляд, автору “алиби” для его не-лепо-фантастического монолога от имени классика. Но не настолько же читатель наивен, непросвещён, тёмнен, чтобы не распознать моральную и эстетическую ущербность если не в букве, то в духе подложного повествования.

Отвергнув всякое целомудрие, всякую деликатность, Л. Зорин непрошеным гостем вторгается во внутренний мир гения, в его состояние и выдаёт набор собственных домыслов и предположений, искажая сложный мир, как только вздумается.

Чтобы не быть голословным, приведу несколько выписок из созданного Л. Зориним монолога.

“Родился я на свет не в усадьбе. То, что отец подался в лабаз, не означало, что в моих жилах потекла голубая кровь”.

“Я обнаружил, что неизменно присутствую в каждой своей вещице, самой, казалось бы, непритязательной. Как это получилось – загадка. Вроде история исключает любое моё участие в ней, но вот ухитрился проникнуть в сюжет, и неожиданно в нём проявилось некое грустное недоумение”.

Воистину, имея такой склад мышления и речи, Чехов остался бы безвестным сочинителем “непритязательных вещей и историйек”, творцом “грустных недоумений”.

Если бы мышление Чехова было столь приземлённым и вместе с тем вычурным, если бы душа и разум его были полны таких коротких мыслей и скупых чувств, если бы так плохо, неряшливо владел словом, – он никогда не поднялся бы на ту вершину творческой и человеческой зрелости, где только и возможно создание “Скучной истории”, “Палаты № 6”, “Архиерея” и “Печенега”, “Дома с мезонином”, “Дамы с собачкой”, – называю произведения хрестоматийные, называю очень неполный, очень приблизительный перечень, не касаюсь даже удивительной чеховской драматургии, тончайше сотканной в сложнейшую психологическую реальность...

Конечно, Л. Зорин не ставил задачу компрометировать Чехова, скорее, напротив, счёл нужным высказаться подобным образом из особого расположения к гению и, упрощая, искажая его сущность, лишь компрометировал самого себя.

Как частный случай литературной нелепицы поделка Л. Зорина слишком суровой оценки, может быть, не заслуживает, – но как пример, отражающий и творящий тенденцию к упрощению “цветущей сложности” классической литературы, требует безусловного порицания. И предоставим читателю самому судить о критической совести и художественном вкусе А. Агеева, утверждающего, что “уже давно Леонид Зорин пишет прекрасную русскую прозу”, и пусть читатель сам сделает вывод о сущности премированных “Большой книгой” произведений.

Если жюри и организаторы премии ставили перед собой задачу по достоинству оценить уровень художественного исполнения, то, несомненно, пальма первенства должна была бы принадлежать роману Владимира Орлова “Камергерский переулок”. Это самая совершенная книга среди выдвинутых на соискание премии, оставшаяся здесь лишь в роли “статистики”, чему, конечно, не приходится удивляться. Удивительно появление в “шорт-листе” этой книги вообще, при том общем уровне современной прославляемой литературы, который так и хочется назвать пещерным, – и это едва ли будет чрезмерным преувеличением.

Если сравнивать роман с теми произведениями, с которыми он оказался волею судеб в одном списке, то по совокупности мастерства и одаренности Вл. Орлов далёко позади оставляет и Л. Юзефовича, ставшего лауреатом, и Л. Зорина, и даже А. Волоса с его романом “Победитель”. Но над романом Волоса, во всяком случае над некоторыми его страницами испытываешь волнение, и волнение подлинное, как и должно отзываться в душе читателя (слушателя, зрителя) искусство. Роман Вл. Орлова чувств этих не вызывает. Повторюсь, “Камергерский переулок” написан с редким мастерством, ткань его единая и очень прочная, в ней нет излишеств, вычурных аффектов, тем более безграмотного словесного вздора. Пластика языка великолепная. Выдуманные, изваянные художественным воображением герои романа Орлова запоминаются, ощущаешь их реальное присутствие в жизни. Видимо, выдуманными они являются только отчасти, – художнику удалось верно рассмотреть социально-психологические типы, создать на их основе полноценные образы.

Почему же тогда роман “не трогает”, почему даже в условиях всеобщего понижения литературного уровня сознание, понимая все достоинства текста, сознание в самой его глубине остаётся к произведению равнодушным? Мы не настолько привередливы, сегодняшняя литература не оставляет места личным

капризам, более того, приучает к определённой всеядности. Видимо, причина связана с качеством и сущностью материала, который питает этот роман с мелкими явлениями, лежащими в его основе.

Перефразировав Розанова, хочется сказать: сам-то я талантлив, да тема моя бездарная.

Было бы излишней скромностью промолчать и ещё об одном решающем пороке “Камергерского переулка”. Его роскошная словесная оболочка, его избыточная демонстрация художественных приемов ни на минуту не позволяют забыть, что перед нами литература и только литература, весьма ограниченная, изменившая каким-то важнейшим задачам, завещанным русской классикой.

Все они: и А. Терехов, и Л. Зорин, и Вл. Орлов, и Б. Евсеев, речь о котором ещё предстоит, — стремятся к оригинальности, на деле соскальзывают в оригинальничание, и все в конечном счёте проигрывают.

Что хуже оригинальности нарочитой, искусственной, если художественное сознание автора лишено естественной склонности к ней? Есть в этом какое-то наивное лукавство, почти подростковое, чрезвычайно удивительное с учётом того обстоятельства, что все авторы, выдвигавшиеся на премию, люди возраста зрелого, а то и просто пожилые. Есть в этом и обыкновенное тщеславие, бахвальство, как личная черта характера, так и черта эпохи.

Нет уверенности и в том, что за всеми подобными ухищрениями стоит поиск единственно подходящей формы художественного существования. Увы, всё смутное, не вполне понятное позволяет скрыть художественную ущербность, столь очевидную в беспощадном свете реализма. Если же учесть, что неясность, причудливость интригует толпу, вселяет в неё трепет (в её случае — синоним уважения), то в этом есть двойной расчёт.

Андрей Волос (род. 1955) не соблазнился этой сомнительной выгодой. Может быть, конечно, он не прочь писать столь же своеобразно, как Гоголь или Андрей Платонов, но оценивает трезво природу своего художественного сознания. Оно вполне реалистическое. И, не боясь прослыть ретроградом, он “ищет счастья на проторённых дорогах”, выбирает реализм в качестве творческого метода.

До сих пор этот метод не вполне освободился полностью от штампов и трафаретных образчиков соцреализма, которые имеют сильную инерцию, диктуют интонационную и художественную фальшь. Оттого и бегут малодушные авторы в полуочерковую, полуэссеистическую прозу, в сатиру, в авантюрный роман, в разного рода сказы. Наиболее расчётливые писатели намеренно используют элементы лубочного стиля, изобретают “новый соцреализм” применительно к новейшим идеологическим сюжетам. Красноречивый пример — проза Захара Прилепина, особенно его роман “Санька”, когда нарочитое, юродствующее заглавие является своего рода просьбой извинить интонационную, содержательную и, в конце концов, духовную фальшь книги.

Между тем существует единственное, простое и трудно достижимое условие подлинности соцреализма — естественность. Естественность в изображении и интонации.

Этого закона придерживается Андрей Волос и не ищет какого-либо снисхождения для своего простодушного, но отнюдь не простого творчества. Его “Победитель” — роман реалистический, написанный под влиянием Толстого. Волос не подражает, но пытается, опираясь на толстовскую мощь, согласно своему пониманию отразить жизнь и войну.

Это первый роман задуманной трилогии. Центральное событие романа — 1979 год, война в Афганистане, точнее, те политические и житейские хитросплетения, которые предшествовали советскому вторжению. Историю конфликта автор пытается проследить от самых истоков, от той поры, когда афганское правительство одним из первых признало Советское государство.

Как у Толстого, военные сюжеты чередуются с сюжетами из мирной жизни. Прекрасные главы — подготовка к Московской олимпиаде, одному из последних трагически-фантастических всплесков Советской империи. Грусть и обречённость сквозит в этих главах. На этих страницах Волос набирает большую — и подлинную — лирическую высоту, мало кому из современных русских писателей доступную.

Не утверждаю, что Волос самим фактом обращения к классической традиции автоматически обогащает русскую литературу. Невозможно и даже не-

корректно требовать этого. К роскоши, к “цветущей сложности” русской классической литературы, к её изощрённому рассмотрению человеческой души добавить нечто по-настоящему ценное, неповторимое удаётся очень немногим. Андрей Волос сегодня ещё не в их числе. Но его творчество родственно русской классической литературе по устремленности к “величественному и застенчивому”, в нём есть целомудрие и стремление приблизиться к вечным, единственно важным вопросам человеческого существования. Во всяком случае, чувствуется, что всё им написанное до “Победителя” было лишь сосредоточенной внутренней подготовкой к будущей трилогии. Фактически он ещё в начале пути — и кто знает, к каким художественным открытиям он может прийти в последующих книгах. Об этой надежде не стоило бы говорить, если бы “Победитель” не возбуждал её или, по крайней мере, не обещал большего.

Не слишком склонна к оригинальничанью и Ольга Славникова (род. 1957). Её проза не лишена жеманства, что не должно ввести в заблуждение — это обыкновенное женское жеманство, до известной степени извинительное. Книга О. Славниковой называется “Любовь в седьмом вагоне”, и почти все рассказы, составляющие сборник, так или иначе с темой любви связаны. Но жестоко ошибётся читатель, если решит, что “Седьмой вагон” полон многообразия чувственных переживаний или психологических оттенков вечной темы. Рассказы О. Славниковой действительно разнообразны, но это разнообразие внешнее, причём очень поверхностное. В каждом используется какой-нибудь особый приём: вот нечто, похожее на антиутопию, вот черты детектива, мистического триллера. И всякий раз автор демонстрирует довольно искусные навыки, но в целом это всё остается скорее жанровыми упражнениями, и никогда не поднимается она до настоящего мастерства, до той “игры” навыками и приёмами, какую может себе позволить настоящий мастер, какую позволяет себе тот же Вл. Орлов. Пишет Славникова очень размашисто, поиски точной, единственно верной фразы ей недоступны. Порочное свойство её творчества — пристрастие к приблизительным, художественно недостоверным и порой откровенно пошлым метафорам и сравнениям.

“Там, за овальным, как блюдо, столом, сидели, с видом едоков, восемь человек, среди них одна женщина, в твидовом костюме, с лицом, как мужской ботинок” (“Восьмой шар”); “Майское солнце припекало, как уют, а пьяненький Голубев в поисках подходящего пригорка всё шагал и шагал через нагретые рельсы, застелившие пространство шириной с хорошее речное русло” (“Русская пуля”).

Было время, у нас спорили о “женской прозе” как о самостоятельном литературном направлении. Но, как всё нарочитое, выдуманное, а не увиденное в природе вещей, тема эта довольно быстро исчерпала себя. Мало-помалу стало приходиться осознавать абсурдность деления литературы по половому признаку.

Думается, с этой “общей” точки зрения следует судить и прозу О. Славниковой. Это дурная литература, не лишённая некоторой природной талантливости, но халатная в исполнении и грубая, невоздержанная в чувствах.

Борис Хазанов (род. 1928), чья книга “Вчерашняя вечность” также вошла в шорт-лист “Большой книги”, живёт в Германии.

Это не мешает ему быть автором, широко известным на родине. Его сочинения регулярно публикуют толстые журналы, он почтительно упоминается в критических обзорах, отечественные издательства, которыми движет в первую очередь корысть, не отказывают ему в выпуске книг, несмотря на то, что спрос на них очень невысок как у массового читателя, так и в среде “интеллектуалов”.

С Хазановым “считаются”, Хазанова “уважают”, но подлинного интереса не проявляют к его творчеству даже те, кто формально ему благоволит. Ему поистине обидная “досталась доля”, которая ещё раз была подчёркнута участием в “Большой книге”, где его обошли стороной. Поделом? Возможно. Не уверен только, что его проза в каких бы то ни было критериях принципиально уступает тереховской или зоринской.

Помимо названия на обложке книги Б. Хазанова значится: “Фрагменты XX столетия”. Имеется также постскрипtum, где автор как бы извиняется перед читателем и делает это весьма путано: “Предвижу трудности, которые помешают воспринимать книгу как чисто романическое произведение... Трудность чтения книги состоит в том, что это одновременно и рассказ о жизни,

и рассказ о том, как сочиняется роман о жизни. Точка зрения, с которой обзревается романский мир, двоится. Субъект повествования расщеплён, он существует в разных временах и в нескольких лицах; влачит свою земную жизнь и живёт в собственном романе, и вместе с тем размышляет, как ему написать роман”.

Сделай автор подобное признание сразу в предисловии, едва ли многие читатели решились бы взяться за книгу – путаность этих строк вполне изоблачает смутность, непродуманность замысла. Вместе с тем в формальном новаторстве автор раскаивается напрасно. На Западе подобные приёмы используются очень часто. Некоторая изошрённость конструкции, калейдоскопичность времени и пространства придают книге Хазанова необычный вид с формальной точки зрения. Содержание же её самое обыкновенное. Это действительно наудачу взятые описания крупнейших, с точки зрения автора, явлений истории двадцатого века, в основном, современных автору. Сталин и Гитлер, репрессии, война, крушение нацистского, а потом и коммунистического режима. Истолкования вполне заурядные. Соединить все эти явления единой художественной нитью, может быть, неочевидной, но внутренне прочной, окинуть их взором с высоты птичьего полёта Хазанову не по силам. Поэтому возникает в книге толчея тем и образов.

Книга “Вчерашняя вечность” отмечена обстоятельством, характерным и для многих других авторов.

Всё пережитое, всё, что знает Хазанов не понаслышке, ограничивает его фантазию. словно очерчен заколдованный круг, ступить за который беллетрист не в состоянии. Этот страх перед жизнью можно заметить в книгах многих авторов, это общее место тех, кто насилует свою бытописательскую, очеркистскую писательскую сущность во имя художественного начала, в котором природой отказано.

Несколько слов о книге Бориса Евсеева “Лавка нищИХ”. Этими заглавными буквами я повторяю название, как оно выглядит на обложке и повторяется на титульном листе. Непосредственно перед текстом – эпитафия из Евангелия: “Блаженны нищие духом ибо их есть Царствие небесное”. “Нищими духом”, видимо, и объясняется эта отметина на обложке. Однако графическим приёмом ухищрения не исчерпываются, книга имеет подзаголовок: “Русские каприччо”. *Capriccio* в переводе с итальянского означает “странность”, “причудливость”. Всё это находит своё отражение на страницах книги. В основу сюжетов положены фантомные эпизоды, героями являются юродивые, блаженные, калеки, а заодно с ними упыри, бесноватые, призраки в человеческом облики.

Надо сказать, усмотреть такой мир – задача нелёгкая. В стране, охваченной “евроремонтом”, – где теперь место домовым, бесам или, напротив, богомолам, убогим, каликам переходим? Автор находчив: большинство повествований связано с пригородной, подмосковной жизнью. Выбор довольно удачный: въезжая к Москву в сумерках или ночью, обозревая фосфорические огни и радужное дрожащее марево, невольно переживаешь это преддверие мегаполиса как нечто колдовское, inferнальное, которое развеивается сразу, едва за окнами вырастают бетонные громады обыкновенного большого города. Покидая Москву, всматриваясь в истерзанный, хаотичный загородный пейзаж, в скопища особняков с безобразием разномастной архитектуры, в окна осиротелых лагун, а потом дивясь на купола древних храмов, ждешь – ангел ли пролетит, или мелькнет когтистая лапа...

В этом промежуточном, пограничном пространстве евсеевские карлики, упыри, и чудачки, и богомольцы выглядят более или менее естественно. Пересказывать сюжеты их тайного, укромного существования – дело неблагодарное и, пожалуй, не деликатное. Читатели, тяготеющие к подобной литературе, смакующие её, в посреднике не нуждаются; кто ищет в литературе глубину и многообразие чувств, ясность и совершенство слога, кому претят смутные нарочитые сказы, тому едва ли внушит доверие какая бы то ни было критическая “подготовка”.

В литературной среде у Б. Евсеева (род. 1951) немало поклонников, о чём свидетельствует хотя бы обложка. Ни авторы, ни издатели не стесняются теперь всевозможных благоприятных высказываний журналистов, критиков, или известных общественных фигур, или звёзд шоу-бизнеса. Необдуманная похвала, однако, отталкивает не меньше, чем грубая лесть. В этом смысле

Б. Евсееву не повезло с рецензентами: ни Лев Аннинский, ни Павел Басинский, стремясь отметить автора похвалой, не знают в ней меры.

“Энергия у Евсеева — внутри фразы, в её тактильности, вкусоности, плотности”, — утверждает ничтоже сумняшеся Л. Аннинский. Охотно подскажу: “тактильность” означает “осязательность”. Меня больше смущает пресловутая “вкусность”. В московской среде эта характеристика литературных произведений нынче в моде, но до сих пор я сталкивался с нею лишь в устной речи, — и вот довелось прочитать. Видно, жевательные инстинкты распространяются теперь не только на гастрономию, но и на произведения искусства, в первую очередь, конечно, на самую доступную её область — литературу.

Бывает ли музыка “вкусной”? Должен ли скрипач играть “вкусно”? “Вкусно” ли поёт Дмитрий Хворостовский?

Но... я не люблю иронии своей. Скажем откровенно: это — отвратительное слово, звучащее, как “котелка колбасы”, уместное разве что в ресторанах среднего пошиба.

Что же, мы подошли собственно к “большой книге”, роману-победителю. Надо сказать, всякий истинный успех заразителен, и нет такого завистника, который хотя бы частичкой души не порадовался заслуженному триумфу. Увы, успех Л. Юзефовича вынуждает вспомнить, что не зря сложилось в античном мире и существует до сих пор понятие — Пиррова победа. Не меньше, чем в военной области, справедливо оно в искусстве. Внешний успех, ловко спланированное внимание к произведению нередко разоблачают его, бросают тень на репутацию автора. Боюсь, это произошло с романом Леонида Юзефовича “Журавли и карлики”.

В это произведение стоит взглядеться чуть более пристально, чем в прочие, — дух “Журавлей и карликов” не был родственен смыслу и духу прошедшего масштабного воспитательного мероприятия.

По своей художественной ценности это средний роман, может быть, выше среднего. Книга находчиво и мастеровито “сработана”. Искусством сюжетостроения и внятным слогом автор владеет в должной мере и находит своим навыкам и возможностям ловкое применение. Ясно с первых страниц, что отмеренную дистанцию он пройдёт с технической точки зрения гладко, нигде не оступившись и не замешкавшись. В финале это и подтверждается. Профессиональная выучка автора вне сомнений.

Отличному ремесленнику, Юзефовичу недостаёт, увы, качеств художественного дарования: изобразительной силы, естественных и зрелых образов.

Название романа имеет отношение к содержанию лишь косвенное. Древний миф о войне журавлей и карликов, запечатлённый ещё в “Илиаде” Гомера, кажется, прорастет в книге неким “величием чувств”. Кажется, миф, как бы заново рождённый, озарит её, хотя бы в самом финале... Между тем это только приманка. Доверчивый читатель наверняка испытает разочарование. Тот же, кто не лишён пронизательности, кто заметит в самом начале, что книга проникнута мещанским духом, который естественным образом исключает сильные и ясные страсти, присущие древнему мифу, не обманется названием, не свяжет и с содержанием никаких особых надежд. Скорее всего, он будет пристально следить за авантюрной линией и забавляться ею.

В романе несколько сюжетных линий, весьма слабо друг с другом связанных. Самое увлекательное повествование — жизнь и необычайные приключения авантюриста Тимошки Анкудинова, самозванца, объявившего себя царевичем Иваном, сыном свергнутого с престола Василия Шуйского. Разоблачённый в отечестве, он вынужден скитаться по Европе, выдумывать головокружительные истории, лгать европейской знати, бывать уличённым, скрываться, менять города и страны... Автор стремится сделать книгу занимательной, — и за счёт причудливых исторических персонажей, будто сошедших со страниц плутовского романа, это удаётся, становится решающей слагаемой успеха.

Не то — в части современности. Эти главы посвящены описанию первых рыночных лет в России. Крах обывательского уклада, растерянность, нищета — всё отражено достоверно и зримо, с множеством точных, характерных подробностей. Здесь автор имел возможность подняться до высокой очерковости, если бы сохранил объективность и непредвзятость историка. Но именно на этих страницах, как на грех, в его интонации, обычно ровной, почти невозмутимой, возникает волнение, появляются следы жалости и обиды. Волнение носит, если так можно выразиться, бытовой характер. Ликующее обилие товаров в ма-

газинах – и пустой холодильник в доме героев, стремительное обогащение соседей – и нелепые, безуспешные аферы бывших научных сотрудников... Могла бы спасти эти страницы ирония, но автор склонен к ней ещё меньше, чем к патетике. Скучность изобразительных средств, узость художественного воображения здесь обнажаются в полную силу.

Историк по образованию, Юзефович неплохо ориентируется в сюжетах прошлого и порою даже склонен “жонглировать” ими; беллетрист, накопивший солидный литературный опыт, он довольно искусно переплетает их с повествованиями о современности. Постоянная смена эпох и впрямь создаёт в романе впечатление некоей неизменности содержания отечественной истории. Но одушевление прошлого, своеобразное воскрешение его и слияние с настоящим требуют страсти, безотчётной творческой самоотдачи, душевной широты и глубины одновременно, чего “умеренный и аккуратный” талант Юзефовича лишён напрочь. Поэтому не только историческое, но и просто человеческое содержание этих глав сводится, главным образом, к произволу, обману, смутам, таящимся, по мнению автора, в самой сущности страны и народа. Я хотел бы, однако, упредить возможное подозрение в очернительстве. Роман насчитывает немало эпизодов, рассказывающих об иноземных нравах, и нравы эти описаны столь же брезгливо-безразлично, как и отечественные. Видимо, автор относится с большим недоверием к человеку вообще, вне эпох, национальностей и политических формаций. Человек как таковой, из крови и плоти, малопривычен для Юзефовича и малоинтересен. Его перо скользит по оболочке человеческого существования, боясь приблизиться к подлинным мукам и подлинным радостям, избегая и бед, и счастливых мгновений. По многим признакам можно догадаться, что глубину явлений он видит, но предпочитает поверхность.

Размышляя над книгой, приходится признать, что главнейшая её черта, её основной духовный порок – обезличенность.

Обезличенность. Скажем определённое, о чём идёт речь. Автор пишет как будто не от своего лица, если этому истёртому выражению вернуть первоначальный и единственно верный смысл: лицо – как душа писателя. В творчестве Юзефовича в полной мере участвуют ум, воля, литературная техника, и очень ограниченно, очень сдержанно – душа, сердце. Иногда ловишь себя на мысли: живым писателем книга создана или умнейшим, высокотехнологичным роботом? Конечно, это приблизительное сравнение, но суть дела передаёт отчётливо.

Конечно, на фоне бесчисленных повествований, где “я” неискушённое, ничего из себя не представляющее, вопиёт, “взывает к небу”, навязывает себя читателю, – на этом фоне книга Юзефовича выделяется своей строгостью и может, на первый взгляд, показаться отрадной. Но именно на первый взгляд – последняя лесть горше первая.

Рачительная трата эмоций, уклончивый обход всякого острого угла, всякой неудобной мысли – не заметит это в книге Юзефовича только слепой... А это, в свою очередь, уже следствие того исключительно прагматического подхода к искусству, той *Sparsamkeit*, – бережливости, – которая так удивительна для нас и непривычна и которая, видимо, очень пришлась по вкусу представлению об искусстве торговцев высокого ранга. Книгу грубо выставили на обозрение как пример письма, достойного сегодняшнего дня. Пример опрометчивый: одним днём судьба её и будет исчерпываться. Глубоко, по-настоящему, эта книга, какими бы её эпитетами ни награждали, сознания не задевает.

“Мимо, мимо – навсегда”.

Репутация любой награды в области искусства теснейшим образом связана с качеством произведений, ею отмеченных. В этом смысле “Большая книга” обречена. Её судьба и судьбы книг, с нею связанных, вполне исчерпываются соображением, высказанным в “Человеческом, слишком человеческом” Фридрихом Ницше: “Многие вещи, события, личности не допускают изображения в малом объёме. Нельзя уменьшить группу Лаокоона и сделать из неё фарфоровую безделушку; для неё необходима величина. Но гораздо реже случается (курсив мой. – И. К.), чтобы что-либо мелкое выносило увеличение”.

И бессмысленно даже задавать вопрос – на чём основано отсутствие в “шорт-листах” “Большой книги” имён Владимира Личутина, Виктора Лихоно-

сова, Петра Краснова, Юрия Козлова и других писателей, без которых невозможно себе даже представить современную литературу. Не для литературы в полном смысле её создана эта премия.

Казалось бы, сколько существуют награды в области искусства, столько же читатели, зрители, слушатели обречены на споры вокруг них, а столкновение мнений, по общему убеждению, как известно, рождает истину. Не таковы, однако, современные премии. Подлинной здесь является только страсть к балагану, при этом публика охвачена ею не меньше, чем устроители, а истина, то есть воплощение художественного совершенства, мало волнует многих дискуссионщиков. Более того, истина нежелательна, ведь балаган соблазняет возможностью им управлять, возможностью извлекать при этом различные выгоды. Новоявленные премии, самопровозглашённые, коррумпированные, служат для потехи публики и одновременно для оболванивания, для окончательного подчинения её потребительской идеологии и, разумеется, для того, чтобы заглушить иные, самостоятельные, литературные голоса.

ДИАЛОГ С АНГЕЛОМ

Аркадий Елфимов. Дмитрий Мизгулин. Утренний ангел. — Тобольск: Возрождение Тобольска, 2009.

Эта книга удивительным образом заключает в себе множество пространств и голосов. Диалог между ними начинается прямо с обложки. Сразу бросается в глаза розовый, вроде бы небрежный, даже случайный мазок кисти художника. Он зацепился за синий прямоугольник с именами авторов (фотохудожника и поэта) и идёт поперёк строгого, серо-стального фона. Авторы словно бросают вызов читателям: “Смотрите! Такая непростая, состоящая из диссонансов, контрастов, противоречий современная жизнь!” Читатель должен понять и увидеть, что прошло время одномерных, плоских решений, традиционных видовых фотоальбомов с аккуратной подборкой хрестоматийных стихов “о природе”. “Получите наш XXI век, наше III тысячелетие!”

Этот диалог вовсе не стремится перейти в площадной, футуристический крик, безоглядно порывающий с прошлым. Потому что среди голосов, собранных в книге, явно слышен голос вечной красоты, чаемого и гармоничного миропорядка, следы которого можно встретить на каждом шагу. Художнику нужно лишь внимательней всматриваться в окружающее. Разговор получается приглушённый, но от этого не менее драматичный.

Откроем книгу почти наугад. Вот трубящий ангел с распахнутыми крылами застыл на шпале башенки тобольского кремля. И тут же, чуть поодаль, с другой башенки ему откликается второй небожитель с опущенными крыльями. А вокруг “небес бесконечных свеченье” (Дм. Мизгулин), покрывших сибирскую землю чистыми снегами (фотография Арк. Елфимова). Как тут не вспомнить! Ведь так громко, на долгие века сказал С. У. Ремезов: “Подобен сибирский град Тоболеск ангелу!” И как подтверждение — в правом нижнем углу книжного разворота улыбается радостная, сияющая “иконка”: юная, весенняя мама на качелях с младенцем на руках. Вот оно, счастье жизни, когда небесное и земное слиты в нераздельном единстве.

Но тревога, мысль о бренности бытия не уходит. Голос поэта Дмитрия Мизгулина на той же странице напоминает: “Вострубят ангелы — пора...” И завершается стихотворение лапидарным итогом:

*Земные дни во мгле верша,
О небе думает душа.*

Диалог продолжается: следующий, чёрно-белый, а точнее, серо-чёрный разворот книги (фотография П. Кривцова) откровенно апокалиптичен. Это статуя поверженного ангела с расколотым крылом, распластавшаяся на земле, на тюках чего-то повседневно-промышленного, рядом с протектором грузовика

и т. п. Как будто всё сказано прямо и без обиняков: жизнь идёт своим жестоко-бессмысленным чередом (“Век шествует путём своим железным...”, как написал когда-то Евгений Боратынский), и ей уже не нужны ангелы и прочие небесные “излишества”. Это подчёркивается и пересекающим пространство разворота, словно процарапанным по фотографии белым электрическим проводом – своего рода приземлённым (заземлённым!) напоминанием о былых небесных грозах с их громами и молниями. Но и тут, в изображении катастрофы обыденного надругательства, красавец-кот, настороженно поместившийся на фотографии по соседству с ангелом, вселяет если не веру, то какую-то надежду: красота и сокровенная теплота жизни всё равно должны избежать зла. Стихи Дмитрия Мизгулина откликаются на эту тему, обличая современную жизнь:

*В царстве срама и хама
Ни любви, ни стыда,
Жили раньше без храма
И теперь — не беда.*

Но поэт всё равно убежден в том, что у беса “слишком коротки руки – не достать до небес”:

*В горних высях струится
Ослепительный свет,
Через эту границу
Никому хода нет.*

Это стихотворение как бы всплывает на рябоватую поверхность водной глади вместе с царственно-нарядными кувшинками. И фотография Арк. Елфимова служит ему не иллюстрацией, а подтверждением, но на другом художественном языке: мир прекрасен в каждом своём живом проявлении, потому что он Божий. Порукой тому православный крест на заснеженной равнине в “иконке” в правом нижнем углу книжного разворота, строгая графичность которого “утепляется” человеческими следами на белой глади и такой “домашней” скамеечкой у подножия креста.

Книга “Утренний ангел” распахнута навстречу миру, сложному и многообразному. Тут и ледяные торосы причудливо громоздят толпы белых фигур, вытянувшихся навстречу весеннему солнцу. И раздолье речных половодий, и виды сибирских городов с высоты птичьего полёта, и захватывающие дух полевые просторы с оранжево-жёлтыми вспышками осенних лесов и урочищ, и хрустальная чистота зимнего неба, словно замершего в восхищении перед красотой, открывшейся ему на земле. Постепенно диалог разрастается, захватывает новые пространства и дали, прошлое и настоящее. Появляются могучие, явно доисторические раскидистые деревья, стройные храмы и приземистые крепости, цветущие сады и луга, заиндевшие от сурового мороза старинные ворота и калитки, столбы дыма над крышами домов и утренние туманы над рекой. Книга превращается в фантазмагорию цвета и красок, времён года, разнообразных оттенков и полутонов, грандиозных панорам и мельчайших деталей (фотографии Арк. Елфимова).

Тут и Пушкин-лицеист скульптора Г. Додоновой, который изящно и привольно раскинулся на лужайке под кронами уже отцветшего яблоневого сада в Михайловском. И деревянное многоглавие Покровской и Преображенской церквей в Кижях, запечатлённых на дальнем плане, а впереди – потемневший от времени величественный дом-корабль Ошевнева с опоясывающими его резными галереями и балконами, оконными наличниками и причелинами (фотографии П. Кривцова). Всё это называлось и называется по-разному, но обозначает одно: Русь, Российская Империя, Советский Союз, Россия, Отечество, Родина.

Совсем неслучайно автор предисловия к книге Валентин Курбатов завершает статью словами о “труде, мужестве и русской ясности пути под родным небом”. В свою очередь Сергей Небольсин в послесловии вспоминает о тайне прекрасного, увиденного “по наитию ангела, а не просто житейским взглядом”. Ведь “каждый несёт в себе тайну, высказывание же о её неразгаданности – только намёк словом или светотенью”.

Вновь и вновь на страницах книги Аркадия Елфимова и Дмитрия Мизгулина появляется тобольский ангел, то вздымающий трубу к небесам, то опускающий её долу. Ему с таким же упорством и настойчивостью отвечает поэт:

*Догорают времена и даты
На закате сумрачного дня.
Радостно молюсь и виновато.
Господи! Не оставляй меня!*

*Пусть в ночи моя истает свечка,
Но очнусь счастливый поутру,
Чуя, как дрожит моё сердечко,
Как душа трепещет на ветру.*

Владимир Гуминский

РОДНАЯ РЕЧЬ

“Зорю бьют”, а в руках всё ещё солидный том из собрания сочинений Александра Николаевича Стрижева*. О чём только не пишет этот удивительный сказитель и сказочник, натуралист и бытописатель, жизнелюб, знаток тайников и таинств души человеческой.

“Добрый талантом” одарил Господь этого замечательного русского писателя. Кажется, всё ему под силу. Чего бы ни коснулось лёгкое перо Стрижева, всё как-то само собой выходит. Однако это лишь наше теперешнее впечатление, впечатление от подлинного мастерства, а за ним – годы кропотливой работы, настоящего литературного делания, труда долгого, но многоплодного.

В издательстве “Общество сохранения литературного наследия”, наконец, вышло объёмистое, пятитомное собрание сочинений А. Н. Стрижева, объединившее произведения самых разных жанров, созданные за сорок лет творческой деятельности писателя. Перед нами настоящая “энциклопедия русской жизни”, нашей с вами жизни, читатель. Той самой глубинной, что ещё дышит в толще народной, что хранит ещё русский дух – жизни, что “Русью пахнет”...

Всякий раз, когда слушаешь этого радостно дарящего сокровища души своей человека, невольно ловишь себя на мысли: чего только он не знает! А знает он просто жизнь, во всех её проявлениях и явлениях, во всей её пестроте и многообразии. Разные грани её раскрываются в сочинениях Стрижева – здесь доброе и жестокое, трагическое, забавное и наивное, смешное и грустное, и вместе – всё очень серьёзно, значимо, всё представляется важным. Удивительно тонким чувством прекрасного наделён этот коренной русский человек, плоть от плоти народной. В каждом слове его дышит неизбывная любовь к Отечеству, к многострадальной и прекрасной России, к великому и могучему языку русскому. Читать А. Н. Стрижева интересно! Прерываться не хочется. Медленно скользишь вместе с ним по волнам памяти и понимаешь, что это твоя родная память “милрой старины” и недавнего прошедшего, а то и совсем близкого, чего-то порой неуловимого, но такого трепетного, нежного и дорогого.

Три тома собрания – “Народный календарь”, “Русское разнотравье” и “Русские грядки” целиком посвящены нашей природе. Писать о ней можно по-разному. Сказы же Стрижева наполняют душу живыми картинками, веселят сердце, тонким лиризмом дышат его пейзажи. В этих рассказах и очерках автор выступает как писатель-натуралист, блестящий знаток-фенолог, природовед. Он буквально следует завету преп. Иоанна Кронштадтского: “Рассматривайте, братие, премудрое устройство растений и познавайте в них Бога”. Ибо, как справедливо замечает сам писатель: “Растения дышат, оживотворя-

* Стрижев А. Н. Собр. соч. в 5 т. М., 2007. В дальнейшем ссылки даются по настоящему изданию, номер тома и страницы указываются в тексте статьи.

ья Святым Духом, набираются сил, расцветают и плодоносят, давая продолжение потомству” (II, 525), дарят нас чудной радостью бытия, первозданной трепетной красотой, затейливыми тайнами, учат нас жизни богоданной. И везде, в каждой травинке, в каждой былинке, в каждом открытом личике цветка говорит премудрость Творца.

Наугад раскрываю второй том сочинений Стрижева – очерк “Колокольчики”, и вот его начало: “Колокольчики звенят! Выйдешь росным утром на луг и опешишь: не́кони сплошь подёрнулись лиловым и голубым. Вот истинно: “заметался пожар голубой”. Рослые, изящные растеньица раздались в стороны и так славно расправились, что едва не затмили другие цветы. Пока занималось солнце, и ветерок пробежками резвился, свежие колокольчики и впрямь будто легонько названивали” (II, 177). Или “Ландыш”: “Зелёными чертогами предстали поющие леса, и с каждым днём всё краше, прелестнее. <...> А как начали смыкаться широколиственные вершины и установилась укромная тень, лес упоительно заблагоухал ландышем. Нежный застенчивый цветочек сразу же оказался наипервейшим в зелёной обители. И чудится, что только ему по силам состязаться с премьером весны – соловьём в воспевании радости обновления” (II, 212). А вот, к примеру, лопух: “Есть ли среди наших трав что-нибудь обыкновеннее лопуха? <...> Жилистый, мясистый с краснинкой ствол, поставленный прямо и основательно – не столкнёшь тележным колесом, тёмно-зелёные листья, распластанные противнями, тяжёлые черешки. Весь облик лопуха являет собой силу, как являет её медведь, пестун природы. Кстати, учёное название лопуха *arctium* происходит от греческого слова *arctos* – медведь; так наречено растение ещё в античные времена. Зелёный медведь спокойно дремлет за оградами усадеб, скрывая от зноя наседок с цыплятами, лягушек, жужелиц и всякую иную живность” (II, 216).

Ароматная, благовонная и такая сочная проза! Каждая картинка чётко прописана и вместе поэтично, легко и изящно. Тут же и подробные ботанические характеристики трав и цветов, их целебные свойства, их живое упоительное дыхание. И невольное утопаешь, читая неотрывно страницу за страницей, в океане русского разнотравья. “Как только не благоухают горячие травы пустыря и пустоши! Полдневный воздух – знойный и тягучий – тут наособицу горек, прян и душист. Кажется, все эти рослые и жёсткие поселенцы залежной земли разом взялись источать один крепкий чадящий дух, которым так славно зрелое лето. И всё же заросли пижмы пышут по-своему, слышите в бурьяне этот густой камфорный запах? А разотрите щепотку жёлтых корзинок или перистый листочек – вас и подавно обдаст пряная горьковость пижмы” (II, 304). Воистину *благорастворение воздухов*...

Пожалуй, эти три тома (I, II, III) являют собой *неспешный роман* о благодатном лете Господнем, о богоданной русской природе, каждая страница которого источает свет и добро – мудрость народную, наблюдательность натуралиста, красоту живого русского слова, силу крестьянского духа. *Роман* этот учит любить мир Божий, бережно относиться к младшим братьям нашим, ибо и неприметная былинка и самая малая птаха суть создания Великого Творца, и, узнавая их, мы прозреваем беспредельную Истину, сокрытую в каждом из нас.

Четвёртый том – публицистика: здесь собраны разнообразные по проблематике этюды, статьи, разыскания, а завершают его труды, по сути, уникальные – это библиографии, составленные А. Н. Стрижевым. Автор хорошо известен в этой области *скрупулёзного и дотошного* научного делания, требующего настоящего таланта *следопыта*. Итак, тут и свод трудов о св. Димитрии Ростовском, св. Иоасафе Белгородском, преп. Серафиме Саровском и св. праведном Иоанне Кронштадтском; очерк “Фома Кемпийский в России” с приложенной библиографией, а также максимально полный указатель литературы о творчестве выдающегося русского поэта В. К. Тредиаковского.

Из других разделов этого объёмистого тома (640 с.) хотелось бы ещё подробнее остановиться на первом – “Детское чтение” и втором – “Литературная студия”.

Светлым ангелам посланье – так назовём очерки и этюды, написанные Стрижевым специально для детей. Любовью и добротой буквально переполнены их страницы. Открывает же раздел прелестная зарисовка “Радонежские травы”, что совсем разумно и закономерно – именно о Сергии, драгоценном Сергии, игумене Земли Русской, с первых сознательных дней жизни своей

должны умом и сердцем *знать* русские дети, и особенно насельники некогда великого княжества Московского. И как чудесна композиция этого почти нестеровского рисунка, ей-Богу, невольно вспомнишь “Видение отроку Варфоломею”. На первом плане высокие земляные валы, некогда прятавшие “дrevяноград” – детинец. И тут же автор восклицает: “Как же благолепно возвышался Радонеж тогда, в седой глубине веков...” (IV, 5); и тут же вдыхает дыхание жизни в застывшие картины прошлого, напоая их воздухом радонежского разнотравья, каким и поныне дышим: “Летом обвевался градец смолистым воздухом, пропитывался духмяными травами...” (IV, 5). И тут же память писателя вызывает образ преподобного: “Исхожены эти окрестности святым отроком Варфоломеем, исполнившим волю Божию стать игуменом всея Руси Преподобным Сергием Радонежским. С времён святого Сергия, а позже с смутных лет польского разорения пронесли века. Ни детинца, ни посада не пощадил всепожирающий огонь давнего лихолетья. <...> Живым приветом старины покажутся благовонные травы, растущие на этих валах. Как возвеселится и дрогнет сердце паломника, как отзовется весь он терпкой болью воспоминаний, когда на склоне твердыни сорвет стебелёк душицы! Вдохнёт – и всего пронизет потрясающий запах” (IV, 5). Вот и всё, а далее начинает работать второй план, такой же, как у М. В. Нестерова. Только у художника дивный пейзаж так и остаётся как бы затихшим пред свершающимся чудом. У Стрижева же – вдруг удивительно оживает, и радонежские травы начинают говорить с нами своими, давно забытыми городским жителем, именами, а главное – тонкими, чистыми запахами вечного покоя, тайнами *зде пределов лежащих*. Тут и душица, и пупавка красильная, клевер, очитки–заячья капуста, колокольчик, зверобой, золотарник, короставник полевой... и царь-трава – седая полынь. И её “портрет” серебристым терпким аккордом венчает всю картину: “Седая полынь на древней земле придаёт особую суровость остаткам боевой твердыни. Радонежские травы пускают ароматы, и запах их дик и волен, как даль веков, с коей они сопряжены валами...” (IV, 6).

Да и сами названия очерков и рассказов для детей ласковые, романтично-сказочные: “Цветок былинного Садко”, “Золотые ключики тепла”, “Пчела – Божья работница”, “Святая птица”, “Травка Божией Матери”, “Осени порывы золотые” и т. д. И каждый этюд воистину маленький шедевр, учащий любить и дарить любовь ближнему. Завершают первый раздел тома рассказы о дореволюционных детских журналах “Задуманное слово”, “Родник”, “Игрушечка”, “Тропинка”, “Незабудка”. Это были замечательные, познавательные, добрые издания, и, в известном смысле, Стрижев как раз в своих очерках продолжает традицию русской детской книжности. К примеру, рассказ о журнале “Незабудка” начинается авторским переложением наставлений первого номера этого журнала, который вышел в январе 1914 г. Оно настолько характерно в целом для отечественной традиции православной книги для народа, и в то же время настолько соответствует общей тональности сочинений А. Н. Стрижева, что позволим себе привести этот зачин полностью. “Среди благочестивых людей существует предание, что Ангелы, пролетая над землёй, роняют на неё голубые цветы, чтобы люди не забывали о небе. Оттого эти цветы и называют незабудками. Есть и другое предание о незабудке.

Было это давно, давно, в первые дни творения. Только что создан был рай, и прекрасные, благоухающие цветы зацвели первый раз. Сам Господь проходил по раю и давал цветам название. Но один маленький голубой цветочек, устремив в восхищении своё золотое сердечко к Богу и не думая ни о чём, кроме Него, позабыл своё имя и смутился.

От стыда зарумянились кончики его лепестков, а Господь посмотрел на эту травку ласковым взором и промолвил: “За то, что ты забыл себя ради Меня, Я тебя не забуду. Называйся впредь незабудкой, и пусть люди, глядя на тебя, также научатся забывать о себе ради Меня”. Забывать о себе ради любви к Богу и ближним – это великое счастье. Жизнь хороша и счастлива только тогда, когда её красит любовь: любовь к Богу, к людям, к природе, словом, ко всему Божьему миру” (IV, 60–61).

А в разделе “Литературная студия” – повествования о творческих судьбах забытых поэтов Евгения Милькеева, младшего современника А. С. Пушкина, Сергея Бехтеева, чья наследие совсем недавно было возвращено нашей читательской аудитории, о русской духовной поэзии; здесь же собраны уникальные материалы о творчестве Евгения Замятина, исследованием

творчества которого Стрижев занимался задолго до того, как книги писателя вновь стали выходить в России.

Определённый интерес для любителей родной словесности представляет и небольшой словарь “Говоры моей сторонки”, помещённый тут же и знакомящий со своеобразной лексикой села Тарадей Шацкого района Рязанской области. В этом-то селе и прошло детство писателя. Учителем его стала сама жизнь, о чём и рассказывается на страницах автобиографической повести “Хроника одной души” (т. III). Характерны, по-стрижевски сочны названия частей её: “Земное верстание”, “Калач приестся, а хлеб никогда”. С особой любовью здесь выписан милый образ бабушки, Авдотьи Павловны, которая и давала первые наставления отроку. Рассказ начинается с яркой зарисовки летней грозы: “Свинцовые облака перекубились, сползли в одну тучу. Полнеба заволочла темь, отняв у земли свет и радость. Резво накатываются ветры на старые вётылы, и купы кипят, кипят. Гром ахнул отрывистый, решительный. Началась гроза” (III, 5). И эта гроза как бы предсказывает очень и очень непростую жизнь героя, впрочем, как и тернистый путь миллионов его соотечественников – разорённого русского крестьянства, начинается война...

Следует подчеркнуть, что в целом художественная проза А. Н. Стрижева отмечена зоркостью и искренностью, подлинным знанием народной жизни, коренной Руси, её быта, нравов сельчан, а язык отличается особым местным колоритом, ярко-своеобразен. Воистину, читая эту удивительную “Хронику”, постигаешь настоящее богатство родного наречия нашего, и невольно вспоминаешь, как писал великий Гоголь, что “нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово”*.

В этом же томе помещена серия очерков “По следам Сергея Нилуса”, о творчестве которого в самом начале 80-х гг. стал писать именно А. Н. Стрижев. Архивным и библиотечным разысканиям предшествовали самые настоящие поисковые экспедиции; исследователь посещал места жизни С. А. Нилуса, нашёл его могилу в селе Крутец, близ г. Александрова – а сегодня это место паломничества почитателей таланта писателя.

А. Н. Стрижеву вообще принадлежит почётная и завидная роль первооткрывателя забытых имён. Очерки о писателях Леониде Денисове, Евгении Поселянине, Василии Никифорове-Волгине и Леониде Зурове, Вл. А. Маевском, художниках Елизавете Бем, Михаиле Гермашеве, Николае Каразине, Сергее Соломко и Сергее Виноградове удачно дополняют третий том собрания сочинений Стрижева.

Весьма интересны и рассказы о писателях-натуралистах (т. IV); опять почти неизвестные имена: охотовед кн. Андрей Александрович Ширинский-Шихматов, автор книги “Медведь и медвежья охота” (1927), Дмитрий Никифорович Кайгородов – поэт леса, Мария Дмитриевна Менделеева – эксперт-кинолог, создатель уникального словаря (“Простонародные названия русских растений Москвы”, середина XIX в.), Николай Иванович Анненков...

Весь корпус очерков о забытых строителях русской культуры – а ведь они настоящие *dii minores* общенародного интеллектуального фундамента – является подлинной жемчужиной творчества А. Н. Стрижева.

Несомненно, благородная миссия будителя национальной памяти промыслительно возложена на рамена этого замечательного писателя и человека, патриота Отечества и народа русского, хранителя традиций нашей родины, культуры, веры православной. Честь ему и хвала. Многая лета, дорогой Александр Николаевич!

Наталья Масленникова

* Гоголь Н. В. Собр. соч. в 6 т. М., 1949, т. 5, с. 109.

“ЛУЧШЕ БЫТЬ ВИНОВАТЫМ, НО ЧЕСТНЫМ”

Тюленев И. Н. Альфа и Омега на цепи. Избранное. — М.: Голос-Пресс, 2008. — 464 с. Тираж 1000 экз.

В избранной книге стихов пермяка Игоря Тюленева “Альфа и Омега на цепи”, как в большом лесу, есть всё — и хорошее, и плохое.

Поскольку мы, русские писатели, хорошим вообще не избалованы, начну с плохого. Ну, во-первых, мне активно не понравилось название. Что оно означает? На какой цепи сидят тюленевские Альфа и Омега? И почему?

Оказывается, перед нами — перефразированные строки из стихотворения, открывающего книгу:

*Одна властительница степь —
Ни кустика, ни человека,
Как будто Альфа и Омега
Вот здесь посажены на цепь.*

Не скрою, более понятным, чем “А и Б сидели на трубе”, эта метафора название книги для меня не сделала. “Альфа и Омега” сами по себе являются онтологическим символом, так зачем же еще сажать их на цепь? Я, конечно, не поэт, а прозаик, но предпочел бы взять название из другой строфы этого стихотворения:

*Над степью пролетит орёл,
За горизонтом приземлится...
Какой же на Руси простор:
Всё пропадает — взгляд и птица.*

По-моему, “Всё пропадает — взгляд и птица” — название получше “Альфы и Омegi на цепи”. А еще лучше — просто “Взгляд и птица”.

Во-вторых, есть в любовной лирике Тюленева некое гипертрофированное ухарство и молодечество, более уместное в рассказах собутельникам о своих амурных похождениях, нежели в стихах:

*Как поршень в цилиндре, как в горле “беретта”,
Останусь в тебе до окраски востока.
Сердца наши громче стрельбы из мушкета,
А проводница страшнее бульдога.*

(“Четвертый вагон”)

“Беретта”, как я понимаю, это автоматический пистолет, причем довольно больших размеров. Засунуть его ствол в рот человеку и держать “до окраски востока” никак не получится — человека стошнит. Такова, извините, физиология. И любой, кто знаком с ней, не сможет разделить любовный восторг лирического героя Тюленева. Не могу также оценить метафору с мушкетом, потому что никогда не слышал стрельбы из этого оружия. И Тюленев, я подозреваю, тоже. Понятно, конечно, что мушкет стрелял громко. Но громко стреляло любое старинное оружие — аркебуза, например. Получается, что “стрельба из мушкета” была нужна автору исключительно для рифмы с “береттой”, засунутой какому-то несчастному в горло.

Другой пример:

*Как Святогор, сто раз подряд
В щель гробовую брошу семя.
Кто может круче написать?
Пускай напишет... если сможет.
У президента меньше власть,
Чем у разжатых женских ножек.*

(“Любовь с похмелья”)

Кто же может “круче написать”? Ответ прост: вероятно, тот, кто напишет, что Святогор “в щель гробовую бросил семя” двести или триста раз подряд. . .

Ну и, в-третьих, не очень-то удачным, мягко говоря, выглядит соседство подобных стихов Тюленева со стихотворениями “Свято-Введенский Толгский женский монастырь”, “Троица”, “Да, мы подобье, Господи, Твое!..”, “Всё дальше от тропы Господней...”, “Храм Покрова”, “Иордан”, “Вербное воскресенье”, “Серафим Саровский”. Может ли вообще объединена под одной обложкой любовная и духовная лирика? Примеров тому сколько угодно — в том числе и у классиков. Но стихи у них обычно со вкусом распределены по тематическим или хронологическим циклам. А у Тюленева всё идет в один подбор — от первой страницы до последней. Эта мешанина и эклектика навели меня на мысль, что избранные книги стихотворений после советских времён составлять разучились — и сами авторы, и их редакторы.

Да и, признаюсь, не воспринимается эта книга как избранное. Например, поездке поэта во Францию (судя по всему, недавней) посвящено аж 22 стихотворения, а в настоящем, полноценном избранном можно было бы, по совести говоря, и вовсе обойтись без них, потому что все они не очень удачные (я так и не понял, например, образ на с. 268 — “сравнил ботинок своей гондоном”), хотя и проиллюстрированы неплохими рисунками автора. Наверное, поэту, побывавшему в Париже, трудно удержаться от того, чтобы не написать об этом стихи, но следует помнить, что съездить в Париж нынче не такая уж проблема, как, скажем, в советские времена, поэтому о Франции нужно писать что-нибудь более существенное, чем просто туристические впечатления.

Покончив с плохим, с удовольствием перехожу к хорошему. У каждого поэта есть запас бесценных впечатлений, которые делают его творчество неповторимым — а лучше или хуже, чем у других поэтов, в данном случае не так уж и важно. Мы не на соревнованиях! Есть такое впечатление и у Тюленева, и это впечатление не парижское.

*Лесной поселок. В окнах Кама.
И у завалинки втроем —
Отец с сестрёнкой, рядом мама,
А я сбежал за окоём.*

*Вернуться в круг бывлой стараюсь,
Скользя по жизненному льду...
И всё же, сколько ни пытаюсь,
В тот объектив не попаду.*

(“Фотография”)

Поэзия там, куда сбежал будущий поэт, — за окоёмом видимого мира, и вот когда он извлекает впечатления оттуда, из недостижимого жизненного Зазеркалья, и рождаются настоящие стихи.

*Целовались мы за лесопилкой
В прошлом веке на закате дня.
Твоя шея с тоненькою жилкой
Безрассудным сделала меня.*

*А потом мы воду из колодца
Пили, оглушенно хохоча!
В прошлом веке догорало солнце
С треском, как бенгальская свеча.*

*Если б я тебя любил, к примеру,
Сразу потускнели б наши дни.
Не вздыхай — я женщинам не верю,
Потому что женщины они.*

(“Лесопилка”)

Кто-то скажет, что стихи эти простоваты. Зато в них живет подлинное чувство. Я, безусловно, предпочту их тюленевскому Святогору, по-богатырски “сто раз подряд бросившему семья”. Тем более что творческие удачи Тюленева связаны не только с миром городских окраин, где “вечер тихой песнею над рекой плывет”. Он ученик Юрия Кузнецова, и в лучших стихах — например, в “Беседке Барятинского в Гунибе. 1859 г.” — умело применяет метод учителя.

*Вот здесь Барятинский сидел,
Курил ореховую трубку,
И дым, похожий на голубку,
Летел в неведомый предел.*

Этот дым от трубки победителя Шамиля превращается в конце стихотворения, по классическому закону “возрастания метафоры”, в небесную дымку над Россией, в “мировой эфир”:

*По склонам гор течёт эфир
Прозрачной голубой лавиной,
Над Родиной необозримой
Из дыма ткётся хрупкий мир.*

Тюленев научился у Кузнецова и искусству поэтической притчи. Особенно ярко это проявилось в стихотворении “Вина”:

*Сколько быть без вины виноватым?
Отыщу за сараем лопату,
Закопаю вино глубоко...
— Повинись! — мне кричат фарисеи,
Вторят им всех времен лицедеи...
Закопал, но не стало легко.
— Откажись от великой идеи,
Отрекись от великой Расеи... —
Этот гомон зашел далеко.*

*Лучше быть виноватым,
Но честным,
Взял лопату,
А место известно.
Откопал...
А там нет ничего.*

А ведь так оно и было еще в недавние времена: “Откажись от великой идеи, Отрекись от великой Расеи...”! Мы, очевидно, “виноваты” одним тем уже, что существуем. На самом же деле мы не только ни в чем не виноваты, мы держим на своих плечах весь мир, а мир, по стародавнему ветхому закону, призывает нас за это распять. Философ, публицист испишут на эту тему десятки страниц, а поэт воскликнет: “Да пропадите!.. Не отрекусь! Лучше быть виноватым, но честным!”

И действительно – кому надо искать вину, пусть тот ее и ищет. Плевать на вас! А мы будем искать правду, как искали ее искони. “На свете нет лекарств противу клеветы, // Нам надо честно жить и презирать злословье”, – как писал в “Тартюфе” Мольер.

Мне нравится эта черта в Тюленеве-поэте и Тюленеве-человеке – здорового презренья к злословью врагов. Ему неведом плебейский, рабский комплекс вины перед “клеветниками России”. И впрямь: вы нам, господа нехорошие, не суд и не прокуроры, а стало быть, мы не нуждаемся и в адвокатах.

*Оставьте нас: вы не читали
Сии кровавые скрижали...*

Этого пушкинского миропонимания так не хватает многим “плачущим” поэтам-патриотам! У Тюленева оно есть. Его пафос – пафос русской победы. И будет жаль, если он разменяет его на поэтическую решительность другого рода, – когда сравнивается “ботинок с гондоном”, а похмельный герой постельных сражений – со Святогором. “Это тебе надо оставить”, – как сказал в моем присутствии Игорю Тюленеву один литературовед. И добавлю – оставить как можно скорей. Крупный поэт идет от чувственности к высокому чувству любви, а если он вместо этого, презрев почтенные лета, продолжает пасть на лужайках сладострастья – это его поражение.

Андрей Воронцов

НАКАНУНЕ “ЮВЕНАЛЬНОЙ” КАТАСТРОФЫ

Навязываемая России “ювенальная юстиция” западного образца разрушает семьи, растлевает и дестабилизирует общество

Пока СМИ пугают нас страшными историями о терроризме, криминале и катастрофах, самая настоящая катастрофа (пришедшая, как всегда, с Запада) уже стоит буквально у нашего порога. Имя ей – “ювенальная юстиция”. Ввести это “передовое западное новшество” Россию обязывают недавно подписанные ею международные соглашения.

О чём речь? Формально – делается всё для “защиты прав ребёнка” – от “садистов-родителей”, “плохих” учителей и “чересчур суровых” к малолетним преступникам законов. То есть до 18 лет преступник считается “ребёнком”, и за преступления его предлагается не сажать, а “перевоспитывать” через разнообразные “программы реабилитации”. Запад и ООН уже высказали пожелания, чтобы “злые спецслужбы” России захваченных на Северном Кавказе бандитов и террористов, не достигших 18-летия, не сажали, а приобщали к общественно-полезному труду для исправления. Тот же подход планируется к “несовершеннолетним” наркоторговцам, грабителям и убийцам: беседы с психологом, спортивные секции, уборка улиц и т. п. Представьте себе, что может начаться уже завтра на наших улицах, если подобное станет реальностью! Кто не может – пусть вспомнит, что безнаказанно творили банды подростков из “иммигрантских” районов во Франции, где “ювенальное правосудие” действует уже 20 лет: сотни сожжённых машин, иногда – вместе с водителями. . .

Но это всё ещё – цветочки! Навязываемая нам “ювенальная система” западного образца предусматривает введение повсеместно (в том числе в школах) должности “уполномоченных по правам ребёнка”, собирающих доносы детишек, “обиженных” на родителей и учителей за “нарушения прав ребёнка”. Что при этом понимают “западные стандарты” под “нарушением прав ребёнка”? Всё что угодно. Отшлёпал ребёнка (или пригрозил отшлёпать). Не разрешил смотреть порносайты. Заставил убирать в своей комнате или делать зарядку по утрам. Запретил курить “травку” или не дал карманных денег столько же, сколько родители дают одноклассникам. Не позволяешь общаться с “педиками” или “дурной компанией” и т. п. Недосмотрел, как “оставленный без присмотра” 14-летний “ребёнок” набил во дворе шишку – себе или товарищу. За всё это по рапорту “омбудсмена” ювенальные суды смогут принимать решения об ограничении родительских прав, вплоть до принудительного изъятия детей у “плохих” родителей. Решения суда обязательны для исполнения всеми, и даже президент страны не будет вправе их оспорить.

Всё это – не страшная сказка. Именно так живут Европа и США, где “ювенальная юстиция” уже введена практически повсеместно. Число отнятых детей измеряется там миллионами. То же хотят постепенно сделать и у нас. Кто

хочет? В России за проталкиванием “ювенальной юстиции” стоят те самые силы, которые, исправно получая зарубежные “гранты”, также проталкивают у нас:

защиту прав сексуальных меньшинств, предоставление им права пропагандировать открыто свой образ жизни, заключать легальные “браки” и усыновлять детей;

легализацию “лёгких” наркотиков, метадоновые программы (выдачу потребителям героина “менее опасного” синтетического наркотика – метадона), бесплатную раздачу молодёжи “чистых” шприцев и презервативов;

программы сокращения рождаемости, пропаганды ранних сексуальных отношений и свободы аборт, “секспросвещение” детей буквально с детского сада;

недопустимость принудительного лечения наркоманов и алкоголиков, ужесточения наказаний за педофилию, детскую порнографию и пропаганду сексуальных извращений;

фактическую легализацию розничной наркоторговли (закон, освобождающий от наказания тех, при ком найдут до десяти героиновых “доз” – а розничные наркоторговцы при себе за раз больше и не носят).

Теперь эти люди решили влезть в наши семьи и школы, поучая нас, как воспитывать наших детей. Они говорят нам, что “ювеналка” делается ради защиты малышей от садистов и педофилов. Но при этом почему-то смертной казни для этих тварей не требуют. Демонстрируют страшную статистику убитых и изнасилованных извергами детей. Но при этом стыдливо молчат, что до 70% таких преступлений совершается лицами “нетрадиционной ориентации”, права которых они же всегда защищают. Уверяют, что существующая система защиты детей не работает. Но предлагают не сделать её работающей, а построить ещё одну, новую систему, которая на Западе есть, и ТОЖЕ НЕ РАБОТАЕТ!

Только не надо думать, что влезать в семьи будут исключительно к многодетным пьяницам и родителям-садистам, бьющим и насилующим детей! В той же Франции “ювеналы” уже отобрали сотни тысяч детей, причём их жертвами становятся семьи любой религии, любого социального положения и любого достатка. Ни “рублёвские” заборы, ни связи, ни деньги – ничто не в состоянии их остановить. Ведь более совершенной системы шантажа и вымогательства денег у родителей, не желающих лишиться детей, чем “ювенальная система”, невозможно придумать! Причём бороться с этим злом или куда-то жаловаться тоже не получится: ведь и у следователя, и у прокурора, и у судьи тоже есть дети, которых можно отнять – например, по доносу соседей.

Россию и всех нас, без преувеличения, хотят “взять за горло”, развратив и противопоставив родителям ещё одно “потерянное поколение”. Кстати, когда на Украине родительская общественность узнала, что именно им хотят подсунуть под названием “ювенальная юстиция”, то подняла такую бучу, что Рада отклонила соответствующий закон, уже принятый в двух (!) чтениях.

Неужели мы любим своих детей меньше, чем украинцы?! Неужели позволим разрушать наши семьи и отнимать наших детей, добить школу и заполнить улицы наших городов безнаказанно действующими молодёжными бандами?

Сегодня ряд общественных, православных и родительских движений по инициативе движения “Народный Собор” объединился для борьбы с надвигающимся на Россию злом. Мы собираем всех неравнодушных. Если судьба ваших детей волнует вас – присоединяйтесь!

Общественный Комитет по защите семьи, детства и нравственных ценностей

Наши контакты:
Тел.: 8-901-518-35-19; 8-926-527-18-69.
E-mail: edinstvo65@bk.ru.